

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 1 2022

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 1 2022

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, член-корр. РАН, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:

канд. ист. наук *М.Ш. Галимова*

Редакционная коллегия номера:

Бессуднов А. Н., к.и.н., доц. (Липецк); **Галимова М. Ш.**, к.и.н. (Казань); **Жилин М. Г.**, д.и.н. (Москва); **Колесник А. В.**, д.и.н., проф. (Ростов-на-Дону); **Королев А. И.**, к.и.н., доц. (Самара); **Мартинез Фернандез Г.**, д-р, проф. (Гранада, Испания); **Мосин В. С.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Павлик А.**, д-р, проф. (Кесон-Сити, Филиппины); **Разгильдеева И. И.**, к.и.н., доц. (Чита); **Чаиркина Н. М.**, д.и.н. (Екатеринбург).

Приглашенные редакторы:

Валиулина С.И., к.и.н., доц. (Казань),
Нуретдинова А.Р. (Казань)

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrastep.ru>

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»

Выходит 6 раз в год

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 1 2022

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaïck Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editor:

Candidate of Historical Sciences **Madina Sh. Galimova**

Editorial board:

Bessudnov Alexander N., Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Lipetsk); **Galimova Madina Sh.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Zhilin Mikhail G.**, Doctor of Historical Sciences (Moscow); **Kolesnik Alexander V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Rostov-na-Donu); **Korolev Arkady I.**, Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Samara); **Martínez Fernández Gabriel**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Mosin Vadim S.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Pawlik Alfred**, PhD, Associate Prof. (Quezon-City, Philippines); **Razgildeeva Irina I.**, Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Chita); **Chairkina Natalia M.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg).

Guest editors:

Valiulina Svetlana I., Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Kazan),
Nuretdinava Alsou R. (Kazan)

Executive Secretary: Antonina S. Bepalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
<https://www.evrazstep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Каменный век и эпоха раннего металла

Морозов В.В. (Москва, Россия), Лыганов А.В. (Казань, Россия), Выборнов А.А. (Самара, Россия), Смирнов А.Л. (Москва, Россия), Батуева Н.С. (Пермь, Россия) Муллинское II поселение в Икско-Бельском междуречье: материальная культура, стратиграфия и радиоуглеродная хронология	8
Лыганов А.В., Саттаров Р.Р. (Казань, Россия), Денисов А.В., Иванова Н.В. (Самара, Россия) Селище Озеро Белое I позднего бронзового века в Самарском Поволжье	46
Шипилов А.В. (Казань, Россия) Характеристика комплексов эпохи неолита, палеометалла и раннего железного века Берёзовогривско-Алексеевского III поселения в Нижнем Прикамье.....	60
Кириченко Д.А. (Баку, Азербайджанская Республика) Антропологические материалы из «Культового Кургана» (Азербайджанская Республика)	74
К 75-летию Археологического кружка Казанского федерального университета	
Ашығалиев Б.М. (Казань, Россия) О создании музея под открытым небом на территории средневекового Городища Жайык.....	86
Валиулина С.И., Нуретдинова А.Р. (Казань, Россия) Металлургические тигли из ювелирных мастерских Сарая Ал-Джедид	93
Галимова М.Ш. (Казань, Россия) Палеолит Казанского Поволжья: история изучения и новые данные	106
Гмыря Л.Б. (Махачкала, Россия) Золотые височные привески с ажурной бусиной как связующее звено между двумя курганными могильниками Восточного Предкавказья (Львовский Первый-2; Паласа-Сырт)	121
Губайдуллин. А.М. (Казань, Россия) О городищах раннего средневековья на территории Среднего Поволжья.....	136
Зубарева М.М. (Свияжск, Россия), Ахметгалин Ф.А. (Казань, Россия) Изразцы с изображением «Свияжской» вазы	141
Измайлов И.Л. (Казань, Россия) Знаки-тамги как символы болгарской государственности X – первой трети XIII века.	148
Казаков Е.П. (Казань, Россия) Взгляд в прошлое	160
Калменов М.Д. (Уральск, Казахстан), Ашығалиев Б.М. (Казань, Россия) Материальная культура городища Жайык (по результатам археологических исследований 2012-2015 гг.).....	172
Кочкина А.Ф. (Самара, Россия) Находка бронзового «уродца» в Самарском Поволжье	182
Кройтор Е.А. (Казань, Россия) Средневековые пластинчатые браслеты с изображениями кошачьих. Вопросы датировки.....	189
Куклина А.А. (Казань, Россия) Трансформация подходов к изучению неполивной керамики (на примере средневековой массовой керамики с памятников Поволжья)	195
Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. (Казань, Россия) Железные Предметы С Багаевского селища	202
Озеров В.В. (Лаишево, Россия) Актуальные вопросы сохранения объектов культурного наследия	213
Пальцева Д.У. (Астрахань, Россия) Булгарские костяные детали снаряжения коня и всадника X–XIV вв.	220
Юзеев А.Н. (Казань, Россия) Арабский географ ал-Идриси (XII в.) о тюркских народов Средней Азии (продолжение)	230

Хроника

Ситдиков А.Г., Саттаров Р.Р., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия) Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2021 году.....	237
--	-----

Дроздова Г.И. (<i>Казань, Россия</i>) Научное наследие Р.Г. Фахрутдинова (по материалам фонда № 17 МАРТ ИА АН РТ)	256
Патрушев В.С. (<i>Йошкар-Ола, Россия</i>) Археологический кружок Марийского государственного университета	269
Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Археологическому кружку Казанского университета – 25 лет (воспоминания очевидца).....	278
Кокорина Н.А. (<i>Москва, Россия</i>) Мои археологические университеты.....	285
Белорыбкин Г.Н. (<i>Пенза, Россия</i>) Археологический кружок – время удивляться	288

Рецензии

Никитин В.В. (<i>Йошкар-Ола, Россия</i>), Выборнов А.А. (<i>Самара, Россия</i>) Рецензия на монографию: Березина Н. С. Каменный век Чувашского Поволжья // Археология Евразийских Степей. Казань. 2021. № 1. 261 С.	292
Список сокращений	297
Правила для авторов	299

CONTENT

Stone Age and Early Metal Era

Morozov V.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Vybornov A.A. (<i>Samara, Russian Federation</i>), Smirnov A.L. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Batueva N.S. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Mullino II Settlement on the Ik-Belaya Interfluvium: material culture, stratigraphy and radiocarbon chronology	8
Lyganov A.V., Sattarov R.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Denisov A.V., Ivanova N.V. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Ozero Belye I Ancient Village of the Late Bronze Age in the Samara Volga Region	46
Shipilov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Characteristics of the Neolithic, Palaeometallic and Early Iron Age Complexes of Berezovogrivsko-Alekseevskoe III Settlement in the Lower Kama Region.....	60
Kirichenko D.A. (<i>Baku, Azerbaijan</i>) Anthropological Materials from «Cult Barrow» (Azerbaijan Republic).....	74
The 75th Anniversary of the Archaeological Circle of Kazan Federal University	
Ashygaliev B.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) About the Creation of an Open Air Museum in the Territory of the Medieval City of Zhayik	86
Valiulina S.I., Nuretdinova A.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Metallurgical Crucibles from the Jewellery Workshops of Saray Al-Jedid	93
Galimova M.Sh. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Paleolithic of the Kazan Volga Region: research history and new data.....	106
Gmyrya L.B. (<i>Makhachkala, Russian Federation</i>) Gold Temporal Pendants with Openwork Beads as a Link Between Two Mound Burial Grounds of East Ciscaucasia (Lvovsky Pervyi-2; Palasa-Syrt).....	121
Gubaidullin A.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Early Medieval Hillforts in the Territory of the Middle Volga Region.....	136
Zubareva M.M. (<i>Sviyazhsk, Russian Federation</i>), Akhmetgalin F.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Stove Tiles with the Image of the "Svyazhskaya" Vase.....	141
Izmailov I.L. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Sings–Tamgas as Symbols of Bulgaria Government X th – the First Third of the XIII th Century.....	148
Kazakov E.P. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) A Look into the Past.....	160
Kalmenov M.D. (<i>Uralsk, Kazakhstan</i>), Ashygaliev B.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Material Culture of Zhayik Settlement (Based on the results of archaeological research 2012–2015).....	172
Kochkina A.F. (<i>Samara, Russian Federation</i>) The Finding of a Bronze “Freak of Nature” in the Samara Volga Region.....	182
Kroitor E.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Medieval Plate Bracelets with Feline Images. Dating Issues	189
Kuklina A.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Transformation of Approaches to the Study of Non-Glazed Ceramics (A case-study of medieval ceramics from the Volga Region).....	195
Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. (<i>Kazan Russian Federation</i>) Iron Objects from Bagaevka Settlement	202
Ozerov V.V. (<i>Laishevo, Russian Federation</i>) Topical Issues of Preservation of Cultural Heritage Sites.....	213
Paltseva D.U. (<i>Astrakhan, Russian Federation</i>) Bulgarian Bone Details of the Equipment of Horse and Rider of the X–XIV Centuries	220
Yuzeev A.N. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Arab Geographer al-Idrisi (XII century) about the Turkic Peoples of Central Asia	230

Chronicle

Sitdikov A.G., Sattarov R.R., Asylgaraeva G.Sh. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) General Information about the Scientific Activities of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in 2021	237
Drozdova G.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Scientific Heritage of R. G. Fakhrutdinov (According to materials of the fund No. 17 of the Museum of Archaeology of Tatarstan Republic of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov)	256
Patrushev V.S. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Archaeological Circle of Mari State University	269
Kuzminykh S.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Archaeological Circle of Kazan University is 25 Years Old (Eyewitness Memories)	278
Kokorina N.A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) My Archaeological Universities.....	285
Belorybkin G.N. (<i>Penza, Russian Federation</i>) Archaeological Circle – Time to Be Surprised	288

Reviews

Nikitin V.V. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>), Vybornov A.A. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Review of Monograph: Berezina N.S. Stone Age of the Chuvash Volga Region // Archaeology of the Eurasian Steppes. Kazan. 2021. Publ. No. 1. 261 P.	292
List of Abbreviations	297
Instructions for Authors	299

Каменный век и эпоха раннего металла

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.8.45>

**МУЛЛИНСКОЕ II ПОСЕЛЕНИЕ В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ
МЕЖДУРЕЧЬЕ: МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, СТРАТИГРАФИЯ
И РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ¹**

© 2022 г. **В.В. Морозов, А.В. Лыганов, А.А. Выборнов,
А.Л. Смирнов, Н.С. Батуева**

Широкую известность в археологической литературе Муллинское II поселение получило благодаря работам на памятнике А.П. Шокурова, и Г.Н. Матюшина во второй половине XX в. Изученная авторами материальная культура поселения, а также проведенный критический анализ всех имеющихся источников позволил сделать определенные выводы. Территория памятника впервые была заселена в эпоху мезолита в хронологическом интервале от рубежа IX–VIII до середины VII тыс. до н.э. В начале второй половины VI тыс. до н.э. на площадке памятника освоились носители лесной камской неолитической культуры. Результаты изучения поселения указывают на то, что это было долговременное поселение охотников и рыболовов. Следующий этап освоения площадки поселения (конец V – начало IV тыс. до н.э.) связан уже с лесостепной самарской культурой. В дальнейшем на территории памятника зафиксированы немногочисленные культурные остатки разнообразных культур энеолита – позднего бронзового века.

Ключевые слова: археология, неолит, энеолит, поздний бронзовый век, поселение, стратиграфия, педотурбация, камская культура, самарская культура, гребенчатая керамика, воротничковая керамика, каменная индустрия, костяные изделия, радиоуглеродный анализ.

**MULLINO II SETTLEMENT ON THE IK-BELAYA INTERFLUVE:
MATERIAL CULTURE, STRATIGRAPHY AND RADIOCARBON
CHRONOLOGY²**

**V.V. Morozov, A.V. Lyganov, A.A. Vybornov,
A.L. Smirnov, N.S. Batueva**

Mullino II settlement has become widely popular in archaeological literature due to the work carried out at the site by A.P. Shokurov and G.N. Matyushin in the second half of the 20th century. The material culture of the settlement studied by the authors, and a critical analysis of all available sources, have allowed to make certain conclusions. The site was originally inhabited in the Mesolithic over the chronological interval from the turn of the 9th to the mid-7th Millennium BC. In the early second half of the 6th Millennium BC, carriers of the forest Kamskaya Neolithic culture settled at the site. The results of studying the settlement indicate that it was a long-term settlement of hunters and fishermen. The next stage of colonization of the site (late 5th – early 4th Millennium BC) is associated with the forest-steppe Samarskaya culture. In later periods, but a few cultural remains of various Eneolithic – Late Bronze Age cultures were recorded in the territory of the site.

Keywords: archaeology, Neolithic, Eneolithic, Late Bronze Age, settlement, stratigraphy, pedoturbation, Kamskaya culture, Samarskaya culture, comb ceramics, collar ceramics, stone industry, bone items, radiocarbon analysis.

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г., гранта РФФИ № 20-49-590002 «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья», при поддержке Фонда Президентских грантов проект № 21-2-003496 «Археологи в музее».

² The work was supported by the Ministry of Education and Science of Perm Krai, agreement No. C-26/1192 dated December 19, 2019, RFBR grant No. 20-49-590002 “Comprehensive Studies of Postneolithic and Eneolithic Cultures of the Middle Cis-Urals” supported by the Presidential Grant Foundation, project No. 21-2-003496 “Archaeologists in the Museum”.

Введение

Муллинское II поселение расположено в Городском округе Октябрьский Республики Башкортостан. Площадка поселения занимает мыс восточной оконечности пойменной возвышенности – останца невысокой древней террасы, которая протянулась с запада на восток на 220–250 м вдоль безымянного ручья, впадающего в старичное озеро (палеоруслу Ика), в пойме правого берега р. Ик. Высота современного уровня возвышенности относительно зеркала озера колеблется от двух до четырех метров. В настоящий момент палеоруслу частично засыпано, а с севера к памятнику примыкает цепочка искусственных водоемов, возведенных в 90-х гг. прошлого века на месте бывшего карьера по добыче песка (рис. 1).

Выявленные раскопами материалы памятника в 80-х гг. XX в. позволили Г.Н. Матюшину выделить в регионе ряд археологических культур, таких как прибельская – эпохи неолита (Матюшин, 1996) и агидельская – энеолита (Матюшин, 1982). Обособление материалов Икско-Бельских памятников в рамках новых археологических культур не прошло проверку временем (Выборнов, 1984; 1992; 2008; Васильев и др..., 1985; Моргунова, 1987; Моргунова, 2011).

Дискуссионными остаются и вопросы стратиграфии поселения, на основе которой Г.Н. Матюшин разделил культурный слой памятника на культурно-хронологические горизонты – Муллино I–IV, между которыми имелись стерильные прослойки (Матюшин, 1996, с. 194, рис 7). Неолитический слой (Муллино II) исследователь также разделил стратиграфически: IIa – ранний, IIb – развитый, IIc – поздний неолит. На основании встречаемости костей домашних животных (лошадь, МРС, КРС) в неолитическом культурном слое поселения, Г.Н. Матюшин высказал предположение о domestикации лошади на территории Южного Предуралья в эпоху неолита (Матюшин, 1981). Неясной остается позиция воротничковой керамики «ивановского» типа лесостепной самарской энеолитической культуры по отношению к гребенчатой керамике лесной камской культуры.

Авторами данной работы была предпринята попытка по-новому взглянуть на материальную культуру Муллинского II поселения, с привлечением современных аналогий и работ по неолиту и энеолиту лесного и лесостепного Волго-Камья. Для этой цели были просмотрены научные отчеты Г.Н. Матюши-

на и А.П. Шокурова, хранящиеся в архиве ИА РАН; собраны сведения естественно-научных источников, авторы которых принимали участие в комплексном исследовании памятника; ознакомлены с коллекцией памятника и черновиками исследователей, хранящихся в фондах Гимназии №1505 (г. Москва)¹ и Октябрьского краеведческого музей им. А.П. Шокурова (Республика Башкортостан)².

История изучения (полевые исследования)

Муллинское II поселение было выявлено А.П. Шокуровым в 1967 г. На месте находок подъемного материала на пашне им был разбит разведочный шурф 2×2 м, в котором был вскрыт культурный слой мощностью до 130 см (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 123). В 1968–70 гг. к шурфу был прирезан небольшой разведочный раскоп (64 м²), углубленный до 250 см от дневной поверхности. По результатам этих работ было установлено, что культурный слой памятника залегал на глубине от 10 до 130–160 см. Три верхних горизонта культурного слоя (до гл. 60 см) содержали в себе керамику как неолитического времени, так и энеолита, позднего бронзового века (далее – ПБВ) и раннего железного века (далее – РЖВ). В стенках раскопа от уровня дневной поверхности и до отметок -70 см была отмечена западина, граница которой выделялась по гумусированной линзе (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 126, рис. 2). С уровня 135 см от дневной поверхности на зачистке фиксировался буровато-серый суглинок с обломками известняка без археологических находок. В результате контрольного прокопа этого слоя было отмечено, что этот суглинок доходил до отметок 150 см. Ниже этого уровня были отмечены костяные и каменные изделия – по мнению А.П. Шокурова – мезолитического времени (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 123).

Наиболее массовой керамикой, выявленной на поселении, являлась посуда, украшенная гребенчатыми отпечатками – «камского типа» (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 134).

Во время раскопочных работ А.П. Шокурова, площадку памятника посетила доктор геолого-минералогических наук В.Л. Яхимович. Ею были описаны разрезы, выполненные вдоль уступа террасы, а также стратиграфия раскопа 1970 г. (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 125). В этом же году была отобрана древесина из основания мезолитического слоя (-215 см от дневной поверхности), а также угольки из кострища (-200...-220 см от дневной поверхности) для радиоуглеродного датирования.

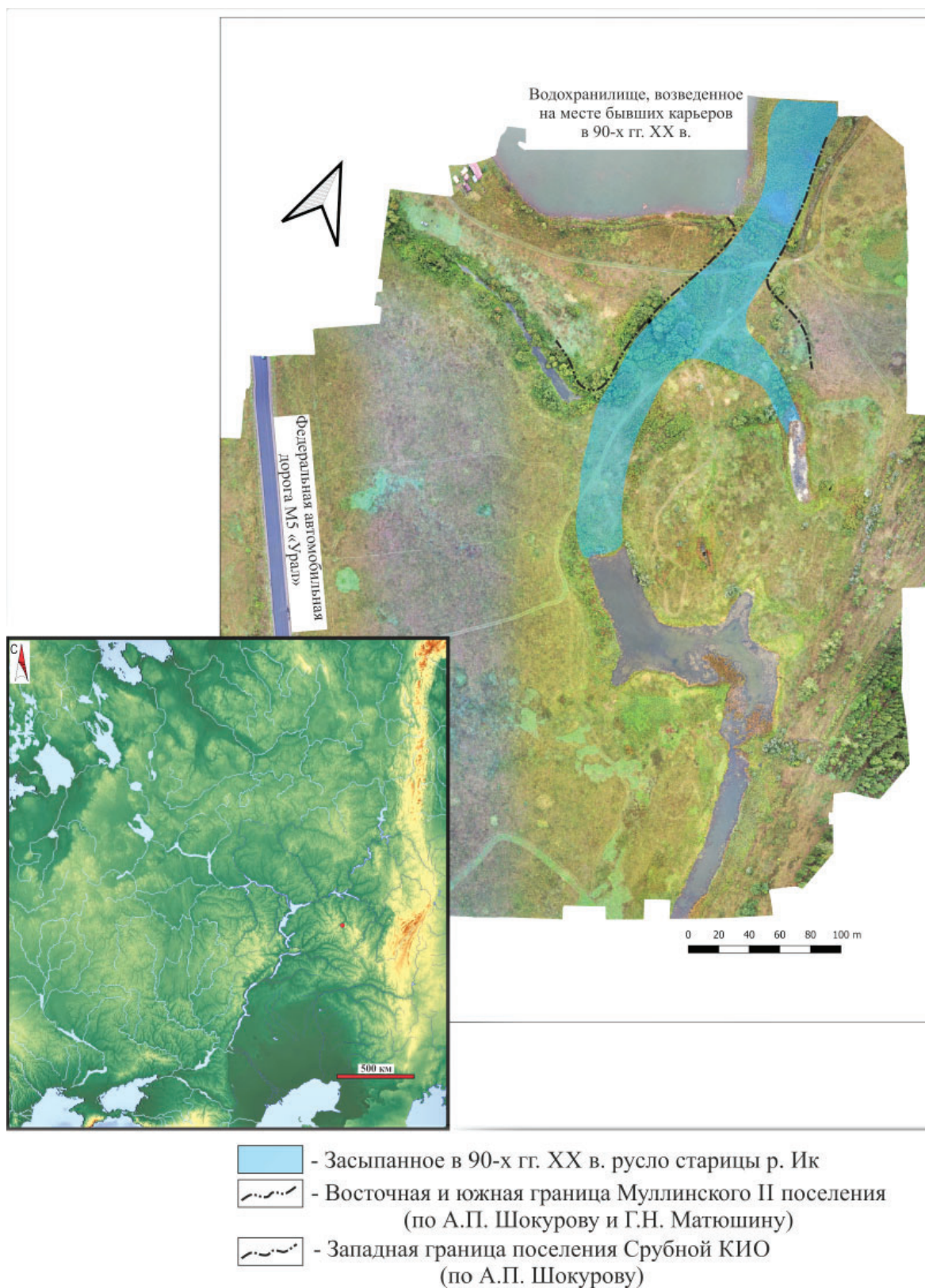

Рис. 1. Ортофотоплан Муллинского II поселения, снятый с БПЛА (высота 150 м) А.Л. Смирновым в августе 2019 г.

Fig. 1. Orthophotomap of the Mullino II settlement taken with a uncrewed aerial vehicle (at a height of 150 m) by A.L. Smirnov in August 2019

В 1974–1976 гг. С.И. Киктенко на площадке террасы, на которой расположен памятник, были проведены геологические изыскания. В результате этих работ удалось построить продольный и поперечный разрезы, уточнить мощность голоценового аллювия, слагающего останец террасы (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 132).

В 1976, 1979, 1981, 1987, 1989 гг. на памятнике были проведены работы Южноуральской экспедицией ИА АН СССР под руководством Г.Н. Матюшина, где за это время было вскрыто более 700 м² (Матюшин, 1996, с. 50).

В 1976 г. с учетом разведочных траншей и шурфов было исследовано 100 м² площади (Матюшин, 1976, с. 9). Среди находок отмечены редкие фрагменты керамики ПБВ, которые фиксировались в верхнем слое гумуса, а также фрагменты неолитической посуды, приуроченные к нижележащему слою «алеврита с золой». Ниже этого слоя фиксировались множественные находки неолитического времени: керамика, кремь, изделия из кости, камня и перламутра (Матюшин, 1976, с. 10).

В 1979 г. тремя раскопами было исследовано 372 м² площади памятника (руководители раскопов – Р.С. Габяшев, В.С. Горбунов и М.Ф. Обыденнов). Кроме того, в раскопках принимали участие археологи из Самары (И.Б. Васильев), Уфы (В.А. Иванов, Ю.А. Морозов, Р.А. Нигматуллин, Т.И. Щербакова), Магнитогорска (Ю.Ф. Рыжов) (Матюшин, 1979, с. 1).

Как и в предыдущие годы, полевыми работами 1979 г. было установлено, что верхние горизонты культурного слоя содержат в себе незначительную керамическую серию РЖВ, ПБВ и энеолита. Наиболее многочисленными коллекциями на поселении представлены фрагменты керамических сосудов с воротничком, приуроченные к слою с супесью и неолитической керамикой, связанной с нижележащим слоем буровато-серых озерных суглинков. Большая часть находок в этих слоях фиксировалась в виде отдельных скоплений керамики, а в неолитическом слое были расчищены и целые сосуды (Матюшин, 1979, с. 3–4). Кроме того, культурные остатки этих слоев содержали большое количество изделий из кремня, кости, раковин, а также бытовых кухонных отходов (фаунистических остатков).

В 1981 г. тремя раскопами на поселении вскрыто 124 м². Методика раскопок в этот год несколько отличалась от исследований прошлых лет. Выявленные скопления керамики, костей и других артефактов оставались на

«попах» для демонстрации памятника участникам V Всесоюзного совещания по четвертичной геологии, проходившего 1–10 августа 1981 г. в Уфе. В числе участников совещания раскопки Муллинского II поселения посетили археологи (рис. 2): Н.Я. Мерперт, Ю.А. Смирнов, Ю.А. Морозов, В.П. Третьяков, И.В. Калинина, И.Б. Васильев, Р.С. Габяшев, Н.Л. Моргунова, Т.И. Щербакова, М.Ш. Галимова и др., а также специалисты естественнонаучного блока: геологи, почвоведы, палинологи, археозоологи и др. (Матюшин, 1981а, с. 1–5).

Стоит отметить, что в полевых отчетах результаты исследований Г.Н. Матюшина даны несколько декларировано. В отчете за полевой сезон 1981 г. им были обобщены материалы всех предшествующих раскопов и подведены предварительные итоги исследований за все годы (Матюшин, 1981а, с. 8–28)³. Как будет показано далее, исследователь оперировал своих в последующих печатных работах исключительно материалами 1979 г.

Так как памятник является выявленным объектом археологического наследия, а инвентаризация этого памятника не производилась (в Управлении по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан планы и данные по техническому состоянию поселения отсутствуют), авторами данной работы в 2019 году был произведен выезд в г. Октябрьский. В результате удалось точно локализовать месторасположение Муллинского II поселения⁴ и снять его подробный топографический план. На данный момент стоянке угрожают возведенные в 90-х гг. XX в. водные резервуары на месте бывших карьеров, активное освоение пригорода Октябрьского, а также близость Федеральной автомобильной дороги М5 «Урал».

История изучения (аналитические исследования)

Отобранные А.П. Шокуровым и В.Л. Яхимович образцы древесины и угольков из кострища мезолитического слоя, позволили в лаборатории Института геологии БФ АН СССР радиоуглеродные определения: 8500±180 ВР, 8460±130 ВР, 8320±110 ВР, которые устанавливали время функционирования мезолитической стоянки второй половиной VII тыс. до н.э. (Яхимович и др., 1974, с. 199, 202; Шокуров, Киктенко, 1978, с. 127).

Результатом исследований памятника Г.Н. Матюшиным стал выход нескольких обобщающих печатных работ (Матюшин, 1982а; Матюшин и др., 1982), а также монографии

Рис. 2. Участники V Всесоюзного совещания по четвертичной геологии, проходившего 1–10 августа 1981 г. в Уфе, на раскопках Муллинского II поселения
Fig. 2. Participants of the 5th All-Union Conference on Quaternary Geology held on August 1-10, 1981 in Ufa at the excavations of the Mullino II settlement

«Энеолит Южного Урала» (Матюшин, 1982). В них исследователь дал характеристику материалам двух основных культурных слоев поселения: неолитическому слою «Муллино II» с керамикой «прибельского типа» (Матюшин и др., 1982, с. 93); энеолитическому слою «Муллино III» со своеобразной воротничковой керамикой «агидельско-сьезжинского» (Матюшин и др..., 1982, с. 87) или «агидельско-самарского» (Матюшин, 1982а, с. 58) типа, а также керамикой без воротничка, продолжавшей неолитические традиции, объединенными в агидельскую раннеэнеолитическую культуру V–IV тыс. до н.э. (Матюшин, 1982а, с. 59; Матюшин, 1982, с. 11, 228–232). Выделение этой культуры опиралось на характеристику керамических сосудов, отличающихся от синхронных культур Приуралья и сближающих ее с самарской культурой лесостепного Поволжья.

Выявленные кости домашних животных (лошадь, КРС, МРС)⁵ в неолитическом и энеолитическом слоях поселения позволили Г.Н. Матюшину выдвинуть предположение о зачатках в эпоху неолита в районах Южного

Предуралья производящего хозяйства, связанного с придомным скотоводством (Матюшин, 1981, с. 26). При этом domestикация лошади, по мнению исследователя, произошла именно в лесостепных/степных районах Южного Приуралья (Матюшин, 1981, с. 23–28). Позицию исследователя активно поддерживала А.Г. Петренко (Петренко, 1992; 1994 2007; 2007а). Дело в том, что при изучении археозоологических коллекций из культурных слоев неолита–энеолита, кости домашних животных были выявлены А.Г. Петренко и на материалах Ивановской и Виловатовской стоянок (Волго-Уральское междуречье), Дубовского III и Отарского VI поселений (лесное Среднее Поволжье) (Петренко, 2007, с. 25–26). Кухонные останки неолитических слоев этих памятников имели одну особенность – отсутствие костей domestцированной свиньи при доминантном количестве костей лошади.

В дальнейшем выделенные Г.Н. Матюшиным археологических культур – агидельской (энеолитической) и прибельской (неолитической) и их хронология были подвергнуты специалистами критическому анализу (Васи-

льев и др..., 1985, с. 280–290). Не перечисляя все недочеты, ошибки и неточности в монографии Г.Н. Матюшина (1982), подчеркнем только выводы рецензентов, которые отметили, что при выделении новых археологических культур исследователь не смог выстроить логически последовательную и аргументированную систему доказательств (Васильев и др., 1985, с. 289).

Последующие полевые работы на памятниках неолита и энеолита Прибелья, а также публикация материалов этих стоянок позволила А.А. Выборнову обосновать выделение нижнебельского локального варианта камской неолитической культуры. По всем технико-технологическим показателям гребенчатой керамики Муллинского II (слой Муллино II) поселения: форма и толщина сосудов, примеси в глиняном тесте, формы срезов венчиков, напльвы с внутренней стороны сосудов, орнамент и его мотивы и прочие особенности убедительно показывают, что такая керамика имеет несомненное культурное родство с классической посудой камской культуры не только Прибелья (Кюнь II, Сауз II), но и Приустьевого Нижнего Прикамья (Лебединская II) и Верхнего Прикамья (Хуторская II) (Выборнов, 1985, с. 29). Впоследствии эта точка зрения была подтверждена результатами подсчетов коэффициента сходства керамики опорных поселений камской культуры Верхнего и Нижнего Прикамья, а также Приустьевого Прибелья (Выборнов, 1992, с. 19), территория которых была включена Г.Н. Матюшиным в ареал прибельской неолитической культуры.

Впоследствии в одной из публикаций Г.Н. Матюшин только отметил, что отличия прибельской керамики от камской кроются в «большем изяществе и иной техникой исполнения» первой (Матюшин, 1992, с. 34).

В это же время Г.Н. Матюшиным для Южного Предуралья строится абсолютная хронология на основании датирования трансгрессий и регрессий Каспийского моря. Исследователем была выдвинута гипотеза о влиянии трансгрессии и регрессии Каспия на высоту размещения археологических памятников прибельской и агидельской культур по берегам рек Ик, Дема и Белая. Опираясь на исследования геологов и палеоклиматологов, Г.Н. Матюшин отметил наиболее крупные колебания Каспийского моря в мезолите – энеолите, которые происходили четыре раза. Мезолитические (финальнопалеолитические?) памятники типа Шикаевка II, Мыс

Безымянный, нижние этажи Каповой пещеры, занимающие низкое положение относительно водоемов, относятся к Бегдашской регрессии. Эпоха развитого мезолита падает на Сардатскую трансгрессию (археологические памятники этого периода поднимаются на высокие террасы). Финально-мезолитические памятники типа Муллино I, Деуково (серия радиоуглеродных дат определяет их возраст серединой VII тыс. до н.э.) соответствуют Мангышлакской регрессии. Даты по ранне-неолитическим слоям Муллино II также совпадают с этой регрессией. Резкая аридизация, по мнению исследователя, явилась одной из причин перехода к неолиту. Памятники типа Давлеканово II, Сауз III и др., имеющие сходную керамику со слоем поселения Муллино II, относятся уже к развитому неолиту, располагаются на высоких террасах, и время их существования совпадает с Дагестанской трансгрессией. И, наконец, инвентарь стоянок Кюнь (слой Кюнь II), Бачки–Тау (слой I и IIa) по своему характеру является еще более поздним. Эти памятники лежат в современной пойме и, по мнению Г.Н. Матюшина, соответствуют Жилалдинской регрессии. Слой Муллино III с воротничковой керамикой отнесен им к самому концу Жилалдинской регрессии. Материалы слоя Давлеканово III, Саузовских стоянок и др., содержащих в материальной культуре воротничковую керамику, являются еще более поздними, по сравнению с Муллино III, они возникают в период Гоусанской трансгрессии (сер. V – последняя четверть IV тыс. до н.э.) (Матюшин, 1992, с. 27–35).

Хронология прибельской и агидельской культур была построена на радиоуглеродных датах, полученных в радиометрической лаборатории Института географии РАН по образцам костей, отобранных Г.Н. Матюшиным из слоев Муллино II (неолит), Муллино III (энеолит) и Муллино IV (финальный энеолит). Так по радиоуглеродной дате слоя Муллино II – 8050 ± 180 BP прибельская культура датируется концом VII тыс. до н.э., а агидельская культура – серединой V тыс. до н.э. (6450 ± 80 BP) (Матюшин, 1996, с. 62).

А.А. Выборнов отмечал, что такая ранняя датировка неолита не свойственна ни одной из прилегающих неолитических культур, а датировка Икских и Бельских памятников, основанная на гипсометрических отметках и их связью с трансгрессией и регрессией Каспия не прослеживается и на территориях, прилегающих к Каспийскому морю – в Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии

(Выборнов, 2008, с. 150). Наличие костей домашних животных в неолитическом слое объяснялось педо- и зоотурбацией (Выборнов, 2008, с. 151–152). Им же были получены в Киевской лаборатории первые радиоуглеродные даты по керамике Муллинского II поселения (Выборнов, 2008, с. 247; Выборнов и др., 2014, с. 41), показавшие близкие значения в интервале второй половины – конца V тыс. до н.э. Даты по керамике впоследствии были верифицированы AMS определением по кости (гарпуну) (Морозов, 2020, с. 336).

Территориальная, природно-географическая и палеоклиматическая характеристика поселения

Муллинское II поселение расположено на останце невысокой древней террасы, которая возвышается вокруг высокой поймы на левом берегу древнего русла р. Ик при впадении в него безымянного ручья. В 90-х гг. XX в это палеорусло было частично засыпано для сдерживания воды в возведенных на месте карьеров цепочках озер, самое южное из которых на настоящий момент оконтуривает северную границу памятника (рис. 1). Современное русло р. Ик расположено в 970 м западнее площадки памятника. В 214 м к востоку от Муллинского II поселения начинается коренная терраса, на которой расположен г. Октябрьский. У основания это террасы, на восточном берегу старичного озера расположены многочисленные стоянки срубной КИО. Срубное поселение известно и в районе современного русла, у моста, по которому проходит Федеральная автомобильная дорога М5 «Урал» (Муллино IV).

Судя по геологическому профилю Муллинского II поселения, построенному С.И. Киктенко (Шокуров, Киктенко, 1978, (приложение) рис. 9) поперек западного берега старичного озера, формирование культурного слоя поселения происходило на желобе, глубиной до пяти метров, заполненном песком-пльвунном, на котором на уровне около трех метров начался процесс почвообразования (прослойка погребенной почвы), переходящая в мощный торфяной слой.

Памятник расположен в суббореальной северной семигумидной ландшафтной зоне, типичной и южной лесостепной ландшафтной подзоне (Ландшафты..., 2007).

В начале голоцена на территории Нижнего Прикамья (Закамья) произрастали леса с преобладанием широколиственных пород (в т.ч. дуба и вяза), которые были более широко распространены в Восточном Закамье (Бакин,

2009, с. 162). На всем участке интересующего нас региона до начала атлантического периода реконструировано распространение таежной растительности (Баранова, 2012, с. 28). С началом глобального климатического оптимума бореала на левобережье приустьевой части р. Белой зафиксировано появление граба (порода лиственных средиземноморского происхождения, которая исчезла в Предуралье в суббореале) (Бакин, 2009, с. 164). Проникновение «псевдореликтов третичного времени» в атлантический период отмечается О.Г. Барановой (Баранова, 2012, с. 30). В целом, для атлантического периода исследователем отмечаются миграции с запада и востока растений, обогативших флору Прикамья урало-сибирскими и европейскими теплолюбивыми видами (Баранова, 2012, с. 30). В атлантический отрезок голоцена отмечается самый богатый состав флоры и фауны в регионе (Бакин, 2009, с. 165).

В результате многолетних палеоботанических исследований на территории Южного Предуралья и Нижнего Прикамья В.К. Немкова пришла к заключению, что атлантический оптимум, прослеженный на Русской равнине, не зафиксирован в Предуралье. Она не исключила, что такого интенсивного потепления, которое было в более западных районах, на территории Предуралья не происходило (Немкова, 1992, с. 29).

Палинологические исследования разновозрастных памятников каменного века дают некоторые представления о характере природных условий, существовавших во время проживания первобытного населения.

В.К. Немкова, опираясь на спорово-пыльцевые анализы таких опорных памятников неолита – энеолита, как Дубовогривская II, Золотая Падь II, Татарско-Азибейское II, Муллино, пришла к выводу о том, что существование неолитических культур в Приуралье пришлось на вторую половину бореального периода, атлантический период и первую половину суббореального периода (Немкова, 1978, с. 4–45). К этим данным с настороженностью отнесся Р.С. Габяшев. Опираясь на датировку днепро-донецкой и верхневолжской культуры, исследователь считал преждевременным говорить о начале неолитизации в южных районах Среднего Поволжья и Приуралья в конце бореального периода. Этот вопрос, по его словам, требовал дополнительной аргументации (Габяшев, 2003, с. 12, 13).

На основе стратиграфии поселений Муллино и Давлеканово Г.Н. Матюшин пришел к выводу о том, что благоприятные природные условия чередовались здесь с периодическими экологическими кризисами. Причем вопреки палинологическим данным, обстановка менялась скачкообразно, а не постепенно (Матюшин, 1992, с. 17). По его мнению, палинологические методы обладают значительной погрешностью, поскольку пыльца может распространяться на расстояние до тысячи километров, она может быть перемешана в слое дождевыми червями, водными осадками и т. д. (Матюшин, 1992, с. 17–19). Опираясь на мнение западноевропейских и американских ученых, Г.Н. Матюшин считал, что в датировке природно-климатических зон и периодов наблюдается множество разночтений (Матюшин, 1992, с. 18).

По дальности переноса пыльцы древесные растения подразделяются на региональные и квазирегинальные (Гричук, 1989). К региональным относятся виды: ель, сосна, береза, древовидная ольха, пыльца которых распространяется на сотни километров. Квазирегинальными являются клен, липа, дуб, краб, бук и др. Их пыльца распространяется на расстояния в пределах десятков километров.

Судя по геоморфологии поселения Муллино, оно располагается в современной пойме, затапливаемой ежегодно во время паводков. Г.Н. Матюшин предположил, что это было более засушливое время по сравнению с современным (Матюшин, 1992, с. 22, 23). В результате палинологического анализа на памятнике, на глубинах 1,5, 1,1 и 0,9 м, были обнаружены темные (обгорелые?) частицы органики, оставшихся, по-видимому, от кострищ. Помимо этого, было обнаружено незначительное количество пыльцевых зерен, в основном, березы, полыни, сложноцветных трав и спикулы губок, которые свидетельствуют о сильной обводненности данного участка во время образования следующего слоя. В вышележащих слоях господствует пыльца древесно-кустарниковых пород с преобладанием березы. Пыльца хвойных пород зафиксирована практически в самом верху разреза (Карташева, 1992, с. 75, 76). Новые данные были получены по почве, содержащейся внутри целых неолитических сосудов слоя Муллино IIa. В первом сосуде пыльца трав несколько преобладает (53,5%) над древесно-кустарниковой группой (42,5%) и спорами (4%). Травы доминанты – сложноцветные, а субдоминант – полынь при небольших вклю-

чениях маревых, розоцветных, гвоздичных, верескоцветных и лютиковых. Среди деревьев преобладает береза (38%), сосна (3%), ольха (2%). Наличие части пыльников березы и полыни может свидетельствовать об их «инсцитности» (Карташева, 1992, с. 77). Во втором сосуде, содержащем почву с рыбьими костями, преобладала пыльца березы (55% из 58,5% пыльцы деревьев), доля пыльцы сосны составила 3%. Пыльца трав в процентном соотношении приблизительно соответствовала первому сосуду. В четырех других сосудах, которые, по-видимому, подверглись, сильному воздействию огня, отмечены лишь единичные пыльцевые зерна (Карташева, 1992, с. 77, 78).

Фаунистические остатки из поселения Муллино, кроме, собственно, выявленных здесь костей домашних животных (овцы, козы, коровы и лошади), широко представлены дикими видами, в их числе: лось, бобр, северный олень, медведь, косуля, куница, сайгак (Петренко, 1992, с. 82, 83; Петренко, 2007, с. 26). Здесь также отмечены кости рыб – щуки, достигающей длины 120 см, и сома длиной 109, 124, 145, 157 см (Цепкин, 1992, с. 72–75), а также речной черепахи.

В.Н. Калякин, С.А. Турубанова, О.В. Смирнова пришли к выводу, что количественное соотношение различных видов растений не всегда отражает действительную картину, происходящую в определенное время. Известны данные об очень плохой сохранности пыльцы ясеня, клена, пихты, лиственницы, совершенно не сохраняется пыльца тополя. Такая же картина наблюдается и с кустарниками (Восточноевропейские..., 2004, с. 94). Исследователями делается важное заключение, что присутствие в раннем голоцене на одной территории животных разных экосистем (тундры, леса и степи), закрытых и полуоткрытых ландшафтов, говорит о том, что лесные образования не представляли собой сплошной массив, а были насыщены открытыми пространствами, оставшимися в результате деятельности крупных видов мамонтового комплекса. Такой тип ландшафта сохранялся до позднего голоцена (Восточноевропейские...2004, с. 117).

Вопросы стратиграфии поселения

Разрез возвышенности, на котором расположено поселение, был описан геологом-стратиграфом, доктором геолого-минералогических наук В.Л. Яхимович следующим образом:

1. Почва черная, черноземная, чернистая, мощностью 15–30 см.

2. Суглинок буровато-серый, землистый, озерного типа, несколько изменённый почвообразованием, содержащий раковины пресноводных моллюсков. В основании слоя встречается гравий и мелкая галька кремня и известняка. Следы гидрофильной болотной почвы, мощностью до 120 см.

3. Суглинок темно-серый, болотный с остатками растений, землистой структуры, ниже мелкокомковатый, со следами болотных растений и обломков древесины с включениями раковин моллюсков. Этот слой имел мощность 40–65 см.

4. Песок буровато-серый, полимиктовый, мелкозернистый, глинистый, в верхней части побуревший в связи с ожелезнением и ярковыраженной линзой зольника, толщиной до 25 см. Ближе к основанию этого слоя крупность зерен песка возрастала. Мощность этого слоя варьировала от 35 до 120 см.

5. Глина белая в верхней части за счет большого содержания пепла (зола), ниже голубовато-серая, алевролитая с прослойками иловатого глинистого песка, мощностью 40–50 см.

6. Песок тонко- и мелкозернистый, внизу переходящий в галечник, прослеженный вниз на 30 см (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 127, 128, 132).

Данный разрез был сделан В.Л. Яхимович на краю террасы со стороны старичного озера, параллельно раскопу А.П. Шокурова в 1970 г. на самой высокой точке поселения. Впоследствии к этому разрезу были привязаны раскопы Г.Н. Матюшина (Матюшин, 1996, с. 50).

А.П. Шокуров, описывая стратиграфию поселения, отмечал, что неолитические и энеолитические материалы фиксировались с первого штыка и до уровня -120 см от дневной поверхности. Единичные фрагменты неолитической керамики встречались до отметок -200 см (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 125). При этом, выявленная в профиле раскопа 1968 г. жилищная западина РЖВ или ПБВ была отмечена и в раскопе 1970 г. В этом году на дне западины (-50 см) было выявлено кострище, которое прорезало культурный слой памятника вплоть до мезолитического слоя (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 125, 126, рис. 2). Стоит отметить, что ни В.Л. Яхимович, ни А.П. Шокуровым не отмечены какие-либо прослойки, разделяющие культурно-хронологические горизонты памятника. Первоначально Г.Н. Матюшиным также не фиксировались стерильные прослойки между

слоями, он описывал стратиграфию раскопов следующим образом:

- слой 1 (гумусовый горизонт) с редкими находками керамики ПБВ – 0...-30 см.

- слой 2 (алевролит с большим содержанием золы) с энеолитической керамикой – до -80 см.

- слой 3 (буроватый гумус) с неолитической керамикой – до 180 см.

- слой 4 (красноватый суглинок) – с находками финальнопалеолитического–мезолитического времени (Матюшин, 1977, с. 10).

Похожая стратиграфия была задокументирована и в полевом отчете по результатам исследований 1979 г. (Матюшин, 1979, с. 2). И только в полевом отчете за 1981 г. появляется информация в текстовой (Матюшин, 1981, с. 9) и иллюстрированной частях (Матюшин, 1981, с. 5) о стерильных прослойках между культурно-хронологическими горизонтами памятника. Как и в раскопах А.П. Шокурова, здесь были расчищены глубокие ямы, прорезающие в том числе неолитический слой (Матюшин, 1982, с. 197). Одна из таких ям, вклиненных в слой Муллино II, содержала на дне кости лошади с керамикой «агидельского» типа (Матюшин, 1981, с. 6). Радиоуглеродные даты, полученные в Киевской лаборатории по костям лошади из этой ямы, показали значения 2910-2500 гг. до н.э. (Матюшин, 1996, с. 63), при этом Г.Н. Матюшин сам отмечал: «образцы кости были взяты из ямы... с больших глубин, что первоначально навело нас на мысль, что они могут относиться к более глубоким слоям...» (Матюшин, 1996, с. 63). Однако тут же исследователь обозначает: «детальное исследование показало, что эти образцы относятся к слою Муллино IV» (Матюшин, 1996, с. 63).

Таким образом, можно сделать вывод, что культурный слой Муллинского II поселения педотурбирован в процессе неоднократного заселения останца террасы и оборудования на его поверхности жилищ и различных хозяйственных ям начиная с энеолита до позднего средневековья включительно. Об этом также говорит стратиграфия распределения находок в культурном слое. Так, А.П. Шокуров отмечал в нижних слоях неолита фрагменты плоскодонного сосуда (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 134, 150, табл. XV, позиция 5). Аналогичные плоские донца отмечены Г.Н. Матюшиным в слое энеолита (Матюшин, 1982, с. 205, 206, 254, табл. 111, позиция 3).

Изученная нами коллекция памятника позволила впервые выделить на поселении

накольчатую плоскодонную посуду татарско-азибейского типа, которая датируется на современном этапе первой – третьей четвертью IV тыс. до н.э. (Морозов и др., 2020). Иными словами, накольчатая плоскодонная керамика не синхронна ни с керамикой камской культуры (слой II), ни с воротничковой посудой (слой III) и попала она в эти слои в результате механического перемешивания почвенной массы. Это подтверждается и тем, что типичная камская керамика массово была выявлена в том числе с воротничковой посудой в слое Муллино III (Матюшин, 1982, с. 248, табл. 105, позиция 1; с. 251, табл. 108, позиция 2-3, 5-6, 9, 12-13; с. 252, табл. 109, позиция 9, 11). Причем некоторые из этих фрагментов имеют черты раннеолитической керамики – лощеность, орнамент из мелкогребенчатого штампа, свободные от декора зоны.

Не нарушенным более поздними напластованиями культурный слой поселения мог сохраниться в нижней части неолитического слоя (слой Муллино IIa – по Г.Н. Матюшину), косвенно об этом свидетельствуют выявленные на дне этого горизонта многочисленные развалы и серия целых неолитических сосудов.

Материальная культура поселения

Керамика. На основе керамического материала (более 5 тыс. фр.), выделено шесть культурно-хронологических горизонтов (неолит, финальный неолит, энеолит, ПВБ, РЖВ, средневековье).

Самой многочисленной группой является керамика камской неолитической культуры (более 3,5 тыс. фр. от 107 сосудов). Посуда имеет закрытую форму с округлым или приостренным дном. Толщина стенок варьируется от 0,4 до 1,5 см, а преобладающая равна 0,7–1 см. Срез венчиков скошенный вовнутрь или округлый, реже – приостренный или сужающийся и немного отогнутый наружу. Наплыв с внутренней стороны отмечен на 23% венчиках.

Орнамент нанесен по всей внешней поверхности сосудов плотными рядами мелкогребенчатого штампа различной длины или углом такого штампа. Композиции состоят из разнообразных вариантов длинных вертикальных, наклонных и горизонтальных рядов отгисков штампа (37,12%), чередующихся с короткими наклонными вдавлениями, которые играют роль разделительных линий (35,15%) (рис. 3: 2-5, 7-8, 10-11; 4: 5, 6, 9-13, 15, 16; 5: 12-19; 6: 2, 3, 5, 6, 10, 11, 14, 15; 7: 1, 9, 12; 8: 10). Этому типу посуды присущи также различные вари-

анты «плетенки» (рис. 3: 1; 7: 3, 4, 7-8, 11, 13), «зигзаги» (рис. 3: 7, 8; 4: 13, 16; 6: 4, 11, 16; 7: 10, 14) косая решетка (рис. 4: 8; 6: 12), зональное или сплошное украшение поверхности «шагающей» гребенкой (рис. 4: 2, 3, 14; 5: 6-8, 11; 6: 1; 7: 15) вдавлениями углом штампа (рис. 3: 12; 5: 20) или «гусеничками» (рис. 3: 6).

Обращают на себя внимание сосуды без орнамента, представленные 3,47% от общего числа камской неолитической посуды (рис. 5: 1–5). В совокупности с такими признаками, как примеси к глиняному тесту (шамот), форма сосудов (закрытые), оформление венчиков (скошенные вовнутрь, округлые), наплывы с внутренней стороны – данную керамику можно соотнести с камской культурой. Необходимо подчеркнуть, что неорнаментированная керамика, сочетающая в себе камские признаки, наиболее яркий из которых – типичный «камский» наплыв с внутренней стороны венчика, неизвестна на других памятниках камской культуры. Стоит отметить позицию Г.Н. Матюшина, который считал керамику без орнамента (вместе с керамикой, украшенной створкой зазубренной раковины) наиболее древней среди керамического материала Муллинского II поселения (Матюшин, 1996, с. 66, 67). В тоже время, нельзя не обратить внимание на то, что неорнаментированные сосуды представлены и в материалах воротничкового типа из Муллино III (Матюшин, 1982, с. 243, табл. 99: 2, 15). Толстостенные фрагменты без узоров обнаружены на стоянке Усть-Шижма в Камско-Вятском междуречье и датируются 6430 ± 120 ВР (Лычагина и др., 2021, табл. 1: 1).

Из коллекции керамики Муллинского II поселения (слой Муллино II) были проанализированы фрагменты 19 сосудов камской культуры: 2 – из слоя Муллино IIa (рис. 9: 1, 2); 15 – из слоя Муллино IIb (рис. 9: 3-17); 2 – из слоя Муллино IIc (рис. 9: 18-19)⁶.

Анализ керамических комплексов был проведен в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским. Данная методика предполагает, что при создании керамического сосуда мастер последовательно выполнял ряд узких технологических задач. Производственные процессы в гончарстве А.А. Бобринский делит на три стадии (подготовительная, созидательная, закрепительная), каждая из которых состоит из четырех ступеней (Бобринский, 1978).

В работе основной задачей являлось изучение первой подготовительной стадии гончар-

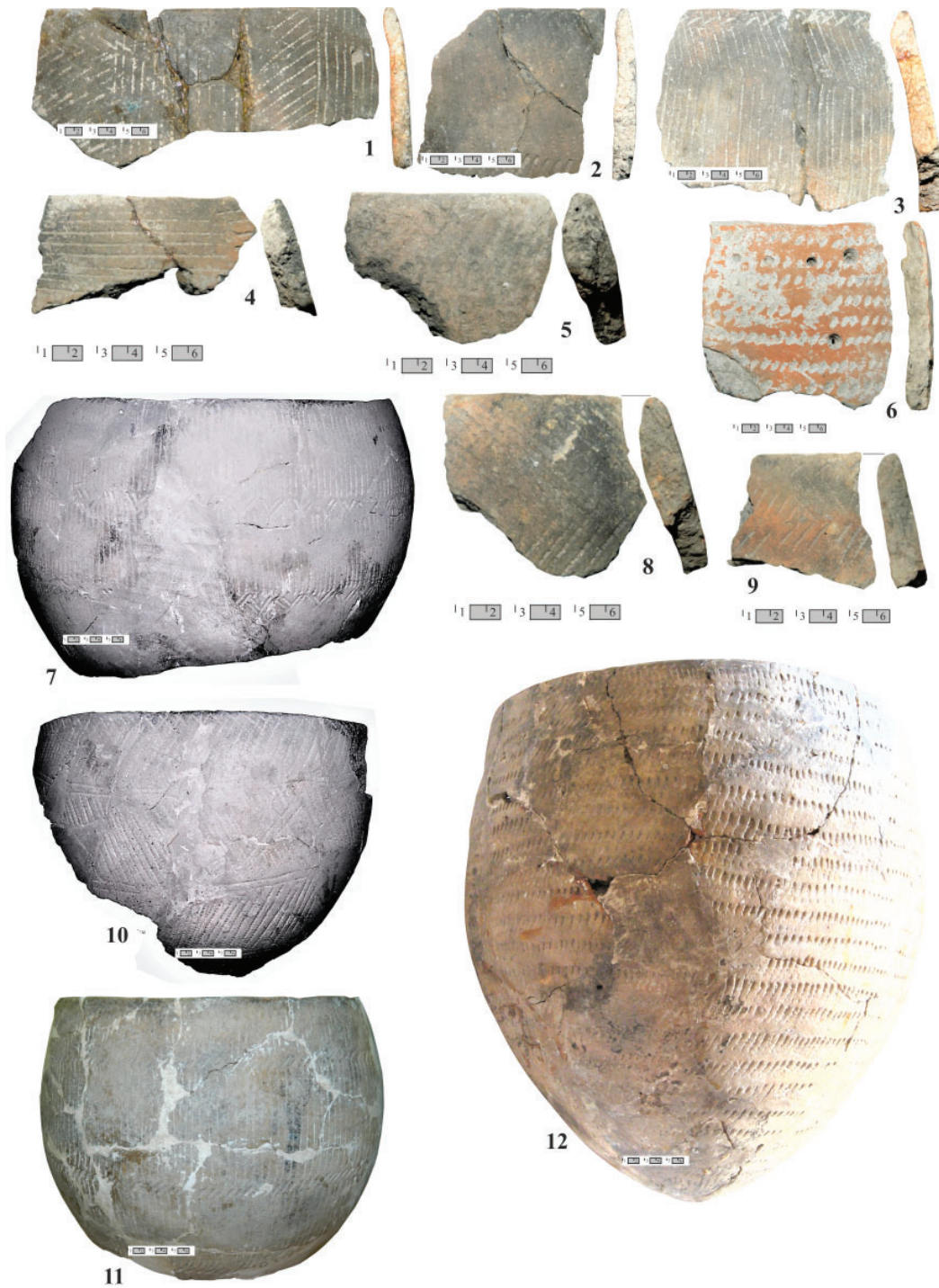

Рис. 3. Керамика камской культуры Муллинского II поселения:
 1-6, 8, 9 – венчики от сосудов; 7, 10, 11-12 – склеенные развалы и целый сосуд
Fig. 3. Ceramics of the Kamskaya culture from the Mullino II settlement:
 1-6, 8, 9 – rims of vessels; 7, 10, 11 - 12 – bonded shards and a whole vessel

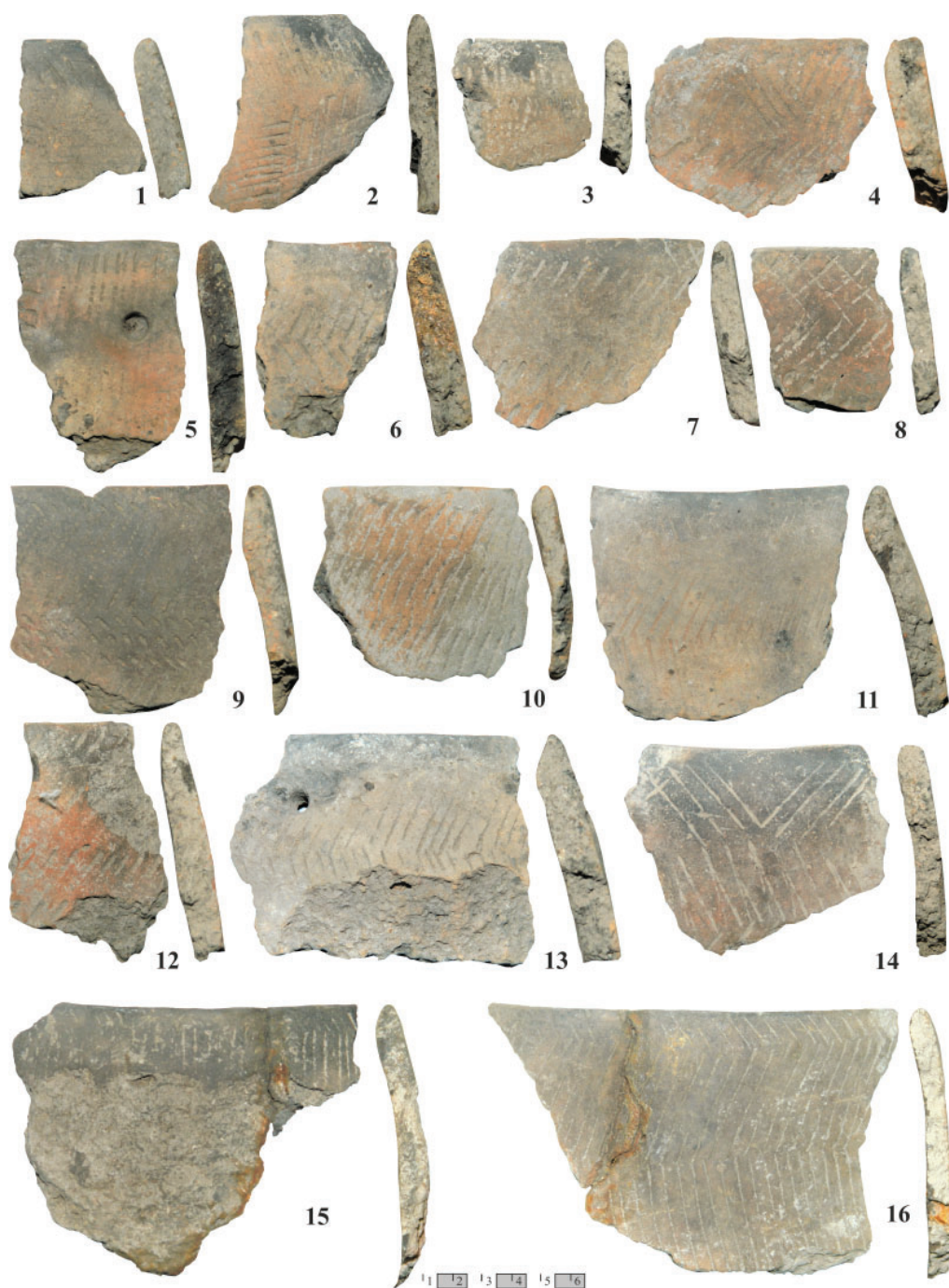

Рис. 4. Керамика камской культуры Муллинского II поселения:
1-16 – венчики от сосудов
Fig. 4. Ceramics of the Kamskaya culture from the Mullino II settlement:
1-16 – rims of vessels

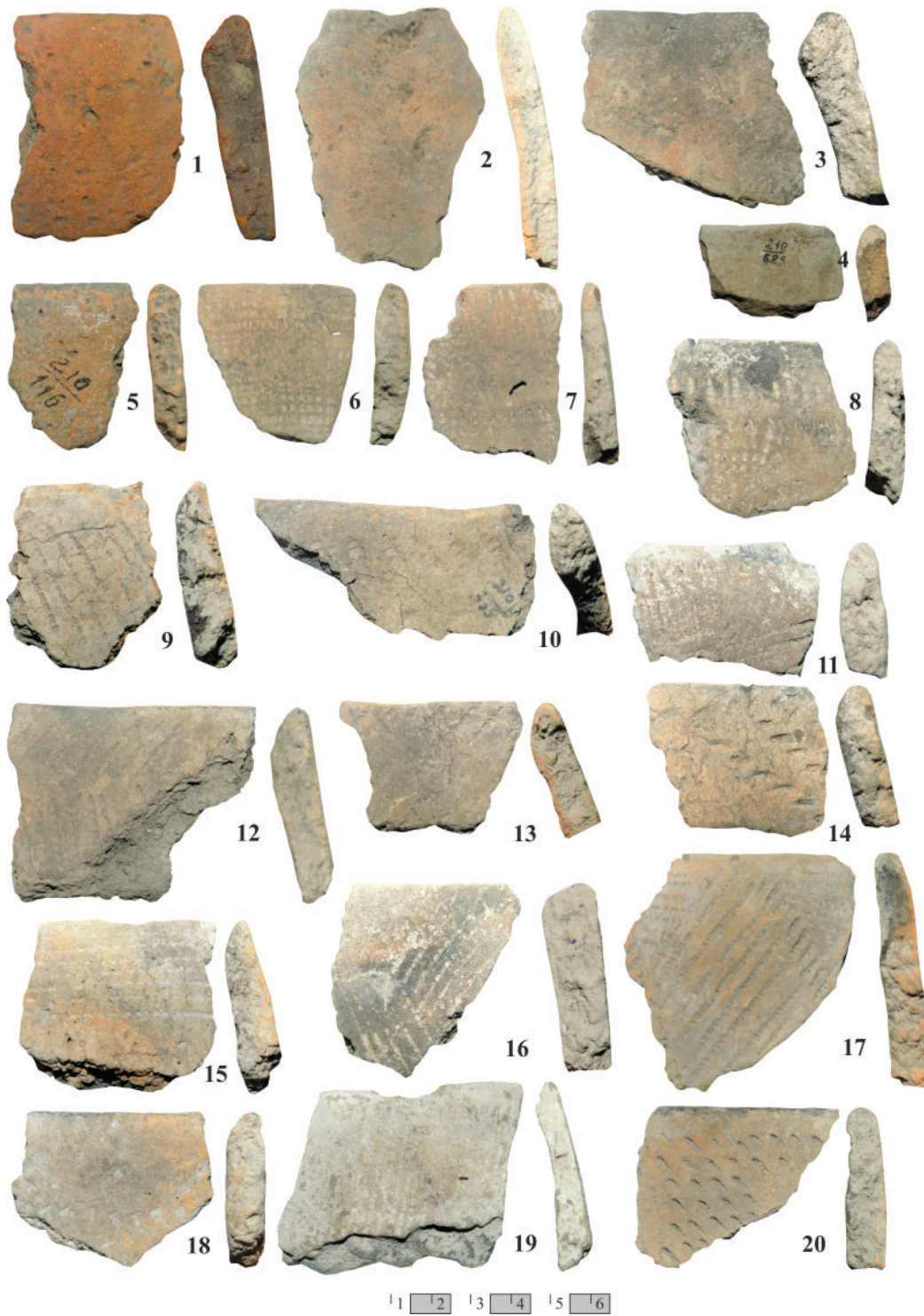

Рис. 5. Керамика камской культуры Муллинского II поселения:
1-20 – венчики от сосудов
Fig. 5. Ceramics of the Kamskaya culture from the Mullino II settlement:
1-20 – rims of vessels

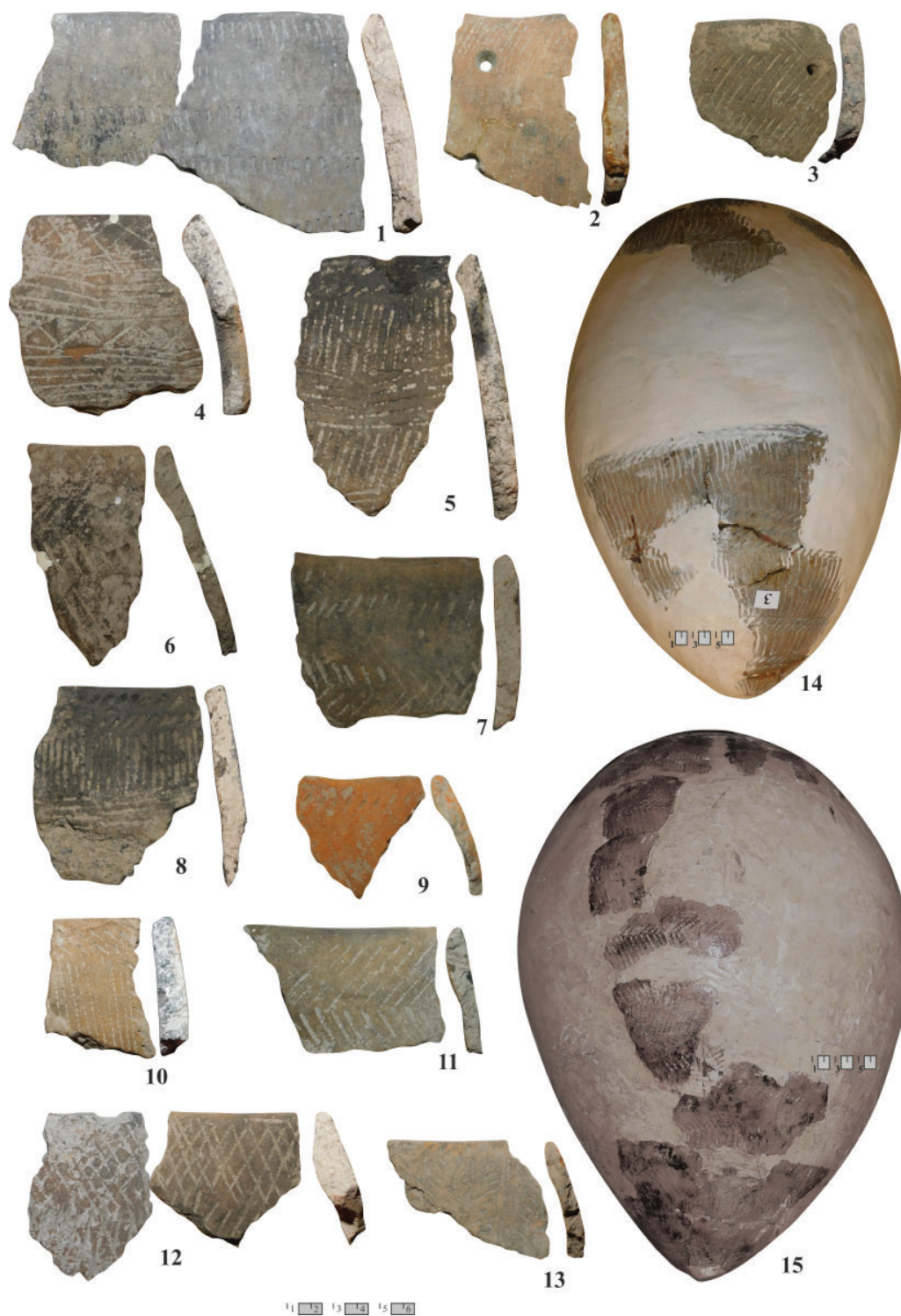

Рис. 6. Керамика камской культуры Муллинского II поселения:
 1-13 – венчики от сосудов; 14-15 – реставрированные целые формы сосудов
Fig. 6. Ceramics of the Kamskaya culture from the Mullino II settlement:
 1-13 – rims of vessels; 14-15 – restored whole vessel shapes

Рис. 7. Керамика камской культуры Муллинского II поселения:
1-3 – венчики от сосудов; 3а-15 – стенки; 10а – донце
Fig. 7. Ceramics of the Kamskaya culture from the Mullino II settlement:
1-3 – rims of vessels; 3а-15 – walls; 10а – bottom

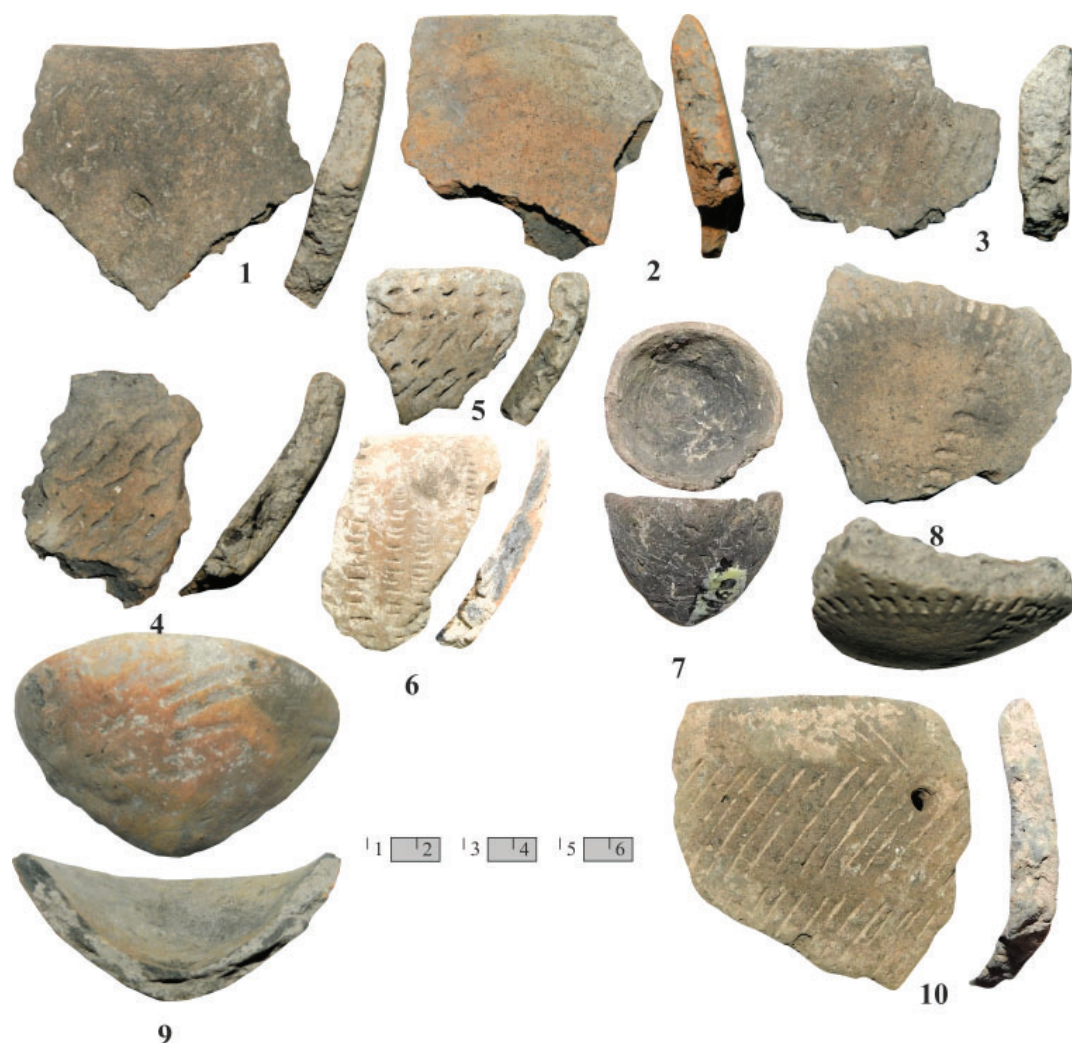

Рис. 8. Керамика камской культуры Муллинского II поселения:

1-6, 10 – венчики от сосудов; 7, 9 – полная форма; 8 – донце

Fig. 8. Ceramics of the Kamskaya culture from the Mullino II settlement:

1-6, 10 – rims of vessels; 7, 9 – whole form; 8 – bottom

ной технологии: исходного пластичного сырья (далее ИПС) (1–3 ступени) и рецептов формовочных масс (далее ФМ) (ступень 4). Данные о рецептах ФМ по составу делятся на три группы (Цетлин, 2012, с. 68–75).

1 группа – с несмешанным однокомпонентным составом (рецепты, состоящие только из ИПС без добавления искусственных примесей);

2 группа – с несмешанными двухкомпонентными составами (ИПС + искусственная примесь минеральная или органического происхождения);

3 группа – смешанные многокомпонентные составы (ИПС + более 2-х искусственных примесей).

Технико-технологический анализ проводился при помощи микроскопа МБС-9 на базе Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ.

Из слоя Па было отобрано два образца от сосудов закрытой формы. Один из них украшен по всей внешней поверхности горизонтальными рядами наклонных вдавлений от угла штампа (рис. 9: 1), а второй – мелкогребенчатым орнаментом в виде вертикального зигзага (рис. 9: 2).

Ступени 1–3. Сосуды были изготовлены из естественно увлажненного сырья – глины и илистых глинистых глин. Сырье отбиралось средnezапесоченным / незапесоченным (табл. 1).

Ступень 4. Формовочные массы представлены смешанным многокомпонентным составом (3 группа) – «илистая глина/глина + шамот + органический раствор» (табл. 1). Шамот использовался в небольшой концентрации (1:8; 1:9) и малой фракции (менее 2 мм).

Из слоя Пб представлено 15 образцов от сосудов закрытой и чашеобразной форм, украшенных гребенчатым длинным и коротким

Рис. 9. Керамика камской культуры, отобранная для изучения формовочных масс:
 1-2 – слой IIa; 3-17 – слой IIb; 18-19 – слой IIc
Fig. 9. Ceramics of the Kamskaya culture selected for studying the moulding compounds:
 1-2 – layer IIa; 3-17 – layer IIb; 18-19 – layer IIc.

Таблица 1. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики по условным горизонтам слоя Муллино II (IIa, IIb, IIc)

Table 1. The results of studying the moulding compounds (MCs) of ceramics of the Kamskaya culture based on the conditional horizons of the Mullino II layer (IIa, IIb, IIc)

Состав формовочных масс	Исходное пластичное сырьё (ИПС)					Итого:	
	Илистые глины		Глины				
	незапесоченные		незапесоченные	запесоченные			
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.		
IIa							
<i>Муллинское II поселение</i>							
ОР + Ш < 2мм	1	-	-	-	1	2	2/100%
IIb							
<i>Муллино</i>							
Ш < 2мм	1	1	2	-	-	4/26%	15/100%
ОР	-	1	1	-	1	3/20%	
ОР + Ш < 2мм	3	-	4	1	-	8/54%	
IIc							
<i>Муллино II</i>							
Ш < 2мм	1	-	-	-	-	1	2/100%
ОР + Ш < 2мм	-	1	-	-	-	1	

Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор.

штампом (мелкозубчатым). Орнаментальные мотивы: различные варианты «плетенки» (рис. 9: 5, 12, 14), горизонтальные ряды «шагающей» гребенки (рис. 9: 4), вдавления короткого оттиска («гусенички») (рис. 9: 6), ряды коротких наклонных оттисков, чередующихся с горизонтальными рядами вертикальных вдавлений длинного штампа (рис. 9: 15, 17), рядами вертикальных вдавлений ногтевидных оттисков (чашевидный сосуд) (рис. 9: 3).

Из слоя IIc для анализа отобрано два сосуда (рис. 9: 18, 19). Для изготовления посуды использовались незапесоченные илистые глины (40%) и глины (60%). ИПС в дробленном состоянии было отмечено в трех случаях (20%) (табл. 1).

Степень 4. Рецепты ФМ относятся ко второй и третьей группе.

Ко второй группе – с несмешанным двухкомпонентным составом, куда входит ИПС и искусственная примесь, стоит отнести следующие составы: «илистая глина/глина + шамот», «илистая глина/глина + органический раствор» (табл. 1).

В третьей группе со смешанным многокомпонентным составом отнесен рецепт – «илистая глина/глина + шамот + органический раствор» (табл. 1). Шамот использовался мелкодробленый (до 2 мм).

Как было показано в описании керамического материала, типологически вся керамика камской культуры однородна и имеет многочисленные аналоги в развитом этапе Верх-

него, Среднего и Нижнего Прикамья. Для информативности условные горизонты IIa, IIb, IIc были объединены в одну графу (табл. 1a). Таким образом, технико-технологическому анализу было подвергнуто 17,76% посуды от общего количества сосудов камской неолитической культуры Муллинского II поселения. Традиции изготовления керамики, сложившейся среди носителей камской культуры в лесостепной зоне Южного Предуралья, заключались в использовании в качестве ИПС преимущественно незапесоченных увлажненных глин (36,84%) и илистых глин (31,58%). В дробленном состоянии илистые глины отмечены в 15,79% случаях, а глины – в 5,26%. ИПС в виде увлажненных запесоченных глин установлен в 10,53% случаев.

В исходном пластичном сырье преобладают искусственные примеси в составе: органический раствор с шамотом (57,89%), далее – мелкодробленый шамот (26,32%) и реже – органический раствор (15,79%) (табл. 1a).

Важным открытием последних лет явилось обоснование обособленности камской керамики, которая оказалась никак не связанной с двумя древнейшими гончарными традициями Поволжья: елшанской и культуры с накольчато-прочерченным орнаментом Нижнего Поволжья (Васильева, Выборнов, 2012, с. 45). Было установлено, что для изготовления камской гребенчатой керамики Среднего Прикамья на раннем этапе было характерно использование жирных ожелезненных глин.

Таблица 1а. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики по слою Муллино II (общая)

Table 1a. The results of studying the moulding compounds (MCs) of ceramics of the Kamskaya culture based on the Mullino II layer (general)

Состав формовочных масс	Исходное пластичное сырьё (ИПС)					Итого:	
	Илистые глины		Глины				
	незапесоченные		незапесоченные	запесоченные			
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.		
<i>Муллинское II поселение</i>							
ОР + Ш < 2мм	4	1	4	1	1	11	57,89%
Ш < 2мм	2	1	2	-	-	5	26,32%
ОР	-	1	1	-	1	3	15,79%
Итого	6 (31,58%)	3 (15,79%)	7 (36,84%)	1 (5,26%)	2 (10,53%)	19 (100%)	
	9 (47,37%)		10 (52,62%)				

В качестве примеси использовалось дробленое сырьё в сухом виде. На развитом этапе процент использования гончарами глин падает, появляется посуда из илистых глин, которая на левшинском этапе полностью заменяет обычные глины в качестве исходного сырья. По мнению А.А. Выборнова и И.Б. Васильевой, смешение гончарных традиций хорошо прослеживается на материалах Нижнего Прикамья, что обусловлено близостью лесостепной средневожской культуры, использовавшей илистые глины (Васильева, Выборнов, 2013, с. 60–86).

На материалах Муллинского II поселения следует отметить примерно равное соотношение в использовании в качестве исходного пластичного сырья глин (52,62%) и илистых глин (47,37%), что как будто бы подтверждает ее хронологическую позицию (развитой этап камской культуры), основанную на типологии. Однако, как будет показано ниже, серией радиоуглеродных дат установлен раннеэнеолитический возраст культурного слоя с камской керамикой.

Вторая по численности группа керамики представлена фрагментами посуды, ярким отличием которой является воротничковое утолщение с внешней стороны венчиков (рис. 10).

Г.Н. Матюшин на основе 2412 фр. керамики слоя Муллино III (материалы исследований 1979 г.) выделил 80 воротничковых сосудов агидельской – в терминологии исследователя, культуры. Ее краткая усредненная характеристика выглядит следующим образом: круглодонная посуда полуяйцевидной формы. В

отличие от неолитических сосудов, эта керамика имела меньшие размеры и более вытянутые пропорции, а также различные отощители в исходном пластичном сырье (раковина, дресва, органика, шамот) (Матюшин, 1982, с. 202). Вся внешняя поверхность сосудов украшена отпечатками длинного гребенчатого штампа (с крупными зубцами) или короткими отпечатками т.н. «гусеничек», но в отличие от неолитической керамики, узоры нанесены несколько разреженно. В отдельных случаях под воротничком фиксировался ямочно-жемчужный пояс (Матюшин, 1982, с. 202). Сюда же было отнесено около десяти сосудов с невыраженными, утолщенными или немного отогнутыми наружу венчиками (Матюшин, 1982, с. 204).

После изучения керамической коллекции нами выделено не более 53 сосудов⁷. Многие венчики такой керамики, опубликованные Г.Н. Матюшиным в монографии 1982 г., нами не были выявлены в коллекциях, либо они были в очень фрагментарном состоянии. В глиняном тесте такой посуды присутствуют разнообразные примеси шамота, раковины и органики. Подобная посуда была подробно описана Г.Н. Матюшиным (Матюшин, 1982, с. 201–206). Отметим лишь присутствие (рис. 10: 1) в материальной культуре памятника сосуда с хвалынскими элементами, который не был отражен ни в полевых отчетах, ни в печатных работах. О присутствии керамики хвалынского типа свидетельствуют и еще два экземпляра (Матюшин, 1982, с. 244, табл. 100: 8, 9). Обнаружение фрагментов данной культуры не следует считать чем-то исклю-

Рис. 10. Воротничковая керамика Муллинского II поселения:
1 – хвалынская культура; 2-10 – самарская (ивановский тип) культура
Fig. 10. Collar ceramics from the Mullino II settlement:
1 – Khvalynsk culture; 2-10 – Samarskaya culture (Ivanovo type)

чительным: типичный хвалынский сосуд найден на стоянке Сауз I севернее анализируемого памятника (Выборнов и др., 1984, с.12, рис. 11: 2).

Характеризуя воротничковую керамику Муллинского II поселения, Н.Л. Моргунова пришла к заключению о том, что посуда имеет больше общих черт с ивановским типом керамики бассейнов рр. Самара и Сок по сравнению с синкретической воротничковой кера-

микой русско-азибейского типа (Моргунова, 1987, с. 30), выделенной на материалах поселений камской неолитической культуры на ее позднем (левшинском) этапе (Габяшев, 1978; 2003). Анализ этой керамики, проведенный нами, позволил согласиться с выводами Н.Л. Моргуновой. Технология изготовления воротничковой керамики русско-азибейского типа продолжает гончарные традиции камского неолитического населения, а для ивановского

Рис. 11. Финальнонеолитическая и энеолитическая керамика «лесного круга» Муллинского II поселения:
1 – гаринская культура; 2-4 – новоильинская культура; 5-11 – татарско-азибейский культурный тип
Fig. 11. Final Neolithic and Eneolithic ceramics of the “forest circle” of the Mullino II settlement:
1 – Garino culture; 2-4 – Novoilyinskoe culture; 5-11 – Tatar-Azibey cultural type

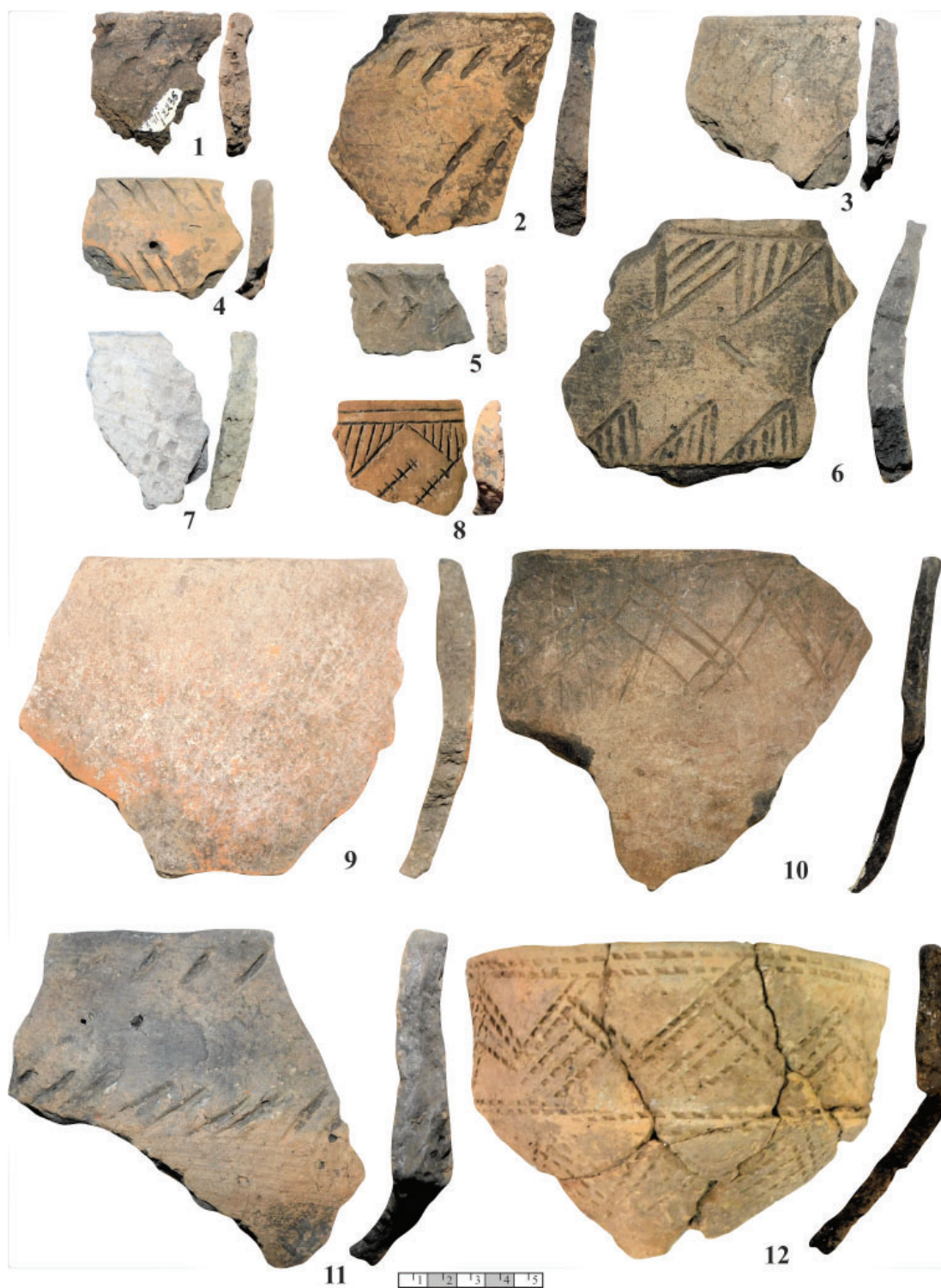

Рис. 12. Керамика позднего бронзового века Муллинского II поселения
Fig. 12. Ceramics of the Late Bronze Age from the Mullino II settlement

Рис. 13. Керамика финала бронзового века (1, 3, 6); раннего железного века (4, 5, 7, 10); Средневековья (2, 8-9, 11-15)
Fig. 13. Ceramics of the Final Bronze Age (1, 3, 6); Early Iron Age (4, 5, 7, 10); Middle Ages (2, 8-9, 11-15)

Таблица 2. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики
Table 2. The results of studying the moulding compounds (MCs)
of the Tatar-Azibey type of ceramics

Состав формовочных масс	Исходное пластичное сырьё (ИПС)					Итого:
	Илистые глины		Глины			
	незапесоченные		незапесоченные	запесоченные		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	
<i>Татарско-азибейский тип</i>						
<i>Муллино</i>						
ОР	-	-	-	1	-	1/100%

типа керамики самарской раннеэнеолитической культуры в составе формовочной массы характерны илы, сильно насыщенные органикой, или илистые глины с искусственно добавленными примесями – толченой раковины (Моргунова, 2011, с. 65). Хотя добавки шамота и были зафиксированы, но они были настолько незначительными, и не играли никакого технологического смысла (Моргунова, 2011, с. 66). Именно добавки толченой раковины отмечены нами в воротничковой керамике Муллинского II поселения.

Небольшой серией представлены на памятнике финально-неолитические и энеолитические комплексы, которые, как и посуда камской культуры, относятся к лесному кругу – фрагменты новоильинской (5 сосудов) (рис. 11: 2-4) и гаринской (1 сосуд) (рис. 11: 1) культур. Судя по иллюстрациям Г.Н. Матюшина (1982), в коллекции памятника присутствовали и фрагменты посуды токского типа (II этап самарской культуры).

В материалах поселения нами была выявлена серия накольчатой посуды татарско-азибейского типа (рис. 11: 7-11) (Морозов и др., 2020). Всего отмечено 48 фрагментов керамики от 13 сосудов, восемь из которых удалось выделить по плоским донцам. Данная посуда по своим технико-технологическим показателям полностью идентична накольчатой керамике Татарско-Азибейского II поселения (Габяшев, 1978), за исключением некоторых второстепенных деталей, как, например, ямочный пояс под срезом, украшавший одну из миниатюрных чаш (рис. 11: 6). Как было отмечено выше, подобная керамика фиксировалась в неолитическом слое по материалам раскопок А.П. Шокурова, а также в слое Муллино III – по данным Г.Н. Матюшина.

Технико-технологический анализ, проведенный по одному из сосудов, показал, что для выбора ИПС отбирались незапесочен-

ные глины в дробленном состоянии, которым затем с помощью органического раствора (рыбий клей) придавали форму (табл. 2).

Верхний слой (Муллино IV) содержал представительную серию керамики ПБВ, РЖВ и Средневековья: срубной КИО (минимум 18 сосудов) (рис. 12), межовской культуры (1 сосуд) (рис. 13: 1), маклашеевской культуры (2 сосуда) (рис. 13: 3, 6), ананьинской КИО и пьяноборской посуды (минимум 6 сосудов) (рис. 13: 4, 5, 7, 10), а также единичные сосуды Средневековья (типа Кара-Якупово, Имендьяш, Кушнаренково) (рис. 13: 2, 8-9, 11-15). Судя по иллюстрациям опубликованных материалов, керамика ПБВ отмечена также в нижележащем энеолитическом слое – это воротничковая керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 149, табл. XIV, 4; Матюшин, 1982, с. 244, табл. 100, 5).

Каменные изделия

К сожалению, из-за отсутствия описи со стратиграфической привязкой всех выявленных предметов на поселении, на данном этапе очень сложно расчленить каменные изделия и соотнести их с тем или иным культурно-хронологическим горизонтом.

Отметим, что по результатам своих работ, А.П. Шокуров сделал наблюдение, что нижние горизонты содержали в себе орудия и отходы от их производства из темного графитизированного аргиллитового сланца, а верхние – из серого кремня (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 133). Отметим также кварцитовые изделия (рис. 15), выявленные в неолитическом слое. Подобные орудия не характерны для камской неолитической культуры и, по нашему мнению, они связаны с комплексом воротничковой керамики самарской или гаринской культур.

По материалам исследований 1979 г. Г.Н. Матюшин отмечал примерно равное соотношение изделий из камня Муллино II и III

Рис. 14. Изделия из камня Муллинского II поселения
Fig. 14. Stone items from Mullino II settlement

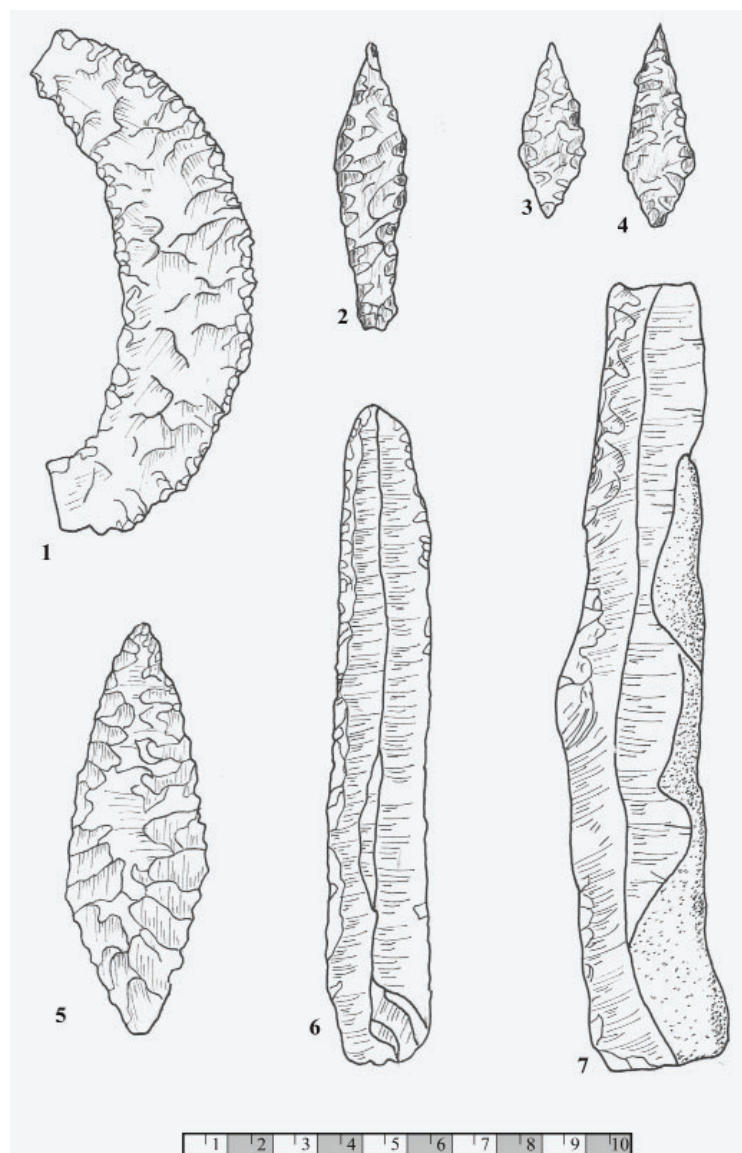

Рис. 15. Кварцитовые изделия и макропластины Муллинского II поселения (по Шокурову, Киктенко, 1978)
Fig. 15. Quartzite items and macroblades from the Mullino II settlement (after Shokurov, Kiktenko, 1978)

(Матюшин, 1982, с. 199, табл. XXXVIII). Ножевидные пластины и изделия из них преобладали в неолитическом слое, а в слое Муллино III доминировали изделия из отщепов и с двухсторонней обработкой. Несмотря на то, что материалы трех раскопов опубликованы в трех изданиях, получить корректную информацию по ряду аспектов не всегда удастся. Для определения характера первичного раскалывания необходимо оперировать соотношением пластин и отщепов. Судя по таблице XL (Матюшин, 1982, с. 207), количество отщепов в слоях неолитической поры (Муллино II) значительно превышает число в раннем энеолите (Муллино III). Однако, это объясняется досадной опечаткой и при ее устранении показатель будет почти одинаков. Что касается нуклеусов, то несколько неожиданно полное совпадение их числа в разных

слоях раскопов I и II. Отсутствует информация о типах нуклеусов и их различиях в неолите и энеолите.

Ножевидных пластин в неолитическом слое ненамного больше, чем в вышележащем. О резком их уменьшении говорить не приходится. Тем более, что Муллино II представлен тремя слоями, а Муллино III одним. Здесь важнее не количество, а их параметры. Была бы полезна информация о сырье, из которого изготовлены артефакты в Муллино II и III. Судя по имеющимся данным, на стоянках Русский Азибей и Сауз II носители керамики воротничкового типа использовали кремнь узкополосчатого (яшмовидного) цвета, в то время как население камской культуры применяло иные сорта (Выборнов, 2008). Г.Н. Матюшин отмечает, что в агидельском слое пластины становятся более массивными по сравнению с

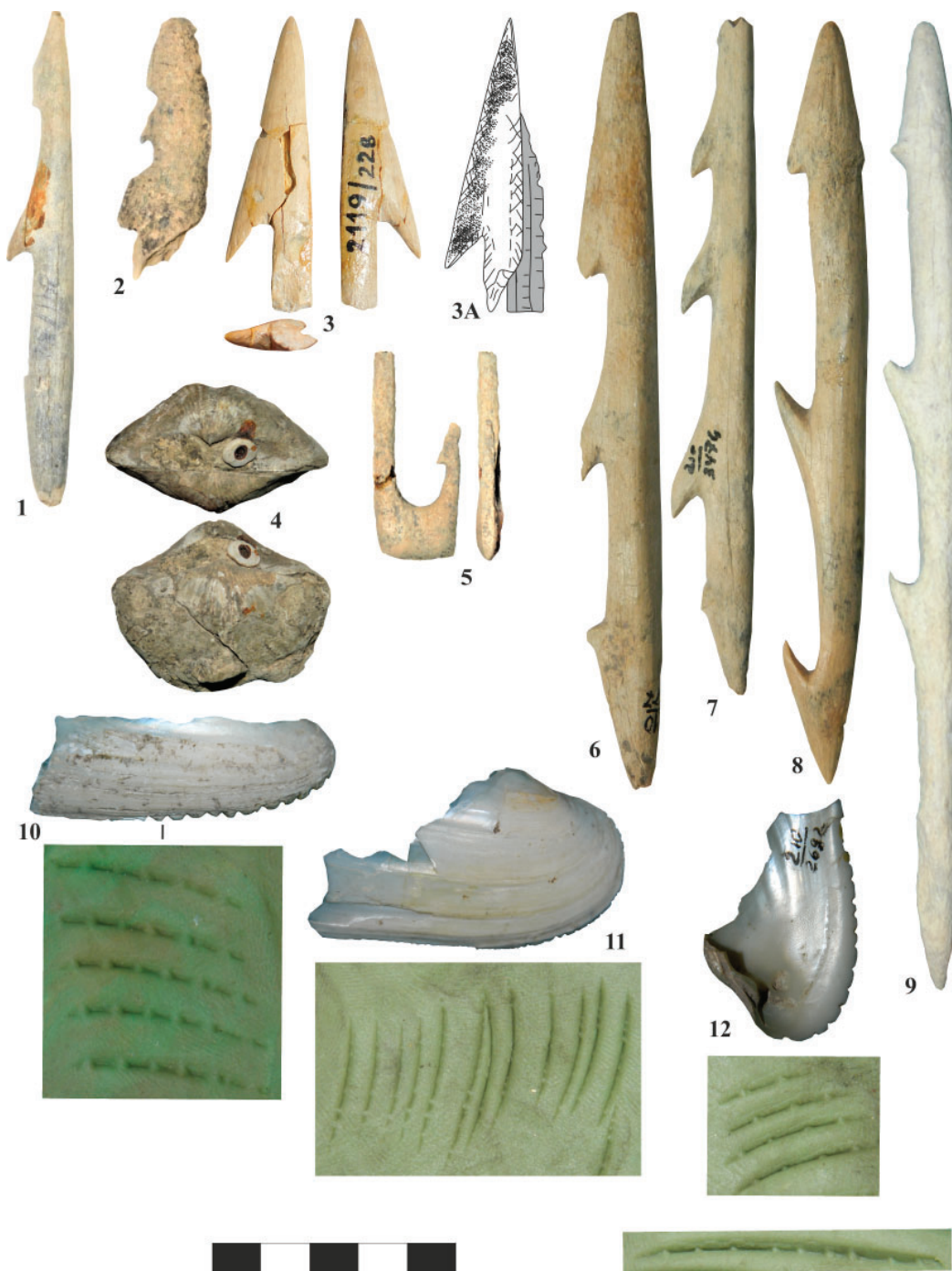

Рис. 16. Изделия из кости и раковины Муллинского II поселения
 Fig. 16. Bone and shell items from the Mullino II settlement

неолитическими. Здесь следует добавить, что они изготовлены именно из узкополосчатого типа сырья (рис. 14: 6, 15, 16).

Нельзя согласиться, что уменьшился ассортимент изделий по сравнению с неолитом. Так, резцы представлены по одному в обоих слоях (Матюшин, 1982, с. 207, табл. XL). Об их типах судить довольно сложно. В одной из публикаций резцы есть на иллюстрации только из Муллино II. Но здесь представлены срединные и поперечноретушные типы (Матюшин,

1996, с. 296, табл. 51), которые следует атрибутировать мезолитическим временем. Что касается острий, то в энеолитическом слое их в три раза больше, чем в Муллино II. Причем, значительная их часть сделана из узкополосчатого кремня и по типам аналогична ранним агидельским, включая скошенные острия (рис. 14: 5, 8, 9, 17). Наконечники в Муллино II отсутствуют, а выше обнаружен лишь один кельтеминарского типа. Аналогичные изделия присущи именно воротничковым комплексам

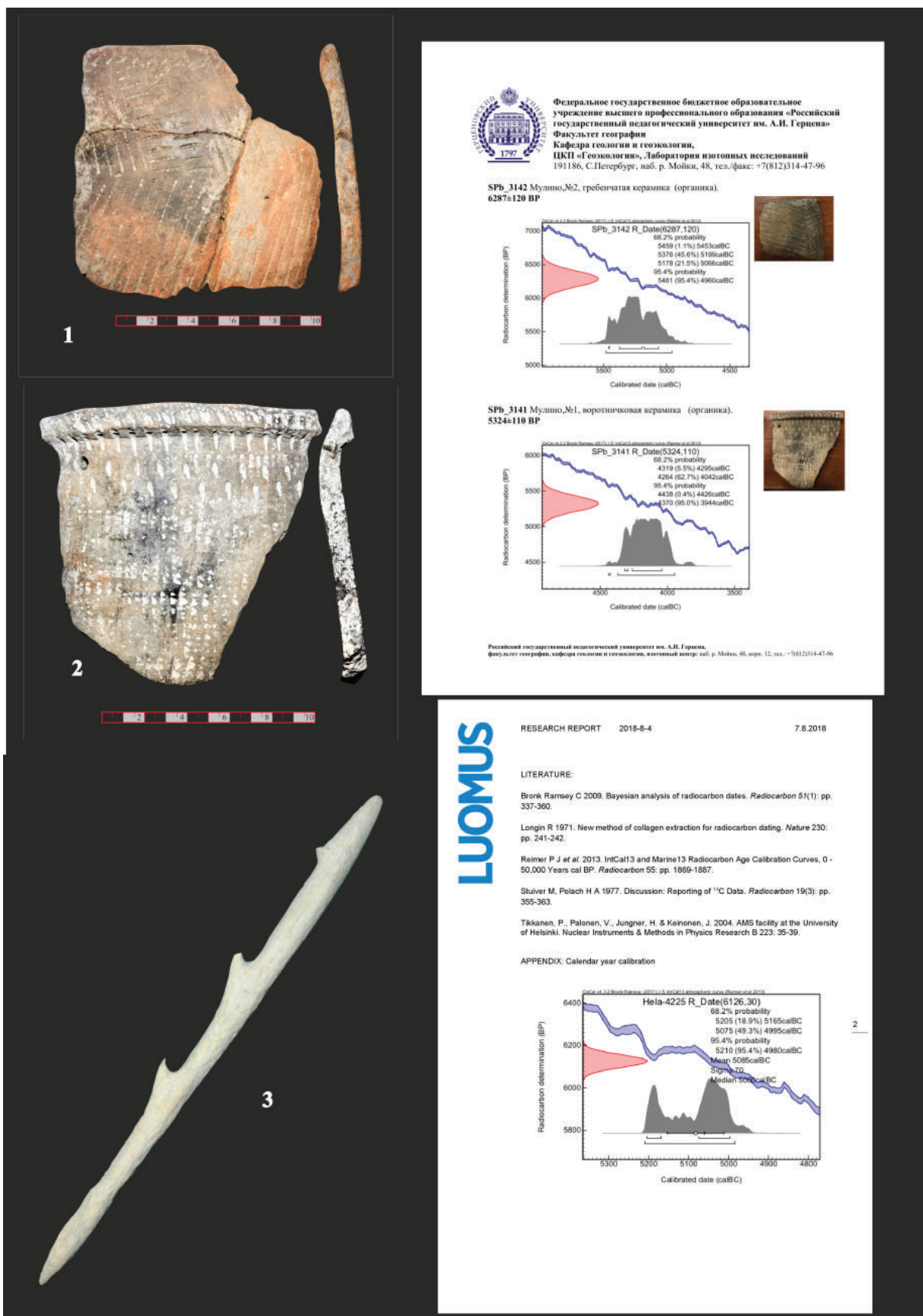

Рис. 17. Радиоуглеродные определения по керамике (1, 2) и кости (3)
 Fig. 17. Radiocarbon dating based on ceramics (1, 2) and bone (3)

как на Русском Азибее (Габяшев, 2003, с. 207, рис. 66: 11), так и на Непряхе VI (Жукова и др., 2018, с. 34). Количество скребков одинаково, но энеолитические выделяются как по сырью, так и по массивности заготовок (рис. 14: 19, 20, 28, 29, 31, 32). Что касается двустороннеобработанных орудий, то в неолитических слоях Муллино II автор раскопок их не отмечает, а те, которые найдены в Муллино III он относит к суртандинским. Речь идет не только о серповидном ноже (рис.15: 1), но и наконечниках стрел (рис. 15: 2-5). Здесь необходимо пояснение. В статье автор их относит к Муллино III (Матюшин, 1982а, с. 52, рис.10), а в монографии Муллино III – IV (Матюшин, 1982, с. 208). Необходимо отметить, что ножи с двусторонней ретушью обнаружены в комплексах неолита Прикамья (Габяшев, 2003, с.154, рис. 10: 14; с. 161, рис.17: 14; Выборнов, 2008, с. 465, рис. 217: 16; с. 473, рис. 225: 2), поэтому настаивать на их суртандинской принадлежности на Муллино, с учетом единичности черепков данного типа на памятнике, недостаточно убедительно. Что касается наконечников стрел с двусторонней обработкой, то подромбические формы также встречаются на опорных памятниках камской культуры (Выборнов, 2008, с.461, рис. 213: 4; с. 463, рис. 215: 1, 3). Прямолезвийные ножи (рис.15: 6, 7), изготовленные из узкополосчатого сырья на крупных пластинах, находят полные аналогии в материалах с воротничковой посудой (Габяшев, 2003; Выборнов, 2008, с. 453, рис. 205: 1-3).

Прочие изделия

Отличительной особенностью Муллинского II поселения от других синхронных памятников Икско-Бельского междуречья является его геоморфологическое расположение. Культурный слой здесь приурочен к влагонасыщенным озерным суглинкам, которые способствовали сохранению органических и органико-содержащих материалов.

Выявленный А.П. Шокуровым мезолитический слой позволил получить выразительную серию охотничьего костяного инвентаря, часть которого представлена на рис. 16: 1-3 (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 134).

Раскопками 1979 г. в неолитическом и энеолитическом слоях выявлено 257 изделий из кости (Матюшин, 1982, с. 209). Для слоя Муллино II были характерны гарпуны (рис. 16: 6-9) и другое рыболовное снаряжение (рис. 16: 5), крупные обработанные костяные изделия, зубчатые штампы из створок раковин

семейства Unionidae (рис. 16: 10-12). Для слоя Муллино III характерны мелкие изделия из кости: гребенчатые орнаменты с крупными зубцами, пластинки из кости с орнаментом, а также всевозможные украшения (подвески, в т.ч. из клыков хищных животных, перламутровые бусины и т.д.) (Матюшин, 1982, с. 210). Уникальными изделиями являются изготовленные из морских раковин Brachiopoda орнитоморфные фигуры, изображающие сов, одна из которых представлена на рисунке (рис. 16: 4). Изображения этой хищной птицы характерно для многих первобытных культур (Бродянский, 2012). Поэтому вызывает сожаление потерянный контекст подобных находок. В монографии 1982 года эти поделки из раковин были отнесены к слою Муллино III (Матюшин, 1982, с. 211, 212, рис. 51), а в монографии 1996 году уже к слою Муллино II (Матюшин, 1996, с. 57). Ближайшие аналогии подобным изображениям сов нами прослежены на глиняных сосудах в культурах энеолита Западной Сибири (Тупахина, 2016; Кокшаров, 2009).

Радиоуглеродная хронология Муллинского II поселения

Со второй половины 1970-х гг. до настоящего времени для Муллинского II поселения было получено 15 радиоуглеродных определений в различных лабораториях (Уфа, Москва, Киев, Санкт-Петербург, Хельсинки) по культуровмещающим остаткам, углю, кости/рогу и керамике (табл. 3).

Для первых опубликованных в литературе дат ^{14}C отсутствовали калиброванные значения (Яхимович и др., 1974; Матюшин, 1985; Чичагова и др., 1991). Их калибровка была произведена нами в программе OxCal 4.4 Online, предоставленной исследовательской лабораторией археологии и истории искусства Оксфордского университета. Для того, чтобы показать все даты в новой калибровочной кривой, нами были обработаны и современные даты ВР (Выборнов, 2008; Выборнов и др., 2014; Выборнов, Морозов, 2016; Морозов, 2020) по шкале IntCal20.

Наиболее древние даты были получены по уголькам из кострища и фрагментам древесины из мезолитического слоя (раскопки А.П. Шокурова): (БашГИ-59) 8500 ± 180 ВР, $8010-7074$ calBC; (БашГИ-37) 8560 ± 130 ВР, $7786-7136$ calBC; (БашГИ-58) 8320 ± 100 ВР, $7545-7133$ calBC (Яхимович и др., 1974).

Из слоя «на несколько десятков сантиметров выше» (Матюшин, 1996, с. 62) была получена дата по кости: (ИГАН-38) 8052 ± 160

Таблица 3. Результаты радиоуглеродного датирования образцов керамики, кости, угля и другой органики Муллинского II поселения
 Table 3. Results of radiocarbon dating of samples of ceramics, bone, coal and other organic materials from the Mullino II settlement

№ п/п	Лаб. индекс	Материал	Date (BP)	Calib. date (probability) OxCal 4.4 INTCAL 20 95,4%	Источник
1	БашГИ – 59	Уголь из кострища гл: 2,3 м	8500±180	1σ 8170-8116 (1,8%) 2σ 8010-7074 (93%)	Яхимович, Пшеничнюк, Киекбаев и др..., 1974
2	БашГИ – 37	Древесина гл: 2,15 м	8460±130	1σ 7106-7080 (0,9%) 2σ 7786-7136 (94,6%)	Яхимович, Пшеничнюк, Киекбаев и др..., 1974
3	БашГИ – 58	Уголь из кострища гл: 2,3 м	8320±100	1σ 7109-7079 (3,3%) 2σ 7545-7133 (90,6%)	Яхимович, Пшеничнюк, Киекбаев и др..., 1974
4	ИГАН- 38	Коллаген кости	8052±160	1σ 7467-7395 (3,4%) 2σ 7381-6598 (92%)	Матюшин, 1985; Чичагова, Черкинский, Алифанов и др..., 1991
5	ИГАН – 382	Коллаген кости	6450±80	1σ 5257-5222 (4%) 2σ 5559-5299 (90,5%)	Матюшин, 1985; Чичагова, Черкинский, Алифанов и др..., 1991
6	Ki - 15958	Неорнаментированная с камскими чертами	6340±90	1σ 5178-5064 (11,4%) 2σ 5478-5204 (84,1%)	Выборнов, Морозов, 2016
7	Ki - 15638	Гребенчатая керамика (камская культура)	6290±80	1σ 5471-5433 (4,2%) 2σ 5391-5045 (90,7%)	Выборнов, 2008
8	SPb - 3142	Гребенчатая керамика (камская культура)	6287±120	1σ 5478-4951 (95,4%)	Публикуется впервые
9	Ki - 15639	Гребенчатая керамика (камская культура)	6170±80	1σ 5310-4905 (94,4 %)	Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014
10	Hel-a-4225	Кость (гарпун)	6126±30	1σ 4972-4954 (2,8%) 2σ 5209–5146 (26,8%) 3σ 5133–4986 (65,9%)	Морозов, 2020
11	SPb - 3141	Воротничковая керамика (самарская культура)	5324±110	1σ 4366–3946 (95,4%)	Публикуется впервые
12	Ki-3154	Кость	4910 ± 50	1σ 3556-3538 (1,7%) 2σ 3799-3629 (92,8%)	Матюшин, 1996; Радиоуглеродная хронология..., 2004; Черных, Кузминых, Орловская, 2011
13	Ki-3153	Раковина	4660 ± 30	1σ 3516-3368 (95,4%)	Матюшин, 1996; Радиоуглеродная хронология..., 2004; Черных, Кузминых, Орловская, 2011
14	Ki-3155	Кость	4450 ± 40	1σ 2986-2932 (6,3%) 2σ 3339-3208 (38,6%) 3σ 3196-3008 (50,6%)	Матюшин, 1996; Радиоуглеродная хронология..., 2004; Черных, Кузминых, Орловская, 2011
15	ИГАН – 404	Коллаген кости	1910±130	1σ 201calBC-416calAD (94,7%)	Чичагова, Черкинский, Алифанов и др..., 1991

	- Мезолитический контекст
	- Камская культура
	- Ивановский тип (Самарская культура)
	- Энеолитический контекст (начало энеолита в лесной зоне, развитой и финальный энеолит лесостепной зоны)
	- Рубеж до новой и новой эр

BP, 7381–6598 calBC. Тут же исследователь отмечает: «разрыв между датами в несколько сотен лет хорошо увязывается с небольшими расстояниями между образцами для датирования, полученными из одного разреза... она полностью соответствует датам, полученным в Башкирском геологическом институте для Муллино I» (Матюшин, 1996, с. 62). Тем не менее, исследователь привязал эту дату к основанию неолитического слоя (Муллино II) (Матюшин, 1985а; 1996). Однако, полученное радиоуглеродное определение⁸ имеет явно мезолитический контекст.

Таким образом, функционирование мезолитического населения на памятнике происходило в промежуток 8010–6598 calBC (рубеж IX–VIII – середина VII тыс. до н.э.).

Дальнейшее датирование методом ¹⁴C позволило сделать первые даты по органике из неолитической гребенчатой керамики камской культуры: (Ki-15638) 6290±80 BP, 5391–5045 calBC; (Ki-15639) 6170±80 BP, 5310–4905 calBC (Выборнов, 2008). Близкие значения были получены по неорнаментированной посуде с «камскими чертами»: (Ki-15958) 6340±90 BP, 5478–5204 calBC (Выборнов, Морозов, 2016), а также дате, сделанной по коллагену из кости в Институте географии: (ИГАН-382) 6450±80 BP, 5559–5299 calBC (Чичагова и др..., 1991). Эти даты были верифицированы AMS определением по кости (гарпу) (рис. 17: 3), найденному в основании неолитического слоя: (Hela-4225) 6126±30 BP, 5133–4986 calBC (Морозов, 2020). Полученные даты укладывались в узкий хронологический промежуток второй половины VI тыс. до н.э. Судя по имеющимся представлениям о хронологии камской культуры (Выборнов, 2008), они соотносились с ранним этапом этой культуры.

Как уже отмечалось в литературе, большинство керамики камской культуры на Муллинском II поселении связывались с развитым этапом (Выборнов, 1985). Для верификации нами был отобран образец сосуда закрытой формы, с небольшим наплывом с внутренней стороны. Он украшен под венчиком пояском из вдавлений угла штампа, который переходил в мотив «плетенки» из мелкогребенчатого длинного и короткого штампа, а еще ниже – наклонных линий длинных гребенчатых отпечатков. Судя по описанию, он относится к развитому этапу камской культуры (рис. 17: 1) и имеет аналогии в посуде Лебединской II стоянки (Морозов, 2019, с. 27, рис. 5, позиция 3). Полученное определение: (SPb-3142)

6287±120 BP, 5478–4951 calBC (публикуется впервые) имеет близкое значение с уже известными датами. Другими словами, все шесть дат, связанные с неолитическим контекстом, синхронизируются с ранним этапом камской культуры.

Другой образец керамики, отобранный на анализ, имеет воротничковое утолщение с внешней стороны венчика и синхронизируется нами с ивановским типом самарской культуры (рис. 17: 2). Полученная дата: (SPb-3141) 5324±110 BP, 4366–3946 calBC (публикуется впервые) имеет несколько более молодой возраст, по сравнению с аналогичными материалами лесостепного Волго-Уралья. Судя по последним данным ивановский тип воротничковой керамики датируется на этой территории в пределах 6240–5440 BP или 5310–4220 calBC (Моргунова и др., 2010). Однако она синхронна позднейшей воротничковой керамике Нижнего Прикамья (Сауз II) (Выборнов, 2008).

Следующие радиоуглеродные определения, как уже отмечалось, были отобраны «с больших глубин» Г.Н. Матюшиным (Матюшин, 1996, с. 63). Судя по датам, опубликованным в коллективной монографии «Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии» (1996, с. 82, позиция 140–142), два образца происходили из слоя Муллино II и один образец – из слоя Муллино III. Полученные даты, вероятно, повлияли на пересмотр Г.Н. Матюшиным стратиграфической позиции материалов: «... детальное исследование показало, что они относятся к слою Муллино IV...» (Матюшин, 1996, с. 63). Эти определения: (Ki-3154) 4910±50 BP, 3799–3629 calBC; (Ki-3153) 4660±30 BP, 3516–3368 calBC; (Ki-3155) 4450±40 BP, 3196–3008 calBC, судя по имеющимся на сегодняшний день представлениям о хронологии культур, хорошо соотносятся с выявленной на поселении керамической серией новоильинской, гаринской культур и татарско-азийского типа керамики (Выборнов и др., 2019).

Наиболее молодое значение было получено при датировании кости из слоя Муллино IV (на легенде к образцу – «гл: 30 см. Энеолитическая хвалынско-гаринская культура» – по Г.Н. Матюшину: (ИГАН-404) 1910±130 BP, 201calBC – 416 calAD. Таким образом, исследователь не использовал последнее радиоуглеродное определение по коллагену из кости в обобщающих работах (Матюшин, 1985а; Матюшин, 1996), а две другие даты, полученные по аналогичному материалу в

Институте географии АН СССР, были искусственно привязаны к выделенным им культурам. Полученная дата по кости (рубеж до новой и новой эр), извлеченная с уровня -30 см от дневной поверхности, хорошо объясняется наличием в культурном слое Муллино IV серии горшков раннего железного века.

Выводы

Начало освоения останца террасы на площадке Муллинского II поселения связано со временем начала почвообразования над погребенным песками желобе древнего русла. Носители мезолитической культуры функционировали здесь, начиная с рубежа IX–VIII до середины VII тыс. до н.э.

В начале второй половины VI тыс. до н.э. на площадке памятника освоились носители лесной камской неолитической культуры. Следует отметить, что Муллинское II поселение географически является самым южным «камским» памятником, вклинившимся в лесостепь, с таким насыщенным и выразительным культурным слоем⁹. Проведенный анализ говорит о том, что это было долговременное поселение охотников, рыболовов и собирателей: на памятнике выявлены серии колющих костяных изделий (гарпунов), а также позвонки крупных хищных рыб (сом, щука), а также многочисленные кухонные остатки диких видов наземных млекопитающих. Что касается наличия domestцированных видов животных в Муллино II, то в гомогенных слоях не только неолитических, но и энеолитических памятников южных регионов кости domestцированной лошади не обнаружены. В слоях прикаспийской культуры этих территорий, которая по времени сходна с Муллино III, представлены кости исключительно домашней овцы. (Выборнов и др., 2019а, с. 360-365). Относительно крупного рогатого скота, то он представлен только в материалах хвалынской культуры, находки которой встречены в Муллино IV. Но в этом комплексе обнаружены материалы вплоть до средневековья. Не случайно Г.Н. Матюшин называл его ананьинско-борский слой (Матюшин, 1982а, с. 57, таблица). Несмотря на большую площадь, вскрытую раскопками (более 700 м²) здесь не удалось выявить следов каких-либо построек

этого времени. По нашему мнению, это объясняется тем, что вскрытые участки приурочены к береговой зоне с болотно-торфяными почвами. На современном этапе установлено, что носители камской культуры функционировали на памятнике вплоть до конца второй половины VI тыс. (раннеолитический этап). Однако, мы по-прежнему не исключаем, что по результатам будущих раскопочных работ на площадке памятника, а также при помощи новых радиоуглеродных определений органических и органико-содержащих материалов, будет представлена возможность скорректировать на материалах поселения хронологическую позицию камской неолитической культуры.

Следующий этап освоения останца террасы, на котором расположено поселение связан уже с лесостепной самарской культурой, носители которой на втором (ивановско-токском) этапе расширили свой ареал в северо-восточном направлении. На сегодняшний день пока недостаточно данных, чтобы говорить о контактах камского населения с носителями самарской культуры. Имеющееся радиоуглеродное определение – если считать его валидным – очерчивает хронологию ивановской керамики на Муллинском II поселении последней четвертью V до н.э.

В первой – третьей четверти IV тыс. до н.э. на территории памятника вновь фиксируется лесной импульс населения, связанный с немногочисленными материалами новоиловинской и гаринской культуры, а также татарско-азийским культурным типом накольчатой керамики. В это время начинается значительная педотурбация культурного слоя памятника, которая продолжилась в позднем бронзовом веке, когда долины крупных и малых рек вплоть до левобережья Нижнего Прикамья были освоены скотоводами срубной КИО.

Современное преобразование ландшафта вокруг Муллинского II поселения в 90-е гг. XX в. (засыпка старицы р. Ик и, наоборот, возведения на месте бывших карьеров водохранилищ) значительно сказалось на состоянии этого, безусловно, достойного внимания памятника.

Примечания:

¹ Авторы выражают благодарность руководителю археологического музея гимназии №1505 – Малиновской Марии Владимировне за предоставленную возможность обработать коллекцию Муллинского II поселения, а также отобрать образцы кости на радиоуглеродный анализ.

² Авторы выражают благодарность коллективу Октябрьского краеведческого музея им. А.П. Шокурова, а особенно директору музея – Ирине Вениаминовне Медведевой, за возможность ознакомиться с коллекцией

Муллинского II поселения, а также отобрать образцы керамики на радиоуглеродный анализ.

³ В 1987 г. на памятнике была заложена разведочная траншея, результаты работ на которой были отражены в небольшом отчете без иллюстраций материала (Архив ИА РАН № 13811). Раскопки 1989 г. не были задокументированы в виде полевого отчета

⁴ По результатам исследований ООО «Архпроектизискания» (2011) в полосе земельного отвода отводимым под реконструкцию автодороги М5, Муллинское II поселение было локализовано в 816 м севернее реального местоположения. Площадка памятника расположена в непосредственной близости (206-222 м) от Федеральной автодороги «Урал».

⁵ Видовой состав фауны был определен археозоологами В.И. Цалкиным и А.Г. Петренко

⁶ Керамика отбиралась из условных слоев IIa, IIb, IIc на основе иллюстраций из монографии Г.Н. Матюшина (1996).

⁷ С учетом сосудов, опубликованных А.П. Шокуровым и Г.Н. Матюшиным.

⁸ По информации Г.Н. Матюшина, датированные кости в Институте географии АН СССР принадлежали домашним животным (Матюшин, 1985а). Вероятно, исследователь имел ввиду лошади, костные остатки которой широко представлены в культурно-хронологических горизонтах Муллинского II поселения и которые, по нашему мнению, принадлежали диким видам.

⁹ Посуда камской культуры была выявлена и еще южнее, в бассейне р. Самара, но в более южных районах она встречается эпизодически и в качестве незначительного дополнения к посуде местных лесостепных культур.

ЛИТЕРАТУРА

Бакин О.В. Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8. / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 159–168.

Баранова О.Г. О путях формирования лесных флористических комплексов в Вятско-Камском междуречье // Биогеография: методология, региональный и исторический аспекты: Материалы конференции, приуроченной к 80-летию Вадима Николаевича Тихомирова (1932-1997) (Москва, 30 января – 3 февраля 2012 г.) / Ред. М.А. Ахметьев. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 27–30.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Моргунова Н.Л. Рецензия на: Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала // СА. 1985. №2. С. 280–290.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 33–50.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1(3). С. 60–86.

Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность: В 2 кн. Кн. 1. / Отв. ред. О.В. Смирнова. М.: Наука. 2004. 479 с.

Выборнов А.А. Культурная принадлежность неолита Нижней Белой // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1984. С. 21–30.

Выборнов А.А. О дальнейших судьбах неолита Нижней Белой // Археологические памятники на территории Европейской части СССР / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т, 1985. С. 44–57.

Выборнов А.А. Неолит Прикамья. Самара: СПГУ, 1992. 150 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология Уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1 (57) С. 33–48.

Выборнов А.А., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Платонов В.И. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum plus. 2019. № 2. С. 359–368.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. История. 2019. №1(44). С. 34–47.

Выборнов А.А., Морозов В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Нижнего Прикамья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 129–135.

Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Поселение Сауз I в устье реки Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевский гос.пед. ин-т, 1984. С. 3–21.

Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азиебейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. С. 40–66.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.

Гричук В.П. История флоры и растительности Русской равнины в плейстоцене. М.: Наука, 1989. 180 с.

Жукова О. В., Мельничук А.Ф., Выборнов А.А. Поселение Непряха VI и его место в неолите Средне-го Прикамья // XXI Уральское археологическое совещание / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 33–35.

Карташева Г.Г. Результаты палинологического анализа культурных слоев и археологических находок неолитического поселения Муллино // Древности. Вып. 3. / Отв. ред. Г.Н. Матюшин М.: РАО, 1992. С. 75–80.

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 272 с.

Ландшафты Республики Татарстан. Региональный ландшафтно-экологический анализ / Под ред. О.П. Ермолаева. Казань: Слово. 2007. 411 с.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Новые данные по хронологии неолита бассейна Камы // Вестник Пермского университета. История, 2021. №1 (52). С. 32–48.

Матюшин Г.Н. Отчет о работе Южноуральской экспедиции в 1976 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №7364.

Матюшин Г.Н. Отчет о работе Южноуральской экспедиции в 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №9505.

Матюшин Г.Н. Отчет о работе Южноуральской экспедиции в 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №9892.

Матюшин Г.Н. Отчет о разведочных работах в Южном Предуралье в 1986 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №13811.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982а. 329 с.

Матюшин Г.Н. Поселение Муллино III в Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982б. С. 36–64.

Матюшин Г.Н. Геология, периодизация и хронология каменного века Урала // КСИА. 1985. №181. С. 87–92.

Матюшин Г.Н. Время и природные условия сложения производящего хозяйства на Урале // КСИА. 1985а. №181. С. 117–122.

Матюшин Г.Н. Экологические кризисы, производящее хозяйство и цивилизации // Древности. Вып. 3. / Отв. ред. Г.Н. Матюшин. М.: РАО, 1992. С. 17–80.

Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1996. 301 с.

Матюшин Г.Н., Габяшев Р.С., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Новые материалы по неолиту и энеолиту Волжско-Уральского региона // КСИА. 1982. № 169. С. 86–94.

Моргунова Н.Л. Некоторые итоги изучения неолита и энеолита в южной зоне лесостепей Приуралья // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / Ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 17–35.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2010. №4. С. 18–27.

Морозов В.В. Лебединская II стоянка в Нижнем Прикамье (по материалам исследований А.Х. Халикова 1963 г.) // Поволжская археология 2019. №3 (29). С. 21–33.

Морозов В.В. Керамика опорных памятников камской неолитической культуры в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2020. №3. С. 330–353.

Морозов В.В., Выборнов А.А., Лыганов А.В., Смирнов А.Л. К вопросу выделения памятников татарско-азиебейского типа в Икско-Бельском междуречье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 189–191.

Тупахина О.С. Глиняная пластика поселения Горный Самотнел-1 (эпоха энеолита) // Археология Арктики. Вып. 3 / Ред. Н.В. Федорова, Д.С. Тупахин. Калининград: «ИД «РОС-ДОАФКА», 2016. С. 204–211.

Немкова В.К. Стратиграфия поздне – и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья / Отв. ред. В.Л. Яхимович. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 4–45.

Немкова В.К. Флоры и растительность Предуралья в плиоцене и голоцене // Флора и фауна кайнозоя Предуралья и некоторые аспекты магнитостратиграфии / Под ред. М.А. Камалетдинова, Ф.И. Сулеймановой. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 11–32.

Петренко А.Г. Проблемы истории животноводства на востоке Европы // Древности. Вып. 3 / Отв. ред. Г.Н. Матюшин. М.: РАО, 1992. С. 81–98.

Петренко А.Г. Первые животноводы Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 39–48.

Петренко А.Г. Г.Н. Матюшин и проблема становления производящего хозяйства // Древности. Вып. 36. / Отв. ред. Г.Н. Матюшин. М.: РАО, 2003. С. 26–30.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 144 с.

Петренко А.Г. Проблемы становления производящего хозяйства в Волго-Камье // Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье / Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007а. С. 10–47.

Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии / Отв. Ред. Г.И. Зайцева, П.М. Долуханов. СПб: Теза, 2004. 157 с.

Цепкин Е.А. Останки рыб из многослойного поселения Муллино // Древности / Отв. ред. Г.Н. Матюшин. М.: РАО, 1992. С. 72–75.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Чичагова О.А., Черкинский А.Е., Алифанов В.М., Барковская Л.Г., Цыганов В.Г. Радиоуглеродные исследования радиометрической лаборатории Института географии АН СССР // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1991. №60. С. 131–139.

Шокуров А.П., Киктенко С.И. Стоянка Муллино 2 // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья / Отв. ред. В.Л. Яхимович. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 123–150.

Яхимович В.Л., Пшеничник В.С., Киекбаев И.Д., Шестопал Я.Л. Радиоуглеродные даты, полученные лабораторией Института геологии Башкирского филиала Академии наук СССР // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1974. №42. С. 195–206.

Информация об авторах:

Морозов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, директор, ООО «Археология Восточно-Европейской равнины» (г. Москва, Россия); vikromolot@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); liganov.anton@yandex.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Смирнов Алексей Леонидович, младший научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук (г. Москва, Россия); ari1828@bk.ru

Батуева Надежда Сергеевна, преподаватель кафедры, специалист научного отдела. Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); nadiabat@yandex.ru

REFERENCES

Bakin, O. V. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 159–168 (in Russian).

Baranova, O. G. 2012. In Akhmet'ev, M. A. (ed.). *Biogeografiia: metodologiya, regional'nyi i istoricheskii aspekty: Materialy konferentsii, priurochennoi k 80-letiiu Vadima Nikolaevicha Tikhomirova (1932-1997)*

(Moskva, 30 ianvaria – 3 fevralia 2012 g.) (*Biogeography: Methodology, Regional and Historical Aspects: Proceedings of the Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Vadim Nikolayevich Tikhomirov (1932–1997) (Moscow, January 30 – February 03, 2012)*). Moscow: “KMK Scientific Press Ltd” Publ., 27–30 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vasiliev, I. B., Vybornov, A. A., Morgunova, N. L. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 280–290 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Vybornov, A. A. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 33–50 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Vybornov, A. A., 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (1), 60–86 (in Russian).

Smirnova, O. V. (ed.). 2004. *Vostochnoevropayskie lesa: istoriia v golotsene i sovremennost' (East European Forests: Holocene History and Contemporaneity)*. Book 1. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vybornov, A. A. 1984. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izucheniia kamennogo veka Volgo-Kam'ia (Issues of Studying the Stone Age of the Volga-Kama Region)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 21–30 (in Russian).

Vybornov, A. A. 1985. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki na territorii Evropeiskoi chasti SSSR (Archaeological Sites in the European Part of the USSR)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Sciences, 44–57 (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Mosin, V. S., Epimakhov, A. V. 2014. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 57 (1), 33–48 (in Russian).

Vybornov, A. A., Kosintsev, P. A., Kul'kova, M. A., Doga, N. S., Platonov, V. I. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 2, 359–368 (in Russian).

Vybornov, A. A., Lychagina, E. L., Vasilyeva, I. N., Mel'nichuk, A. F., Kul'kova, M. A. 2019. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya (Bulletin of Perm University. History)* 1(44), 34–47 (in Russian).

Vybornov, A. A., Morozov, V. V. 2016. In Zaitseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A. N. (comp.). *Radiouglerodnaia khronologiya epokhi neolita Vostochnoi Evropy VII–III tys. do n.e. (Radio-carbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe, 7th – 3rd Millennia BC)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 129–135 (in Russian).

Vybornov, A. A., Obydenov, M. F., Obydenova, G. T. 1984. In Merpert, N. Ya. (ed.) *Epokha medi yuga Vostochnoi Evropy (The Copper Age of South part of Eastern Europe)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 3–21 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 40–66 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia B.C.)*. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; “Fän” Publ. (in Russian).

Grichuk, V. P. 1989. *Istoriia flory i rastitel'nosti Russkoi ravniny v pleistotsene (Istoriya flory i rastitelnosti Russkoi ravniny v pleistotsene)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Zhukova, O. V., Mel'nichuk, A. F., Vybornov, A. A. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.) *XXI Uralskoe arkheologicheskoe soveshchanie (XXI Ural Archaeological Meeting)*. Samara: Samara State Social Pedagogical University, 33–35 (In Russian).

Kartasheva, G. G. 1992. In Matyushin, G. N. (ed.). *Drevnosti (Antiquities)* 3. Moscow: Russian Archaeological Society, 75–80. (in Russian).

Koksharov, S. F. 2009. *Pamiatniki eneolita severa Zapadnoi Sibiri (The Eneolithic sites in the North of Western Siberia)*. Ekaterinburg: “Volot” Publ. (in Russian).

In Ermolaev, O. P. (ed.). 2007. *Landshafty Respubliki Tatarstan. Regional'niy landshaftno-ekologicheskii analiz (Ландшафты Республики Татарстан. Региональный ландшафтно-экологический анализ)*. Kazan: “Slovo” Publ. (in Russian).

Lychagina, E. L., Vybornov, A. A., Kul'kova, M. A. 2021. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* (Bulletin of Perm University. History) 1 (52), 32–48 (in Russian).

Matyushin, G. N. *Otchet o rabote Iuzhnoural'skoi ekspeditsii v 1976 g.* (Report on the Work of the South Urals Expedition in 1976). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 7364 (in Russian).

Matyushin, G. N. *Otchet o rabote Iuzhnoural'skoi ekspeditsii v 1979 g.* (Report on the Work of the South Urals Expedition in 1979). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 9505 (in Russian).

Matyushin, G. N. *Otchet o rabote Iuzhnoural'skoi ekspeditsii v 1981 g.* (Report on the Work of the South Urals Expedition in 1981). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 9892 (in Russian).

Matiushin, G. N. 1982. *Eneolit Iuzhnogo Urala* (Chalcolithic of Southern Ural). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Matiushin, G. N. 1982. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla* (Volga-Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Period). Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 3–23 (in Russian).

Matyushin, G. N. 1985. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) (181), 87–92 (in Russian).

Matyushin, G. N. 1985. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) (181), 117–122 (in Russian).

Matyushin, G. N. 1992. In Matyushin, G. N. (ed.). *Drevnosti* (Antiquities) 3. Moscow: Russian Archaeological Society, 17–80. (in Russian).

Matyushin, G. N. *Otchet o razvedochnykh rabotakh v Iuzhnom Predural'e v 1986 g.* (Report on Explorations in the Southern Cis-Urals in 1986). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 13811 (in Russian).

Matiushin, G. N. 1996. *Neolit Iuzhnogo Urala. Predural'e* (Neolithic of the South Urals. Cis-Urals). Moscow: the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences (in Russian).

Matyushin, G. N., Gabiashev, R. S., Gorbunov, V. S., Obydenov, M. F. 1982. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) (169), 86–94 (in Russian).

Morgunova, N. L. 1987. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi istorii Iuzhnogo Urala* (Issues of Ancient and Medieval History of the Southern Urals). Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 17–35 (in Russian).

Morgunova, N. L. 2011. *Eneolit Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ia* (Eneolithic of the Volga-Ural Interfluvium). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L., Vybornov, A. A., Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) 4, 18–27 (in Russian).

Morozov, V. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 29 (3), 21–33 (in Russian).

Morozov, V. V. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 3. 330–353 (in Russian).

Morozov, V. V., Vybornov, A. A., Lyganov, A. V., Smirnov, A. L. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress in Kazan). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 189–191 (in Russian).

Namkova, V. K. 1978. In Yakhimovich, V. L. (eds.). *K istorii pozdnego pleistotsena i golotsena Iuzhnogo Urala i Predural'ia* (Towards the History of the Late Pleistocene and Holocene of the Southern Urals and the Cis-Urals). Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 4–45 (in Russian).

Nemkova, V. K. 1992. In Kamaletdinova, M. A., Suleimanova, F. I. (eds.). *Flora i fauna kainozoiia Predural'ia i nekotorye aspekty magnitostatigrafii* (Flora and Fauna of the Cenozoic of the Cis-Urals and Certain Aspects of Magnetostratigraphy). Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 11–32 (in Russian).

Petrenko, A. G. 1992. In Matyushin, G. N. (ed.). *Drevnosti* (Antiquities) 3. Moscow: Russian Archaeological Society, 81–98. (in Russian).

Petrenko, V. N. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia* (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region). Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 39–48 (in Russian).

Petrenko, A. G. 2003. In Matyushin, G. N. (ed.). *Drevnosti (Antiquities)* 36. Moscow: Russian Archaeological Society, 26–30. (in Russian).

Petrenko, A. G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (po arkheozoologicheskim materialam) (Establishment and Development of Early Cattle Breeding in the History of Peoples from the Middle Volga and Ural Regions (on Archaeozoological Materials))*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Petrenko, A. G. 2007. In Galimova, M. Sh (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 3. Kazan: "Alma-Lit" Publ., 10–29 (in Russian).

In Zaitseva, G. I., Dolukhanov, P. M. (ed.). 2004. *Radiouglerodnaya khronologiya neolita Severnoi Evrazii (Radiocarbon Chronology of the Neolithic of Northern Eurasia)*. Saint Petersburg: "Teza" Publ. (in Russian).

Tupakhina, O. S. 2016. In Fedorova, N. V., Tupakhin, D. N. (eds.). *Arkheologiya Artiki (Arctic Archaeology)*. 3, Kaliningrad: "ID "ROS-DOAFKA " Publ., 204–211 (in Russian).

Tsepkin, E. A. 2003. In Matyushin, G. N. (ed.). *Drevnosti (Antiquities)* 3. Moscow: Russian Archaeological Society, 26–30. (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Chichagova, O. A., Cherkinsky, A. E., Alifanov, V. M., Barkovskaya, L. G., Tsyganov, V. G. 1991. In *Bulleten Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary period)* 60, 131–139 (in Russian).

Shokurov, A. P., Kikitenko, S. I. 1978. In Yakhimovich, V. L. (ed.). *K istorii pozdnego pleistotsena i golotsena Yuzhnogo Urala i Predural'ia (Towards the History of the Late Pleistocene and Holocene of the Southern Urals and the Cis-Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 123–150 (in Russian).

Yakhimovich, V. L., Pshenichnik, V. S., Kiekbaev, I. D., Shestopal, Ya. L. 1974. In *Bulleten Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary period)* 42, 195–206 (in Russian).

About the Authors:

Morozov Victor V. Candidate of Historical Sciences. LLC "Archaeology of the East European Plain". Prospect Mira, 89–174, Moscow, 129085, Russian Federation; vikromolot@mail.ru

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; liganov.anton@yandex.ru

Vybornov Alexander A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. Maksima Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Smirnov Alexey L. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; ari1828@bk.ru

Batueva Nadezhda S. Lecturer of the department, Specialist of the scientific department. Perm State University of Humanities and Pedagogy. Sibirskaya St., 24, Perm, 614990, Russian Federation; nadiabat@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.46.59>

СЕЛИЩЕ ОЗЕРО БЕЛОЕ I ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

© 2022 г. А.В. Лыганов, Р.Р. Саттаров, А.В. Денисов, Н.В. Иванова

В статье представлены результаты изучения нового памятника бронзового века, выявленного в 2019 г в Волжском районе Самарской области. Памятник расположен между двумя старичными озерами левого берега р. Волга. Керамический комплекс представлен двумя культурно-хронологическими группами. Первая группа керамики связана со срубной культурой. Интерес представляют фрагменты трех сосудов горшковидной формы с высокой изогнутой шейкой, плавно переходящей в округлое тулово, происходящие из шурфа 23. В Самарском Поволжье комплексы с подобной керамикой недостаточно изучены. Аналогии такой керамики прослежены как в степной ивановской культуре, так и среди лесной-лесостепной маклашеевской культуре на ее раннем (атабаевском) этапе. Проведенный технологический анализ керамики выявил различия гончарных традиций в среде носителей срубной культуры и носителей культур заключительного этапа позднего бронзового века. Прослежена преемственность гончарных традиций с финала бронзового века по ранний железный век.

Ключевые слова: археология, Самарское Поволжье, р. Волга, поздний бронзовый век, срубная культура, атабаевский этап маклашеевской культуры, межовская культура, общность культур валиковой керамики, технологический и морфологический анализ керамики.

OZERO BELOYE I ANCIENT VILLAGE OF THE LATE BRONZE AGE IN THE SAMARA VOLGA REGION

A.V. Lyganov, R.R. Sattarov, A.V. Denisov, N.V. Ivanova

The paper features the results of studying a new Bronze Age site discovered in 2019 in the Volzhsky District of Samara Oblast. The site is located between two oxbow lakes on the left bank of the Volga. The ceramic complex is represented by two cultural and chronological groups. The first group of ceramics is associated with the Srubnaya culture. Of interest are fragments of three pot-shaped vessels with a high curved neck, smoothly transitioning into a rounded body, originating from pit 23. Complexes with similar ceramics located in the Samara Volga region have not been sufficiently studied. Analogies of such ceramics have been traced both in the steppe Ivanovka culture and among the forest and forest-steppe Maklasheevka culture at its early (Atabaevo) stage. A technological analysis of the ceramics identified differences in pottery traditions among the bearers of the Srubnaya culture and the bearers of the cultures of the final stage of the Late Bronze Age. The continuity of pottery traditions from the end of the Bronze Age to the early Iron Age has been traced.

Keywords: archaeology, Samara Volga region, Volga, Late Bronze Age, Srubnaya culture, Atabaevo stage of Maklasheevka culture, Mezhovka culture, similarity of roller ceramics cultures, technological and morphological analysis of ceramics.

В 2019 г. в результате археологических полевых работ в Волжском районе Самарской области, разведочным отрядом под руководством Р.Р. Саттарова был выявлен ранее неизвестный памятник археологии позднего бронзового века – селище Озеро Белое I (рис. 1, 2). Памятник расположен на левом берегу Волги между озерами Кривое и Белое, а точнее между оз. Белое и безымянной протокой, ранее соединявшейся с озером Белое. Площадь селища составляет около 5,5 тыс. кв.м. (Саттаров, Денисов, 2020).

В процессе определения границ памятника были заложены шурфы. Археологический материал был выявлен в пяти рекогносцировочных шурфах (шурфы 1, 4, 20, 21, 23). В них

были обнаружены фрагменты керамической посуды (122 экз.) и кости животных (5 экз.).

Стратиграфия памятника устанавливается по этим шурфам, которые показали практически полную идентичность отложений:

1. Дерн (мощность слоя 2–3 см) или лесной опад (мощность слоя 2–3 см). Лесной опад присутствовал в шурфах, заложенных в залесянной части памятника. В шурфах 20, 21 и 23 верхний грунт был срезан и засыпан рыхлой супесью светло-коричневого цвета, являющийся строительным навалом (мощность 15–62 см);

2. Слой рыхлой или плотной гумусированной супеси серого и темно-серого цвета. Почвенная структура пылевидная или мелкозернистая. Мощность слоя 33–97 см;

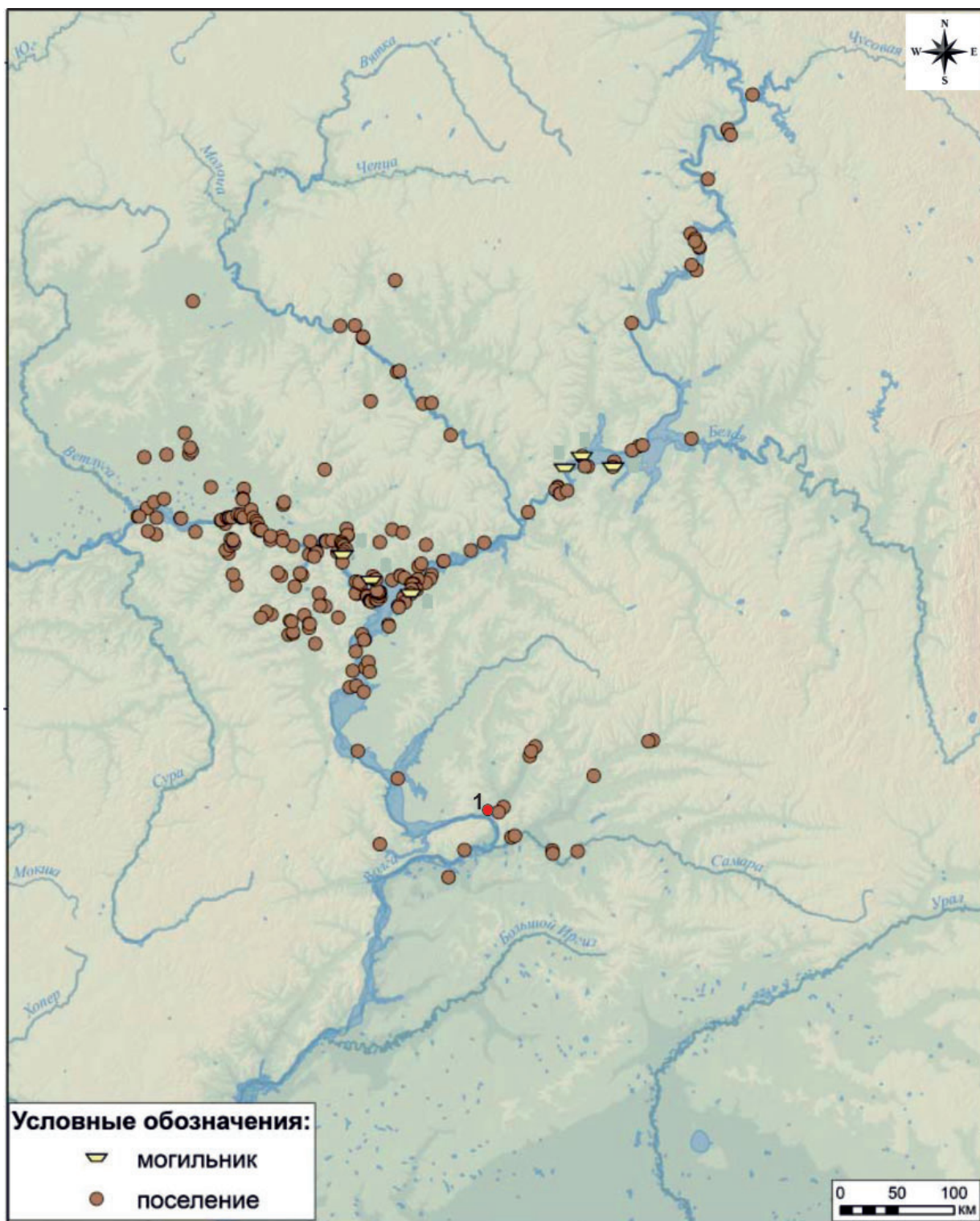

Рис. 1. Карта памятников атабаевского этапа маклашеевской культуры и расположение селища Озеро Белое I (1)

Fig. 1. Map of the sites of the Atabayevo stage of Maklasheevka culture and the location of Ozero Beloye I ancient village (1)

Рис. 2. Ситуационный план расположения селища Озеро Белое I
 Fig. 2. Layout plan of Ozero Belaye I ancient village

3. Слой плотного гумусированного суглин-ка темно-коричневого цвета. Почвенная структура комковатая. Переход к нижележащему слою резкий. Мощность слоя 30–35 см. В шурфах 21, 23 суглинистый слой отсутствовал;

4. Материк – рыхлая или плотная супесь светло-коричневого цвета. Почвенная структура пылевидная.

Все фрагменты керамики, выявленные на памятнике, происходят от фрагментов лепных сосудов. Обжиг неровный. В основном, найденные фрагменты относятся к тонкостенным сосудам (толщина стенок 4–6 мм), только у двух сосудов толщина стенок составляет 8–9 мм. Сосуды, судя по сохранившимся фрагментам днищ, плоскодонные.

Распределение керамического материала по шурфам неравномерное. Так наиболее представительный материал получен из шурфов 20 и 23. Единичные фрагменты керамики выявлены в шурфах 1, 4 и 21. При этом в каждом из шурфов выявлены разная, в культурно-хронологическом плане, керамика позднего бронзового века.

Культурно-хронологическая позиция керамических комплексов селища Озеро Белое I.

Фрагменты керамики, полученные с территории селища озеро Белое I, относятся к двум культурно-хронологическим горизонтам позднего бронзового века Среднего Поволжья. Не столь многочисленная керамика срубной культуры отмечена в каждом из шурфов во фрагментарном виде. Она относится к развитому этапу срубной культуры, без характерных ранних (покровских) признаков.

Наибольший интерес представляют три развала сосудов из шурфа 23. Они имеют горшковидную форму с высокой изогнутой шейкой, плавно переходящей в округлое тулово (рис. 4). Сосуды украшены отрисками гладкой гребенки и уголковыми и ямочными вдавлениями. На двух сосудах наклонные пересекающиеся линии образуют характерную для многих культур финала эпохи бронзы «сетку» (рис. 4: 2, 3). Еще на одном сосуде прослежены вдавления, выполненные углом орнамента. Ниже расположены наклонные отриски, нанесенные двумя рядами, разделенные горизонтальными линиями (рис. 4: 1). На одном из сосудов наклонные мелкие отриски нанесены на внешний скос венчика (рис. 4: 1), а на другом сосуде наклонные отриски нанесены на венчик с внутренней стороны (рис. 4: 2).

Также из шурфа 23 происходит несколько отдельных фрагментов венчиков. Один фрагмент венчика имеет под срезом подтреугольный валик (рис. 3: 2). Два сосуда имели баночную форму, в том числе сосуд с примесью раковины в формовочной массе (рис. 3: 1). На этом сосуде выявлен орнамент из наклонных отрисков мелкогребенчатого штампа, образующих полосу из параллельно поставленных отрисков под срезом венчика.

Горшковидные тонкостенные сосуды из шурфа 23 не имеют точных аналогий среди культурных комплексов Самарского Поволжья, но ряд признаков позволяет отнести их к кругу памятников заключительного этапа бронзового века. Горшковидная эсовидная форма, утолщение венчика и ряды «сетки» характерны для степной общности культур валиковой керамики (ОКВК) (Черных, 1983). Это, прежде всего, ивановская (хвалынская) культура валиковой керамики (Колев, 2008; Малов, 2013). Однако на керамике селища Озеро Белое I из шурфа 23 отсутствуют характерные валики с орнаментацией насечкой и косой «сетки» что отличает ее от степных культур валиковой керамики (Колев, 2008, табл. 2–4).

В лесной – лесостепной зоне такая форма и орнаментация сосудов характерны для межовской культуры Приуралья и отчасти Прикамья (Обыденнов, 1998, рис. 1–12). Однако межовская керамика имеет существенные отличия в виде богатого декора, продолжающего черкаскульские традиции (Обыденнов, 1998, с. 17–28).

В Прикамье близкая керамика известна в древностях позднего этапа луговской культуры (Ашихмина, 2014; Лыганов, 2018). Керамика подобного облика прослежена на Луговских I и II стоянках, в погребениях Подгорно-Байларского курганного могильника (Збруева, 1960; Лыганов и др. 2018; Казаков, 1978). Однако, как и в случае с межовской культурой, позднелуговская керамика отличается от находок из селища Озеро Белое I более нарядным декором, продолжающим местные андроновидные традиции.

Некоторая схожесть наблюдается и с керамикой атабаевского этапа маклашеевской культуры в Волго-Камье (Чижевский и др., 2019; Лыганов, 2019; 2021). Атабаевская керамика имеет следующие характеристики:

наличие подтреугольных или уплощенных валиков, располагавшихся у края венчика; наиболее типичными орнаментальными мотивами были горизонтальные ряды неболь-

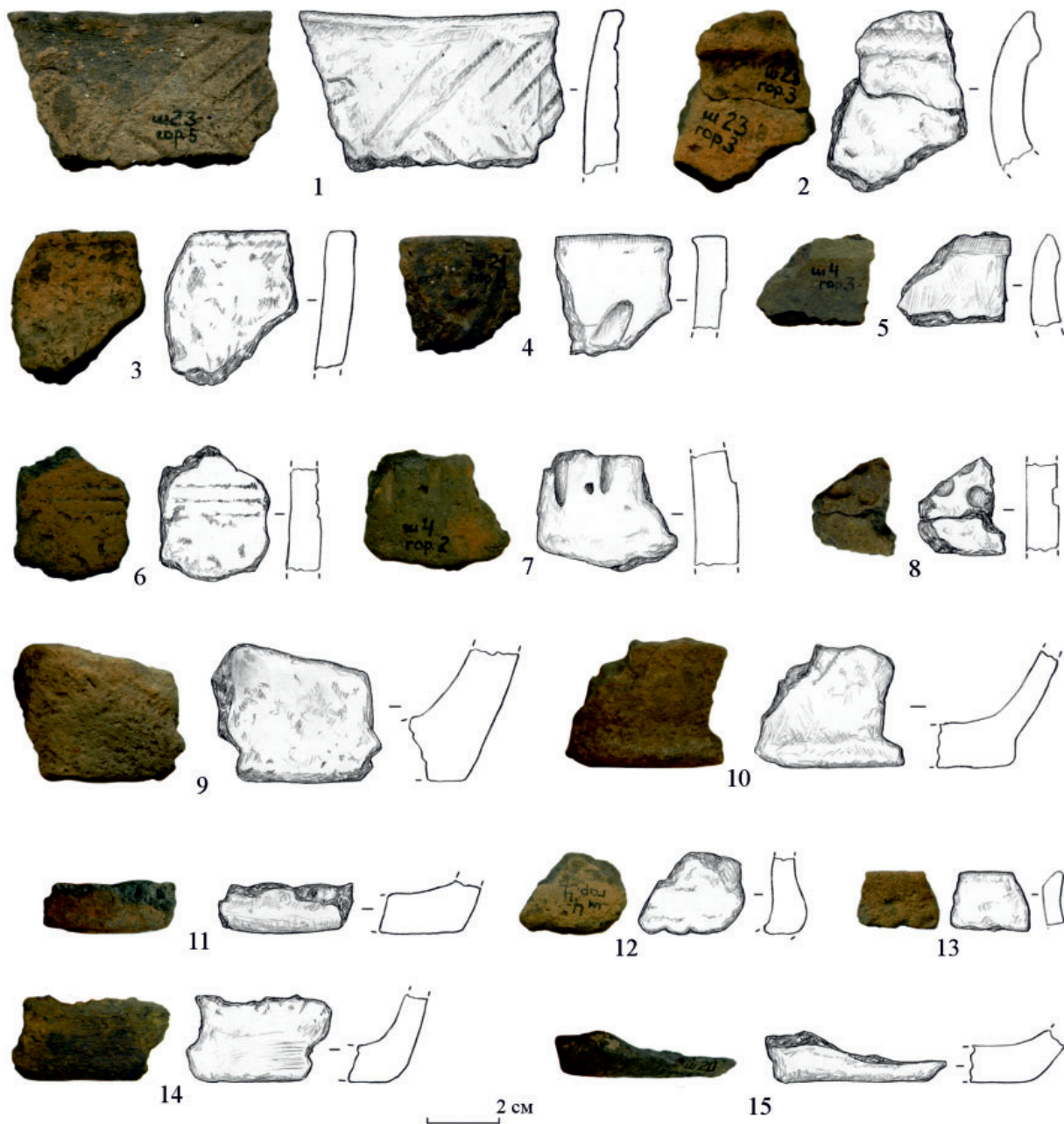

Рис. 3. Оз. Белое I, селище. Фрагменты керамики. 1–3 – шурф 23; 4, 8, 9 – шурф 21; 5, 7, 10, 12, 14 – шурф 4; 6, 11 – шурф 1; 13, 15 – шурф 20

Fig. 3. Ozero Belaye I ancient village. Fragments of ceramics:

1–3 – pit 23; 4, 8, 9 – pit 21; 5, 7, 10, 12, 14 – pit 4; 6, 11 – pit 1; 13, 15 – pit 20.

ших по размерам ямок или столь же небольших клиновидных углублений, расположенных в месте перехода шейки в тулово, иногда сгруппированных по несколько штук;

горизонтальный зигзаг, выполненный гребенкой или резными линиями, который размещался на валике под срезом венчика или на плечиках, на части сосудов он заменялся косой сеткой (Халиков, 1980).

Керамика селища Озеро Белое I не имеет ямочных вдавлений, характерных для атабаевской посуды, а также четко выраженного валика у края венчика.

В Самарском Поволжье схожая керамика выявлена на ряде поселений так называемого атабаевско-кайбельского типа или атабаевско-межовского типа: Русская Селитьба II, Нижняя Орлянка II, Гривка (Колев, 2000, рис. 20–23, 30).

Вместе с тем, керамику с селища Озеро Белое I из шурфа 23 отличает своеобразие в орнаментации, особая тонкостенность и технология изготовления, что может указывать на формирование комплекса в результате смешения культурных традиций при значительном участии лесостепной культуры

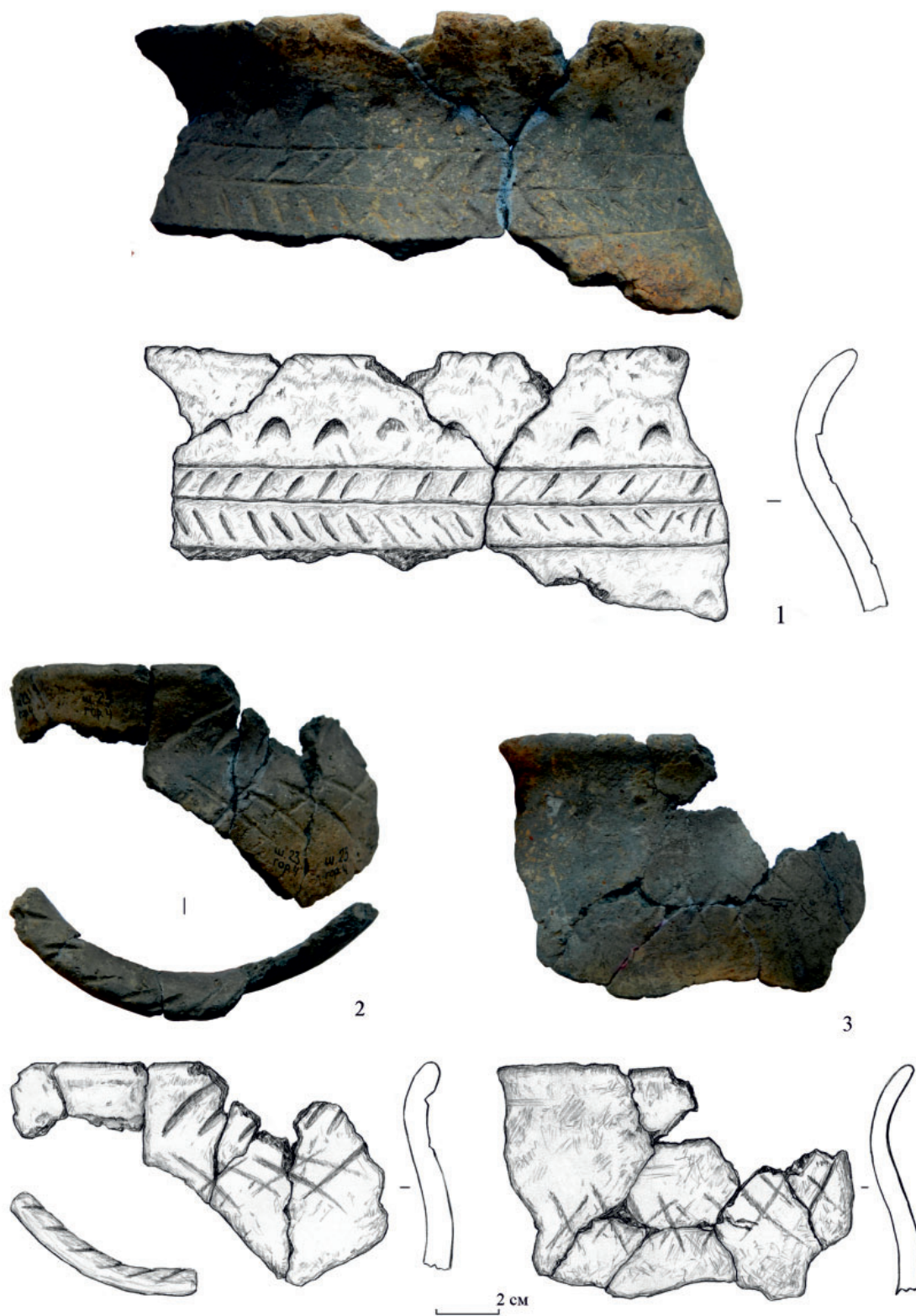

Рис. 4. Селище Озеро Белое I. шурф 23
Fig. 4. Ozero Belaye I ancient village, pit 23

Рис. 5. Керамика валикового горизонта Прикамья и Среднего Поволжья. 1, 2 – Татарско-Азибейское III поселение, 4, 5, 7 – Луговская II стоянка, 10 – Гулькинский бугор. Керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры. 3 – Луговская I стоянка, 6 – Курманковская IV стоянка, 8, 9, 11 – Луговская II стоянка.

Fig. 5. Ceramics decorated with roller molding of the Kama and the Middle Volga regions: 1, 2 – Tatar-Azibey III settlement; 4, 5, 7 – Lugovskaya II site, 10 – Gulkinsky Bugar. Ceramics of the Atabaevo stage of the Maklashevka culture: 3 – Lugovskaya I site, 6 – Kurmankovo IV site; 8, 9, 11 – Lugovskaya II site.

раннего атабаевского этапа маклашеевской культуры.

Нижняя хронологическая граница появления такой керамики в Самарском Поволжье, судя по приведенным аналогиям, лежит в пределах XIV–XIII вв. до н.э. (Чижевский и др., 2019). Несколько более спорным выглядит верхний порог бытования подобных керамических комплексов. В Прикамье уже к XII в. до н.э. они сменяются маклашеевской круглодонной посудой (Чижевский и др., 2019, с. 108). В Самарском Поволжье памятники ивановской культуры и атабаевского-кайбельского типа доживают, вероятно, до рубежа II – I тыс. до н.э. (Колев, 2000, с. 256–257).

Технологические и морфологические особенности керамических материалов селища оз. Белое I.

Технологический анализ керамического материала по методике А.А. Бобринского позволяет выявить рецепты формовочных масс, которые, в свою очередь, являются отражением специфических традиций гончарного производства, существовавших в различные эпохи, и являющихся их своеобразным индикатором. Это позволяет на уровне предположения определить эпоху или культуру, а также, при возможности, выявить наличие или отсутствие процессов смешения населения в рамках данного археологического памятника или степень устойчивости гончарных традиций в рамках конкретного социума (Бобринский, 1999).

Произведен технологический анализ (в различной степени детализации) более 120 фрагментов керамики, представляющих, на наш взгляд, около 30 отдельных изделий по совокупности морфологических и технологических особенностей. Все исследованные фрагменты относятся к сосудам, изготовленным с помощью скульптурной лепки на плоскости и обожженным в костре.

Микроскопическое исследование керамики производилось с использованием бинокулярного микроскопа МБС-9 (увеличение 16 и 32 раза).

Сосуды срубной культуры.

К данной группе можно отнести:

фрагмент стенки из шурфа 1;

пять стенок и фрагменты одного сосуда из шурфа 4;

стенки №№38, (37+51) – один сосуд, 61 (шурф 20);

венчик №66, стенку №65 и придонную часть №69 (шурф 21);

фрагменты одного из 10 сосудов из шурфа 23.

Определены следующие рецепты формовочных масс: глина+шамот+навоз, г л и н а + ш а м о т + о р г а н и к а ; глина+шамот+органический раствор.

В качестве основного пластичного сырья использовались ожелезненные глины малой степени запесоченности. Выявлены следующие естественные примеси, связанные с сырьем:

1. Бурый железняк оолитовой формы темно-коричневого цвета, имеющий сферическую слоистость и структуру. Размер включений около 1 мм. Включения единичные.

2. Железистые окатанные однородные в изломе включения темно-коричневого цвета, имеющие аморфные очертания. Внешняя корка немного темнее и плотнее внутренней структуры. Включения единичные.

3. Песок цветной, преимущественно слабо окатанный, с преобладанием матовых частиц полупрозрачных или темно-серого и светло-серого цвета. Концентрация 1/7–6 при размере частиц 0,3–0,5 мм. Встречаются более крупные единичные включения, размером до 1 мм, имеющие большую степень окатанности.

Зафиксированы примеси естественного характера, находящиеся в формовочных массах сосудов данной группы в результате присутствия в искусственных компонентах состава. В исследованных изломах и на поверхностях, на различных участках были обнаружены единичные включения кости и раковины.

Включения кости – светло-серого цвета с желтоватым оттенком, раковины – однородного белого цвета. Оба вида частиц имеют признаки частичной окатанности. Природный цвет включений, возможно, свидетельствует о том, что специального нагревания для дробления не производилось. Единичность частиц кости и раковины свидетельствует о том, что данные виды материала не вводились в состав как самостоятельная искусственная примесь. Частичная окатанность могла быть приобретена в результате переваривания в желудке животного. Вероятнее всего, данные фрагменты связаны с различными видами экскрементов животных, использованными в качестве органического материала, выполняющего функцию связки компонентов формовочной массы (ФМ).

Искусственные компоненты ФМ:

1. Шамот. В целом, представляет собой частицы дробленых сосудов размером от

единичных включений максимального размера около 5–8 мм до пылевидной фракции и таким образом относится к категории некалиброванной примеси, т.к. пылевидный компонент не удален и верхняя граница калибровки расплывчата. Концентрация (К): 1/3 или 1/2.

Состав шамота различается по виду глины: а) ожелезненная глина, по составу идентичная основному сырью сосуда; б) ожелезненная глина степени запесоченности, отличной от запесоченности основного сырья сосуда.

2. Экскременты животных (навоз). Фиксируется по многочисленным оттискам измельченной растительности (травянистые частицы, стебли). Не исключена возможность смешения экскрементов различных видов животных. Единичные включения кости и раковины, вероятно, связаны с этим видом примеси. Концентрация около 1/4 или 1/3.

3. Органика представляет собой сочетание различных растительных отпечатков в сочетании со сгустками масс аморфной формы.

4. Органический раствор фиксируется по многочисленным крупным аморфным и щелевидным пустотам с бежевым или коричневатым налетом на стенках, пузыристыми сгустками черного цвета в некоторых из них и единичным отпечаткам выгоревших частиц, имеющих травянистую структуру.

Сосуды эпохи финальной бронзы (сусканской культуры, валиковые атабаевско-межовского типа).

К данной группе можно отнести:

две стенки и днище из шурфа 1;

четыре стенки и три днища из шурфа 4;

фрагменты четырех сосудов из шурфа 20 (всего 15 стенок и один венчик);

три стенки и венчик из шурфа 21;

фрагменты девяти сосудов из шурфа 23 (всего 13 стенок, 2 днища и 4 венчика; 4 верхние части сосудов).

Определены следующие рецепты формовочных масс: илистая глина+шамот; илистая глина+шамот+дробленая кость; илистая глина+шамот+песок; глина+шамот+органика.

В качестве основного пластичного сырья использовалась, как правило, ожелезненная илистая глина средней степени запесоченности в первоначально влажном состоянии (Бобринский, Васильева, 1998, с. 35).

Выявлены следующие естественные примеси, связанные с сырьем:

1. Песок цветной, слабо окатанный, частицы преимущественно серые различных оттен-

ков или полупрозрачные, реже встречаются включения красноватых оттенков. Размер включений не превышает 0,6 мм. Зафиксированы единичные включения размером около 1 мм. Распределение в массе неравномерное.

2. Железистые или охристые конгломератные образования, имеющие окатанную поверхность темно-коричневого или красно-малинового цвета. В изломе встречаются в виде единичных включений размером 1,5–2 мм.

3. Единичные включения пылевидной слюды с перламутровым блеском или коричневатого оттенка.

4. Целые экземпляры (до 4 мм) и включения частиц раковины (от пылевидных до 3–4 мм) различных тонкостенных видов пресноводных моллюсков, как двустворчатых, так и брюхоногих, обитающих в малоподвижных водоемах (толщина пластин – менее 0,5 мм). Распределение в изломе – неравномерное. Большая часть раковины выгорела и фиксируется по отпечаткам в глинистой массе.

5. Растительность и органика различных видов была связана с водоемами. Присутствуют нитевидные пучки водной растительности (водоросли), пустоты от семян растений (овальной формы с гладкими стенками, размером около 0,6 см).

Искусственными компонентами формовочных масс керамики финальной бронзы являются шамот (размер частиц не превышает 0,4 см при концентрации 1/4 в сусканской керамике и 1/3–1/2 в ивановской) или сочетание шамота, дробленой кости или песка.

Выявлено два вида частиц шамота: предположительно из аналогичного сырья (илистой глины средней степени запесоченности) и из слабо запесоченной глины с единичными включениями песка (характер определить затруднительно), а также из шамота. Размер включений составляет 1–4 мм, пылевидная фракция отсутствует, произведена калибровка примеси. Концентрация 1/4–5.

На таких селищах на территории Самарской области как Похвистнево II и Надеждино VI зафиксированы случаи использования наряду с шамотом дробленого шлака. В материалах Похвистнево II керамика с таким сочетанием искусственных примесей изготовлена из глины и относится к срубной культуре. В коллекции керамики селища Надеждино VI выявлены фрагменты сусканской и срубной посуды, идентичной по сочетанию искусственных компонентов (шамот или шамот+шлак), но различающейся на уровне

отбора исходного сырья: носители срубных традиций использовали глины, а сусканских – илистые глины.

В результате исследования слоя селища и перемещенной его части выявлены материалы срубной культуры (только по венчикам их насчитывается около 600 сосудов) и обнаружены фрагменты (около 70 единиц) различных сосудов финальной бронзы, преобладающая их часть по морфологическим и технологическим особенностям относится к сусканской культуре (Иванова, 2016; 2018).

Выводы

Представления о сырье (каким должен быть основной пластичный материал, как и где его добывать) относятся А.А. Бобринским к субстратным навыкам труда, которые подлежат изменению только при постоянном контакте носителей различных традиций на протяжении 2-3 или более поколений (Бобринский, 1999, с. 1–109).

Состав ФМ сосудов финала эпохи бронзы демонстрирует два важных отличия от «срубной» традиции составления ФМ:

1). Основное сырье не глина в чистом геологическом виде, а масса, формирующаяся естественным образом при контакте глинистых пластов с водоемом – илистая глина.

В результате указанного процесса образуется субстанция, насыщенная органикой с одной стороны, а с другой смесью минеральных образований как геологического (присутствие и слюды, и железистых конгломератов), так и животного происхождения (раковина). Такое сырье при определенных условиях (соотношение органики, минеральных примесей и глинистой части) использовалось без искусственных добавок.

Для керамики различных групп населения, обитавших на территории лесостепи Среднего Поволжья в эпоху финала бронзового века характерна фиксация преобладания использования илистых глин наряду с существованием традиции использования глин различной степени запесоченности. В рамках одного памятника выявляются различные виды данного сырья (по степени ожелезненности, запесоченности, специфики качественного состава других минеральных компонентов и их концентрации), а также различные способы его обработки (дробление в сухом виде или использование во влажном).

2) Шамот керамики финала бронзы калиброванный и размеры частиц не превышают 0,4 см при концентрации 1/4-5 (за исключением керамики ивановской культуры, где

концентрация относительно мелкого шамота достигает 1/2). Для «срубной» традиции характерна более крупная калибровка частиц и большая концентрация данной примеси (Иванова, 2001; Васильева, Салугина, 2010).

3). Специфической отличительной чертой сосудов переходного этапа от бронзового века к железному является то, многообразие составных рецептов, т.е. таких, где использовались примеси, дублирующие функции друг друга например: шамот и песок, шамот и дресва, шамот и дробленая кость. Каждый из этих компонентов в отдельности способствует сохранению формы изделия в процессе высушивания. Такие рецепты и их многообразие свидетельствуют об интенсивности процессов смешения в рамках исследуемого населения каждого конкретного памятника. Использование какой-либо примеси представляет собой традицию, переходящую от одного поколения гончаров к другому исключительно по родственным связям.

Возникновение составного рецепта свидетельствует о существовании непрекращающихся родственных контактах двух групп населения (в рамках одного поколения), имевших две различных традиции: одни использовали дробленую кость или песок, другие – шамот.

Заключение

Анализ морфологических и технологических особенностей групп посуды и отдельных сосудов позволяют сделать вывод об эклектичности керамического материала селища озеро Белое I, которое существовало в контактной лесостепной зоне, предположительно, в третьей четверти II тысячелетия до н.э. Об этом свидетельствует преобладающее количество керамики финала эпохи бронзы, которая состоит из изделий, относимых исследователями к атабаевско-кайбельскому типу, сусканской и ивановской культуре, а также материалам, имеющим аналогии в маклашевской культуре на ее раннем (атабаевском) этапе позднего бронзового века. Единичные сосуды изготовлены по традициям развитой срубной культуры.

Нельзя не отметить сходство гончарных традиций носителей маклашевской культуры атабаевского этапа финальной бронзы и постмаклашевской культуры ананьинской культурно-исторической области первой половины I тысячелетия до н.э. на стадии отбора основного пластичного сырья и искусственных примесей. Гончарами постмаклашевской культуры использовались

различные виды илистых глин с примесью шамота небольшой крупности и концентрации (Колев, 2000, с. 258; Иванова, 2002).

Гончарство населения, бытовавшего на селище, относится к архегончарному уровню производства. Многообразие выявленных традиций, характерных для эпохи финальной бронзы, наличие составных рецептов свидетельствуют о протекании процессов смешения не только внутри социума, обитавшего на селище озеро Белое I, но и о своеобразной подпитке извне этих процессов, в виде

не прекращающихся контактов с населением территорий, расположенных вне лесостепной зоны.

Выявление и исследование памятников, подобных селищу озеро Белое I, несомненно, будет способствовать решению проблемы как выделения локальных вариантов культур финальной бронзы, так и выявлению преемственности гончарных традиций эпохи бронзы в среде носителей культур раннего железного века в центральных районах лесостепного Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АНРТ, Отечество, 2014. 298 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 5–109.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. С. 193–217.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Выпуск XV / Отв. ред. Л.Н. Кузнецова. Самара: «Офорт», 2010. С. 135–154.

Иванова Н.В. Технологический анализ керамического материала поселения у с. Михайло-Овсянка // Историко-археологические изыскания. Вып. 4. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: НТЦ, 2001. С. 15–24.

Иванова Н.В. Технологический анализ керамики поселения Григорьевка // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамГПУ, 2002. С. 167–174.

Иванова Н.В. Технология керамики маклашеевской культуры поселения Новый Путь // Историко-археологические изыскания. Вып. 5 / Отв. ред. С.Г. Басин. Самара: СамГПУ, 2002. С. 142–148.

Иванова Н.В. Отчет об охранно-спасательных археологических раскопках объекта археологического наследия – селища Надеждино VI на территории муниципального района Кошкинский Самарской области в 2015 г. по Открытому листу № 478 // Архив ИА РАН. Москва, 2016. Т. 2. С. 224–238.

Иванова Н.В. Отчет охранно-спасательных археологических раскопках объекта археологического наследия – селища Похвистнево II на территории муниципального района Похвистневский Самарской области в 2017 г. по Открытому листу № 1949 // Архив ИА РАН. Москва, 2018.

Иванова Н.В. Технологические особенности керамики срубной культуры Самарского Поволжья по материалам раскопок последних лет (2015–2017 гг.) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 113.

Збруева А.В. Памятники поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. №80. М.: ИА АН СССР, 1960. С. 10–95.

Казаков Е.П. Подгорно-Байларский курганный могильник // Древности Икско-Бельского междуречья / отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 121–125.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 242–301.

Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. Алабина, СамГУ. 2008. С. 208–240.

Лыганов А.В. Андронидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвее-

евой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 128-130.

Лыганов А.В. Курманаковская IV стоянка финала энеолита и позднего бронзового века в нижнем течении реки Меша (предварительные результаты исследований) // Поволжская археология. 2019. №3 (29). С. 34-50. DOI: 10.24852/ра2019.3.29.34.50

Лыганов А.В. Культурно-хронологические комплексы Курманаковской IV стоянки в нижнем течении реки Меша // Археология Евразийских степей. 2021. №2. С. 29–46.

Лыганов А.В., Морозов В.В., Азаров Е.С. Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкакульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 38–98.

Малов Н.М. Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии раннего металла Восточной Европы / Ред. Е.А. Черленок. СПб: "Скифия-принт", 2013. С. 102–117.

Обыденнов М.Ф. Межовская культура. Уфа: БЭК, 1998. 201 с.

Саттаров Р.Р., Денисов А.В. Селище Озеро Белое I – новый памятник археологии в Волжском районе Самарской области // Археологические открытия в Самарской области 2019 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. Алабина, 2020. С. 22–23.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 81–99.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 99–123.

Информация об авторах:

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); liganov.anton@yandex.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), ученый секретарь, Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); sattarov.r.r@rambler.ru

Денисов Алексей Владимирович, научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет; директор, Научно-производственный центр «Бифас» (г. Самара, Россия); sarmat_samara@mail.ru

Иванова Наталия Владимировна, научный сотрудник, Научно-производственный центр «Бифас» (г. Самара, Россия); natalivanova1970@gmail.com

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoj kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologija evrazijskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Bobrinisky, A. A. 1999. In Bobrinisky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Studies of Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).

Bobriniskii, A. A., Vasil'eva, I. N. 1998. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiia (Issues of Ancient History of the Northern Caspian Sea Area)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 193–217 (in Russian).

Vasil'eva, I. N., Salugina, N. P. 2010. In Kuznetsova, L. N. (ed.). *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Kraevedcheskie zapiski (40 years of the Middle Volga archaeological expedition. Local history notes)* (15), 135–154 (in Russian).

Ivanova, N. V. 2001. In Vybornov, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie izyskaniia (Historical and Archaeological Investigations)*. 4. Samara: Samara State Pedagogical University, 15–24 (in Russian).

Ivanova, N. V. 2002. In Stashenkov, D. A., (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 2. Samara: Samara State Pedagogical University, 167–174 (in Russian).

Ivanova, N. V. 2002. In Basin, S. G. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie izyskaniia (Historical and Archaeological Investigations)*. 5. Samara: Samara State Pedagogical University, 142–148 (in Russian).

Ivanova, N. V. 2016. *Otchet ob okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh obekta arkheologicheskogo nasledii – selishcha Nadezdino VI na territorii munitsipal'nogo raiona Koshkinskii Samarskoi oblasti v 2015 g. po Otkrytomu listu № 478 (Report on Security and Rescue Archaeological Excavations of Nadezdino VI Ancient Village Archaeological Heritage Site Located in Koshkinsky Municipal District of Samara Oblast in 2015 Based on Permit No. 478)*. Vol. 2. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 224–238 (in Russian).

Ivanova, N. V. 2018. *Otchet okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh obekta arkheologicheskogo nasledii – selishcha Pohvistnevo II na territorii munitsipal'nogo raiona Pokhvistnevskii Samarskoi oblasti v 2017 g. po Otkrytomu listu № 1949 (Report on Security and Rescue Archaeological Excavations of Pokhvistnevo II Ancient Village Archaeological Heritage Site Located in Pokhvistnevsky Municipal District of Samara Oblast in 2017 Based on Permit No. 1949)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ivanova, N. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: “Samara State University of Social Sciences and Education”, “Porto-Print” Publ., 113 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–95 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 121–125 (in Russian).

Kolev, Yu. I. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 242–301 (in Russian).

Kolev, Yu. I. 2008. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Aktual'nye problemy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Topical Issues in the Urals and Volga Regions Archaeology)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, Samara State University, 208–240 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: “Samara State University of Social Sciences and Education”, “Porto-Print” Publ., 128–130. (in Russian).

Lyganov, A. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 29 (3), 34–50 DOI: 10.24852/pa2019.3.29.34.50 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2019. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 29–46 (in Russian).

Lyganov, A. V., Morozov, V. V., Azarov, E. S. 2019. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 38–98 (in Russian).

Malov, N. M. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy: Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe: Proceedings of the Thematic Scientific Conference)*. Saint Petersburg: “Skifiya-print” Publ., 102–117 (in Russian).

Obydenov, M. F. 1998. *Mezhovskaya kul'tura (The Mezhovka Culture)*. Ufa: “BEK” Publ. (in Russian).

Sattarov, R. R., Denisov, A. V. 2020. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2019 goda (Archaeological Discoveries in Samara Region in 2019)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 22–23 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) 1–24. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N. 1983. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzoviy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya (The Bronze Age in the Steppe Zone of the Ural-Irtysh Interfluve)*. Chelyabinsk: Bashkir State University, 81–99 (in Russian).

Mukhametshin, D. G., Gomzin, A. A. 2018. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 242–255 (in Russian).

About the Authors:

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; liganov.anton@yandex.ru

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Denisov Aleksey V. Research Associate. Samara State University of Social Sciences and Education. Maksima Gorkogo 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; Director. Research and production Centre “Bifas”. Gagarina St., 86, room 78, Samara, 443045, Russian Federation; sarmat_samara@mail.ru

Ivanova Natalia V. Research Associate Research and production Centre “Bifas”. Gagarina St., 86, room 78, Samara, 443045, Russian Federation; natalivanova1970@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.

Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.60.73>

ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА, ПАЛЕОМЕТАЛЛА И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БЕРЁЗОВОГРИВСКО-АЛЕКСЕЕВСКОГО III ПОСЕЛЕНИЯ В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

© 2022 г. А.В. Шипилов

В статье анализируются материалы одного из многослойных поселенческих памятников – Берёзовогривско-Алексеевского III поселения, расположенного в Нижнем Прикамье. В материалах поселения прослеживается несколько этапов его функционирования. Наиболее ранний этап относится к позднему неолиту. Керамический комплекс раннего этапа функционирования поселения по своим формально-типологическим признакам принадлежит к камской неолитической культуре. Вероятно, в финале неолитической эпохи на территории поселения проживали носители керамики русско-азибейского типа. В более позднее время территория поселения была занята носителями керамики новоильинского типа. В эпоху позднего энеолита площадку поселения освоили носители гаринской культуры. Функционирование стоянки в эпоху поздней бронзы связано с носителями керамики срубной, поздняковской, луговской культур, а также керамики атабаевского этапа и маклашеевского этапа маклашеевской культуры. Вероятно, к финалу эпохи бронзы относится единичный фрагмент текстильной керамики. Финал функционирования Берёзовогривско-Алексеевского III поселения, вероятно, следует связывать с присутствием в Нижнем Прикамье населения ананьинской культурно-исторической области. Таким образом, функционирование Берёзовогривско-Алексеевского III поселения, вероятно с некоторыми перерывами происходило с середины V – до I тыс. до н.э.

Ключевые слова: археология, Нижнее Прикамье, неолит, эпоха бронзы, ананьинская КИО, камская культура, новоильинская культура, русско-азибейский тип, гаринская культура, керамика.

CHARACTERISTICS OF THE NEOLITHIC, PALAEOMETALLIC AND EARLY IRON AGE COMPLEXES OF BEREZOVOGRIVSKO- ALEKSEEVSKOE III SETTLEMENT IN THE LOWER KAMA REGION

A.V. Shipilov

The author analyzes the materials of one of the multi-layered settlement sites – Berezovogrivsko-Alekseevskoe III settlement located in the Lower Kama region. Several stages of the settlement's operation are traced in its materials. The earliest stage belongs to the Late Neolithic. The ceramic complex of the early stage of the settlement's operation, according to its formal typological features, belongs to the Kamskaya Neolithic culture. Presumably, in the final period of the Neolithic, carriers of the Russky-Azibei type of ceramics lived in the territory of the settlement. In a later period, the settlement territory was inhabited by the carriers of the Novoilyinskaya type of ceramics. In the late Eneolithic, the site of the settlement was populated by the carriers of the Garino culture. The functioning of the site in the Late Bronze Age is associated with the carriers of the Srubnaya, Pozdnyakovo, Lugovoe cultures, as well as the Atabaevo and Maklasheevka stages of the Maklasheevka culture. Presumably, a single fragment of textile ceramics belongs to the final period of the Bronze Age. The end of the Berezovogrivsko-Alekseevsky III settlement functioning should probably be associated with the presence the population of the Ananyino cultural and historical area in the Lower Kama region. Thus, Berezovogrivsko-Alekseevskoe III settlement, probably with some interruptions, functioned during the period from the mid-5th to the 1st Millennia BC.

Keywords: archaeology, Lower Kama region, Neolithic, Bronze Age, Ananyino cultural and historical area, Kamskaya culture, Novoilyinskaya culture, Russko-Azibei type, Garino culture, ceramics.

Берёзовогривско-Алексеевское III поселение располагается на левом берегу Камы, в 3,2 км к северо-западу от районного центра Алексеевское Республики Татарстан. В настоящее время памятник затоплен Куйбышевским водохранилищем. В различные годы на памятнике проводились неоднократные

изыскания. Во второй половине 1960-х годов на данном поселении проводили исследования П.Н. Старостин и Р.С. Габяшев.

В результате проведённых исследований на памятнике был выявлен культурный слой мощностью 40 см, а также два вероятных жилищных котлована размерами 10×6 м.

Рис. 1. Фрагменты керамики камской культуры
Fig. 1. Fragments of the Kamskaya culture ceramics

Помимо этого был получен богатый и выразительный массив находок, судя по которому можно говорить о нескольких этапах заселения территории Берёзово-Гривско-Алексеевского III поселения.

Первый этап заселения рассматриваемой территории представлен материальными остатками камской культуры эпохи неолита. Среди находок данного культурного образования в коллекции присутствуют 116 фрагментов от 27 сосудов. В формовочной массе сосудов имеется примесь песка и шамота. Толщина стенок варьирует от 0,6 до 1,2 см. Судя по фрагментам, сосуды имели прикрывающую и прямостенную профилировку. Венчики сосудов распределяются на три группы (рис. 1), первую составляют приострѐнные венчики, вторая группа включает плоскосрезанные и третью группу составляют венчики со слегка отогнутым наружу краем.

По всей внешней поверхности сосудов присутствовал орнамент. При орнаментации сосудов применялся преимущественно средний мелкозубчатый (71,9%) (рис. 1: 1, 2, 5, 6, 8–10; 2: 1–5, 8, 9, 11; 3: 6; 4: 2, 4), а также длинный мелкозубчатый гребенчатый

(31,3%) (рис. 1: 3, 7, 13; 2: 5, 6, 10, 12; 3: 2, 4, 7) штампы. Количественно им уступают фрагменты керамики, орнаментированной коротким овальным гладким 9,2% (рис. 1: 3, 6; 2: 2, 9, 11; 3: 5; 4: 2), коротким овальным гребенчатым (6,9%) (рис. 1: 12), а также крупнозубчатым гребенчатым (6,9%) (рис. 3: 3) штампами. Сравнительно реже, по сравнению с вышеотмеченными орнаментами, применялись длинный среднезубчатый (2,3%) (рис. 1: 4), короткий крупнозубчатый (2,3%) (рис. 4: 5) и косозубчатый (2,3%) (рис. 1: 12) гребенчатые штампы. Также довольно редко использовался гладкий линзовидный штамп (2,1%) (рис. 4: 7, 8). Единично в орнаментации керамики камской культуры данного поселения применялся гладкий подтреугольный штамп (1,1%) (рис. 4: 6).

Орнаментальные композиции включают в себя пояса из отисков гребенчатых штампов, расположенных вертикально (рис. 1: 1–3, 13; 3: 2, 7) или под наклоном (рис. 1: 6, 8–10, 13; 2: 1–5, 7–11). Присутствуют также пояса, состоящие из отисков овального гладкого штампа, расположенные также под наклоном (рис. 1: 3; 2: 9, 11; 3: 5). Среди орнамен-

Рис. 2. Фрагменты керамики камской культуры
Fig. 2. Fragments of the Kamskaya culture ceramics

тальных мотивов керамики камской культуры Берёзовогривско-Алексеевского III поселения встречаются мотивы: ёлки (рис. 1: 4, 7; 3: 3, 6), вертикального зигзага (рис. 2: 6; 4: 4, 7, 8), а также шагающей гребёнки (рис. 4: 1–3). Следует отметить, что на некоторых фрагментах в качестве разделителей орнаментальных зон выступали пояса из оттисков короткого овального гребенчатого штампа (рис. 2: 6; 3: 7), а также пояса из ногтевидных насечек (рис. 1: 13; 3: 2). В ряде случаев на нескольких фрагментах орнаментальные композиции дополняются поясами из круглых ямочных вдавлений (рис. 1: 11, 12; 3: 5).

Вышеперечисленные признаки находят ближайшие аналогии в материалах Балахчинской VIa и Игимской I стоянок, расположенных в Нижнем Прикамье (Выборнов, Шипилов, 2019; Шипилов, 2021). Следует отметить, что по целому ряду признаков посуда проанализированного памятника сходна с керамикой Старо-Мазиковской III стоянки (Халиков, 1960, таб. I, XVII). Исследователи относят эти стоянки к камской культуре. При этом представляется важным отметить локальные особенности керамики камской культуры Берёзовогривско-Алексеевского III поселения

от средне- и верхнекамских керамических комплексов данной культуры. К таковым особенностям следует отнести более значительную тонкостенность керамики, большую долю прямостенных сосудов, небольшой процент наплывов на венчиках, значительное употребление короткого овального зубчатого штампа, минимальное распространение мотива шагающей гребенки, незначительное количество орнаментальных композиций. Все это указывает на локальные особенности внутри камской культуры на территории Нижнего Прикамья. Необходимо обратить внимание и на такую орнаментальную черту, как горизонтальный пояс ямочных вдавлений на стенках сосудов. Для керамики камской культуры Верхней и Средней Камы это нехарактерно.

Принимая во внимание сходство керамического комплекса камской культуры Берёзовогривско-Алексеевского III поселения с материалами Балахчинской VIa стоянки, представляется правомерным учитывать хронологические данные. Так, по органике, содержащейся в керамике из VIa Балахчинской стоянки, была получена радиоуглеродная дата – 5880 ± 100 (Spb-897) лет BP (5000–4500 лет BC) (Выборнов и др., 2014). Учитывая,

Рис. 3. Фрагменты керамики камской культуры
Fig. 3. Fragments of the Kamskaya culture ceramics

что развитой этап камской культуры датируется периодом 6000–5600 лет ВР, а поздний – периодом 5500–5300 лет ВР, то верхний предел калиброванного значения даты Балахчинской VIa стоянки вполне приемлем для керамического комплекса времени перехода от развитого к позднему этапу камской культуры. Таким образом, весьма возможно и весь керамический комплекс камской культуры датировать этим же временем.

В финале неолитической эпохи на рассматриваемом поселении прослеживается присутствие носителей воротничковой керамики русско-азибейского типа. Эта керамика на Берёзовогривско-Алексеевском III поселении представлена тремя фрагментами венчиков от двух разных сосудов (рис. 5: 1, 2). Посуда русско-азибейского типа Берёзовогривско-Алексеевского III поселения, судя по фрагментам, отличалась полуяйцевидной формой. Профилировка сосудов – прикрытая, венчики сосудов имеют оформление в виде воротничка. Один из венчиков слегка отогнут наружу (рис. 5: 2). В орнаментации керамики применялись средний крупнозубчатый (рис. 5: 2) и короткий овальный гребенчатый (рис. 5: 1) штампы. Среди орнаментальных композиций выделяются пояса из оттисков короткого овального штампа (рис. 5: 1). Помимо этого

выделяется мотив горизонтального зигзага (рис. 5: 2).

Аналогии данной керамики прослеживаются в керамических комплексах русско-азибейского типа Русско-Азибейской I (Габышев, 1978а, рис. 3–7) и Игимской I (Шипилов, 2021, рис. 29, 30) стоянок.

Не меньшего внимания заслуживает присутствие на Берёзовогривско-Алексеевском III поселении следов носителей керамики новоильинской культуры (рис. 5: 3–7). В ходе изысканий на поселении было обнаружено пять фрагментов керамики этой культуры. Толщина стенок сосудов варьирует от 0,8 до 1,2 см при средней толщине около 1 см. В формовочной массе присутствует примесь песка и шамота. Судя по фрагментам, сосуды были круглодонны и обладали прямостенной профилировкой. По всей внешней поверхности керамика новоильинской культуры была орнаментирована. В отличие от керамики камской культуры орнаментация носит более разреженный характер. В среде носителей новоильинской керамики получают распространение и новые элементы орнаментации. К таковым следует отнести использование: двузубого короткого гребенчатого штампа (рис. 5: 6), саблевидного короткого гладкого штампа (рис. 5: 3). Заслуживают внима-

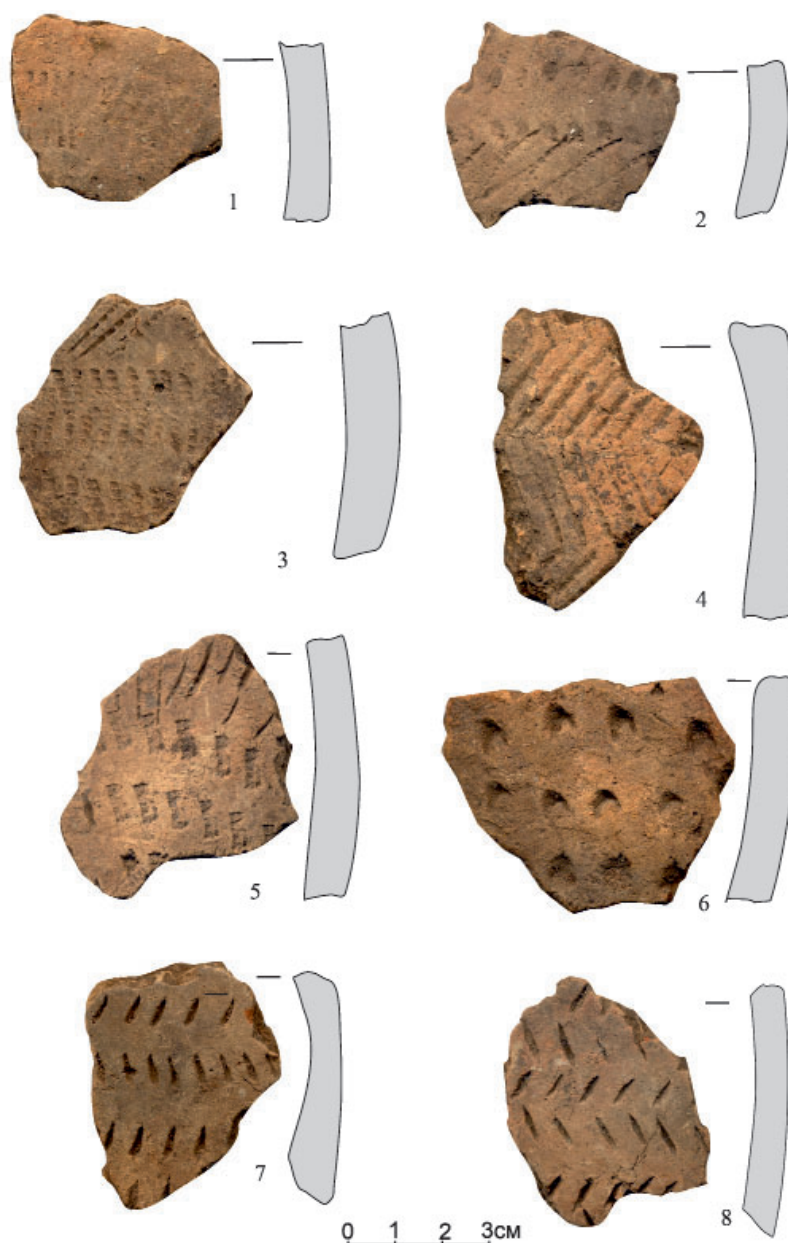

Рис. 4. Фрагменты керамики камской культуры
 Fig. 4. Fragments of the Kamskaya culture ceramics

ния также оттиски в виде концентрических кругов, вероятно, выполненные тростниковой палочкой (рис. 5: 5).

Аналогии новоильинской керамике Берёзовогривско-Алексеевского III поселения прослеживаются в материалах поселений новоильинской культуры Среднего Прикамья – Новоильинского III и Тюремка I (Бадер, 1961а, рис. 6–8; Бадер, 1961б, рис. 78, 82). Черты сходства прослеживаются и в комплексе новоильинской керамики Татарско-Азибейского II поселения (Габяшев, 1978б, рис. 10: 4, 13–15, 17).

Более поздний этап функционирования Берёзовогривско-Алексеевского III поселения

связан с гаринской культурой. На рассматриваемом поселении было обнаружено лишь два фрагмента лепных сосуда с примесью толчёной раковины в формовочной массе (рис. 6). Сосуды обладали баночной профилировкой. Толщина их стенок не превышала 0,8 см. На внешней стороне фрагментов сосудов присутствует орнаментация. Она состоит из горизонтальных поясов, которые составляют оттиски вертикально расположенного короткого овального гребенчатого штампа (рис. 6: 1) и короткого овального гладкого штампа, расположенного под наклоном (рис. 6: 2). Аналогии данной керамике прослеживаются в материалах поселенческих памятников гаринской

Рис. 5. Фрагменты керамики: русско-азибейского типа (1, 2) и новоильинской культуры (3–7)
Fig. 5. Fragments of ceramics: Russky Azibei type (1, 2) and Novoilyinskaya culture (3–7)

Рис. 6. Фрагменты керамики гаринской культуры
Fig. 6. Fragments of ceramics of the Garino culture

культуры Среднего Прикамья, таких как Боровое Озеро VI и Бор IV (Бадер, 1961в, рис. 73: 1, 3; 75: XI; 87: 3).

С эпохой неолита – энеолита связан также представительный массив каменного инвентаря, полученный в результате исследований на Берёзовогривско-Алексеевском III поселении (89 экз.). Каменный инвентарь состоит из четырёх групп. Первую группу составляют орудия охоты. Вторую группу образуют орудия для работы с мягкими материалами, третья группа включает в себя орудия для обработки дерева и четвертую группу составляют полифункциональные орудия.

В качестве сырья для изготовления орудий применялся преимущественно кремнь белого и серого цветов. В коллекции присутствует одно изделие режущего характера, изготовленное из серого кварцита. В каменном инвентаре присутствуют сколы (19 экз.) и отщепы с ретушью (5 экз.). Обнаружено семь ножевидных пластин, на одной из них имеется невыразительная ретушь. Орудия из кремня обладают весьма устойчивыми формами. Наиболее многочисленная категория представлена изделиями скребковой и режущей функций. Скребки (17 экз.), изготовленные на пластинах (рис. 10: 6) и отщепах (рис. 10: 1–3), относятся к типу концевых. Они имеют

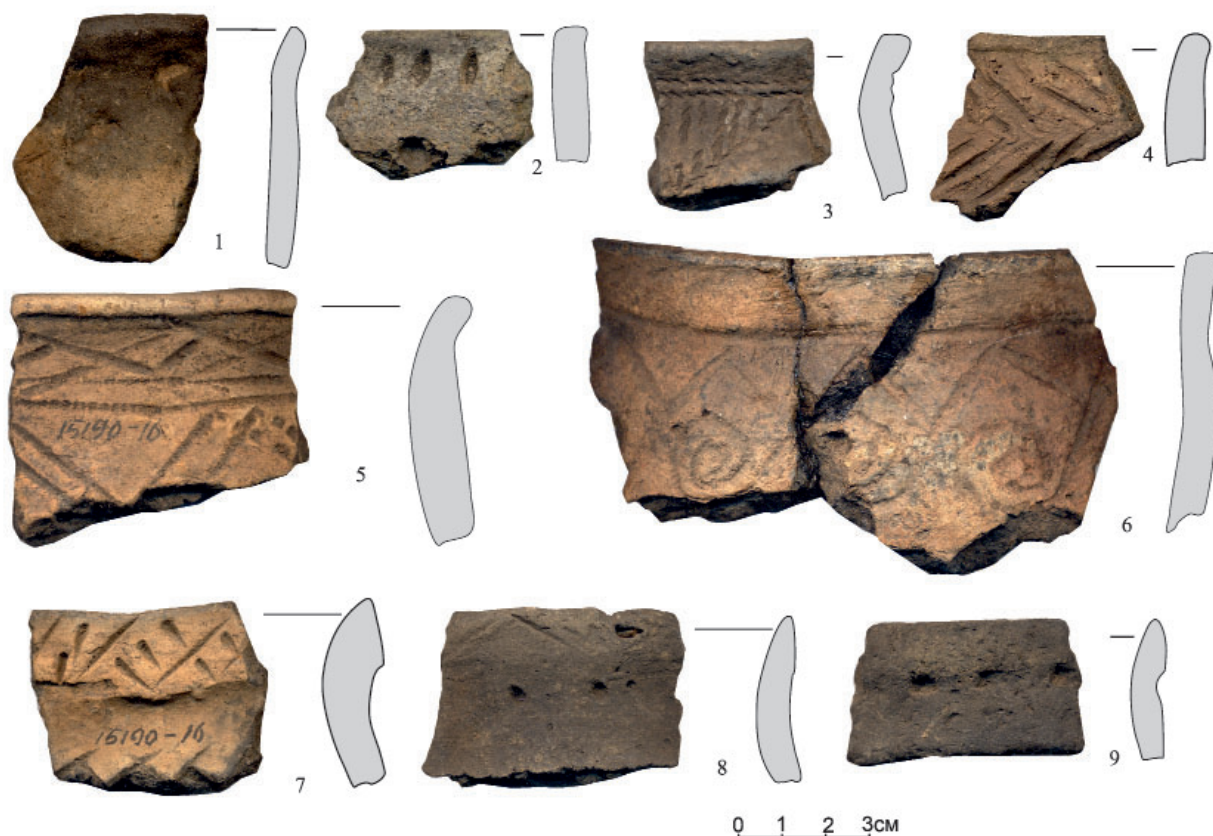

Рис. 7. Фрагменты керамики эпохи бронзы:

1, 2 – срубной культуры; 3 – поздняяковской культуры; 4, 5 – луговской культуры; 6-9 – атабаевского этапа маклашевской культуры

Fig. 7. Fragments of ceramics of the Bronze Age:

1, 2 – Srubnaya culture; 3 – Pozdniakovo culture; 4, 5 – Lugovoe culture; 6-9 – Atabaevo stage of the Maklashevka culture

прямоугольную и трапециевидную формы (рис. 10: 1–3, 6). Помимо рабочего лезвия в ряде случаев ретушь нанесена и на продольные стороны (рис. 10: 1, 3). Следует отметить, что вышеописанные орудия обладают широким кругом аналогий в материалах поселенческих памятников эпохи неолита Волго-Камского региона.

Режущие орудия изготовлены преимущественно на пластинах (рис. 9: 5–7, 12, 13). Они располагают одним рабочим краем, подправленным односторонней ретушью. Среди режущих орудий заслуживает внимания прямолезвийный нож со скошенным лезвием, изготовленный на отщепе серого кварцита, обладающий двумя рабочими краями (рис. 9: 6).

Вышеотмеченные формы режущих орудий получили широкое распространение на поселенческих памятниках эпохи неолита Волго-Камского региона (Габяшев, 2003; Выборнов, 2008; Никитин, 2011; Никитин, 2020).

Следует также отметить, что в рассматриваемой группе режущих орудий примечателен нож саблевидной формы, изготовленный из двухцветного кремня (рис. 9: 5). Весьма вероятно, что данная находка имеет отношение к эпохе энеолита. По своей оригинальной форме данное орудие имеет аналогии с ножом, обнаруженным на Русско-Азиевской III стоянке (Габяшев, 1981, рис. 1) в слое, связанном с материальными остатками гаринской культуры. В пользу принадлежности данной находки к гаринской культуре может говорить аналогичная находка, обнаруженная на Астраханцевском поселении (Шорин, 1999, рис. 35: 14), также принадлежащая к гаринской культуре.

К орудиям для обработки мягких материалов следует отнести две проколки. Одна из них изготовлена на ножевидной пластине (рис. 9: 11). Окончание рабочей части орудия сломано, его длина составила 5 см при ширине 1,5 см. Ближайшие аналогии данному

Рис. 8. Фрагменты керамики эпохи бронзы и раннего железного века:
1-3 – атабаевского этапа маклашеевской культуры; 4, 5 – маклашеевского этапа маклашеевской культуры;
6-9 – культуры текстильной керамики; 10 – ананьинской КИО.

Fig. 8. Fragments of ceramics of the Bronze Age and Early Iron Age:
1-3 – Atabaev stage of the Maklasheevka culture; 4, 5 – Maklasheevka stage of the Maklasheevka culture;
6-9 – cultures of textile ceramics; 10 – Ananyino cultural and historical area

орудию прослеживаются в каменном инвентаре Тетюшской II стоянки, относящейся к камской неолитической культуре (Габышев, 2003, рис. 44: 2). Вторая проколка изготовлена на бифасе (рис. 9: 10). С двух сторон орудие оформлено плоскостной отжимной ретушью. Длина орудия составляет 6 см, а ширина – 2,5 см.

К орудиям охоты следует отнести три наконечника стрел (рис. 9: 1–3) и три наконечника дротиков (рис. 9: 4, 8, 9). Все они изготовлены из кремня белого, серого цветов. Три орудия изготовлены из двухцветного кремня. К такому относится один наконечник стрелы, на котором сочетается кремень красного (рис. 9: 2) и белого цвета, а также два наконечника дротиков, на которых кремень белого и тёмно-серого цветов (рис. 9: 4, 9). Наконечники стрел имеют листовидную форму. Все наконечники дротиков (рис. 9: 4, 8, 9) отличаются от наконечников стрел (рис. 9: 1–3) более крупными размерами. Все наконечники стрел и дротиков

с двух сторон оформлены тщательной отжимной ретушью.

Наиболее близкие аналогии орудиям охоты Берёзовогривско-Алексеевского III поселения прослеживаются в каменном инвентаре поселенческих памятников эпохи неолита Нижнего Прикамья (Габышев, 2003). Вероятно, вышеописанные формы орудий охоты продолжают свое распространение и в эпоху энеолита. В пользу этого говорят находки на поселениях Волго-Камского региона кремнёвых наконечников, близких по своим формально-типологическим признакам, но принадлежащих к материальной культуре волосово-гаринской общности (Никитин, 1991; Никитин, 2017; Шипилов, 2021).

Весьма внушительную группу находок образуют орудия для обработки дерева, к которой следует отнести тесла (рис. 10: 4, 5, 10), долота (рис. 10: 8, 9) и одно сверло (рис. 10: 7). Отдельные тесла и долота сохранились фрагментарно. Данные орудия изготовлялись

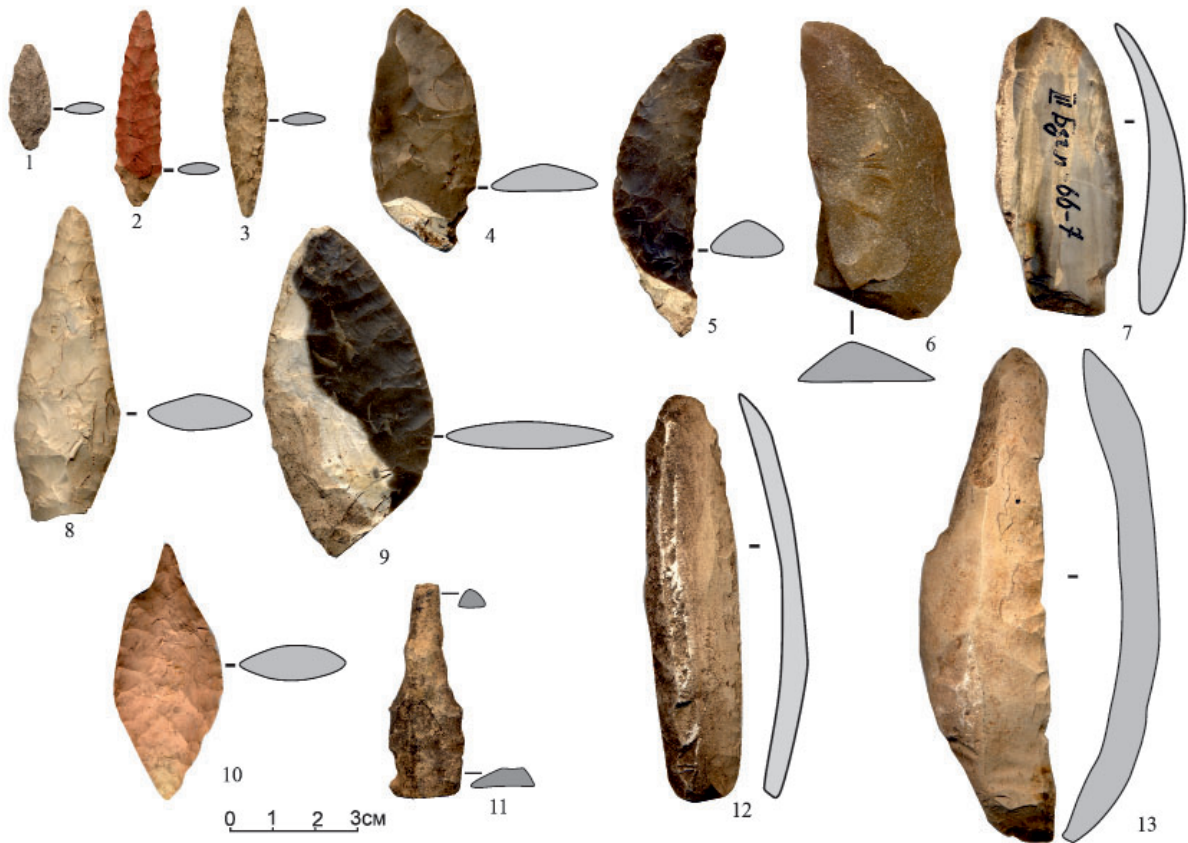

Рис. 9. Каменный инвентарь Берёзовогривско-Алексеевского III поселения

Fig. 9. Stone inventory of Berezovogrivsko-Alekseevskoe III settlement

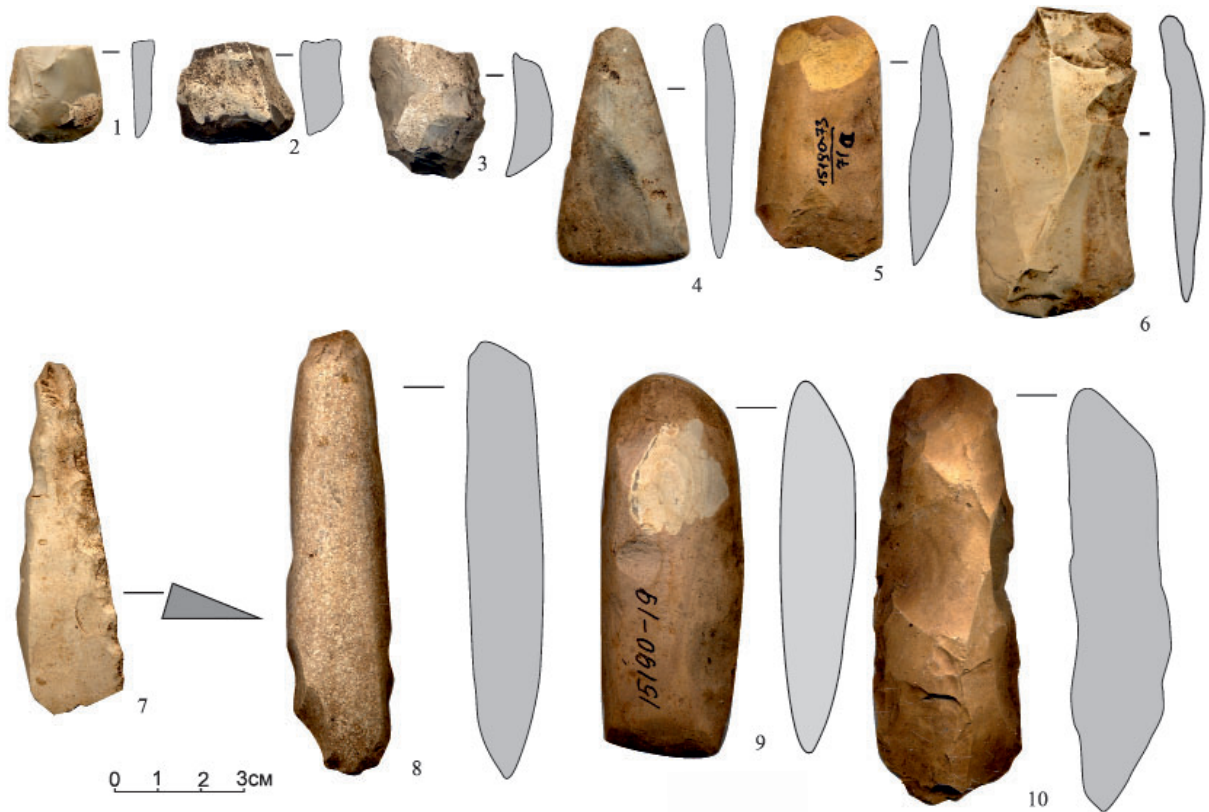

Рис. 10. Каменный инвентарь Берёзовогривско-Алексеевского III поселения

Fig. 10. Stone inventory of Berezovogrivsko-Alekseevskoe III settlement

преимущественно из белого кремня плохого качества. Долота, в отличие от тёсел (рис. 10: 8, 9), обладают более узкой рабочей частью, в сечении они также клиновидные. Заслуживает внимания шлифованное тесло небольшого размера подтрапецевидной формы, клиновидное в сечении, изготовленное из зелёного сланца (рис. 10: 4). Длина орудия составляет 5,5 см при ширине рабочей части 3 см. По своим формально типологическим особенностям тесла и долота Берёзовогривско-Алексеевского III поселения, как и скребки, находят широкий круг аналогий на поселенческих памятниках камской культуры Нижнего Прикамья (Габышев, 2003, рис. 48, 49; Выборнов, Шипилов, рис. 7: 22–27; 8: 21–23).

Среди деревообрабатывающих орудий заслуживает внимание сверло подтреугольной формы, изготовленное на пластине (рис. 10: 7). Длина орудия составляет 8 см при ширине 2,3 см. Ближайшие аналогии данное орудие находит на поселении Мольбище III, относящемся к волосовской культуре (Никитин, 2017, рис. 445: 1).

Следующий этап заселения Берёзовогривско-Алексеевского III поселения относится к эпохе поздней бронзы, наиболее ранние остатки материальной культуры этой эпохи относятся к срубной культуре (рис. 7: 1–2). Керамика срубной КИО, обнаруженная на поселении, характеризуется баночной профилировкой. Поверхность посуды небрежно заглажена. В качестве основной примеси в глиняном тесте использовался шамот. Основными способами нанесения орнамента были оттиски гладкого подтреугольного и линзовидного штампов (рис. 7: 1–2). Подобная керамика широко известна на памятниках срубной КИО Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, таких как Набережно-Челнинский могильник (Казаков, 1972, рис. 2), а также в материалах Дубовогривской II стоянки (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 4; 7). Датировку срубной керамики Берёзовогривско-Алексеевского III поселения, вероятно, следует помещать в хронологические рамки существования срубной культурно-исторической общности XVII–XV вв. до н. э. (Черных и др., 2002, с. 127).

Весьма любопытно присутствие в массиве находок эпохи поздней бронзы фрагмента сосуда баночной формы (рис. 7: 3), по внешней стороне которого присутствуют оттиски шнура. Аналогичная посуда была обнаружена среди находок из Коминтерновского II кургана (Чижевский, Губин, Лыганов, 2011, рис. 8: 2). Характер орнамента керамики

по своим формально-типологическим признакам позволяет связать её с поздняяковскими древностями и поместить в хронологические рамки XV–XIII вв. до н. э. (Бадер, Попова, 1987, с. 135).

Весьма представительен синхронный с поздняяковской керамикой комплекс фрагментов керамики луговской культуры. Он представлен фрагментами посуды с хорошо заглаженной поверхностью (рис. 7: 4–5). Основными примесями в глиняном тесте луговской керамики была раковина и органика. Преимущественно на её внешней поверхности присутствует орнаментация. Орнамент наносился, как правило, оттисками сплошного штампа, реже – гладкого и разреженного штампов. Орнаментация представлена простыми композициями, такими как горизонтальный зигзаг, наклонные и горизонтальные линии.

Судя по венчикам (рис. 7: 4–5), сосуды имели горшковидную форму. Ближайшие аналогии луговской керамике Берёзовогривско-Алексеевского III поселения прослеживаются в материалах археологических памятников Нижнего Прикамья: Дубовогривской II (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 7: 15, 16, 18, 19, 23), Луговской I и II (Збруева, 1960, с. 12–29) стоянок, а также в материалах могильника Такталачук (Казаков, 1978, с. 67–108).

Луговской тип керамики был выделен и впервые описан А.В. Збруевой после раскопок группы стоянок у п. Луговой (1952, с. 204). В настоящее время керамику данного культурного образования следует помещать в хронологические рамки XV/XIV–XIV/XIII вв. до н. э. (Колев, 2000, с. 250).

Следующий этап заселения Берёзовогривско-Алексеевского III поселения соотносится с носителями посуды атабаевского этапа маклашеевской культуры. Атабаевская керамика, выявленная на стоянке, пористая, желто-оранжевого цвета, с примесью раковины (рис. 7: 6–9; 8: 1–3). Толщина стенок фрагментов этой керамики составляет 0,5–0,7 см. В большинстве случаев венчик сосуда с внешней стороны украшен характерным валиком – приостренным или сглаженным. Внешняя поверхность сосудов гладкая, заглаженная, орнамент размещался на горловине и верхней трети тулова сосуда.

В орнаментации керамики данной группы преобладают оттиски гребенчатого и гладкого штампа. Основной орнаментальной композицией являются горизонтальные линии и зигзаг, а также пояски ямок и овальных вда-

лений. Близкие по формально-типологическим признакам сосуды были найдены при исследовании Дубовогривской II стоянки Р.С. Габяшевым и П.Н. Старостиним (раскопы I, II, V) (Габяшев, Старостин, 1978, рис. 7–11). Помимо этого, подобная керамика была встречена при исследовании Каентубинской островной (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис. 8: 1, 2, 5, 6, 9–11, 17) и Игимской (Шипилов, 2017, рис. 9) стоянок, а также Кузькинского XVII поселения (Шипилов, 2019, рис. 7: 2–4).

Общая дата атабаевского этапа маклашевской культуры относится к рубежу XIV и XIII вв. до н. э. (Кузьминых, Дегтярёва, 2006, с. 251–254; Агапов, Дегтярёва, Кузьминых, 2021, с. 44). Вероятно, в этих же рамках датируется керамика атабаевского этапа маклашевской культуры, обнаруженная на Берёзово-Алексеевском III поселении.

Наличие в массиве находок рассматриваемого поселения незначительного количества керамики маклашевского этапа маклашевской культуры (рис. 8: 4–5) свидетельствует о продолжении бытования поселения вплоть до конца бронзового века.

Маклашевская керамика отличается серым и оранжевым цветами и примесью раковины в глиняном тесте. Внешняя поверхность сосудов гладкая, орнамент размещался преимущественно на горловине и в верхней части сосуда (рис. 8: 4–5). Характерной

особенностью этой керамики является группировка ямок и наличие плоского воротничка. Близкая по облику керамика маклашевской культуры была обнаружена в ходе исследований Дубовогривской II (раскоп V) и Игимской I (раскоп II) стоянок (Шипилов, 2017, рис. 10). Датировка маклашевского керамического комплекса Берёзово-Алексеевского III поселения определяется по общей дате существования маклашевского этапа маклашевской культуры, в пределах XII/XI – 1 пол. IX в. до н. э. (Чижевский, 2001, с. 30–36; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

Заключительный этап функционирования стоянки связан с ранним железным веком. Его иллюстрирует пять фрагментов посуды культуры текстильной керамики (рис. 8: 6–9). Представляется правомерным поместить в один хронологический ряд с ними единственный фрагмент сосуда (рис. 8: 10), имеющий принадлежность к населению ананьинской КИО, возраст которого, вероятно, следует помещать в хронологические рамки VIII–IV/III вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 36, 37).

Подводя итог анализу материалов Берёзово-Алексеевского III поселения, следует констатировать, что его материалы позволяют получить новую качественную информацию о специфике развития населения эпохи неолита, палеометалла и раннего железного века на территории Нижнего Прикамья.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С. А., Дегтярёва А. Д., Кузьминых С. В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3 (18). С. 44–59.
- Бадер О.Н. Третье Новоильинское поселение // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1961а. С. 69–75.
- Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1961б. С. 110–271.
- Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. № 99. М.: Наука, 1961в. 197 с.
- Бадер О. Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 131–135.
- Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГСПУ, 2008. 490 с.
- Выборнов А.А., Шипилов А.В. Неолитический комплекс Балахчинской VI А стоянки в Приустьевом Прикамье // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 47–58.
- Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Поснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита–энеолита Волго-Камья // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 4. С. 242–248.
- Габяшев Р.С. Русско-Азиевская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978а. С. 22–39.
- Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азиевское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978б. С. 40–66.

Габяшев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азиевской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1981. С. 11–24.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V – III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ФЭН, 2003. 223 с.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 109–120.

Казаков Е.П. Набережно-Челнинский могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1972. С. 78–86.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья (Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР. Вып. 2. Работы Татарского отряда) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978. С. 109–120.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНИЦ РАН, 2000. С. 242–273.

Кузминых С.В., Дегтярёва А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: учебник / Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 219–270.

Кузминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Отв. ред. С.В. Кузминых, А.А. Чижевский, Г.Р. Руденко. Археология Евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: Андерсен, 2009. С. 29–55.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИ-ИЯЛИ, 2011. 470 с.

Никитин В.В. На грани камня и металла. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2017. 469 с.

Никитин В.В. Культура носителей керамики камского стиля в левобережье Марийского и Казанского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2020. 139 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. 1. Йошкар-Ола, 1960. 187 с.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В., Лопес-Саец Х. А., Лопес-Гарсия П., Мартинес-Наваррете М.И.Н. Каргалы: Горный - поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. / Каргалы. Т. II / под ред. Черных Е. Н. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.

Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 174–176.

Чижевский А.А., Губин А.С., Лыганов А.В. Коминтерновский курган № 2 // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции V Халиковские чтения / Археология Евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. С. 261–271.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследование памятников археологии на острове Дубовая грива в 2009-2010 гг. // Поволжская археология. 2012. №1. С. 94–115.

Чижевский А.А., Шпилов А.В., Капленко Н.М. Итоги исследования Каентубинской островной стоянки в 2004 году // Поволжская археология. 2017. №1 (19). С. 50–70.

Шпилов А.В. Материалы эпохи бронзы и раннего железа Игимской стоянки (Нижнее Прикамье) // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 111–119.

Шпилов А.В. Кузькинская XVII стоянка (атрибуция и хронология) // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 165–178.

Шпилов А.В. Ранние этапы заселения Игимской I стоянки в Нижнем Прикамье (по материалам второго раскопа) // Археология Евразийских степей. 2021. №1. С. 280–298.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблема культуругенеза. Екатеринбург: УРО РАН, 1999. 181 с.

Информация об авторе:

Шпилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shipilov_anton@mail.ru

REFERENCES

- Agapov, S. A., Degtiareva, A. D., Kuzminykh, S. V. 2012. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 18 (3), 44–59 (in Russian).
- Bader, O. N. 1961. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 69–75 (in Russian).
- Bader, O. N. 1961. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 110–271 (in Russian).
- Bader, O. N. 1961. *Poseleniia turbinskogo tipa v Srednem Prikam'e (Turbino Type Settlements in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Bader, O. N., Popova, T. B. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 10–28 (in Russian).
- Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
- Vybornov, A. A., Shipilov, A. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 47–58 (in Russian).
- Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Baratskov, A. V., Grechkina, T. Yu., Lychagina, E. L., Naumov, A. G., Zaitseva, G. I., Kul'kova, M. A., Goslar, T., Oinonen, M., Possnert, G. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 16, no. 4, 242–248 (in Russian).
- Gabiashev, R. S. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 22–39 (in Russian).
- Gabiashev, R. S. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 40–66 (in Russian).
- Gabiashev, R. S. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 11–24 (in Russian).
- Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia B.C.)*. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; "Fän" Publ. (in Russian).
- Gabiashev, R. S., Starostin, P. N. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 109–120 (in Russian).
- Kazakov, E. P. 1972. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Nizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences)*. Issue 1, Moscow: "Nauka" Publ., 78–86 (in Russian).
- Gabiashev, R. S., Starostin, P. N. 1978. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Fieldworks of Tatarian Team. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 109–120 (in Russian).
- Kolev, Yu.I. 2000. In Kolev, Yu.I., Mamonov, A.E., Turetsky, M.A. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishih vremion do nashikh dnei. Bronzovyi vek (The History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. Bronze Age)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 242–273 (in Russian).
- Kuz'minykh, S. V., Degtiareva, A. D. 2006. In Yanin, V. L. (ed.). *Arkheologiya: uchebnykh (Archaeology: a tutorial)*. Moscow: Moscow State University Publ., 219–270 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 29–55 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 2017. *Na grani kamnia i metalla (On the Verge of Stone and Metal)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 2020. *Kul'tura nositelei keramiki kamskogo stilia v levoberezh'e Mariiskogo i Kazanskogo Povolzh'ia (Culture of the Bearers of Kama Style Pottery on the Left Bank of the Mari and Kazan Volga Regions)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2001. In Kazakov, E. P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 174–176. (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Gubin, A. S., Lyganov, A. V. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 11. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 224–230 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Morozov, V. V. 2012. *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 94–115 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V., Kaplenko, N. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 50–70 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. 111–119 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 165–178. (in Russian).

Shipilov, A. V. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 280–298 (in Russian).

Chernykh, E. N., Lebedeva, E. Yu., Zhurbin, I. V., López- García, P., López-Sáez, J. A., Martínez-Navarrete, M. N. 2002. Kargaly: Gorny – poselenie epokhi pozdnei bronzy. Topografiia, litografiia, stratografiia. Proizvodstvenno-bytovye i sakral'nye sooruzheniia. Otnositel'naia i absoliutnaia khronologiya (Kargaly: Gorny — the Late Bronze Age Settlement .Topography, lithology, stratigraphy. Household, manufacturing and sacral structures. Relative and absolute chronology). Series: Kargaly 2. Moscow: Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Shorin, A. F. 1999. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: problemy kul'turogeneza (Chalcolithic of Ural and Adjacent Territories: Issues of Cultural Genesis)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Author:

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shipilov_anton@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

УДК 902/904 572.71

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.74.85>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ «КУЛЬТОВОГО КУРГАНА» (АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

© 2022 г. Д.А. Кириченко

В статье представлены краниологические материалы из так называемого «Культового кургана» или же кургана № 36 из раскопок (полевой сезон 1937 г.) азербайджанского археолога Я.И. Гуммеля. Курган был расположен в долине р. Гянджачай, к западу от г. Гёйгёль (Азербайджанская Республика). Здесь были выявлены погребения эпохи ранней бронзы (куро-араксская археологическая культура), поздней бронзы-раннего железа (Ходжалы-Кедабекская археологическая культура) и средневековья. Исследованный нами палеоантропологический материал относится к периоду поздней бронзы-раннего железа (Ходжалы-Кедабекская археологическая культура) и датируется концом II – началом I тыс. до н.э. Всего было изучено четыре черепа: три мужских (№ 1–3) и один женский (№ 4). Вероятно, мужские и женский черепа из «Культового кургана» принадлежали представителям южной ветви европеоидной расы и относились к ее брахикранному варианту, распространенному в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана еще с эпохи ранней бронзы. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что люди, захороненные в жальнике кургана, являлись автохтонами этой зоны Азербайджана, данному утверждения не противоречат и археологические материалы, обнаруженные возле погребенных. Отмечается определенная преемственность населения на территории Гянджа-Газахского региона Азербайджана от эпохи ранней – поздней бронзы – раннего железа – средневековья и вплоть до современного периода.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, эпоха поздней бронзы-раннего железа, ходжалы-кедабекская археологическая культура, курган, антропология, краниометрия, трепанация, палеопатологии.

ANTHROPOLOGICAL MATERIALS FROM «CULT BARROW» (AZERBAIJAN REPUBLIC)

D.A. Kirichenko

The paper presents craniological materials from the so-called «Cult barrow» or kurgan №36 from excavations (field season of 1937 year) of Azerbaijani archaeologist Y.I. Hummel. Kurgan was situated in the valley of Ganjachai to the west from Goygol city (Azerbaijan Republic). Here were identified the burials of different historical periods: the Early Bronze Age (Kura-Araxes archaeological culture), the Late Bronze – Early Iron Ages (Khojaly-Gedabek archaeological culture) and Medieval. The studied materials belong to the Late Bronze – Early Iron Ages (Khojaly-Gedabek archaeological culture) and date back to the end of II – beginning of I Millennium BC. Four skulls were researched in total: three male (No 1–3) and one female (No 4). There is likelihood that male and female skulls from «Cult barrow» belonged to the south branch of the Caucasoid race and referred to its brachycranial variant, which had been widespread in Ganja-Gazakh region of Azerbaijan since The Early Bronze Age. The results of the study allow us to conclude that the people buried in the zhalnik of the mound were the autochthons of this zone of Azerbaijan, this statement does not contradict the archaeological materials found near the buried. There is a certain continuity of the population on the territory of the Ganja-Gazakh region of Azerbaijan from the era of the Early – Late Bronze – Early Iron – Middle Ages and up to the modern period.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, The Late Bronze – Early Iron Ages, Khojaly-Gedabek archaeological culture, barrow/kurgan, anthropology, craniometry, trepanation, paleopathologies.

В статье изучен палеоантропологический материал из «Культового кургана», который представлен в экспозиции «Музея анатомии человека» и хранится на кафедре «Анатомии человека и медицинской терминологии» Азербайджанского медицинского университета¹.

«Культовый курган» находился в долине р. Гянджачай к западу от современного г. Гёйгёль (Гёйгёльский район).

В 1937 г. археологическое исследование памятника провел азербайджанский археолог Я.И. Гуммель. Ниже приведем археологическое описание «Культового кургана».

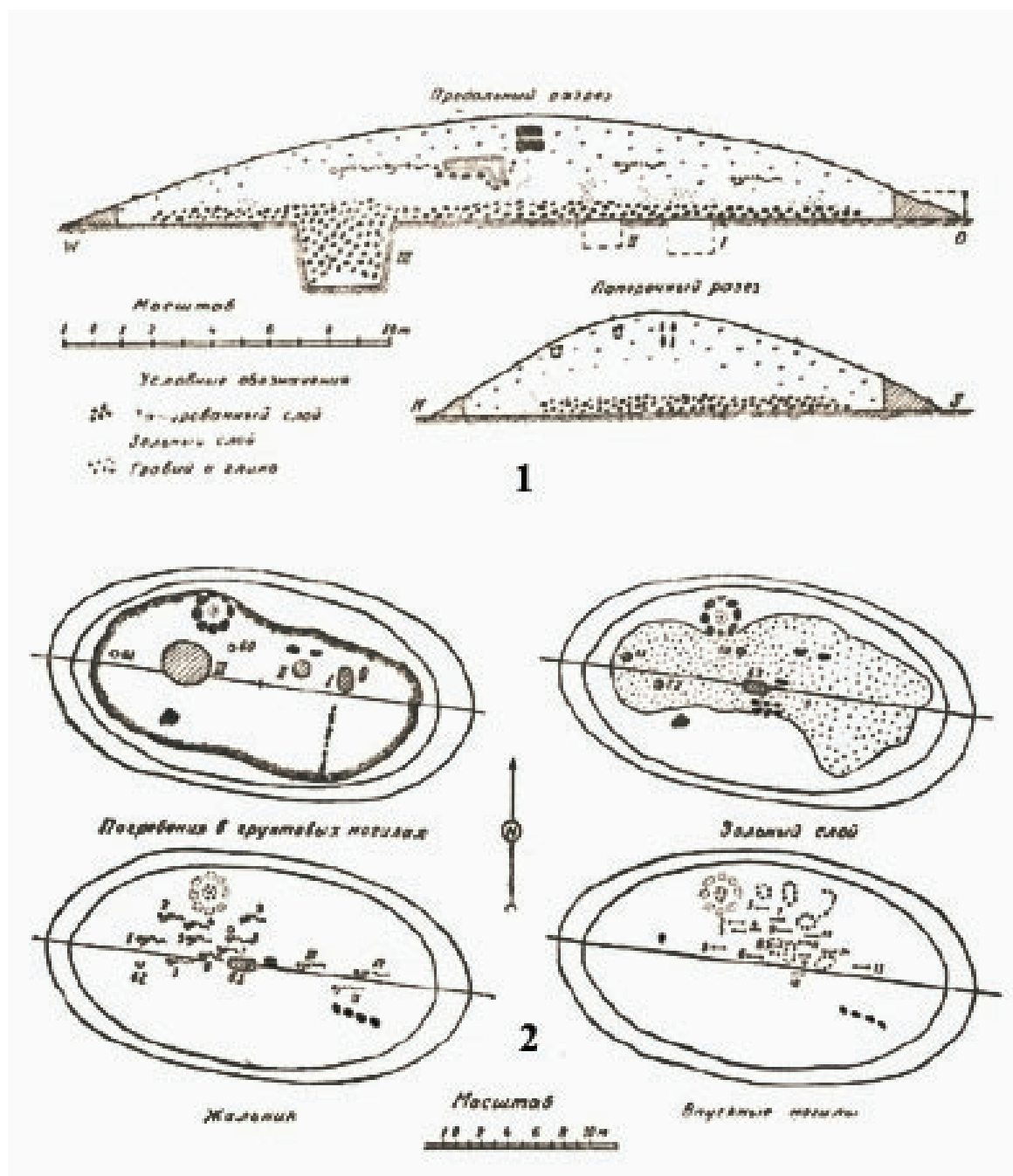

Рис.1. «Культовый курган». Планы. 1 – Разрезы кургана; 2 – План погребений (по: Гуммель, 1940).

Fig.1. «Cultic barrow». Plans. 1 – The sections of barrow; 2 – Plans of burials (after Hummel, 1940).

«Культовый курган», или же курган № 36, располагался на поселении № 1, к югу от сооружения № 58, на расстоянии 31,5 м от входа в его отделение I, в начале оврага у долины Гянджа-чая и представлял собой большое возвышение в виде холма (рис. 1: 1). На поверхности этого холма были каменные выкладки в виде прямоугольников и кругов, а также 5 огромных речных булыжников, установленных по прямой линии в один ряд (Гуммель, 1940, с. 103).

Курган имел эллипсоидное основание с длинной осью, ориентированной в направлении восток – запад, размеры 30×18 м, высота насыпи в центре кургана достигает 3,3 м. Вся насыпь представляла собой культурный слой различных эпох (Гуммель, 1940, с. 106).

Организованные раскопки кургана длились свыше полугода. В результате этой работы были выявлены культурные наслоения четырех различных эпох (рис. 1: 2): нижний замурованный слой содержал весьма древ-

ние погребения в грунтовых ямах, над ним оказался мощный слой золы, перекрытый жальником эпохи бронзы, верхний слой дал ряд более молодых впускных погребений (Гуммель, 1940, с. 106).

После сношения всей насыпи кургана на твердом грунте вырисовывались три замурованные грунтовые ямы в форме округлых колодцев. Две из них расположены в северо-восточном секторе и одна, большего размера, в западной половине кургана (Гуммель, 1940, с. 106).

Я.И. Гуммель приводит сведения о половой принадлежности и форме черепной коробки людей, погребенных в грунтовых могилах кургана. В частности, в могиле I был захоронен ребенок лет десяти, в могиле II – ребенок лет семи, в могиле III – взрослый мужчина.

Форма черепной коробки детей и мужчины была долихокранной (Гуммель, 1940, с. 106–110).

Вероятно, грунтовые могилы кургана относились к эпохе ранней бронзы и соотносились с куро-араксской археологической культурой/культурной общностью. К сожалению, антропологический материал из грунтовых погребений периода ранней бронзы не сохранился.

Все основание огромного кургана было выстлано слоем голышей на глиняном растворе. Этот слой имел толщину от 0,4 до 0,7 м. Под курганной насыпью были установлены на твердом грунте, без определенной системы валуны огромного размера, служившие, вероятно, в качестве жертвенных камней. В юго-восточном секторе на грунте оказался, кроме того, ряд камней в виде стенки, отходящей от четырех валунов к северу, а в северо-западном секторе, недалеко от могилы III на грунте оказался кромлех в виде правильного круга диаметром 2 м, сооруженный из восьми огромных речных валунов (Гуммель, 1940, с. 110).

Непосредственно над замурованным нижним слоем был мощный слой плотно слежавшейся золы с углем толщиной в 1,3 м в центральной части кургана, постепенно идущей по мере приближения к периферии кургана на убыль. Весь зольный слой был насыщен множеством костей, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота, а также большим количеством обломков керамических изделий. В западной половине кургана были обнаружены три больших толстостенных кувшина, перекрытых известняковыми плитами округлой формы. В самом центре кургана была сделана важная находка

предмета, который условно можно назвать саркофагом с крышкой, изготовленным из какой-то цементобразной серой массы. По форме он напоминает неглубокую ванну с кувшинообразным овальным в сечении и закругленным в основании углублением в одном конце (Гуммель, 1940, с. 111).

Весь саркофаг был наполнен золою с большими древесными угольками, и никаких других вещей в нем не было найдено. Может быть, он содержал остатки сожжения трупов, хотя обожженных человеческих костей в нем и не найдено. Возможно, что кремация была доведена вплоть до того, что все тело превращалось в пепел (Гуммель, 1940, с. 112).

Средний зольный слой кургана образовался, вероятно, в течение продолжительного времени, в результате совершения в этом месте религиозных обрядов, связанных с жертвоприношениями, причем не исключена также возможность выноски сюда «священной золы», образовавшейся в печи отделения I сооружения № 58 при сожжении трупов умерших. Судя по извлеченным из зольного слоя остаткам костей животных, в жертву приносились бык или корова, баран или овца, коза, лошадь, свинья и домашняя птица. Образовавшаяся зола была засыпана, видимо, со временем нетолстым слоем песка и гравия, вследствие чего образовалась постепенно насыпь кургана (Гуммель, 1940, с. 114).

Над зольным слоем было обнаружено на разной высоте от грунта 12 погребений жальничного типа: покойников (взрослых и подростков) клали просто на землю и засыпали землей. Девять из них лежали в западной половине кургана, а три – в восточной. Все эти погребения носили однородный характер и не могут быть отделены одно от другого сколько-нибудь значительными промежутками времени. Весьма хрупкие костяки лежали в скорченном на правом боку положении, с чуть согнутыми в локтях руками и в коленях ногами. Ориентировка костяков: запад (голова) – восток (ноги). Головы шести из них были обращены лицом к югу, головы же шести других были обращены лицом вниз, к материку (Гуммель, 1940, с. 114–115).

Слой жальника весь до задернованной поверхности кургана был насыщен кусочками древесного угля, костяками домашних животных и черепками глиняной посуды, характерной для эпохи развитой бронзы. При погребенных в жальнике оказались лишь немногие вещи: кованый медный наконечник копья ланцетовидной формы, наконечник стрелы

Таблица 1. Краниметрические измерения черепов из «Культового кургана».
Table 1. Craniometrical measurements of skulls from «Cult barrow».

Признак № по Мартину №Martin	№1 ♂	№2 ♂	№3 ♂	Средние ♂ Average ♂	№4 ♀
1	166,1	166,1	177,3	169,8 (3)	162,5
8	150,4	146,5	147,8	148,2 (3)	142,1
5	96,2	94,5	103,2	97,8 (3)	92,7
9	100	95	103	98,7 (3)	94,5
17	138,4	128	130,7	132,4 (3)	122,3
20	137,3	124,5	132,2	131,3 (3)	121,7
40	94	95	100	96,3 (3)	91
45	-	126	125,7	125,9 (2)	119
48	70	69	70	69,7 (3)	58
51	45	42	43	43,3 (3)	39
51a	42	40	41	41 (3)	37
52	35	33	34,5	34,2 (3)	33
54	22	24	23,5	23,2 (3)	23
55	56	50	53	53 (3)	47
8:1	90,5	88,2	83,4	87,3 (2)	87,4
48:45	-	54,8	55,7	55,2 (2)	48,7
52:51	77,8	78,6	80,2	79 (3)	84,6
52:51a	83,3	82,5	84,1	83,4 (3)	89,2
54:55	39,3	48	44,3	43,8 (3)	48,9
77	138,1	139,9	134,7	137,6 (3)	134,4
∠ Zm	119,2	125,2	120,5	121,6 (3)	117,7
75 (1)	28	29	27	28 (3)	23

из прозрачного обсидиана, одна сердоликовая бусина средних размеров, костяное кольцо для пуска стрел, украшенное мелкими бронзовыми гвоздиками, а также фрагменты керамических сосудов, из которых Я.И. Гуммель реставрировал 2 миски, 1 мисочку и 1 сосудик (Гуммель, 1940, с. 115, 117).

Археолог Я.И. Гуммель считал курган № 36 культовым местом типа «холмов жертвоприношения и погребения» (Гуммель, 1940, с. 118).

Зольный слой и погребения в жальнике датируются концом II – началом I тыс. до н. э. (Nərimanov, 1958, с. 61–62).

Аналогии инвентарю, обнаруженному в жальнике кургана, встречаются на памятниках Ходжалы-Кедабекской археологической культуры Азербайджана и Южного Кавказа.

Антропологический материал состоит из трех мужских и одного женского черепов и

происходит из так называемого жальника кургана. Череп № 1 соотносим, вероятно, с погребением № 3; череп № 2 – с погребением № 12; череп № 3 – с погребением № 4, а для черепа № 4, к сожалению, в настоящее время не представляется возможным установить точный номер захоронения.

Краниологический материал (табл. 1) был исследован по общепринятой в палеоантропологии методике Р. Мартина (по сокращенной программе) (Martin, Saler, 1957; Алексеев, Дебец, 1964).

Патологические наблюдения были осуществлены на основе методики, разработанной А.П. Бужиловой (Бужилова, 1995, 1998), а также применялись и другие методические пособия, рекомендации и справочники (Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998; Ortner et al., 1981; Ubelaker, 1978; Waldron, 2008; Paoletto, Klales, 2014). Методика техни-

Рис.2. Мужской череп (№1).
Fig.2. Male skull (№1).

Рис. 3. Мужской череп (№2).
Fig. 3. Male skull (№2).

ки трепанаций была описана согласно классификации, предложенной Д.Р. Бротвеллом (Brothwel, 1972), Ф.П. Лисовским (Lysowki, 1967) и М.Б. Медниковой (Медникова, 2001).

Ниже приводим индивидуальную краниометрическую характеристику исследованных черепов:

Череп № 1 (рис. 2) принадлежал мужчине в возрасте около 40–45 лет, ультрабрахикранный, характеризуется очень малым продольным, очень большим поперечным и большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лоб широкий. Лицо среднеширокое (средняя ширина лица – 103 мм), средневысокое, хорошо профилированное. Орбиты очень широкие и очень низкие, мезоконхные. Нос очень узкий, высокий, лепторинный, средневыступающий. Череп относится к южной ветви европеоидной расы. На черепе присутствует

методический шов (*sutura metopica*). Из патологий на верхней челюсти отмечен пародонтоз.

Череп № 2 (рис. 3) принадлежал мужчине в возрасте около 30–35 лет, гипербрахикранный, характеризуется очень малым продольным, большим поперечным и малым высотным диаметрами мозговой коробки. Лоб среднеширокий. Лицо узкое, средневысокое, по указателю – мезен, хорошо профилированное. Орбиты среднеширокие, низкие, мезоконхные. Нос узкий, невысокий, мезоринный, сильно выступающий. Череп относится к южной ветви европеоидной расы. Из патологий на черепе отмечается воздействие холодного стресса.

Череп № 3 (рис. 4) принадлежал мужчине в возрасте около 40–45 лет, брахикранный, характеризуется малым на границе со

Рис.4. Мужской череп (№3).

Fig.4. Male skull (№3).

Рис. 5. Женский череп (№4).

Fig. 5. Female skull (№4).

средними величинами значения признака продольным, большим поперечным и малым высотным диаметрами мозговой коробки. Лоб очень широкий. Лицо на границе очень малых и малых величин значения признака по ширине, средневысокое, по указателю – лептен, хорошо профилированное. Орбиты широкие, средневысокие, мезоконхные. Нос узкий, средневысокий, лепторинный, средне выступающий. Череп относится к южной ветви европеоидной расы. Из патологий на черепе отмечается воздействие холодового стресса.

Череп № 4 (рис. 5) принадлежал, предположительно, женщине в возрасте 18–20 лет, гипербрахикранный, характеризуется очень малым продольным, очень большим поперечным и малым высотным диаметрами мозговой коробки. Лоб среднеширокий. Лицо узкое, очень низкое, по указателю – эуриен, хорошо профилированное. Орбиты узкие, средневы-

сокие, мезоконхные. Нос узкий, невысокий, мезоринный, средне выступающий. Череп относится к южной ветви европеоидной расы.

Мы объединили мужские черепа в серию, которая характеризуется гипербрахикранией, очень малым продольным, большим поперечным и средним высотным диаметрами мозговой коробки. Лоб на границе средних и больших величин признака по ширине. Лицо узкое, средневысокое, по указателю – лептен, хорошо профилированное. Орбиты широкие, средневысокие, мезоконхные. Нос узкий, средневысокий, лепторинный, средне выступающий.

Вероятно, мужские и женский черепа из жальника «Культового кургана» принадлежали представителям южной ветви европеоидной расы и относились к ее брахикранному варианту, распространенному в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана еще с эпохи ранней бронзы.

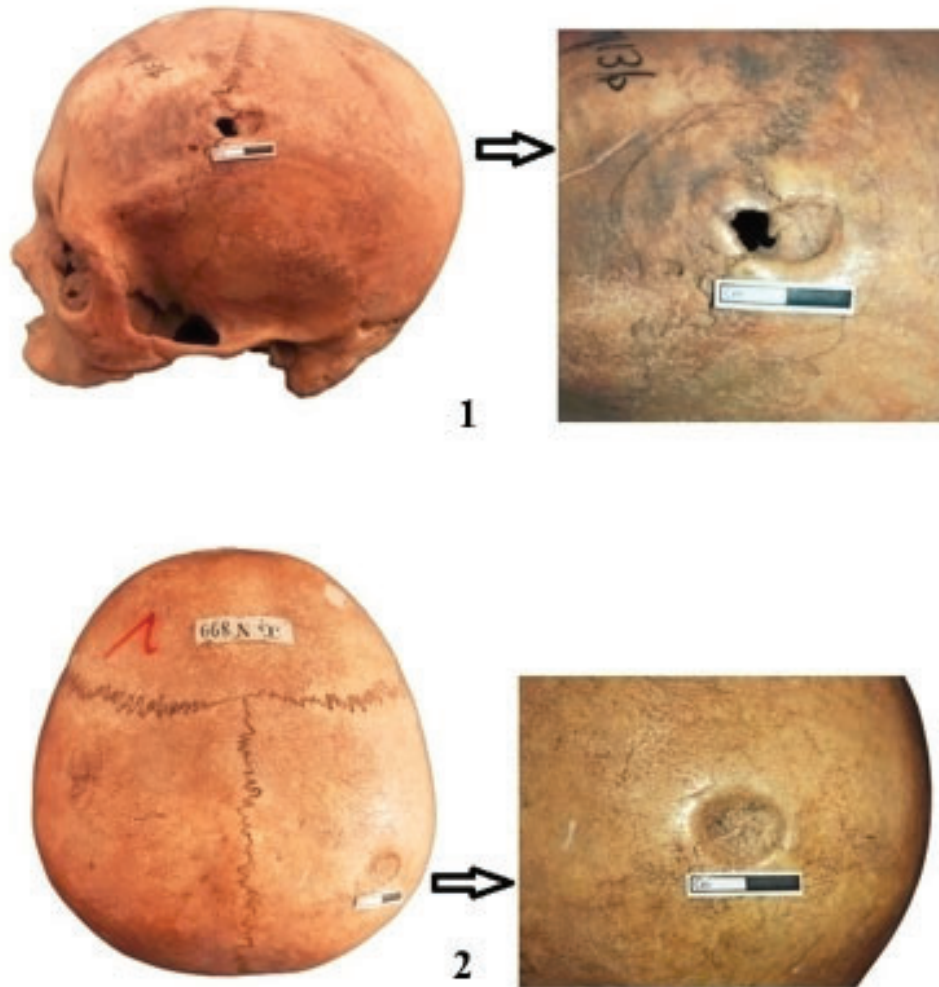

Рис. 6. Трепанации. 1 – Мужской череп (№3) со следами лечебной трепанации; 2 – Женский череп (№4) со следами ритуально-символической трепанации.

Fig. 6. Trepanations. 1 – Male skull (№3) with traces of medical trepanation; 2 – Female skull (№4) with traces of ritual-symbolic trepanation.

В погребальном кургане № 1, который был расположен к югу от г. Гейгель, у захороненного в могиле № 6 человека также отмечается брахикранная (указатель 84,44) форма черепной коробки (Гуммель, 1931, с. 12).

Могилы № 6 представляла собой погребение по типу «каменный ящик» (Гуммель, 1931, с. 11) и относилась тоже к периоду поздней бронзы – раннего железа, как и погребения из жальника «Культового кургана».

Брахикранный вариант был распространен в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана и в эпоху Средневековья (Касимова, 1960; Qasimova, 1997). В настоящее время эта зона характеризуется брахикефальными формами головы (Касимова, 1975). Вероятно, мы имеем дело с преемственностью населения от эпохи ранней бронзы и вплоть до современности.

На мужском черепе № 3 и женском черепе (№ 4) отмечены следы трепанации. На

мужском черепе № 3 трепанация была, видимо, осуществлена в медицинских целях, а на женском черепе № 4 в ритуально-символических.

На мужском черепе (№ 3) из погребения № 4 на правой теменной кости в области венечного шва отмечена краниотомия (рис. 6: 1), осуществленная методом скобления и прорезывания. Общая область повреждения составляет $1,7 \times 0,8$ мм, а размеры округлого отверстия: $0,7 \times 0,6$ мм. Следы заживления отсутствуют. Края отверстия острые. Вероятно, мужчина умер во время операции или спустя некоторое время после нее. Трепанация была, по всей вероятности, осуществлена в медицинских целях.

На женском черепе (№ 4) на правой теменной кости имеется округлое вдавление размерами $1,5 \times 1,2$ мм (рис. 6: 2). Возможно, здесь мы имеем дело с методом прижигания, а

Рис. 7. Мужской череп из «Культового кургана» со следами ритуально-символической трепанации (по: Гуммель, 1940).

Fig. 7. Male skull from «Cult barrow» with traces of ritual-symbolic trepanation (after Hummel, 1940).

трепанация была произведена в ритуально-символических целях. Прижигание вызвало, вероятно, реактивную реакцию (taphonomic reaction), произошло расширение диплоэтических каналов.

Я.И. Гуммель отмечал на правой теменной кости овальной формы углубления с реактивным воспалением кости и вдавлением в центре еще на трех черепах у погребенных, лица которых были обращены вниз (Гуммель, 1940, с. 115), но подробно останавливается лишь на одном из них.

Череп (рис. 7), судя по малым размерам, можно было считать за череп ребенка, но изучение его показало, что череп принадлежал вполне взрослому человеку лет 25, так как у него прорезались уже зубы мудрости. Клеймо было наложено на его голову в сравнительно молодом возрасте, благодаря чему, вероятно, приостановился рост и сам он превратился в какое-то уродливое существо. Наложение на череп клейма вызвало, по-видимому, кровоизлияние в мозг, что могло послужить причиной «Джаконовской эпилепсии». Во время эпилептических припадков подобного рода лица могли, конечно, воздействовать на воображение людей, и не исключена поэтому возможность их причастности к религиозно-обрядовой жизни (Гуммель, 1940, с. 115).

Исследованный нами женский череп (№ 4), судя по всему, был одним из тех трех черепов, о которых упоминает Я.И. Гуммель.

Я.И. Гуммель считал, что эти повреждения образовались не в результате глубокого

ранения, а являются, по всей вероятности, клеймом, получившимся путем наложения на голову раскаленного металлического предмета, и предполагал, что люди, захороненные в жальнике «Культового кургана» с повреждениями на черепах, возможно, были рабами, либо не исключается также, что они имели то или иное отношение к культовой жизни (Гуммель, 1940, с. 115).

Череп с аналогичным повреждением на правой теменной кости был выявлен также в могиле № 6 кургана № 1 на юго-западе от г. Гейгель (Гуммель, 1940, с. 115). Как было уже отмечено выше, черепная коробка из этой могилы была так же брахикранной, как и у погребенных в жальнике «Культового кургана».

Возможно, мы имеем дело с каким-то ритуалом, распространенным в зоне долины р. Гянджачай в эпоху поздней бронзы – раннего железа, связанным с символическими действиями религиозного характера.

Следует отметить, что символическая трепанация, осуществленная методом прижигания, была распространена у тюркских народов, но в более позднюю эпоху – Средневековье (Боев, 1959; Szathmáry, Marcsik, 2006; Reshetova, 2012/2013).

Этот способ краниотомии (рис. 8) наглядно представлен в трактате турецкого врача и хирурга Шарафеддина Сабунчуоглу – «Kitab Al-Cerrahiyet Al-Hâniye (Имперская хирургия)» (1465 г.), но уже как один из методов лечения головной боли (Боев, 1964; Michaleas et al., 2020).

В период поздней бронзы – раннего железа случаи трепанации в Азербайджане были выявлены в погребении по типу «каменный ящик» (могила № 2) из разрушенного кургана в Хачбулаге, в Дашкесанском районе (Гаджиев, Кесаманлы, 1977; Кесаманлы, 1992), в кургане № 4 «Пашатепе» близ с. Балчылы в Гейгельском районе (Кесаманлы, 1992). Данные манипуляции были осуществлены в ритуально-символических целях.

На территории Южного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа также были обнаружены черепа со следами трепанации (Пирпилашвили, 1974, с. 27–28; Худавердян, 2015; Худавердян и др., 2019). Манипуляции были осуществлены как в медицинских, так и в ритуально-символических целях.

В результате проведенных исследований было установлено, что черепа людей, погребенных в жальнике «Культового кургана», принадлежали представителям брахикран-

Рис.8. Иллюстрация из трактата Шарафеддина Сабунчуоглу «Kitab Al-Cerrahiyet Al-Hâniye (Имперская хирургия)» (1465 г.). Приложение Turc 693, Национальная библиотека Франции (по: Michaleas et al., 2020).
Fig.8. Miniature painting from tractate of Sharafaddin Sabunchuoglu «Kitab Al-Cerrahiyet Al-Hâniye (Imperial surgery)» (1465 year). Supplement Turc 693, National Library of France (after Michaleas et al., 2020).

ного варианта южной ветви европеоидной расы, распространенной в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана еще с периода ранней бронзы. Этот вариант был отмечен не только в погребениях кургана № 36, но и в могиле № 6 кургана № 1 долины р. Гянджачай. Вероятно, люди, захороненные в жальнике кургана, являлись автохтонами этой зоны Азербайджана, данному утверждению не противоречат и археологические материалы, обнаруженные возле погребенных. Погребения в жальнике кургана соотносятся с захоронениями Ходжалы-Кедабекской археологической культуры и датируются периодом поздней бронзы – раннего железа.

Отмечается определенная преемственность населения на территории Гянджа-

Газахского региона Азербайджана от эпохи ранней – поздней бронзы – раннего железа – Средневековья и вплоть до современного периода.

На черепах эпохи поздней бронзы – раннего железа отмечены следы трепанаций, методы и цели которых значительно разнятся.

В частности, на мужском черепе (№ 3) из погребения № 4 краниотомия была осуществлена в медицинских, а на черепе женщины (№ 4), как и на двух других черепах из жальника «Культового кургана» с аналогичными манипуляциями, по всей видимости, в ритуально-символических целях.

На черепе № 1 отмечены пародонтоз, метопический шов; а на черепах № 2 и № 3 – следы воздействия холодового стресса.

Примечание:

¹ Автор выражает свою благодарность и признательность и.о. зав. кафедрой «Анатомии человека и медицинской терминологии» д.ф. по медицине, доц. А.С. Абдуллаеву за возможность исследовать антропологический материал, а также сотрудникам «Музея анатомии человека» за помощь во время работы с черепами.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропометрических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Боев П. Върху историческите трепанации // Известия на института по морфология. 1959. №3. С. 197–231.
- Боев П. Символични трепанации от България // Известия на института по морфология. 1964. № 9–10. С. 289–298.
- Бужилова А.П. Древнее население: палеопатологические исследования. М.: ИА РАН, 1995. 189 с.
- Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Бужилова А.П., Козловская М.В., Лебединская Г.В., Медникова М.Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 87–147.
- Гаджиев Д.В., Кесаманлы Г.П. Трепанация черепа в Азербайджане в древности // Азербайджанский медицинский журнал. 1977. №12. С. 54–61.
- Гуммель Я.И. Погребальный курган (№ 1) около Еленендорфа. Азербайджанская ССР. Баку: АзГНИИ, 1931. 55 с.
- Гуммель Я.И. Археологические очерки. Баку: АзФАН, 1940. 166 с.
- Касимова Р.М. Антропологические исследования черепов из Мингечаура. Баку: АН АзССР, 1960. 134 с.
- Касимова Р.М. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку: Элм, 1975. 99 с.
- Кесаманлы Г.П. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железа Дашкесанского района. Баку: Агридаг, 1999. 180 с.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 304 с.
- Пиртлашвили П.М. Палеоантропологические материалы по изучению болезней, повреждений и лечебных манипуляций в древней Грузии. Автореф. Дисс... канд. мед. наук. Рига: Рижский Медицинский Институт. 1974. 35 с.
- Худавердян А.Ю. Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Армении // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 115–127.
- Waldron T. Paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 298 p.

Худавердян А.Ю., Енгибарян А.А., Оганесян А.А. Трепанации у населения Армении II-I тыс. до н.э. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2019. № 1. Т. 46. С. 5–19.

Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleo-pathology. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 478 p.

Brothwell D.R. Digging up Bones: The Excavation, Treatment and Study of Human Skeletal Remains. London: British Museum (Natural History). 1972. 196 p.

Martin R., Saller K. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung, mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden. Bd. I. Stuttgart: Fischer, 1957. 518 p.

Michaleas S.N., Tsoucalas G., Androustos G., Karamanou M. Şerefeddin Sabuncuoğlu: A Pioneer Surgeon of the Ottoman Era // Erciyes Medical Journal. 2020. 42 (3). P. 350–353.

Lisowski F.P. Prehistoric and early historic trepanation // Diseases in Antiquity: A Survey of the Diseases, Injuries and Surgery of Early Populations / D. R. Brothwell and A.T. Sandison eds. Springfield: C.C. Thomas, 1967. P. 651–672.

Nərimanov İ.H. Gəncəçay rayonunun arxeoloji abidələri. Bakı: AzSSR EA nəşriyatı, 1958. 144 s.

Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Institution Press, 1981. 479 p.

Paolello J.M., Klaes A.R. Contemporary Cultural Alterations to Bone // Manual of Forensic Taphonomy. / J.T. Pokines, E.N. L'Abbe, S.A. Symes (eds.). Boca Raton: CRC Press, 2014. P. 181–199.

Qasimova R.M. Azərbaycan xalqının etnogenezi paleoantropoloji və antropoloji (somatoloji) materiallar əsasında. Bakı: 1997. 55 s.

Reshetova I. The trephination cases from Early Bulgarian population (Saltovo-Mayaki culture) // The European Archaeologist. 2012/2013. 38. P. 9–14.

Szathmáry L., Marcsik A. Symbolic trephinations and population structure // Memórias do Instituto Oswaldo Cruz Rio de Janeiro. 2006. Vol. 101 (Suppl. II). P. 129–132.

Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Adline Publishing Company, 1978. 116 p.

Информация об авторе:

Кириченко Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии, этнографии и антропологии, Национальной Академии наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджанская Республика); dmakirichenko@mail.ru

REFERENCES

Alekseev, V.P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniia (Cranio-metry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Boev, P. 1959. In *Izvestiia na instituta po morfologiia (Proceedings of the Institute of Morphology)* 3, 197–231 (in Bulgarian).

Boev, P. 1964. In *Izvestiia na instituta po morfologiia (Proceedings of the Institute of Morphology)* 9–10, 289–298 (in Bulgarian).

Buzhilova, A. P. 1995. *Drevnee naselenie: paleopatologicheskie issledovaniia (Ancient Population: Paleopathological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Buzhilova, A. P. 1998. In Buzhilova, A. P., Kozlovskaiia, M. V., Lebedinskaiia, G. V., Mednikova, M. B. *Istoricheskaiia ekologiiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniia (Historical Ecology of Humans: Methodology of Biological Research)*. Moscow: "Staryi sad" Publ. (in Russian).

Gadzhiev, D. V., Kesamanly, G. P. 1977. In *Azerbaidzhanskii meditsinskii zhurnal (Azerbaijan Medical Journal)* 12, 54–61 (in Russian)

Gummel, Ya. I. 1931. *Pogrebal'nyi kurgan (№ 1) okolo Elenendorfa. Azerbaidzhanskaia SSR (Burial Mound (No. 1) near Helenendorf. Azerbaijan SSR)*. Baku (in Russian)

Gummel, Ya. I. 1940. *Arkheologicheskie ocherki (Archaeological Essays)*. Baku (in Russian).

Kasimova, R. M. 1960. *Antropologicheskie issledovaniia cherepov iz Mingechaura (Anthropological Studies of the Skulls from Mingachevir)*. Baku (in Russian).

Kasimova, R. M. 1975. *Antropologicheskie issledovaniia sovremennogo naseleniia Azerbaidzhanskoi SSR (Anthropological Studies of the Modern Population of the Azerbaijan SSR)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Kesamanly, G. P. 1999. *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi bronzy i rannego zheleza Dashkesanskogo raiona (Archaeological Monuments of the Bronze and Early Iron Ages in Dashkesan District)*. Baku: "Agridag" Publ. (in Russian).

Mednikova, M. B. 2001. *Trepanatsiia u drevnikh narodov Evrazii (Trepanation Practices by the Ancient Peoples of Eurasia)*. Moscow: "Nauchnii mir" Publ. (in Russian).

Pirpilashvili, P. M. 1974. *Paleoantropologicheskie materialy po izucheniju boleznej, povrezhdenij i lechebnyh manipulacij v drevnej Gruzii (Paleoanthropological Materials on the Study of Diseases, Injuries and Medical Manipulations in Ancient Georgia)*. Thesis of Diss. of the Candidate of Medical Sciences. Riga: Riga Medical Institute (in Russian).

Khudaverdyan, A. Yu. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 29 (2), 115–127 (in Russian).

Khudaverdyan, A. Yu., Engibaryan, A. A., Oganessian, A. A. 2019. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya (Belgorod State University Scientific Bulletin History Political Science)* Vol. 1, issue 46, 5–19 (in Russian).

Aufderheide, A. C., Rodriguez-Martin, C. 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleo-pathology*. New York and Cambridge: Cambridge University Press (in English).

Brothwell, D. R. 1972. *Digging up Bones: The Excavation, Treatment and Study of Human Skeletal Remains*. London: British Museum (Natural History) (in English).

Martin, R., Saller, K. 1957. *Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung, mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden*. Bd. I. Stuttgart: Fischer (in German).

Michaleas, S. N., Tsoucalas, G., Androustos, G., Karamanou, M. 2020. In *Erciyes Medical Journal*. 42 (3), 350–353 (in English).

Nərimanov, İ. H. 1958. Gəncəçay rayonunun arxeoloji abidələri. Bakı: AzSSR EA nəşriyatı (in Azerbaijani).

Lisowski, F. P. 1967. In D. R. Brothwell and A.T. Sandison (eds.). *Diseases in Antiquity: A Survey of the Diseases, Injuries and Surgery of Early Populations*. Springfield: C.C. Thomas, P. 651–672 (in English).

Ortner, D. J., Putschar, W. G. J. 1981. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Washington: Smithsonian Institution Press (in English).

Paolello, J. M., Klales, A. R. 2014. In J.T. Pokines, E.N. L'Abbe, S.A. Symes (eds.). *Manual of Forensic Taphonomy*. Boca Raton: CRC Press, 181–199 (in English).

Qasımova R.M. 1997. *Azərbaycan xalqının etnogenezi paleoantropoloji və antropoloji (somatoloji) materiallar əsasında*. Baku. (in Azerbaijani).

Reshetova, I. 2012/2013. In *The European Archaeologist* 38, 9–14 (in English).

Szathmáry, L., Marcsik, A. 2006. In *Memorias do Instituto Oswaldo Cruz Rio de Janeiro* Vol. 101 (Suppl. II), 129–132 (in English).

Ubelaker, D. H. 1978. *Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago: Adline Publishing Company (in English).

Waldron, T. 2008. *Paleopathology*. Cambridge: Cambridge University Press (in English).

About the Author:

Kirichenko Dmitry A. Candidate of Historical Sciences (PhD), Associate Professor. Institute of Archaeology, Ethnography and Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences. H. Javid Av., 115, Baku, AZ 1143, Azerbaijan Republic; dmakirichenko@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

**К 75-летию Археологического кружка
Казанского федерального университета**

УДК 902/338.482.2

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.86.92>

**О СОЗДАНИИ МУЗЕЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ НА ТЕРРИТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ЖАЙЫК**

© 2022 г. Б.М. Ашығалиев

В представленной статье рассматриваются проблемы создания на месте средневекового городища Жайык музея под открытым небом. Памятник располагается в бассейне реки Жайык (Урал). На территории городища в ходе археологических изысканий выявлено несколько жилых, общественных и хозяйственных объектов. Это – кирпичеобжигательные печи, печь для выжигания извести, гончарная печь, баня, жилые усадьбы, мавзолеи. Главной целью проекта «Музея под открытым небом Жайык» является исследование, сохранение и использование исторического и культурного археологического наследия, а также содействие развитию туристической инфраструктуры региона. Нынешний уровень развития исторической науки и археологии позволяет реконструировать конкретную историческую реальность в социально-экономическом, политическом и этнокультурных аспектах. Поэтому сохранение, охрана и использование памятников является приоритетным направлением археологии. Музей под открытым небом будет проводить постоянную культурно-образовательную и информационную работу, что позволит эффективно реализовать его ресурсы в качестве особо ценного научного института. В рамках проекта по созданию музея под открытым небом запланировано проведение природно-экологического изучения природных ресурсов долины реки Жайык (Урал), что значительно расширит охрану и использование природного наследия региона и создаст базу для создания культурно-развлекательной инфраструктуры. Будут созданы условия для действенной охраны культурного и природного наследия и контроля его использования, обеспечено проведение работ по реконструкции и консервации на археологических памятниках. В результате реализации проекта комплексного развития музея под открытым небом, в его границы войдут все участки, на которых расположены памятники археологии, архитектуры и этнографии.

Ключевые слова: археологические раскопки, городище Жайык, музей под открытым небом, средневековая городская культура, Закон Республики Казахстан, Правила определения охранных зон регулирования застройки.

**ABOUT THE CREATION OF AN OPEN AIR MUSEUM
IN THE TERRITORY OF THE MEDIEVAL CITY OF ZHAIYK**

B.M. Ashygaliev

The presented article deals with the problems of creating an open-air museum on the site of the medieval settlement Zhaiyk. The monument is located in the Zhaiyk (Ural) river basin. Several residential, public and economic objects were found in the territory of the ancient settlement during archaeological research. These are brick kilns, a lime kiln, a pottery kiln, a bathhouse, residential estates, and mausoleums. The main goal of the Zhaiyk Open Air Museum project is to research, preserve and use the historical and cultural archaeological heritage, as well as to promote the development of the region's tourism infrastructure. The current level of development of historical science and archaeology makes it possible to reconstruct a specific historical reality in the socio-economic, political and ethno-cultural aspects. Therefore, the preservation, protection and use of monuments are a priority in archaeology. The open-air museum will carry out constant cultural, educational and informational work, which will make it possible to effectively use its resources as a particularly valuable scientific institution. As part of the project to create an open-air museum, it is planned to conduct a natural and environmental study of the natural resources of the Zhaiyk River valley (Ural), which will significantly expand the protection and use of the natural heritage of the region and create a basis for creating cultural and entertainment infrastructure. Conditions will be created for the effective protection of cultural and natural heritage and control of its use, and reconstruction and conservation work will be carried out at archaeological sites. As a result of the implementation of the project for the integrated development of the open-air museum, its boundaries will include all areas where monuments of archaeology, architecture and ethnography are located.

Keywords: archaeological excavations, Zhaiyk settlement, open-air museum, medieval urban culture, Law of the Republic of Kazakhstan, Rules for defining security zones for regulation of development.

За последние 30 лет в Казахстане были проведены исследовательские работы по изучению истории и восстановлению исторических ценностей. В результате эти колоссальные работы привели к открытию и исследованию большого числа памятников древней культуры, увеличению различных программ по сохранению археологического наследия. Были разработаны проекты и организованы музеи под открытым небом на нескольких археологических объектах. На данный момент в Казахстане действует несколько таких памятников – историко-культурный музей-заповедник «Азрет Султан», музей-заповедник «Памятники древнего Тараза», Отрарский государственный археологический музей-заповедник, археологический парк «Боралдайские сакские курганы», Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок», Государственный историко-культурный музей-заповедник «Берел», этнографический музей под открытым небом «Ботай-Бурабай» и т. д. Вышеперечисленные музеи-заповедники располагаются на территории центральной, восточной, северной и южной частей страны. На территории западных регионов Казахстана исследовано несколько крупных археологических объектов – городища Сарайчик, Актобе-Лаэти, Кызылкала, Кетиккала и Жайык. Но, к сожалению, на этих археологических комплексах на сегодняшний день еще не организованы музеи под открытым небом.

Современный археологический музей под открытым небом решает целый ряд задач (Инструкция...). Первая задача – сохранение объектов археологического наследия в составе природно-ландшафтного комплекса. Эта задача объединяет регулярный мониторинг состояния этих территорий и объектов, планирование мероприятий по сохранению, принятие срочных мер. Вторая задача имеет научную направленность и заключается в долгосрочном изучении памятников археологии, возможности проведения исследований, фиксации и обработки результатов, а соответственно, и в восполнении пробелов в истории конкретного региона. Третья задача решает проблемы социальной, экономической и культурной сферы. Создание музея под открытым небом в регионе, безусловно, способствует повышению туристической привлекательности региона. Увеличение туристического потока помо-

гает эффективному решению ряда сложных вопросов, таких как создание дополнительных рабочих мест (что актуально для малочисленных населенных пунктов), так как развитие инфраструктуры является неременным условием эффективного туристического продукта. В связи с этим увеличиваются экономические показатели, растет уровень общего благосостояния района. Помимо прочего, музей под открытым небом является эффективной площадкой для реализации просветительских задач, в том числе и в сфере охраны археологического наследия. Наиболее популярные решения – лекционные занятия, создание программ дополнительного образования для детей и взрослых, также многие музеи приглашают специалистов для обмена профессиональным опытом или для научных исследований в рамках круглых столов, конференций, что дает возможность обсуждения проблем с широкой научной общественностью и позволяет решать эти проблемы исходя из опыта других районов или регионов.

Городище Жайык. Памятник располагается на территории г. Уральска. Он был открыт в 2001 г. во время археологических работ совместной Уральской археологической экспедицией Института археологии им. А. Маргулана и областного историко-краеведческого музея, а затем Института археологии им. А. Маргулана и созданного в 2002 г. Западно-Казахстанского Центра истории и археологии (Байпаков и др., 2006, с. 72). В разные годы на памятнике исследовательские работы были проведены под руководством К.М. Байпакова, Е. Смагулова, Г. Ахатова, Д. Марыксина, М. Калменова.

В 2005 году городищу дано название «Жайык». Городище Жайык расположено на морской аккумулятивной равнине нижнехвалынского возраста, на поверхности коренного берега, образованного крупной пойменной протокой реки Шаган, которая формирует притеррасную пойму. Террасы здесь полностью размыты и прослеживаются на склоне долины далеко в стороне как выше, так и ниже по течению Урала. Далее, к руслу Урала, последовательно располагаются центральная, а затем прирусловая поймы. С юга и юго-востока территорию городища ограничивает склон террасы р. Урал, а с других сторон – естественные овраги. Следов каких-либо искусственных ограждений по периметру не

обнаружено. Площадь, на которой прослеживаются явные следы застройки, составляет около 7–8 га. Сейчас это отдельно стоящие бугры высотой от 0,3 до 0,6 м различной планировки и размеров. В 2 км западнее городища на вершине Свистун-горы располагается городская некрополь, где выделяются остатки погребальных сооружений, превратившихся в округлые в плане бугры высотой до 0,2–0,3 м, поверхность которых задернована и усыпана обломками жженого кирпича, поливными изразцами, некогда украшавшими стены и купола мемориальных построек (Байпаков и др., 2006, с. 87).

Анализ письменных источников о планировке средневековых поселений позволил сделать предположение, что площадь городища Жайык может оказаться значительно большей и не ограничиваться пределами фиксации остатков фундаментов жилых и хозяйственных построек.

На территории городища в ходе археологических изысканий выявлено несколько жилых, общественных и хозяйственных объектов. Это кирпичеобжигательные печи, печь для выжигания извести, гончарная печь, баня, жилые усадьбы, мавзолеи.

Кирпичеобжигательная печь. Во время работы сезона 2012 г. была обнаружена кирпичеобжигательная печь (Калменов, 2013). Восточная часть памятника была засыпана аллювиальным песком. Контуры объекта: прямоугольная в плане, направление по оси северо-восток – юго-запад. По размерам это второй подобный памятник на городище Жайык, аналогичный объект был исследован в 2002 году (Байпаков и др., 2006, с. 93). В результате расчистки было установлено, что сохранилась лишь топочная (огневая) камера. Ее размеры: длина – 476, ширина – 360, высота – 120–150 см. Для постройки печи была выбрана верхняя надпойменная терраса реки, в которой был вырыт котлован в песке до уровня слоисто-красно-коричневой глины, послуживший и уровнем первого основного пола топочной камеры. Стены объекта были выложены из кирпича размером 22×23×5, 28×28×5 см. Таким образом, топочная камера представляет собой котлован в материке, облицованный обожженным кирпичом. Поперек печи размещено восемь перегородок, имеющих в средней части проем, перекрытый аркой, – главный топочный канал. Высота перегородок 120 см; они перекрыты горизонтальной кирпичной площадкой, образующей над каждой секцией каналов прямо-

угольное отверстие – продух. Сохранилась только нижняя, топочная, камера, а от верхней, обжигательной, найдены упавшие кирпичи кладки. Стенки и перегородки сложены из кирпичей на глиняном растворе. Внутренняя поверхность стенок местами ошлакована от действия сильного огня, а наружные стены – сырцовые. Очевидно, печь клалась из сырцовых кирпичей, которые обжигались в процессе ее эксплуатации. Кирпичи в продухах положены в вертикальном положении, высота кладки колеблется от 4 до 5 кирпичей. Промежуток между продухами составляет 25–32 см. В северо-восточной стене печи сохранилось 7 продухов, а в юго-западной стене сохранилось только 6 продухов. Размеры кирпичей на продухах: 30×25×6; 30×30×6 см. Северо-восточная стена печи сохранилась в длину на 476 см, в высоту – 120–150 см, а юго-восточная сохранилась в длину 337 см, в высоту – 105–135 см. Соблюдая меры безопасности и во избежание обрушения памятника, южная и северо-восточная сектора печи не были расчищены до материка. Из всех арок полностью сохранилась первая арка во входной части печи. К сожалению, во время расчистки она тоже обрушилась, впоследствии обрушенная арка нами была восстановлена. Высота первой арки над уровнем основного пола – 145 см, ширина пролета – 250 см. Пространство между изогнутой частью арки и стеной котлована заполнено кирпичом, выложенным горизонтально от замка почти до основания. Арка с внутренней и внешней стороны покрыта толстым слоем глиняной обмазки. Внутреннее обследование топки печи показало, что печь подвергалась многократному ремонту, это заметно по многослойной обмазке. В ходе раскопок было выявлено, что многослойное заполнение над полом обжиговой камеры состоит из трех слоев разной толщины и состава. При расчистке завала внутри топочной камеры не обнаружено каких-либо находок.

Сравнение жайыкских кирпичеобжигательных печей с печами соседних территорий дает основание предположить, что выявленные типы печей имели широкое территориальное распространение. Известна печь, по-видимому, X в. в Мадаре (Болгария). Она врезана в землю, прямоугольная с поперечными перемычками, сквозь которые проходят два параллельных перекрытых арками топочных канала. Под обжигательной камеры здесь сложен из горизонтально расположенных кирпичей. Близкие по конструкции

печи имели распространение и на территории, входившей в состав Золотой Орды. Так, печь для обжига кирпича, функционировавшая на рубеже XIII–XIV вв., была раскопана на городище Сарайчук (Сарайджук). Здесь поперечные стенки были расположены настолько близко одна от другой, что их верхняя поверхность могла служить подом обжигательной камеры. Прямоугольная печь XIV в., размером 300×250 см, вскрыта в Болгаре. Она, по-видимому, имела под из горизонтально лежавших кирпичей, опирающихся на поперечные стенки. Две печи, представляющие собой единый производственный комплекс и относящиеся к рубежу XIII–XIV вв., обнаружены в средневековом Белгороде (Кравченко, 1979, с. 115). Они встроены в остатки античных жилых построек. Стенки их сложены из сырцовых кирпичей на глиняном растворе, а пространство между стенками и каменными стенами древних построек забито для теплоизоляции землей. По предположению исследователей, печи служили для обжига кирпичей, черепицы, труб и прочих строительных материалов. Более крупная прямоугольная печь (450×300 см), с шестью поперечными стенками, раскопана в Старом Орхее. Сквозь поперечные стенки вдоль печи здесь также проходил перекрытый широкими арками топочный канал. Как была устроена верхняя камера (обжигательная), сведений нет. Печь служила для обжига кирпичей и относится к XIV в. Печи, специально предназначенные для обжига кирпичей, в значительном количестве изучены на территории Средней Азии. Здесь известны печи, относящиеся к XI–XII и XIII–XV вв. Эти печи прямоугольные, с пятью-семью поперечными стенками внутри и проходящим сквозь них одним топочным каналом, перекрытым арками. Размер печей обычно около 3 м. Подом обжигательной камеры служили верхние горизонтальные плоскости поперечных стенок.

Таким образом, почти идентичные по конструкции печи для обжига кирпича применялись в X–XV вв. на чрезвычайно обширной территории Юго-Восточной Европы и Средней Азии. Исследователи уже отмечали, что по происхождению данный тип связан с позднеантичными традициями. При этом выясняется, что расположение печей на плоской площадке или на склоне не является принципиальным отличием, а связано с местными условиями. Если была возможность врезать печь в глинистый склон, это, конечно, повышало ее тепло-технические качества и удешевляло строи-

тельство. Но если такого склона поблизости не было, печь строили на плоскости, значительно увеличивая толщину наружных стенок или же забутовывая пространство вокруг стенок камнями и засыпая землей. Не является принципиальным отличием и форма печи – прямоугольная или круглая, поскольку известны одинаковые по устройству печи как той, так и другой формы, а иногда даже промежуточные – приближающиеся к прямоугольнику со скругленными углами. Более существенное различие – наличие или отсутствие специального пода с круглыми продухами. В тех печах, которые, несомненно, специально строились для обжига кирпичей, а не амфор или другой посуды, подом служили верхние поверхности стенок или же горизонтально лежавшие на этих стенках кирпичи. Печи с круглыми продухами, проходящими сквозь сводчатый под, большей частью предназначались для обжига сосудов, а не кирпичей. Очень возможно, что такое деление не было безусловным и кирпичи обжигали в печах обоих типов.

Восточнее печи на 100–110 см, на глубине 70–80 см было обнаружено захоронение (Калменов, Бижанова, 2015, с. 311–314). Дно могилы по нахождению костей человеческого скелета отмечается на глубине 65–78 см от современной поверхности. Дно могилы ровное. Здесь расчищен человеческий скелет, полностью сохранивший анатомическое положение костей. Кости залегали в слое плотного песка мощностью 10–12 см. Погребенный уложен в сильно скорченной позе на левом боку головой на восток. Череп лежит на боку. Судя по зарастанию черепных швов, умерший являлся молодым индивидом, возможно, женского пола. Позвоночный столб изогнут. Грудная клетка повернута к земле. Расположение костей грудной клетки указывает на разрушение ее анатомического объема в результате разложения органических тканей. Правая рука вытянута вдоль тела и согнута в локте. Кисть руки располагается под прямым углом к костям предплечья и обращена в сторону тела. Таз лежит на боку. Ноги сильно согнуты в коленях; бедренные кости располагаются почти под прямым углом к оси позвоночника. В районе затылка скелета расчищен лепной глиняный сосуд на песчано-земляном заполнении. Сосуд биконической формы приземистых пропорций. Верхняя часть не сохранилась. Он имеет прямой немного вогнутый край с оттянутым наружу венчиком. Ребро-перегиб плавное. Дно плоское. Диаметр тулова по ребру 13,5

см, диаметр дна 8 см, сохранившаяся высота сосуда 12 см. В глиняном тесте имеется примесь дресвы. Толщина стенок 6 мм. Орнаментация отсутствует. Интересно, что захоронение было произведено без могильной ямы, по крайней мере, контуры ямы абсолютно не читаются. Человеческий скелет был захоронен в песке. На профилях восточной и южной бровок раскопа четко просматриваются контуры насыпи из песка. Возможно, до постройки кирпичеобжигательной печи здесь была курганная насыпь из песка. Захоронение во время постройки печи не было потревожено.

Печь для обжига извести. В одном из шурфов в 50 м западнее от кирпичеобжигательной печи на глубине 60–65 см были обнаружены контуры круглой в плане кладки из красного кирпича. Кирпичи были сложены круглой в плане конструкцией (Калменов, 2013, с. 37–45).

Как известно, основным связующим материалом, употреблявшимся в средневековом строительстве, была известь. На нашем примере, почти во всех постройках городища Жайык использовалась известь. Получали ее путем обжига известняка в специальных печах. Печь имела форму цилиндрической шахты с внутренним диаметром 220–230 см. В период запустения объекта она была заполнена бытовым мусором. Почти в каждом слое зафиксированы фрагменты керамики, костей мелкого и крупного рогатого скота, а также куски мела и известняка. Стенки печи сложены из кирпичей на глине. Размер кирпичей 30×30×6 см. Толщина стенок около 32 см, т. е. в один кирпич. Сохранились стенки на высоту 13 рядов кирпичей. Изнутри стенки ошлякованы от действия огня. С южной стороны в нижней части печи размещался устье-проем стрельчатой формы шириной 90 см, немного расширявшийся наружу. Чуть ниже от проема находится проем-продух размером 20×15 см. Дно печи глиняное, прожженное на глубину 5 см. На высоте 70–80 см от дна внутренние стенки имеют уступ. Стенки уступа были белыми от приставшей извести, также отмечено скопление древесной золы и осколки белого камня – известняка. Там же имелась обожженная глина, культурные остатки. На глубине 20–25 см от уступа обнаружен толстый слой золы с мелкими фрагментами мела. В заполнении печи найдены куски ее стенок – битые жженые кирпичи на глине, а также фрагменты костей животных и красноглиняной керамики. Ниже лежал слой извести и куски известняка. Дно печи – материковая

глина, прокаленная на глубину 5 см. Известь имелась и вне печи, перед ее устьем. В южной части, вне печи был расчищен котлован глубиной 130 см, внутренняя часть котлована была заполнена крупными кусками извести, по-видимому, данный котлован служил для хранения заготовок, т. е. мела, извести. Для сравнения можно указать, что аналогичные известковообжигательные печи конца XIII – начала XIV в. известны также по раскопкам в средневековых русских городах и в Уэльсе (Англия). Эти печи круглые, сложенные из камней насухо. Внутренний диаметр их около 2 м, к низу они несколько сужаются. В отдельно стоящих печах толщина стенок почти 2 м, а в печах, врытых в холм, – всего 30 см. В нижней части печей имеется по два отверстия, расположенных одно против другого. Известь здесь выжигали из местного известняка или мела, а горючим служил местный древесный уголь (Калменов, Бижанова, 2019).

Второго июля 1992 года был введен в действие Закон РК № 1488-ХІІ «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия», 14 июня 2007 года за № 495 были утверждены «Правила лицензирования деятельности по осуществлению археологических и (или) научно-реставрационных работ на памятниках истории и культуры» (Правила лицензирования...) и, наконец, 28 октября 2011 года постановлением Правительства РК № 1218 были ратифицированы «Правила определения охранных зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов историко-культурного наследия и режима их использования» (Правила определения...). На основе этих законодательных актов на данный момент администрацией города Уральска выделен земельный участок для организации музея под открытым небом площадью 380 га, подготовлены все необходимые документы по передаче земли областному историко-краеведческому музею: решение акима города, акт на землю, топосъемка, земельный проект и т. д.

В настоящее время проект ждет дальнейших решений. На первом этапе должна быть создана ПСД, для чего необходимо принятие конкретных решений на соответствующем уровне.

Главной целью проекта «Музея под открытым небом Жайык» является исследование, сохранение и использование исторического и культурного археологического наследия, а также содействие развитию туристической инфраструктуры региона.

Нынешний уровень развития исторической науки и археологии позволяет реконструировать конкретную историческую реальность в социально-экономическом, политическом и этнокультурных аспектах. Поэтому сохранение, охрана и использование памятников является приоритетным направлением археологии.

Музей под открытым небом будет проводить постоянную культурно-образовательную и информационную работу, что позволит эффективно реализовать его ресурсы в качестве особо ценного научного института.

В рамках проекта по созданию музея под открытым небом запланировано проведение природно-экологического изучения природных ресурсов долины реки Урал, что значительно расширит охрану и использование природного наследия региона и создаст базу для создания культурно-развлекательной инфраструктуры.

В результате реализации проекта комплексного развития музея под открытым небом в его границы войдут все участки, на которых расположены памятники археологии, архитектуры и этнографии. Будут созданы условия для действенной охраны культурного и природного наследия и контроля его использования, обеспечено проведение работ по реконструкции и консервации на археологических памятниках. Начнется создание экскурсионно-туристической инфраструктуры и развитие туристической деятельности, вся территория музея станет доступна посетителю. Получит развитие система архитектурно-ландшафтных экспозиций, в экспозиционном показе и экскурсионных маршрутах будут задействованы памятники всей территории музея. Появятся новые экскурсионные и туристические программы и маршруты. Значительно увеличится приток в музей туристов.

Создание музея и развитие туристической инфраструктуры будет способствовать обра-

зовательному, культурному и экономическому развитию региона.

Музей под открытым небом «Жайык» станет центром развития региональной туристической инфраструктуры для Западно-Казахстанской области. Музей может стать важным ресурсом развития региона, центром инвестиционных вложений в туристскую индустрию, туристическим центром международного значения и точкой притяжения туристов со всей страны. Значительный объем туристов будет увеличен за счет создания пеших и водных туристических маршрутов на близлежащих землях долины реки Урал.

Музеефикация памятников имеет целью охрану и сохранение объектов историко-культурного наследия. В рамках проекта будет осуществляться реконструкция уникальных мавзолеев времени Золотой Орды, консервация кирпичеобжигательной печи, жилых усадеб и общественной бани. На территории планируется построить новое здание музея, в котором будут расположены основные экспонаты с полной реконструкцией обстановки, одежды, быта и внешнего облика людей той эпохи, а также административно-научный комплекс, где будут размещены реставрационные, камеральные и другие лаборатории, мастерские для постоянного изучения и пополнения экспозиций музея. Создание музея откроет научно-исследовательский потенциал для изучения историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области.

Музей под открытым небом «Жайык» можно рассматривать не только как базу для развития научно-исследовательских работ по истории, археологии, этнографии, но и как основу для изучения и сохранения природных ресурсов региона, охраны и использования историко-культурного наследия. Музей станет значимым объектом в культурной жизни и своеобразной «визитной карточкой» Западно-Казахстанской области.

ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 222 с.

Закон Республики Казахстан от 02.07.1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» // URL: www.egov.kz (дата обращения: 01.10.2021).

Инструкция по организации зон охраны недвижимых памятников истории и культуры СССР // URL: www.ptplus.ru (дата обращения: 01.10.2021).

Кравченко А.А. Производственные комплексы Белгорода XIII–XIV вв. // *Античная Тира и средневековый Белгород* / Отв. ред. П.О. Карышковский. Киев: Наукова думка, АН УССР. 1979. С. 115–135.

Калменов М.Д. Кирпичеобжигательная печь с городища Жайык // *Поволжская археология*. 2013. № 4 (6). С. 205–214.

Калменов М.Д. Объекты строительства на городище Жайык (XIII-XIV вв.) // Вестник МИЦАИ. 2013. № 18. С. 37–45.

Калменов М.Д., Бижанова А.Е. Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 237–261.

Калменов М.Д., Бижанова А.Е. Об одном погребении, найденном на городище Жайык // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции (г. Челябинск, 28 сентября – 2 октября 2015 г.) / Ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 311–314.

«Правила лицензирования деятельности по осуществлению археологических и (или) научно-реставрационных работ на памятниках истории и культуры» от 14.06.2007. № 495 // URL: www.zakon.kz (дата обращения: 01.10.2021).

«Правила определения охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов историко-культурного наследия и режима их использования» от 28.11.2011 г. № 1218 // URL: www.inform.kz (дата обращения: 01.10.2021).

Информация об авторе:

Ашығалиев Бекжан Маратович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); bkzhn21@list.ru

REFERENCES

Vaipakov, K. M., Smagulov, E. A., Akhatov, G. A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk (Medieval Settlement of Zhayyk)*. Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).

Instruktsiia po organizatsii zon okhrany nedvizhimykh pamiatnikov istorii i kul'tury SSSR (Instructions on the Organization of Protection Zones for Immovable Monuments of History and Culture of the USSR). Available at: www.ptplus.ru (01.10.2021).

Zakon Respubliki Kazakhstan ot 02.07.1992 goda «Ob okhrane i ispol'zovanii obektov istoriko-kul'turnogo naslediya» (Law of the Republic of Kazakhstan dated July 02, 1992 “On the Protection and Use of Historical and Cultural Heritage Sites”). Available at: www.egov.kz (01.10.2021).

Kravchenko, A. A. 1979. In Karyshkovskii, P. O. (ed.). *Antichnaia Tira i srednevekovyi Belgorod (Antique Tyra and Medieval Belgorod)*. Kiev: “Naukova Dumka” Publ., 115–135 (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2013. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 205–214 (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2013. In *Vestnik Mezhdunarodnogo Instituta Tsentral'noaziatskikh issledovaniy (Bulletin of the International Institute for Central Asian Studies)* (18), 37–45 (in Russian).

Kalmenov, M. D., Bizhanova, A. E. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan – Chisinau: “Stratum Plus” Publ., 237–261 (in Russian).

Kalmenov, M. D., Bizhanova, A. E. 2015. 2015. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urале: materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Cheliabinsk, 28 sentiabria – 2 oktiabria 2015 g.) (Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the 6th All-Russian Scientific Conference (Chelyabinsk, September 28th - October 2nd, 2015))*. Cheliabinsk: Cheliabinsk Museum of Local Lore, 311–314 (in Russian).

«Pravila litsenzirovaniya deyatel'nosti po osushchestvleniyu arkheologicheskikh i (ili) nauchno-restavratsionnykh rabot na pamyatnikakh istorii i kul'tury» ot 14.06.2007. № 495 (“Rules for Licensing Activities for the Implementation of Archaeological and (or) Scientific Restoration Work on Monuments of History and Culture” No. 495 dated June 14, 2007). Available at: www.zakon.kz (01.10.2021).

«Pravila opredeleniya okhrannykh zon, zon regulirovaniya zastroyki i zon okhranyaemogo prirodnogo landshafta ob'ektov istoriko-kul'turnogo naslediya i rezhima ikh ispol'zvaniya» ot 28.11.2011 g. № 218 (“Rules for the Determination of Protected Zones, Development Regulation Zones and Protected Natural Landscape Zones of Historical and Cultural Heritage Sites and the Modes of their Use” No. 1218 dated November 28, 2011). Available at: www.inform.kz (01.10.2021).

About the Author:

Ashygaliev Bekzhan M. Postgraduate student. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; bkzhn21@list.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ТИГЛИ ИЗ ЮВЕЛИРНЫХ МАСТЕРСКИХ САРАЯ АЛ–ДЖЕДИД¹

© 2022 г. С.И. Валиулина, А.Р. Нуретдинова

В статье представлены результаты исследования металлургических тиглей из ювелирных мастерских одной из столиц Золотой Орды – Сарая ал-Джедид, производивших золотые украшения в 40–70-е годы XIV века. Методом сканирующей электронной микроскопии (SEM–EDS) определен химический состав глиняного материала тиглей и, в большей степени, состав тигельных шлаков, образовавшихся в контактной зоне между стенками сосудов и их заполнением в процессе плавки. Авторами установлен состав формовочной массы тиглей, практически идентичный составу столовой посуды из расположенной рядом гончарной мастерской. В статье также приводятся данные пробирного анализа продукции мастерской. Проба золота показывает, что мастерство ювелиров и качество технической керамики позволили достичь высоких результатов.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, XIV век, Царевское городище, Сарай ал-Джедид, ювелирные мастерские, техническая керамика.

METALLURGICAL CRUCIBLES FROM THE JEWELRY WORKSHOPS OF SARAY AL-JEDID²

S.I. Valiulina, A.R. Nuretdinova

Results of the study of metallurgical crucibles from the jewelry workshops of one of the capitals of the Golden Horde – Saray al-Jedid, which produced metal jewelry in the 40–70s of the 14th c. are presented in the paper. Chemical composition of the clay material of the crucibles, and to a greater extent, the composition of the crucible slags formed in the contact observation wall between the vessels and their blockage during the melting process have been determined by the method of scanning electron microscopy (SEM–EDS). The authors have established the composition of the molding mass of the crucibles, which is practically the decisive composition of the tableware located next to the pottery workshop. The paper also deals with the data on the assay analysis of the workshop's products. The assay of the gold demonstrated that the craftsmanship of the jewelers and the quality of the technical ceramics achieved high results.

Keywords: archaeology, Lower Volga region, Golden Horde, 14th century, Tsarevskoye medieval city, Saray al-Jedid, jewelry workshops, technical ceramics.

Сарай ал-Джедид – Царевское городище, вторая столица Золотой Орды на Нижней Волге, является уникальным памятником во многих отношениях. Прежде всего, огромный город еще до проведения раскопок был очевиден в рельефе поверхности, сохранив свидетельства топографии и планировочной структуры. По письменным источникам и нумизматическим данным Сарай ал-Джедид известен как быстро возникший и стремительно расцветший город, существовавший всего несколько десятилетий в XIV в. – со второй половины 30-х годов, времени правления хана Узбека, до разорения Тимуром в 1395 году.

В 1959 г. на Царёвском городище начались стационарные раскопки Поволжской археологической экспедиции Московского университета под руководством Г.А. Федорова-Давыдова, а с 1961 по 1968 гг. в работах принимал участие отряд Казанского государственного университета (рук. И.С. Вайнер). В эти годы была установлена планировка города, характер застройки, фортификация и система водоснабжения, исследованы ремесленные мастерские. Казанский отряд исследовал три богатые усадьбы с мастерскими в восточном пригороде. На усадьбах было организовано несколько производств: гончарное (изготов-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00240 А «Царевское городище: исследование материалов раскопок 1961-1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского федерального университета и Государственного исторического музея».

² The work was carried out with the financial support of the RFBR, project No. 20-09-00240 A "Tsarevskoye settlement: research of excavation materials from 1961-1968 from the funds of the Archaeological Museum of Kazan Federal University and the State Historical Museum".

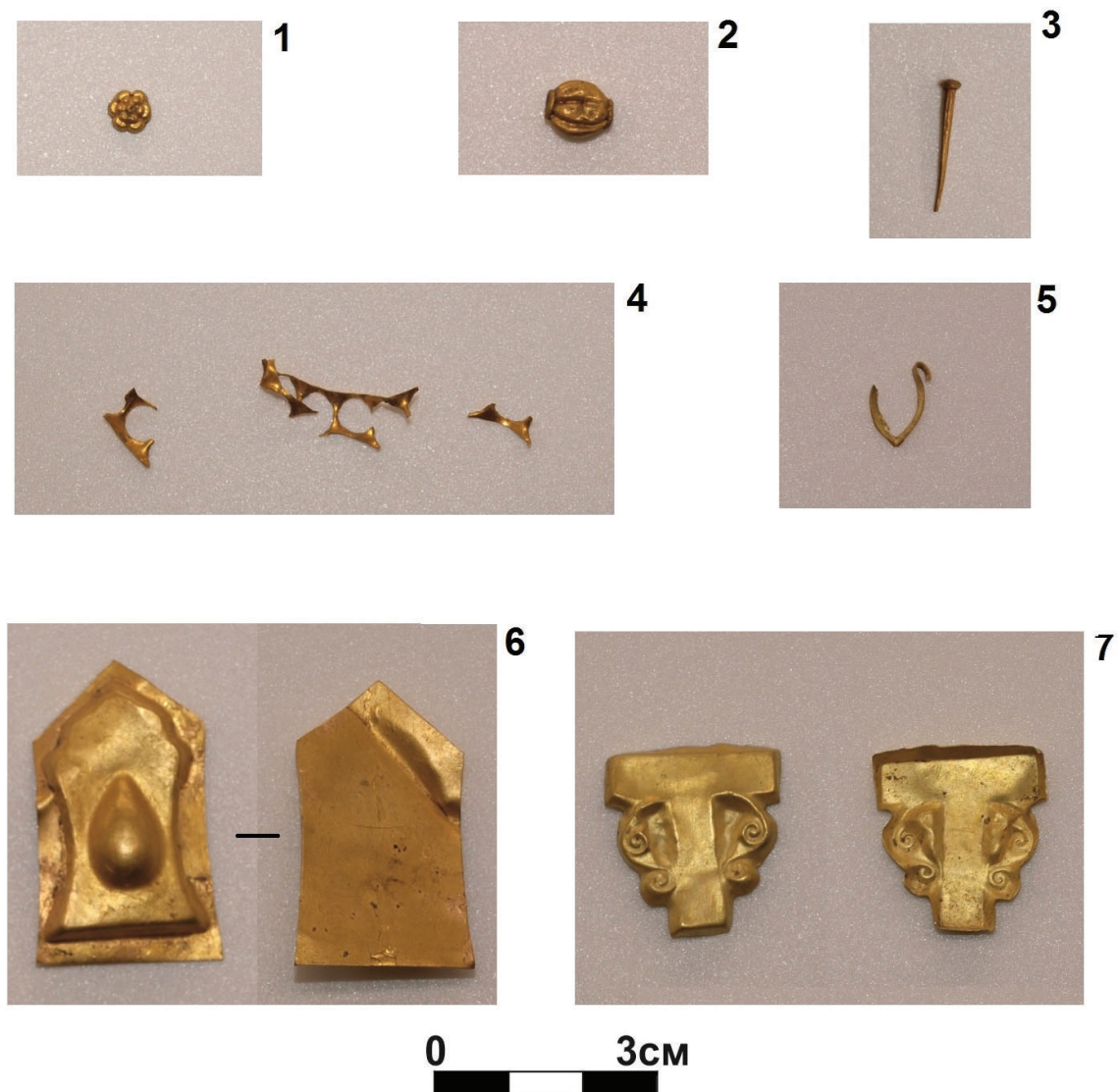

Рис. 1. Продукция из золота из мастерских Царевского городища
Fig. 1. Golden products from Tsarevskoye medieval city workshops

ление глазурованной посуды), косторезное и ювелирное. Две последовательно сменяющие друг друга золотоделательные мастерские (усадебка II и усадебка III), судя по нумизматическому материалу, функционировали с 40-х до 70-х гг. XIV в. (Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 113). На начальном этапе функционирования ювелирного производства на усадебке II мастерская площадью 380×170 см располагалась рядом с жилой полуземляной и в стороне от богатого дома хозяина усадебки, ювелир, вероятно, жил в полуземлянке и был подчиненным зависимым человеком. На следующем этапе в 60–70 годы XIV в. возникает усадебка III, на ней строится деревянный дом и рядом мастерская 640×700 см, и это уже мастерская свободного мастера (Федоров-Давыдов и др., 1974).

Материалы раскопок представляют собой остатки теплотехнических сооружений –

горнов, ювелирные инструменты, многочисленные отходы производства – золотые обрезки пластин, проволоку, а также готовые изделия из золота (накладка, бирюзовая вставка в золотой оправе, шестилепестковая розетка, кольцо, миниатюрные гвоздики) (рис. 1). Рабочее место ювелира отмечено каплями золота на кусках печной плиты и глиняной обмазке в развале горнов, на фрагментах бытовой посуды и внутри плавильных сосудов – тиглей. Всего из мастерских происходит 137 тиглей разной степени сохранности, вся коллекция хранится в фондах Археологического музея Казанского университета (инв. № АКУ–358).

В предварительной публикации итогов раскопок были приведены результаты рентгенографического исследования 17 образцов золота из мастерских, в том числе пяти золотых капель из тиглей. Во всех пробах было

Таблица 1. Результаты пробирного анализа продукции мастерских Царевского городища.
Table 1. The results of the assay analysis of the products of the workshops of Tsarevskoye medieval city.

№ п/п	Наименование	Рисунок	Состав
1	накладка	рис. 1, №1	Au – 96%, Cu – 4%
2	бусина	рис. 1, №2	Au – 95%, Ag – 3%, Cu – 2%
3	гвоздик	рис. 1, №3	Au – 90%, Ag – 6%, Cu – 4%
4	обрезки	рис. 1, №4	Au – 96%, Ag – 3%, Cu – 1%
5	обрезок	рис. 1, №5	Au – 80%, Ag – 17%, Cu – 3%
6	накладка	рис. 1, №6	Au – 93%, Ag – 4%, Cu – 3%
7	накладка	рис. 1, №7	Au – 80%, Ag – 18%, Cu – 2%

обнаружено содержание золота в количестве 90–99%, присутствие серебра в пределах естественной примеси к золоту и примесь меди, которая, по мнению авторов исследования, добавлялась в процессе плавки в тигли. Ограниченные возможности рентгеноструктурного анализа не позволили представить полную характеристику сплавов, и не был выполнен анализ технической керамики (Вайнер, Кринари, 1974). Пробирный анализ, проведенный в рамках нашего исследования, дополнил и уточнил полученные ранее данные (табл. 1). Тигли как сосуды для плавки металла характеризуются специальными качествами. Они должны были обладать особыми физическими и химическими свойствами: быть устойчивыми к высоким температурам, обеспечивать скорость плавления, возможность контролировать процесс плавления. Во многом свойства тиглей зависят от состава теста, формы и способа температурного воздействия (Енионова, Ререн, 2011, с. 244).

Статья ставит основной целью определение химического состава глиняного материала тиглей и в большей степени состава тигельных шлаков, образовавшихся в контактной зоне между стенками сосудов и их заполнением в процессе плавки.

Материал тиглей исследовался с помощью сканирующей электронной микроскопии (SEM–EDS) на приборе Carl Zeiss EVO 50 с рентгеновским микроанализатором (Bruker EDS). Исследования проводились при ускоряющих напряжениях 20 кВ с целью повышения чувствительности таких элементов, как Pb, Sn, Sb, As, Ba. Текущий режим варьировал от 5 до 12 нА для лучшего соотношения участка/анализа. Режим визуализации микроскопа включает обратное рассеяние электронов (BSE). Этот режим позволяет наиболее точно выделить в образцах фазовый состав,

слои, включения. Данные количественного и качественного анализа представлены в виде оксидов (табл. 2). Для обработки экспериментальных данных и определения состава непосредственно в ходе измерений использовался алгоритм расчета на основе схемы модели ZAF, учитывающий поправки на возникающие эффекты генерации и поглощения характеристического рентгеновского излучения, а также на флуоресценцию от излучения или тормозного излучения. Для получения достоверных результатов каждый образец исследован пятью спектрами (рис. 2) с последующим расчетом средних значений, результаты представлены в таблице 2.

Все тигли ювелирных мастерских дошли до нас во фрагментарном состоянии разной степени сохранности, целые формы представлены рисунками на общей таблице находок в ранней публикации материалов раскопок (Федоров-Давыдов и др., 1974, табл. V, 28, 29) – это треугольный и цилиндрический тигли. К сожалению, треугольный тигель оказался недоступен для нашего исследования. Несколько фрагментов сохранили полный профиль сосудов, т. е. являются «археологически целыми», они сообщают информацию о высоте и диаметре для достаточно надежной графической реконструкции (рис. 2: 2). Таким образом, сохранность материала не позволяет выполнить строгую систематизацию изделий, создать типологию и установить количественные соотношения разных типов. На основании имеющихся данных можно выделить по меньшей мере три типа: 1 – цилиндрические (2 подтипа – с округлым дном и с коническим дном), 2 – яйцевидной формы – с округлым дном, слегка скругленными стенками и зауженным отверстием (рис. 2: 2), и 3 – треугольные с округлым дном. Все тигли имели небольшие размеры. Если о высоте судить

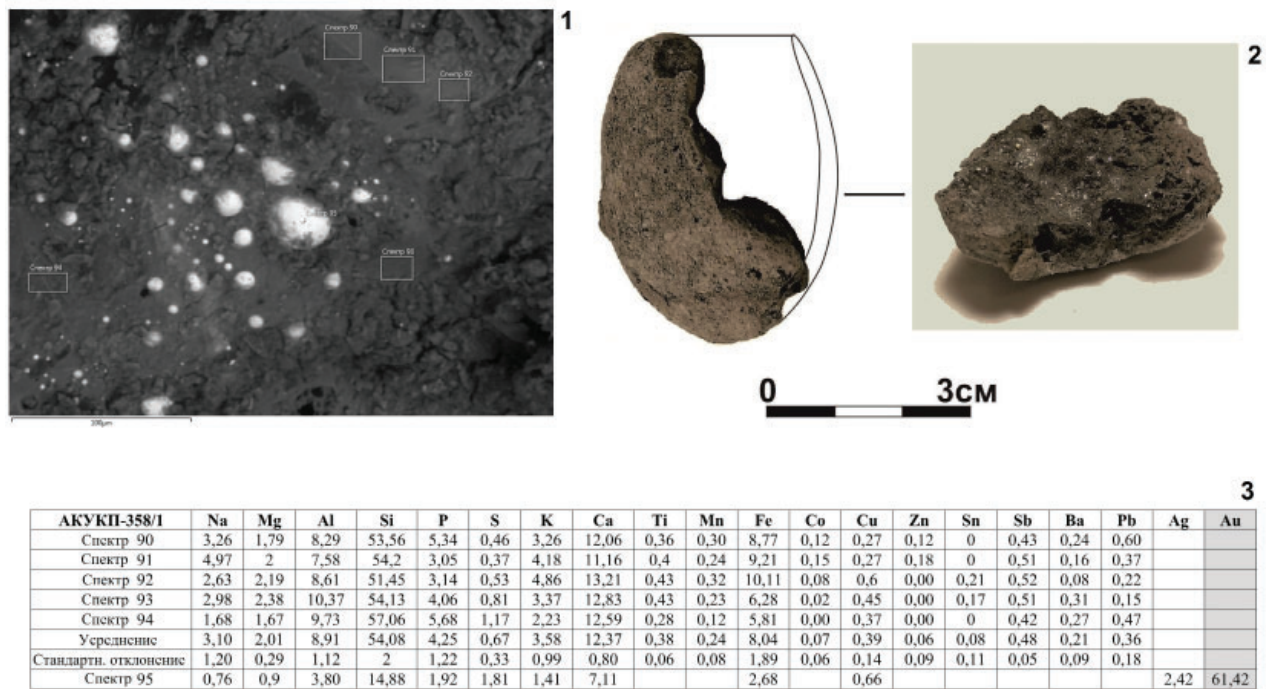

Рис. 2. Результаты сканирующей электронной микроскопии тигля № 1 (АКУКП-358/1).

Fig. 2. Scanning electron microscopy and photo of crucible No 1 (AKUKP-358/1).

достаточно сложно: целые образцы указывают на 5–6,5 см, то информация о диаметре края более надежна: диаметр тиглей варьировал в пределах от 3 до 5 см. Тигли достаточно тонкостенные, толщина стенок составляла 3–5 мм, увеличиваясь в донной части. Миниатюрные тигли соответствуют малым объемам (порциям) драгоценного металла, с которым работал ювелир, а тонкие стенки облегчают теплообмен и увеличивают огнеупорность (Bayley, Rehren, 2007, p. 47).

Внешняя поверхность тиглей ровная, относительно гладкая, имеет коричневый или коричнево-серый цвет снаружи и темно-серый внутри. Все образцы Царевской коллекции имеют слабую витрификацию (остеклованность) внешней и внутренней поверхностей. При небольшом увеличении на внутренней поверхности стенки тигля в составе керамического шлака отчетливо видны зерна кварца, темные (угольные?) скопления кальцита, угловатые блестящие чешуйки слюды-мусковита и капельки-шарики золота разной размерности в большинстве тиглей (рис. 2–5).

Химический состав материала тиглей (табл. 2) показывает, что они имеют общее сырье с глиняной посудой и другими изделиями из гончарной мастерской на II усадьбе (сопла, трехрогие подставки для обжига глазурованной посуды, формы-матрицы

для выполнения рельефного штампованного орнамента) (Valiulina, Vocharov, 2022, table 1). Формовочную массу и тиглей, и глиняной посуды отличает высокая концентрация глинозема, кальция, железа, количество щелочей в среднем достигало 6% (табл. 2). Для изготовления огнеупорных сосудов полезным из этого списка является только большое количество оксида алюминия. Поэтому назначение тиглей требовало от мастера введения в формовочную массу необходимых технологических добавок для повышения огнеупорности сосудов. Важно, что пять взятых на анализ тиглей демонстрируют отсутствие стандартизации в этом процессе – технологические добавки индивидуальны практически в каждом образце. Возможно, мастер был в поиске оптимального состава, что характеризует, очевидно, не сложившуюся еще ремесленную традицию. Однако это разнообразие может отражать шлаковые включения, приобретенные в процессе использования тиглей.

Тигель № 358/1 (рис. 2) отличается значительным количеством фосфора – 1,33%, то есть более чем в 3 раза больше среднего показателя, и повышенным содержанием калия (табл. 2: 1). Эти данные говорят о добавке в глиняную массу растительной золы, такая добавка известна в практике ремесленников (Martinon-Torres et al., 2008), она помогала

Таблица 2. Химический состав материала тиглей и золотых вкраплений по результатам SEM.
 Table 2. The chemical composition of the material of crucibles and gold inclusions according to the results of SEM.

№ п/п	Шифр	N	Na	Mg	Al	Si	P	S	K	Ca	Ti	Mn	Fe	Co	Cu	Zn	Sn	Sb	Ba	Pb	Ag	Au
1	Образец № 1 (АКУКП-358/1)		3,10	2,01	8,91	54,08	4,25	0,67	3,58	12,37	0,38	0,24	8,04	0,07	0,39	0,06	0,08	0,48	0,21	0,36		
2	Стандартное отклонение		1,20	0,29	1,12	2	1,22	0,33	0,99	0,80	0,06	0,08	1,89	0,06	0,14	0,09	0,11	0,05	0,09	0,18		
3	Спектр (Au)		0,76	0,9	3,80	14,88	1,92	1,81	1,41	7,11			2,68		0,66						2,42	61,42
4	Образец № 2 (АКУКП-358/19)		4,36	2,93	11,54	34,68	0,94	0,53	1,06	20,62	0,27	0,2	5,77	0,04	9,14	0,01	0,18	0,74	0,15	6,35		
5	Стандартное отклонение		0,26	0,27	0,97	0,94	0,33	0,29	0,1	0,77	0,04	0,03	0,4	0,06	0,56	0,02	0,08	0,15	0,1	0,95		
6	Спектр (Au)	2,96	2,02	0,83	3,21	8,74	0,18	1,75	0,34	4,43			1,53		6,06						8,89	58,72
7	Образец № 3 (АКУКП-358/25)		4,59	2,9	14,22	45,54	1,11	1,09	3,1	17,93	0,4	0,08	5,61	0,06	0,89	0,04	0,45	0,47	0,14	0,59		
8	Стандартное отклонение		0,72	0,24	0,84	2,82	1,02	0,42	0,29	3,39	0,08	0,02	0,45	0,02	0,03	0,03	0,16	0,09	0,09	0,07		
9	Спектр (Au)		2,68	1,62	8,55	21,17	0,57	1,98	1,69	8,65			3,16									49,41
10	Образец № 4 (АКУКП-358/31)		3,27	5,25	13,46	50,62	0,21	0,44	1,53	14,11	0,55	0,11	7,53	0,10	1,16	0,02	0,23	0,51	0,13	0,37		
11	Стандартное отклонение		0,23	0,47	0,71	2,04	0,33	0,04	0,35	0,2	0,17	0,05	2,67	0,09	0,18	0,03	0,05	0,07	0,09	0,08		
12	Спектр (Au)		1,88	1,35	3,65	12,51	0,00	1,51	0,79	3,99			3,42		2,67						3,77	64,21
13	Образец № 5 (АКУКП-358/107)		3,68	2,88	28,05	49,13	0,17	0,77	1,76	8,25	1,17	0,06	1,97	0,01	0,48	0,02	0,13	0,27	0,08	0,14		
14	Стандартное отклонение		0,20	0,35	2,07	3,07	0,04	0,14	0,27	1,43	0,64	0,03	0,31	0,01	0,09	0,02	0,08	0,07	0,09	0,03		

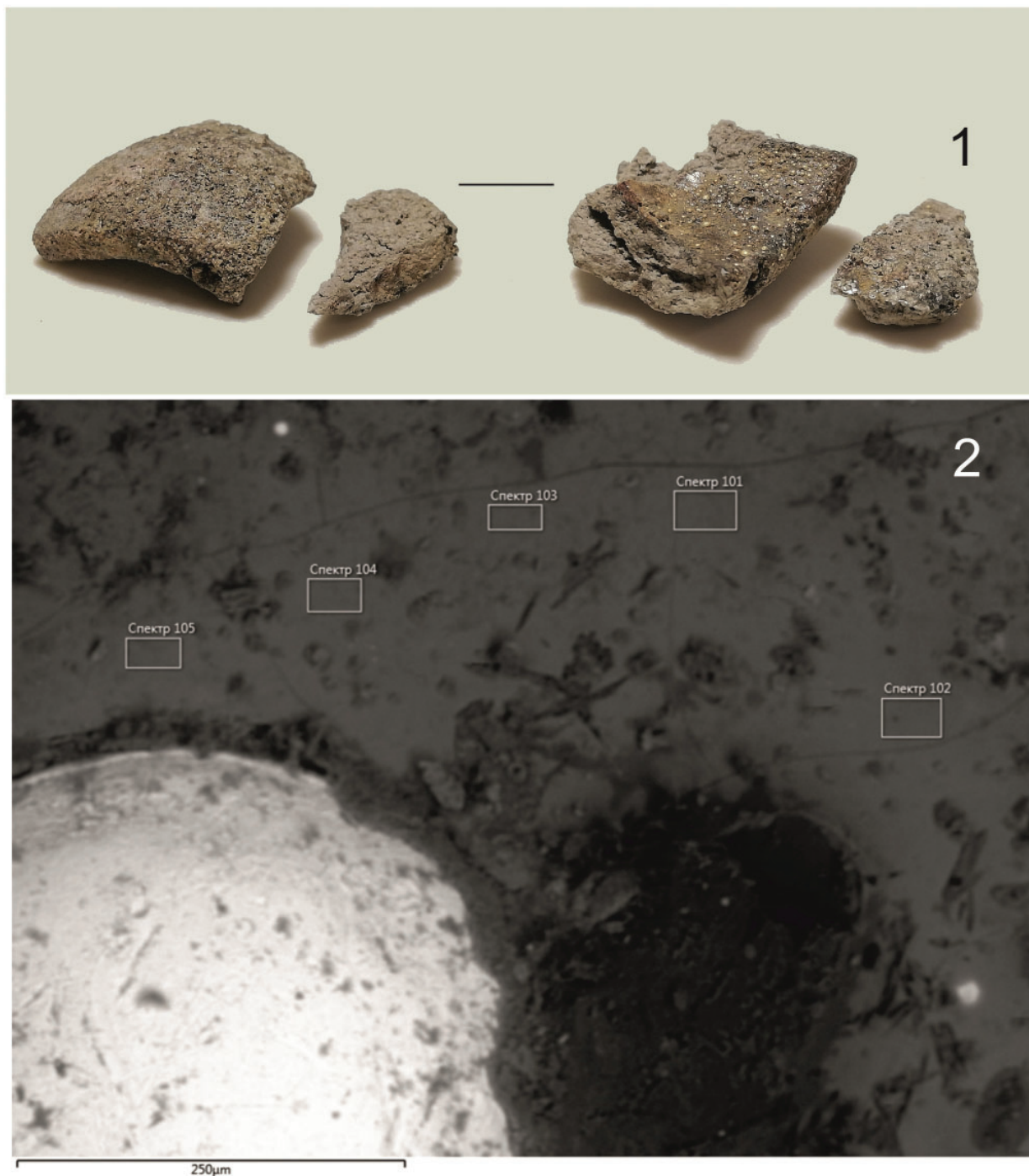

Рис. 3. Места взятия проб сканирующей электронной микроскопии и фото тигля № 2 (АКУКП-358/19).
Fig. 3. Sampling locations of scanning electron microscopy and photo of crucible No 2 (АКУКП-358/19).

создать восстановительные условия в тигле (Bayley, Rehren, 2007, p. 47).

Два тигля, № 358/19 (рис. 3) и № 358/25 (рис. 4), характеризуются высоким процентным содержанием оксида кальция 20,62% и 17,93% соответственно, в обоих случаях можно предположить наличие костной золы, еще одной типичной добавки для изготовления огнеупоров, особенно специализированных. Костяная зола и древесная зола использовались для изготовления тиглей в алхимической

лаборатории в Оберстоксталле (Osten, 1998). Вероятно, в тигле 358/19 эта многоступенчатая процедура не была завершена, в отличие от тигля № 358/25 (табл. 2: 4–5, 7–8). Большое количество кальцита или извести могло быть компонентом шлака (Martinon-Torres, Rehren, 2007, p. 86).

Тигель № 358/31 (рис. 5) выделяет повышенный уровень оксида магния –5,25% (в два раза выше среднего показателя), возможно, за счет введения минеральной добавки магнизи-

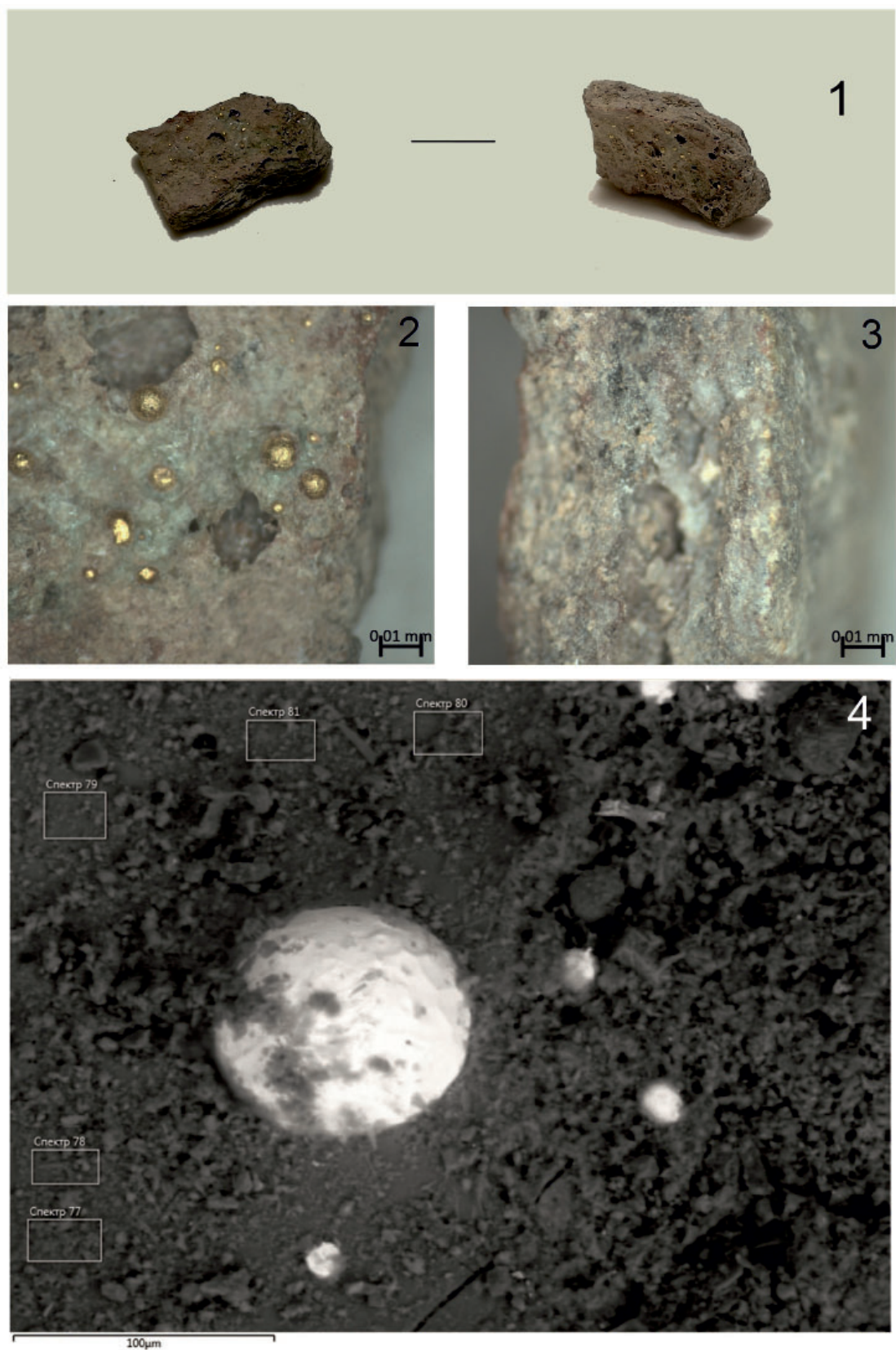

Рис. 4. Места взятия проб сканирующей электронной микроскопии и фото тигля № 3 (АКУКП-358/25).
Fig. 4. Sampling locations of scanning electron microscopy and photo of crucible No 3 (АКУКП-358/25).

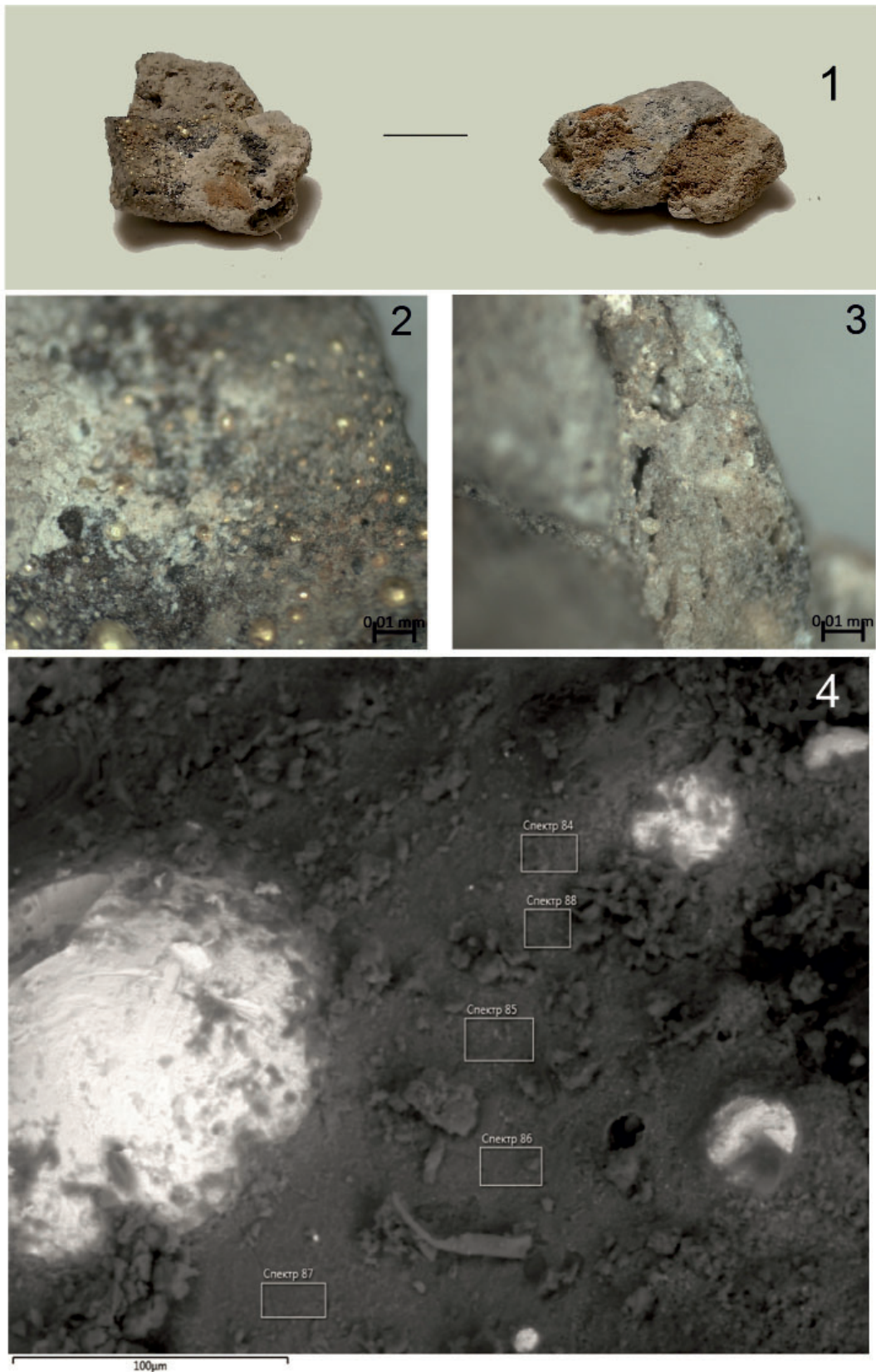

Рис. 5. Места взятия проб сканирующей электронной микроскопии и фото тигля № 4 (АКУКП-358/31).
Fig. 5. Sampling locations of scanning electron microscopy and photo of crucible No 4 (АКУКП-358/31).

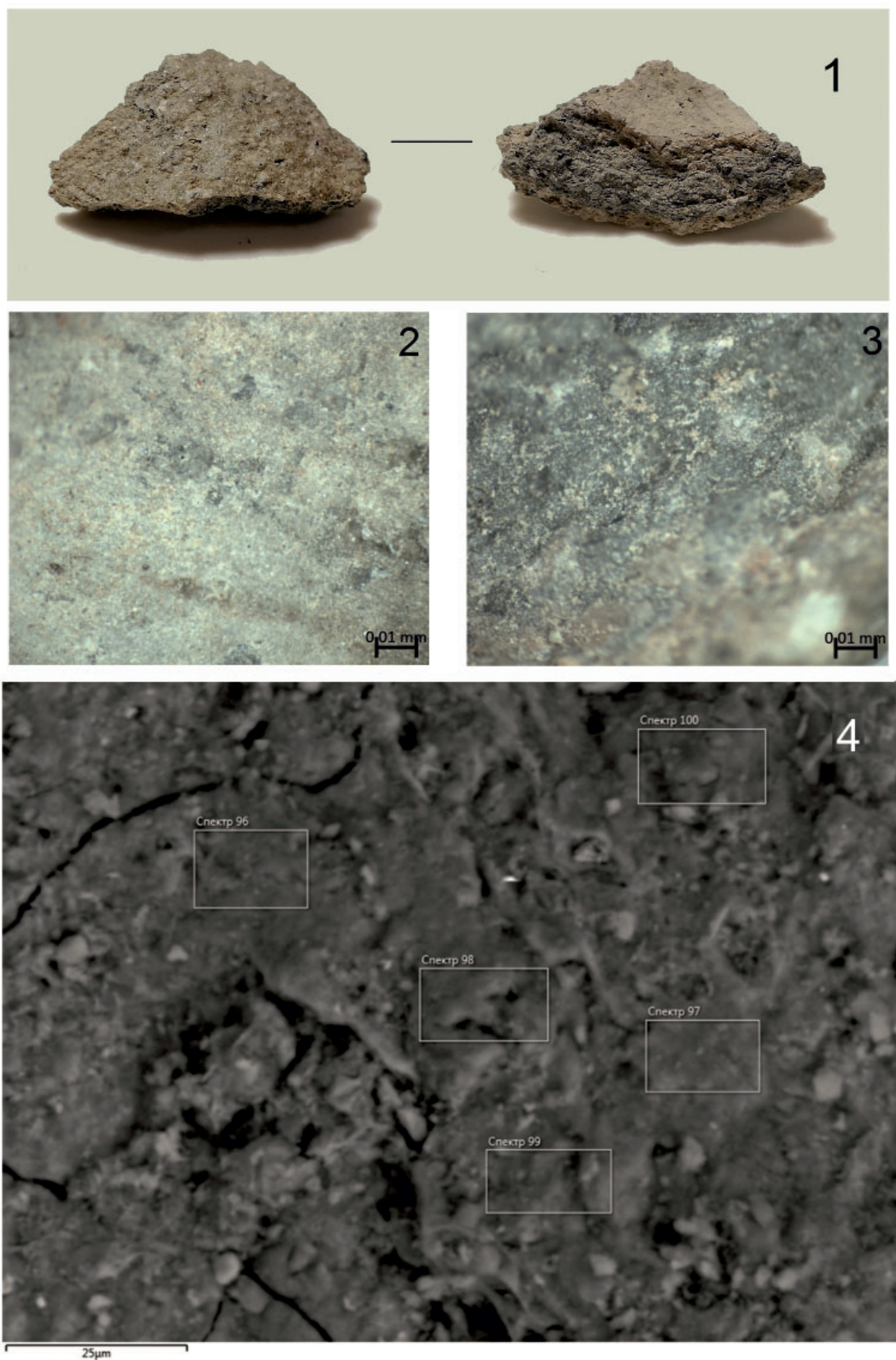

Рис. 6. Места взятия проб сканирующей электронной микроскопии и фото тигля № 5 (АКУКП-358/107).
Fig. 6. Sampling locations of scanning electron microscopy and photo of crucible No 5 (АКУКП-358/107).

ально-железистого силиката (оливина, хризолита), направленной на увеличение термостойкости (табл. 2: 5).

Из всех образцов тигель № 358/107 (рис. 6) по составу наиболее соответствует технологическим нормативам огнеупоров. Материал тигля богат глиноземом – 28,05%, это высокий уровень концентрации для неиспользованных сосудов (Martinon-Torres, Reren, 2009), и самый низкий в выборке уровень оксида железа – 1,97% (табл. 2: 13). Тигель имеет одинаково ровную поверхность снаружи и внутри, без пузырей, каверн и следов металла – капелек золота. Все эти особенности и химический состав материала тигля позволяют заключить, что тигель не был использован.

Отсутствие витрификации – остеклованного шлака на поверхности тиглей, определяется комплексом технологических условий, в том числе, возможно, характером металла, для которого они служили. Такая же особенность отмечена в мастерской бильярского алхимика, где из 8 тиглей только 2 фрагмента, принадлежащие одному сосуду, имели стекловидный шлак. О том, что бильярский алхимик работал с золотом, свидетельствуют, в частности, пробирные камни, обнаруженные в мастерской. На некоторых из них сохранились отчетливые росчерки золота, позволившие установить высокие 850 и 950 пробы золота (Валиулина 2005, с. 156–157, рис. 44; Valiulina, 2016, р. 265–266, fig. 19a, 19b, с. 8–14). Но три бильярских тигля сохранили следы цинка и тоже не имели стекловидного шлака.

Анализ тиглей мастерской Царевского городища позволил получить данные о шлаке на их внутренней поверхности. Этот шлак обычно несет наиболее металлургически значимую информацию (Martinon-Torres, Rehren, 2007, р. 86). Результаты анализа показали присутствие серы во всех образцах в пределах 0,44–1,09%, при этом во всех пробах золотых шариков на внутренней поверхности тиглей (кроме образца № 5 (АКУ КП-358/107), где золото не обнаружено), концентрация серы в 2–3 раза выше матричной. Сам по себе факт наличия серы в глине не удивителен, ее присутствие отмечено в песке, глине и, соответственно, в продукции золотоордынских мастерских – глазури, керамике, стекле – соединения серы являются региональной геохимической особенностью сырьевой базы Нижнего Поволжья. Но увеличение количества серы в металле указывает на ее намеренную технологическую добавку. Сера

используется для очистки золота с глубокой древности до современности. Теофил упоминает серу при работе с золотом по меньшей мере в трех главах: L «Об изготовлении золотой чаши», где рекомендует использовать серу для улучшения пластичности металла, в главах LXVIII, LXIX «Как отделить золото от меди» и «Как отделить золото от серебра» (Теофил, 2008, с. 291, 320, 321). Важно, что на площадках царевских мастерских найдены кусочки серы (Р. II-1967/1968, 3/213), сера отмечена и в составе материалов мастерской алхимика в Бильяре (Valiulina, 2016). Т. Ререн на этот счет приводит мнения авторитетных исследователей и указывает на использование антимонита – сульфида сурьмы (сурьмяный блеск, или минерал стибнит Sb_2S_3) – в качестве разделяющего агента золота от серебра (Rehren, 1996, р. 138). Изотопный анализ кавказской сурьмы с целью получения доказательств ее использования в стеклоделии эпохи бронзы позволил исследователям сделать вывод, что сурьма действительно использовалась в ремесле Египта, но на Кавказе она проявила себя в золотодобыче как сопутствующий элемент в золотоносных рудах. В качестве примера можно назвать золотоносные антимонитовые руды из Рача-Лечкумского района на Кавказе (современная Грузия). Разработки этого месторождения известны с XVII в. до н. э. (Degryse et al., 2020). Естественно думать, что источники сырья из Закавказья и еще в большей степени из Средней Азии должны были обеспечивать драгоценным металлом ремесло Золотой Орды. В Средней Азии в одной только области Илака на территории Узбекистана зафиксированы сотни горных выработок, работавших начиная с эпохи бронзы до Нового времени. Важно иметь в виду, что практически все места добычи руды содержат выразительные свидетельства её обработки, получения металла и купеляции на месте. На рынок металл поступал уже в той или иной степени очищенный.

Сурьма, как и сера, присутствует в составе тигельного материала, но не зарегистрирована в золотых шариках (табл. 1). Технологической добавкой объясняется присутствие меди в составе золотых шариков на стенках тиглей. Сера, медь и значительный процент серебра в золоте могут показывать незавершенный процесс купеляции. А серебро присутствует в виде сульфида серебра в образцах № 1, 3 и 4 (табл. 2: 3, 9, 12) или нитрата серебра (Rehren, 1996, р. 140), как в образце № 2 (табл. 2: 4), где кроме большого количества серебра – 8,89%

– отмечена значительная концентрация азота – 2,96%.

Тигли ювелирных мастерских Царевского городища стратифицированы, обеспечены широким контекстом: технологическим, нумизматическим, бытовым; являются частью производственного комплекса в динамике его развития, в том числе в меняющейся социальной организации ремесла. Особенно важно, что ремесленный комплекс, кроме ювелирных, включал и гончарные мастерские по производству глазурованной посуды, которая и дала сравнительный материал. Все эти обстоятельства открывают большие перспективы дальнейшего исследования тиглей как части местного ремесленного производства.

Сравнительный анализ состава тигельного материала и продукции гончарной мастерской позволил установить местное происхождение тиглей, хотя известно, что эти необходимые в металлургическом производстве изделия могли быть предметом широкой торговли (Martinon-Torres, Rehren, 2009).

Состав формовочной массы тиглей, практически идентичный составу столовой посуды, не позволяет считать их в полной мере огнеупорными сосудами, корректнее назвать их технической металлургической керамикой – плавильными сосудами. Примеры подобных тиглей известны в литературе (Rehren, 1996).

Тем не менее не вполне огнеупорные царевские тигли выполняли свои функции.

Анализ ювелирных изделий, обрезков, проволоки, капель золота из мастерских показали, что царевские ювелиры-золотолитейщики успешно работали, используя золото высокой пробы. При этом привлекает внимание очевидная расточительность при работе с драгоценным металлом (наличие капель, обрезков и обломков золота), что обычно не свойственно золотых дел мастерам.

Глиняные тигли, вероятно, выполняли сами ювелиры, на это указывает их полное отсутствие на площади гончарных мастерских, расположенных рядом.

Во всех аспектах изучения синкретичной культуры Золотой Орды особую актуальность имеет выявление истоков культурных традиций. Для решения этой проблемы в ремесле и, в частности, в поисках технологических традиций в настоящее время сдерживающим фактором является отсутствие аналитических данных по материалам Центральной Азии и Закавказья. Кроме того, ближайшей задачей в этом направлении должно стать расширение комплекса методов и аналитической базы по тиглям как Царевского городища, так и других городов – ремесленных центров Золотой Орды.

Благодарности

Авторы выражают благодарность А.П. Костицыной за выполнение пробирного анализа золотых изделий и А.А. Трифонову, осуществившему сканирующий электронно-микроскопический анализ тиглей, а также Н.В. Ениосовой за ценные консультации.

ЛИТЕРАТУРА

Вайнер И.С., Кринари Г.А. Исследование образцов золота из мастерских в районе «Трех усадеб» на Царевском городище (Новый Сарай) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 126–129.

Валулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 280 с.

Ениосова Н.В., Ререн Т. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения – 3: Материалы международной конференции «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода» (Великий Новгород, 25–28 сентября 2007 г.) / Ред. Е.А. Рыбина. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2011. С. 243–254.

Теофил. О различных искусствах // Книга тайн. Секреты мастерства / Пер. с лат. / Сост. Николай Горелов. СПб: Азбука-Классика, 2008. С. 169–374.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–127.

Bayley J., Rehren T. Towards a functional and typological classification of crucibles. In: LaNiece, S., Hook, D. and Craddock, P.T. (eds.). Metals and Mines: Studies in Archaeometallurgy. Archetype. British Museum: London, United Kingdom, 2007. P. 46–55.

Degryse P., Shortland A.J., Dillis S., Ham-Meert A., Leeming P. Isotopic evidence for the use of Caucasian antimony in Late Bronze Age glass making. In: *Journal of Archaeological Science* Volume 120. August 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-archaeological-science/vol/120/suppl/C> (дата обращения 25.08.2020).

Martinon-Torres M., Rehren T. Ceramic materials in fire assay practices: a case study of 16th century laboratory equipment. In: Prudencio I. and Dias I. and Waerenborgh C. (eds.). *Understanding People through their pottery*. Instituto Portugues de Arqueologia. Lisbon, Portugal, 2005. P. 139–149.

Martinon-Torres M., Rehren T. Post-medieval crucible production and distribution: a study of materials and materialities. In: *Archaeometry*. 2009. No. 51 (1). P. 49–74.

Martinon-Torres M., Rehren T. Trials and errors in search of mineral wealth: metallurgical experiments in early colonial Jamestown. In: *Rittenhouse: the Journal of the American Scientific Instrument Enterprise*. 2007. No. 21 (66). P. 82–97.

Martinon-Torres M., Tomas N., Rehren T., Mongiatti A. Some problems and potentials of the of cupellation remains: the case of post-medieval Moutbeliard, France. In: *Archeo Sciences*. 2008. No. 32. P. 59–70.

Valiulina S.I., Bocharov S.G. Chemical and Technological Characteristics of Glazed Vessels from the Pottery Workshop of the Tsarevskoye Medieval City. In: Ankucheva N. (ed.). *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 7th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19-23 October 2020*. Springer Nature. Switzerland AG, 2022. P. 223–232.

Rehren T. Alchemy and Fire Assay—An Analytical Approach. In: *Historical Metallurgy*. Vol. 30. 1996. P. 136–142.

Valiulina S. Medieval workshop of an Alchemist, Jeweller and Glassmaker in Bilyar (Middle Volga Region, Russian Federation). In: *Pamatky Archeologicke*. 2016. No. 107. P. 237–278.

v. Osten S. *Das Alchemistenlaboratorium von Oberstockstall. Lin Fundkomplex des 16. Jahrhunderts aus Niederösterreich*. Universitätsverlag Wagner. Innsbruck, 1998. 351 s.

Информация об авторах:

Валиулина Светлана Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); svaliulina@inbox.ru

Нуретдинова Алсу Ренатовна, заведующая Археологическим музеем, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); alsu_nuretdinova@inbox.ru

REFERENCES

Vainer, I. S., Krinari, G. A. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 126–129 (in Russian).

Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Valiulina, S. I., Bocharov, S. G. 2022. In Ankucheva N. (ed.). *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 7th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19-23 October 2020*. Springer Nature. Switzerland AG, 223–232 (in English).

Theophilus Presbyter. 2008. In Nikolay Gorelov (ed.). *Kniga tain. Sekrety masterstva (Book of Mysteries. Secrets of Craftmanship)*. Saint Petersburg: "Azбука-Klassika" Publ., 169–374 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Guseva, T. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 89–127 (in Russian).

Bayley, J., Rehren, T. 2007. In LaNiece, S., Hook, D. and Craddock, P.T. (eds.). *Metals and Mines: Studies in Archaeometallurgy. Archetype*. British Museum: London, United Kindom, 46–55 (in English).

Degryse, P., Shortland, A. J., Dillis, S., Ham-Meert, A., Leeming, P. 2020. In *Journal of Archaeological Science*. Volume 120. August Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-archaeological-science/vol/120/suppl/C> (accessed 25.08.2020).

Martinon-Torres, M., Rehren, T. 2005. In Prudencio I. and Dias I. and Waerenborgh C. (eds.). *Understanding People through their pottery*. Instituto Portugues de Arqueologia. Lisbon, Portugal, 139–149 (in English).

Martinon-Torres, M., Rehren, T. 2009. In *Archaeometry*. 51 (1), 49–74 (in English).

Martinon-Torres, M., Rehren, T. 2007. In *Rittenhouse: the Journal of the American Scientific Instrument Enterprise*. 21 (66), 82–97 (in English).

Martinon-Torres, M., Tomas, N., Rehren, T., Mongiatti, A. 2008. In *Archeo Sciences*. 32, 59–70 (in English).

v. Osten, S. 1998. *Das Alchemistenlaboratorium von Oberstockstall. Ein Fundkomplex des 16. Jahrhunderts aus Niederösterreich*. Universitätsverlag Wagner. Innsbruck (in German).

Reren T. Alchemy and Fire Assay—An Analytical Approach. In: *Historical Metallurgy*. Vol. 30. 1996. P. 136-142.

Valiulina, S. 2016. In *Pamatky Archeologicke*. 107, 237–278 (in English).

Eniosova, N. V., Reren, T. 2011. In Rybina, E. A. (ed.). *Novgorodskie arkheologicheskie chteniia – 3: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Arkheologiia srednevekovogo goroda. K 75–letiiu arkheologicheskogo izucheniia Novgoroda» (Velikii Novgorod, 25–28 sentiabria 2007 g.) (Novgorod Archaeological Readings –3: Proceedings of the International Conference “Archaeology of the Medieval City. The 75th Anniversary of the Archaeological Study of Novgorod” (Veliky Novgorod, September 25-28, 2007))*. Veliky Novgorod: Novgorod State United Museum-Reserve, 243–254 (in Russian).

About the Authors:

Valiulina Svetlana I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; svaliulina@inbox.ru

Nuretdinova Alsou R. Archaeological museum, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; alsu_nuretdinova@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.

Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.106.120>

ПАЛЕОЛИТ КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ ДАННЫЕ

© 2022 г. М.Ш. Галимова

В статье представлены этапы поисков стоянок палеолита на территории Казанского Поволжья, начиная со второй половины XIX века по настоящее время. По мнению автора, достоверных данных о заселении этой территории в нижнем и среднем палеолите к настоящему времени не получено. Вместе с тем, стратифицированные палеолитические местонахождения, обнаруженные в 2018-2020 гг. в левобережье устья Камы, открывают в будущем возможность комплексного исследования здесь стоянок, переходных от среднего к верхнему палеолиту. Первая в Казанском Поволжье радиоуглеродная дата, полученная для палеолитического и палеофаунистического местонахождения Беганчик (около 47 тысяч лет назад), подтверждает предположения о присутствии в этом районе слияния Волги и Камы раннего культурного слоя. Этот слой, очевидно, имеет значительно более древний археологический возраст, чем стоянки поздней поры палеолита и усть-камской культуры рубежа палеолита и мезолита, изученные в Казанском Поволжье и на прилегающей территории Среднего Поволжья.

Ключевые слова: археология, палеолит, Среднее Поволжье, устье Камы, каменный инвентарь, плейстоценовая фауна, радиоуглеродные даты.

PALEOLITHIC OF THE KAZAN VOLGA REGION: RESEARCH HISTORY AND NEW DATA

M. Sh. Galimova

Main stages of the search for Paleolithic sites on the territory of the Kazan Volga region from the second half of the XIX century to the current moment are presented in the paper. According to the author, reliable data on the settlement of this territory in the Lower and Middle Paleolithic have not been received to date. At the same time, stratified Paleolithic sites discovered in 2018 – 2020 in the left bank of the Kama–Volga confluence open up the possibility of a comprehensive study of sites of the transition period from the Middle to the Upper Paleolithic here in the future. The first radiocarbon date obtained in the Kazan Volga region for the paleolithic and paleofaunal location of the Beganchik (about 47 thousand years ago) confirms the assumptions about the presence of an early cultural layer in this area of the confluence of the Volga and Kama. This layer has obviously a much older archaeological age than the sites of the Late Paleolithic and the Ust-Kama culture of the Paleolithic and Mesolithic transition, studied in the Kazan Volga region and the adjacent territory of the Middle Volga region.

Keywords: archaeology, Paleolithic, Middle Volga region, confluence of the Kama and Volga, stone inventory, Pleistocene fauna, radiocarbon dates.

Основные вехи поисков палеолита и достижения в исследованиях палеолитических памятников в Казанском Поволжье и Нижнем Прикамье и на прилегающих территориях Среднего Поволжья выглядят следующим образом.

В 1879 году известный русский исследователь И.С. Поляков, которому принадлежит честь открытия ныне широко известных палеолитических стоянок на Среднем Дону у с. Костёнки, предпринял поиски палеолита на Средней Волге, а также на Оке, Каме и в Пермском Предуралье. И.С. Поляков совместно с профессором Казанского университета геологом А.А. Штукенбергом по возвращении в Казань из Пермского края, где ими была обследована знаменитая Кунгурская

пещера, осуществили осмотр крупных местонахождений костей ископаемых животных на волжской галечниковой косе у с. Красновидово (южнее Казани) (Поляков, 1880). Ранее эти скопления остатков четвертичной («послетретичной» в терминологии середины XIX в.) фауны были впервые описаны геологом Н.А. Головкинским (Головкинский, 1865). Исследователями был собран большой палеонтологический материал на этих русловых галечно-гравийных косах, однако все эти палеонтологические находки оказались перетолженными (Поляков, 1880, с. 69–76).

Следующая попытка обнаружить палеолитические остатки была предпринята в 1913 году казанским геологом П.А. Ососковым, который также отметил находки костей

четвертичных животных на островах, расположенных у села Русская Бектяшка и Новое Мордово близ города Сенгилей. Исследователь пришел к выводу, что скопление костей вымерших животных связано с охотничьей деятельностью древнего человека, однако поиски каменных и костяных орудий труда тогда не увенчались успехом (Осоков, 1913, с. 39).

В то же время в 1912–1913 гг. сотрудники Симбирского музея обнаружили местонахождения костей четвертичных животных на отмелях Волги в окрестностях сел Ундоры и Городище (рис. 1) (Паничкина, 1953, с. 235). Эти местонахождения представляли собой залежавшие на бечевнике кости мамонта, северного оленя, лося, зубра и других представителей мамонтового фаунистического комплекса. Кроме того, на берегу острова близ с. Ундоры, напротив урочища «Собачья Прорва», были найдены фрагменты двух черепов и плечевая кость человека. Эти находки были переданы сотрудником Симбирского музея Г.С. Рагозиным в Московский университет геологу А.П. Павлову, который подробно описал данные фрагменты черепов, сравнил их параметры с параметрами ископаемых черепов из западной Европы. Исследователь отнес эти палеоантропологические находки к четвертичной («мамонтовой») эпохе (Павлов, 1925, с. 15; 1936, с. 253–257). Эта плечевая кость, ныне представленная в экспозиции Ульяновского областного краеведческого музея, позже была, предположительно, отнесена к останкам неандертальца (Алексеев, 2007, с. 547).

А.П. Павлов изучил геологические и геоморфологические условия залегания данных антропологических и палеонтологических находок на отрезке долины Волги между городами Тетюши и Ульяновск и пришел к выводу о переотложенном характере этих местонахождений (Павлов, 1925, с. 23). Как отмечал ученый, «в этой широтной части своего течения Волга отходит от коренного берега и течет среди аллювиальных наносов, образуя широкую аллювиальную террасу, местами отделенную от коренного берега старыми руслами и протоками «прорвами»» (Павлов, 1936, с. 254).

О.Н. Бадер, подключившийся перед Великой Отечественной войной к поискам следов древнейшего человека в Поволжье, указывал, что найденные близ с. Ундоры в 1912–1913 гг. «кости залежали в полосе крупного слабо окатанного гравия («дресвы»), очень незна-

чительно приподнятым над меженным уровнем и обнажаемым в разливы из-под верхней толщи песков, образующих здесь длинную вытянутую вдоль Волги гриву до 10 м высотой» (Бадер, 1953, с. 51).

В 1931 году Волжская экспедиция Комиссии по изучению четвертичного периода под руководством геолога Г.Ф. Мирчинка, в состав которой входили крупные специалисты по палеолиту – археолог Г.А. Бонч-Осмоловский и палеонтолог В.И. Громов, проводила изыскания на Средней Волге, а также на Нижней Каме. Были вновь обследованы палеонтологические местонахождения на волжских галечниках (Николаев, 1937). Единственной археологической находкой палеолитического возраста было остроконечное двусторонне обработанное кремневое орудие (бифас), предположительно отнесенное к эпохе мустье, обнаруженное Г.А. Бонч-Осмоловским во вторичном залегании на правом берегу Волги возле г. Тетюши (рис. 1) (Мирчинк, 1932).

В 1938 г. под общим руководством А.П. Смирнова начинается своя многолетняя деятельность Куйбышевская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР, проводившая масштабные изыскания в зоне будущего водохранилища ГЭС им. В.В. Куйбышева. В 1940 г. сотрудники Куйбышевской экспедиции А.В. Збруева и Н.А. Прокошев обследовали известное крупное скопление четвертичной фауны Мысы, расположенное на песчано-галечной косе в приустьевой части долины Камы (Лаишевский район, Татарская АССР) (рис. 1). Исследователи обнаружили здесь «кремни со следами обработки» наряду с большим количеством костей мамонта, носорога, оленя и других ископаемых животных (Збруева, 1941, с. 111). Ранее в 1930-е годы большие палеонтологические сборы были проведены здесь участниками Волжской четвертичной экспедиции, а также геологами и палеонтологами из Казанского и Московского университетов. По сообщению О.Н. Бадера, А.В. Збруевой и Н.А. Прокошевым были найдены крупные кремневые и кварцитовые остроконечные отщепы с возможными следами использования или подправки лезвий, которые могли служить ножами или рубилами (Бадер, 1955, с. 189–190). В 1949 г. местонахождение Мысы обследовалось сотрудницей Камской археологической экспедиции Т. Медведевой, обнаружившей на поверхности галечников крупную ножевидную крем-

Рис. 1. Карта палеолитических памятников Казанского Поволжья и прилегающих территорий: 1 – местонахождения у с. Ундоры и д. Городище; 2 – местонахождение Красная Глинка; 3 – местонахождение у г. Тетюши и стоянка Тетюшская III; 4 – местонахождение Мысы; 5 – стоянка Базяковский Взвоз; 6 – стоянка у пос. Коминтерн; 7 – стоянки Беганчик, Измерская I палеолитическая; 8 – стоянки Долгая Поляна I и II; 9 – стоянка Сюкеевский Взвоз; 10 – стоянка Лобач II; 11 – стоянка Камское Устье II; 12 – стоянки Девичий Городок и Семеновская IV; 13 – стоянка Усть-Вихлянская; 14 – поселение и могильник Гора Маяк; 15 – стоянка Шолма I

Fig. 1. Map of Paleolithic sites of the Kazan Volga region and adjacent territories: 1 – location near the village Undory and the village of Gorodische; 2 – location Krasnaya Glinka; 3 – location near Tetyushi town and site Tetyushskaya III; 4 – the location of the Mysy; 5 – site Bazyakovsky Vzvoz; 6 – site at the village Comintern; 7 – sites Beganchik, Izmerskaya I Paleolithic; 8 – sites Dolgaya Polyana I and II; 9 – site Syukeevsky Vzvoz; 10 – site Lobach II; 11 – site Kamskoye Ustye II; 12 – sites Devichiy Gorodok and Semenovskaya IV; 13 – site Ust-Vikhlyanskaya; 14 – settlement and burial ground Gora Mayak; 15 – site Sholma I

невую пластину, залегающую среди остатков четвертичной фауны (Бадер, 1951, с. 95).

По окончании Великой Отечественной войны, в 1949 г. разведочные работы казанских археологов в Нижнем Прикамье ознаменовались открытием палеолитического местонахождения в левобережье р. Ик, в с. Деуково Мензелинского района Татарской АССР. Здесь Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым были раскопаны *in situ* крупные кости конечностей и черепа мамонта, а также остатки очажной

ямы с обугленными костями мамонта в ней и поблизости. Культурный слой, к сожалению, не содержащий каменных орудий, был зафиксирован на глубине от 3,28 до 4,20 м от поверхности в голубовато-сером суглинке. По наблюдению исследователей, фрагменты бивня и кости конечностей несли следы ударов и зарубок, выполненных древними охотниками (Калинин, Халиков, 1954, с. 5–8).

В 1950 г. возобновляется работа Куйбышевской экспедиции, которая функционирует

до 1955 г. под руководством А.П. Смирнова и Н.Я. Мерперта, руководителями отрядов были А.В. Збруева, Н.Ф. Калинин, А.Е. Алихова, М.З. Паничкина и другие известные исследователи. В эти годы были проведены широкие археологические разведки и раскопки в зоне будущего Куйбышевского водохранилища. Как отмечали во введении к изданию Трудов Куйбышевской археологической экспедиции А.П. Смирнов и Н.Я. Мерперт: «Одной из наиболее значительных задач экспедиции было выявление палеолитических памятников Поволжья, без которых не может быть разрешен вопрос о древнейшем заселении нашей страны, так как в эпоху палеолита уходят корни исторических процессов, приведших впоследствии к культурным различиям и своеобразию этих областей» (Смирнов, Мерперт, 1954, с. 7).

Важным событием в изучении палеолита на Средней Волге стала работа в 1951 г. отряда Куйбышевской экспедиции под руководством М.З. Паничкиной. Отрядом было осуществлено обследование берегов Волги в пределах Куйбышевской и Ульяновской областей, а также Татарской АССР. Кроме того, были предприняты разведки в долине р. Большой Черемшан от впадения в Волгу до г. Мелекесс (позже Димитровград). В ходе работ были осмотрены местонахождения на песчано-галечниковых косах, в том числе на острове, расположенном на расстоянии 8 км выше по течению от с. Ундоры. На песчано-галечниковой отмели острова среди палеофаунистических находок, представленных остатками лошади, шерстистого носорога, мамонта, бизона, гигантского и благородного оленей, были подняты четыре отщепы и фрагмент нуклеуса. Все находки оказались сильно окатаны и покрыты патиной, что не позволило М.З. Паничкиной сделать предположение об их археологическом возрасте (Паничкина, 1953, 1953а).

Также М.З. Паничкиной было вновь обследовано местонахождение Мысы в правобережье приустьевой части долины Камы. На галечнике вместе с многочисленными остатками четвертичных млекопитающих, среди которых были определены лошадь, зубр или бык, гигантский, северный и благородный олени, лось, мамонт, шерстистый носорог, были собраны кремневые артефакты – пять отщепов и три пластинки. По мнению исследовательницы, кремневые предметы, найденные здесь, имели более поздний облик в рамках эпохи палеолита, чем артефакты из

вышеописанных местонахождений долины Волги (Паничкина, 1953, 1953а).

Значительным открытием разведочного отряда М.З. Паничкиной стало палеолитическое местонахождение, которое располагалось на правом берегу Волги, в 2 км к северу от Ундорского острова и в 5 км к юго-востоку от с. Бессонково (Тархановский р-н, Татарская АССР) в урочище Красная Глинка (рис. 1). Под обнажением мыса волжского берега в осыпи галечника, сцементированного оранжевой глиной, были собраны более десятка массивных кремневых артефактов: отщепы, рубящие орудия (чопперы), скребла, фрагменты нуклеусов. Облик этих находок позволил М.З. Паничкиной отнести местонахождение Красная Глинка к концу нижнего палеолита – ашельско-мустьерскому времени (Паничкина, 1953, 1953а). Подтверждением предположения о происхождении артефактов из слоя галечника явились вынутые из этого галечника в обнажении мыса два аморфных кремневых отщепы, покрытых железистым налетом. Наряду с артефактами из осыпи, под обрывом были собраны костные остатки, принадлежавшие, по определению Н.К. Верещагина, шерстистому носорогу, ископаемой лошади, зубру и парнокопытному величиной с оленя (Верещагин, 1971). Важным наблюдением М.З. Паничкиной было то, что две кости – зубра и ископаемой лошади были намеренно расколоты в древности (Паничкина, 1953, с. 253).

Необходимо отметить, что возраст местонахождения Красная Глинка, отнесенного М.З. Паничкиной к нижнему палеолиту, ныне небезосновательно подвергается сомнению. По мнению Л.В. Кузнецовой, спустя 30 лет с момента открытия изучившей эти находки в фондах Государственного музея Татарской АССР (ныне Национальный музей Республики Татарстан) (Каталог..., 1975, с. 11–12), артефактами могут считаться лишь семь кремневых предметов: «Это два нуклеуса с параллельным и параллельно-встречным снятием заготовок, два боковых скребла с вентральной ретушью, двойное скребло на массивной заготовке, два чоппера. Техника расщепления и облик изделий позволяют предположить мустьерский возраст местонахождения» (Кузнецова, 1985, с. 12). Л.В. Кузнецова пришла к выводу о переотложенном характере находок местонахождения Красная Глинка и о том, что возраст артефактов первоначально был определен в соответствии с возрастом находок ископаемой фауны, залежавших

рядом: «И каменные орудия, и кости животных не имели геологической привязки, то есть были переотложены, что затрудняет определение их возраста» (Кузнецова, 2000, с. 18).

Начатые М.З. Паничкиной работы по выявлению палеолитических памятников были продолжены в 1954 г. Вторым отрядом Куйбышевской археологической экспедиции под руководством сотрудницы Ульяновского областного краеведческого музея З.А. Абрамовой. Отрядом были вновь обследованы открытые М.З. Паничкиной местонахождения Красная Глинка, на Ундоровских островах и других в пунктах сбора ниже по течению Волги (Абрамова, 1958). На местонахождении Красная Глинка З.А. Абрамовой было отмечено, что мыс представлял собой уцелевший от размыва участок террасы, в разрезе которого древние галечники сохранились в стратиграфическом разрезе. Здесь в галечниковой осыпи были собраны несколько костей зубра и предметов из серого кремня и кремнистого известняка в разной степени окатанности, в том числе три крупных отщепов и два массивных нуклеуса бессистемного скалывания (Абрамова, 1958, с. 350, 352, 355).

З.А. Абрамова констатировала значительное разрушение зафиксированных М.З. Паничкиной тремя годами ранее местонахождений на отмелях в силу интенсивных хозяйственных работ, направленных на подготовку ложа Куйбышевского водохранилища. Тем не менее отряду удалось собрать там наряду с палеофаунистическими остатками несколько кремневых артефактов. Так, на Ундоровском острове были найдены несколько окатанных кремневых предметов, наиболее выразительными из них оказались три крупных массивных изделия: отщеп, рубящее орудие на кремневом сколе и скребло (предположительно) на трехгранном сколе (Абрамова, 1958, с. 349–351).

По результатам своих разведочных исследований на Средней Волге М.З. Паничкина и З.А. Абрамова считали, что даже эти малочисленные и разрозненные местонахождения могут служить доказательством заселения этой территории в эпоху палеолита. Исследовательницы были единодушны в том, что первоочередной задачей последующих изысканий должны стать поиски палеолитических стоянок с непо потревоженным культурным слоем, залегающим в стратифицированных условиях, что даст возможность определить возраст стоянок, особенности материальной культуры и природного окружения палеоли-

тического населения региона (Паничкина, 1953, с. 20; Абрамова, 1958, с. 357).

Интересные находки на правом берегу Волги в районе с. Ундоры были сделаны в 1980-х годах геологом В.М. Ефимовым. Им были обнаружены *in situ* кремневый бифас-наконечник и костяное шило из кости лошади, которые залежали в нижней части плейстоценовых галечно-щебневых отложений оврага Протолщный, расположенного у с. Городище. Позже В.М. Ефимовым в районе сел Городище и Ундоры была обнаружена верхняя часть черепа детеныша дикого быка со следами обработки рукой человека, вероятно, использовавшаяся в древности в качестве сосуда (Вискалин, Ефимов, 2011; Вискалин, 2011).

В районе слияния Волги и Камы открытие памятников финального палеолита и мезолита произошло во второй половине XX века усилиями казанских археологов, осуществлявших охранно-спасательные исследования памятников, разрушающихся Куйбышевским водохранилищем. В ходе широкомасштабных работ экспедиционных отрядов Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР под руководством А.Х. Халикова, П.Н. Старостина, Е.П. Казакова, Р.С. Габышева и М.Г. Косменко, начатых в 1961 г. и продолжавшихся более десятилетия, в левобережье устья Камы на останцах террас были обнаружены 12 стоянок и ряд местонахождений финальнопалеолитического возраста (Археологическая карта. Западное Закамье, 1986). Так, в 1966 г. в результате разведок, проведенных М.Г. Косменко по правому берегу Волги от пос. Камское Устье до границы Татарской АССР с Ульяновской областью, были открыты стратифицированные памятники рубежа палеолита и мезолита – стоянки Сюкеевский Взвоз и Камское Устье II, а также Долгополянское I местонахождение (рис. 1) (Археологическая карта. Предволжье, 1985). Раскопки на стоянке Сюкеевский Взвоз, проведенные М.Г. Косменко в 1968 г., дали представительную коллекцию каменных изделий, ставшую одной из опорных в дальнейших исследованиях палеолита и мезолита Волго-Уральского региона (Косменко, 1972, 1977).

В 1967–1973 гг. М.Г. Косменко, Р.С. Габышев, П.Н. Старостин проводили разведочные исследования (сборы подъемного материала, зачистки и шурфовки) на размывающихся левобережных стоянках рубежа палеолита и мезолита: Тетюшская III, Семеновская IV, Девичий Городок (рис. 1), а также на

нескольких местонахождениях. Сборы на размытой кремнеобрабатывающей мастерской Девичий Городок, располагавшейся в левобережной точке слияния Камы и Волги, дали находки крупных нуклеусов, пластин и отщепов, а также массивных скребков (Казаков, 2011). А.Х. Халиков, частично опубликовавший коллекцию из сборов 1961 г., отнес стоянку Девичий Городок к раннему мезолиту (Халиков, 1969). Аналогичным образом им были охарактеризованы крупные каменные артефакты, собранные в те же годы на месте размытого останца Курган в устье р. Актай. Начиная с 1964 г. на протяжении четырех десятилетий Е.П. Казаковым регулярно исследовалась Коминтерновская стоянка, расположенная неподалеку, на левом берегу реки (Казаков, 2011).

Первый шаг в обобщении полевых данных сделал А.Х. Халиков в монографии «Древняя история Среднего Поволжья» (1969). Он убедительно показал перспективность дальнейших поисков в регионе верхнепалеолитических памятников. А.Х. Халиков высказал мнение о том, что верхнепалеолитическое население Среднего Поволжья тяготело к восточноевропейскому палеолиту, в то время как Прикамье и Приуралье испытывало в эту эпоху воздействие Сибири. Вместе с тем А.Х. Халиков предположил, что раннемезолитические памятники Средней Волги принадлежат к сибирскому кругу, о чем, по его мнению, свидетельствуют материалы стоянок Постников Овраг в г. Самаре и Сюкеевский Взвоз в правобережье Волги.

В противоположность этому мнению, М.Г. Косменко отнес Сюкеевский Взвоз к кругу финальнопалеолитических стоянок Восточной Европы (Косменко, 1972). Исследователь ввел в научный оборот все известные к тому моменту комплексы не только устья Камы, но и Среднего Поволжья в целом. М.Г. Косменко выдвинул тезис о культурном единстве финальнопалеолитических и мезолитических памятников с трапециями в инвентаре. По его мнению, эта общность занимала почти всю территорию Среднего Поволжья, а ее ядро составляли стоянки в устье Камы. Позже М.Г. Косменко обосновал понятие «усть-камская» культура, в существовании которой он выделил три этапа (Косменко, 1977). Исследователь предположил, что на третьем этапе усть-камской культуры ее носители проникают на Среднюю Каму, где взаимодействуют с носителями камской мезолитической культуры.

Таким образом, в 1960–1970 гг. казанскими археологами были достигнуты первые успехи в выявлении и изучении памятников финального палеолита в устье Камы.

С началом 1980-х годов связан новый этап в исследованиях палеолита района слияния Камы с Волгой. В 1981–1982 гг. Е.П. Казаков обнаружил у с. Измери на острове – останце левобережной террасы, расположенном в устье р. Актай, скопление крупных кремневых и кварцитовых артефактов и находок остатков амонтовой фауны, которое получило первоначально название «Измерское палеонтологическое местонахождение» (Археологическая карта. Западное Закамье, 1986, с. 68), а затем – «Измерская I палеолитическая стоянка» (рис. 1) (Истомин, Казаков, 1992; Казаков, 2011). К сожалению, уже к моменту своего открытия памятник был практически полностью размыт Куйбышевским водохранилищем. На поверхности размытых четвертичных отложений в 1980–2000-е годы Е.П. Казаковым проводились сборы каменных артефактов – крупных кремневых нуклеусов, скребел, рубящих орудий типа чопперов и чоппингов, разнотипных скребков и резцов, ножей на крупных пластинах и отщепах с прямыми краями, остроконечных орудий, а также крупных кварцитовых галек-отбойников (Казаков, 2011). В период с 1985 по 2000 гг. обследование места размытия этого памятника проводилось также М.Ш. Галимовой. С целью выявления участка неразрушенного культурного слоя, содержащего палеофаунистические остатки, в 1986 г. были произведены раскопки двух траншей, которые не дали результата (Галимова, 2001, с. 27).

С 1981 по 1999 гг. М.Ш. Галимова проводила регулярные раскопки на Сюкеевском Взвозе. В это время изучались как северо-восточная часть данного комплекса разновозрастных памятников, так и юго-западная оконечность, где культурный слой переходного от палеолита к мезолиту времени сохранился в наименее смешанной степени (Галимова, 1992, 2001). В 1989–1990 гг. был раскопан участок памятника, непосредственно примыкающий к раскопу М.Г. Косменко 1968 года. В 1983–1985 гг. М.Ш. Галимовой проводилось разведочное обследование Долгополянского местонахождения, открытого М.Г. Косменко. На памятнике был выявлен достаточно насыщенный культурный слой, что дало основание переименовать памятник в стоянку Долгая Поляна I. Тогда же в 500 м ниже по течению Волги была открыта стоянка Долгая Поляна

II, подвергнутая раскопкам в 1985 г. (рис. 1) (Галимова, 2001). В результате раскопок были выявлены два культурных слоя, предположительно отнесенных к верхнему и финальному палеолиту.

В 1984 г. на правом берегу Волги в окрестностях горы Лобач и поселка Камское Устье М.Ш. Галимовой был обнаружен ряд местонахождений каменных орудий в четвертичных суглинках, наибольший интерес из которых представляет стоянка позднего палеолита Лобач II (рис. 1), раскопанная в 1984–1985 гг. (Галимова, 2001). В 1986 г. М.Ш. Галимовой был исследован раскоп на Камско-Устьинской II стоянке, открытой М.Г. Косменко (рис. 1). В итоге выяснилось, что памятник содержит три культурных слоя. Нижний культурный слой на основании стратиграфических и геолого-геоморфологических данных был отнесен к позднему палеолиту, а средний – к переходному этапу от палеолита к мезолиту либо к раннему мезолиту (Галимова, 2001).

В 1986–1987 гг. проводились раскопки на стоянке Беганчик (Измерский остров) переходного от палеолита к мезолиту возраста, расположенной в устье р. Ахтай (рис. 1), которая была открыта М.Ш. Галимовой и К.Э. Истоминым при участии Е.А. Беговатова в 1985 г. В результате раскопок была получена первая стратифицированная коллекция усть-камской культуры в левобережье (Галимова, 1991, 2001). Р.С. Габяшевым в 1992 г. при обследовании Усть-Вихлянского комплекса памятников, расположенного на острове – останце террасы в зоне водохранилища (рис. 1), была открыта стоянка одного возраста со стоянкой на Сюкеевском взвозе, эти памятники расположены в прямой видимости друг от друга (Археологическая карта. Западное Закамье, 1986; Галимова, 2001).

Е.П. Казаковым в 1991 г. вблизи стоянки Беганчик был исследован еще один памятник – Коминтерновская II (палеолитическая) стоянка, располагавшаяся в устье р. Ахтай, на восточной оконечности Измерского острова, напротив п. Коминтерн. Здесь, в кровле толщи четвертичных суглинков было раскопано небольшое скопление, состоявшее из фрагментов кремневых нуклеусов, сколов-отходов, а также трубчатых костей птиц (Казаков, 2011).

В развитие концепции М.Г. Косменко об усть-камской мезолитической культуре с трапециями (поперечно-лезвийными наконечниками стрел) в кремневом инвентаре, берущей начало в финальном палеолите,

М.Ш. Галимовой были выделены в районе устья Камы две группы палеолитических стоянок: 1) памятники позднего палеолита правобережья Волги, включающие Лобач II и нижние слои стоянок Камское Устье II и Долгая Поляна II; 2) памятники финального палеолита, относящиеся к усть-камской культуре, включающие правобережные стоянки Сюкеевский Взвоз и Камское Устье II, средний слой, а также правобережные стоянки Беганчик, Семеновская IV, Тетюшская III, Усть-Вихлянская (Галимова, 2001). Все эти стоянки относятся к типу стоянок-мастерских, располагавшихся вблизи выходов кремневого сырья, выходы которого в изобилии имеются в обнажениях правого берега Волги. На стоянках производились работы по расщеплению кремневых конкреций и получению пластинчатых сколов – заготовок для дальнейшего изготовления орудий. К сожалению, ни на одной из усть-камских стоянок не были обнаружены остатки жилищ, очагов и сколь-нибудь определенных костей животных в силу неглубокого залегания культурных слоев и неблагоприятных условий для сохранности органических остатков. В этой связи абсолютные даты этих памятников отсутствуют. Относительное определение возраста усть-камских стоянок было основано на результатах геолого-геоморфологических и палеогеографических исследований, которые позволили получить представление о функционировании стоянок позднего палеолита и раннего этапа усть-камской культуры в довольно суровых природно-климатических условиях заключительных этапов последнего ледникового и начала переходного периода от плейстоцена к голоцену (Бутаков, Галимова, Мозжерин, 1988; Галимова, Шаландина, 1999; Галимова, 2001).

Вопрос о культурной принадлежности и истоках формирования материальной культуры позднепалеолитических кремневых комплексов устья Камы остался к началу XXI века открытым. Вместе с тем автором были выдвинуты два предположения: 1) о генезисе усть-камской мезолитической культуры на местной позднепалеолитической основе, представленной кремневым инвентарем нижнего слоя стоянки Камское Устье II; 2) о существовании на рубеже палеолитической и мезолитической эпох на территории устья Камы и в целом Среднего и Верхнего Поволжья, а также Приуралья населения с общими традициями в изготовлении кремневого инвентаря и в первую очередь вклады-

шей охотничьего оружия в форме трапеций (Галимова, 2001). Вместе с тем территорию собственно усть-камской культуры предлагалось ограничить районом слияния Камы с Волгой и близлежащими территориями.

Кремневым изделием, определяющим принадлежность стоянок финального палеолита к усть-камской культуре, является наконечник стрелы поперечно-лезвийного типа, имеющий форму трапеции с вогнутыми ретушированными сторонами, выполненный на фрагменте пластины или на отщепе. Размеры и пропорции таких трапеций варьируют: от крупных трапеций низких и средних пропорций с сильно вогнутыми сторонами в инвентаре Беганчика и среднего слоя Камского Устья до мелких трапеций средневысоких пропорций с прямыми сторонами, найденных в Сюкеевском Взвозе (Галимова, 2001).

С началом XXI века поиски памятников палеолита в Казанском Поволжье были продолжены, расширился круг археологов и специалистов естественных наук, подключившихся к исследованиям. В то же время на территории Чувашии и Самарской области были сделаны открытия памятников рубежа палеолита и мезолита, на которых были организованы междисциплинарные исследования, что позволило под новым углом зрения взглянуть на синхронные стоянки Казанского Поволжья.

В 2000 г. спасательные раскопки стоянки Беганчик были возобновлены М.Ш. Галимовой. В ходе разведок 2007 г. вдоль левого берега Куйбышевского водохранилища к востоку от устья р. Актай М.Ш. Галимовой и М.В. Сивицким были зафиксированы остатки размытого палеолитического местонахождения, которое представляло собой скопление крупных кремневых и кварцитовых отщепов, а также отдельных костей и зубов ископаемой лошади, носорога, оленя и фрагментов бивня мамонта (определение д-ра биол. наук А.Г. Петренко). Этот памятник, располагавшийся несколько восточнее Измерской I палеолитической стоянки, получил название «стоянка Базяковский Взвоз» (рис. 1). В 2013 и 2018 гг. отрядом совместной экспедиции ИА им. А.Х. Халикова АН РТ и Чувашского государственного института гуманитарных наук проводились разведочные исследования на стоянках Беганчик и Коминтерн, расположенных на противоположных берегах р. Актай (рис. 1). На обеих стоянках были собраны коллекции кремневых артефактов усть-камской культуры и остатков ископае-

мой четвертичной фауны. Важным научным фактом явилась находка на стоянке Беганчик в первичном залегании (*in situ*) кости ископаемой лошади, что дало возможность в результате рекогносцировочных раскопок подтвердить стратиграфическую разницу между горизонтом с палеофауной и культурным слоем стоянки усть-камской культуры (Галимова, Березина, Березин, 2018).

Большим успехом ознаменовались геологические и палеогеографические изыскания на стоянке Беганчик, выполненные в 2017–2018 гг. международным коллективом специалистов в составе Л.А. Вязова, Е.В. Пономаренко, К. Кордовы, М.С. Блиникова и других. В ходе изучения комплекса погребенных почв в стратиграфическом разрезе останца террасы Беганчик исследователями была зафиксирована находка остатков кострища с фрагментом бивня мамонта и кремневым отщепом, располагавшегося в верхней части комплекса погребенных почв. Радиоуглеродное датирование этой погребенной почвы показало калиброванное значение – около 47 000 лет назад (Cordova, Vyazov, Blinnikov, Ponomarenko et al., 2021). Эта первая радиоуглеродная дата палеолитической находки в Казанском Поволжье указывает на присутствие палеолитических людей в приустьевом Закамье еще на рубеже среднего и верхнего палеолита. Таким образом, Измерская I палеолитическая стоянка, выделенная в 1980-х гг. Е.П. Казаковым в подъемном материале (Казаков, 2011), получает стратиграфическое подтверждение.

В 2020 г. отрядом совместной экспедиции Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и Чувашского государственного института гуманитарных наук в ходе обследования стоянки у пос. Коминтерн было обнаружено в размытом состоянии крупное скопление палеонтологических остатков млекопитающих плейстоценовой фауны, а также стратифицированное местонахождение палеолитического возраста в обрыве берега. Местонахождение представляло собой находки кремневого отщепа и кости конечности носорога, залежавших на глубине около 5 м от поверхности в погребенной почве (Галимова, Березина, Березин, Михайлов, 2021). Стратиграфическая позиция этой почвы в разрезе четвертичных отложений устья р. Актай аналогична позиции вышеотмеченной почвы в разрезе Беганчик с находкой кремневого отщепа и фрагмента бивня.

На территории Чувашии начиная с 2007 г. Н.С. Березиной, А.Ю. Березиным и М.Ш. Гали-

мовой (при участии геолога А.А. Хисяметдиновой) изучается примечательный памятник финального палеолита – стоянка охотников на лошадей Шолма I (рис. 1). Эта стоянка, расположенная в северной части Приволжской возвышенности на р. Малый Цивиль на склоне горы Шолма, впервые была отмечена как Цивильское местонахождение кремня в 1966 г. казанским археологом П.Н. Старостиным в ходе его разведки по р. Цивиль (Березина и др., 2009). Культурный слой стоянки, располагавшейся у выходов кремневого сырья, залегает в погребенной почве, сформировавшейся во время последней теплой стадии ледниковой эпохи – аллерёд (11800–11100 14С л. н.). Почвенно-культурный слой, изобилующий кремневыми артефактами и костями основной охотничьей добычи – лошадей, был нарушен мерзлотными (криогенными) трещинами во время последующей финальной холодной стадии ледниковья – поздний дриас (11100–10300 14С л. н.). Радиоуглеродные даты, полученные по костям лошади из культурного слоя, показали, что стоянка функционировала в интервале около 11100–10800 14С л. н., то есть в конце потепления аллерёд и в начале довольно сурового похолодания поздний дриас (Березина, Березин, Галимова, 2021).

Своеобразие орудийному набору стоянки Шолма придает сочетание изделий на широких (зачастую массивных) пластинах с фрагментами узких пластин и микропластин, которые служили вкладышами в составных орудиях. Особенности кремневых вкладышей, использовавшихся древними охотниками Шолмы в их составном пазовом оружии, – небольших трапеций с прямыми ретушированными сторонами, низких и средних пропорций – указывают на возможную культурную общность стоянки с комплексами финального палеолита, исследованными на р. Северский Донец, – Рогалик I, ПА, XII, Передельское I, которые бытовали в условиях незначительного похолодания средний дриас и в начале последующего потепления аллерёд в лесостепях юго-востока Украины (Березина и др., 2009; Березина, 2021).

Мелкие трапеции с прямыми сторонами, достаточно представительные в кремневом инвентаре стоянки Шолма на р. Цивиль, имеют единичные аналоги в наборах вкладышей, найденных на двух финальнопалеолитических памятниках Среднего Поволжья – усть-камской стоянке Сюкеевский Взвоз на правом берегу Волги и поселении Гора Маяк

на р. Большой Черемшан, расположенном у с. Сиделькино Самарской области (рис. 1).

Стоянка рубежа палеолита и мезолита на горе Маяк, близкая по условиям расположения стоянке на горе Шолма, является древнейшей частью многослойного поликультурного могильника и поселенческого памятника, который исследовался Д.А. Сташенковым и А.Ф. Кочкиной (при участии Л.В. Кузнецовой) с первой половины 1990-х годов на протяжении более десяти лет (Сташенков, 2003).

По результатам раскопок выяснилось, что на первом этапе заселения памятника здесь функционировали кратковременные охотничьи стоянки, от которых остались скопления каменных орудий и отходов их производства. В раскопе 6 (2002 г.) были изучены три частично разрушенных погребения. В первом, наиболее сохранившемся погребении было найдено ожерелье из клыков куницы и резца лоса, а в двух других погребениях инвентарь отсутствовал (Сташенков, 2003, с. 10–12). Культурный слой поселения каменного века оказался перемешанным со слоем поселения раннего Средневековья. Единичные отщепы и фрагменты пластин, аналогичные по кремневому сырью и морфологии находкам из слоя поселения, фиксировались в заполнениях могильных ям (Кузнецова и др., 2004). По результатам палеоботанического изучения, для времени совершения погребений реконструированы сравнительно теплые климатические условия и лесостепные ландшафты, кроме того, были получены калиброванные радиоуглеродные даты погребения 1 – 11550 и 11175±75 календарных лет назад (Кузнецова, Пономаренко, 2003, с. 18). Следует отметить, что недавно исследователи, вновь обратившись к материалам поликультурного могильника на горе Маяк, пересмотрели хронологическое определение двух безынвентарных погребений из раскопа 1 (1995 г.). AMS-датирование одного из этих погребений с учетом калибровки и резервуарного эффекта, давшее результат, – 11170–11310 календарных лет назад, позволило отнести захоронение к самому началу мезолита (Васильев, Боруцкая, Сташенков и др., 2021). Таким образом, могильник Гора Маяк у с. Сиделькино является древнейшим погребальным памятником в Среднем Поволжье (Сташенков, 2003, с. 10).

Вопрос о возрасте древнейшей части поселения каменного века Гора Маяк остается открытым ввиду отсутствия четких данных о стратиграфическом соотношении культурного слоя стоянки с древнейшими погребения-

ми (Кузнецова, Пономаренко, 2003). Однако значительное сходство со стоянкой Шолма I в геоморфологических условиях, определенные аналогии в каменной индустрии и типологическом составе инвентаря, а также находка мелкой трапеции с прямыми ретушированными сторонами (Галимова, Сташенков, Кочкина, 2020) позволяют предполагать близкий возраст поселения и погребений на горе Маяк. Поселение, вполне возможно, тоже функционировало на рубеже финального палеолита и раннего мезолита в относительно благоприятных лесостепных условиях, как и стоянка Шолма I.

Таким образом, обзор полуторавековой истории поисков и открытий палеолитических памятников в Казанском Поволжье и близлежащих районах показывает следующее. Достоверных данных о заселении этой территории в нижнем палеолите и в последующую эпоху мустье пока не получено. Единичные местонахождения правобережья Волги (Красная Глинка, Тетюшская находка бифаса) не имеют надежных свидетельств археологического возраста в рамках среднего палеолита (мустье). Однако в свете стратифицированного и датированного местонахождения Беганчик (около 47000 калиброванных лет назад) местонахождение Красная Глинка, вполне возможно, было оставлено древними людьми, проживавшими в Казанском Поволжье в переходный период от мустье к верхнему палеолиту. Стратифицированные палеолитические местонахождения, обнаруженные в последние годы в устье р. Актай, открывают возможности обнаружения и комплексного исследования памятников, значительно более древних, чем стоянки поздней поры палеолита и рубежа палеолита и мезолита, изученные к настоящему времени в Казанском Поволжье и на прилегающей территории Среднего Поволжья.

Памятники поздней поры верхнего палеолита в правобережье Волги (Лобач II и нижние слои стоянок Камское Устье II и Долгая Поляна II) не отличаются присутствием в своем инвентаре достаточно представительных «культуроопределяющих» типов кремневых орудий. Это не позволяет делать какие-либо определенные выводы о генезисе материальной культуры населения, оставившего эти стоянки. Можно лишь рассуждать о сходстве самого общего порядка между ними

и другими позднепалеолитическими памятниками Среднего Поволжья (Постников Овраг в Самаре, Юнга-Кушерга в Горно-Марийском районе) и Урала (стоянка Галицкого).

Стоянки-мастерские финального палеолита усть-камской культуры и уникальная стоянка охотников на лошадях Шолма I в Чувашском Предволжье сходны в основных традициях расщепления кремня и приемах изготовления орудий. Не исключено, что дальнейшая историческая судьба охотников на лошадях стоянки Шолма I могла быть связана с носителями усть-камской археологической культуры, т. к. основные технико-типологические характеристики каменной индустрии Шолмы, в том числе и небольшие трапеции с прямыми сторонами, присущи инвентарю стоянки Сюкеевский Взвоз раннего этапа усть-камской культуры. Однако отсутствие радиоуглеродных дат для стоянок финального палеолита – раннего мезолита устья Камы делает любые культурно-хронологические построения по поводу усть-камской культуры предположительными.

На сегодняшний день вопрос о юго-западном, восточном либо юго-восточном истоке появления в финальном палеолите Казанского Поволжья охотников с характерным набором вкладышевого оружия не может быть решен со всей определенностью. Датированным памятником с выразительным набором трапеций является лишь стоянка Шолма I. Основные формы трапеций из Шолмы указывают на связи населения финальнопалеолитического населения северо-востока Приволжской возвышенности и долины Северского Донца.

В целом вопрос о происхождении охотничьих коллективов с пазовым метательным оружием и характерными вкладышами-трапециями в инвентаре, которые проживали на Средней Волге в финальном палеолите, остается открытым, хотя исследователями был высказан целый ряд гипотез, зачастую противоположных. Новое направление в решение данного вопроса открылось в последнее время в связи с углубленным изучением каменного инвентаря поселения Гора Маяк, сопряженного с одноименным могильником переходного от палеолита к мезолиту возраста.

Поиски новых стратифицированных палеолитических памятников в Казанском Поволжье, несомненно, представляют собой насущную исследовательскую задачу.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Разведки палеолита на Средней Волге в 1954 году // Краеведческие записки. Вып. 2 / Ред. М.Х. Валкин. Ульяновск: Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова, 1958. С. 349–357.

Алексеев В.П. Избранное: в 5 т. Т. 2: Антропогеография. М.: Наука, 2007. 551 с.

Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. 110 с.

Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. (Доклад, прочитанный на заседании Сектора первобытной археологии ИИМК 4/II1950 г.) // КСИИМК. Вып. XXXIX. М.: АН СССР, 1951. С. 89–95.

Бадер О.Н. Позднечетвертичные палеоантропологические находки в Среднем и Нижнем Поволжье // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. 18. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 51–63.

Бадер О.Н. Ранний палеолит Урала и Поволжья // Ученые записки Пермского университета. Т. VII. Вып. 2. 1955. С. 171–192.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисьяметдинова А.А., Чурбанов А.А. Промежуточные итоги комплексного исследования стоянки Шолма I // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию доктора исторических наук Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 251–308.

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 8–261.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Возраст и природное окружение стоянки охотников на лошадей Шолма I в правобережье Волги в Чувашии // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 32–41.

Бутаков Г.П., Галимова М.Ш., Мозжерин В.И. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1988. С. 4–19.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Кузьмин Я.В., Боуден М. Археолого-антропологический анализ новых материалов из могильника Маяк // Поволжская археология. 2021. № 3(37). С. 22–31.

Верещагин Н.К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Материалы по фауне антропогена СССР / Ред. Н. К. Верещагин. Л.: Наука, 1971. С. 200–232.

Вискалин А.В. Об этнокультурных процессах на Средней Волге и в Прикамье в мезолите – неолите // РА. 2011. № 3. С. 25–32.

Вискалин А.В., Ефимов В.М. Чаша из черепа *Vos primigenius* и другие находки плейстоценовой эпохи из окрестностей с. Ундоры в Ульяновском Поволжье // РА. 2011. № 4. С. 146–149.

Галимова М.Ш. Итоги исследования двух мезолитических памятников в устье Камы // Проблемы археологии Среднего Поволжья / Сост. С.И. Валиулина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 4–14.

Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском взвозе в 1989–1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. С. 5–16.

Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.-Казань: Янус-К, 2001. 272 с.

Галимова М.Ш., Березина Н.С., Березин А.Ю. Стоянка финального палеолита Беганчик в устье Камы (результаты исследований 2013 года) // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 8–29.

Галимова М.Ш., Березин А.Ю., Березина Н.С., Михайлов Е.П. Стоянка каменного века и палеонтологическое местонахождение у поселка Коминтерн (в районе слияния Камы с Волгой): результаты исследования 2020 года // Археология Евразийских степей. 2020. № 1. С. 262–279.

Галимова М.Ш., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Предварительные результаты функционального анализа каменного инвентаря стоянки Гора Маяк в Среднем Поволжье // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 317–322.

Галимова М.Ш., Шаландина В.Т. Верхнепалеолитическая стоянка Лобач 2 и ее природная среда // Проблемы древней и средневековой истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 1999. С. 46–55.

Головкинский Н.А. О послетретичных образованиях по р. Волге в ее среднем течении // Ученые записки Казанского университета за 1865 г. Казань, 1865. С. 451–542.

Збруева А.В. Из работ Куйбышевской экспедиции // КСИА. Т. X. М., 1941. С. 108–112.

Истомин К.Э., Казаков Е.П. Стоянка эпохи камня у с. Измери // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Тез.докл. III региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья» / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород, 1992. С. 102–105.

Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань: Фолиантъ, 2011. 179 с.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1962 гг. (Экспедиции на территории Татарской АССР) / Труды Казан. филиала АН СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.

Каталог археологических коллекций. Вып. I. Палеолит, мезолит, неолит, эпоха бронзы / Сост. А.М. Ефимова. Науч. ред. А.П. Смирнов. Казань: Государственный музей Татарской АССР, 1975. 136 с.

Косменко М.Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3. С. 3–17.

Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149. М.: Наука, 1977. С. 94–100.

Кузнецова Л.В. Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1985. 22 с.

Кузнецова Л.В. Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. С. 5–80.

Кузнецова Л.В., Ластовский А.А., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье // РА. 2004. № 1. С. 126–139.

Кузнецова Л.В., Пономаренко Е.В. О времени существования могильника «Гора Маяк» // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИМК им. П.В. Алабина и Международной конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 2003. С. 15–24.

Мирчинк Г.Ф. Волжская экспедиция для изучения отложений четвертичного периода // Вестник Академии Наук СССР. № 3. М., 1932. С. 39–42.

Николаев Н.И. О возрасте четвертичной волжской фауны млекопитающих // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический. 1937. Т. 15. Вып. 6. С???

Ососков П.А. Предварительное сообщение об открытии кладбища костей послетретичных млекопитающих в береговом гравии на левом берегу Волги между г. Сенгилеем и с. Новодевичьим // Приложение к протоколам Императорского Московского общества испытателей природы. М: типография товарищества И.Н. Кушнерова и К, 1914. 12 с.

Павлов А.П. Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 343 с.

Паничкина М.З. Разведки палеолита на Средней Волге // СА. Т. XVIII. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 233–264.

Паничкина М.З. О работах по изучению палеолита на Волге // КСИИМК. Вып. L. М.: Изд-во АН СССР, 1953а. С. 15–19.

Поляков И.С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию // Приложение к XXXVII тому Записок Академии Наук. № 1. СПб., 1880. С. 1–81.

Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Введение // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 7–9.

Сташенков Д.А. Комплекс памятников у с. Сиделькино // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИМК им. П.В. Алабина и Международной конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 2003. С. 8–14.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.

Cordova C.E., Vyazov L.A., Blinnikov M.S., Ponomarenko E.V., Ponomarenko D.S., Sitdikov A.G., Salova Yu.A. Stratigraphy and palaeolithic landscapes of the Beganchik site at the Kama–Volga confluence // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 8–21.

Павлов А.П. Ископаемый человек эпохи мамонта в восточной России и ископаемые люди Западной Европы // Труды Антропологического института. Вып. 1. / Ред. В. В. Бунак. М., 1925. С. 5–36.

Информация об авторе:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

REFERENCES

- Abramova, Z. A. 1958. In Valkin, M. Kh. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 2. Ul'yanovsk: Ul'yanovsk Regional Museum of Local Lore, 349–357 (in Russian).
- Alekseev, V. P. 2007. *Izbrannoe v piati tomakh 2. Antropogeografiia (Selected Works: In 5 Volumes. Volume 2: Anthropogeography)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. (ed.). 1981. *Arkheologicheskaiia karta Tatarskoi ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Volga River Area)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Starostin, P.N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoy ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Bader, O. N. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXIX. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 89–95 (in Russian).
- Bader, O. N. 1953. In *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary)* 18. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 51–63 (in Russian).
- Bader, O. N. 1955. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (Scientific Bulletin of the Perm State University)*. VII. (2). Perm: Perm State University, 171–192 (in Russian).
- Berezina, N.S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh., Khisiametdinova, A. A., Churbanov, A. A. 2009. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 251–308 (in Russian).
- Berezina, N.S. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 1, 8–261 (in Russian).
- Berezina, N.S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh. 2021. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* (3), 32–41 (in Russian).
- Butakov, G. G., Galimova, M. Sh., Mozzherin, V. I. 1988. In Starostin, P. N. (ed.). *Pamiatniki pervobytnoi epokhi v Volgo-Kam'e (Sites of the Primeval Period in the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History of Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 4–19 (in Russian).
- Vasilyev, S. V., Borutskaya, S. B., Stashenkov, D. A., Kochkina, A.F., Kuzmin, Ya. V., Bowden M 2021. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 3(37), 22–31 (in Russian).
- Vereshchagin, N. K. 1971. In Vereshchagin, N. K. (ed.). *Materialy po faunam antropogena SSSR (Materials on Faunas of the USSR Anthropogene)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 200–232 (in Russian).
- Viskalin, A. V. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 25–32 (in Russian).
- Viskalin, A. V., Eframov, V. M. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 146–149 (in Russian).
- Galimova, M. Sh. 1991. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Problemy arkheologii Srednego Povolzh'ia (Archaeological Issues of the Middle Volga Area)*. Kazan: Kazan State University, 4–14 (in Russian).
- Galimova, M. Sh. 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 5–16 (in Russian).
- Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki Pozdnego Paleolita i Mezolita v Ust'e Reki Kamy (Late Palaeolithic and Mesolithic Sites in the Mouth of the Kama River)*. Moscow–Kazan: "Yanus–K" Publ. (in Russian).
- Galimova, M. Sh., Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2018. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* (3), 8–29 (in Russian).
- Galimova, M. Sh., Berezin, A. Yu., Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. 2020. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (1). 262–279 (in Russian).
- Galimova, M. Sh., Stashenkov, D. A., Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. 2020. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (3). 317–322 (in Russian).
- Galimova, M. Sh., Shalandina, V. T. 1999. In Starostin, P. N. (ed.). *Problemy drevnei i srednevekovoi istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient and Medieval History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 46–55 (in Russian).

Golovkinskii, N. A. 1895. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta za 1865 g. (Scientific Bulletin of the Kazan University of 1865)*. Kazan, 451–542 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1941. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief reports of the Institute of Archeology)* (10), 108–112.

Istomin, K. E., Kazakov, E. P. 1992. In Vasil'ev, F. V. (ed.). *Pamiatniki istorii i kul'tury Verkhnego Povolzh'ia (Monuments of History and Culture of the Upper Volga Region)*. Nizhny Novgorod, 102–105 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area)*. Series Arkheologia Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 1 Kazan: Foliant Publ. (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In *Itogi arkheologicheskikh rabota za 1945–1962 gg. (Ekspedicii na territorii Tatarskoi ASSR) (Results of Archaeological Activities for 1945–1962 (Expeditions in the Territory of the Tatar ASSR))*. Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Serii istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series). Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).

Efimova, A. M. (comp.). 1975. *Katalog arkheologicheskikh kolleksii. Vyp. I. Paleolit, mezolit, neolit, epokha bronzy. (Catalogue of Archaeological Collections Issue 1. Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, Bronze Age)*. Kazan (in Russian).

Kosmenko, M. G. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 3–17 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 1977. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief reports of the Institute of Archeology)* (149), 94–100 (in Russian).

Kuznetsova, L. V. 1985. *Paleolit Srednego i Nizhnego Povolzh'ia (Paleolithic of the Middle and Lower Volga Regions)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Leningrad (in Russian).

Kuznetsova, L. V. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dni. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 5–80 (in Russian).

Kuznetsova, L. V., Lastovitaky, A. A., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 126–139 (in Russian).

Kuznetsova, L. V., Ponomarenko, E. V. 2003. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kontaktnye zony Evrazii na rubezhe epoch (Contact Areas of Eurasia at the Turn of Epochs)*. Samara: Regional Museum of Local Lore, 15–24 (in Russian).

Mirchink, G. F. 1932. In *Vestnik Akademii Nauk SSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR)* 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 39–42 (in Russian).

Nikolaev, N. I. 1937. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologicheskii (Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Biological series)* 15 (6). (in Russian).

Ososkov, P. A. 1914. *Predvaritel'noe soobshhenie ob otkrytii kladbishha kostey posletretichnykh mlekopitayushchikh v beregovom gravii na levom beregu Volgi mezdu g. Sengileem i s. Novodevich'im (Preliminary Report on the Discovery of a Burial of Post-Tertiary Mammal Bones in the Debris of the Left Volga Riverbank between the Town Sengiley and Novodevichy Village)*. Prilozhenie k protokolam Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody (Appendix to Protocols of the Moscow Society of Naturalists). M: "Tipografiya tovarishhestva I.N. Kushnereva i K" (in Russian).

Pavlov, A. P. 1925. In Bunak, V. V. (ed.). *Trudy Antropologicheskogo instituta (Proceedings of the Anthropological Institute)*. Vol. 1. Moscow, 5–36 (in Russian).

Pavlov, A. P. 1936. *Geologicheskaiia istoriia evropeiskikh zemel' i morei v sviazi s istoriei iskopaemogo cheloveka (Geological History of European Lands and Seas in Connection with the History of the Fossil Man)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Panichkina, M. Z. 1953. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaya Arkheologia (Soviet Archaeology)* XVIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 232–264 (in Russian).

Panichkina, M. Z. 1953. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 50. Moscow: Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 15–19 (in Russian).

Polyakov, I. S. 1880. *Antropologicheskaya poezdka v Tsentral'nyu i Vostochnuyu Rossiyu (Anthropologic Journey to Central and Eastern Russia) Prilozhenie k Tomu XXXVII Zapisok Imperatorskoy Akademii Nauk (Appendix to Volume 37 of the Notes of the Imperial Academy of Sciences)* 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Smirnov, A. P., Merpert, N. Ya. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po

arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–9. (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2003. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kontaktnye zony Evrazii na rubezhe epoch (Contact Areas of Eurasia at the Turn of Epochs)*. Samara: Regional Museum of Local Lore, 8–14 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Cordova С.Е., Vyazov L.A., Blinnikov M.S., Ponomarenko E.V., Ponomarenko D.S., Sitdikov A.G., Salova Yu.A. 2021. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 37 (3), 8–21 (in Russian).

About the Author:

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.121.135>

ЗОЛОТЫЕ ВИСОЧНЫЕ ПРИВЕСКИ С АЖУРНОЙ БУСИНОЙ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ДВУМЯ КУРГАННЫМИ МОГИЛЬНИКАМИ ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ (ЛЬВОВСКИЙ ПЕРВЫЙ-2; ПАЛАСА-СЫРТ)

© 2022 г. Л.Б. Гмыря

Впервые в историографии для решения проблемных вопросов этнокультурных процессов Восточного Предкавказья в эпоху Великого переселения народов привлечены данные двух пар уникальных художественных изделий – золотых височных привесок с напускной бусиной ажурной формы. Особенность данных изделий обусловлена рядом факторов: 1) нахождение в составе инвентаря курганных могильников Восточного Предкавказья разных регионов: Львовский Первый-2 на р. Сулак и Паласа-сырт на р. Рубас; 2) однотипность конструкции и идентичность технологии изготовления; 3) отсутствие аналогий. Проблемные вопросы связаны с наличием на изделиях разных могильников одинаковых по содержанию реставрационных работ и особенностью комплектов, включающих как целый экземпляр привесок, так и усеченный вариант, подвергшийся реконструкции. Цель исследования состоит в определении состава реставрационных работ и значимости их признаков для установления связи между населением двух регионов. Конструкция и технологические приемы изготовления височных привесок свидетельствуют о полной идентичности и высоком уровне мастерства исполнителя. Анализ реставрационных работ, напротив, выявил низкое качество исполнения. Полная идентичность двух пар золотых височных привесок со следами однотипных реставрационных работ свидетельствует об одновременности обитания населения в сулакской и рубасской зонах Восточного Предкавказья и несостоятельности существующих версий о массовом или частичном переселении племен, обитавших в низовьях р. Сулак (Северный Дагестан), в район низовий р. Рубас (Южный Дагестан) в конце IV – первой половине V в.

Ключевые слова: археология, Восточное Предкавказье, курганные могильники Паласа-сырт и Львовский Первый-2, IV–V вв., золотые височные привески с напускной ажурной бусиной.

GOLD TEMPORAL PENDANTS WITH OPENWORK BEADS AS A LINK BETWEEN TWO MOUND BURIAL GROUNDS OF EAST CISCAUCASIA (LVOVSKY PERVYI-2; PALASA-SYRT)

L.B. Gmyrya

For the first time in historiography, the author involves into scientific discourse data on two pairs of unique art products – gold temporal pendants with beads of an openwork shape in order to address the problematic issues of ethnic-cultural processes in East Ciscaucasia in the era of the Great Peoples' Migration. The peculiarity of these items is due to a number of factors: 1) their presence in the grave goods of the burial mounds of East Ciscaucasia of different regions: Lvovsky Pervyi-2 on the river Sulak and Palasa-Syrt on the river Rubas; 2) uniformity of design and identity of manufacturing technology; 3) lack of any analogues. The problematic issues concern the presence on the items of two different burial grounds of the same restoration work in terms of content and the peculiarity of sets, which include both a whole copy of pendants and a truncated version that has undergone restoration. The aim of the study is to identify the content of the restoration works and the significance of their features in order to establish links between the population of two regions. The design and technological methods of producing temporal pendants testify to the complete identity and high level of mastery of the craftsman. An analysis of the restoration work, on the other hand, has revealed a low quality of workmanship. The complete identity of two pairs of gold temporal pendants with traces of the same type of restoration work testifies to the fact that the population of the Sulak and Rubas regions of East Ciscaucasia lived there at the same time, and to the inconsistency of existing versions of the mass or partial resettlement of tribes that lived in the lower reaches of the river Sulak (Northern Dagestan), in the lower reaches of the river Rubas (Southern Dagestan) at the end of the 4th – first half of the 5th century.

Keywords: archaeology, East Ciscaucasia, burial mounds Palasa-Syrt and Lvovsky Pervyi-2, IV–V centuries, gold temporal pendants with openwork beads.

В статье рассматриваются две пары золотых височных привесок кольцевидной формы с напускной ажурной бусиной, происходящие из погребений курганных могильников Восточного Предкавказья. В этих изящных, высокохудожественных предметах инвентаря волею обстоятельств оказалась сосредоточена разнохарактерная информация, анализ которой позволил реконструировать масштабные процессы этнокультурного развития Восточнокавказского региона в эпоху Великого переселения народов.

Сложность ситуации состоит в уникальности этих изделий. Одна пара височных привесок обнаружена в погребении могильника Львовский Первый – 2 на р. Сулак (Северный Дагестан), вторая – в погребении могильника Паласа-сырт на р. Рубас (Южный Дагестан). Внешние аналогии данным изделиям не установлены. Конструкция напускных бусин так же не имеет аналогий. Она нигде не встречается ни в качестве напускных бусин височных привесок, не в виде самостоятельных элементов в ожерельях или в других формах женских украшений.

Шаровидная форма напускных бусин сформирована проволочными деталями восьмеркообразной формы, искусно соединенных между собой. Восьмеркообразные детали закреплены на тонких золотых пластинах округлой формы.

Необычность ситуации состоит в том, что в инвентаре погребений обоих могильников находился как целый экземпляр височной привески, так и экземпляр подвергшийся реконструкции. В нем были удалены золотые круглые пластины, на которых закреплялись проволочные фигуры.

Детальный анализ реконструированных экземпляров височных привесок показал, что наибольший объем реставрационных работ был проведен на височной привеске из погребения Паласа-сыртского курганного могильника. Практически полностью была изменена конструкция этого изделия.

Цель исследования состояла в детальном анализе конструкций обеих пар височных привесок для выяснения причин синхронного изменения формы изделия как в экземпляре из Паласа-сырта, так и в экземпляре из Львовского Первого-2.

Анализ технологических приемов реконструкции данных изделий показал, что все манипуляции были проведены в одном центре – Паласа-сыртском союзе племен на р. Рубас. Вторая пара попала в северный район Восточ-

ного Предкавказья (р. Сулак) в измененной форме (целая височная привеска и привеска со следами реконструкции бусины).

Нахождение 2-х пар однотипных височных привесок с идентичными признаками реконструкции в инвентаре могильников разных регионов (р. Сулак, р. Рубас) свидетельствует о синхронности функционирования обоих союзов племен и наличии тесных контактов между ними.

Версия М.П. Абрамовой о переселении племен, обитавших в низовьях р. Сулак, в район низовий р. Рубас в конце IV – первой половине V в. (Абрамова и др., 2000; Абрамова, 2007) таким образом не находит подтверждения, как и утверждение о полной преемственности культур Паласа-сырта от традиций Сулакских курганов.

Реанимация версий М.П. Абрамовой в передаче В.Ю. Малашева (Малашев и др. 2015) также ничего не решает. Характер реставрационных работ, проведенный на ажурных бусинах золотых височных привесок, демонстрирует как несомненную связь 2-х союзов племен, так и синхронность их функционирования.

Первая пара украшений, определяемая нами как височные привески с напускной ажурной бусиной, была обнаружена в инвентаре подкурганного захоронения могильника Львовский Первый-2, расположенного в низовьях р. Сулак в Северном Дагестане, в 1986 г. (рис. 3:1–2; 4:1–2).

Вторая пара украшений, идентичная первой по стилистике, была выявлена также в подкурганном захоронении, но могильника Паласа-сырт, расположенного в низовьях р. Рубас в Южном Дагестане, в 2006 г., т.е. через 20 лет после первой находки (рис. 1:1–2; 2:1–2). Расстояние между могильниками составляет 186 км.

На могильнике Львовский Первый-2 в процессе охранных раскопок 1986 и 1988 гг. было исследовано 84 подкурганых захоронений, произведенных в подбоях, катакомбах с перпендикулярным и параллельным расположением погребальных камер относительно входных ям, а также в узких и широких ямах (раскопки Г.Г. Пярых). Материалы раскопок этого могильника были подготовлены к изданию М.П. Абрамовой, которая установила его хронологию в рамках III–IV вв. (Абрамова и др., 2000, с. 1–140).

Паласа-сыртский курганный могильник, расположенный в 20 км к ЮЗ от г. Дербента, к настоящему времени включает ок. 2000

курганных насыпей, занимающих одноименную возвышенность по обоим берегам р. Рубас. Раскопки этого могильника (190 к.) проводились разными исследователями (Н.О. Цилосани, В.Г. Котович, Л.Б. Гмыря, Л.С. Ильюков, В.Ю. Малашев, Ю.К. Гугуев¹). В период 1981–1986; 2006–2017 гг. автором данной статьи исследовано 140 погребений, которые произведены в разнотипных сооружениях: катакомбы с перпендикулярным и параллельным расположением камеры относительно входной ямы, одноосевые катакомбы, подбой и узкие ямы (Гмыря, 1993, с. 44–119, 157–166; 2013, с. 110–162). Хронология могильника: конец IV – первая половина V в. (Гмыря, 1993, с. 265–266).

Данные о предмете исследования. Золотые украшения могильника Львовский Первый-2, которые М.П. Абрамова обозначила как «серьги», входили в состав инвентаря женщины, захороненной в катакомбе с параллельным расположением входной ямы и камеры под к. 12 (Абрамова и др., 2000, рис. 10:2). От погребенной сохранились остатки черепа и кости ног без ступней. Она находилась в вытянутом положении, головой к ЮЮВ. Погребальная камера расположена глубже дна входной ямы на 0,38 м (Абрамова и др., 2000, рис. 10:13).

В публикации возраст погребенной женщины не отмечен. Но судя по плану погребального сооружения, рост погребенной составлял ок. 1,3 м. Видимо, в могиле находились останки девочки подросткового возраста.

М.П. Абрамовой приведены краткие данные о местоположении инвентаря в камере: «У южной торцевой стенки, за черепом, находились три сосуда и половинка каменного шара; на черепе и под ним – по золотой серьге; в районе черепа, левой кисти и таза – скопление бус; в районе таза – обломки бронзового сферического (?) украшения» (Абрамова и др., 2000, с. 10). А также предоставлены подробные данные о форме сосудов, технологии их выделки, деталях орнаментации и параметрах.

Информация о золотых украшениях – весьма лаконична. В ней отсутствуют данные о параметрах этих изделий: «Серьги имеют вид проволочных колец с насаженными на них полыми сферами, поверхность которых покрыта спаянными между собой восьмерками, сделанными из свитой в спираль тонкой золотой проволоки. Образованные спиралями глазки запаяны тонкой золотой фольгой. В одной серьге фольга не сохранилась» (Абра-

мова и др., 2000, с. 10, рис. 10:2). В представленном в публикации графическом рисунке двух изделий детали конструкции насаженных полых бусин четко не прописаны.

Золотые изделия кольцевидной формы с насаженной ажурной бусиной Паласа-сыртского могильника находились в составе инвентаря погребенной девочки 15–18 лет (рост 1,3 м), захороненной в катакомбе с перпендикулярным расположением погребальной камеры относительно входной ямы под к. 91. Вход в камеру был перекрыт каменной плитой (Магомедов Р.Г. и др., 2006, с. 138–139, рис. 1–2; Гмыря, 2013, рис. 8–9). Курган 91 входил в состав крупного участка могильника, расположенного по левобережью р. Рубас.

Костные останки погребенной находились в анатомическом порядке. Поза погребенной была вытянутая в положении на спине головой к ЮЗЗ. Череп не имел деформации. Пол камеры был обильно посыпан мелом, погребенная находилась на растительной подстилке, от которой сохранился тлен сиреневого цвета.

Инвентарь погребенной был разнообразным и включал уникальные изделия: 1) красноангобированный кувшинчик (высота 13 см); 2) золотое изделие кольцевидной формы с насаженной филигранной бусиной шаровидной формы, составленной из 4-х проволочных деталей восьмеркообразной формы; внутренние отверстия в деталях запаяны золотыми пластинками округлой формы (находилось у левой височной кости); 3) золотое изделие кольцевидной формы с насаженной филигранной бусиной шаровидной формы, аналогичной конструкции, но внутренние отверстия в деталях не имеют золотых пластинок; изделие со следами глубокой реставрации (находилось к правой височной кости); 4) массивная бронзовая шейная гривна из гладкого стержня с утолщением в средней части; застежка оформлена в виде округлой пластины с отверстием в центре на одном конце и кнопки в виде крючка на другом; кончик крючка утрачен; шейная гривна не была застегнута; 5) золотая подвеска-брошь со вставкой из камня красного цвета (сердолик –?). Рамка подвески филигранная, на обороте припаяна тонкая пластина, на ней напаяна маленькая золотая пластина (следы реставрации). На оборотной стороне броши имеются две петельки. Сквозь филигранную рамку пробито сквозное узкое отверстие; 6) крупная лучковая железная фибула (длина 5 см) с подвязным приемником, сильно окисленная; сохранился отпечаток

ткани полотняного переплетения; 7) скопление бисера синего цвета (62 экз.), раковин каури (2 экз.) и гешировой бусины кубической формы (находились у левой тазовой кости); 8) скопление бисера синего и зеленого цвета (23 экз.), пастовой бусины зеленого цвета шестигранной формы и мелких коралловых бусин трубчатой формы (5 экз.) (находились под черепом погребенной); 9) пастовые бусины шаровидной формы (2 экз.) (находились у правой височной кости, рядом с золотой височной привеской); 10) подвеска серебряная круглой формы с четырьмя петельками на рамке; внутреннее пространство оформлено в виде ажурной фигуры крестообразной формы, покрытой эмалью (Магомедов Р.Г. и др., 2006, с. 138–139, рис. 2:1–36; Гмыря, 2013, с. 117, рис 9:1–36; рис. 32:1Б, 3–4).

Функциональное назначение золотых изделий кольцевидной формы с напускной ажурной бусиной. Золотые изделия кольцевидной формы с напускной бусиной филигранной конструкции из к. 91 Паласа-сыртского могильника в информационной публикации были обозначены нами по аналогии с образцами из погребения к. 12 могильника Львовский Первый-2 серьгами (Магомедов Р.Г. и др., 2006, с. 138). Однако местоположение золотых изделий с шаровидной бусиной у височных костей погребенной дает основание отнести их типологически к височным привескам, а не серьгам.

Скопление бисера и мелких бусин (31 экз.) под черепом погребенной может интерпретироваться как наличие в костюме погребенной головного убора, расшитого бисером и бусами. Видимо, привески прикреплялись к головному убору у височных костей.

М.П. Абрамова отнесла золотые изделия с напускной бусиной шаровидной формы из погребения к. 12 могильника Львовский Первый-2 к разряду серег: «В погребении кургана 12 найдены две массивные золотые серьги в виде проволочных колец с насаженными на них полыми бусинами, поверхность которых была украшена восьмеркообразными фигурами, составленными при помощи напаянной проволоки; образовавшиеся таким образом глазки имели вставки из золотой фольги» (Абрамова и др., 2000, с. 65).

Учитывая факт, что золотые изделия были обнаружены на черепе погребенной и под ним, они являлись не серьгами, а височными привесками.

В пользу данной интерпретации свидетельствует и скопление части бус в районе черепа,

аналогично паласа-сыртскому погребению, что свидетельствует о наличии головного убора у погребенной, расшитого бусинами, к которому прикреплялись височные привески. Часть бус находилась у кисти левой руки и на тазовых костях, что аналогично паласа-сыртскому погребению.

Аналогии золотых изделий кольцевидной формы с напускной ажурной бусиной. Полная аналогия, исходя из особенностей конструкции этих изделий, для паласа-сыртского образца находится в материалах погребения к. 12 могильника Львовский Первый-2 (Абрамова и др., 2000, рис. 10:2; Абрамова, 2007, рис. 42:1–2). Изделия обоих могильников выполнены из одинаковых материалов (золото); по идентичной технологии, обеспечившей своеобразную конструкцию; оба изделия имеют одинаковый показатель реставрационных работ.

М.П. Абрамова, отмечая особенность конструкции золотых привесок из погребения к. 12 могильника Львовский Первый-2 (наличие восьмеркообразных фигур из напаянной проволоки, вставки из золотой фольги) указывала аналогию им в материалах Паласа-сыртского курганного могильника из раскопок 1953 г. В.Г. Котовича (Абрамова и др., 2000, с. 65). Однако напускная бусина височной привески из раскопок В.Г. Котовича имеет совершенно иную конструкцию – многоугольник с ромбическими деталями и прорезями в них также ромбической формы (Котович, 1959, с. 151, табл. XIII:24).

Аналогий паласа-сыртской и сулакской парам в материалах других памятников нет (Мастыкова, 2009, с. 72–74, рис. 71–72; Bierbrauer, 1975, s. 162–169; Legoux, Périn, Vallet, 2004, p. 38, 54).

Сравнительный анализ погребального обряда захоронений с золотыми височными привесками с напускной ажурной бусиной. Общими чертами погребального обряда 2-х погребений являются наличие подкурганых захоронений; использование в качестве погребального сооружения катакомбы; вытянутое на спине положение захороненных. Различиями в погребальном обряде 2-х погребений являются использование разных типов катакомб – Т-образной (Паласа-сырт); параллельной (Львовский Первый-2); разная ориентировка погребенных – головой к ЮЗЗ (Паласа-сырт); головой к ЮВВ (Львовский Первый-2); отсутствие подстилки и подсыпки мелом в камере к. 12 (Львовский Первый-2) и наличие данной черты обряда в камере к.

91 (Паласа-сырт). Существенным различием является отсутствие каменных закладов в погребальные камеры могильника Львовский Первый-2.

Сравнительный анализ инвентаря погребений с золотыми височными привесками (Львовский Первый-2 – Паласа-сырт). *Общее в составе погребального инвентаря 2-х могильников:* 1) наличие керамики; 2) золотых височных привесок одного типа; 3) бусин в головном уборе; 4) возможно, сумочки с бусами. *Различия в составе погребального инвентаря 2-х могильников:* 1) разные типы сосудов – кувшин (Паласа-сырт), кухонный горшок, кубышка (Львовский Первый-2); 2) разная технология выделки сосудов – красноглиняная с покрытием красным ангобом (Паласа-сырт), сероглиняная с заглаживанием поверхности кухонного горшка и лощением кубышки (Львовский Первый-2); 3) наличие шейного украшения (Паласа-сырт) и его отсутствие (Львовский Первый-2); 4) наличие украшений одежды – золотая брошь-подвеска; серебряная подвеска с эмалью (Паласа-сырт) и их отсутствие (Львовский Первый-2); 5) наличие застежки – фибула (Паласа-сырт) и отсутствие ее (Львовский Первый-2).

Хронология могильников Паласа-сырт и Львовский Первый-2. Анализ материалов Паласа-сыртского могильника, основанный на данных раскопок 61 погребения, проведенных в 1981–1986 гг., дал возможность впервые установить реальную дату его функционирования как IV–V вв., т.е. отнести ко времени Великого переселения народов (Гмыря, 1993, с. 265–266). Даты предшественников не отличались четким обоснованием (Котович, 1959, с. 154).

Исследование одноименного поселения IV–VI вв. в 1985–1987 гг., расположенного на правом берегу р. Рубас, подтвердило хронологию Паласа-сыртского могильника. В слоях IV–V вв. преобладала идентичная по технологии керамика – кувшины с красным ангобом и датоопределяющий инвентарь – двусторонняя форма для отливки зеркал с центральной петлей и др. (Гмыря, 1990, с. 254–259; 2005, с. 147–165; История татар..., 2002, рис. 6:1–19, 22–25). Анализ материалов могильника свидетельствует об относительной длительности пребывания носителей культуры подкурганых захоронений в этом регионе (не менее 100 лет), стационарном образе жизни (наличие поселения) и высоком уровне развития ремесла, земледелия, рыболовства и др. Было установлено также, что существовал четкий

регламент включения в состав погребального инвентаря определенных типов керамических сосудов – кувшины, кухонные горшки, кубышки. В керамическом комплексе Паласа-сыртского поселения зафиксировано наличие 5-и типов мисок, различающихся конфигурацией бортиков, но в могильных материалах мисок нет (Магомедов Ю.А., 2018, с. 147–154; Магомедов Ю.А. и др., 2015, с. 106–136). Это указывает на отсутствие в погребальных традициях населения обычая помещения в могилу животной заупокойной пищи.

М.П. Абрамова, использовавшая в своей монографии материалы Паласа-сыртского могильника из раскопок 1981–1986 гг., отметила, что «...датировка паласа-сыртских погребений не вызывает возражений» (Абрамова, 2007, с. 89). Исследователь сделала вывод, что «Найденный в могилах инвентарь (ссылка на инвентарь кк. 20, 43, 12), с одной стороны, близок в некоторой степени к материалам курганов Сулака..., а с другой – содержит вещи, подтверждающие более позднюю (IV–V вв. н.э.) датировку этого памятника» (Абрамова, 2007, с. 91). Однако схожесть в инвентаре этих могильников наблюдается только в типах зеркал с центральной петлей (Гмыря, 1993, рис. 14:10; 21:13).

Новые материалы Паласа-сыртского могильника (раскопки Л.Б. Гмыри 2009–2016 гг.) 7-и обособленных групп погребений на южном участке (правобережье р. Рубас), включающие 41 курган, не только подтвердили датировку памятника, но и выявили поликультурный характер как населения в целом, так и отдельных социальных (семейных) групп. При разнообразии типов погребальных сооружений – катакомбы Т-образной формы; катакомбы с параллельным расположением камеры и входной ямы; одноосевые катакомбы; подбойные могилы; редко ямы, ориентировка погребенных на могильнике оставалась в основном – в южный сектор (Гмыря, 2013, с. 117–155, рис. 10–31). Это свидетельствует об устоявшемся характере погребального обряда в частности и религиозных верований в общем. С учетом новых данных была выделена ранняя группа погребений, датируемая рубежом IV–V вв., и поздняя, отнесенная к первой половине V в.

В.Ю. Малашев на основе охранных раскопок на Паласа-сыртском могильнике в период 2008–2011 гг. (раскопки Ю.К. Гугуева, Л.С. Ильюкова, В.Ю. Малашева) с включением новых материалов раскопок Л.Б. Гмыри (2006–2014 гг.), предложил свою датировку

могильника: «... группа 1 датируется серединой – второй половиной IV в. н.э., группа 2 – последним десятилетием IV – первой половиной /серединой V в. н.э.» (Малашев и др., 2015, с. 118).

Датировку могильника Львовский Первый-2 в пределах III–IV вв. установила М.П. Абрамова (Абрамова и др., 2000, с. 68). При этом исследователь уточнила, что, возможно, преобладали материалы второй половины III – первой половины IV в. (Абрамова и др., 2000, с. 68; Абрамова, 2007, с. 88).

Малашев В.Ю. расширил границы функционирования этого могильника, в том числе погребения с золотыми височными привесками с напускной бусиной (к. 12), до начала V в. (Малашев и др., 2015, с. 85).

Этнокультурная интерпретация могильника Львовский Первый-2. Этнокультурная принадлежность могильника Львовский Первый-2 установлена М.П. Абрамовой. Система доказательств отличается сложностью, обусловленной представленными автором факторами, многие из которых носят теоретический характер и не учитывают особенностей функционирования сообществ, основанных на незыблемости традиций.

Могильник Львовский Первый-2 определен М.П. Абрамовой принадлежащим позднесарматской культуре как по хронологии (III–IV вв.), так и по признакам погребального обряда (Абрамова и др., 2000. С. 59–60; Абрамова, 2007, с. 83).

По обозначенной автором схеме часть сарматских племен, обитавших в степях Калмыкии, переселилась в южный район – в низовья (левобережье) р. Сулак. По датировке комплексов это произошло в III в. н.э. С сарматами сулакское население автором связывается наличием на могильнике захоронений в подбоях – характерным погребальным сооружением для сармат. В комплексе могильника Львовский Первый-2 выявлено 28 погребений в подбоях (ок. 37% от общей массы).

Но сложность сарматской идентификации могильника Львовский Первый-2 заключается в ряде факторов. Помимо подбойных могил на Сулаке производили захоронения также в катакомбах, причем 2-х типов: с параллельным расположением камеры и входной ямы (19 п.) и с перпендикулярным расположением камеры и входной ямы (19 п.). В общей сложности таких погребений выявлено 28, т.е. столько же, как и подбойных могил. Также 22 могилы составляли ямы – в основном узкие, прямоугольной формы, но есть и широ-

кие ямы. Автор отметила, что катакомбные захоронения не были характерны для сармат Калмыкских степей.

У сармат Калмыкии практиковалась северная ориентировка погребенных в камере. Погребенные на могильнике Львовский Первый-2 захоронены головой к югу, в основном к ЮВ. В среде сарматских племен Калмыкии была распространена традиция прижизненной деформации черепа, придающая ему вытянутую форму. Обычая деформации черепа в материалах могильника Львовский Первый-2 не было выявлено.

М.П. Абрамова привела доводы, которые по ее мнению могут снивелировать столь существенные расхождения в системе погребальной обрядности сармат Калмыкии позднесарматской культуры и населения, оставившего могильник Львовский Первый-2. Автор выдвинула тезис о существенной близости конструкции подбоев и катакомб с параллельным расположением входной ямы и погребальной камеры: «...необычная близость в устройстве подбоев и катакомб типа IV...» (Абрамова и др., 2000, с. 59), тем самым было увеличено общее число захоронений в камерах с параллельным расположением по отношению к входным ямам до 47. Однако, близость этих форм погребальных сооружений состоит только в одинаковой ориентировке входной ямы и погребальной камеры. Конструкция сооружений и принципы захоронения – разные.

В публикации материалов могильника Львовский Первый-2 не отмечен характер закладов входных отверстий в погребальные камеры. Судя по чертежной документации, заклады не были выявлены. Эта особенность значительно отличает погребения Паласа-сыртского могильника от таковых Львовского Первого-2. Катакомбные камеры Паласа-сырта перекрыты в основном одной плитой, погребальные камеры подбоев – набором небольших плиток разного размера.

М.П. Абрамова полагала, что в сообществе сармат, поселившихся в низовьях р. Сулак, произошла «трансформация» формы подбоев с параллельным расположением входной ямы и камеры в катакомбы аналогичного типа (катакомбы с параллельным расположением камеры и входной ямы). Причем отмечается, «...что речь, возможно, идет не столько о проникновении каких-то инородных элементов, а об определенных внутренних процессах» (Абрамова и др., 2000, с. 59); «...вряд ли здесь можно говорить о заимствовании этого

типа погребальных сооружений. Скорее, их распространение на Нижнем Сулаке следует связать с трансформацией подбойных могил, появившихся здесь – вместе с сарматами» (Абрамова, 2007, с. 84). Наличие Т-образных катакомб среди погребальных сооружений могильника Львовский Первый-2 М.П. Абрамова также связывала с «трансформацией» подбоев (Абрамова и др., 2000, с. 84).

Основной вывод автора относительно могильника Львовский Первый-2: «Для этих памятников было характерно господство подбойных могил, которые, как показывают материалы, с течением времени стали трансформироваться в катакомбные могилы разных типов. Представляется, что это был именно внутренний процесс, а не заимствование новых черт обряда у населения других территорий и не проникновение в северные районы Дагестана новых групп населения. Подтверждает это необычное разнообразие в устройстве Т-образных катакомб обоих могильников у Львовского Первого» (Абрамова, 2007, с. 87).

Процесс «трансформации» одной формы погребального сооружения в другую в обществах с традиционными устоями возможен только при смене мировоззренческих (религиозных) представлений населения, в которых погребальные традиции являются их частью. Своими устоями общества с традиционной культурой дорожат непреклонно, потому что благодаря им они сохраняют свою идентичность. Эти традиции устойчиво передаются из поколения в поколение. И допустить какие-либо изменения по причине неудобств или в подражание традициям других народов не считается допустимым. Таким образом, исходя из состояния разработки вопросов этнокультурной интерпретации материалов могильника Львовский Первый-2, принять указанные доводы М.П. Абрамовой не представляется продуктивным.

Исторические построения, основанные на возможной преемственности культурных традиций населения низовий рек Сулак и Рубас. М.П. Абрамова, ограничивая верхнюю дату могильника Львовский Первый-2 первой пол. IV в. и признавая установленную нами хронологию Паласа-сыртского курганного могильника в пределах конца IV – первой пол. V в., уверенно определила культурную преемственность населения, обитавшего в низовьях р. Рубас, от населения, сформировавшего свою культуру в низовьях р. Сулак.

Более того исследователь напрямую связала это обстоятельство с переселением племен нижнего Сулака в район Паласа-сыртской возвышенности: «Нашествие гуннов привело к переселению населения равнинной зоны на юг, в более безопасные и изолированные районы. Материалы Паласа-сыртского и других курганных могильников Прикаспийского Дагестана позволяют проследить дальнейшую судьбу населения, обитавшего на Нижнем Сулаке» (Абрамова, 2007, с. 105).

Автор обосновала установленную преемственность несколькими факторами: 1) особенности погребального обряда населения Паласа-сырта (наличие идентичных форм погребальных сооружений); 2) единый обряд погребения (вытянутая поза погребенных; южная ориентировка); 3) близость материалов могильника (керамика и др.).

Однако, как отмечалось, автор, предположив наличие в среде кочевников низовий Сулака процесса «трансформации» форм погребальных сооружений, не обосновала причин наличия идентичного набора погребальных сооружений (катакомбы, подбой, ямы) на новой территории (долина р. Рубас) и в более поздний исторический период. В 2013–2014 гг. на южном участке могильника Паласа-сырт был выявлен еще один тип погребального сооружения – одноосевые катакомбы, которые не использовались в погребальной практике населения низовий р. Сулак (Гмыря, 2013, с. 141, рис. 31).

Многообразие форм погребальных сооружений на обоих могильниках свидетельствует о полиэтничности населения обоих регионов, причем со стойкими традициями каждой группы населения. Как отмечалось, материальная культура населения обоих регионов была самобытная.

Тезис М.П. Абрамовой о перемещении племен, обитавших в низовьях р. Сулак, в более безопасные районы (долина р. Рубас) не выдерживает критики. Вдоль западного побережья Каспийского моря проходит древнейшая международная трасса, ведущая из Восточной Европы, Приуралья и Сибири в страны Ближнего Востока и Закавказья. И уже в ранний период (90-е гг. IV в.) массы гуннов и союзных им племен проникли с территории Западного Прикаспия через Закавказье на Ближний Восток, дойдя до Сирии. Причем, они вернулись в Предкавказские степи тем же путем (Гмыря, 2009, с. 46).

Изолированным район низовий р. Рубас также не назовешь. Могильник занимает

поверхность Паласа-сыртской возвышенности и ее подножие (восточный склон). Он находится в непосредственной близости от береговой линии Каспийского моря (5 км). С запада к прикаспийским территориям примыкают отроги Кавказа, через которые с древнейших времен были налажены горные проходы в Закавказье и страны Ближнего Востока. А в письменных источниках имеются данные об использовании горных перевалов этого региона даже в зимний, неблагоприятный период, если прикаспийский путь был небезопасным (Гмыря, 2009, с. 198–202).

В.Ю. Малашев вслед за М.П. Абрамовой также придерживается версии о миграции населения, обитавшего в низовьях р. Сулак, в район низовий р. Рубас: «В первой половине – середине IV в.н.э. значительная часть населения Терско-Сулакского междуречья вместе с мигрантами – носителями аланской культуры Северного Кавказа, перемещается в Южный Дагестан и Северо-Восточный Азербайджан, где оставленные ими памятники датируются серединой / второй половиной IV – первой половиной / серединой V в.н.э.» (Малашев и др., 2015, с. 87).

Однако автор делает существенное дополнение к версии М.П. Абрамовой: «При этом часть населения Терско-Сулакского междуречья в начале V в. еще продолжает оставаться на прежних местах и поддерживать контакты с мигрантами, о чем свидетельствуют вещи из ряда комплексов могильника Львовский Первый-2, Львовский Первый-4 и Львовский Шестой, аналогичные (и синхронные) находкам из могильника Паласа-сырт» (Малашев и др., 2015, с. 87). В.А. Малашев ссылается на четыре предмета инвентаря могильника Львовский Первый-2 – две фибулы с подвижным приемником, кувшин со сливным носиком (кк. №№ 42 и 65) и золотые височные привески с полый напускной бусиной из погребения к. 12 (Малашев и др., 2015, с. 87).

Столь существенные отступления от главной версии перемещения сулакского населения далеко на юг – в район низовий Рубаса,

сформулированной М.П. Абрамовой, обусловлен появлением в 2006 г. новых обстоятельств. В к. 91 Паласа-сыртского могильника нами было выявлено богатое погребение девочки-подростка с золотыми височными привесками с напускной бусиной (Магомедов Р.Г. и др., 2006, с. 138–139). По типу, конструкции и технологическим приемам изготовления оба набора (паласа-сыртский и сулакский) – практически идентичны. В.А. Малашев отметил производство височных привесок обоих могильников в «...одном центре и хронологическую близость наборов», а также «... синхронность указанных комплексов» и «... тесную связь этих некрополей» (Малашев и др., 2015, с. 92).

Однако В.А. Малашев не обратил внимание на существенную особенность 2-х однотипных изделий разных могильников – наличие в каждой паре целого изделия с запаянными золотыми пластинами отверстиями и изделия с открытыми отверстиями, хотя в публикации это отмечено (Магомедов Р.Г. и др., 2006, с. 138). Анализ золотых височных привесок данных могильников показывает, что в каждый комплект входили разнопарные изделия и их составление было намеренным.

Это обстоятельство послужило доказательством одновременности функционирования могильников Львовский Первый-2 и Паласа-сырт и наличия этнокультурных контактов населения 2-х разных регионов.

Конструкция и технологические приемы изготовления височных привесок могильника Паласа-сырт (рис. 1:1–2; 2:1–2).

Височная привеска 1 (рис. 1:1; 2:2):

1) проволочное кольцо: сечение проволоки – круглое (d=1 мм);

2) ажурная бусина: а) состояние сохранности: изделие целое; деформация изделия не просматривается; следов реставрации не обнаружено; б) форма – шарообразная; в) конструкция изделия: восьмеркообразные детали спаяны между собой в форме шара (рис. 1:1б–в; 2:2); г) конструкция деталей: основа – круглая золотая пластина (d=0,5 см);

Таблица 1. Параметры височных привесок могильника Паласа-сырт
Table 1. Parameters of temple pendants from Palasa-Syrt burial mound

Поз.	Показатели	Привеска 1	Привеска 2
1	высота изделия по вертикали	2,5 см	2,7 см
2	диаметр кольца по горизонтали	1,8 см	2,0 см
3	диаметр кольца по вертикали	1,6 см	1,7 см
4	диаметр бусины по горизонтали	1,2 см	1,2 см
5	диаметр бусины по вертикали	1,1 см	1,2 см

Рис. 1. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 91. 1–2 – золотые височные привески. Фото 2021 г.
Fig. 1. Palasa-Syrt burial mound. Mound 91. 1–2 – gold temple pendants. Photo of 2021.

количество пластин – 2 экз.; тонкая проволока (d–0,5 мм).

Технология формирования восьмеркообразных деталей: к круглой золотой пластине припаивался один конец тонкой проволоки, повторяя округлость ее формы; по краю пластины закреплялось 3 витка проволоки в виде рамки; далее конец проволоки выводился на другую круглую золотую пластину, на которой по краю формировалось три витка; диаметр верхней и нижней частей восьмерко-

образных деталей с проволочными намотками – 0,7 см (рис. 1: 1 б, в, д; 2: 2). В одной бусине использовалось 4 экз. восьмеркообразных деталей. Верхняя и нижняя детали восьмеркообразных фигур расположены по отношению друг к другу под острым углом, формируя шарообразность бусины (рис. 1: 1а, в; 2: 2).

3) Система крепления бусины на проволочном кольце.

На боковых участках бусины после закрепления восьмеркообразных деталей обра-

Рис. 2. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 91.
1–2 – золотые височные привески. Художник З.З. Кузеева.

Fig. 2. Palasa-Syrt burial mound. Mound 91.
1–2 – gold temple pendants. Artist – Z.Z. Kuzeeva

зовывались просветы ромбовидной формы, которые перекрывались золотыми пластинами; в каждой из них проделано узкое отверстие, которое окантовано тонкой проволокой (рис. 1: 1а). Неподвижный конец проволочного кольца продевался через верхнее отверстие, где закреплялся припоем (рис. 1:1 а, б, г). Конец проволочного кольца проводился через внутреннюю полость шарообразной бусины и выводился на поверхность нижнего отверстия, где закреплялся припоем (рис. 1:1 б, в, д). Восьмеркообразные фигуры установлены в шарообразной бусине таким образом, что одна из деталей фигуры формирует нижнее основание бусины, а другая – боковую сторону (рис. 1:1 д). Другие фигуры формируют боковые стороны бусины. Верхний уровень сформирован из фигуры, в которой детали расположены под углом друг к другу (рис. 1: 1 а,в).

Височная привеска 2 (рис. 1: 2; 2: 1):

1) проволочное кольцо: сечение проволоки – круглое ($d=1,5$ мм);

2) ажурная бусина: а) состояние сохранности: имеются следы деформации деталей бусины; отсутствуют вставки из округлых пластин, на которых закреплялись проволочные витки тонкой проволокой (рис. 1: 2 а–д); имеются следы реставрации бусины (искажена четкость восьмеркообразной формы деталей; имеются следы грубой заливки деталей

золотым припоем) (рис. 1: 2, б, в, д); б) форма – шарообразная, но заметно искажена переделками; в) конструкция изделия: восьмеркообразные детали без вставок (2 экз.) и круглые намотки проволоки без вставок (4 экз.) спаяны между собой в форме шара; г) конструкция деталей: восьмеркообразные детали (2 экз.) без вставок золотыми пластинами; намотки проволоки (4 витка) округлой формы без вставок золотыми пластинами (4 экз.).

Отверстия, в которых отсутствовали золотые пластины, имеют разные очертания: круглые (5 экз.), овальные (1 экз.), искаженный овал (2 экз.) (рис. 1: 2); на одной детали сохранился небольшой участок пластины, на которой припоем закреплен верхний конец проволочной намотки, что свидетельствует о первоначальной идентичности конструкции шаровидной бусины височной привески 2 бусине изделия 1 (рис. 1: 2 а, г).

Технология формирования шаровидной бусины (изделие 2) включала ряд операций. Восьмеркообразные детали без вставок (2 экз.) установлены в верхней и нижней частях бусины; остальное пространство бусины заполнено круглыми намотками проволоки без вставок, установленными с нахлестом одна на другую; имеются следы обильной заливки золотым припоем намоток из проволоки (рис. 1:2 а–г); диаметр округлых проволочных намоток составляет 0,7–0,8 см; в

одной бусине использовано 2 экз. восьмеркообразных деталей и 4 экз. округлых деталей. В отличие от височной привески 1 верхняя и нижняя детали бусины привески 2 имеют горизонтальное положение (рис. 1: 2 а, г, д).

3) Система крепления бусины на проволочном кольце.

На боковых участках бусины просветы ромбовидной формы были заполнены обильным золотым припоем. В отверстие припоя верхнего уровня был продет конец кольца, пропущенный через внутреннюю полость бусины и имевший выход в отверстие нижнего уровня (рис. 1: 2 а, г, д). Его конец был выведен на поверхность бусины и расщеплен на 2 узких разветвления, которые были отогнуты в разные стороны (рис. 1: 2 в, д).

Восьмеркообразные фигуры (2 экз.) установлены в бусине привески 2 таким образом, что одна из деталей фигуры формирует верхний уровень и боковую сторону с узким отверстием для кольца, другая формирует нижний уровень и боковую сторону (рис. 1: 2 г, д). Округлые детали с намотками проволоки скреплены припоем, образуя боковые стороны бусины.

Височные привески могильника Паласырт (к. 91) различаются по размерам: привеска 2 более крупных параметров (табл. 1); толщина сечения проволоки кольца изделия 2 превышает эти показатели изделия 1. Обе привески – разной степени сохранности: на привеске 1 нет следов реставрации; форма и конструкция бусины привески 2 подверглись глубоким изменениям; обе привески – разнопарные. Вес привески 1 – 3,6 г.; привески 2 – 3,5 г.

Конструкция и технологические приемы изготовления височных привесок могильника Львовский Первый-2 (рис. 3: 1–2; 4: 1–2).

Височная привеска 1 (рис. 3: 1; 4: 1):

1) проволочное кольцо: сечение проволоки – круглое (d=1 мм);

2) ажурная бусина: а) состояние сохранности: изделие целое; деформация изделия не просматривается; следов реставрации не

обнаружено; б) форма – шарообразная; в) конструкция изделия: восьмеркообразные детали спаяны между собой в форме шара (рис. 3: 1; 4: 1); г) конструкция деталей: основа – круглая золотая пластина (d=0,5 см); количество пластин – 2 экз.; тонкая проволока (d=0,5 мм).

Технология формирования восьмеркообразных деталей: К круглой золотой пластине припаявался один конец тонкой проволоки, повторяя округлость ее формы; по краю пластины закреплялось 3 витка проволоки в виде рамки; конец проволоки выводился на другую круглую золотую пластину, на которой по краю формировалось три витка; диаметр верхней и нижней частей восьмеркообразных деталей с проволочными намотками – 0,7 см (рис. 3: 1). В одной бусине использовалось 4 экз. восьмеркообразных деталей. Верхняя и нижняя детали восьмеркообразных фигур расположены по отношению друг к другу под острым углом, формируя шарообразность бусины;

3) Система крепления бусины на проволочном кольце.

На боковых участках бусины после закрепления восьмеркообразных деталей образовывались просветы ромбовидной формы, которые перекрывались золотыми пластинами; в каждой из них проделано узкое отверстие, которое окантовано тонкой проволокой. Неподвижный конец проволочного кольца продевался через верхнее отверстие, где закреплялся припоем; конец проволочного кольца проводился через внутреннюю полость шарообразной бусины и выводился на поверхность нижнего отверстия, где закреплялся припоем (рис. 3: 1).

Височная привеска 2 (рис. 3: 2; 4: 2):

1) проволочное кольцо: сечение проволоки – круглое (d = 1 мм);

2) ажурная бусина: а) состояние сохранности: каркас бусины целый; деформация изделия не просматривается; отсутствуют вставки из округлых пластин, на которых закреплялись проволочные витки тонкой проволоки (рис. 3: 2; 4: 2); б) форма – шарообразная, не

Таблица 2. Параметры височных привесок могильника Львовский Первый-2
Table 2. Parameters of temple pendants from Lvovsky Pervyi-2 burial mound

Поз.	Показатели	Изделие 1(целое)	Изделие 2 (отверстия)
1	высота изделия по вертикали	2,6 см	2,7 см
2	диаметр кольца по горизонтали	2,5 см	2,4 см
3	диаметр кольца по вертикали	1,9 см	2,0 см
4	диаметр бусины по горизонтали	1,1 см	1,2 см
5	диаметр бусины по вертикали	1,2 см	1,4 см

Рис. 3. Курганный могильник Львовский Первый-2. Курган 12. 1–2 – золотые височные привески. Фото без масштаба (Календарь «Эхо тысячелетий», 2007)
Fig. 3. Lvovsky Pervyi-2 burial mound. Mound 12. 1–2 – gold temple pendants. Photo not to scale. (“Echo of Millennia” calendar, 2007)

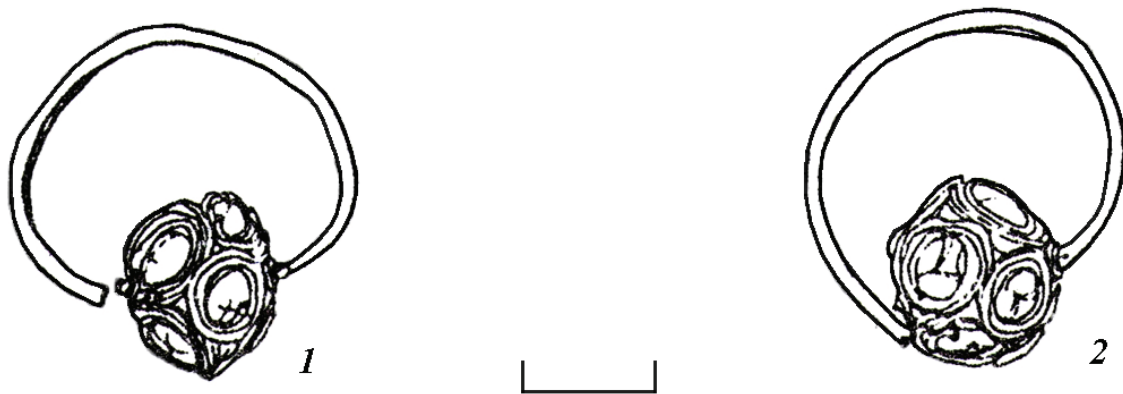

Рис. 4. Курганный могильник Львовский Первый-2. Курган 12. 1–2 – золотые височные привески (Абрамова и др., 2000, рис. 10,2).
Fig. 4. Lvovsky Pervyi-2 burial mound. Mound 12. 1–2 – gold temple pendants (Abramova et al., 2000, fig. 10,2).

искажена переделками; в) конструкция изделия: восьмеркообразные детали без вставок спаяны между собой в форме шара; г) конструкция деталей: восьмеркообразные детали (4 экз.) без вставок золотыми пластинами; намотки проволоки (3 витка) округлой формы без вставок золотыми пластинами. Отверстия, в которых были установлены золотые пластины, имеют округлую форму; сохранился небольшой участок золотой пластины, на которой припоем закреплен верхний конец проволочной намотки.

Технология формирования шаровидной бусины (изделие 2) включала ряд операций. Восьмеркообразные детали без вставок (4 экз.) спаяны между собой, формируя шарообразную форму бусины; диаметр округлых намоток проволоки составляет 0,7 см; в одной

бусине использовано 4 экз. восьмеркообразных деталей. Верхняя и нижняя детали бусины привески 2 имеют горизонтальное положение (рис. 3: 2).

3) Система крепления бусины на проволочном кольце.

На боковых участках бусины просветы ромбовидной формы перекрывались золотыми пластинами. Неподвижный конец кольца был продет через внутреннюю полость бусины и выведен через отверстие на поверхность бусины (рис. 3: 2).

Височные привески могильника Львовский Первый-2 (к. 12) различаются по размерам: привеска 2 более крупных размеров (табл. 2). Обе привески отличаются по сохранности: на привеске 2 изъяты вставки из золотых пластин.

Сравнительный анализ конструкций золотых височных привесок могильников Паласа-сырт и Львовский Первый-2. Из 5-и показателей параметров указанных изделий 2-х могильников (табл. 1 и 2) примерно совпадают только данные, относящиеся к размерам напускных бусин (поз. №№ 4–5). Проволочные кольца, на которые насажены бусины, существенно различаются по размерам (поз. №№ 1–3). Показатели сулакского образцов (диаметр проволочного кольца по вертикали и горизонтали) значительно превышает показатели паласа-сыртского образцов.

Технологические приемы изготовления напускных бусин 2-х могильников полностью совпадают по 2-м образцам (бусины височных привесок 1 обоих могильников). Основа их конструкции – восьмеркообразные проволочные детали, закрепленные на круглых золотых пластинках. Бусина привески 2 могильника Львовский Первый-2 совпадает по конструкции с выше названными образцами частично. В ней удалены золотые пластины из восьмеркообразных деталей.

Наибольшие изменения технологии изготовления напускных бусин прослеживаются в бусине височной привески 2 Паласа-сыртского могильника. В ней искажена конструкция, включающая 2-е детали восьмеркообразной формы и 4-и детали круглой формы. Для соединения деталей использован золотой припой в излишнем количестве. Округлость формы напускной бусины искажена. Округлость отверстий в местах удаления золотых пластин также искажена. Все изменения, зафиксированные в конструкции бусины височной привески 2 Паласа-сыртского могильника обусловлены реставрационными работами, установить причины которых не представляется возможным. Височные привески этого могильника, видимо, использовались длительное время, в результате чего привеска 2 получила существенные повреждения конструкции.

Заключение

1. Золотые височные привески кольцевидной формы с напускной ажурной бусиной из

погребений к. 91 Паласа-сыртского могильника (р. Рубас, Южный Дагестан) и к. 12 могильника Львовский Первый-2 (р. Сулак, Северный Дагестан) являются уникальными, высокохудожественными изделиями, изготовленными опытным мастером.

2. Аналогии данным изделиям не известны ни в золотом исполнении, ни в цветных металлах других категорий.

3. Оба изделия не относятся к типу височных привесок с напускной бусиной многогранной формы (серьги или привески полиэдрические), т.к. их конструкция специфическая – шарообразная, составлена из цельных восьмеркообразных проволочных деталей, закрепленных на округлых пластинках.

4. Исходя из идентичности формы изделий, конструкции напускных бусин, приемов их изготовления и размеров, обе пары височных привесок (сулакский и рубасский экземпляры) были изготовлены в одном центре (Иран, Византия, Сирия–?) и находились длительное время в одной этнокультурной среде (Паласа-сыртский союз племен на р. Рубас).

5. Качество произведенных реставрационных работ является значительно низким в сравнении с уровнем изготовления. Данные работы производились местным мастером (Паласа-сыртский союз племен на р. Рубас).

6. В район обитания племен Нижнего Сулака это изделие попало вместе с ее собственником, жителем низовий Рубаса.

7. В реставрированном виде височные привески, видимо, не использовались, но как атрибуты собственности их владельцев были помещены в могилы в соответствии с канонами погребального обряда.

8. Полная идентичность 2-х пар золотых височных привесок со следами однотипных реставрационных работ свидетельствует об одновременности обитания населения в сулакской и рубасской зонах Восточного Предкавказья и несостоятельности существующих версий о массовом или частичном переселении племен, обитавших в низовьях р. Сулак, в район низовий р. Рубас в конце IV – первой половине V в.

Примечание:

¹ В.Ю. Малашев среди исследователей этого могильника ошибочно называет графа А.С. Уварова и ген.-лейт. А.В. Комарова: «При анализе будут учтены... все имеющиеся на сегодняшний день материалы памятника, включая помимо публикуемых, результаты раскопок Н.О. Цилоссани, гр. А.С. Уварова, ген.-лейт. А.В. Комарова (1882), В.Г. Котовича и Л.Б. Гмыри» (Малашев и др., 2015, с. 80). Н.О. Цилоссани обозначил два раскопанных им кургана этого могильника именами почетных посетителей – графа А.С. Уварова и ген.-лейт. А.В. Комарова (Гмыря, 1993, с. 129–131).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2 // Труды Дагестанской экспедиции. Т. 1 / МИАР. Вып. 2 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2000. 140 с.

Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке / МИАР. Вып. 8. / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев, Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2007. С. 11–188.

Гмыря Л.Б. Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана // СА. 1990. № 1. С. 254–259.

Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала: ДНЦ РАН, 1993. 367 с.

Гмыря Л.Б. Кувшины с желобчатой поверхностью Паласа-сыртского поселения // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Сб. статей, посвящ. 70-летию со дня рождения проф. М.Г. Гаджиева / Отв. ред. М. М. Маммаев. Махачкала: Эпоха, 2005. С. 147–165.

Гмыря Л.Б. Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана IV–VII вв. (По данным письменных источников). Махачкала: Наука, 2009. 540 с.

Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский курганный могильник у Дербентского прохода (конец IV – первая половина V в.) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 110–162.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. 960 с.

Календарь «Эхо тысячелетий». М.: ИА РАН, ТАУС, 2007.

Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. / Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1959. С. 121–156.

Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б., Хангишиев Г.Д., Бакушев М.А., Саидов В.А. Раскопки Паласа-сыртского могильника в 2006 г. // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2006. № 3(7). С. 137–154.

Магомедов Ю.А., Гмыря Л.Б. Специфика керамических комплексов обособленных курганных групп №№ 1–5 Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник ИИАЭ ДНЦ. 2015. № 1(41). С. 106–136.

Магомедов Ю.А. Столовая керамика Паласа-сыртского поселения III–VI вв.: миски и чаши (по материалам раскопок 1985–1987 гг.) // Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. № 2. С. 147–154.

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfund in Italien. Spoleto. // Biblioteca degli «Studi medievali» VII. 1975. 378. S.

Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingen entre Manche et Lorraine. Paris, 2004. 65p.

Информация: об авторе:

Гмыря Людмила Борисовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала, Россия); Lgmyrya@mail.ru

REFERENCES

Abramova, M. P., Krasilnikov, K. I., Piatykh, G. G. 2000. In Munchaev, R. M. (ed.). *Trudy Dagestanskoi ekspeditsii (Proceedings of the Dagestan Expedition)* 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research on the Archaeology of Russia) 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Abramova, M. P. 2007. In Kozenkova, V. I., Malashev, V. Yu., R. M. Munchaev (eds.). *Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke (North Caucasus and the Nomadic World in the Early Iron Age)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Archaeology of Russia) 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 11–188 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 1990. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archeology)* (1), 254–259 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 1993. *Prikaspiiskii Dagestan v epokhu Velikogo pereseleniia narodov. Mogil'niki (Pre-Caspian Dagestan in the Great Migration Period. Burial Grounds)*. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian)

Gmyrya, L. B. 2005. In Mammaev, M. M. (ed.). *Drevnosti Kavkaza i Blizhnego Vostoka. Sbornik statei povsiashchennykh 70-letiyu so dyia rozhdeniya professor M.G. Gadzhieva (Antiquities of the Caucasus and the Middle East. Collection of articles dedicated to the 70th Anniversary of Professor Hadzhiyev.* Makhachkala: "Epkha" Publ., 147–165 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2009. *Religioznye predstavleniia naseleniia Prikaspiiskogo Dagestana IV–VII vv. (Po dannym pis'mennykh istochnikov) (Religious Beliefs of the Population of the Pre-Caspian Dagestan of the 4th–7th cc. (According to Written Sources))*. Makhachkala: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2013. In Botalov, S. G. (ed.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov (Huns Forum (Issues of Origin and Identification of the Eurasian Hun Culture))*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 110–162 (in Russian).

In Kliashturnyi, S. G. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. T. 1. Narody stepnoi Evrazii v drevnosti (History of the Tatars since Ancient Times in Seven Volumes. Volume 1. Peoples of Steppe Eurasia during Prehistory)*. Kazan: "Rukhiiat" Publ. (in Russian).

2007. *Kalendar' "Ekho tysiacheletii" (The "Echo of Millennia" Calendar)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, "TAUS" Publ. (in Russian).

Kotovitch, V. G. 1959. In Daniyalov G. D. (ed.). *Materialy po akhrheologii Dagestana (Proceedings on the Archaeology of Dagestan)* Vol. 1. Mahachkala: "Dagestanskogo knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 121–156 (in Russian).

Magomedov, R. G., Gmyrya, L. B., Khangishiev, G. D., Bakushev, M. A., Saidov, V. A. 2006. In *Vestnik IIAE DNC RAN (Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 7 (3), 137–154 (in Russian).

Magomedov, Yu. A. 2018. In *Acta Historica: proceedings on history, archeology, ethnography and social studies* 2, 147–154 (in Russian).

Magomedov, Yu. A., Gmyrya, L. B. 2015. In *Vestnik IIAE DNC (Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center)* 41 (1), 106–136 (in Russian).

Malashev, V. Yu., Gadzhiev, M. S., Il'yukov, L. S. 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiiskogo Dagestana III–V vv. n.e. (Country of the Muskuts in the Western Caspian Sea Region. Burial Mounds of Pre-Caspian Dagestan of the 3rd–5th cc. AD)*. Mahachkala: "Mavraev" Publ. (in Russian).

Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n.e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th – Middle of 6th Century AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Bierbrauer, V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfufvde in Italien. Spoleto*. In *Biblioteca degli «Studi medievali» VII*.

Legoux, R., Périn, P., Vallet, F. 2004. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingen entre Manche et Lorraine. Paris* (in French).

Информация: об авторе:

Гмыря Людмила В. Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Reseach Center of the Russian Academy of Sciences. Magomeda Yaragskogo St., 75, Makhachkala, 367030, Republic of Dagestan, Russian Federation; Lgmyrya@mail.ru.

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

О ГОРОДИЩАХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2022 г. А.М. Губайдуллин

В эпоху раннего Средневековья на территории Среднего Поволжья возникали новые археологические культуры. Они влияли на становление предков будущих народов, которые ныне населяют этот регион. Важное место в их изучении занимают укрепленные поселения, которые были характерны для того времени. Они являются показателем развития любого народа древности, так как отображают, в частности, уровень инженерной мысли, строительных навыков населения их оставивших и др. Рассмотрение систем и конструкций финских городищ Среднего Поволжья указывает на то, что развитие способов строительства укреплений у оседлого населения региона происходило, в основном, на местной основе. Преимущественно это были мысовые городища, которые защищались со стороны поля 1–3 линиями валов и рвов. Они представляли собой простые земляные насыпи без усиливающих внутренних конструкций. Городища, в основном, располагались вдоль берегов крупных рек и их притоков. Не исключено, что помимо близкого доступа к водным ресурсам и рыболовству, это диктовалось потребностями культурно-экономических связей с соседями. Представленные в статье укрепленные поселения, относящиеся к различным культурам, существовавшим в раннем Средневековье, позволяют проследить становление будущего инженерного дела и сопутствующих навыков в строительстве у населения Среднего Поволжья в исторической перспективе.

Ключевые слова: археология, раннее Средневековье, Среднее Поволжье, типы укрепленных поселений, системы обороны.

EARLY MEDIEVAL HILLFORTS IN THE TERRITORY OF THE MIDDLE VOLGA REGION

A.M. Gubaidullin

In the early Middle Ages, new archaeological cultures arose in the territory of the Middle Volga region. They influenced the formation of the ancestors of future peoples who now inhabit this region. An important place in their study belongs to fortified settlements, which were characteristic of that time period. They are an indicator of the development of any people of antiquity, as they reflect, in particular, the level of engineering, building skills of the population who left them, and other aspects. The study of the systems and structures of the Finnish hillforts in the Middle Volga indicates that the development of methods for building fortifications among the settled population of the region mostly took place on a local basis. These were mostly promontory forts, which were defended from the side of the field by 1–3 lines of ramparts and moats. They were simple earth embankments with no reinforcing inner structures. Hillforts were mainly located along the banks of large rivers and their tributaries. It is possible that in addition to close access to water resources and fishing, this was dictated by the needs of cultural and economic relations with the neighbors. The fortified settlements presented in the paper, belonging to various cultures that existed in the early Middle Ages, allow to trace the formation of the future engineering and related skills in construction among the population of the Middle Volga region in historical perspective.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Middle Volga region, types of fortified settlements, defense systems.

В истории Среднего Поволжья раннее Средневековье очень интересный период, когда возникали новые культуры, которые в той или иной мере повлияли на становление предков будущих народов, ныне населяющих данную территорию. Все происходящее было неотъемлемо связано с глобальными изменениями, происходившими на фоне Великого переселения народов, которое для территории Поволжья началось в IV веке н. э. Это связано в основном с азелинской, мазунинской и

именьковской археологическими культурами. Каждая из них имела свои отличия, что хорошо прослеживается в процессе их изучения. Немаловажное место здесь занимали поселения, в том числе и укрепленные. Здесь нужно констатировать тот факт, что именно городища являются одним из показателей уровня развития любого народа древности, так как они отображают, в частности, уровень инженерной мысли того времени, строительной техники и др.

Примерно к III веку н. э. относится возникновение азелинской культуры, которая функционировала до VII века н. э. и предположительно легла в основу формирования исторически известных черемис, т. е. предков марийского народа. Наиболее значительное количество азелинских памятников располагалось в правобережье р. Волги, бассейне р. Вятки, в Вятско-Волжском междуречье. В основном это правобережье Нижнего Прикамья и низовья р. Казанки. Первое из них наиболее насыщено поселениями. Здесь можно отметить азелинские культурные слои на городищах Омарское, Черепашье, Тарасова пристань, Гремячий ключ, Именьковское I (Казаков, Старостин, Халиков, 1987). Часто азелинские племена использовали для жизни бывшие городища раннего железного века, на которых они восстанавливали и усиливали существовавшие оборонительные линии. В некоторых случаях ими основывались и новые укрепленные поселения. К таким памятникам можно отнести, например, Камаевское II городище, расположенное в низовьях р. Казанки. Это поселение было устроено азелинцами на высоком коренном мысу (ок. 50 м над поймой р. Казанки). С северо-западной напольной стороны памятник был огражден валом шириной 10–12 м, высотой ок. 1 м, и рвом, имеющим глубину ок. 1 м. Занимаемая им площадь довольно незначительна – около 0,14 га, что, однако, особо не выходит за рамки размеров других укрепленных поселений азелинской культуры.

В результате археологических исследований нам удалось проследить картину создания и функционирования его оборонительных сооружений: были выявлены два строительных периода вала. Первый характеризовался невысокой земляной насыпью, сложенной из светло-серого суглинка, которая была присыпана с внутренней стороны к вертикально установленному частоколу. Следующий строительный период свидетельствовал о перестройке насыпи, заключавшейся в подсыпке коричневого суглинка с внутренней и внешней сторон. В тулово вала был также заглублен частокол, но уже с наклоном внутрь к площадке поселения. Данную оборонительную конструкцию можно охарактеризовать как прообраз гипп, которые благодаря своему наклону позволяли иметь открытой для обстрела подошву стены, а также сам ров. Они лучше предохраняли от камней и копий как само сооружение, так и его защитников. Это является показателем применения опре-

деленных новшеств, используемых в строительстве раннесредневековых укреплений на территории Среднего Поволжья.

Другая культура этого периода времени – мазунинская. Она занимала довольно значительную территорию, доходившую до Приуралья. К ней относится несколько десятков укрепленных поселений III–V веков н. э. Довольно значительное их количество располагалось в правобережье р. Камы. Они были классифицированы Т.И. Останиной по размерам занимаемой ими площади на три группы. Первая отличается небольшой площадью – от 0,05 до 0,35 га. Нередко различные исследователи относят такие объекты к сторожевым крепостям, однако это неправильно, т. к. сторожевые укрепленные пункты характерны только для государственных образований. Количество оборонительных линий на них варьирует от 1 до 4. Большая часть городищ данной группы имеют треугольную в плане форму, редко прямоугольную или округлую (Останина, 1997, с. 87–89).

Следующая группа укрепленных поселений имеет большую площадь – от 0,4 до 3,5 га. Количество оборонительных линий на них также различно – от 1 до 3 (Останина, 1997, с. 89–90). Всех их объединяет общая тенденция – данные поселения находятся над уровнем рек или прилегающей поймы на высоте не ниже 10 м, что позволяет говорить о специальном предварительном выборе, который делало мазунинское население во время рекогносцировки на местности для последующего основания укрепленного поселения. Так, например, Кузубаевское I городище, имея площадь ок. 1 га, располагалось на подтреугольном мысу высотой 42 м (Останина, 2002, с. 3–4).

В свою очередь, к третьей группе относятся памятники уже с несколькими площадками. Они состоят из двух, трех и пяти частей. Городища такого типа возникали вследствие постепенного увеличения проживавшего на них населения. По мере его роста строились дополнительные укрепления с внешней стороны (в напольную сторону), таким образом увеличивая количество площадок (Останина, 1997, с. 90–91). Тем не менее нельзя объяснить это только ростом населения. Возможным фактором здесь было и создание площадок-убежищ (т. е. болонье) для окрестных жителей и скота на случай военной опасности. Все данные городища хорошо защищены человеком и природой. Это относится как к многорядности укреплений, так и к расположению поселений на довольно высоких

мысах, расположенных на высоте от 20 до 50 м. Мазунинское население, так же как и азелинское, использовало городища предшествующего времени, в одних случаях их перестраивая, а в других лишь частично подновляя. Нам думается, что здесь виден принцип разумной достаточности, который осуществлялся многими народами древности.

Рассмотрение систем и конструкций финских городищ Среднего Поволжья указывает на то, что развитие способов строительства укреплений у оседлого населения региона происходило в основном на местной основе. Преимущественно это были мысовые городища, которые защищались со стороны поля 1–3 линиями валов и рвов. Они представляли собой простые земляные насыпи без усиливающих внутренних конструкций. Городища в основном располагались вдоль берегов крупных рек и их притоков. Не исключено, что помимо близкого доступа к водным ресурсам и рыболовству, это диктовалось потребностями культурно-экономических связей с соседями. Данный факт вряд ли диктовался оборонительными задачами, т. к. большинство оборонительных сооружений рассмотренных городищ были весьма далекими от совершенства. Хотя для некоторой защиты от соседей этого было и достаточно, тем более для того уровня военного дела. Для большинства же финских племен Среднего Поволжья это явление было характерно.

Необходимо отметить одну из поистине значимых культур, оставивших свой заметный след в истории Среднего Поволжья – именьковскую культуру. В I тыс. н. э. ее представители обитали на стыке лесостепной и лесной зон Среднего Поволжья и Приуралья. Данная территория тянулась от среднего течения р. Суры на западе до среднего течения р. Белой на востоке, от правобережья р. Камы на севере до устья р. Самары на юге. Именьковские племена сыграли важную роль в развитии экономики и культуры населения региона. Они первыми освоили пашенное земледелие, высокого уровня у них достигла также черная и цветная металлургия и т. д. В настоящее время известно свыше 500 памятников этой культуры, значительную часть которых составляют долговременные поселения, в том числе и укрепленные (Матвеева, 2004). Городища и селища именьковцев располагались группами и обычно образовывали «гнезда», которые состояли из одного-двух укрепленных поселений и находящихся под их защитой нескольких открытых поселков. Городи-

ща располагались на высоких мысах, а также на горах с плоскими вершинами. Иногда они находились непосредственно на берегах рек или были удалены от них, в некоторых случаях на значительное расстояние (Старостин, 1967, с. 9–10).

В некоторых случаях городища строились на месте селищ, использовались и укрепленные поселения более раннего времени. В этом случае вал существенно досыпался. Часть именьковских городищ были постоянно обитаемыми, а другие служили в качестве убежищ на случай нападений врага. Форма их площадок напрямую зависела от рельефа местности. Если городище находилось на мысу, то форма его была треугольной; если занимало межовражный мыс (между двумя параллельными оврагами), то площадка приобретала подчетырехугольную или полуовальную форму; если на вершине холма, то площадка была округлой или овальной. Сами площади именьковских укрепленных поселений довольно невелики. Обычно они не превышали 0,5–0,7 га (Старостин, 1967, с. 11). Однако довольно большим по площади являлось Щербетское городище – 12,6 га.

Как и у других памятников того времени, оборонительные сооружения именьковских городищ состояли из валов и рвов. У большинства из них было по одному валу и рву, которые ограждали площадку с напольной стороны. Незначительное количество памятников имели две или три линии обороны. Там, где мысы были недостаточно высокими и тем более с пологими склонами, площадки укреплялись дополнительными валами (например, Урнякское городище) или эскарпировались (например, Щербетское городище). Различными были и их типы. Наиболее часто именьковцы строили дуговидные кокошниковидные валы. Имелись и так называемые шишковидные насыпи. И те и другие были характерны именно для городищ, расположенных на узких мысах (Старостин, 1967, с. 11–12). Существовали также и «классические» прямые валы и рвы, например, на городище Новая Беденьга I (Вязов, Семькин, 2016, с. 26, 170–171). Объяснить, однако, такое разнообразие типов оборонительных насыпей только узостью мысов или, наоборот, широкой напольной стороной не представляется возможным. Возможно, что здесь имел место определенный навык в фортификации или, наоборот, отсутствие такового. Не исключено, что это выводит к мысли о некоторой неоднородности населения именьковской культуры,

его корнях и возможных влияниях со стороны окружающего мира.

В качестве подтверждения вышесказанного можно привести городища Переволоцкое и Лбище, расположенные на Самарской луке. Они имеют несколько бастионообразных выступов, предназначенных для фланкирования подступов (Старостин, 2007). Это пока единственные примеры именьковских (раннеименьковских?) городищ подобного типа, которые могут ставить также и вопрос о происхождении именьковской культуры или строителей данных укрепленных поселений. Подобные городища характерны только для государственных образований и здесь мы можем говорить или о каком-то влиянии со стороны, или о происхождении самих носителей данной культуры или какой-то их части.

Зачастую валы именьковских городищ имели и внутривальные деревянные конструкции. Они представляли собой срубы,

предназначенные для укрепления тулова оборонительной насыпи. Их остатки были зафиксированы в валах Степановского I, Маклашеевского II и Коминтерновского I городищ. Края площадок также укреплялись. Например, на Именьковском I городище были выявлены горизонтальные бревенчатые стенки, установленные в два ряда, промежуток между которыми был забит известняком и землей. Внешняя же часть стены была обмазана глиной для предохранения от огня (Старостин, 1967, с. 13).

Таким образом, на примере рассмотренных нами укрепленных поселений, относящихся к различным культурам и существовавшим в раннем Средневековье, можно проследить определенное становление будущего инженерного дела, различных сопутствующих навыков в строительстве, что, несомненно, в какой-то мере повлияло на окружающие народы Среднего Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье / Археология Симбирского-Ульяновского Поволжья. Вып. 1. Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина, 2016. 227 с.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 240 с.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура: учебное пособие, 2-е издание, доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 168 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Останина Т.И. Кузубаевское городище IV-V, VII вв. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2002. 112 с.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

REFERENCES

Vyazov, L. A., Semykin, Yu. A. 2016. *Gorodishhe i selishhe Novaya Beden'ga: epoha Velikogo pereseleniya narodov v Ul'janovskom Predvolzh'e (Novaya Bedenga hillfort and settlement: the Migration period in the Ulyanovsk region)*. Series: *Arheologiya Simbirskogo-Ulyanovskogo Povolzh'ia (Archaeology of the Simbirsk-Ulyanovsk Volga Region)* 1. Ulyanovsk, (in Russian).

Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh. 1987. *Arkheologicheskie pamiatniki Tatarskoi ASSR (Archaeological Sites of the Tatar ASSR)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Matveeva, G. I. 2004. *Srednee Povolzh'e v IV-VII vv.: imen'kovskaia kul'tura (Middle Volga Region in the 4th - 7th cc.: Imenkovovo Culture)*. Samara: Samara State University (in Russian).

Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III-V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd - 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ostanina, T. I. 2002. *Kuzebaevskoe gorodishche IV-V, VII v. (Kuzebaevskoe Settlement of the 4th-5th and 7th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovovo Culture)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

УДК 738.8/902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.141.147>**ИЗРАЗЦЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ «СВЯЖСКОЙ» ВАЗЫ**

© 2022 г. М.М. Зубарева, Ф.А. Ахметгалин

В статье представлены результаты исследования терракотовых неполивных печных изразцов с изображением вазы. Центром внимания авторов стали два раскопа на острове Свяжск, проведенные в 2010 г., и раскоп в Свяжске 2005 г., в особенности культурные слои конца XVII – первой половины XVIII веков. Подобные изразцы также были обнаружены и в Казани в процессе археологических исследований. Авторами подробно рассматриваются характерные особенности этого изображения вазы на свияжских и казанских изразцах. Выделяются особенности их конструкции. Приводятся аналогии среди изразцов, происходящих с западных территорий относительно Казанского Поволжья. Намечается линия трансформации изображения вазы на рассматриваемых изразцах при сохранении самой композиции изображения. В результате исследования создана графическая реконструкция фрагмента печи из обнаруженных изразцов.

Ключевые слова: археология, Свяжск, изразцы, изразцовая печь, реконструкция печи, XVII–XVIII вв., ваза.

STOVE TILES WITH THE IMAGE OF THE "SVYAZHSKAYA" VASE

M.M. Zubareva, F.A. Akhmetgalin

Results of study of the unglazed terracotta stove tiles depicting a vase are represented in the paper. Two excavations on the island of Sviyazhsk, carried out in 2010, and an excavation in Sviyazhsk in 2005, in particular the cultural layers of the late 17th – first half of the 18th centuries, became the focus of the author's attention. Similar tiles were also found in Kazan during archaeological investigations. The authors consider in detail the characteristic features of this image of a vase on Sviyazhsk and Kazan tiles. The features of their design and construction are highlighted. Analogies are given among the tiles from the western territories from the Kazan Volga region. A line of transformation of the image of the vase on the considered tiles is outlined, while maintaining the very composition of the image. As a result of the study, a graphic reconstruction of a fragment of the furnace has been created from the discovered tiles.

Keywords: archaeology, Sviyazhsk, stove tiles, tiled stove, reconstruction of stove; XVII – XVIII cc., vase.

В 2010 г. на острове Свяжск Республики Татарстан на территории, подготовленной под площадку для горизонтально направленного бурения и линию газопровода, археологами Ф.А. Ахметгалиным и М.Б. Шигаповым были выявлены изразцы с одинаковым орнаментом, заслуживающие внимания исследователей. Это терракотовые неполивные изразцы с закопченной внутренней стороной и глиняным строительным раствором. Некоторые фрагменты сохранили следы побелки на лицевых пластинах.

Всего коллекция изразцов двух раскопов насчитывает 65 фрагментов. Из них 37 – фрагменты стеновых изразцов с изображением вазы и карнизов из этого же набора. Принадлежность этих изразцов к одному комплексу стала очевидной, поскольку все остальные изразцы из одного из раскопов с большим количеством изразцов были поливными. Это позволило сделать вывод, что имеющиеся терракотовые изразцы относятся к одному печному набору.

Сохранившиеся фрагменты позволили сделать графическую реконструкцию двух видов изразцов: стенового ренессансного типа набора печи с ковровым орнаментом и карниза-каблучка.

На стеновом изразце изображена одна большая ваза, украшенная разнообразным рельефным орнаментом в виде линий – валиков, лепестков, бусин и орнамента в виде щеточек. В верхней части изображены два больших цветка на стебле, каждый с двумя большими чашелистиками, четырем очень маленькими (по сравнению с чашелистиками и тычинками) лепестками и пятью большими тычинками. Эти цветы как бы стоят в вазе, а между ними, посередине, прямо от края венчика изображена тонкая веточка, выходящая за границы изразца. Ниже справа и слева от вазы вместо ручек отходит по толстому стеблю, заворачивающемуся вовнутрь и заканчивающемуся цветком с двумя большими чашелистиками и с одной стороны с 4, а с другой – с 5 лепестками. Снизу от вазы возле

Рис. 1. Стеновой изразец из собрания ГБУК РТ ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск». Свияжск.
Фото М.М. Зубаревой

Fig. 1. Stove tile from the collection Museum-Reserve "Island Town of Svyazhsk". Svyazhsk.
Photo by M.M. Zubareva

ножки в обе стороны вверх отходит по одному еще более толстому, чем предыдущие, стеблю, уходящему за пределы изразца. От каждого стебля вверх отходит по небольшому цветку на стебельке с тремя лепестками, а вниз по три листка с округлыми краями. Над каждым небольшим цветком расположена большая бусина (рис. 1). Размеры реконструируемого стенового изразца составили $23 \times 22 \times 8,8$ см.

На карнизе орнамент состоит из стилизованного изображения чередующихся листьев (напоминающих формой лист цикламена) и пальметт, опущенных верхушками в одну сторону – к выступу. Вдоль стебля, соединяющего листья и пальметты, на равном друг от друга расстоянии расположены 4 большие бусины (рис. 2). Размеры карниза составляют $20,5 \times 7,4 \times 12$ см.

Румпа на всех изразцах коробчатая, не отступает от края и не имеет отверстий, что

очень характерно для изразцов Казанского Поволжья.

Особое внимание необходимо обратить на манеру исполнения изображения. В нем имеются архаические черты, такие как:

использование на изразцах без контурной рамки (т. е. не так называемых «красных»), а уже более позднего вида конструкции печи) орнамента в виде щеточки, когда «колючий» рельеф изображен только с одной стороны;

двух- или трехжгутовое изображение стеблей стилизованных растений;

нечеткий, иногда очень низкий или очень тонкий едва заметный рельеф.

Рассматриваемые в данной статье изразцы были обнаружены только внутри сооружений и только на ул. Успенская. В раскопы-траншеи из-за их небольшой ширины все сооружения вошли лишь частично.

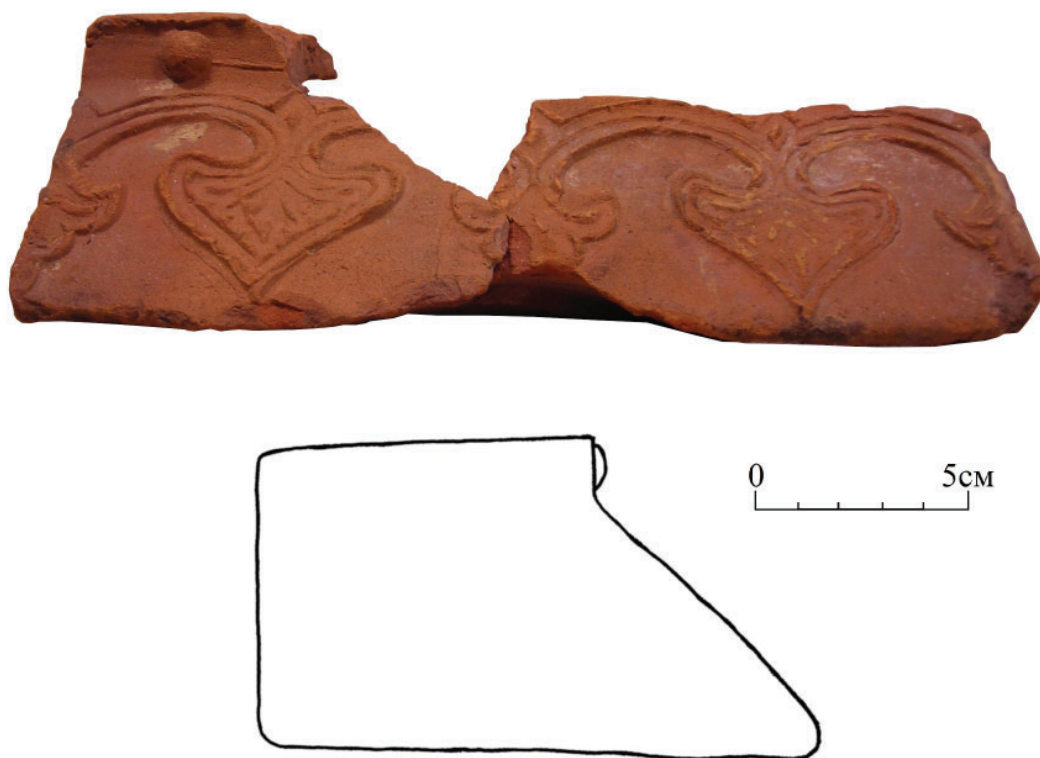

Рис. 2. Карнизный изразец из собрания ГБУК РТ ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск». Свияжск.
Фото М.М. Зубаревой

Fig. 2. Stove tile from the collection Museum-Reserve "Island Town of Svyazhsk". Svyazhsk.
Photo by M.M. Zubareva

Раскоп – приямок под горизонтально направленное бурение – заложен в начале улицы Успенская рядом с воротами и стеной Успенского монастыря. Размеры раскопа составили 12,3–12,8×3 м, площадь – 37,5 кв. м (Ахметгалин, 2010, с. 4–5). Особого внимания в данном случае заслуживают сооружения № 1 и № 3.

Сооружение № 1 представляет собой прямоугольную в плане яму, в которую была опущена конструкция из досок и горбылей. Пространство между досками и котлованом засыпано забутовкой. Длина сооружения составила 600 см, наибольшая ширина в пределах раскопа около 200–230 см. Время бытования постройки датируется концом XVII – первой четвертью XVIII в. (Ахметгалин, 2010, с. 16–17).

Ввиду малой площади раскопа в его створ попала только часть сооружения № 3, хотя и значительная. Сооружение представляет собой прямоугольную в плане яму. Размеры составили в длину (максимальная в пределах раскопа) 220 см и в ширину (максимальная в пределах раскопа) 160 см. Вероятнее всего, сооружение являлось погребом, построенным

в начале XVIII в., который был заброшен в период правления Анны Иоанновны (верхняя дата определена по монете 1739 г.), после 1739 г. погреб был заполнен строительным мусором, в том числе деталями печи (битый кирпич, печные изразцы), и просто мусором. (Ахметгалин, 2010, с. 19).

В сооружениях этого раскопа было обнаружено 33 фрагмента изразцов с изображением вазы.

В раскопе под газопровод было обнаружено 17 фрагментов изразцов внутри сооружений № 6 и № 10. Из них только четыре фрагмента изразцов со «свияжскими» вазами.

Сооружение № 6 представляет собой прямоугольную яму с отвесными стенками и ровным дном. Размеры сооружения в раскопе составили в длину 680 см, в ширину 120 см и в глубину 340 см от 0 (–170 см от края). По всей видимости, при строительстве этого сооружения в яму был опущен сруб, а с внешней стороны яма была заполнена забутовкой (бурая плотная супесь). После того как постройка потеряла своё значение, она была заполнена мусором.

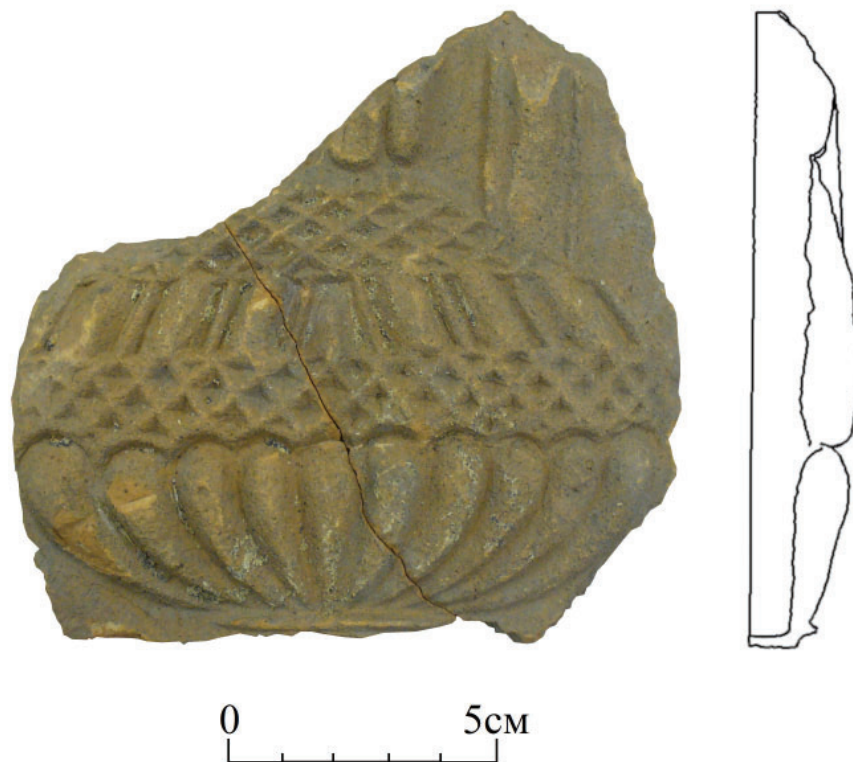

Рис. 3. Стеновой изразец из собрания Археологического музея КФУ. Свияжск. Фото М.М. Зубаревой
Fig. 3. Stove tile from the collection of the Archaeological Museum of Kazan Federal University. Sviyazhsk.
 Photo by M.M. Zubareva

Сооружение № 10 – прямоугольная в плане яма в раскопе размерами 390×70 см с отвесными стенками, вероятно, это остатки подклети или погреба. В нем четко читаются следы перекопа траншеи 2005 г.

Оба сооружения (№ 6 и № 10) можно датировать согласно находкам и данным стратиграфии XVIII в. (Ахметгалин, 2011, с. 24, 26).

Аналогичные изразцы были обнаружены в ходе археологических исследований разных лет в Казани. Кроме того, в Казани встречаются изразцы с абсолютно аналогичной композицией, но с доработанными деталями (Зубарева, 2013, с. 91–94). То есть мотив настолько понравился местным жителям, что формы для его изготовления резчики повторяли еще и еще раз, внося в них всё большее количество деталей. Такой же процесс наблюдается и в Свияжске. Об этом свидетельствует, к примеру, фрагмент изразца из раскопа № 1 на Соборной площади острова, найденный в 2005 г. (рис. 3) (Валиулина, 2006, с. 135).

Наиболее близкие аналогии встречаются в Москве. Как отмечает С.И. Баранова, «в 1680-х годах изразцовая композиция с изображением вазы не раз использовалась в Москве в облицовке печей и архитектурных сооружений», о чем свидетельствуют многие московские памятники (Баранова, 2006, с. 155).

Также близко изображение на реконструкции С.А. Маслиха печи по материалам изображений в собраниях разных музеев и печи Лопухинского корпуса и Надвратной церкви Новодевичьего монастыря в Москве. И отдалённо схожа композиция раппорта фриза из рельефных многоцветных изразцов балахнинского производства Благовещенской церкви в Нижнем Новгороде, 1697 г. (Маслих, 1983, рис. 143, 157).

Очевидно, что конкретно этот, свияжский, сюжет вазы – развитие изображения белорусской вазы с S-образными ручками (Трусов, 1988, с. 374). Этот ренессансный мотив проходил длительную эволюцию в белорусском искусстве прежде, чем попал в Московское государство, и существовал в изразцовом декоре до середины XVIII в. (Кондратьева, Паничева, 1987, с. 147).

В Литве встречаются изразцы, на которые свияжские с вазой особенно похожи. И на литовском, и на свияжском изразцах помещено только по одной вазе. Форма ваз совпадает – вид амфоры с ручками с плоским донцем и расширяющимся венчиком. Аналогично и расположение растительных элементов: снизу от донца вверх и сверху спускаются вдоль стенок вниз. Отличие только в рельефной рамке. На литовском изразце она есть

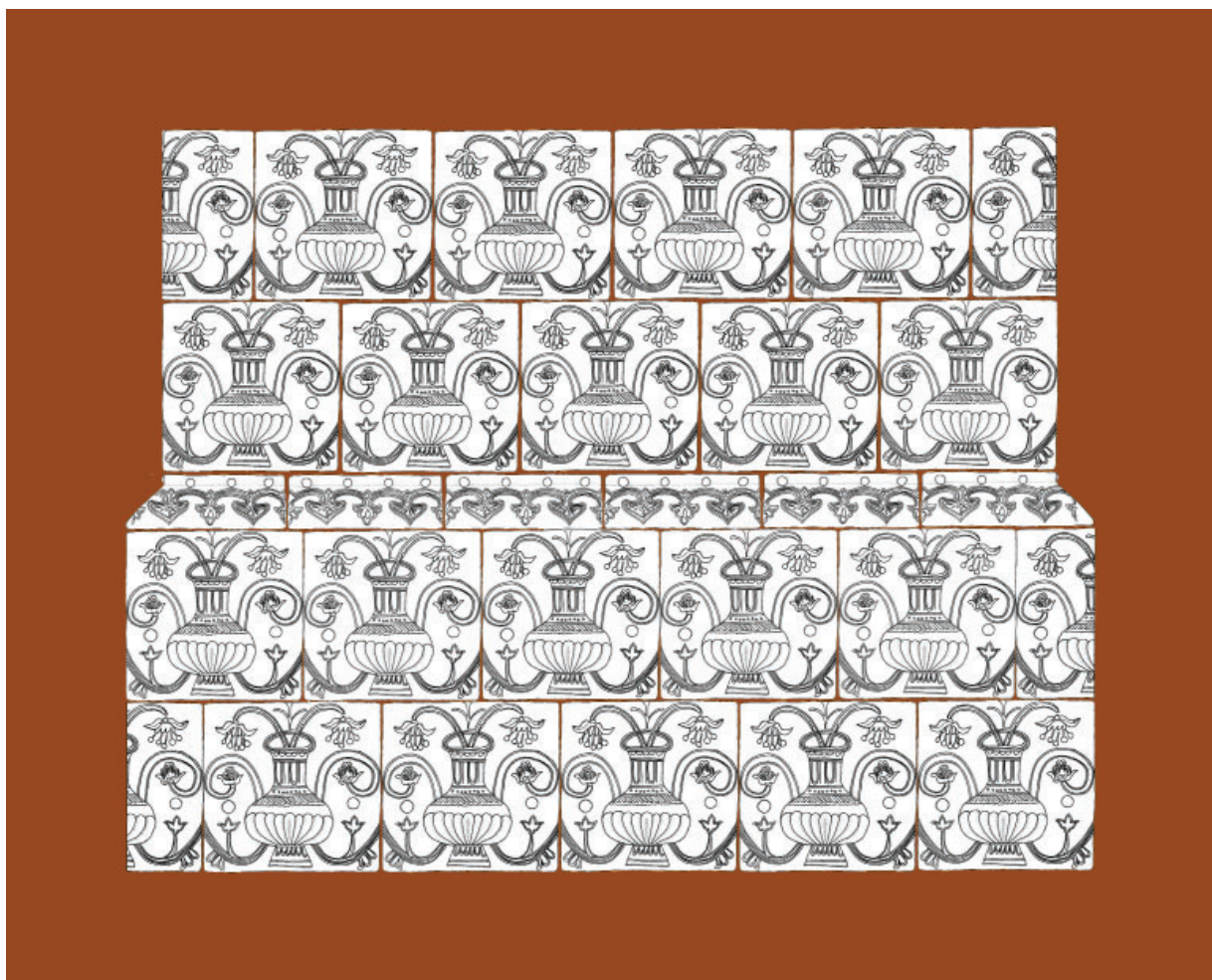

Рис. 4. Реконструкция фрагмента печи, облицованной терракотовыми изразцами с изображением вазы
Fig. 4. Reconstruction of a fragment of a stove faced with terracotta stove tiles with a vase

(Katalinas, 2015, p. 275, il. 9.254–260), а на свияжском – нет, изразец является раппортом коврового орнамента.

Популярность вазы как украшения изразцов подтверждается архитектурными памятниками всего Евразийского континента. В сборнике «Символы и эмблемата» обозначено изображение, смысл которого доступен и понятен как на Востоке, так и на Западе. Изображение № 546 «Златый кувшин с цветами, девиз: „Богатство и изобилие. И то и другое“» (Эмблемы и символы, 2000, с. 208–209).

Так как изразцы с изображением вазы встречаются в Свияжске в сооружениях конца XVII – первой половины XVIII вв., время их бытования стоит ограничить указанными временными рамками. Тем более что сюжет, вероятнее всего, в Свияжске появился с запада, из Москвы. То есть необходимо учитывать время на распространение сюжета в связи с географической удаленностью региона, что также указывает на конец XVII в. А его терракотовая лицевая пластина – вполне традиционный

и доступный для Свияжска и Казани способ украшения печей, несмотря на распространение нарядной поливы в указанный период. Но стоит отметить, что в Казани имеются изразцы со «свияжской» вазой с полихромной эмалью – это 2 фрагмента с бирюзовым фоном, белыми стеблями, синими и желтыми лепестками (Зубарева, 2013, с. 91–92).

В этом контексте, учитывая наличие многочисленных изразцов, свидетельствующих о развитии сюжета «свияжской» вазы, этот эпизод требует продолжения исследования. Тем более становится актуальным вопрос места производства этих изразцов, который до сих пор остается без ответа. Необходимо отметить, что название рассмотренного мотива «свияжской» вазой является условным для выделения его среди многих других.

На основе графических изображений стенового изразца и карниза-каблучка была создана графическая реконструкция одной стороны печи (рис. 4). В плане она, согласно форме изразцов, прямоугольная. Ширина с учетом швов составила приблизительно

120 см в верхнем объеме и 135 см – в нижнем. но других деталей печи, то реконструкция Поскольку на данный момент не выявле- выполнена не в полную высоту.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях на о. Свяжск (Республика Татарстан) за 2010 г. Т. 3. (Раскоп на месте приемки под горизонтально направленное бурение). Казань, 2010. 108 с. / Научный архив Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 295.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях на о. Свяжск (Республика Татарстан) за 2010 г. Т. 5, кн. 1. (Раскоп на месте траншеи газопровода). Казань, 2011. 150 с. / Научный архив Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 298.

Баранова С.И. Москва изразцовая. М.: АНО ИЦ «Московведение», 2006. 400 с.

Валиулина С.И. Археологические раскопки в Свяжске в 2005 г. // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарные науки. 2006. Т. 148, кн. 4. С. 129–137.

Зубарева М.М. Изразцы Казани конца XVI–XIX вв. Дисс. ... канд. истор. наук. Казань, 2013. 410 с.

Кондратьева Е.В., Паничева Л.Г. Русские изразцы с ковровым орнаментом // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 369–384.

Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобразительное искусство, 1983. 270 с.

Трусов О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI – XVII вв. Минск: Наука и техника, 1988. 160 с.

Эмблемы и символы. / Ред. А.Е. Махов. 2-е изд. испр. и доп. М.: ИНТРАДА, 2000. 368 с.

Katalinas K. Vilniaus kokliai XV–XVII amžiuje. Vilnius, 2015. 406 с.

Информация об авторе:

Зубарева Марина Михайловна, кандидат исторических наук, художник-реставратор, научный сотрудник, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Островград Свяжск» (с. Свяжск, Россия); zmm2011@mail.ru

Ахметгалин Фарид Альбертович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ach_farid@mail.ru

REFERENCES

Akhmetgalin, F. A. 2010. *Otchet ob arkheologicheskikh okhrano-spasatel'nykh issledovaniyakh na o. Sviyazhsk (Respublika Tatarstan) za 2010 g. (Raskop na meste priyamka pod gorizontal'no napravlennoe burenie) (Report on Archaeological Security and Rescue Studies on the Island of Sviyazhsk (Republic of Tatarstan) for 2010 (Excavation at the Site of a Horizontal Directional Drilling Pit))*. 3. Kazan. Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences. Fund. 4. Inv. 1. Doisser. 295 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2011. *Otchet ob arkheologicheskikh okhrano-spasatel'nykh issledovaniyakh na o. Sviyazhsk (Respublika Tatarstan) za 2010 g. (Raskop na meste transhei gazoprovoda). (Report on Archaeological Security and Rescue Studies on the Island of Sviyazhsk (Republic of Tatarstan) in 2010 (Excavation at the Site of a Gas Line Trench))* Vol. 5, Book 1. Kazan. Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1. Doisser 298 (in Russian).

Baranova, S. I. 2006. *Moskva izraztsovaya (Moscow Tiles)*. Moscow: ANO ITs “Moskvovedenie” Publ. (in Russian).

Valiulina, S. I. 2006. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)*. Vol. 148. Book 4, 129–137 (in Russian).

Zubareva, M. M. 2013. *Izraztsy Kazani kontsa XVI–XIX vv. (Kazan Tiles of the Late 16th–19th cc.)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Kondrat'eva, E. V., Panicheva, L. G. 1987. In Likhachev, D. S. (ed.). *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya: Pis'mennost', iskusstvo, arkheologiya (Monuments of Culture. New Discoveries: Writing, Art, Archaeology)*. Leningrad: “Nauka” Publ., 369–384 (in Russian).

Maslikh, S. A. 1983. *Russkoe izraztsovoe iskusstvo XV–XIX vv. (Russian Ornamental Tiles of 15th–19th cc.)*. Moscow: “Izobrazitel'noe iskusstvo” Publ. (in Russian).

Trusov, O. A. 1988. *Pamyatniki monumental'nogo zodchestva Belorussii XI–XVII vv. (Monuments of Monumental Belarus Architecture of 11th–17th cc.)*. Minsk: “Nauka i tekhnika” Publ. (in Russian).

Makhov, A. E. (ed.). 2000. *Emblemy i simvoly (Emblems and symbols)*. Moscow: “INTRADA” Publ. (in Russian).

Katalinas, K. 2015. *Vilniaus kokliai XV–XVII amžiuje*. Vilnius (in Lithuanian).

About the Authors:

Zubareva Marina M. Candidate of Historical Sciences. State Historical, Architectural and Art Museum-reserve «Island Town of Svyazhsk». Moskovskaya St., 6, Sviyazhsk, Zelenodolsk region, 422520, Republic of Tatarstan, Russian Federation; zmm2011@mail.ru

Akhmetgalin Farid A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ach_farid@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.

Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904(574)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.148.159>

ЗНАКИ-ТАМГИ КАК СИМВОЛЫ БУЛГАРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ X – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII ВЕКА

© 2022 г. И.Л. Измайлов

В статье рассматривается вопрос о тамгах, как символах владения и власти в Волжской Булгарии X – первой трети XIII в. Булгары создали государство и эффективную военно-политическую систему со своими символами и атрибутами власти. Важнейшим атрибутом государства является герб или другой символ, его заменяющий. Как правило, он был обязан своим происхождением тамгам или клеймам – символам собственности того или иного рода или клана. Комплекс материалов, который дает информацию о булгарских тамгах, включает гончарные клейма, знаки на монетах, оружии и камнях. Анализ этих знаков показывает, что они напоминают графемы тюркского рунического алфавита. Среди всех находок выявляется группа знаков-тамг («А-тамги»). Они встречаются как на массовых изделиях (гончарная посуда) в виде клейм и прочерченных знаков, так и на социально престижных предметах (монеты, оружие) и межевых (пограничных) знаках. Подобные знаки, определенно, являлись знаками правящего в Булгарии рода, маркируя его собственность и символизируя суверенитет булгарских правителей.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, тамги, средневековые гербы, владельческие знаки, геральдика, гончарные клейма, тюркская руника, монетный чекан Булгарии.

SINGS–TAMGAS AS SYMBOLS OF BULGARIA GOVERNMENT XTH - THE FIRST THIRD OF THE XIIITH CENTURY

I.L. Izmailov

The question of tamga as symbols of possession and the power in the Volga Bulgaria X – the first third of the 13th century is considered in the paper. The Bulgars created the state and an effective military-political system with the symbols and attributes of the power. The most important attribute of the state was the coat of arms or other symbol replacing it. As a rule, its origin was obliged to tamga or brands, the being symbol of property of any given sort or clan. The complex of materials which gives information on the Bulgar' tamgas includes potter's brands, signs on coins, weapon and boundary stones. The analysis of these signs shows that they remind graphemes of the Turkic runic alphabet. Among all finds the group of the signs-tamga ("A-tamgas") is revealed. They are found both on mass products (pottery) in the form of stamps and drawn signs, and on socially prestigious items (coins, weapons) and boundary (boundary) signs. Similar signs, definitely, were signs of the sort ruling in Bulgaria, marking its property and symbolizing sovereignty of Bulgar governors.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, tamga, medieval coats of arms, possessory signs, heraldry, potter's brands, Turkic runs, monetary of Bulgaria.

Изучение символики древних государственных образований представляет серьезные трудности и связано с рассмотрением истории возникновения средневековых государств. Булгария Волжская или Волжско-Камская (начало X в. – 1236) – средневековое феодальное государство в Волго-Уральском регионе. Возникло в результате переселения племени болгар (булгар), обитавшего по правобережью Среднего Дона, в конце VII в. в Поволжье. Первоначально булгары заняли территорию вдоль Волги от Самарской Луки до устья Камы, подчиняя себе различные племена, которые постепенно начинают консолидироваться вокруг булгар.

В процессе складывания государства наиболее сильным оказалось этнополитическое объединение (союз племён) булгар

во главе с Алмышем (Алмушем), которое, судя по отрывочным данным письменным источникам, уже в начале X в. являлось потестарным государством – монархией, объединенной верховной военно-политической и административно-судебной властью единой булгарской династии, но с частичным сохранением зависимых племенных вождей. Несомненно, что уже в это время начался процесс активного формирования аппарата государственной власти, основу которого составляла военно-служилая знать (подробнее см.: Измайлов, 2006, с. 124–131).

Проблема выявления герба или другого государственного символа Булгарского государства давно не дает покоя исследователям. Но при этом историки и археологи, изучая Булгарское государство, не акцентировали

внимание на символах и атрибутах власти. Именно поэтому по названной проблеме накопилось довольно много разрозненной литературы, часто поверхностной и содержащей многочисленные ошибочные сведения и выводы, вводящие в заблуждение широкую публику. Комплексное и цельное изучение данной проблемы должно, насколько позволяют источники, раскрыть вопрос о символике Булгарского государства и атрибутах власти его правителей (Измайлов, 2009, с. 18–34).

Важнейшим атрибутом государства является герб или другой символ, его заменяющий. Для средневекового общества в качестве подобного знака обычно выступает знак собственности правящего рода, который, как правило, своим происхождением обязан тамгам или клеймам, являющимся символом собственности того или иного рода или клана. В этом смысле владельческая тамга является лишь упрощенной формой герба, поскольку средневековая страна целиком – ее территория и население – понималась современниками как исключительная собственность правящего рода.

Одним из основных символов булгарского государства является тюркская руническая графема, напоминающая перевернутую кириллическую букву «А» с различными вариантами оформления внутренней перекладины, угла схождения длинных сторон и окончаний этих длинных сторон.

Впервые этот знак был выявлен на монетах, чеканенных в Болгаре (Фасмер, 1926, с. 29–60). Позднее монеты с булгарскими тамгами были изучены С.А. Яниной, которая отметила, что большинство подобных знаков характерны для типов монет 366 г. х., чеканенных в Болгаре и принадлежавших эмиссиям эмира Му'мина ибн ал-Хасана, относящимся к 370-м гг. х. (Янина, 1962, с. 192). В последние годы подобные тамги были выявлены еще на нескольких монетах из Русенихинского могильника, чеканенных в Болгаре от имени Му'мина ибн ал-Хасана (Мухаметшин, Гомзин, 2018, с. 242–255) (рис. 1).

Наиболее многочисленная по количеству находок группа подобных знаков изучена на булгарской керамике. По данным исследователей (Кочкина, 1983, с. 69–93; Кокорина, 1989, с. 89–97; Кокорина, 2002, с. 160–161, рис. 106, 107), она является наиболее распространенным видом клейма на гончарной посуде в домонгольский и, возможно, в раннезолотоордынский периоды (к этой группе клейм относятся около 49% от всех знаков,

Рис. 1. Знак на монете Мумина ибн ал-Хасан из Русенихинского могильника (по Т.Б. Никитиной)
Fig. 1. Sign on the coin of Mumin ibn al-Hasan from the Rusenikhinsky burial ground (after T.B. Nikitina).

обнаруженных на Билярском городище и 68% всех клейм Русско-Урматского селища) (рис. 2, 3, 4). Подробно состав и стилистические особенности подобных клейм изучила Н.А. Кокорина, которая сделала ряд интересных наблюдений о систематике этих клейм, их семантике и хронологии (Кокорина, 1989, с. 89–97). Автор, проанализировав 336 подобных клейм, систематизировала их в 9 групп и 39 типов и определила, что подобные клейма составляют 41,5% от всего количества выявленных на территории Булгарии гончарных клейм. Относительно хронологии их бытования Н.А. Кокорина полагает, что они широко бытовали в Среднем Поволжье с VIII до начала XV в. (Кокорина, 1989, с. 90; Кокорина, 2002, с. 160–161) (рис. 3). Представляется, однако, что хронология данных клейм слишком расширена и, скорее всего, не выходила за рамки булгарского периода, а в слой золотоордынского времени попала уже в переотложенном состоянии.

Анализ гончарных клейм и керамики, на которую они были нанесены, проведенный А.Ф. Кочкиной, показывает, что в значительном большинстве все они датируются X – первой половиной XIII в. (Кочкина, 1983, с. 80–84, рис. 3) (рис. 5). При этом нельзя исключать возможность того, что какие-то мастерские в раннезолотоордынский период продолжали использовать традиционные клейма, которые к концу XIII в. вышли из употребления, хотя никаких бесспорных фактов в пользу позднего распространения этих клейм нет.

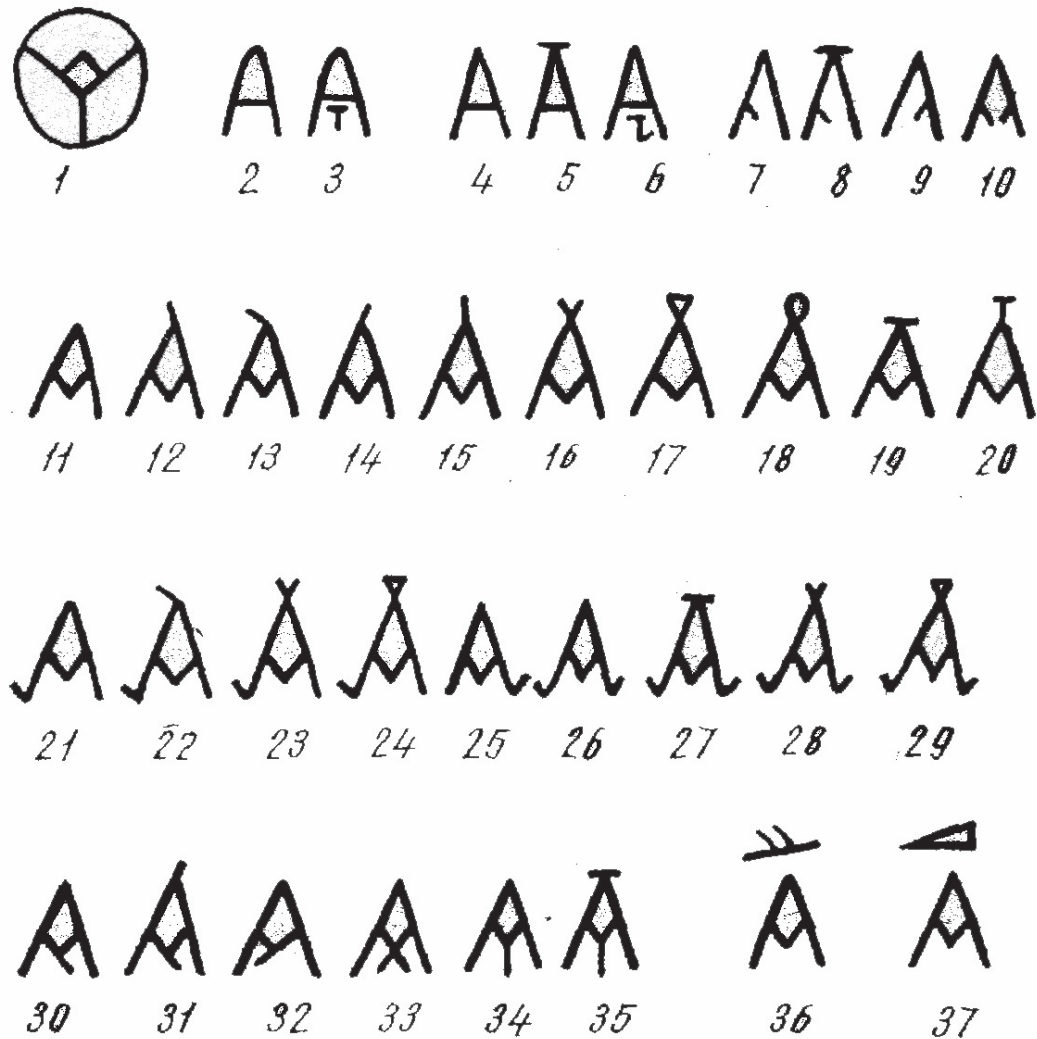

Рис. 3. Виды гончарных клейм в виде буквы «А» X–XIV вв. (по Н.А. Кокориной)
 Fig. 3. Types of pottery stamps in the form of the letter "A" X–XIV cc. (after N.A. Kokorina)

В литературе существует целый ряд точек зрения на характер этих клейм. Долгое время считалось, что это знаки собственности мастеров, своеобразные торговые марки семейных мастерских (Кочкина, 1983, с. 87), или родовые тамги (Халиков, 1983, с. 82), или «не персональные знаки мастера – гончара, а принадлежали более широким группам людей... Возможно, семейно-родовые символы – тамги» (Кочкина, 1983, с. 87). Позднее Н.А. Кокорина прямо связала этот вид болгарских клейм с «тамгой правящего в Волжской Булгарии княжеского рода и основной группы населения», а размещение гончарных мастерских с тамгой «А» в политических центрах – свидетельство принадлежности их к государству» (Кокорина, 1989, с. 93; Кокорина, 2002, с. 160). С этими выводами можно согласиться с определенными оговорками. Однако мысль, что «разнообразие типов клейма «А» связано, с одной стороны, с разветвленностью как

правлящего рода, состоящего из отдельных колен и семей, так и основной группы болгарского населения, а с другой – объясняется, вероятно, существованием работы на заказ в государственных мастерских» (Кокорина, 1989, с. 93), а также, что сдвоенные тамги этого вида с другими могут служить «примером заключения военных союзов между ними», как и мысль, что преемственность этих тамг в домонгольское и золотоордынское время может свидетельствовать о династической и этнической преемственности населения Булгарии (Кокорина, 1989, с. 93; Кокорина, 2002, с. 160), вызывает серьезные сомнения и возражения.

Мнение автора о характере этих клейм является весьма расплывчатым и половинчатым. С одной стороны, этот вид клейма был символом правящего болгарского дома, а с другой – основной группы населения. С одной стороны, это знак государственной

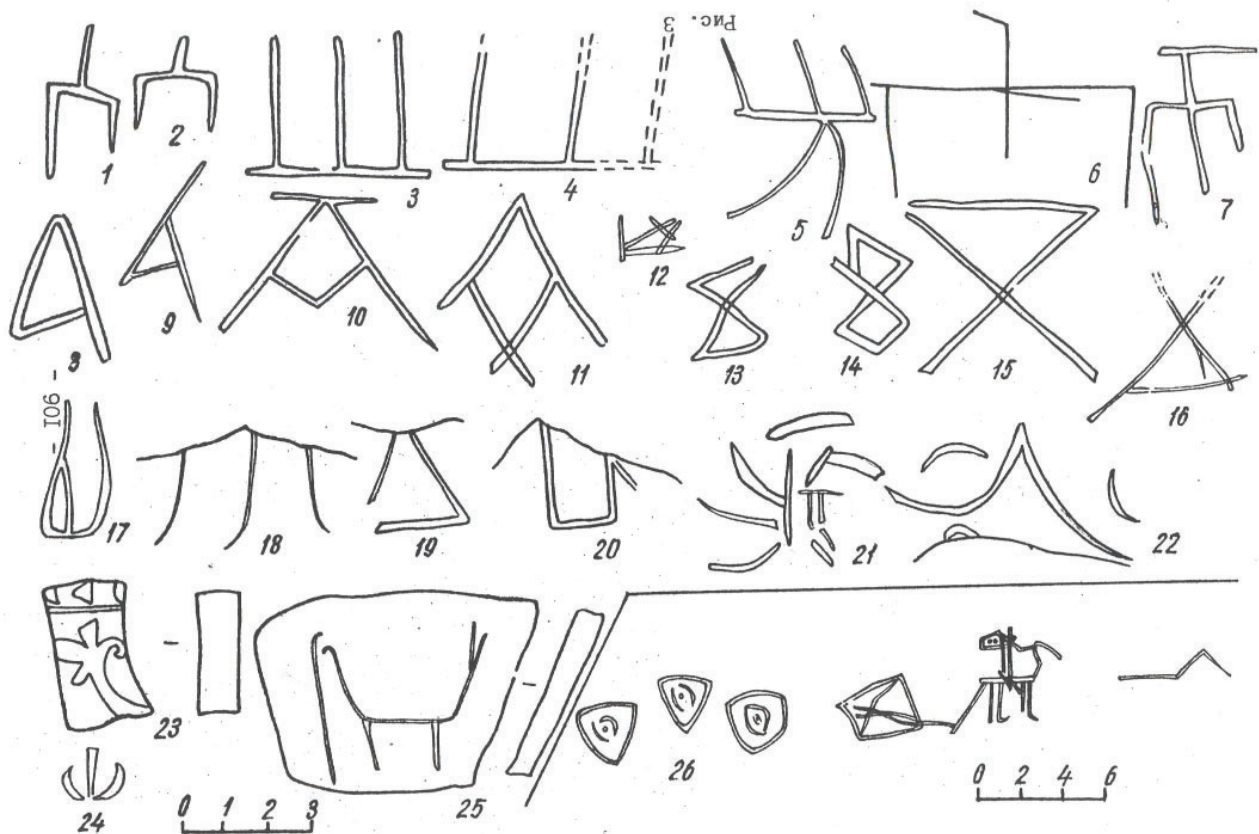

Рис. 6. Рисунки на керамике. Билярское городище (по А.Ф. Кочкиной)
Fig. 6. Drawings on ceramics. Bilyar fortified settlement (after A.F. Kochkina)

эти знаки носили, безусловно, практический и утилитарный характер и наносились с целью удобства хранения, транспортировки и инвентаризации содержимого (Кочкина, 1983, с. 99, рис. 3, 9–11) (рис. 6).

Подтверждают данную трактовку другие предметы, где также встречены подобные знаки. В первую очередь, это предметы вооружения. Один знак обнаружен на костяном кистене, найденном при раскопках болгарского городища Хулаш (Каховский, Смирнов, 1972, с. 59, рис. 19). Эта булава относится к типу I, который объединяет костяные (лосиный рог) кистени яйцевидной формы со сквозным отверстием по оси, куда вставлялся железный стержень с петлей для крепления к рамке на одном конце и заклепанный – на другом (рис. 7). Кистени этого типа продолжают раннебулгарские традиции и являются самыми ранними среди других аналогичных находок. Наиболее близкие кистени происходят из слоев X–XI вв. Саркела и ряда городов Древней Руси, в том числе и Новгорода, датируются вплоть до XII в. (подробнее см.: Измайлов, 1997, с. 104–106, рис. 70). Очень интересно, что эта находка по типу и характеру исполнения аналогична широко известной костяной гире из Белой Вежи с тамгой, близ-

кой знакам Рюриковичей (Артамонов, 1958, с. 76, рис. 55), доказывающей принадлежность владельца этого оружия к дружинной знати (Кирпичников, 1966, с. 59).

Другое оружие, где открыт этот знак – это топор с клиновидным лезвием, округлыми щековицами и фигурным молоточковидным обухом, происходящий из окрестностей Билярского городища (ныне хранится в собрании ГИМа). Подобные топоры были широко известны на Руси (Кирпичников, 1966, с. 33, 35) и в Булгарии (Измайлов, 1997, с. 77–80) в IX–XI вв. Топорик из Биляра весьма своеобразен и искусно отделан с помощью серебра, золота и черни. (рис. 8) На его лезвиях сохранились изображения: на одной – древа жизни и птиц по бокам, а с другой – извивающегося дракона, пронзенного мечом. Некоторые орнаментальные мотивы (узор в виде ступенчатой пирамиды, «лестничная» кайма) имеют аналогии на предметах из Северной и Центральной Европы (подробнее см.: Сизов, 1897, с. 145–162). Среди исследователей есть мнение, что этот топорик был произведен одной из древнерусских мастерских (Кирпичников, 1966, с. 35), что не объясняет, почему на этом топорике имеется болгарское клеймо, которое ни разу не встречено на Руси, и

Рис. 7. Кистень. Лосиный рог. X–XI вв. Городище Хулаш (По В.Ф. Каховскому и А.П. Смирнову).

Fig. 7. Brush. Elk horn. X–XI cc. Khulash settlement (after V.F. Kakhovsky and A.P. Smirnov).

как этот дорогой предмет попал в Биляр. Не вдаваясь в дискуссию о характере и месте производства этого топорика, следует отметить, что болгарская принадлежность его по месту находки несомненна.

Еще одна находка подобного знака была сделана в районе с. Нижнее Абдулово (Альметьевский р-н РТ) на камне-стеле (Ахметзянов, 1999, с. 314–315). Скорее всего, данный знак являлся пограничным знаком на юго-восточной границе Булгарии.

Исследователи указывали также на то, что подобные знаки встречаются также на «пломбе-печати» из Болгара», на серебряных браслетах, а также на навершиях богатых эпитафий из Заказанья» (Валеев, Валеева, 1987, с. 140; Кокорина, 2003, с. 160). Однако следует подчеркнуть, что это явные недоразумения. На «печатах» из Болгара, как и на браслетах, явно просматривается орнаментальный мотив в виде двух сходящихся под острым углом стеблей, образующих в месте соединения овальный или подромбический бутон с загнутыми в обратную сторону кривыми, который был широко известен в Улусе Джучи в XIV в. и не имеет ничего общего со знаком «А»

(Полякова, 1996, с. 179–186; Золотая Орда, 2005, с. 111, 122, 127, 158, 159). Относительно наличия знака «А» на навершиях богатых эпитафий из Заказанья – это просто та же ошибка искусствоведов, увлекшихся теориями преемственности между культурами Булгарии и современных татар, для которых нет ни хронологических различий, ни особенностей композиции, ни общего контекста культуры. Для них образцы культуры Булгарии, Улуса Джучи и Казанского ханства – все единое целое, тогда как в действительности это совершенно разные культурно-хронологические явления, имеющие свои истоки и репертуарные особенности. Дело в том, что в этой работе указывалось, что в орнаментальном оформлении эпитафийных памятников использовались «А-образные мотивы в цветочно-растительной трактовке» (Валеев, Валеева, 1987, с. 84, 140, рис. 14, 56, 60). Однако изучение приложенных иллюстраций показывает, что речь идет не об А-образных мотивах, а о растительном орнаменте, характерном для Улуса Джучи, а отнюдь не для Булгарии X–XIII вв. Иными словами, на проверку оказывается, что ни на каких изделиях золотоордынского времени знаков типа «А» не обнаружено.

Тем самым можно очертить круг использования «А»-тамги – это прежде всего болгарские монеты X в., некоторые парадные предметы вооружения (орнаментированный топор и костяной кистень с тамгами) и гончарные клейма. То есть речь может идти о функционировании определенной системы знаков – тамг.

Относительно интерпретации этого символа есть определенные наработки исследователей. По мнению А.Ф. Кочкиной, впервые обратившейся к интерпретации этого знака, он имеет эквиваленты в тюркском орхон-енисейском руническом письме, скорее всего, передавал звук «б2» и, возможно, означал начальную букву слов «Биляр» или «Булгар» (Кочкина, 1983, с. 89, рис. 2) (рис. 9). К этому мнению присоединилась также Н.А. Кокорина, которая предложила свою семантику этого знака. По ее мнению, этот знак использовался в качестве тамги родом волка («буре») в Юго-Восточной Башкирии, волк в качестве прародителя тюрков являлся тотемом рода каганов Ашина, а почитание волка известно у многих средневековых и современных тюркских народов, в том числе сохранилось в татарском и башкирском фольклоре (Кокорина, 1989, с. 92–93; Кокорина, 2002, с. 160–161).

Рис. 8. Орнаментированный топорик, так называемый «топорик Андрея Боголюбского». Биляр. X–XI вв. ГИМ.
Fig. 8. An ornamented hatchet, the so-called "hatchet of Andrey Bogolyubsky". Bilyar. X–XI cc. State Historical Museum.

Иными словами, автор полагает, что данный знак мог быть начальной графемой слова «буре» и являться символом правящего в Булгарии рода, имеющего родство с каганами Ашина. Но если реальность почитания волка как прародителя всех тюрков многими древними и современными тюркскими народами не вызывает особых сомнений, то однозначность сопоставления правящего болгарского рода

с волком и знаком этого тотема сомнительна. Во-первых, нет никаких свидетельств об особом почитании волка у болгар, во-вторых, в Великой Болгарии, как известно, правил род Дуло, являвшийся соперником тюркского рода каганов Ашина, а в-третьих, графема «А» могла передавать на письме как звук «б», так и «м», поскольку разница между ними была только в вертикальном или горизонталь-

Древнетюркские руны	1	У	У	1	↑	У	У	У	У	х	Δ	D	Q	>	▷	У	А	А	х	х	Є	~
Биляр	1	У	У	1	↑↑	У	У	У	У	х	Δ	D	Q	>	▷	У	А	А	х	х	Є	~
Муромский городок	1	У	У		↑							D		λ							ЄЄ	
Дунайская Болгария					↑	У	У	У	У	х			Q	>								
Салтово-маяцкая культура прочерченные знаки		У		1		У		У	У	х	Δ	D		>	▷	У		А				~

Рис. 9. Соотношение гончарных клейм из разных регионов с буквами тюркской руники (по А.Ф. Кочкиной).
Fig. 9. Correlation of pottery marks from different regions with the letters of the Turkic runic (after A.F. Kochkina).

ном начертании (Малов, 1951, с. 17; Васильев, 1983, с. 5, табл. 6, 18). В этой связи можно с определенной долей сомнения присоединиться к тем исследователям, которые видят в «А»-тамге знак правящего болгарского рода.

История подобного знака восходит еще к раннебулгарскому времени, поскольку клейма подобного вида обнаружены на керамике из Большетарханского могильника (Генинг, Халиков, 1964, табл. 6–7). В X–XI вв. этот знак одновременно с гончарными клеймами обнаружен на монетах и предметах вооружения. В XII–XIII вв. является наиболее распространенным знаком среди гончарных клейм Билярского городища. В последующее время, видимо, постепенно выходит из употребления. Таким образом, учитывая широкую распространенность подобного знака в символическом пространстве, прежде всего в сфере государственно-политической и военнотрудовой, а также в целой системе, очевидно, государственных гончарных мастерских, можно прямо утверждать, что это была не обычная владельческая тамга, а символ правящего в Болгарии рода. Типологически и функционально подобные тамги были, очевидно, идентичны «знакам Рюриковичей» на Руси и владельческим (ханским?) знакам из Дунайской Болгарии, которые также, по мнению некоторых исследователей, восходят именно к тюркской рунике (Соболева, 2006, с. 15–66; Дончева-Петкова, 1980, с. 7–19).

Другим знаком, также обнаруженным на монетах и среди гончарных клейм, является символ в виде горизонтально лежащего молоточка с косым отрезком, выходящим из середины длины «рукояти» и направленным в сторону от «бойка» (рис. 46). На некоторых клеймах «рукоять» прямая, а имеет вид полукруглости. Этот знак встречается на монетах Му'мина ибн-Ахмеда, чеканенных в 366

г. х., по всей видимости, в Суваре (Янина, 1962, с. 192). Подобный знак был также обнаружен среди клейм на Вальнском городище («Муромский городок») (Кочкина, 1983, рис. 5) и Болгарском городище. Есть мнение А.П. Ковалевского, что этот знак был родовым символом сувар (Ковалевский, 1954, с. 48). Возможно, эта гипотеза имеет право на существование. Более корректно считать эту тамгу владельческим знаком правителей Сувары, а не какого-либо племени или этноса. Следует подчеркнуть, что только отрывочность и малочисленность письменных источников не позволяет исследователям сопоставить другие знаки, известные по клеймам и граффито на гончарной посуде с владельческими знаками. Однако по мере расширения базы исследования, это вполне возможно будет сделать.

Таким образом, вся совокупность материалов позволяет сделать вывод, что в Булгарском государстве выявляется целый ряд важнейших для ее государственности символов власти, подчеркивавших его суверенность и самостоятельность. Среди всех находок выявляется группа знаков-тамг («А-тамги»), которые встречаются как на массовых изделиях (гончарная посуда) в виде клейм и прочерченных знаков, так и на социально престижных предметах (монеты, оружие) и межевых (пограничных) знаках. Подобные знаки, определенно, являлись знаками правящего в Болгарии рода, маркируя его собственность и символизируя суверенитет. Различные виды знаков-тамг были широко распространены в средневековой Евразии и служили отличительными знаками правящих родов. Все это заставляет считать, что Болгария имела развитую систему государственных символов, включая родовой знак собственности рода болгарских правителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.–Л.: АН СССР, 1958. С. 7–84.
- Ахметзянов М.И. Борынгы балбал // Из истории Альметьевского региона / ред. Д. Исаков Казань: Татполиграф, 1999. С. 314–315.
- Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань: Таткнигоиздат, 1987. 204 с.
- Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации). М.: Наука, 1983. 158 с.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
- Дончева-Петкова Л. Знаци върху археологически паметници от средновековна България VIII–X век. София: Изд-во БАН, 1980. 187 с.

Золотая Орда. История и культура / Под общ. науч. ред. М.Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2005. 264 с.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов И.Л. Образование Булгарского государства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 124–131.

Измайлов И.Л. «Зеленых не сочтешь там шелковых знамен...» (Символы булгарской государственности X – первой трети XIII в.) // Гасырлар Авазы = Эхо веков. 2009. № 2. С. 18–34.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Ред. Прохорова А.А. Чебоксары: Чувашский научно-исследовательский институт литературы, истории и языка, 1972. С. 12–70.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 362 с.

Ковалевский А.П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары: Чувашский научно-исследовательский институт литературы, истории и языка, 1954. 63 с.

Кокорина Н.А. Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С. 89–97.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности булгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.

Кочкина А.Ф. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков, П.Н. Старостин. Казань: Институт ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 69–92.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.

Мухаметшин Д.Г., Гомзин А.А. Нумизматический материал из Русенихинского могильника // Археология Евразийских степей. 2018. № 3. С. 242–255.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–257.

Сизов В.И. Древний железный топорик из коллекции Исторического музея // Археологические известия и заметки. 1897. Т. V. С. 145–162.

Соболева Н.А. Очерки истории Российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с.

Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X века // ИОАИЭ. Т. XXIII. Вып. I. Казань, 1926. С. 29–60.

Халиков А.Х. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1986. С. 72–83.

Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии X в. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 179–204.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

REFERENCES

Artamonov, M. I. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 239–268 (in Russian).

Akhmetzyanov, M. I. 1999. In Iskhakov, D. (ed.). *Iz istorii Al'met'evskogo regiona (From the History of the Almet'yevsk Region)*. Kazan: "Tatpoligraf" Publ., 314–315 (in Russian).

Valeev, F. Kh., Valeeva-Suleimanova, G. F. 1987. *Drevnee iskusstvo Tatarii (Ancient Art of Tataria)*. Kazan: Tatknigoizdat (in Russian).

Vasil'ev, D. D. 1983. *Graficheskii fond pamiatnikov tiurkskoy runicheskoi pis'mennosti aziatskogo areala: opyt sistematizatsii* (*Graphic Fund of Monuments of the Turkic Runic Writing of the Asian Area: Experience of Systematization*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik)* (*Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground)*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Doncheva-Petkova, L. 1980. *Znatsi v"rkhu arkheologicheskii pametnitsi ot srednevekovna B"lgariya VIII–X vek.* (*Signs on Archaeological Monuments of Medieval Bulgaria of the 8th–10th Centuries*). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ. (in Bulgarian).

Piotrovsky, M. B. (ed.). 2005. *Zolotaya Orda. Istoriya i kul'tura* (*The Golden Horde. History and Culture*). Saint-Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).

Izmaylov I.L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v.* (*Armament and Military Affairs of the Population of Volga Bulgaria in the 10th – early 13th cc.*). Magadan: SVNTs DVO RAN.

Izmaylov, I. L. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh* (*History of the Tatars since Ancient Times in Seven Volumes*). Vol. 2. Kazan: "Rukhil" Publ. 124–131.

Izmaylov, I. L. 2009. In *Gasyrlar Avazy = Ekho vekov* (*Echo of Centuries*) (2), 18–34.

Kakhovskiy, V. F., Smirnov A. P. 1972. In Prokhorova, A. A. (ed.). *Gorodishche Khulash i pamiatniki srednevekov'ia Chuvashskogo Povolzh'ia* (*Khulash Fortified Settlement and Medieval Monuments of the Chuvash Volga Region*). Cheboksary: Chuvash Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 12–70 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie* (*Early Russian Weapons*) 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv.* (*Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th cc.*). Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kovalevskiy, A.P. 1954. *Chuvashi i bulgary po dannym Akhmeda ibn-Fadlana* (*The Chuvash and Bulgars According to Ahmed Ibn-Fadlan*). Cheboksary: Chuvash Scientific Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Kokorina, N.A. 1989. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Rannie bolgary v Vostochnoy Evrope* (*The Early Bulgars in Eastern Europe*). Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 89–97 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur* (*Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bolgar and Bolgar-Tatar Cultures)*). Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kochkina, A. F. 1983. In Khalikov, A. Kh., Starostin, P. N. (eds.). *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii* (*Medieval Archaeological Sites of Tataria*). Kazan: Institute for Language, Literature and History, 69–92 (in Russian).

Malov, S. E. 1951. *Pamiatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti: teksty i issledovaniia* (*Monuments of Ancient Turkic Writing: Texts and Studies*). Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Mukhametshin, D. G., Gomzin, A. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* (*Archaeology of the Eurasian Steppes*), (3), 242–255 (in Russian).

Polyakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov* (*City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders*). Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–257 (in Russian).

Sizov, V. I. 1897. In *Arkheologicheskie izvestiya i zametki* (*Archaeological News and Notes*) (5), 145–162.

Soboleva, N. A. 2006. *Ocherki istorii Rossiiskoi simvoliki. Ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta* (*Essays on the History of Russian Symbolism. From Tamga to Symbols of State Sovereignty*). Moscow: "Iazyki slavyanskikh kul'tur" Publ. (in Russian).

Fasmer, R.R. 1926. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* (*Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University*) XXIII (1). Kazan, 29–60 (in Russian).

Khalikov, A.Kh. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Posuda Biliara* (*Dishware of Bilyar*). Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 72–83 (in Russian).

Yanina, S.A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition*) Vol. 4. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR

(Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 179–204 (in Russian).

About the Author:

Izmailov Iskander L. Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Baturina St., 7a, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

УДК 902/903:2

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.160.171>**ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ**

© 2022 г. Е.П. Казаков

Статья состоит из двух частей. Первая посвящена воспоминаниям автора о своем учителе в постижении археологии – Владимире Федоровиче Генинге, его методе воспитания профессиональной самостоятельности и ответственности у учеников, требовательной и принципиальной подготовке помощников и младших коллег и о высоком авторитете учителя. За 1958–1963 годы В.Ф. Генинг исследовал ряд важных памятников и открыл археологические культуры, среди которых именьковская и кушнаренковская. На раскопках этих памятников принимал участие и автор статьи. Показательным фактом является то, что вчерашние студенты стали соавторами одной из первых монографий В.Ф. Генинга. Во второй части сообщается история открытия и дается краткая характеристика новых, выдающихся памятников эпохи камня в Закамье, которые позволили выделить такие культуры как средневолжская палеолитическая и меллятамакская мезолитическая.

Ключевые слова: археология, В.Ф. Генинг, Закамье, палеолит, мезолит, раннее Средневековье.

A LOOK INTO THE PAST**E.P. Kazakov**

The article consists of two parts. The first one is devoted to the author's memories of his teacher in the comprehension of archaeology – Vladimir Fedorovich Gening, his method of educating students' professional independence and responsibility, the demanding and principled training of assistants and junior colleagues, and the high authority of the teacher. During 1958–1963 V.F. Gening explored a number of important sites and discovered archaeological cultures, including the Imenkovo and Kushnarenkovo cultures. The author of the article also took part in the excavations of these sites. An indicative fact is that yesterday's students became co-authors of one of the first monographs by V.F. Gening. The second part tells the history of the discovery and gives a brief description of the new, outstanding of the Stone Age in the Kama region, which made it possible to identify such cultures as the Middle Volga Paleolithic and Mellyatamak Mesolithic.

Keywords: archaeology, V.F. Gening, Trans-Kama River region, Paleolithic, Mesolithic, Early Middle Ages.

*Все то, что будет, когда-то пройдет?
А то, что было – нас не найдет.
Что есть сейчас – всего лишь миг,
Который нас в пути настиг...*

Но вот этот миг и позволяет нам вспомнить прошлое, как-то оценить его. Вспоминается «кабинет археологии» и мой первый учитель – Владимир Федорович Генинг, который в 1958-1963 гг. был моим научным руководителем. У него была довольно сложная жизнь. Во время войны Владимир Федорович как советский немец был мобилизован на строительство железной дороги в Казанско-Ульяновское правобережье р. Волги. Потом, после окончания университета в течение жизни он работал в таких крупных центрах археологии как города Пермь, Ижевск, Казань, Свердловск (Екатеринбург), Киев.

Казанский период В.Ф. Генинга совпал с его поступлением в аспирантуру к Н.Ф. Калинин. В 1958 году он начал готовить монографию по материалам раскопанных им памятников у с. Рождественно. В этой работе он привлек двух первокурсников: Р.К. Валева

и меня. Конечно, со стороны руководителя это был смелый шаг. Мне досталась тема по типологии керамики. Кто знает, тот поймет, что значит анализировать фрагменты лепной плоскодонной неорнаментированной посуды (мы даже не знали, к какой культуре она относится), от которой наиболее сохранялась только придонная часть с обломком стенки. Для работы с тысячами обломков этой керамики нужны не только дисциплина, но и упорство.

Я снимал в это время угол в подвальной квартире одного старика, рабочего университета, под зданием химфака КГУ. Естественно мне чаще других приходилось бывать в кабинете археологии. Последний в то время и до 1978 года находился на четвертом этаже этого корпуса.

Очень насыщенным выдался мой первый полевой сезон 1959 г. В этот год я, досрочно сдав экзамены, уехал в отряд А.Х. Халикова,

который работал на стоянке Таланкина Гора в Марийской республике. После этого под руководством В.Ф. Генинга я поехал в Пермский край сначала на раскопки могильника Качка, а затем, спустившись вниз по р. Каме, отряд работал на городище Красная Горка. Закончив исследования на городище наш отряд на пароходе переехал в райцентр Кушнаренково Башкирии для раскопок могильника. Здесь мы объединились с отрядом антропологов Московского университета под руководством М.С. Акимовой, который до этого работал на поздних могильниках Удмуртии.

После раскопок ряда интересных погребений Владимир Федорович должен был уехать по делам, оставив меня и М.С. Акимову руководить раскопками. Но ни она, ни я не имели опыта исследования языческих могильников. Помню, при раскопках парного погребения 27, сопровождаемого вещами, черепом и костями ног лошади, я долго переживал - верно ли мы все делаем. Когда приехал В.Ф. Генинг, доложил ему, что, видимо, не все методические требования соблюдали при раскопках. На что он ответил (а в поле он был строг): «Это, Женя, не ваше дело». Только позднее, когда был открыт в 1982 г. II Коминтерновский могильник, стало ясно, что мы копали поздне-сарматский Кушнаренковский могильник.

Из села Кушнаренково Владимир Федорович отправил несколько разведочных отрядов (каждый состоял из одного парня и девушки) по берегам р. Белой и Камы. Это тоже был смелый шаг – послать студентов, только что закончивших первый курс, на серьезные маршруты. Но, вероятно, такая практика профессионального обучения и воспитания была свойственна руководителю.

По завершению разведок часть отряда уехала на раскопки Бирского могильника в Башкирии, под руководством Н.А. Мажитова, а наша группа с Владимиром Федоровичем начала исследования Тураевского могильника, открытого разведками отряда Р.К. Валиева. К концу нашего первого полевого сезона мы приобрели навыки и опыт, что позволило В.Ф. Генингу доверить нам пяти студентам продолжать раскопки самостоятельно. Позднее стало известно, что в г. Ижевске в это время он готовил книгу по культурам Средневековья в Прикамье.

В 1960 г. наш небольшой отряд (трое ребят вместе со мной и две девушки) продолжил раскопки этого уникального памятника.

Тот, кто копал курганные могильники без применения техники, знает, как это трудно.

Тураевский могильник – это своеобразные «пирамиды Прикамья». Здесь в глубоких (до 4 м), длинных (до 320 см) и широких (до 120 см) ямах были захоронены воины с большим количеством вооружения (сейчас эти материалы находятся в Археологическом музее КФУ). Особенно нам тяжело достались работы на погребении кургана VIII. Пошли дожди, и мы натянули над могилой палатку. Но, чтобы вынуть грунт из могилы, глубина которой достигала 4 м, не считая курганной насыпи, приходилось перекидывать его в два этапа.

В.Ф. Генинг предложил мне написать отчет по этому могильнику. Но, не имея навыка работы такого рода, я слишком медленно работал, и руководитель сам закончил ее, опубликовав позднее статью (Генинг, 1976, с. 55–108). В ней В.Ф. Генинг относил население, оставившее некрополь, к южным группам, отступившим под натиском гуннов. Позднее появилась работа, в которой утверждалось, что данный памятник оставили сарматы, которые в летний период уходили в Прикамье (Казаков, 2011а, с. 8–39).

Хочешь не хочешь, в 1961 г. я был вынужден писать отчет, правда, по погребениям более простым, чем Тураевские. Работая с большим отрядом практикантов на Маклашевских курганах, А.Х. Халиков с отрядом в 7 человек, послал меня в д. Танкеевку, которая находилась в 7 км. Прямо среди улицы мы поставили лагерь и начали работать. Надо было найти могильник, о котором сохранились сведения с 1914 года, и мы нашли его! Когда через неделю А.Х. Халиков приехал в деревню, он был поражен богатством материалов в погребениях (около 10): бронзовые и серебряные украшения, круговая керамика, погребальные маски и др. Тут же весь отряд из Маклашевки был перебазирован в Танкеевку и начались многолетние работы на этом некрополе, предоставившем основной материал по истории ранней Волжской Болгарии.

В 1960 г. я принял участие в раскопках В.Ф. Генинга Больше-Тарханского могильника. Материалы этого некрополя оказались ключевыми по выделению, датировке и характеристике всего этапа раннеболгарского периода (Генинг, Халиков, 1964). Широкие и длительные работы позволили вскрыть 273 захоронения с интересным инвентарем.

Работа на памятниках под руководством моих первых учителей В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова навсегда определила мой выбор профессии. Теперь, вспоминая прошлое, с определенным фетишизмом, оцениваю такие

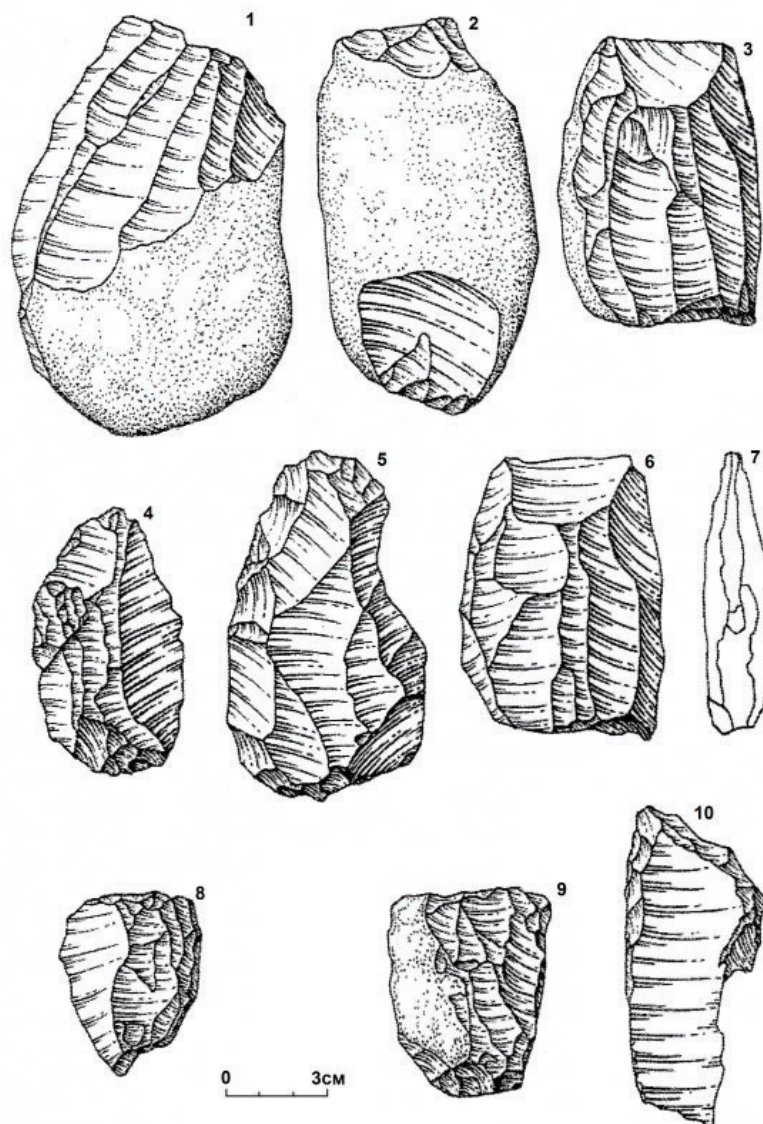

Рис. 1. Кремнёвые изделия Измерской I палеолитической стоянки
 Fig. 1. Flint items from the Izmer I Paleolithic site

понятия как судьба, встречи, обстоятельства. Из армии меня могли не отпустить за 2 – 3 месяца до окончания службы. В Казанский университет я мог бы поступить в 1955 г., когда, мечтая учиться по профессии «экономическая география», после школы сдал экзамен на 4 и 5. Приемные комиссии обычно долго решают вопрос о тех, кто принят в ВУЗ. Я уехал в пос. Бутурлино и через долгое время просил документы. Последние пришли ко мне с сообщением, что я «не прошел по конкурсу».

В 1962 г. вышла книга Владимира Федоровича, соавторами которой были и мы, еще на первом курсе готовившие свои разделы. В этом труде В.Ф. Генинг, отличавшийся глубоким знанием археологических материалов и нестандартностью подхода к ним,

впервые выделил именьковскую культуру (Генинг и др., 1962). Вопрос об этносе носителей ее, занимавшем в эпоху средневековья широкую территорию в Урало-Поволжье, в течение нескольких столетий вызывал и, видимо, будет вызывать острую дискуссию среди крупнейших археологов Восточной Европы.

В 1963 г. В.Ф. Генинг, переезжая работать в Свердловск (Екатеринбург), предложил и мне поехать с ним. Но я ответил, что не хочу отрываться от археологии Татарстана и, в первую очередь, по теме Волжской Болгарии, в которую уже втянулся. Через некоторое время я обратился к А.Х. Халикову с вопросом, что же мне делать, кто будет моим руководителем? «Так, я могу», – ответил он. Так у меня сменился руководитель!

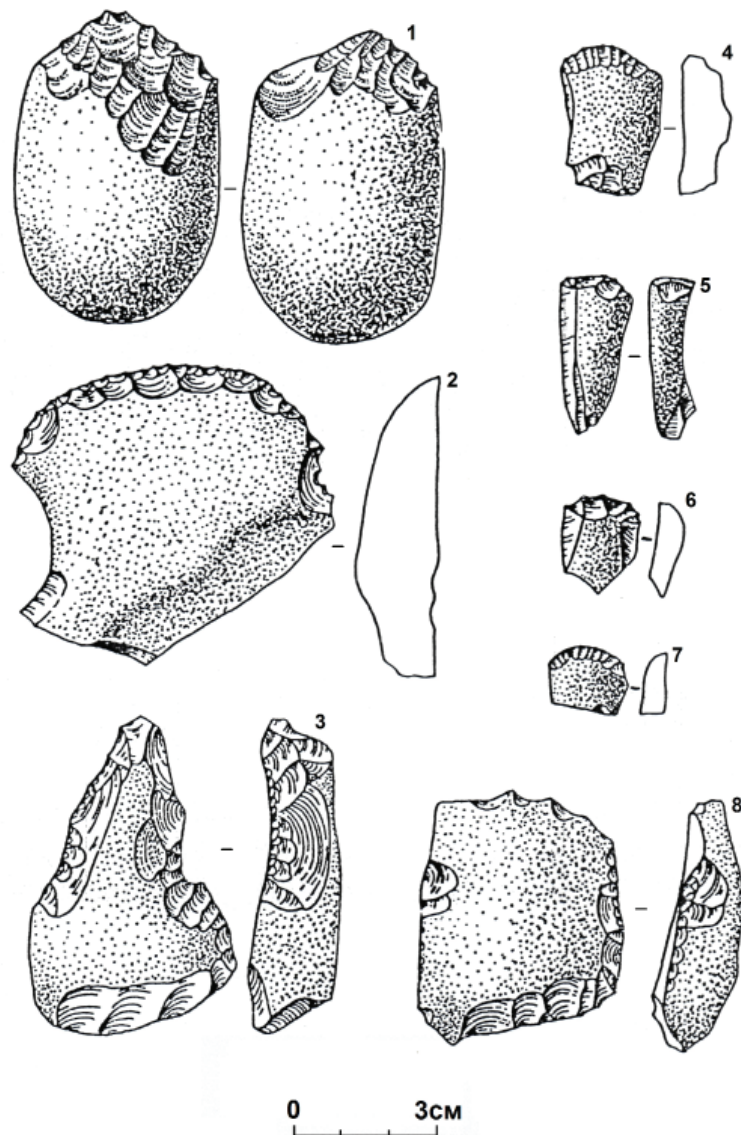

Рис. 2. Стоянка Постников Овраг. Нижний культурный слой. Кремневые орудия (по Л.В. Кузнецовой)
Fig. 2. Postnikov Ovrage site. Lower cultural layer. Flint tools (after L.V. Kuznetsova)

После Свердловска В.Ф. Генинг стал работать в г. Киеве в должности заместителя директора Института археологии АН УССР и из Киева прислал мне письмо с предложением переехать к нему и работать над сводом рядовых скифских захоронений. Следующая наша встреча и долгая беседа состоялась на Международном финно-угорском конгрессе в Будапеште в 1976 году. На этом конгрессе Е.А. Халикова делала доклад по материалам Больше-Тиганского могильника.

В начале ноября 1993 года я узнал, что Владимир Федорович умер. Но... через неделю получил письмо от него. Я не знал, что и думать? В письме он своим четким почерком рассказывал о своей работе (оно и сейчас хранится у меня). Позднее я узнал, что сотрудница, которая работала с ним, только спустя

время после похорон, послала мне последнее письмо учителя.

Теперь по теме моей непосредственной работы – тут есть что вспомнить! В 1959–2013 гг. я каждый год был в экспедиции в разных районах Волго-Приуралья, но более всего в Прикамье, где водами Куйбышевского и Нижнекамского водохранилища разрушены тысячи уникальных памятников. Долгие годы, руководя Раннеболгарской археологической экспедицией, мне вспоминаются исследования самых ранних из них – эпохи камня. Некоторые из них, без всякого сомнения, являются реперными. Знакомство с новым материалом может помочь современным специалистам по камню в Урало-Поволжье: Л.В. Кузнецовой, М.Ш. Галимовой и их последователям углу-

бить представление о хозяйстве, культурной специфике, происхождении древнего населения.

Такие памятники стали исследоваться экспедицией с 1960–1970-х гг. в Западном, а с 1980-х гг. в Восточном Закамье. В суммарном плане полученные материалы опубликованы в монографии (Казиков, 2011), на которую получена рецензия нашего известного археолога-каменщика Марка Григорьевича Косменко (Косменко, 2014).

Рассмотрим природные условия, которые были решающими факторами жизни людей в эпоху камня. Для Западного Закамья наиболее благоприятные возможности для этого представляет район слияния крупнейших рек Европы: Волги и Камы. Здесь рядом, лишь через протоки, которые летом сильно пересыхали, а зимой замерзали, находились две жизненно необходимые для древних людей области. Первая из них – это правобережье Волги, где располагаются Сюкеевские, Тетюшские и более южные горы. Сейчас основания их обнажило водохранилище и ясно видны отложения камня, в том числе высококачественного кремня. Когда склоны были покрыты дерном, кремень можно было получать через пещеры. Этот материал в эпоху камня был основным материалом, с помощью или из которого изготавливали все орудия.

Тесно связанными с вышеотмеченным регионом были левобережные районы Волги и Камы, основанные на суглинисто-черноземных основаниях. И если мы находим здесь в археологических памятниках массу кремневых изделий, то знаем, что их привезли с правого берега Волги.

Наиболее важные биоресурсы для древних людей давала испещренная останцами, протоками и озерами широкая долина левобережья р. Камы. Надпойменная терраса отделялась от нее уступом-возвышением 4-6, иногда до 20 м высоты. Сейчас это возвышение сильно разрушено водохранилищем и представляет собой сплошную отвесную стену. Тянется она на протяжении семи километров от урочища «Девичий городок» до села Измери и условно мы называли его «Измерский уступ». В ряде мест он имел пологие проходы, где могли спускаться животные и где на них могли устраивать засады охотники.

Данный район привлекал многочисленных животных, которые в половодье поднимались на надпойменную террасу, а со спадом воды возвращались обратно. Для людей долина была не только местом охоты, но представля-

ла также рыбу, местную и перелетную птицу, плоды деревьев, съедобные травы и т.д.

Раннеболгарская экспедиция обследовала 4 палеолитические стоянки. Одна из них (Девичий городок) была известна раньше. Три остальные располагались вокруг останца террасы по левому берегу р. Актай, в 2 км к северо-востоку от с. Измери. Высота останца (более 20 м) позволяла всегда осматривать долину р. Камы.

На всех трех стоянках отмечены кости мамонта и кремневые палеолитические орудия. На Коминтерновской стоянке, где проведены раскопки, встречен бивень мамонта с ударами, видимо каменным топором. В шурфе на II Измерской стоянке, в суглинке на глубине 140 – 150 см в двух местах отмечены кости черепов мамонта (Казиков, 2011, с. 94, рис. 31).

На этом же памятнике у подножья останца нами собрано около тридцати плотных шаровидных конкреций кремня, которые могли уместиться на ладони взрослого человека. На некоторых предметах наблюдается скол верхнего слоя, возможно для проверки качества кремня. В настоящее время находки хранятся в музее археологии ИА АНТ.

Наиболее богатой по материалу, чисто палеолитической стоянкой, является I Измерская. Расположена она в 2 км к северо-востоку у с. Измери Спасского района Татарстана. Основная часть памятника находилась на полого спускавшейся к северу площади. В южной ее части располагался полукруглый увал высотой 4 м, который с севера окружал небольшое озеро. К 1981 г., когда был открыт памятник, он начал интенсивно разрушаться водохранилищем. В обнажении суглинка, на глубине 140 см отмечены кремневые сколы.

При осмотре 1986 г. было установлено, что основной вещевой материал стоянки смещен к югу, к остаткам увала. Здесь же найдены фоссилизированные кости ног и черепа человека.

В целом, судя по материалу 1981 г., площадь памятника составляла 250x200 м. В северной части ее обнаружено скопление бивней мамонта (более 10 экз.). Они были отвезены на телеге (машина по отмели не проходила) в школу с. Измери. В целом по всей площади стоянки встречено много фоссилизированных костей мамонта, шерстистого носорога, лося, большерогого оленя, дикой лошади (определение А.Г. Петренко и О.Г. Богаткиной).

Каменный инвентарь стоянки удивительно единообразен по материалам и по форме. Изделия изготовлялись из уплощенных конкреций (Истомин, Казиков, 1992, с. 102–105). Среди

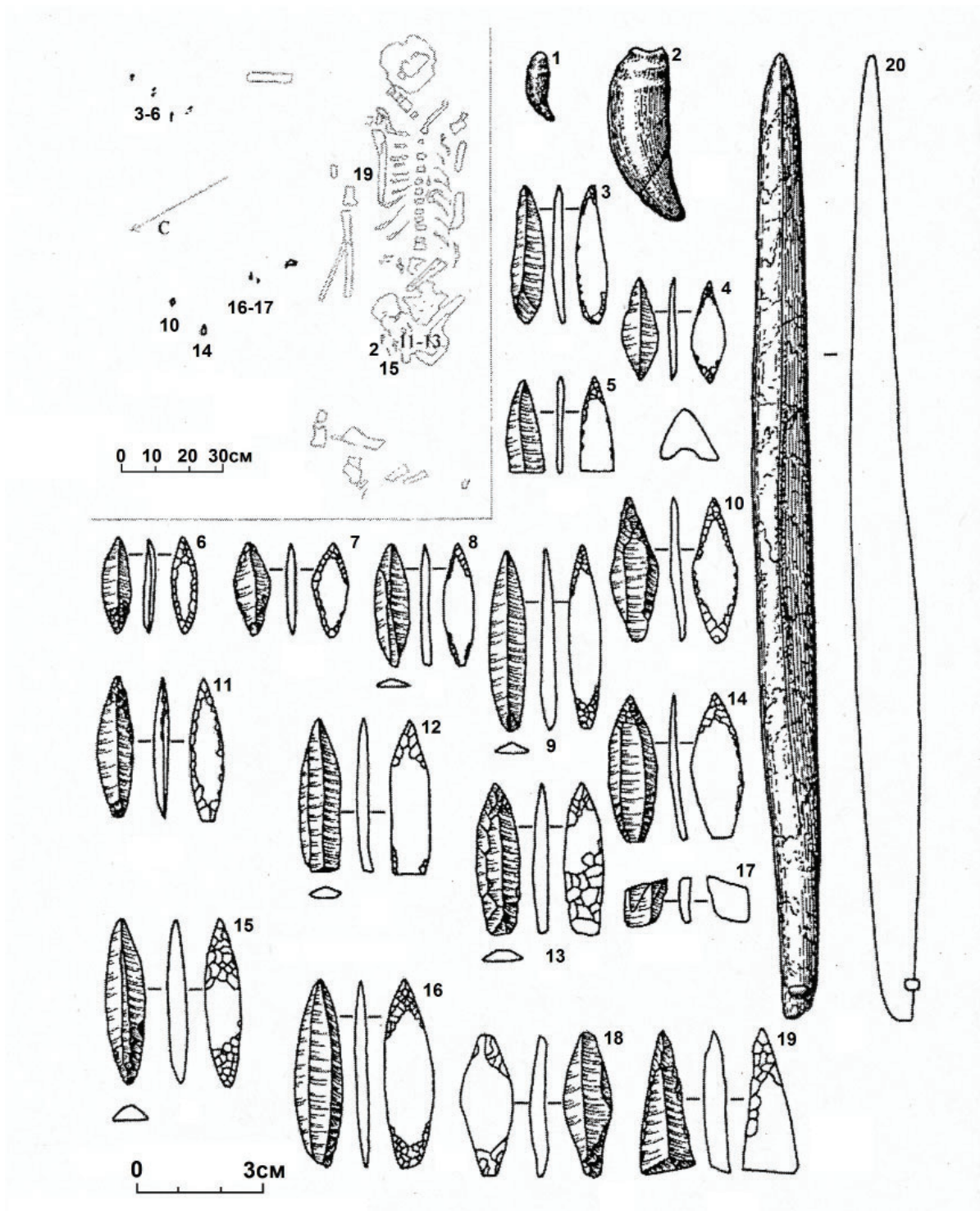

Рис. 3. План и инвентарь Миньяровского погребения
 Fig. 3. Plan and inventory of the Minnyarovo burial

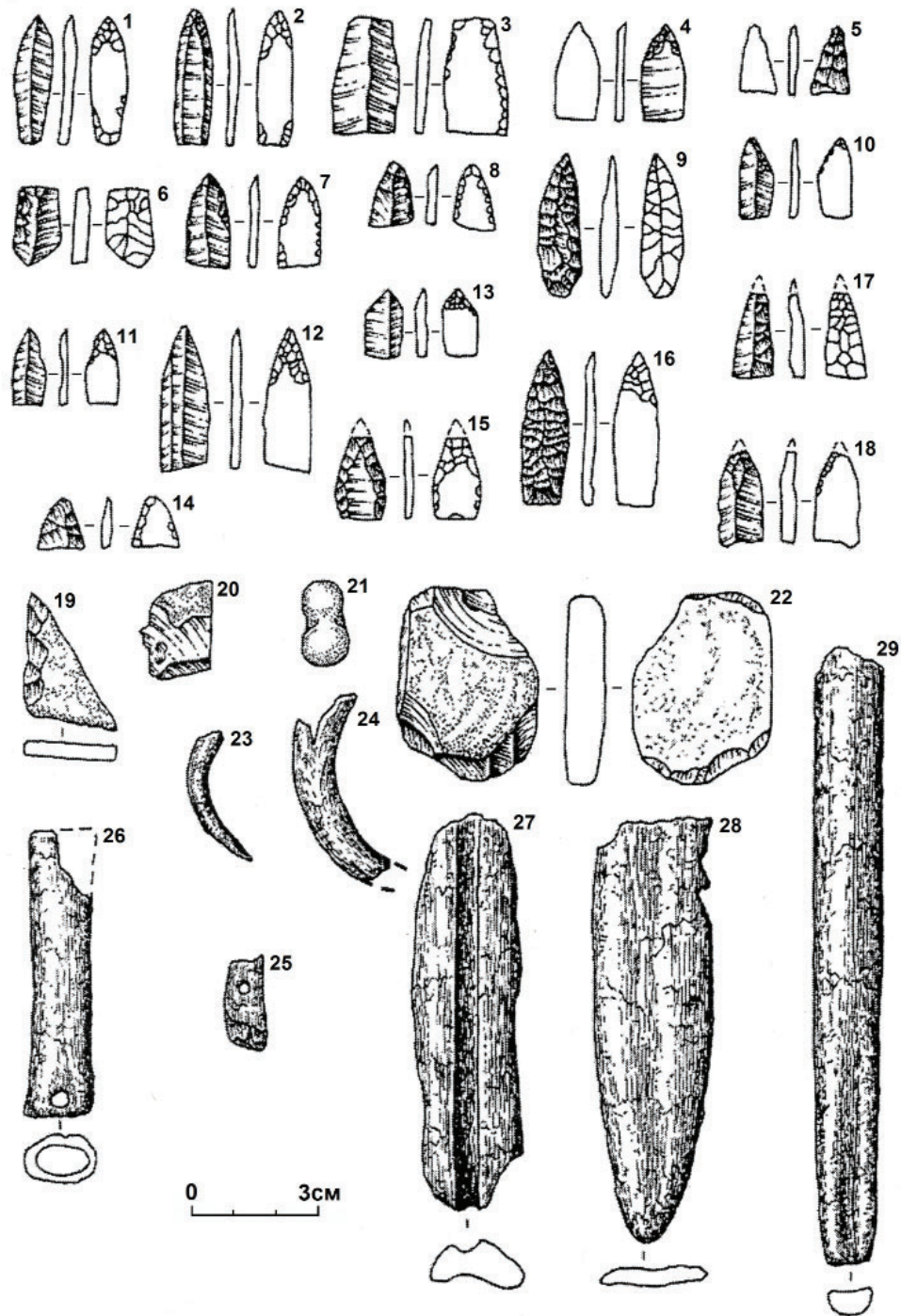

Рис. 4. Меллятамакский V могильник
Fig. 4. Mellyatamak V burial ground

них отмечены концевые скребки, резцы, ножевидные пластины с ретушью, двусторонние орудия (Казаков, 2011, с. 86, рис. 23). Достаточно широко встречаются (более 200 экз.) терочники из кварцита (Казаков, 2011, с. 85, рис. 22). Интересны чопперы и чоппинги (рис. 1: 1, 2), имеющие полные аналогии на стоянке Постниковый овраг, исследованной Л.В. Кузнецовой на территории г. Самары (рис. 2: 1, 4).

В коллекции I Измерской стоянки интересны изделия из кости. Среди них ударные орудия из рога лося (?) и пястной кости дикой лошади. Рабочий конец данных предметов сильно сработан, а противоположный конец, являющийся рукоятью, не имеет поврежденный (Казаков, 2011, с. 88, рис. 25). Из костей животных изготовлены также: орудие для нанесения орнамента, тесло, обломок чаши (Казаков, 2011, с. 89, рис. 36).

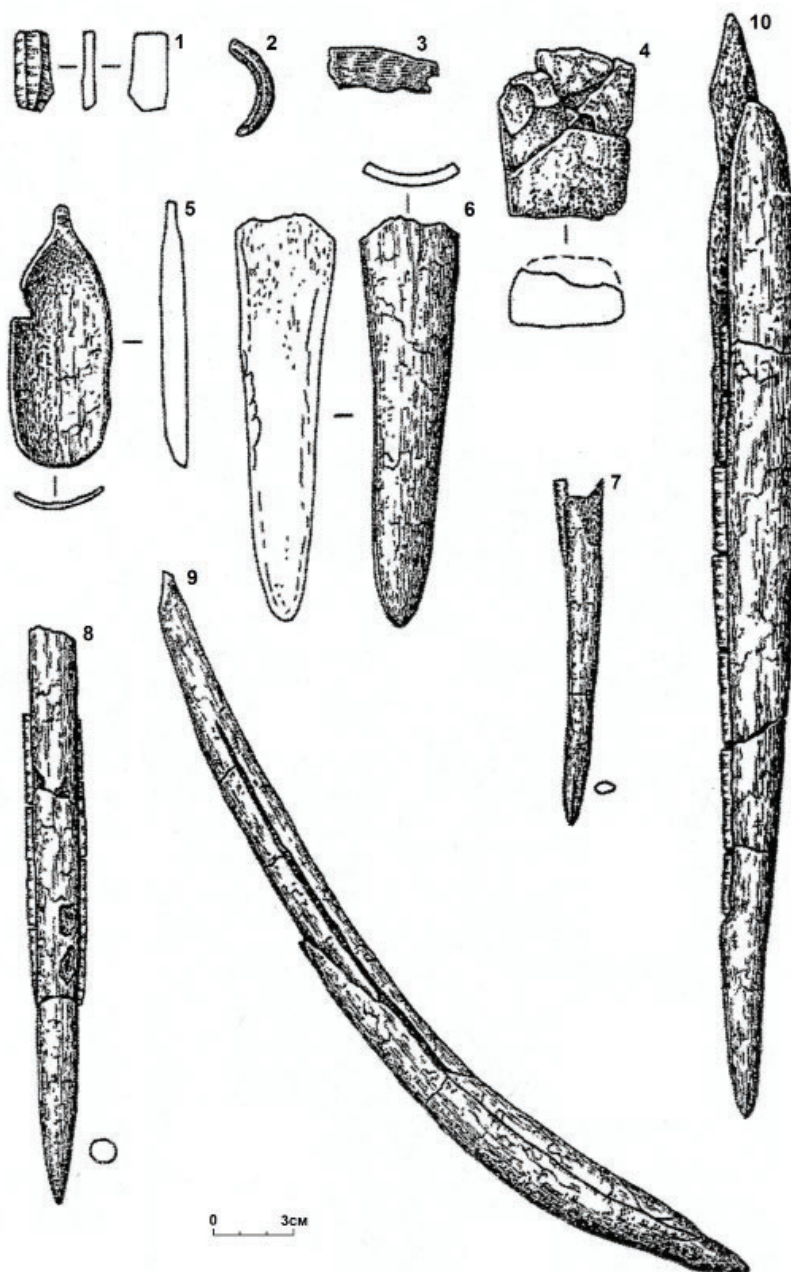

Рис. 5. Меллыатамакский V могильник. Инвентарь погребения 9: 1 – кремьень, 2 – резец байбака, 3 – клык кабана, 4 – сланец, 5-6 – кости, 7-10 – рог и кремьень

Fig. 5. Mellyyatamak V burial ground. Inventory of burial 9: 1 – flint; 2 – marmot (bobak) cutter; 3 – boar tusk; 4 – slate; 5-6 – bones; 7-10 – antler and flint

О датировке данного памятника можно говорить по составу животных, на которых охотились люди: мамонт, шерстистый носорог, северный олень, дикая лошадь. Очевидно, климат был благоприятен для них. Таких животных обычно относят к верхнему плейстоцену.

По мнению Л.В. Кузнецовой палеолитические памятники Поволжья относятся к эпохе мустье, но тяготеют к европейскому ареалу (Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья, 1989, с. 11). Однако я полагаю, что отмечен-

ные памятники по материалу достаточно своеобразны, чтобы включить их в новую палеолитическую культуру – средневожскую. Древнее население ее сочетало в хозяйстве богатство кремневого инвентаря правого берега р. Волги и биоресурсы долинных областей левобережья рек Камы и Волги, а также, нужно учитывать, близкое расположение памятников, что позволяло в течение многих лет выработать специфику культуры.

Это же название я предложил бы по памятникам региона эпохи мезолита, которые М.Г.

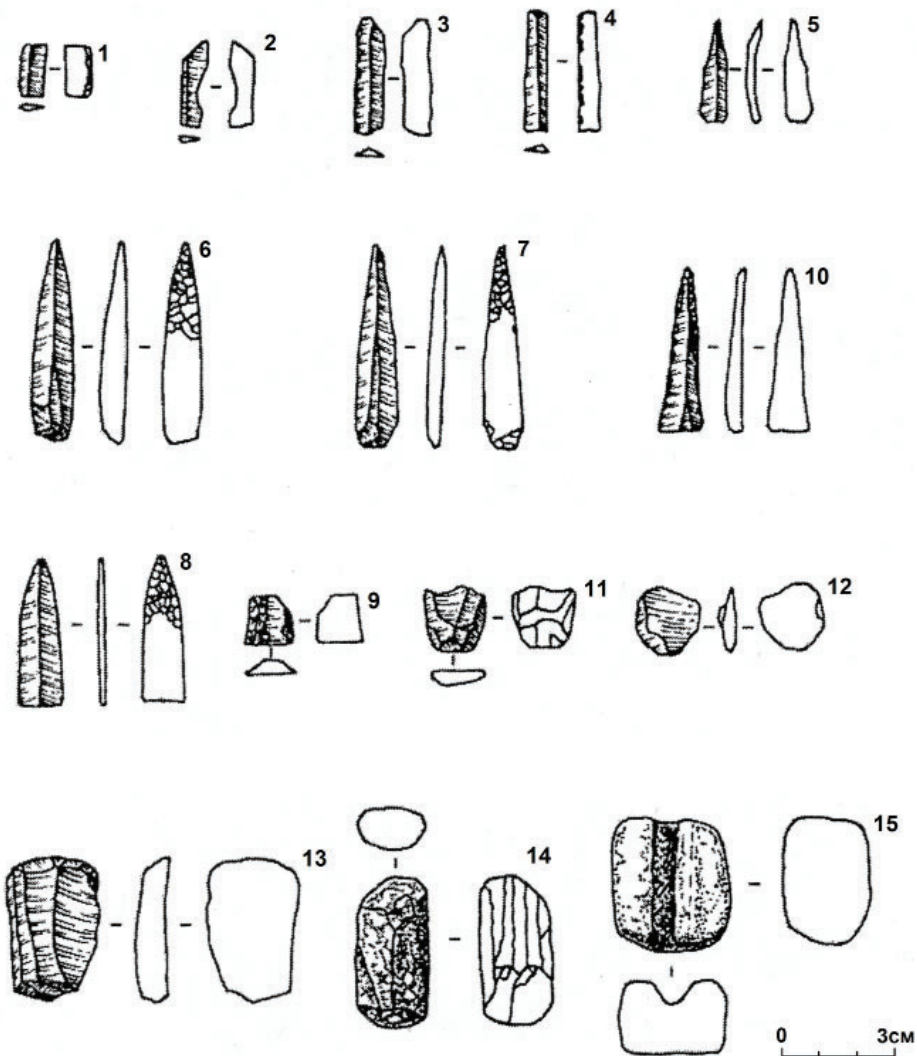

Рис. 6. Русско-Шуганский погребальный комплекс: 1-11, 13 – кремьень; 12 – сланец; 14-15 – тальк
 Fig. 6. Russkiy Shugan burial complex: 1-11, 13 – flint; 12 – slate; 14-15 – talc

Косменко назвал усть-камские. При наших многолетних раскопах, на территории 6–7 км выше «Измерского уступа» на глубине 110–130 см всегда встречаются предметы эпохи мезолита. Люди этого времени освоили все останцы Волго-Камья, в том числе останец напротив г. Тетюши. Здесь, в массе представлены орудия из кремня правого берега, хотя стоянка находится на левом берегу р. Волги (Галимова, 1996, с. 23–77).

Имеются и еще несколько уникальных групп памятников, изученных в Восточном Закамье, эпохи мезолита, несомненно представляющую большую историческую ценность. Среди них захоронение охотника, сопровождаемое листовидными кремневыми наконечниками стрел, скребком-проколкой,

костяным наконечником копья, клыками лисы и медведя. Это, так называемое минняровское погребение, расположенное на левом берегу р. Сюнь около с. Миннярово Актамышского района. Аналогии материалу этого памятника находятся далеко на западе, вплоть до известного Оленеостровского могильника (Гурина, 1956, с. 94, 96, рис. 53, 54).

Имеются еще ряд важных памятников, но остановимся только на одной их группе, давшей название новой, меллятамакской культуре. В основе ее лежит материал уникального V Меллятамакского могильника. Расположен он на дюне по левому берегу р. Ик, в 25 км от с. Меллятамак Муслюмовского района. Вскрыто 20 погребений с богатым инвентарем.

Рис. 7. Русско-Шуганский погребальный комплекс. Костяные и роговые изделия
 Fig. 7. Russkiy Shugan burial complex. Bone and antler products

На некрополе изучены 4 жертвенные ямы, в которых находились обожженные столбы и куски кремня. По всей площади могильника встречены остатки поминальных комплексов в виде кремневых наконечников стрел, гантелевидных подвесок, костяных поделок, зубов сурков, оленя (рис. 4).

Опишем материал лишь одного (№ 9) захоронения. Он представлен роговыми вкладышевыми орудиями (рис. 5: 7–10), обломками шлифованного зеленоватого сланца (рис. 5, 4), клыками сурка и кабана (рис. 5, 2, 3). Интерес представляет самая ранняя в регионе костяная ложечка (рис. 5: 5). Этот комплекс опубликован в академическом издании, где собраны статьи ведущих специалистов по эпохе камня РФ и издатели поместили его на обложку (Казаков, 2005, с. 274–279).

Датировка некрополя эпохой мезолита определяется многочисленными (50 экз.) безчереновыми кремневыми наконечниками стрел и вкладышевыми орудиями. Многие из них, как и в Миньяровском захоронении (рис. 3–13) покрыты отжимной ретушью только с брюшка на концах (рис. 4: 1–4).

По материалу из погребений антропологи определили, что памятники принадлежали, сравнительно, не высоким грацильным европеоидам (Рудь, Яблонский, 1991, с. 206–220).

Второй могильник меллятамакского типа изучен на дюне по левому берегу р. Ик в 1,5 км от с. Русский Шуган, также Муслюмовского района. В уютной ложбине, защищенной с севера песчаным гребнем, обнаружены остатки захоронения мужчины в

возрасте 35–40 лет (определение Р.М. Фаттахова) со следами охры.

В беспорядочном состоянии здесь собраны более 100 бусин из раковин, более 50 резцов сурка, ножевидные пластины и их обломки, 11 гантелевидных конкреций (как в V Меллятамакском могильнике – рис. 4: 21), кремневые вкладыши, проколка, 4 наконечника (рис. 6 6–8), скребок (рис. 6: 13). Наконечники стрел, также без черешка и обработаны отжимной ретушью только с брюшка. Несомненный интерес представляют обломки костяных орудий комплекса (рис. 7), в том числе массивное серповидное вкладышевое орудие (рис. 7: 3) из рога (лося?). К сожалению, в удобном месте, где было захоронение на короткое время остановилась группа уральского неолитического населения, которая и разрушила комплекс. Она оставила здесь фрагменты крупного разбитого сосуда

(Казаков, 2011, с. 166, рис. 112) и характерные для Урала «утюжки» из талька (рис. 6: 14, 15).

Меллятамакский круг памятников, несомненно, относится к особой культуре, оставленной пришлым населением. Определенное направление его движения может дать материал с Ивановской дюны в Оренбургской области, содержащий бусы из раковин с охрой, кремневые вкладыши, наконечники стрел с ретушью на брюшке и др. (Моргунова, 1979, с. 15–20; Казаков, 2011, с. 159, рис. 105-А).

Другим подтверждением того, что пришельцы пришли в Прикамье с юго-востока, являются роговые вкладышевые орудия в виде копий и кинжалов. Изготовлены они из длинных, прямых и острых рогов, возможно, антилоп байза. Эти, довольно крупные животные обитают в северо-восточной Африке, но в эпоху мезолита, возможно, были и в Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Галимова М.Ш. Тетюшская III стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья / Ред. П.Н. Старостин. Казань. Фест, 1996. С. 23–77.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 55–108.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI – VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер В.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 127 с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.

Гурина Н.Н. Оленеостровской могильник / МИА. № 47. Л.: АН СССР, 1956. 431 с.

Истомин К.Э., Казаков Е.П. Стоянка эпохи камня // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов III региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород, 1992. С. 102–105.

Казаков Е.П. Детское погребение эпохи камня на востоке Татарии // Каменный век лесостепной зоны Восточной Европы и Зауралья / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: Academia, 2005. С. 274–279.

Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань: Фолиант, 2011. 180 с.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011a. № 12–13. С. 8–39.

Казаков Е.П. О культурном своеобразии памятников меллятамакского типа Приуралья // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: Яз, 2012. С. 34–42.

Косменко М.Г. Итоги раскопок Татарско-Азиебейской IV стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья / отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 5–21.

Косменко М.Г. Рец.: Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье (археологический очерк). Казань. Ин-т истории АН РТ, 2011 // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 10–29.

Кузнецова Л.В. Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1989. 40 с.

Моргунова Н.Л. Ивановская дюна на р. Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1979. С. 15–20.

Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Новые материалы к антропологии древнейшего населения Среднего Поволжья // Древности восточно-европейской лесостепи. / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С. 206–220.

Информация об авторе:

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); epkaz@mail.ru

REFERENCES

Galimova, M. Sh. 1996. In Starostin, P. N. (ed.). *Novye materialy po mezolitu Volgo-Ural'ia (Recent Materials on the Mesolithic of the Volga-Urals)*. Kazan: "Fest" Publ., 23–77 (in Russian).

Gening, V. F. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 55–108. (in Russian).

Gening, V. F. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Researches on the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–136 (in Russian).

Gening, V. F., Stoianov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, V. S. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological Sites near Rozhdestveno Village)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gurina, N. N. 1956. *Oleneostrovskii mogol'nik (Oleniy Ostrov Burial Ground)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 47. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Istomin, K. E., Kazakov, E. P. 1992. In Vasil'ev, F. V. (ed.). *Pamiatniki istorii i kul'tury Verkhnego Povolzh'ia (Monuments of History and Culture of the Upper Volga Region)*. Nizhny Novgorod, 102–105 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 5–21 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2005. In Zhilin, M. G. (ed.). *Kamennyi vek lesostepnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ia (Stone Age of the ForestSteppe Zone of Eastern Europe and the Trans-Urals)*. Moscow: "Academia" Publ., 274–279 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area)*. Series: Arkheologiya Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 1. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 2011. In *Finno-Ugrica* (12–13), 8–39 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studentcheskogo arkheologicheskogo kruzha Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Circle in the Kazan University)*. Kazan: "IaZ" Publ, 34–42 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 10 (4), 10–29 (in Russian).

Kuznetsova, L. V. 1989. *Paleolit Srednego i Nizhnego Povolzh'ia (Paleolithic of the Middle and Lower Volga Regions)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Sciences (in Russian).

Morgunova, N. L. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 15–20 (in Russian).

Rud, N. M., Yablonsy, L. T. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 206–220 (in Russian).

About the Authors:

Kazakov Evgeny P., Doctor of Historical Sciences, Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; epkaz@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДИЩА ЖАЙЫК (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2012-2015 ГГ.)

© 2022 г. М.Д. Калменов, Б.М. Ашыгалиев

В представленной статье рассматриваются объекты материальной культуры городища Жайык, расположенного в бассейне реки Жайык (Урал). Описываемые артефакты были обнаружены в ходе археологических изысканий в 2012–2015 гг. На основании полученных результатов раскопок установлено время строительства и функционирования объектов на изученных участках – погребальных и хозяйственно-бытовых сооружений в пределах начала XIII–XIV вв. Исследованиями установлено отсутствие более ранних культурных напластований, предшествовавших обнаруженным сооружениям. Основным полученным вещевым материалом являются фрагменты неполивной станковой керамики золотоордынского облика, среди которой особый интерес представляет повышенное содержание сосудов с примесями в тесте. Данный признак, который несет не только этнокультурную, но и хронологическую нагрузку, обычно характерен для памятников первой половины золотоордынского времени, охватывающего широкий ареал (Средняя Азия, Поволжье), а также для памятников аналогичного периода бассейна реки Жайык (Урал). Материал, полученный в результате исследования, дал возможность проследить динамику развития городищ бассейна реки Урал в средневековье. В результате анализа полученных раскопками археологической и нумизматической коллекций, а также сборов подъемного материала установлено, что время строительства и функционирования изученного участка городища, его хозяйственно-бытовых сооружений определяется в пределах XIII–XIV вв.

Ключевые слова: археологические раскопки, Городище Жайык, средневековая городская культура, керамические изделия, бусы из стеклянной пасты, медная монета.

MATERIAL CULTURE OF ZHAIYK SETTLEMENT (BASED ON THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH 2012-2015)

M.D. Kalmenov, B.M. Ashygaliev

The presented paper deals with the objects of material culture of the ancient settlement Zhaiyk, located in the basin of the Zhaiyk River (Ural). The described artifacts were discovered during archaeological research in 2012–2015. Based on the results of the excavations, the time of construction and operation of objects in the studied areas – burial and household structures within the beginning of the 13th–14th centuries was established. Studies have established the absence of earlier cultural strata that preceded the discovered structures. The main obtained material consists of the fragments of unglazed easel ceramics of the Golden Horde appearance, among which the increased content of vessels with impurities in the dough is of particular interest. This sign, which carries not only ethnic-cultural, but also chronological load, is usually characteristic of the sites of the first half of the Golden Horde period, covering a wide area (Central Asia, the Volga region), as well as sites of the same period in the Zhaiyk (Ural) river basin. The material obtained as a result of the study made it possible to trace the dynamics of the development of settlements in the Ural River basin in the Middle Ages. As a result of the analysis of the archaeological and numismatic collections obtained by excavations, as well as collections of lifting material, it was established that the time of construction and functioning of the studied site of the settlement, its household structures is determined within the 13th–14th cc.

Keywords: archaeological excavations, Zhaiyk settlement, archaeological excavations, medieval urban culture, ceramics, glass paste beads, copper coin.

Городище Жайык располагается в 12 км от г. Уральск (Казахстан). Привязка городища по GPS: N 51°06'16,88"; E 51°19'17,59". В 2005 году ему дано название «Жайык». Памятник разделен на две части. Первая – собственно город, площадь которого составляет около 10 гектаров. Вторая часть – некрополь, расположенный в 2 км от городища на возвышении Свистун горы. Это придает уникальный

характер в целом всему памятнику истории и культуры, так как на небольшой территории, компактно расположены все составляющие части городской архитектуры XIII–XIV веков (Байпаков и др., с. 72; Калменов, 2016., с. 18).

Несмотря на то, что городище Жайык находится на государственном учете и здесь в период с 2002 по 2015 гг. sporadически проводились археологические раскопки –

информация о памятнике остается очень скудной и малоинформативной. В ходе археологических исследований были исследованы несколько усадеб, три мусульманских захоронения внутри остатков фундамента наземной постройки (мавзолеей), две кирпичеобжигательной печи, под еще одной гончарной печи и печь для сжигания извести.

Свидетельства о существовании города приблизительно на месте городища Жайык сохранились в картографических материалах XIV–XV вв. Как известно, наиболее подробной картой Золотой Орды, является карта 1367 г. составленная итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани. На ней, в частности, «восточнее Лаэти (город на побережье Каспия, между Волгой и Уралом) только надписью, без изображения направления русла, отмечена река Жайык.

На ней, на некотором отдалении от морского берега, изображен безымянный город. Выше его (к северу) нанесено изображение второго безымянного города. Судя по довольно большому размеру рисунка башен и развивающемуся над ним флагу, это крупный экономический и административный центр» (Егоров, 1985., с. 38.). Первый безымянный город на реке Яик довольно надежно может быть идентифицирован как городище Сарайчик, в 50 км выше г. Атырау. Второй же безымянный город к северу от Сарайчика на правом берегу Яика вполне может быть сопоставлен с городищем Жайык. Можно предположить, что его название отражено на известной карте Антония Дженкинсона, составленной в 1562 г. то есть, почти через двести лет после карты братьев Пицигани. На ней выше Сарайчика, но более мелким значком отмечен на правом берегу реки Яик, город под названием – *Shakafni*. По сведениям П.С. Палласа, на реке Яик несколько ниже современного г. Илек, при впадении реки Кинделя в Яик, расположен ногайский город – Шакашин (Байпаков и др., 2005., с. 74). В связи с открытием и исследованием городища Жайык можно смело предположить, что ногайский Шакашин ниже Илека и есть исторический наследник *Shakafni*, бывшего на месте городища Жайык.

Керамическое производство является одной из важнейших отраслей ремесла практически любого средневекового города. Посуда для повседневного употребления в быту, как правило, не является предметом импорта, ее изготавливали для продажи на городских рынках местные гончары. Покупало такую посуду и население округи. В эпоху Золотой

Орды керамическое производство в округах империи быстро возобновилось. Некоторые выводы о возобновлении керамического ремесла на примере Хорезма в середине XIII в. были сделаны на основании историко-топографического обследования и сбора подъемного материала в производственных центрах – Куня-Ургенч и в Миздахкане еще в 30-х годах XX в. А.Ю. Якубовским. Он впервые опубликовал образцы хорезмской поливной керамики, обосновал их датировку, определил типы керамических изделий. Одним из достоинств работы А.Ю. Якубовского является выявление керамики с полихромной росписью с бирюзовой расцветкой. На основе анализа керамических данных он датировал XIII–XIV вв. керамику с глазурью, с синей и темной росписью по белому фону, и сосуды с бирюзовой поливой и черной росписью, подчеркнув высокий уровень развития керамического производства. А.Ю. Якубовский отметил также появление самостоятельной керамической школы, традиции которой повлияли на поволжские керамические центры Золотой Орды (Якубовский, 1930., с. 28; Якубовский, 1931., с. 91). Классификации средневековой керамики, в частности Хорезма, посвящен монографический труд Н.Н. Вактурской. Автор разбирает вопросы технологии изготовления, орнаментации, приводит аналогии типов керамических изделий, определяет причины развития гончарного производства Хорезма в средние века. Н.Н. Вактурская считает, что золотоордынское время характеризуется усовершенствованием технических достижений хорезмских керамистов (Вактурская, 1958., с. 308).

Керамика золотоордынского времени из различных памятников Хорезма публиковалась О.А. Вишневской (1963, с. 66–67), Г.А. Пугаченковой (1960, с. 197), Е.Е. Неразник (1976, с. 123), В.Н. Ягодиным (1963, с. 97) и М.Ш. Кдырнязовым (1983, с. 103; 1989, с. 68.). Химико-технологический анализ средневековой керамики Средней Азии и Хорезма дан в работах Э.В. Сайко (1966, с. 54). Значительное место изучению керамики золотоордынского времени отведено в работах С.Е. Михальченко (1973, с. 118), Н.М. Булатова (1968, с. 85–109; 1976, с. 73–107), Н.С. Гражданкиной и Э.В. Ртвеладзе (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971, с. 127.), также анализы мы встречаем в работах И.В. Волкова (1991, с. 35–40; 1992, с. 101–102.), В.Ю. Ковалю (2010, с. 269), А.Н. Масловского (2012, с. 42–46). Авторы проводят классификацию

и анализируют образцы поливной и неполивной керамики Золотой Орды.

В ходе произведенных работ на городище Жайык в 2012–2015 гг. получена представительная керамическая коллекция, также найдены фрагменты глазурованной облицовочной плитки, стеклянные бусы, изделия из железа. Вся керамика делится на станковую (изготовленную на быстро вращающемся гончарном круге) и лепную (ручная лепка или на вращающемся круге от руки). Первой найдено около 3800 фрагментов, второй около 400 фрагментов. В свою очередь мы разделили фрагменты станковой керамики на красноглиняную и сероглиняную соответственно (98 % к 2 %). Сосуды с глиняным тестом кремового цвета больше исключение. Небольшая часть керамики имеет красное ангобирование, также встречаются коричневое, светлое и серое. Основную массу находок фрагментов керамических сосудов составляют обломки неполивной керамики гончарного производства (около 99 % от общей массы). Большой частью это боковины горшков и кувшинов. Отдельную массовую категорию составляют фрагменты от керамических труб.

Кувшины определялись по выделенной горловине высоких пропорций. Относительно диаметра горловины к тулову разделены на узкогорлые и широкогорлые сосуды. **Узкогорлые кувшины. Тип 1.** Небольшие сосуды с невысокой зауженной горловиной, покатыми плечами и, вероятно, туловом вертикально вытянутых пропорций. Край горловины в некоторых случаях оформлялся фигурным венчиком или валиком. Округлая ручка крепится на горловине и у основания плеча сосуда. Диаметр венчика горловины 8 см. Орнаментацию составляют горизонтальные линии. Сосуды красноглиняные, без примесей в глиняном тесте, тонкостенные. Толщина стенок 3-5 мм.

Тип 2. Аналогичен сосудам типа 1, но крупнее и, возможно с более округлым туловом. Диаметр венчика горловины 6-8 см. Толщина стенок 5-6 мм. **Тип 3.** Сосуды имели высокую слегка конусовидную горловину с валиковидным или фигурным оформлением венчика, диаметр горловин 8-9 см. Вероятно, этому типу сосудов принадлежат обломки массивных уплощенных в сечении ручек. Сосуды красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте. **Тип 4.** Сосуд с невысокой прямой горловиной, край которой оформлен плоским воротничком. Диаметр венчика 8 см. Сосуд красноглиняный, без заметных

примесей в тесте. **Широкогорлые кувшины.** Небольшие одноручные сосуды вертикально-вытянутых пропорций с широкой слегка изогнутой горловиной, переходящей в покатые плечи с резким перегибом. Иногда край горловины оформлен утолщением. Округлая ручка крепится к горловине и основанию плеча сосуда. Диаметр венчиков 9-12 см. Сосуды красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте, тонкостенные.

Горшки – из-за сильной фрагментации этот вид посуды пока очень условен. Выделено 4 типа. **Тип 1.** Сосуды имели плавно отогнутый наружу край с небольшим скругленным утолщением по срезу и, вероятно, шаровидное тулово. Диаметр венчика 13-15 см. Сосуды красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте. Толщина стенок 5-6 мм. **Тип 2.** Сосуды подобные типу 1, но с большим диаметром венчика 19-20 см. Край с внешней стороны подчеркнут продавленной линией. Толщина стенок 6 мм. **Тип 3.** Сосуд с короткой горловиной с полочковидным краем и, вероятно, шаровидным туловом. Диаметр венчика 13 см. Сосуд красноглиняный, глиняное тесто без заметных примесей, температурный перегрев глиняной массы, черепок звонкий. Толщина стенок 7 мм. **Тип 4.** Сосуд с отогнутым без горловины массивным валиковидным венчиком. Диаметр венчика 21 см. Несмотря на станковое изготовление, поверхность сосуда бугристая из-за большой примеси дресвы. Сосуд красноглиняный.

Котлы (казаны) – имели округло-призмистоев верхней части тулово, без горловины отогнутый и спрямленный венчик, иногда с ребром на внутренней стороне перегиба и округло-уплощенное дно. На плечах одного сосуда имелся декоративный шишковидный налп. Вероятно, некоторые сосуды украшались более сложными налпами.

Миски – небольшие сосуды открытого типа разного диаметра (20-34 см) низкой усеченно-конусовидной формы с невысоким вертикальным венчиком и небольшим плоским дном без поддона. Венчик имел разное оформление: полочковидное, прямое со скосом вовнутрь и мог быть плавно отогнутым наружу. Сосуды красноглиняные, без заметных примесей. В двух случаях отмечено тщательное заглаживание внутренней поверхности и коричневое ангобирование внешней стороны. Толщина стенок 6-9 мм.

Чаши – найдены фрагменты венчиков двух сосудов открытого типа круглой формы с ограниченной дугой в разрезе. Диаметры

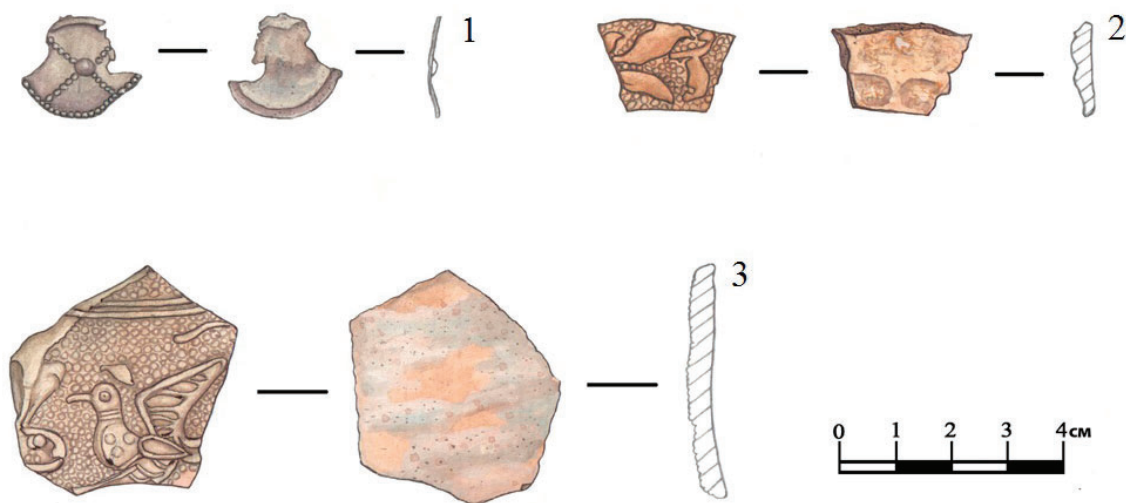

Рис. 1. Фрагменты штампованной керамики с городища Жайык
 Fig. 1. Fragments of stamped ceramics from the Zhaiyk settlement

венчиков 9 и 20 см. Чаши красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте. Толщина стенок 4-6 мм.

Светильники – найдено только три фрагмента глиняных светильников. Светильники имели небольшую полузакрытую емкость усеченно-конической формы с прорезью от края ко дну, к стенкам которой прикреплен длинный граненый носик желобчатого типа.

Из раскопа 2012-2015 гг. происходит 80 фрагментов орнаментированных стенок сосудов. Определены следующие техники исполнения орнамента: гравировка, штамп, рельеф и комбинирование. **Гравировка** – прочерчивание, как правило, многозубчатым инструментом по не подсохшей поверхности сосуда до обжига. Выделена линейная, линейно-волнистая и сетчатая гравировка. **Штампованный орнамент** – нанесение оттисков штампа на не подсушенную поверхность сосуда до обжига. Определены оттиски следующих штампов: трубочка, короткая гребенка на валике, накол многозубчатым инструментом (рис. 1). **Рельеф** – придание поверхности сосуда в момент изготовления гофрированной формы (каннелирование). Найден один фрагмент. **Комбинированный орнамент** – сочетание разных техник орнаментации: лощение и гравировка, короткая гребенка и гравировка.

Поливная керамика, происходящая с площади раскопа сильно фрагментирована (рис. 1-2). Здесь найдены мелкие обломки сосудов закрытого типа, чаш и блюд. Полива тонкослойная. Фрагменты небольших сосудов сферической формы с полочковидным краем, покрытых с внешней поверхности

поливой темно-бирюзового цвета. Глиняное тесто кремового цвета или кашин.

Фрагмент стенки сосуда с односторонней темно-синей с пятнами поливой, нанесенной на внешнюю сторону. Глиняное тесто плотное, коричневого цвета. Мелкие обломки стенок чаш с односторонней синей или бирюзовой поливой.

В силу ограниченности раскопочных работ на городище Жайык индивидуальные находки обнаружены в небольшом количестве. Среди них довольно многочисленны стеклянные бусы. Подавляющее большинство бус черного, бирюзового и голубоватого цветов; формы разнообразные: шаровидные, бочонковидные, уплощенно-шаровидные (или зонные). На территории городища найдены мелкие бусинки биконической и кольцевидной форм. По форме они довольно однородны и аналогичны находкам из поселений золотоордынского времени. Обломок крупной шаровидной, глазчатой бусины (восстанавливаемый диаметр 30 мм) из не прозрачного стекла. Основа темная, глазки и разводы – белесо-голубого цвета. Диаметр отверстия 4 мм. Округло-уплощенная бусина из гагата. Диаметр – 12 мм, толщина – 10 мм, диаметр отверстия – 2 мм. Округлая бусина с глазками-ямками из не прозрачного стекла голубого цвета. Диаметр бусины 13 мм, диаметр отверстия 4 мм. Бочонковидная бусина из темного не прозрачного стекла (поверхность разрушена). Диаметр – 12 мм, высота – 14 мм, диаметр отверстия – 2,5 мм. Биконическая, вытянутая с огранкой бусина из сердолика. Имеет 6 граней. Длина – 26 мм, диаметр – 9 мм, диаметр отверстия – 1,5 мм.

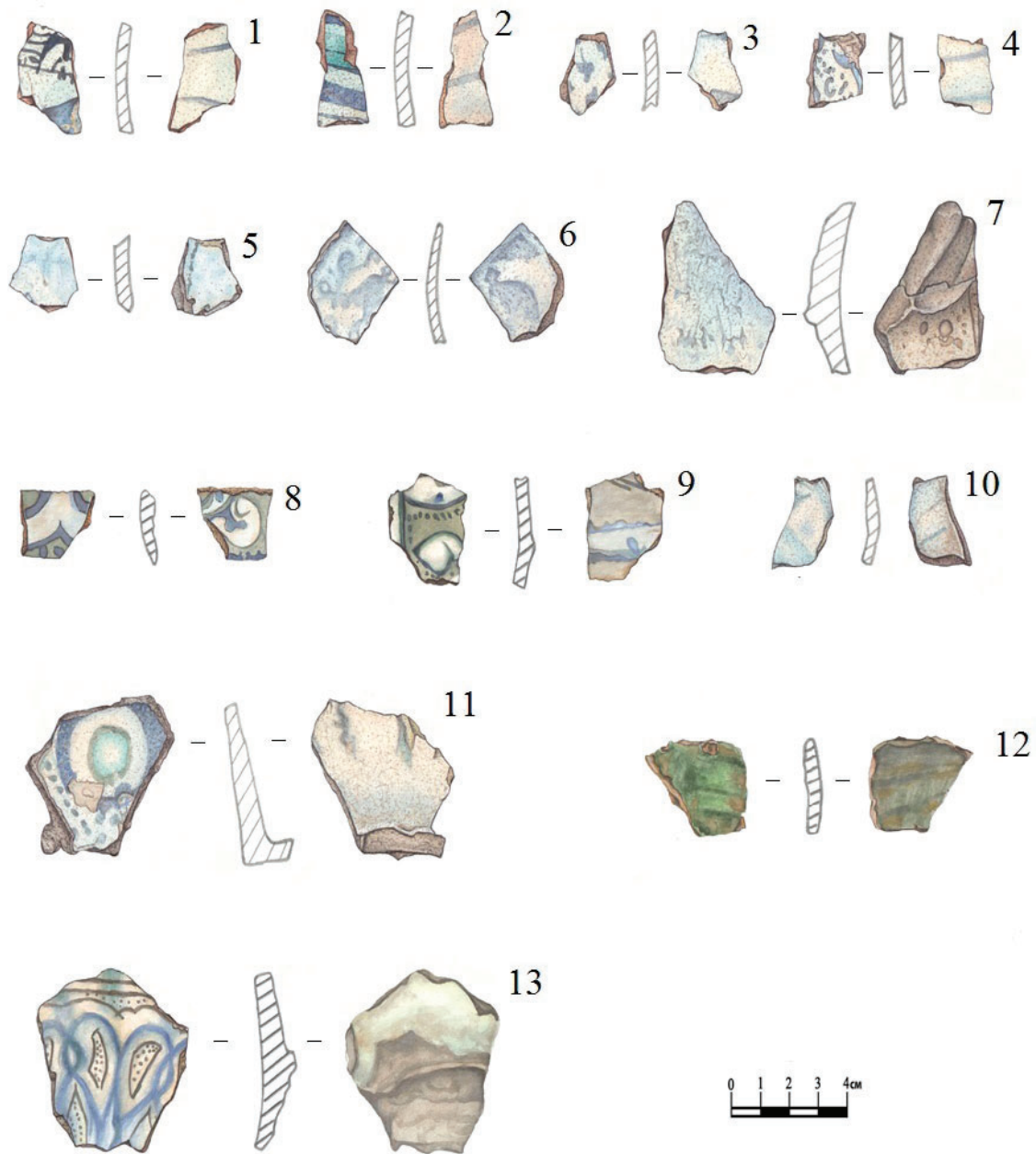

Рис. 2. Образцы глазурованной керамики с городища Жайык
 Fig. 2. Fragments of glazed ceramics from the Zhaiyk settlement

Tun 1. Шаровидные бусы. Бусины подобного типа часто встречаются среди стеклянных и керамических украшений. Они бывают различной величины и имеют круглое в сечении отверстие. В большинстве случаев встречаются бусы черного цвета (рис. 3). Некоторые бусины украшены белыми глазками, полосами и инкрустацией из стекла другого цвета. Аналогичные типы бус встречаются в находках из Шехр-Ислама (Атагаррыев, 1973, с. 80) и Поволжья (Бусятская, 1976, с. 40). Тип 2. Уплощенно-шаровидные (или зонные) бусы (рис. 3). Стеклообразные бусы уплощенно-шаровидной формы – одна из наиболее часто

встречающихся находок среди стеклянных бус. Они отличаются большими размерами с диаметром больше высоты. Поверхность бус имеет горизонтально-ребристое рифление. Такие бусы встречаются среди каменных бус, покрытых бирюзовой поливой, в материалах Шемаха-калы (Вактурская, 1974, с. 499), Шехрлика (Вактурская, 1958, с. 309) и сельских поселений Хорезма XIII–XIV вв. (Неразик, 1976, с. 156). Указанные формы известны также в городах Нижнего Поволжья (Бусятская, 1976, с. 62). **Tun 3.** Бочонковидные бусы. По форме близки предыдущим, но отличаются более крупными размерами (рис. 3).

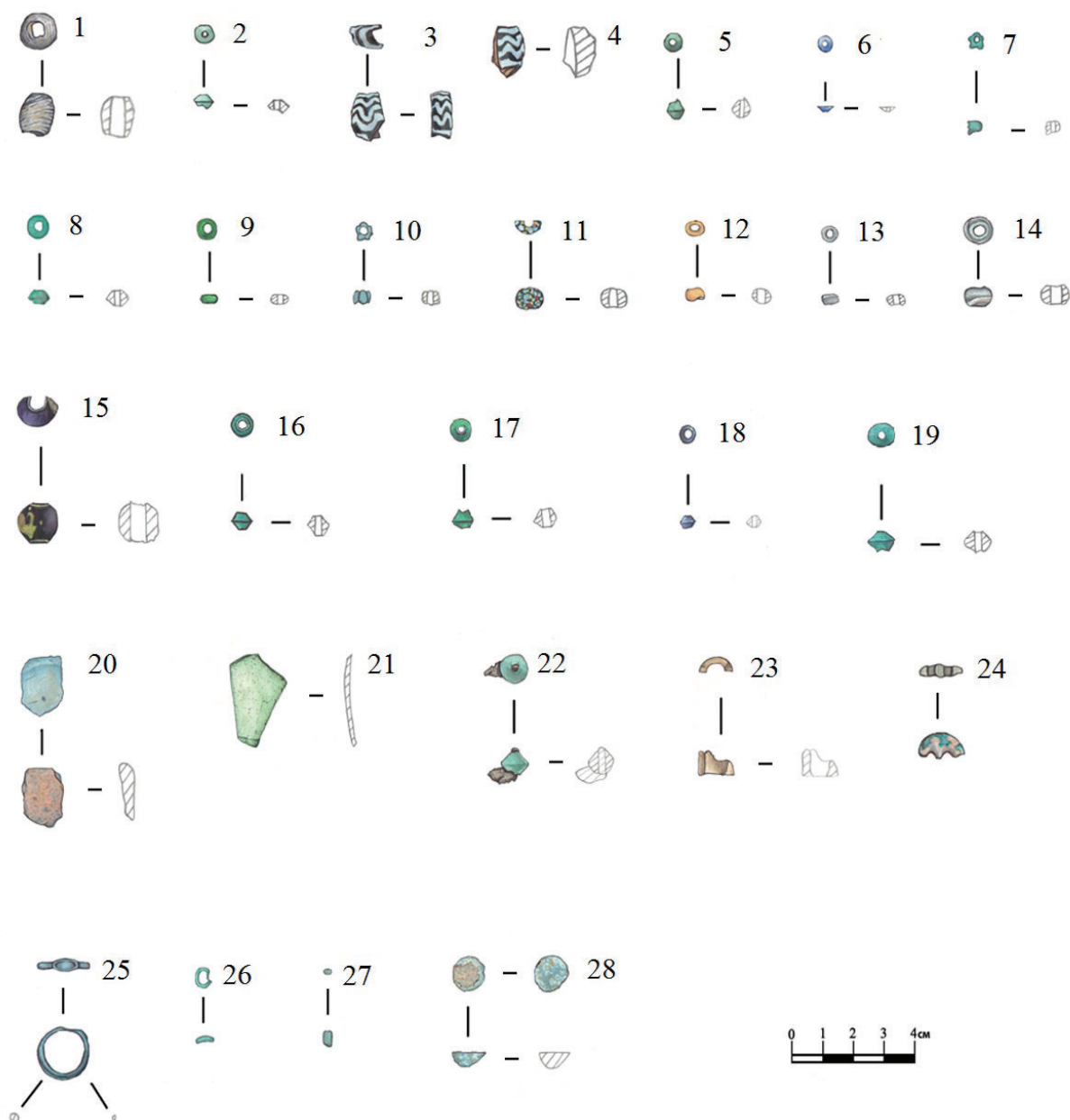

Рис. 3. Стекланные бусы с городища Жайык
 Fig. 3. Glass beads from the Zhaiyk settlement

Украшены волнистым, линейным орнаментом и полихромной инкрустацией. Размеры бусин – 2,5х3 см. Подобные бусы встречаются в материалах Куны-Ургенча и Шемаха-калы (Вактурская, 1963, с. 52). По форме и декору данный тип имеет прямое сходство с бусами Селитренного городища, представленными в работах Н.Н. Бусятской (Бусятская, 1976, с. 58). Как нам известно, бусы, находимые при археологических раскопках, могут служить не менее точно датирующим материалом, чем монеты. В различное время и у разных народов бусы были одним из наиболее ходких предметов международной торговли, а часто и мелкой разменной монетой. Таким образом, наличие одинаковых бус в различных памят-

никах может иногда очень точно определить пути торговых и культурных связей, синхронность культур и даже их сходство.

Во время исследований 2014 г. была обнаружена медная монета. Тип монеты из-за плохой сохранности трудно определить (рис. 4). Монета джучидская, монетный двор нечитаем, от даты видно только 71...г.х., возможно, время Узбек-хана 1330–1340 гг. (монета прочитана нумизматом П.Н. Петровым).

Раскопками 2002 г. также была найдена медная монета (Байпаков и др, 2005, с. 86), принадлежащая к пореформенному чекану хана Узбека, по краю картуша была прочитана надпись «Чекан Сарая 737». Цифрами дана дата чеканки монет – 737 год Хиджры

Рис. 4. Медная монета с городища Жайык
Fig. 4. Copper coin from the Zhaiyk settlement

(1336–1337 гг.). В любом случае, найденный нумизматический материал свидетельствует о расцвете города в XIV в.

Материал, полученный в результате исследования на городище Жайык в полевых сезонах 2012–2015 гг., дал возможность проследить динамику развития городищ бассейна реки Урал в средневековье. На основании имеющегося материала установлено, что время строительства и функционирования изученного участка хозяйственно-бытовых сооружений, археологически укладывается в пределах XIII–

XIV вв. Исследованиями выявлено отсутствие культурных напластований под сооружениями. Основным полученным вещевым материалом являются фрагменты поливной и неполивной керамики золотоордынского облика. На основании подъемного материала, полученного при сборе с площадки городища и сопоставленного с материалами раскопок, предварительно городище можно характеризовать, как однослойный памятник и в целом датировать его в пределах золотоордынского времени, что не противоречит имеющейся датировке.

ЛИТЕРАТУРА

- Атагарриев Е.* Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад: Ылым, АН ТССР. 1973. 98 с.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 221 с.
- Булатов Н.М.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (По материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. 1968. № 4. С. 95–109.
- Булатов Н.М.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1976. С. 72–107.
- Бусятская Н.Н.* Стекланные изделия городов Поволжья XIII–XIV вв. // Средневековые памятники Поволжья. / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.
- Вактурская Н.Н.* Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / Труды ХАЭЭ. Т. II / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Наука, 1958. С. 467–495.
- Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XIV вв.) // Керамика Хорезма / Труды ХАЭЭ. Т. IV / Ред. С.П. Толстов, М.Г. Воробьева. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 261–342.

Вактурская Н.Н. Раскопки средневекового города Садвара // АО-1973 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 499.

Вактурская Н.Н. О средневековых городах Хорезма // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. Т. 2: Памятники средневекового времени. Этнографические работы / Материалы Хорезмской Экспедиции Вып. 7. / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1963. С. 52.

Вишневецкая О.А. Полевые исследования хорезмской экспедиции 1958–1961 гг. Археологические разведки на средневековых поселениях Левобережного Хорезма. Поселения золотоордынского времени // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. Т. 2: Памятники средневекового времени. Этнографические работы / Материалы Хорезмской Экспедиции Вып. 7. / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1963. С. 66–67.

Волков И.В. Новые данные о керамике золотоордынского города Маджара // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990 гг.). Грозный, 1991. С. 35–40.

Волков И.В. О происхождении гончарства и распределении керамики в Золотой Орде // Вопросы этнической истории Волго-Донья / Отв. ред. А.З. Винников. Пенза, 1992. С. 101–102.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Марджара // СА. 1971. № 1. С. 127–139.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: КРАСАНД, 2010. 248 с.

Калменов М.Д. Городище Жайык – памятник средневековой городской культуры. Уральск: Полиграфсервис, 2016. 100 с.

Кдырниязов М.Ш. Культурные связи золотоордынских городов Хорезма // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Отв. ред. Б.А. Тулепбаева. Алма-Ата: Наука АН КазССР, 1983. С. 103.

Кдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV веках. Нукус: Каракалпакстан, 1989. 173 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

Масловский А.Н. Изменение объема и состава импортов в керамическом комплексе зол золотоордынского Азака как отражение событий политической жизни и изменений в экономике Золотой Орды // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 2 (168). С. 42–46.

Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. 1973. № 3. С. 118.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки / Труды ХАЭЭ. Т. 9. М.: Восточная литература, 1976. 256 с.

Пугаченкова Г.А. Орнаментированный сосуд из Куны-Ургенча // Труды Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. 172. / Отв. ред. М.Е. Массон. Ташкент: Изд-во: ТГУ. 1960. С. 197–200.

Сайко Э.В. Среднеазиатская глазуванная керамика XII–XV вв. Душанбе: Дониш, 1969. 188 с.

Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Аму-Дарьи // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. Т. 2: Памятники средневекового времени. Этнографические работы / Материалы Хорезмской Экспедиции Вып. 7. / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1963. С. 73–97.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке / ИГАИМК. Т. 8. Вып. 2-3. 1931. 91 с.

Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча / ИГАИМК. Т. 6. Вып. 2. Л.: ГАИМК, 1930. 68 с.

Информация об авторах:

Калменов Мурат Дабылович, кандидат исторических наук, доцент, Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет (г. Уральск, Казахстан); kalmenoff@mail.ru

Ашығалиев Бекжан Маратович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); bkzhn21@list.ru

REFERENCES

Atgarryev, E. 1973. *Materialnaia kul'tura Shekhr-Islama (Material Culture of Shehr Islam)*. Ashkhabad: "Ylym" Publ. (in Russian).

Vaipakov, K. M., Smagulov, E. A., Akhatov, G. A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk (Medieval Fortified Site of Zhaiyk)*. Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).

- Bulatov, N. M. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 95–109 (in Russian).
- Bulatov, N. M. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 72–107 (in Russian).
- Busyatskaia, N. N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 38–72 (in Russian).
- Vakturskaia, N. N. 1958. In Tolstov, S. P. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1949–1953 (Archaeological and Ethnographical Activities of the Khwarezm Expedition of 1949–1953)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 2. Moscow: "Nauka" Publ., 467–495 (in Russian).
- Vakturskaia, N. N. 1959. In Tolstov, S. P., Vorob'eva, M. G. (ed.). *Keramika Khorezma (Khwarezm Ceramics)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 4. Moscow: "Nauka" Publ., 261–342 (in Russian).
- Vakturskaya, N. N. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. T. II. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958–1961. Vol. II. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 52 (in Russian).
- Vakturskaya, N. N. 1974. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 g. (Archaeological Discoveries in 1973)*. Moscow: "Nauka" Publ., 499 (in Russian).
- Vishnevskaya, O. A. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. T. II. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958–1961. Vol. II. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 66–67 (in Russian).
- Volkov, I. V. 1991. In *Arkheologiia na novostroikakh Severnogo Kavkaza (1986–1990 gg.) (Archaeology at new buildings of the North Caucasus (1986–1990))*. Grozny, 35–40 (in Russian).
- Volkov, I. V. 1992. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza: "AO «Povolzh'e»" Publ., 98–100 (in Russian).
- Grazhdankina, N. S., Rtveladze, E. V. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 127–139 (in Russian).
- Egorov, V. L. 2010. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: "KRASAND" Publ. (in Russian).
- Kalmanov, M. D. 2016. *Gorodishche Zhaiyk – pamiatnik srednevekovoi gorodskoi kul'tury (Zhaiyk Settlement - a Monument of Medieval Urban Culture)*. Ural'sk: "Poligrafservis" Publ. (in Russian).
- Kdyrniyazov, M. Sh. 1983. In Tulepbaeva, B. A. (ed.). *Srednevekovaia gorodskaa kul'tura Kazakhstana i Srednei Azii (Medieval Urban Culture of Kazakhstan and Central Asia)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. 103 (in Russian).
- Kdyrniyazov, M. Sh. 1989. *Material'naia kul'tura gorodov Khorezma v XIII–XIV vekakh (Material Culture of the Cities of Khwarezm in the 13th–14th Centuries)*. Nukus: "Karakalpakstan" Publ. (in Russian).
- Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th–17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Maslovskiy, A. N. 2012. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki (University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series)* 168 (2). 42–46 (in Russian).
- Mikhailchenko, S. E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 118 (in Russian).
- Nerazik, E. E. 1976. *Sel'skoe zhilishhe v Khorezme (I–XIV vv.). Iz istorii zhilishha i sem'i. Arkheologo-etnograficheskie ocherki (Rural Dwelling in Khwarezm (1st–14th Centuries). The History of Home and Family. Archaeological and Ethnographic Essays)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 9. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
- Yakubovich, A. Yu. 1930. *K voprosu o proishozhdenii remeslennoi promyshlennosti Saraia Berke (The Issues of the Origin of the Handicraft Industry of the Sarai of Berke)* Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture) Vol. 8 (2–3). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).
- Saiko, E. V. 1969. *Sredneaziatskaia glazurovannaia keramika XII–XV vv. (Central Asian Glazed Ceramics of the 12th–15th cc.)*. Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).

Yagodin, V. N. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. T. II. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958-1961. Vol. II. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 73–97 (in Russian).

Yakubovich, A. Yu. 1930. *Razvaliny Urgencha (Ruins of Urgench)* Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture) Vol. 6 (2). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1960. In Masson, M. E. (ed.). *Trudy Tashkentskogo universiteta (Proceedings of the Tashkent State University)*. Tashkent: Tashkent State University, 197–200 (in Russian).

About the Authors:

Kalmenov Murat D. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. West Kazakhstan Innovation and Technological University. N. Nazarbayev Av., 208, Uralsk, 090000, Republic of Kazakhstan; kalmenoff@mail.ru

Ashygaliev Bekzhan M. Postgraduate student. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; bkzhn21@list.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/903.26

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.182.188>**НАХОДКА БРОНЗОВОГО «УРОДЦА» В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ**

© 2022 г. А.Ф. Кочкина

В настоящей публикации вводится в научный оборот фрагмент бронзовой антропоморфной фигурки из археологических фондов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. За подобными предметами, получившими название в работе А.А. Спицина «медные уродливые статуэтки», в настоящее время закрепилось определение «бронзовые уродцы». Такое название объясняется тем, что предметы имели преднамеренные изъяны в изображении отдельных элементов фигуры. Описываемая фигурка обнаружена случайно на территории Самарской Луки. Она представляет собой два фрагмента лицевой части головы мужчины. Лицо имеет удлиненную форму, нос широкий. Через правую сторону лица фигурки проходит слом. Судя по состоянию края излома, она, вероятно, изначально представляла собой бракованное изделие. Типологически она может быть определена как составная часть бронзовой полый двулицой антропоморфной фигурки. Она вписывается в ареал подобных находок в Восточной Европе: в Среднем Поволжье и Прикамье, а также в бассейне р. Северский Донец. Сравнивая данное изделие с аналогичными восточно-европейскими находками, следует предположить его бытование в хазарскую эпоху в качестве культового предмета, связанного с ритуалами тюркоязычного населения Самарского Поволжья.

Ключевые слова: археология, Восточная Европа, Самарское Поволжье, Хазарский каганат, средневековье, бронзовая антропоморфная фигурка, «уродцы», культовые предметы, тюркоязычное население.

**THE FINDING OF A BRONZE “FREAK OF NATURE”
IN THE SAMARA VOLGA REGION**

A.F. Kochkina

This publication introduces into scientific discourse a fragment of a bronze anthropomorphic figurine from the archaeological collections of the Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. For similar items, named in A.A. Spitsin's paper "copper ugly figurines", the definition of "bronze freaks" is currently fixed. This name is explained by the fact that the objects had deliberate flaws in the image of individual elements of the figure. The figurine in question was discovered by chance on the territory of Samarskaya Luka. It consists of two fragments of the front part of the head of a man. The face is elongated, the nose is wide. A scrap passes through the right side of the figure's face. Judging by the condition of the fracture edge, it probably originally represented a defective product. Typologically, it can be defined as a component of a hollow, two-faced anthropomorphic bronze figurine. It fits into the range of similar finds in Eastern Europe: in the Middle Volga and Kama regions, as well as in the basin of the river Seversky Donets. Comparing our product with similar Eastern European finds, it should be assumed that it existed in the Khazar era as a cult object associated with the rituals of the Turkic-speaking population of the Samara Volga region.

Keywords: archaeology, Eastern Europe, Samara Volga region, Khazar Khaganate, Middle Ages, bronze anthropomorphic figurine, "freaks", cult objects, Turkic-speaking population.

К археологическим предметам, неизменно привлекающим внимание исследователей, принадлежат находки так называемых бронзовых уродцев, которые относятся преимущественно к эпохе Средневековья (Спицын, 1909, с. 142–152). Целью данной публикации является введение в научный оборот бронзовой антропоморфной фигурки из археологических фондов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Исследованиям бронзовых фигурок уродцев посвящена достаточно обширная литература как исследовательского, так и историографического плана (Спицын, 1909, с. 142–152;

Халиков, 1971, с. 106–117; Гриб, Давыденко, 2012, с. 361–372). Одной из наиболее полных работ по этой теме представляется статья В.В. Давыденко и В.К. Гриба «Многоликие бронзовые фигурки уродцев Восточной Европы: типология и семантика», опубликованная в серии трудов «Степи Европы в эпоху средневековья» (Давыденко, Гриб, 2009, с. 187–206).

Публикуемый в настоящей работе предмет может быть атрибутирован как фрагмент половины головы литой полый бронзовой фигурки (рис. 1). Как и у многих известных подобных предметов, у нашего артефакта отсутствуют точные данные о его местонахождении. Он

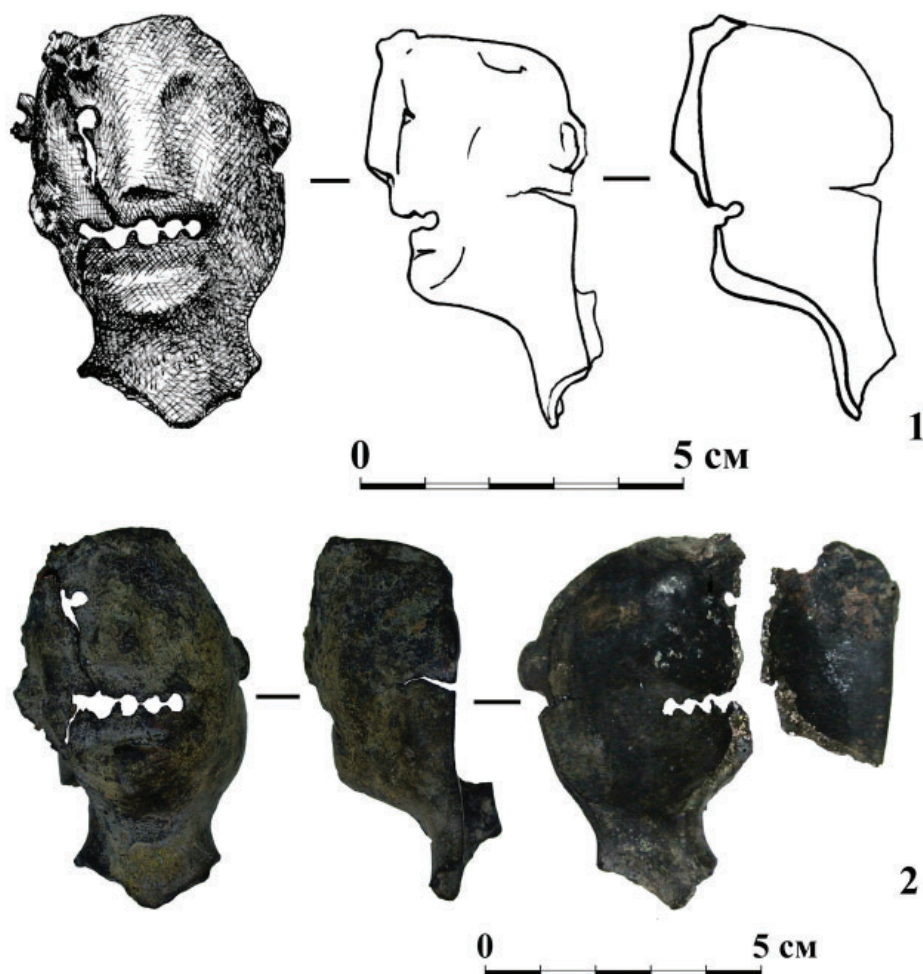

Рис. 1. Бронзовая фигурка из археологических фондов СОИКМ им. П.В. Алабина:

1 – рисунок (художник Л.Ю. Николаева); 2 – фото

Fig. 1. Bronze figurine from the archaeological funds of Samara Region Alabin Museum of History and Local Lore:

1 – drawing (artist L.Yu. Nikolaeva); 2 – photo

был передан сотрудникам музея в 2005 г. в упакованном свертке во время исторического фестиваля, посвященного битве 1391 г. на р. Кондурче, неизвестным лицом. Сопроводительный комментарий ограничивался замечанием, что найдено на Самарской Луке.

В свертке оказалась деталь бронзовой скульптуры, представленная двумя фрагментами лицевой части головы человека, у которого голова завершается на уровне верхней части лба деформированным краем (рис. 1). Лицо слегка вытянутой формы, высота от подбородка до линии края 4,5 см, ширина лица в средней части 3,6 см, высота с шеей – 6,6 см. Нос широкий, слегка уплощен, расширяется книзу, под носом заметна линия, обозначающая переход к верхней линии рта, губы не выделены. Правый глаз представляет собой сквозное отверстие круглой формы диаметром 2,5 мм, левый глаз только намечен округлым углублением. С правой и левой стороны

расположены уши полукруглой формы размером 8×3×2 мм, левое ухо плоское, правое ухо также плоское, согнуто в сторону лица, сохранилось лишь наполовину и имеет в середине отверстие диаметром 2 мм. Рот обозначен круглыми отверстиями в виде щели с несомкнутыми краями, что производит впечатление приоткрытого рта с оскалом. Размеры: длина 2 см, диаметры пяти отверстий, формирующих рот с зубами, – 2,5–3,5 мм. Ниже линии рта слегка углубленной полосой подчеркнут переход к выпуклому массивному подбородку, переходящему в короткую шею.

Слом изделия приходится на правую лицевую сторону, проходит через лобную часть, правый глаз и край ротового отверстия, спускаясь к правой скуле. На фигурке нет ни одного свежеголома. Судя по состоянию края излома, она была изначально произведена с дефектом и, вероятно, представляла собой бракованное изделие. Это предпо-

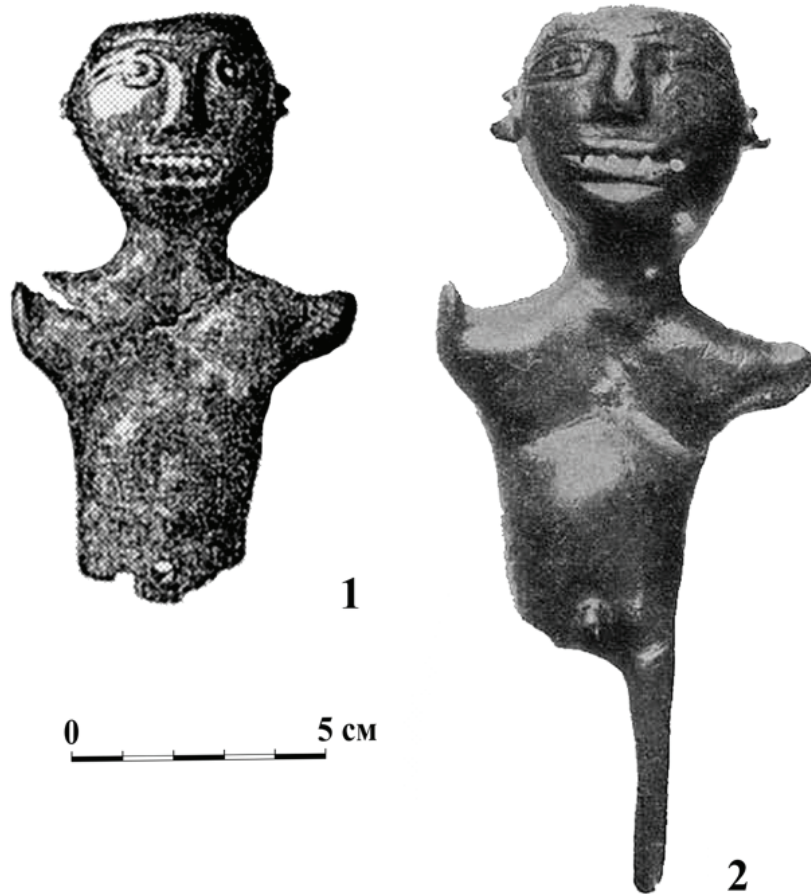

Рис. 2. 1 – бронзовая фигурка из кургана у с. Круглое (современ. Луганская обл.); 2 – бронзовая фигурка из коллекции Н.П. Бульчева (место находки неизвестно)
(по: Давыденко, Гриб, 2009, с. 200, рис. 4: 1, 2).

Fig. 2. 1 – bronze figurine from a burial mound near the village of Krugloye (modern Luhansk region); 2 – bronze figurine from the collection of N.P. Bulychev (the place of the find is unknown)
(after: Davydenko, Grib, 2009, 200, fig. 4: 1, 2)

ложение подтверждается наблюдениями за состоянием внешней поверхности предмета. Для отливки подобных изделий использовались, как правило, песчано-глинистые формы (Давыденко, Гриб, 2009, с. 191). Несоблюдение технологического режима при производстве могло привести к разрыву изделия. На фрагменте большего размера прослеживаются участки с заметной зернистостью: под подбородком на шее, в средней части лица на носу и на лбу. Ниже уха прослеживается выраженная трещина глубиной 1,1 см, шириной 2,75 мм. Над правым глазом отчетливо заметен раковиннообразный кусочек металла – заусенец. Фрагмент меньшего размера от правой части лица фигурки деформирован и имеет более значительные дефекты. На поверхности достаточно крупный остаток залива металла, край излома неровный мелкозернистый, что можно охарактеризовать как следствие термической трещины. Шея сравнительно короткая, излом

шеи в нижней части при переходе к туловищу имеет треугольную форму, толщина правой стороны 2,6 мм, левой 1,7 мм. В целом толщина стенок отливки имеет разные значения: от 1,5 до 3,5–4,0 мм в области подбородка.

При сравнении нашего изделия с опубликованными находками подобного круга следует отметить наибольшую близость к фигурке «уродца», найденной в насыпи кургана у с. Круглое (быв. Старобельский уезд Харьковской губернии – современная Луганская обл.) (рис. 2: 1). Она представлена одной половинкой бронзовой полой фигурки обнаженного по пояс мужчины, высота фрагмента составляет 8,5 см (Давыденко, Гриб, 2009, с. 188). Так же, как и на нашем изделии, у фигурки отсутствует верхняя часть головы, нос расширяется книзу, рот выполнен семью горизонтально расположенными отверстиями, под ним – выступающий вперед подбородок. Небольшие отверстия имеются и в частично сохра-

нившихся ушах. Левый глаз обозначен округлым отверстием, на правом глазу отверстия нет. В отличие от нашего предмета у находки из кургана у с. Круглое над глазами выделены брови в виде двойной дугообразной линии (Давыденко, Гриб, 2009, с. 188). Фигурка из кургана у с. Круглое сохранилась до пояса и у нее имеются остатки рук в виде культеобразных отростков (Давыденко, Гриб, 2009, с. 188, рис. 4: 2).

Второй аналогией нашей находке является бронзовая мужская фигурка (рис. 2: 2), с которой А.А. Спицына ознакомил Н.П. Булычев (Спицын, 1914, с. 125, 128, рис. 5). Место ее находки неизвестно, также не имеется данных о месте ее современного нахождения. По описанию А.А. Спицына, «работа очень грубая. Глаза обозначены каймой. Рот выделан напильком и просверлен отверстиями для обозначения зубов. Живот довольно выпуклый, руки не вылиты» (Спицын, 1914, с. 128). Фигурка изготовлена из «некачественной бронзы». Общая высота ее составляет 17,5 см, верхняя часть головы горизонтально «срезана». В половинках ушей просверлены отверстия. Нос расширяется книзу, руки у фигурки представлены двумя небольшими культями, подобно рукам у фигурки из кургана у с. Круглое. Нога сохранилась только левая. На туловище рельефно выделена грудь и выпуклый живот, в нижней части живота выражены мужские половые органы (Давыденко, Гриб, 2009, с. 189).

Сравнивая бронзовую фигурку из археологических фондов СОИМК им. П.В. Алабина с вышеупомянутыми аналогичными находками, следует предположить, что она являлась составной частью полой двуликой бронзовой антропоморфной фигурки. По типологии В.В. Давыденко, В.К. Гриба, ее можно отнести к типу I, подтипу А – одностороннелитых двусоставных двуликих фигурок (Давыденко, Гриб, 2009, с. 192).

Для лучшего понимания, как могла выглядеть описываемая фигурка с Самарской Луки и для какого комплекта она предназначалась, обратимся к фигурке «бронзового уродца» из фондов археологического музея КФУ. Хочу выразить благодарность А.Р. Нуретдиновой, заведующей Археологическим музеем КФУ, за предоставление возможности лично ознакомиться с самим изделием и использовать его изображение в настоящей статье. Фотография для иллюстрации (рис. 3: 1, 2) также предоставлена А.Р. Нуретдиновой.

Бронзовая фигурка, являющаяся классическим образцом данной категории древностей, информацию о которых в своей работе 1909 г. впервые обобщил А.А. Спицын (Спицын, 1909, с. 144–145, рис. 1), впоследствии была описана и другими авторами (Давыденко, Гриб, 2009, с. 187). Бронзовая фигурка, «найденная, по рассказам, около 1883 г. в Билярскѣ при раскопках и принадлежащая А.Н. Островскому» (Спицын, 1909, с. 144–145), представляет собой две составные части (рис. 3: 1–2) статуэтки (рис. 3: 3). Однако у А.А. Спицына, а также у В.В. Давыденко и В.К. Гриба, использовавших фотографию из статьи А.А. Спицына, изображена еще одна отдельная деталь – головной убор в виде конической шапки, объединявшей обе части статуэтки, в настоящее время головной убор отсутствует. На «мужской» фигурке имеются утраты на груди и на лице в области рта (рис. 3: 1). Вышеуказанные авторы детально и достаточно точно описали фигурку (Давыденко, Гриб, 2009, с. 189), поэтому нет необходимости повторять это описание. Обратим внимание на детали, сближающие, на наш взгляд, самарскую находку с билярской.

У «мужской» фигурки из Билярска, как и у самарской находки, рот обозначен «просверлинами», из которых прослеживается только одна из-за утраты части области рта (рис. 3: 1). Сходны форма носа, уши также примерно одинаковые, причем только в одном ухе имеется отверстие, в обоих случаях в правом; похожим образом выделен подбородок. У обоих изделий «срезана» верхняя часть головы. Отличается способ изображения глаз. Подобно билярской фигурке изображены глаза и брови на фигурках, которые были описаны выше как аналогии самарской находке (рис. 2: 1, 2). Эти фигурки имеют также достаточно много общего с фигуркой из Билярска – культеобразные руки, форма тела и ног. Практически полная сохранность (не считая отсутствие шапки) билярского изделия позволяет представить как выглядели подобные предметы в результате соединения двух составных частей (фрагмент соединения на рис. 3: 4) и составить его целостный образ. Вероятно, предмет из кургана у с. Круглое (рис. 2: 1) и находку, описанную А.А. Спицыным (рис. 2: 2), а также фрагмент самарской находки можно отнести к одному и тому же типу, что и билярская фигурка. По типологии В.В. Давыденко, В.К. Гриба, билярская фигурка относится к типу II – одностороннелитые трехсоставные двуликие фигурки (Давыденко, Гриб,

Рис. 3. Бронзовая фигурка из фондов археологического музея КФУ – (предположительно Билярск, 1883 г.): 1 – «мужская» сторона фигурки; 2 – «женская» сторона фигурки; 3 – совмещенные две части бронзовой фигурки; 4 – фрагмент совмещенной фигурки в области ноги и живота

Fig. 3. Bronze figurine from the funds of the Archaeological Museum of Kazan Federal University (presumably Bilyarsk, 1883): 1 – "male" side of the figurine; 2 – "female" side of the figurine; 3 – combined two parts of a bronze figurine; 4 – a fragment of a combined figurine in the area of the leg and belly

2009, с. 192). Видимо, более корректно было бы выделить один тип – одностороннелитые двуликие фигурки. Частичная сохранность предметов не позволяет устанавливать для этих предметов более дробную типологическую разрядность.

Важно отметить, что непосредственное изучение фигурки из Археологического музея КФУ в деталях помогло составить целостное представление об этих предметах. Вероятно, именно этот устойчивый образ сложился как характерный для широкого ареала Восточной Европы эпохи Средневековья.

Информация о местонахождении фрагмента нашей самарской фигурки не вполне

определенная, но она четко вписывается в ареал подобных находок в Восточной Европе: в Среднем Поволжье и Прикамье и в бассейне р. Северский Донец (Халиков, 1971, с. 108–109, рис. 3; Давыденко, Гриб, 2009, с. 197, рис. 1). Достоверность происхождения фигурки с территории Самарской Луки косвенно можно подтвердить тем, что это не единственная находка в Самарском Поволжье. Еще в конце XIX в. среди предметов древности, переданных в только что созданный Самарский публичный музей, находилось бронзовое навершие из с. Пустынково (или Пустынка) Самарского уезда, которое венчала многофигурная скульптурная композиция

(«бурхан»), состоящая из фигуры всадника и двух пеших фигур с двумя фигурами животных (Алабин, 1895, с. 13–14; Спицин, 1896, с. 166–167, рис. 42; Васильев, 1975, с. 86–92). Особенностью фигур этой скульптуры является наличие у них физических недостатков, что позволяет включить предмет в круг фигурок, интерпретируемых как «уродцы». «Двуличная статуетка» еще одного «уродца» была обнаружена также в Самарской губернии, но затем она была передана П.В. Алабиным геологу Гончарову (Спицин, 1909, с. 145), впоследствии следы ее затерялись.

При определении датировки бронзовой фигурки приходится опираться на данные уже опубликованных аналогичных предметов. В последнее время для бронзовых восточно-европейских фигурок так называемых уродцев исследователями предлагается датировка преимущественно в пределах VIII–X вв. (Давыденко, Гриб, 2009, с. 193). Территория Самарского Поволжья в этот период представляла собой северную периферию Хазарского каганата с разноэтничным населением, среди которого не последняя роль принадлежала тюркоязычным народам (Плетнева,

1999, с. 202–203). Очевидно, фрагмент нашей фигурки может быть датирован широко в пределах последней четверти I тыс. н. э., или эпохой Хазарского каганата. Однако бытование традиции изображения человеческих фигур «уродцев» в медной торевице, по мнению К.А. Руденко, продолжалось в Волжской Болгарии в течение всего домонгольского периода (Руденко, 2017, с. 166).

Вопрос о соотношении с какой-либо конкретной этнокультурной группой вызывает затруднения, т. к. предмет не имеет археологического контекста. Что касается определения семантического свойства бронзовых фигурок уродцев, то здесь, пожалуй, мнения абсолютного большинства исследователей, несмотря на несовпадения, варьируются в рамках одного культурного явления – религиозно-магических культов. А.Х. Халиков связывал бронзовые фигурки с «культом тотемной генеалогии тюркских племен» (Халиков, 1971, с. 115). Несомненно, представленный в публикации предмет может быть включен в круг вещей, которые использовались в культовой практике народов Восточной Европы эпохи Средневековья, в том числе тюркоязычных.

ЛИТЕРАТУРА

Алабин П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее. Самара: Губернская типография, 1895. 19 с.

Васильев И.Б. Бронзовое навершие из деревни Пустынково // Историко-краеведческие записки. Вып. 3. / отв. ред. Б. С. Авалихин. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1975. С. 86–92.

Гриб В.К., Давыденко В.В. Новые находки антропоморфных бронзовых фигурок уродцев // Степи Европы в эпоху средневековья. Т 9. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 361–372.

Давыденко В.В., Гриб В.К. Многоликие бронзовые фигурки уродцев Восточной Европы: Типология и семантика // Степи Европы в эпоху средневековья. Т 7. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 187–206.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999. 248 с.

Руденко К.А. Идол из села Змеево: датировка, интерпретация и аналогии // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2017. С. 161–173.

Спицин А.А. Материалы по доисторической археологии России: Самарская губерния. Некоторые предметы древности Самарского музея // Записки Императорского Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб: Типография П. Скороходова, 1896. С. 162–169.

Спицын А.А. Уродливые медные статуэтки // Известия ИАК. Вып. 29. СПб., 1909. С. 142–152.

Спицын А.А. Несколько статуэток // Известия ИАК. Вып. 53. СПб., 1914. С. 124–134.

Халиков А.Х. Маклашеевская всадница // СА. 1971. № 1. С. 106–117.

Информация об авторе:

Кочкина Анна Федоровна, заведующая отделом, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archo@alabin.ru

REFERENCES

Alabin, P. V. 1895. Drevnosti, naidennye v Samarsko gubernii i khраниashchiesia v Samarskom publichnom muzee (*Antiquities Discovered in Samara Governorate and Deposited in Samara Public Museum*). Samara: "Gubernskaia tipografiia" Publ. (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1975. In Abalikhin, B. S. (eds.). *Istoriko-kraevedcheskie zapiski (Historical and Local Study Notes)* 3. Volgograd: "Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatelstvo" Publ., 86–92 (in Russian).

Grib, V. K., Davydenko, V. V. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 9. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 361–372 (in Russian).

Grib, V. K., Davydenko, V. V. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 187–206 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1999. *Ocherki khazarskoi arkheologii (Essays on Khazar Archaeology)*. Moscow; Jerusalem: "Gesharim"; "Mosty kul'tury" Publ. (in Russian).

Rudenko K.A. 2017. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XII: Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 161–173 (in Russian).

Spitzin A.A. 1896. In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Russian Archaeological Society)* VIII, 1–2, Saint Petersburg: Skorokhodov's I. N. typography, 162–169 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1909. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 29. Saint Petersburg, 142–152 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1914. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 53. Saint Petersburg, 124–134 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 106–117 (in Russian).

About the Authors

Kochkina Anna F. Head of Department of Archaeology, Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Samara Region, Russian Federation; archeo@alabin.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.189.194>

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПЛАСТИНЧАТЫЕ БРАСЛЕТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ КОШАЧЬИХ. ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

© 2022 г. Е.А. Кройтор

Данная статья затрагивает вопросы датировки узкого сегмента средневековых ювелирных изделий – пластинчатых браслетов с изображением кошачьих личин. Исходя из имеющихся материалов на сегодняшний день, в научной среде сформировались две различные позиции. Согласно основной, подобные украшения датируются периодом Золотой Орды и происходят, в большинстве своем, из Болгара, Джукетау, Карашама и прочих памятников территории Поволжья. Данной точки зрения придерживались такие авторы, как М.Г. Крамаровский, Н.Ф. Калинин, К.А. Руденко и другие исследователи. Иная позиция сводится к расширению хронологических рамок бытования таких браслетов включая домонгольский период и расширением их территории до границ Восточной Европы, например, находки в Оцелень-Делени (Румыния), Любече (Древняя Русь) и т.д. Этого мнения придерживались А.С. Гушин, А.П. Смирнов, Б.А. Рыбаков. В статье приводятся результаты исследования материалов из разных хронологических комплексов, рассматриваются мнения ученых по вопросу датировки и географии происхождения пластинчатых ювелирных изделий с кошачьими личинами. Автор приходит к выводу, что совокупность находок, датированных более ранним временем, чем период Золотой Орды дает весомые основания для расширения хронологических границ бытования браслетов данного типа.

Ключевые слова: археология, браслеты с изображением кошачьих, ювелирное искусство, Золотая Орда, Древняя Русь.

MEDIEVAL PLATE BRACELETS WITH FELINE IMAGES. DATING ISSUES

Е.А. Kroitor

This paper deals with the dating of a narrow segment of medieval jewellery – plaque bracelets depicting feline faces. On the basis of the available material, two different positions have emerged in the scholarly environment to date. According to the main one, such jewelry dates back to the period of the Golden Horde and comes from Bolgar, Dzhuketau, Karasham and other sites of the Volga region. This point of view was supported by such authors as M.G. Kramarovskiy, N.F. Kalinin, K.A. Rudenko and other researchers. A different position is reduced to the extension of the chronological frames of usage these bracelets to the pre-Mongolian period, extending its geography to the borders of the Eastern European territory: for example, Otseleni-Deleni (Romania), Liubech (Ancient Rus) etc. This opinion was held by A.S. Gushchin, A.P. Smirnov and B.A. Rybakov. The paper presents the results of a study of materials from various chronological complexes and considers scientists' opinions on the issue of dating and geography of the origin of plaque jewelry with feline faces. The author concludes that the totality of finds dating back to an earlier time than the period of the Golden Horde provides strong grounds for expanding the chronological boundaries of the existence of bracelets of this type.

Keywords: archaeology, bracelets with images of cats, jewelry art, Golden Horde, Ancient Russia.

Пластинчатые браслеты с изображениями кошачьих являются одними из характерных украшений периода Золотой Орды. Тем не менее, несмотря на большое количество исследований, посвященных данной тематике, вопрос датировки изделий до сих пор остается спорным.

До недавнего времени пластинчатые изделия с несомкнутыми концами, украшенные, как правило, гравированными изображениями стилизованных кошачьих морд (или «львиных личин»), и несколько шарнирных браслетов со схожим сюжетным декором были

объединены в группу так называемых браслетов «булгарского типа». Название обуславливалось большим количеством находок на территории Булгара и его окрестностей. В 1978 г. М.Г. Крамаровский ставит под сомнение оправданность использования подобной терминологии (Крамаровский, 1978, с. 46). Основным аргументом стала география распространения серии изделий, выходящая далеко за пределы не только булгарских ремесленных центров, но и Поволжья в целом. Согласно его статье, наиболее отдаленными точками, где были найдены украшения,

Рис. 1. Браслеты: 1 – Джукетау (по: Руденко, 2015), 2 – Болгар (по: Руденко, 2015); 3 – Аналогия браслета из Любеческого клада 1960 г. (местонахождение неизвестно); 4 – Болгар (по: Мухаметшин, Хакимзянов, 1996); 5 – из слоя пожарища в Любече (по: Рыбаков, 1960); 6 – Оцелень-Делени (Крамаровский, 2001)

Fig. 1. Bracelets: 1 – Djuketau (after: Rudenko, 2015), 2 – Bolgar (after: Rudenko, 2015); 3 – Analogy of the bracelet from the Lubeck hoard 1960 (location unknown); 4 – Bolgar (after: Mukhametshin, Khakimzyanov, 1996); 5 – from the layer of conflagration in Lyubech (after: Rybakov, 1960); 6 – Otselen-Deleni (Kramarovsky, 2001)

на востоке стал город Пишпек (совр. Бишкек) (ОАК, 1893, с. 127), на юге – Судак (Фронджуло, 1974, с. 149), на западе – Вильнюс (Tautavicius, 1995, с. 168), на севере картину завершали находки из Новгорода (Седова, 1981, рис. 41) и Перми (Крамаровский, 1978, табл. I, 8,9). Большая часть изделий была обнаружена на территориях, некогда входивших в состав Золотой Орды, а находка литейной формы на Царевском городище и вовсе свидетельствовала о наличии производственного центра за пределами Болгарского улуса.

Также в подтверждение своей позиции автор приводит датировку изделий, не выходящую за пределы золотоордынского периода. Однако при дальнейшем исследовании браслетов, на которые ссылается Крамаровский, появилась необходимость в более углубленном изучении вопроса не только терминологии, но и датировки.

Учитывая, что большая часть «болгарских» браслетов происходит из подъемного материала и не имеет четкой привязки к слоям, подобные находки атрибутированы по аналогиям

с изделиями, имеющими точные выходные данные. Тем не менее некоторые украшения обнаружены в составе кладов. Один из наиболее известных найден в 1924 г. на городище Джукетау (Смолин, 2006, с. 24). В кладе было обнаружено два золотых шарнирных браслета с благопожелательной надписью (рис. 1: 1), а также два простых пластинчатых браслета с разомкнутыми концами. На основании сопутствующего нумизматического материала (золотые индийские динары 1340–1341 гг.) В.Ф. Смолиным клад был датирован сер. – кон. XIV в. Также им было выдвинуто предположение, что сокрытие клада произошло в период набегов новгородских ушкуйников в XIV в.

В 1900 г. три серебряных пластинчатых браслета были найдены в кладе у деревни Крещеная Елтань (ОАК, 1900, с. 114). Датирующим материалом здесь также явились золотоордынские монеты 1312–1361 гг. Четкие хронологические рамки имеют и Карашамский клад – кон. XIV – нач. XV вв. (Калинин, Халиков, 1954, с. 119), Василицкий клад – вт. пол. XIV в. (Строкова, 2006, с. 186), Пишпекский клад – вт. пол. XIII в. (ОАК, 1893, с. 127).

Кроме кладов, достаточно точную датировку позволили дать погребения. Например, браслеты с кошачьими мордами обнаружены в мордовских могильниках XIV в. Муранском, Барбашинском, Гагинском (Руденко, 2015, с. 321).

Ценные исторические данные были получены из кочевнических погребений на Дону. В кургане № 1 могильника Вербовый лог VIII обнаружено захоронение знатной дамы с двумя браслетами (Власкин, 2006, с. 23). Могильник отнесен к золотоордынскому языческому периоду с сер. XIII до сер. XIV в. Аналогично датирован и материал из могильника Олень-Колодезь (Ефимов, 1999, с. 93).

Таким образом, столь обширное количество находок из комплексов, датировка которых не вызывает сомнений, не должна была оставить поводов для возникновения различий в вопросе о периоде бытования рассматриваемых браслетов.

Сохранение ордынской датировки М.Г. Крамаровский объясняет следующим образом: в процессе атрибуции вещей из Спасо-болгарского клада А.С. Гуциным была допущена ошибка, в результате которой к кладу 1888 г. были приписаны два золотых браслета (рис. 1: 2) из состава Болгарского клада 1877 г. и два медных, из изделий, найденных в 1890 г. в Спасском уезде (Крама-

ровский, 1978, с. 46; Гушин, 1936, с. 81). Ввиду отсутствия в «искусственно созданном комплексе» монет Спасо-болгарский клад был датирован по предметным аналогиям с материалами Владимирского (1837 г.) и Старо-рязанского (1868 г.) кладов, которые, в свою очередь, были отнесены Г.Ф. Корзухиной к комплексам, зарытым между 70-ми годами XII в. и 1240 г. (Корзухина, 1954, № 166, 163). Однако мнения исследователей разошлись. В своей работе А.С. Гушин считал, что поводов для сокрытия кладов хватало и в домонгольское время, особенно в период междоусобиц. М.Г. Крамаровский придерживался позиции, что нижняя дата сильно удревнена: «Нельзя же в самом деле серьезно считать, что после 1240 г. городская элита обеднела настолько, что в лихое время и спрятать оказалось нечего».

Тем не менее сам факт того, что А.С. Гушин мог перепутать медные и золотые браслеты, назвав их серебряными, вызывает вопросы. Вероятно, в процессе первичной атрибуции были допущены ошибки. Соответственно, до выяснения всех обстоятельств данной неточности датировка комплекса в пользу любой позиции не может считаться достоверной.

А.П. Смирнов (Смирнов, 1951, с. 126) говорит о распространении в золотоордынскую эпоху пластинчатых несомкнутых браслетов, украшенных антропоморфными личинами, известных еще с XII в. Некоторые ученые, ссылаясь на его работу, подчеркнули неточность в месте, где А.П. Смирнов называет кошачьи морды «человеческими», посчитав это ошибкой. Но следует отметить, что браслеты с антропоморфными личинами действительно были распространены в русских материалах XII в. наравне с зооморфными изделиями, свойственными, как правило, финно-угорскому компоненту. Также нельзя оставить без внимания и группу створчатых шарнирных браслетов с окончаниями в виде кошачьих голов, датировка которых на данный момент не подвергалась сомнению и была отнесена к XII – началу XIII в. Исходя из этого, можно сделать вывод, что исследователь отнес «львиноголовые» украшения к комплексу зооморфных изделий территории Древней Руси.

Однако вопрос родства древнерусских шарнирных браслетов с пластинчатыми до сих пор является спорным и не признается многими исследователями, соответственно, рассмотренный материал также не может

в полной мере считаться объективным без дополнительных доводов.

Еще один пластинчатый браслет с традиционным изображением кошачьей личины был найден на территории Старой Рязани (Монгайт, 1955, рис. 137). Ввиду того, что в публикации не были указаны выходные данные, остается только предполагать, что украшение изготовлено еще до монгольского нашествия в 1237 г., т. к. позднее в полной мере город уже не восстановился.

Важным звеном в датировке стало изделие с Болгарского городища со штампованной надписью, соответствующей 1217 г. (рис. 1: 4). Д.Г. Мухаметшин и Ф.С. Хахимзянов считают, что надпись совпадает со временем изготовления предмета, а это свидетельствует в пользу домонгольского происхождения браслетов данного типа на территории Волжской Булгарии (Мухаметшин, Хахимзянов, 1996, с. 286).

Еще одно изделие обнаружено в кладе у селения Оцелень-Делени (рис. 1: 6) (Румыния) (Крамаровский, 2001, с. 192). Несмотря на наличие золотоордынских дирхемов, браслет, благодаря Дану Теодору, датирован по аналогиям с русскими обручами и отнесен к XII–XIII в. Верна ли данная датировка? На данный момент ответить на этот вопрос однозначно без проведения анализа невозможно, но отрицать некоторую иконографическую и технологическую схожесть с украшениями Древней Руси также трудно.

В 1960 г. были опубликованы материалы из раскопок в Любече (Рыбаков, 1960, с. 27). Здесь в слое пожара 1147 г. было обнаружено два серебряных пластинчатых браслета, на одном из которых изображена морда кошачьего (рис. 1: 5). Б.А. Рыбаков подчеркивает, что дата пожара «едва ли вызывает сомнения», также в этом месте нет и следов дальнейшего возобновления укреплений, поздняя хозяйственная деятельность осуществлялась здесь только в XVII в. К сожалению, публикация, вероятно, ускользнула из поля зрения поздних исследователей. Дополнительной находкой, подтверждающей датировку, стало открытие Любеческого клада 1960 г., в составе которого находился створчатый «львиноголовый» браслет. Н.Г. Недошивиной клад был отнесен не ранее чем ко второй половине XII в. (Недошивина, 1999, с. 196). Техника, в которой выполнено украшение, говорит скорее о переходном типе от ранних полых браслетов

к пластинчатым, что, впрочем, было признано и М.Г. Крамаровским (рис. 1:3).

Возвращаясь к вопросу датировки, следует отметить, что Н.Г. Недошивина ссылается на мнение В.П. Коваленко, предположившего, что сооружение, где были найдены вещи клада, пострадало при разорении Любечаном Менгу, а деятельность ювелирной мастерской города следует отнести к первой четверти XIII в. К сожалению, изучить упомянутую публикацию в рамках данного исследования не удалось. В то же время в работе 1986 г. В.П. Коваленко пишет: «Судьба Любеча в XIII в. не известна: следов нашествия орд хана Батыев раскопками не обнаружено, письменные источники не упоминают его среди городов, лежавших на пути монгольских полчищ. Видимо, Любечу удалось избежать участи большинства древнерусских городов» (Юра, Коваленко, 1986, с. 303). Не нашлось информации о монгольском нашествии на город и в других источниках. Таким образом, до выяснения обстоятельств, опровергающих данные, что слой Любеческого пожара относится к 1147 г., именно эту дату стоит считать корректной для датировки пластинчатых браслетов. В любом случае находки подтверждают факт производства изделий в домонгольское время.

Исходя из этого, можно предположить, что бытование предметов приходится на большой промежуток времени. Так, при анализе клада украшений, обнаруженного в погребении № 52 на территории Болгарского городища, К.А. Руденко предположил, что сокрытые в наборе ценности собирались как минимум в течение жизни двух поколений владельцев (Руденко, 2017, с. 268). Подобное явление может быть присуще и другимкладам, многие из которых также представляют смешанный набор изделий разных периодов.

В заключение можно сделать вывод, что совокупность находок, датированных более ранним временем, чем период Золотой Орды, дает весомые основания для расширения границ бытования пластинчатых браслетов с изображениями кошачьих. Ключевым моментом в данном случае являются находки Болгара и Любеча. Первый из них свидетельствует о наличии домонгольского производства браслетов в Волжской Булгарии. Второе изделие и вовсе отодвигает нижнюю границу практически на век, к 1140-м гг.

ЛИТЕРАТУРА

Власкин М.В., Гармашов А.И., Додэ З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.

Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 115 с.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 2–4. С. 93–108.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. / Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.-Л.: АН СССР, 1954. 166 с.

Крамаровский М.Г. Булгарские браслеты: генезис декора и локализация // СГЭ. [Вып.] XLIII. Л.: Аврора, 1978. С. 46–51.

Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: АО «Славия», 2001. 364 с.

Монгайт А.Л. Старая Рязань / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. IV. / МИА. № 49. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 228 с.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. С. 293–305.

Отчеты археологической комиссии за 1893 год. С-Петербург: Типография главного управления уделов, 1895. 104 с.

Отчеты археологической комиссии за 1900 год. Санкт-Петербург: Типография главного управления уделов, 1902. 173 с.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Руденко К.А. О хронологии восточного импорта в Волжскую Булгарию в X–XI вв. // Поволжская археология. 2017. № 2(20). С. 157–172.

Рыбаков Б.А. Раскопки в Любече в 1957 году // КСИА. 1960. № 79. С. 21–34.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.

Смолин В. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джуке-тау // ТА. 2006. № 1–2 (16–17). С. 19–42.

Строкова Л.В. Золотоордынский клад из с. Василицы Черкасской области // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая лит-ра, 2006. С. 186–188.

Фронджуло А.М. Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. / Отв. ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 139–150.

Юра Р.А. Любеч // Археология Украинской ССР. Т. 3. / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1986. С. 299–303.

Tautavicius A. Archeologiniai turimai // Vilniaus žemutinės pilies rūmai. Vilnius, 1995. С. 205–252.

Информация об авторе:

Кройтор Елена Александровна, магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); kroitor.lena@mail.ru

REFERENCES

Vlaskin, M.V., Garmashov A.I., Dode Z.V., Naumenko S.A. 2006. *Pogrebeniia znati zoloordynskogo vremeni v mezhdurech'e Dona i Sala (Burials of the Nobility of the Golden Horde Period on the Don and Sal Interfluve)*. Series: Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus) 6. Moscow: "Pamyatniki istoricheskoi mysli" (in Russian).

Gushchin, A. S. 1936. *Pamyatniki khudozhestvennogo remesla Drevnei Rusi X–XIII vv. (Monuments of the Artistic Craft of Ancient Rus of the 10th-13th cc.)*. Leningrad.: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo" Publ. (in Russian).

Efimov, K. Yu. 1999. In *Donskaia arkheologiya (Archaeology of Don)* (2–4), 93–108 (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).

Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX–XIII vv. (Russian Hoards of 9th–13th Centuries)* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1978. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* 43. Leningrad "Aurora" Publ., 46–51 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingizidov: kul'turnoe nasledie Zolotoy Ordy (Chingizid's Gold: Cultural Heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg.: "Slavii" Publ. (in Russian).

Mongait, A. L. 1955. *Staraiia Ryazan (Old Ryazan)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii drevnerusskikh gorodov (Materials and Studies on the Archaeology of Old Russian Towns) IV. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 49. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Mukhametshin, D. G., Khakimzyanov, F. S. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 293–305 (in Russian).

1895. *Otchety arkheologicheskoi komissii za 1893 god. (Archaeological Commission Reports for 1893)*. Saint Petersburg: Printing House of the Main Department of Provinces (in Russian).

1902. *Otchety arkheologicheskoi komissii za 1900 god. (Archaeological Commission Reports for 1900)*. Saint Petersburg: Printing House of the Main Department of Provinces (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe serebro (Bolgar Silver)*. Series: *Drevnosti Biliara (Antiquities of Bilyar)*. Vol. II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Rudenko, K.A. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2 (20), 157–172 (in Russian).

Rybakov, B.A. 1960. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 79, 21–34 (in Russian).

Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th cc.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (The Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum. Issue XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Smolin, V. 2006. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (16–17), 19–42 (in Russian).

Stroková L.V. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoy Evro-Aziatskoy zone (The City and the Steppe in Contact Eurasian Space)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 186–188 (in Russian).

Frondzhulo, A. M. 1974. In Bibikov, S. N. (ed.). *Feodal'naia Tavrika (Feudal Taurica)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 139–150 (in Russian).

Yura, R. A. 1986. In Baran, V. D. (ed.). *Arkheologiya Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 3. Kiev: Naukova dumka, 299–303 (in Russian).

Tautavicius, A. 1995. In *Vilniaus žemutinės pilies rūmai*. Vilnius, 205–252 (in Lithuanian).

About the Author:

Kroitor Elena A. Master's student. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kroitor.lena@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.195.201>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ НЕПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МАССОВОЙ КЕРАМИКИ С ПАМЯТНИКОВ ПОВОЛЖЬЯ)

© 2022 г. А.А. Куклина

В статье прослеживается развитие представлений о массовой неполивной керамике с памятников Волжской Болгарии и золотоордынских городищ Поволжья, начиная с 1870-х гг. до настоящего времени. На начальном этапе керамика еще не рассматривалась как полноценный исторический источник, в литературе конца XIX – начала XX вв. содержатся весьма отрывочные сведения об этой категории находок. В середине XX века исследования массовой керамики становятся планомерными, складывается несколько подходов, которые остаются актуальными до сегодняшнего дня. Постепенно складывается представление о необходимости изучения технологии создания керамики, актуальным становится вопрос хронологии развития гончарства и возможности использования массовой керамики как хроноиндикатора. В конце XX – начала XXI вв. исследования археологической керамики становятся комплексными, актуальным становится междисциплинарный подход.

Ключевые слова: археология, историография, Волжская Болгария, Золотая Орда, керамика, гончарство, этнокультурный подход, историко-культурный подход.

TRANSFORMATION OF APPROACHES TO THE STUDY OF NON-GLAZED CERAMICS (A CASE-STUDY OF MEDIEVAL CERAMICS FROM THE VOLGA REGION)

A.A. Kuklina

The paper examines the development of ideas about mass non-glazed ceramics from Volga Bulgaria and the Golden Horde settlements since 1870s. At the initial stage, ceramics was not considered as a historical source, the literature of the late XIX – early XX centuries contains very fragmentary information about this category of finds. Since 1950s the research of mass ceramics became systematic, several approaches were formed that remain relevant to present day. There was a need to study ceramic technology, the chronology of the pottery and the possibility of using mass ceramics as a chrono-indicator becomes relevant. At the end of the XX – beginning of the XXI centuries, the research of archaeological ceramics became complex, an interdisciplinary approach became relevant.

Keywords: archaeology, historiography, Volga Bulgaria, Golden Horde, ceramic, pottery, ethnic-cultural approach, historic and cultural approach.

Становление массовой керамики как исторического источника происходило в русле развития археологии в целом. Во второй половине XIX века, когда в Российской империи возрос интерес к отечественной истории, на территории Казанской губернии активно развивалось краеведение (Руденко, 2014, с. 420). Важным моментом стала публикация работы С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгаро-татарские памятники Казанской губернии» в 1877 г., где были собраны и систематизированы сведения об известных на тот момент археологических памятниках, в результате чего приоритетным направлением исследований стало изучение городов Волжской Болгарии. Первым привлёк внимание научной среды к находкам неполивной керамики А.Ф. Лихачёв. Так, на заседании II Археологического съезда в 1871 году в докла-

де «Бытовые памятники Великой Болгарии» учёный отметил, что в материалах керамической коллекции с этих памятников есть образцы, сильно отличающиеся друг от друга по качеству: одни лепные, из глины черного цвета, с низкотемпературным обжигом, другие из отличного качества глины, сделанные с помощью круга, с обжигом в горне (Лихачев, 1876, с. 8). В «Трудах IV Археологического съезда» опубликована статья А.Ф. Лихачева, посвященная сфероконусам Болгара, где исследователь разделяет глиняное сырье на две категории: «из простой гончарной глины» и «из более тонкой, вязкой, почти пластической глины», а также отмечает различную окраску глины: кирпично-красную, серо-черную (Лихачев, 1884, с. 38).

В изучении золотоордынских городищ Поволжья в это время прослеживается изби-

рательный подход к древностям. В поле зрения исследователей в основном попадали сосуды хорошей сохранности. Примером может служить описание нескольких изделий из перечня находок с Водянского городища за авторством С.А. Щеглова: «№ 6 – сосуд из красной глины с двумя массивными ручками по бокам», «№ 17 – сосудик из красной глины с отбитым горлышком», «№ 19 – крышка к сосуду из красной глины», «№ 21 – черепок из красной глины от большого сосуда с желобчатым орнаментом» (Щеглов, 1915, с. 151–152).

С 1880–1890-х гг. упоминания массовой керамики появляются в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии». В списке находок с Билярского городища, представленном В.А. Казариновым, присутствуют и целые сосуды: «кувшинчик из красной глины», «кувшинчик из темно-серой глины», «плошки для освещения», – и фрагменты: «2 ручки от сосудов», «2 доньшка от сосудов» (Казаринов, 1884, с. 112). П.А. Пономарев в своих исследованиях памятников Прикамья так же обращался к керамике, «материал, обработка и орнамент» которой одинаковы с фрагментами посуды «всех вообще второстепенных болгарских городищ». На основании сходства керамики было сделано заключение о принадлежности памятников к болгарской культуре (Пономарев, 1893, с. 122–123).

Общей проблемой при изучении керамики в конце XIX – начале XX вв. было отсутствие единой методики описания находок. Каждый ученый сам оценивал значимость найденного материала. Эту проблему озвучил В.А. Городцов в 1899 году на XI Археологическом съезде. В качестве решения он разработал таблицу, где учитывались примеси в глине, степень обжига, формы керамики, орнамент (Городцов, 1901, с. 578). Несмотря на актуальность методики В.А. Городцова, она не сразу получила признание. При описании керамики памятников Поволжья вплоть до 20-х гг. XX в. упор делался на декоративную и орнаментальную составляющие. Примером могут служить работы Ф. Баллода, который изучал остатки золотоордынских городов на Средней и Нижней Волге. Так он описал неполивную керамику: «черепки из красной глины, с обычным резным линейным орнаментом в виде параллельных прямых или волнистых линий» (Баллод, 1923а, с. 40). Описание глиняного теста сводилось к определению «обыкновенная гончарная глина» (Баллод, 1923б, с. 47).

Основные принципы изучения массового материала, описанные в работе В.А. Городцо-

ва «Типологический метод» 1927 г., начинают применяться на практике в первую очередь его учениками. Так, схема описания керамики нашла применение в трудах В.В. Гольмстен и А.С. Башкирова. В очерке 1928 г., посвященном исследованию Биляра, А.С. Башкиров выделил три группы неполивной керамики, основываясь на цвете черепка и качестве обжига (Башкиров, 1929, с. 35–36).

Одним из первых к неполивной золотоордынской керамике обратился Н.Ф. Калинин. Он изучал коллекции из раскопок Ф.В. Баллода, в результате чего выделил несколько групп красноглиняной посуды. Также он обратил внимание на состав глиняного теста, определив в нем примесь песка и известняка (Калинин, 1927, с. 10–13). Анализируя массовую керамику памятников Волжской Болгарии, Н.Ф. Калинин определил толстостенную кирпично-красную керамику с «волнистым и арочным орнаментом» как характерную для XIII–XIV вв. (Калинин, 1950, с. 39). В некоторых работах Н.Ф. Калинина встречается датировка объектов, опирающаяся на соотношение керамики разного цвета. Исходя из того, что хорошо обожженная (красная) посуда показывает высокий уровень гончарного ремесла, она, соответственно, является более поздней (Калинин, 1950, с. 43).

Систематическое изучение массовой керамики Поволжья связано с Куйбышевской археологической экспедицией. В 1951 году опубликована работа А.П. Смирнова «Волжские болгары», в которой собраны обширные сведения о болгарских ремеслах. В разделе, посвященном гончарству, керамика разделена на несколько групп в соответствии с цветом, техникой изготовления, степенью обжига и примесями в глине (Смирнов, 1951, с. 132). Среди результатов изучения Болгарского городища особняком стоит открытие гончарной мастерской в районе Голландского озера. По итогам ее исследования О.С. Хованская подготовила очерк о гончарстве Болгара, в котором проанализирована связь между химическим составом глин и цветом болгарской посуды (Хованская, 1954, с. 344). Очерк А.М. Ефимовой 1962 г. об исследовании памятника у села Балымеры содержит описание неполивной керамики с выделением в ней двух групп на основании качества глины и степени обжига (Ефимова, 1962, с. 41–43). В статье того же года, посвященной исследованию Тигашевского городища, Г.А. Федоров-Давыдов отмечает, что для датировки болгарских памятников имеет значение соотношение содержания

лепной и гончарной керамики, а также соотношение фрагментов керамики по цвету глины (Федоров-Давыдов, 1962, с. 77). В IV томе «Трудов Куйбышевской археологической экспедиции» Т.А. Хлебниковой опубликована статья, посвященная керамическим комплексам городских и сельских памятников домонгольского времени. Керамика была разделена на несколько групп в соответствии с наличием примесей в глиняном тесте: песка, раковины, шамота, растительных остатков. Было выявлено преобладание керамики первой группы – из тонкого очищенного теста с песком (Хлебникова, 1962, с. 130). Дальнейшие исследования Т.А. Хлебниковой были направлены на выявление дополнительных критериев, помогающих выделить определенные группы керамики и проследить их связь с этнокультурной принадлежностью населения, изготавливавшего эту керамику.

Этнокультурный подход к изучению неполивной керамики Т.А. Хлебниковой получил дальнейшее развитие в работах Н.А. Кокориной. Она разделила некоторые группы керамики на подгруппы на основании различий в цвете черепка, форме сосудов и орнаментации (Кокорина, 2002, с. 48). Помимо этого, были внесены изменения в типологию форм (Кокорина, 2002, с. 13).

Изучение форм, пропорций сосудов долгое время было основной тенденцией в изучении неполивной керамики как памятников Волжской Болгарии, так и раннеболгарских памятников. Примером могут быть работы В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова, изучавших Большетарханский, Кайбельский и Танкевский могильники (Генинг, Халиков, 1964, с. 31). Продолжил исследование раннеболгарских памятников Е.П. Казаков. Он разделил керамику на подгруппы в зависимости от расположения наибольшего диаметра тулова относительно его высоты. Далее подгруппы делились на виды в зависимости от отношения высоты тулова к его диаметру. Также он выделил разновидности «шеек» сосудов (Казаков, 1992, с. 168–170).

Вопрос хронологии развития форм посуды нашел свое развитие в работах А.Ф. Кочкиной. Изучение биллярской керамики сопровождалось анализом форм, который производился путем описания профиля сосуда с помощью выделения точек на его контуре и соотношения параметров (Кочкина, 1986, с. 24).

В 1950–60-е годы в изучении массовой керамики были очерчены задачи изучения техно-

логии, организации производства керамики и хронологии его развития. Эти проблемы стояли и перед исследователями нижеволжских памятников. Масштабные исследования золотоордынских городов проводились с 1959 г. под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Результатом исследований керамических коллекций с городищ Царевского, Селитренного, Водянского, Увекского, а также с городища Мошаик стала монография с классификацией форм керамики. Всего было выделено 39 категорий форм, куда входила как столовая и кухонная посуда, так и керамика специального назначения (Федоров-Давыдов, 2001). Систематизацией золотоордынской керамики занималась также С.Е. Михальченко. Она обратила внимание на технологические особенности: наличие примесей, технику формовки, использование подсыпок, обработку поверхности, а также наличие разных подходов к конструированию форм. На основании технологического многообразия был сделан вывод о разноэтничном составе среды гончаров (Михальченко, 1973, с. 119).

На проблему малой информативности фрагментов изделий, размер которых не позволяет установить форму и технику изготовления, указал А.А. Бобринский, который отметил, что огромное количество таких фрагментов представляет собой продукцию десятков и сотен ремесленников и довольно сложно выделить группу керамики, сделанную одним мастером. В монографии А.А. Бобринского «Гончарство Восточной Европы» представлен новый подход к исследованию керамики – историко-культурный. Он подразумевает взгляд на гончарство как на систему трудовых навыков, существующих в определенных культурных традициях (Бобринский, 1978). Изучению технологии производства керамики Волжской Болгарии в рамках историко-культурного подхода посвящена работа И.Н. Васильевой. Ее исследование охватывало отбор исходного сырья, состав формовочных масс, конструирование начинов и полого тела, обработку поверхности (Васильева, 1993). В изучении массовой керамики Поволжья историко-культурный подход тоже сыграл большую роль. С ним связаны работы И.В. Волкова, где автор делит керамику на группы, основываясь на технико-технологических принципах. Таким образом, выделяется продукция одной мастерской или родственных мастерских. Этот подход использован для классификации керамических комплексов золотоордынских Азака (Волков, 1992) и

Маджара (Волков, 2016, с. 137–220). В изучении керамики нижеволжских городов Золотой Орды методика И.В. Волкова нашла свое применение в работах С.И. Курочкиной. Она разделила керамический материал в соответствии с 5 уровнями: группы, отделы, подотделы, виды и варианты. Местная керамика распределена по двум группам в соответствии с технологическими признаками (Зеленева, Курочкина, 2009, с. 97–98; Курочкина, 2014, с. 393).

На современном этапе исследований неполивной керамики Поволжья выделяются несколько тенденций. Во-первых, это включение все большего количества материала в область изучения, что связано с увеличением масштабов проводимых археологических работ. Во-вторых, это внедрение междисциплинарного подхода и естественно-научных методов. Благодаря этому стало возможным получать информацию об исходном глинистом и минеральном сырье и проводить поиск его источников. Так, В.Н. Бахматова на протяжении нескольких лет проводила изучение одной из этнокультурных групп керамики, выделенных Т.А. Хлебниковой, а именно XIII группы («джукетау»). В своей работе она применяет историко-культурный подход с привлечением естественно-научных методов (Бахматова, 2013, с. 29–31). Одним из важных вопросов, решением которых занимается исследовательница, является поиск сырьевых источников местной неполивной керамики с памятников Среднего Поволжья.

Естественно-научные методы на сегодняшний день становятся все более распространенными в исследованиях керамики. При этом классические методы по-прежнему актуальны. К примеру, А.Р. Нуретдинова в своих работах по изучению сфероконических сосудов использует типологию А.Х. Халикова, которую дополняет данными о химическом составе сырья (Нуретдинова, Беляев, 2015, с. 301–310). Одной из актуальных на сегодняшний день проблем является изучение технологических аспектов гончарства. Так, одним из вопросов, поднимавшихся в современных исследованиях неполивной керамики Болгарского городища, было выявление зависимости состава формовочных масс посуды I группы от функционального назначения сосудов (Бахматова, Куклина, 2014, с. 230–255).

Таким образом, в 2000-х гг. изучение неполивной керамики Поволжья, следуя за общими тенденциями развития отечественной археологии в целом и исследований проблем древнего гончарства в частности, становится комплексным. На данный момент в центре внимания остаются несколько проблем: выявление сырьевых источников, исследование местной керамики отдельных памятников, проблема хронологии отдельных групп керамики, вопросы культурного взаимодействия между носителями разных гончарных традиций, выделение продукции одной мастерской, корреляция трансформаций гончарных традиций с социально-экономическим и культурным контекстом.

ЛИТЕРАТУРА

Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.; Пг.: Мосполиграф, 1923а. 132 с.

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (Результаты археологических работ летом 1922 года). Казань, 1923б. 62 с.

Бахматова В.Н. Использование естественнонаучных методов в изучении неполивной керамики (на примере джукетаусской группы керамики Волжской Болгарии). // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования (22–23 апреля 2013 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 29–31.

Бахматова В.Н., Куклина А.А. О связи технологии изготовления общеболгарских керамических сосудов с их функциональным предназначением: характеристика формовочных масс (по материалам исследования Болгарского городища 2011–2012 гг.) // Поволжская археология. 2014. № 2(8). С. 230–255.

Башикиров С.А. Экспедиция по изучению памятников болгаро-татарской культуры летом 1928 г. // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Т. III. Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского, 1929. С. 27–36.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 195 с.

Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 20 с.

Волков И.В. Керамика золотоордынского города Маджар // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Археология Евразийских степей. Вып. 23. / Отв. ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 137–220.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Тр. XI Археологического съезда. в Киеве Т. I. / Ред. Гр. Уварова, С.С. Слущкий. М.: Типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1901. С. 577–672.

Ефимова А.М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4. / МИА. № 111. Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 25–48.

Зеленев Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994 – 2000 гг.). Йошкар-Ола: РИЦ МарГУ, 2009. 264 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

Казаринов В.А. Описание билярских и баранского городищ // ИОАИЭ. 1880–1882 гг. Т. 3. Казань: Типография Императорского Университета, 1884. С. 89–127.

Калинин Н.Ф. Золотоордынская керамика в историко-археологическом отделе Центрального музея Татарской Республики // Материалы Центрального музея Татарской АССР. № 1. Казань, 1927. С. 10–13.

Калинин Н.Ф. Отчет о работах по западным районам ТАССР, 1950 г. / Архив ИА РАН, д. Р-1, №531

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ; ИА РАН, 2002. 383 с.

Кочкина А.Ф. Гончарная посуда // Посуда Биляра // Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1986. С. 24–52.

Курочкина С.И. Керамика города Сарай ал-Махруса (Селитренное городище) (предварительная классификация) // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Т. III. / Ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 393–395.

Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии. // Труды II Археологического съезда, т. 1. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1876. С. 1–50.

Лихачев А.Ф. О загадочных сосудах сфероконической формы // Труды IV Археологического съезда, т. 3. Казань: Типография Императорского Университета, 1884. С. 34–65.

Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья. // СА. 1973. № 3. С. 118–132.

Нуретдинова А.Р., Беляев А.В. Сфероконические сосуды из раскопа CLXV болгарского городища // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 301–310.

Пономарев П.А. Данные о городах Волжской Булгарии. Ч. III. Булгарский город Кашан // ИОАИЭ. Т. 11, вып. 2. Казань: Типография Императорского Университета, 1893. С. 111–138.

Смирнов А.П. Волжские болгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 299 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4. / МИА. № 111. Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 49–89.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.

Хлебникова Т.А. Гончарное производство Волжских Болгар X – начала XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 93–152.

Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 356–368.

Щеглов С.А. Раскопки на Водянском городище // Труды Саратовской Ученой архивной комиссии. Вып. 32. Саратов: Типография Союза Печатного дела, 1915. С. 145–152.

Информация об авторе:

Куклина Анна Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kuklinanna@mail.ru

REFERENCES

Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie "Pompei" (The Volga "Pompeii")*. Moscow; Petrograd.: "Mospoligraf" Publ. (in Russian).

Ballod, F. V. 1923. *Stariy i Noviy Saray, stolitsy Zolotoy Ordy (Old and New Sarai, Capitals of the Golden Horde)*. Kazan: "Kombinat Izdatel'stva i Pechati v Kazani" Publ. (in Russian).

Bakhmatova, V. N. 2013. In *Aktual'naya arkheologiya: arkheologicheskie otkrytiia i sovremennye metody issledovaniia (22–23 apreliia, 2013 g., Sankt-Peterburg) (Topical Archaeology: Archaeological Discoveries and Modern Study Methods (April, 22–23, 2013, Saint Petersburg))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 29–31 (in Russian).

Bakhmatova, V.N., Kuklina, A.A. 2014. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 2 (8), 230–255 (in Russian).

Bashkirov, S.A. 1929. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatarian Soviet Socialist Republic)*. Vol. III. Kazan: “Poligrafshkola im. A. V. Lunacharskogo” Publ., 27–36 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniiia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X–XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in the 10th–14th cc.)*. Ekaterinburg: “Nauka” Publ. (in Russian).

Volkov, I. V. 1992. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (klassifikatsiia i datirovka) (Pottery of Azov in 14th–18th Centuries (Classification and Dating))*. Thesis of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk–Budenovsk–2012. (Materials of the First Majar Archaeological Forum. Pyatigorsk–Budyonovsk–2012)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes). 10. Kazan: “Kazan-skaia nedvizhimost” Publ. House, 137–220 (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1901. In Uvarova, Countess, Slutsky, S. S. (eds.). *Trudy XI Akheologicheskogo s"ezda v Kieve (Proceedings of the 11th Russian Archaeological Congress at Kiev)* I. Moscow: “Tipografiia G. Lissnera i A. Geshelya” Publ., 577–672 (in Russian).

Efimova, A.M. 1962. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii (Materials and Studies on Archaeology)* 111. Moscow: AN SSSR Publ., 25–48 (in Russian).

Zelenev, Yu. A., Kurochkina, S. A. 2009. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniia na Tsarevskom gorodishche v 1994–2000 gg.) (The Golden Horde City Sarai al-Jedid (the Results of Archaeological Studies at Tsarevskoe Settlement in 1994–2000))*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 6–12 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic and Cultural History)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kazarinov, V. A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)*. 1880–1882 (3). Kazan, 89–127 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1927. In *Materialy Tsentral'nogo muzeya Tatarskoy ASSR (Materials of the Central Museum of the Tatar ASSR)* 1. Kazan, 10–13 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1950. *Otchet o rabotakh po zapadnym raionam TASSR (Report on Activities in the Western Regions of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 531 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bolgar and Bolgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kochkina, A. F. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Posuda Biliara (Dishware of Bilyar)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 24–52 (in Russian).

Kurochkina, S. I. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress at Kazan)* Vol. III. Kazan: “Otechestvo” Publ., 393–395 (in Russian).

Likhachev, A. F. 1876. In *Trudy II Arkheologicheskogo sezda (Proceedings of the 2nd Archaeological Congress)* Vol. 1. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1–50 (in Russian).

Likhachev, A. F. 1884. In *Trudy IV Arkheologicheskogo sezda v Kazani (Proceedings of the 4th Archaeological Congress at Kazan)*. Vol. 3. Kazan: “Tipografiya Imperatorskogo Universiteta” Publ., 34–65 (in Russian).

Mikhailchenko, S. E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 118–132 (in Russian).

Nuretdinova, A. R., Belyaev, A. V. 2015. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 4 (14), 301–310 (in Russian).

Ponomarev, P.A. 1893. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* Vol. XI (2). Kazan, 111–138 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (The Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum. Issue XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* Vol. 4. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 49–89 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia: keramika, trgovlia, byt (Golden Horde Cities in the Volga Region: Pottery, Trade, Everyday Life)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* Vol. 4. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 93–152 (in Russian).

Khovanskaia, O. S. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* Vol. I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 356–368 (in Russian)..

Shcheglov, S.A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)* 32. Saratov: “Soiuz Pechatnogo Dela” Publ., 145–152 (in Russian).

About the Authors:

Kuklina Anna A. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ С БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА¹

© 2022 г. Л.Ф. Недашковский, М.Б. Шигапов

В статье анализируются отдельные виды железных изделий с Багаевского селища второй половины XIII–XIV в., располагающегося в округе золотоордынского города Уека в Саратовском районе Саратовской области. Селище изучалось раскопками экспедицией Казанского университета под руководством Л.Ф. Недашковского в 2002–2003, 2006–2012, 2014–2016 и 2020–2021 гг. Багаевское селище является довольно крупным аграрным поселением; площадь памятника составляет 5,1 га, мощность культурного слоя местами достигает более 90 см. Монетные находки с поселения относятся к последней четверти XIII – началу 60-х гг. XIV в. Авторами рассмотрены железные штыри, пластины, ручки и неопределенные предметы, для которых приведены предположения об их функциональном назначении. Данный комплекс характеризует материальную культуру золотоордынского села Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: археология, сельские поселения, Золотая Орда, Багаевское селище, материальная культура, железные изделия.

IRON OBJECTS FROM BAGAEVKA SETTLEMENT²

L.F. Nedashkovsky, M.B. Shigapov

Some types of iron wares from Bagaevka settlement of the second half of 13th – 14th century, situated in periphery of the Golden Horde city Ukek in Saratov area of Saratov region are analyzed in the paper. Settlement was excavated by expedition of Kazan University under supervision of L.F. Nedashkovsky in 2002–2003, 2006–2012, 2014–2016 and 2020–2021. Bagaevka settlement is quite large rural settlement; the area of the site is 5.1 hectares, the thickness of the cultural layer in some places reaches more than 90 cm. Numismatic finds from the site belong to the Golden Horde mintage of the last quarter of 13th – beginning of 60s of 14th century. The authors consider iron pintles, plates, handles and undefined objects, for which assumptions about their functional purpose are given. This complex characterizes material culture of the Golden Horde village of the Lower Volga region.

Keywords: archaeology, rural settlements, the Golden Horde, Bagaevka settlement, material culture, iron wares.

Багаевское селище расположено у села Багаевка Саратовского района Саратовской области. Селище было обнаружено Л.Ф. Недашковским в 1995 г. (Недашковский, 1996, с. 281) и исследовалось им раскопками в 2002–2003, 2006–2012, 2014–2016 и 2020–2021 гг. (Недашковский, 2013а–2013б; 2015; Недашковский, Шигапов, 2017б; 2018). Размеры поселения: 225 м с севера на юг и 490 м с запада на восток; площадь памятника 5,1 га. Это довольно крупное сельское поселение, вытянутое вдоль берега реки Петровки. Средняя мощность культурного слоя 30–40 см, местами она превышает 90 см.

Раскопками была выявлена часть усадьбы, датированной находками золотоордынских монет конца 1270-х - начала 1360-х гг. (самая ранняя – анонимный дирхем периода правления Менгу-Тимура чеканки Сарая 677 г. х.,

самые поздние – дирхем и пул Хызра чеканки Гюлистана 762 г. х.), на которой исследованы остатки овина, очага, погребца, столбовой, восьми зерновых (одна из них соединялась с погребом) и пятнадцати хозяйственных ям (три из них соединялись с погребцами). В 2008–2012, 2016 и 2020–2021 гг. на усадьбе удалось исследовать природное понижение, в южной части которого была оборудована полуземлянка; в створе понижения были изучены два очага, две зерновые, семнадцать хозяйственных и столбовая ямы. В ходе раскопок был доказан факт возделывания культурных растений на поселении, сделаны находки, связанные с земледелием и промыслами. Наблюдается хорошая для селищ насыщенность напластований и объектов памятника различными находками. В результате проведенных Л.Ф. Недашковским работ Багаевское

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004.

² Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00004.

селище, расположенное в ближайшей округе золотоордынского города Укека, является одним из наиболее изученных на сегодняшний день золотоордынских сельских поселений Нижнего Поволжья.

В статье мы продолжаем публикацию предметов материальной культуры с Багаевского поселения, сосредоточив внимание на некоторых железных изделиях.

Штыри (рис. 1: 1–6, 12, 16) могли служить крепежным инструментом. Длина штырей 4,3–13,4 см, сечение от 2×2 до 7×12 мм. Изделия ровные вытянутые, прямоугольные или квадратные в сечении, два предмета имеют небольшой загиб на конце (рис. 1: 6, 12), один предмет имеет загиб посередине (рис. 1: 16). Судя по данным металлографических анализов, два штыря (рис. 1: 4, 6) были откованы из неравномерно науглероженной стали, а третий (рис. 1: 5) – из кричного железа.

Пластины (рис. 1: 7–11, 15) могли быть фрагментами конструкций, крепежа, частями оковок сундуков или ведер. Пластины имеют размеры от 2,2×2,7 до 3,5×5,5 см.

Ручки представлены двумя типами. Данные изделия (рис. 1: 13–14) могли быть частями шкатулок или сундучков, они могли служить и в качестве дверных ручек.

Тип 1 (рис. 1: 13). Изделие П-образной формы длиной 12 см (сохранившаяся часть), высотой 4,1 см. Сечение ручки прямоугольное от 2×5 до 3×7 мм. Аналогии имеются с I Измерского селища, Старокуйбышевского городища и в материалах Болгарского городища XIV в. (Казаков, 1991, с. 90–91, рис. 33, 10–12; Савченкова, 1996, с. 52–54, рис. 21, 1, 4–5).

Тип 2 (рис. 1: 14). Изделие полуовальной формы длиной 7,8 см и высотой 7,4 см также сохранилось лишь частично.

Неопределенные железные предметы. На селище были найдены многочисленные фрагменты железных предметов, функциональное назначение которых в настоящее время трудно определить. Предположения о назначении некоторых из них приведены ниже.

Помимо представленных на рисунках изделий на раскопе I-2002 были найдены два железных предмета – в культурном слое (№ 1, гл. –16 см, долото или зубило?) и в яме 2 (№ 4, гл. –103 см, скоба?); железный предмет был обнаружен в культурном слое и на раскопе I-2003 (№ 4, гл. –21 см).

Изделие в виде заостренного стерженька могло быть фрагментом скобы или кончиком черешка ножа (рис. 2: 1).

Некоторые прямоугольные в сечении предметы (рис. 2: 2–3, 7–15, 21–22, 24–25, 31–32, 49; рис. 3: 9–10, 20–25, 32; рис. 4: 10, 12, 25) предположительно могут являться фрагментами скоб. Сохранившаяся длина изделий 1–6,7 см.

Ромбовидные (рис. 2: 5–6, 50–51), треугольный (рис. 2: 4) и квадратные (рис. 3: 2, 13, 26, 30) в сечении предметы, возможно, являются фрагментами гвоздей. Один из них (рис. 3: 2) по данным металлографического анализа был откован из неравномерно науглероженной стали.

Треугольные в сечении предметы (рис. 2: 16, 44), возможно, являются фрагментами ножей или их заготовок.

Прямоугольные в сечении предметы с утончением на конце предположительно представляют собой фрагменты шильев (рис. 4: 16–17).

Фрагментами долот или зубил, возможно, могут быть прямоугольные в сечении предметы (рис. 2: 30, 36, 42, 55, 58; рис. 3: 1, 4–5, 14, 31, 33; рис. 4: 21–22), некоторые из них имеют утолщение на конце. Одно из них (рис. 4: 21), по данным металлографического анализа, было выковано в технологии двухслойного пакета. Подобные изделия найдены в Древней Руси (Колчин, 1953, с. 108–110, рис. 70, 71, 1–7), на Увекском (Недашковский, 2010, с. 178, 185, рис. 15, 12) и Болгарском (Савченкова, 1996, с. 24–25, рис. 7, 3–6) городищах, на последнем в материалах конца XIII – начала XV в.

Фрагменты вытянутых прямоугольных в сечении предметов (рис. 2: 53–54; рис. 3: 3) предположительно представляют собой фрагменты ключей.

Прямоугольный в сечении предмет (рис. 3: 11) может быть заготовкой, его длина 9,5 см.

Предметы из тонкого листа металла могли быть фрагментами оковок сундуков (рис. 2: 38, 57, 59), у одного предмета имеется отверстие.

Частью кольца или пробоя, возможно, является овальный в сечении предмет (рис. 3: 28) длиной 3,3 см.

Сильно коррозированный предмет из пакетного металла (рис. 3: 19) с длиной сохранившейся части около 10,9 см, возможно, являлся заготовкой ножа.

Некоторые предметы, вероятно, являются отходами кузнечного производства, частями неопределимых изделий или заготовками (рис. 2: 17–20, 23, 26–29, 33–35, 37, 39–41, 43,

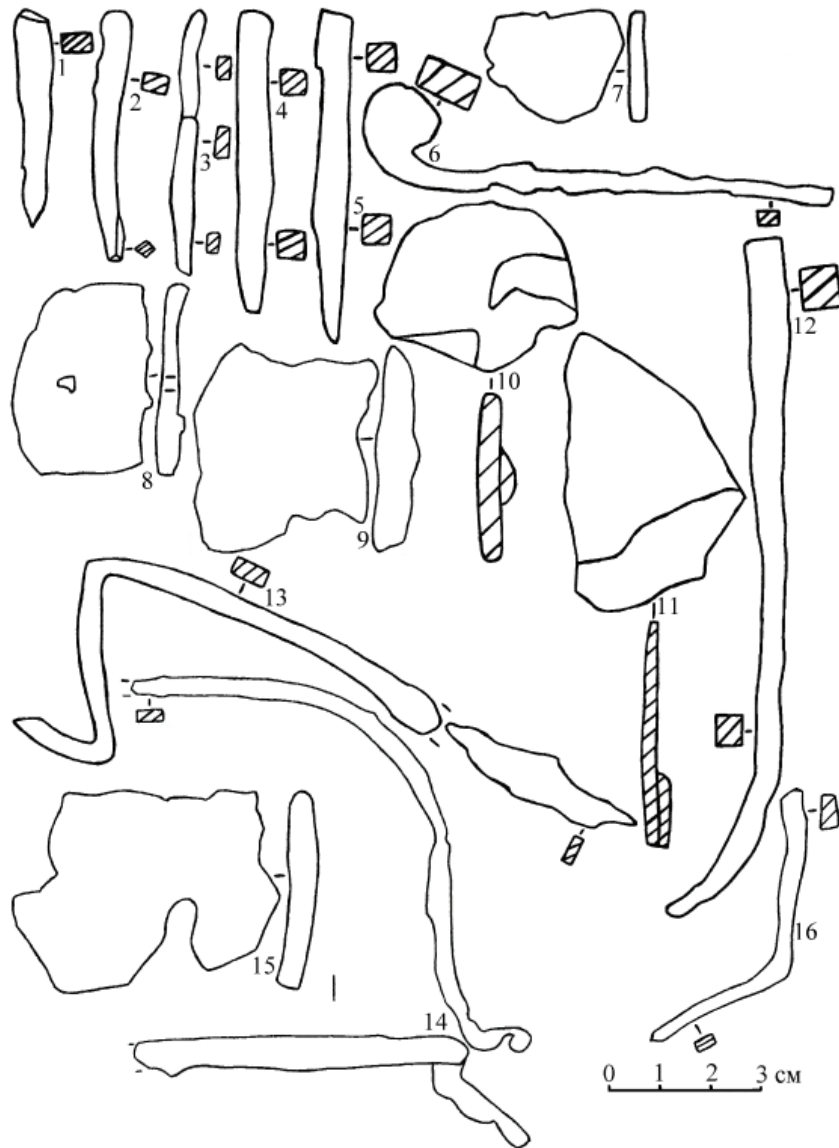

Рис. 1. Железные штыри (1-6, 12, 16), пластины (7-11, 15) и ручки (13, 14) с Багаевского селища. Саратовский областной музей краеведения:

1, 2, 4, 5, 10, 11, 13 – раскоп I-2008: 1, 13 – яма 12 (№ 118, гл. -60 см; № 122, -79 см), 2, 4, 11 – культурный слой (№ 15, гл. -33 см; № 36, гл. -3 см; № 49, гл. -28 см), 5, 10 – яма 9 (№ 107, гл. -47 см; № 69, гл. -51 см); 3, 16 – раскоп I-2014, культурный слой (№ 1, гл. -6 см; № 2, гл. -7 см); 6, 7 – раскоп I-2009, яма 9 (№ 39, гл. -81 см; № 27, гл. -50 см); 8, 15 – раскоп I-2012: 8 – яма 9 (№ 40, гл. -26 см); 15 – яма 31 (№ 14, гл. -21 см); 9, 14 – раскоп I-2011, яма 9 (№ 14, гл. -70 см; № 13, гл. -86 см); 12 – раскоп I-2007, культурный слой (№ 2, гл. -6 см)

Fig. 1. Iron pintles (1-6, 12, 16), plates (7-11, 15) and handles (13, 14) from Bagaevka settlement. Saratov Regional Museum of Local Lore:

1, 2, 4, 5, 10, 11, 13 – trench I-2008: 1, 13 – pit 12 (No. 118, depth -60 cm; No. 122, -79 cm), 2, 4, 11 – cultural layer (No. 15, depth -33 cm; No. 36, depth -3 cm; No. 49, depth -28 cm), 5, 10 – pit 9 (No. 107, depth -47 cm; No. 69, depth -51 cm); 3, 16 – trench I-2014, cultural layer (No. 1, depth -6 cm; No. 2, depth -7 cm); 6, 7 – trench I-2009, pit 9 (No. 39, depth -81 cm; No. 27, depth -50 cm); 8, 15 – trench I-2012: 8 – pit 9 (No. 40, depth -26 cm), 15 – pit 31 (No. 14, depth -21 cm); 9, 14 – trench I-2011, pit 9 (No. 14, depth -70 cm; No. 13, depth -86 cm); 12 – trench I-2007, cultural layer (No. 2, depth -6 cm)

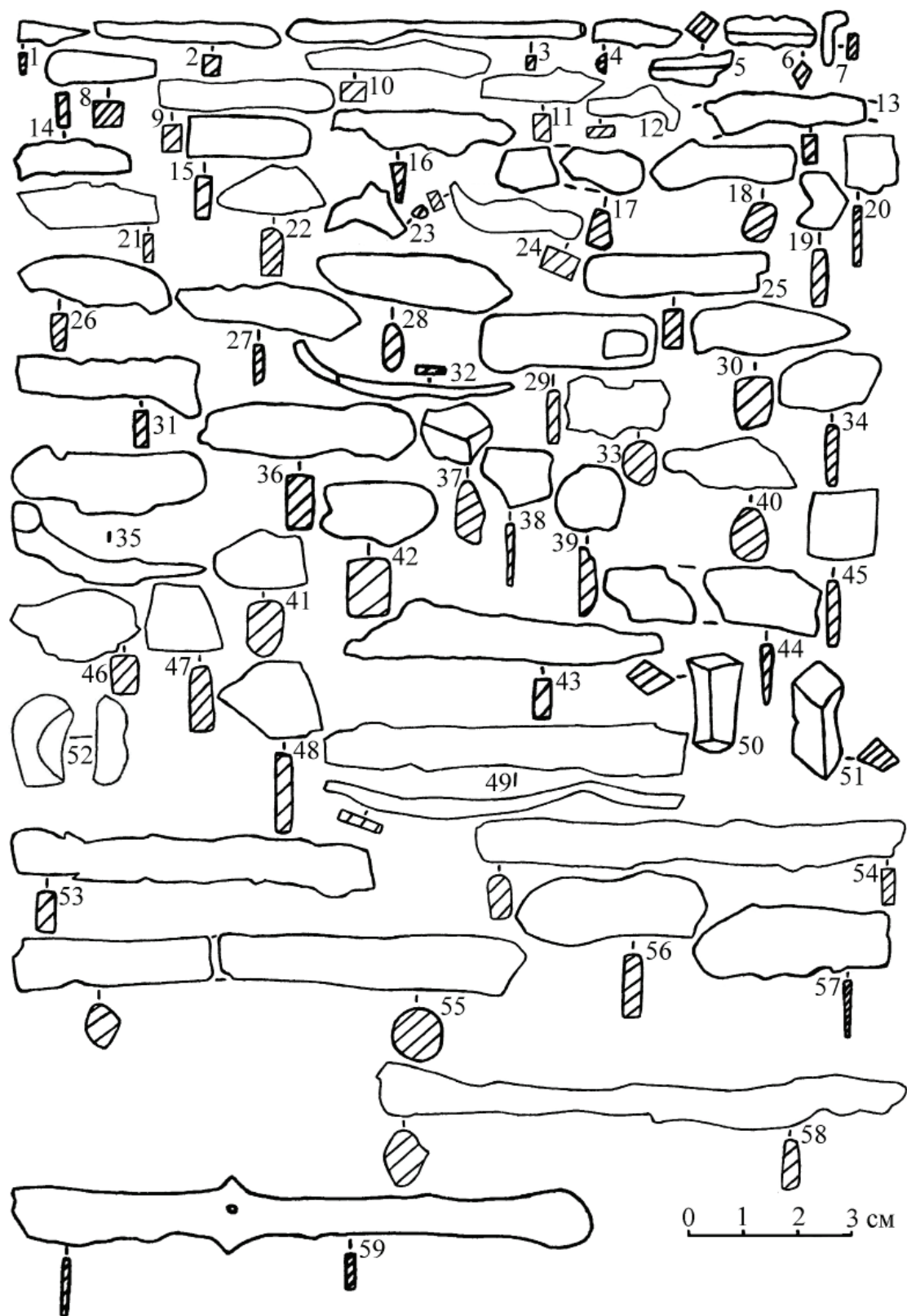

Рис. 2. Железные предметы с Багаевского селища. Саратовский областной музей краеведения:
 1, 2, 4-7, 16, 23, 43, 57 – раскоп I–2009: 1, 2, 4-6, 16, 23, 57 – яма 9 (№ 26, -53 см; № 31, -66 см; № 38, -68 см; № 24, -51 см; № 45, -76 см; № 44, -66 см; № 42, -63 см; № 29, -50 см), 7, 43 – культурный слой (№ 10, -23 см; № 57, -49 см); 3, 8, 15, 17-20, 25-29, 34-39, 42, 44-45, 48, 50, 51, 53, 55 – раскоп I–2008: 3, 17, 19, 26, 27, 36-38, 42, 44, 48, 50, 51 – яма 9 (№ 96, -54 см; № 100, -37 см; № 116, -64 см; № 95, -60 см; № 102, -34 см; № 112, -94 см; № 115, -66 см; № 106, -39 см; № 99, -45 см; № 104, -40 см; № 103, -52 см; № 127, -99 см; № 131, -101 см), 8, 25, 28 – яма 7 (№ 81, -98 см; № 77, -84 см; № 85, -96 см), 15, 18, 20, 29, 35, 39, 55 – культурный слой (№ 17, -33 см; № 22, -36 см; № 58, -28 см; № 41, -23 см; № 43, -18 см; № 59, -29 см; № 40, -18 см), 34, 45 – яма 12 (№ 117, -71 см; № 120, -69 см), 53 – яма 16 (№ 136, -118 см); 9, 22, 33, 41, 46, 47, 49 – раскоп I–2012: 9, 47 – культурный слой (№ 35, -20 см; № 47, -24 см), 22, 41 – яма 9 (№ 36, -18 см; № 38, -30 см), 33, 46 – яма 31 (№ 20, -70 см; № 24, -104 см), 49 – яма 33 (№ 48, -56 см); 10-12, 21, 24, 54, 58 – раскоп I–2011, яма 9 (№ 16, -79 см; № 17, -90 см; № 18, -103 см; № 20, -106 см; № 19, -96 см; № 6, -68 см; № 2, -60 см); 13, 14, 31, 32, 59 – раскоп I–2007: 13 – культурный слой (№ 22, -11 см), 14, 31-32, 59 – яма 4 (№ 27, -41 см; № 31, -82 см; № 25, -49 см; № 34, -114 см); 30, 40 – раскоп I–2016, культурный слой (№ 22, -15 см; № 24, -13 см); 52 – раскоп I–2010, культурный слой (№ 8, -26 см); 56 – раскоп I–2015, яма 36 (№ 2, -49 см)

Fig. 2. Iron items from the Bagaevka settlement. Saratov Regional Museum of Local Lore:
 1, 2, 4-7, 16, 23, 43, 57 – trench I–2009: 1, 2, 4-6, 16, 23, 57 – pit 9 (No. 26, -53 cm; No. 31, -66 cm; No. 38, -68 cm; No. 24, -51 cm; No. 45, -76 cm; No. 44, -66 cm; No. 42, -63 cm; No. 29, -50 cm), 7, 43 – cultural layer (No. 10, -23 cm; No. 57, -49 cm); 3, 8, 15, 17-20, 25-29, 34-39, 42, 44, 45, 48, 50, 51, 53, 55 – trench I–2008: 3, 17, 19, 26, 27, 36-38, 42, 44, 48, 50, 51 – pit 9 (No. 96, -54 cm; No. 100, -37 cm; No. 116, -64 cm; No. 95, -60 cm; No. 102, -34 cm; No. 112, -94 cm; No. 115, -66 cm; No. 106, -39 cm; No. 99, -45 cm; No. 104, -40 cm; No. 103, -52 cm; No. 127, -99 cm; No. 131, -101 cm), 8, 25, 28 – pit 7 (No. 81, -98 cm; No. 77, -84 cm; No. 85, -96 cm), 15, 18, 20, 29, 35, 39, 55 – cultural layer (No. 17, -33 cm; No. 22, -36 cm; No. 58, -28 cm; No. 41, -23 cm; No. 43, -18 cm; No. 59, -29 cm; No. 40, -18 cm), 34, 45 – pit 12 (No. 117, -71 cm; No. 120, -69 cm), 53 – pit 16 (No. 136, -118 cm); 9, 22, 33, 41, 46-47, 49 – trench I–2012: 9, 47 – cultural layer (No. 35, -20 cm; No. 47, -24 cm), 22, 41 – pit 9 (No. 36, -18 cm; No. 38, -30 cm), 33, 46 – pit 31 (No. 20, -70 cm; No. 24, -104 cm), 49 – pit 33 (No. 48, -56 cm); 10-12, 21, 24, 54, 58 – trench I–2011, pit 9 (No. 16, -79 cm; No. 17, -90 cm; No. 18, -103 cm; No. 20, -106 cm; No. 19, -96 cm; No. 6, -68 cm; No. 2, -60 cm); 13-14, 31-32, 59 – trench I–2007: 13 – cultural layer (no. 22, -11 cm), 14, 31-32, 59 – pit 4 (no. 27, -41 cm; no. 31, -82 cm; No. 25, -49 cm; No. 34, -114 cm); 30, 40 – trench I–2016, cultural layer (No. 22, -15 cm; No. 24, -13 cm); 52 – trench I–2010, cultural layer (No. 8, -26 cm); 56 – trench I–2015, pit 36 (No. 2, -49 cm)

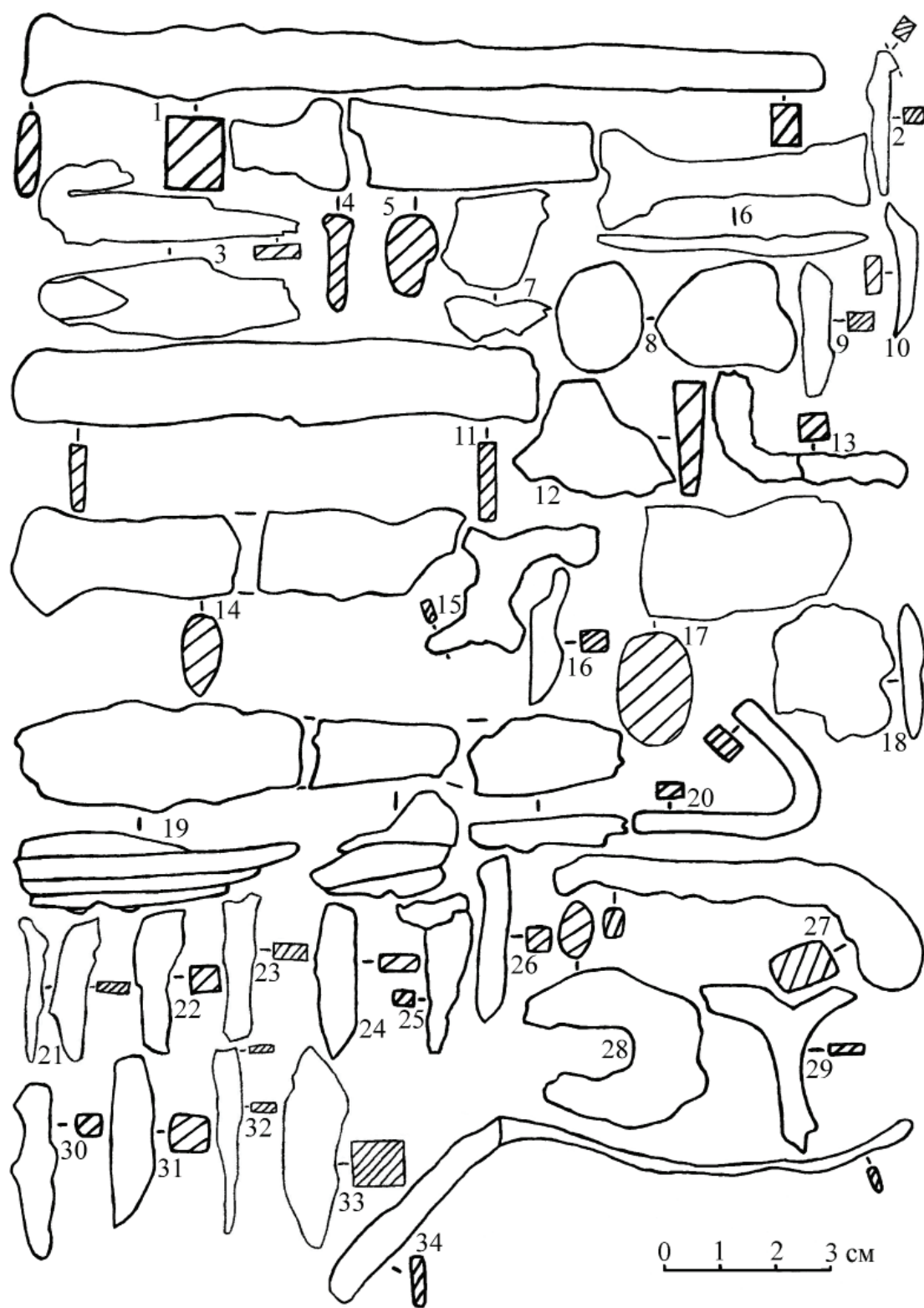

Рис. 3. Железные предметы с Багаевского селища. Саратовский областной музей краеведения:

1, 12, 15, 25, 34 – раскоп I–2009: 1, 25 – яма 9 (№ 52, -103 см; № 40, -67 см), 12, 15, 34 – культурный слой (№ 9, -42 см; № 11, -59 см; № 3, -3 см); 2, 9, 21, 23, 32, 33 – раскоп I–2010: 2, 9, 33 – культурный слой (№ 2, -13 см; № 14, -31 см; № 21, -52 см), 21, 23, 32 – яма 9 (№ 41, -118 см; № 34, -92 см; № 29, -102 см); 3, 7, 17, 18 – раскоп I–2012: 3 – яма 9 (№ 46, -32 см), 7 – яма 12 (№ 42, -73 см), 17 – яма 31 (№ 19, -63 см), 18 – яма 35 (№ 54, -96 см); 4, 5, 22, 24, 26, 30, 31 – раскоп I–2016: 4, 22, 24, 26, 30, 31 – культурный слой (№ 25, -21 см; № 23, -15 см; № 28, -17 см; № 26, -21 см; № 29, -22 см; № 21, -15 см), 5 – яма 39 (№ 38, -58 см); 6 – раскоп I–2011, яма 9 (№ 22, -81 см); 8, 11, 14, 19, 27-29 – раскоп I–2008: 8 – культурный слой (№ 20, -25 см), 11 – яма 12 (№ 124, -95 см), 14, 19, 29 – яма 9 (№ 132, -106 см; № 111, -61 см; № 97, -48 см), 27, 28 – яма 8 (№ 79, -59 см; № 86, -74 см); 10 – раскоп I–2014, культурный слой (№ 7, -21 см); 13, 20 – раскоп I–2007: 13 – яма 5 (№ 33, -95 см), 20 – культурный слой (№ 6, -9 см); 16 – раскоп I–2015, яма 37 (№ 3, -27 см)

Fig. 3. Iron items from the Bagaevka settlement. Saratov Regional Museum of Local Lore: 1, 12, 15, 25, 34 – trench I–2009: 1, 25 – pit 9 (No. 52, -103 cm; No. 40, -67 cm), 12, 15, 34 – cultural layer (No. 9, -42 cm; No. 11, -59 cm; No. 3, -3 cm); 2, 9, 21, 23, 32, 33 – trench I–2010: 2, 9, 33 – cultural layer (No. 2, -13 cm; No. 14, -31 cm; No. 21, -52 cm), 21, 23, 32 – pit 9 (No. 41, -118 cm; No. 34, -92 cm; No. 29, -102 cm); 3, 7, 17, 18 – trench I–2012: 3 – pit 9 (No. 46, -32 cm), 7 – pit 12 (No. 42, -73 cm), 17 – pit 31 (No. 19, -63 cm), 18 – pit 35 (No. 54, -96 cm); 4 – 5, 22, 24, 26, 30, 31 – trench I–2016: 4, 22, 24, 26, 30, 31 – cultural layer (No. 25, -21 cm; No. 23, -15 cm; No. 28, -17 cm; No. 26, -21 cm; No. 29, -22 cm; No. 21, -15 cm), 5 – pit 39 (No. 38, -58 cm); 6 – trench I–2011, pit 9 (No. 22, -81 cm); 8, 11, 14, 19, 27-29 – trench I–2008: 8 – cultural layer (no. 20, -25 cm), 11 - pit 12 (no. 124, -95 cm), 14, 19, 29 – pit 9 (No. 132, -106 cm; No. 111, -61 cm; No. 97, -48 cm), 27, 28 – pit 8 (No. 79, -59 cm; No. 86, -74 cm); 10 – trench I–2014, cultural layer (No. 7, -21 cm); 13, 20 – trench I–2007: 13 – pit 5 (no. 33, -95 cm), 20 – cultural layer (no. 6, -9 cm); 16 – trench I–2015, pit 37 (No. 3, -27 cm)

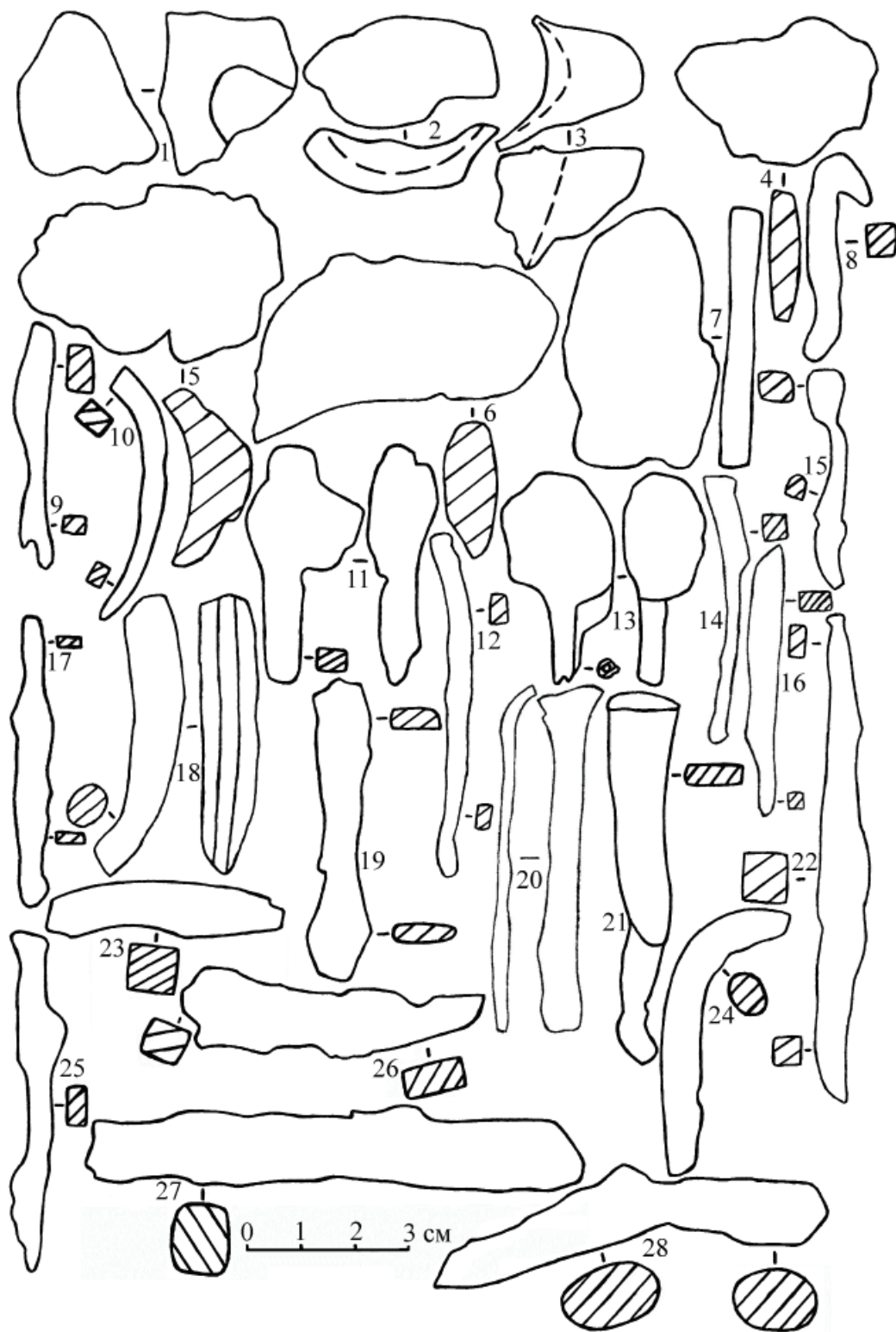

Рис. 4. Железные предметы с Багаевского селища. Саратовский областной музей краеведения: 1, 8, 11, 13, 18 – раскоп I–2016: 1, 18 – культурный слой (№ 27, -15 см; № 13, -14 см), 8, 11 – яма 42 (№ 68, -112 см; № 65, -94 см), 13 – яма 39 (№ 50, -90 см); 2-7, 10, 19, 21 – раскоп I–2008: 2-4, 7 – яма 9 (№ 123, -73 см; № 101, -33 см; № 94, -55 см), 5-6 – яма 8 (№ 83, -90 см; № 80, -76 см), 10, 19, 21 – культурный слой (№ 6, +20 см; № 3, +2 см; № 50, -28 см); 9, 17 – раскоп I–2009: 9 – яма 9 (№ 18, -73 см), 17 – культурный слой (№ 7, -62 см); 12, 22 – раскоп I–2014: 12 – культурный слой (№ 5, -14 см), 22 – яма 36 (№ 11, -61 см); 14, 16, 20 – раскоп I–2010: 14 – яма 9 (№ 39, -79 см), 16, 20 – культурный слой (№ 15, -49 см; № 1, +30 см); 15 – раскоп I–2012, яма 31 (№ 15, -29 см); 23-28 – раскоп I–2020: 23 – яма 9 (№ 15, -21 см), 24, 26, 28 – яма 45 (№ 32, -58 см; № 37, -116 см; № 36, -113 см), 25, 27 – яма 44 (№ 28, -95 см; № 18, -21 см).

Fig. 4. Iron items from the Bagaevka settlement. Saratov Regional Museum of Local Lore: 1, 8, 11, 13, 18 – trench I–2016: 1, 18 – cultural layer (No. 27, -15 cm; No. 13, -14 cm), 8, 11 – pit 42 (No. 68, -112 cm ; No. 65, -94 cm), 13 – pit 39 (No. 50, -90 cm); 2-7, 10, 19, 21 – trench I–2008: 2-4, 7 – pit 9 (No. 123, -73 cm; No. 101, -33 cm; No. 94, -55 cm), 5, 6 – pit 8 (No. 83, -90 cm; No. 80, -76 cm), 10, 19, 21 – cultural layer (No. 6, +20 cm; No. 3, +2 cm; No. 50, -28 cm); 9, 17 – trench I–2009: 9 – pit 9 (No. 18, -73 cm), 17 – cultural layer (No. 7, -62 cm); 12, 22 – trench I–2014: 12 – cultural layer (No. 5, -14 cm), 22 – pit 36 (No. 11, -61 cm); 14, 16, 20 – trench I–2010: 14 – pit 9 (No. 39, -79 cm), 16, 20 – cultural layer (No. 15, -49 cm; No. 1, +30 cm); 15 – trench I–2012, pit 31 (No. 15, -29 cm); 23-28 – trench I–2020: 23 – pit 9 (No. 15, -21 cm), 24, 26, 28 – pit 45 (No. 32, -58 cm; No. 37, -116 cm; No. 36, -113 cm), 25, 27 – pit 44 (No. 28, -95 cm; No. 18, -21 cm)

45–48, 52, 56; рис. 3: 6–8, 12, 15–18, 27, 29, 34; рис. 4: 1–9, 11, 13–15, 18–20, 23–24, 26–28).

Примечательно распределение штырей по площади раскопа I. В яме 9 (жилище) найдено 2 экз., в хозяйственной яме 12 (располагающейся в створе ямы 9) выявлен еще один штырь, в культурном слое найдено 5 экз. таких изделий. Так как большая часть штырей найдена в культурном слое, скорее всего, они использовались для крепления наземных деревянных конструкций усадьбы.

В яме 9 было найдено 4 пластины, в яме 31 (хозяйственная, соединенная с колоколовидным погребом) найдена одна, а в культурном слое обнаружена еще одна пластина. Примечательно, что 4 из 6 пластин были найдены в жилище.

Пластины могли быть использованы в быту, например, как оковки сундуков или ведер.

Одна железная ручка найдена в яме 9, а вторая – в яме 12. Одна из ручек (рис. 1: 14) могла быть деталью шкатулки или сундучка, который хранился в жилище, либо могла служить ручкой входной двери; вторая ручка (рис. 1: 13), вероятно, была от дверцы, ведущей в хозяйственное подполье.

Примечательно, что находки подобных железных ручек не выявлены на Хмелевском I селище и Увекском городище, а также на близлежащих сельских памятниках. Железная ручка ведра была найдена на селище Широкий Буерак (Недашковский, Шигапов, 2017а, с. 119, 125, рис. 4, I).

Следует отметить, что на Багаевском селище выявлено довольно большое количество неопределенных железных предметов (124 изделия), однако это объясняется хорошей исследованностью данного памятника раскопками.

ЛИТЕРАТУРА

- Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
- Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.
- Недашковский Л.Ф. Разведки в южной части Саратовского района // АО 1995 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1996. С. 280–281.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит-ра, 2010. 352 с.
- Недашковский Л.Ф. Исследования Багаевского селища // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013а. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 7–19.
- Недашковский Л.Ф. Работы на Багаевском селище // АО 2009 года. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2013б. С. 230–231.
- Недашковский Л.Ф. Исследование Багаевского селища в 2010–2012 гг. // АО 2010–2013. / Отв. ред. В.Н. Лопатин. М.: Изд-во ИА РАН, 2015. С. 512.
- Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Находки с селища Широкий Буерак // Нижневолжский археологический вестник. 2017а. Т. 16. № 2. С. 116–130.
- Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Раскопки золотоордынского Багаевского селища // АО. 2015 год. / Отв. ред. В.Н. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2017б. С. 345–347.
- Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Исследования золотоордынского Багаевского селища // АО – 2016 год / Отв. ред. В.Н. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 329–332.
- Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5–88.

Информация об авторах:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Шигапов Марат Баязитович, археолог-исследователь, ООО «Поволжская археология» (г. Казань, Россия); maratshigapov@gmail.com

REFERENCES

- Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 1996. In Sedov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1995 goda (Archaeological Discoveries of 1995)*. Moscow: "Nauka" Publ., 280–281 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and their Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2013. In *Uchenye zapiski Kazanskogo 3universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 153. Book 3. Part 1. Kazan: Kazan State University, 7–19 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2013. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2009 g. (Archaeological Discoveries of 2009)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 230–231 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2015. In Lopatin, V. N. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 (Archaeological Discoveries of 2010–2013)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 512 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F., Shigapov, M. B. 2015. In Lopatin, V. N. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2016 (Archaeological Discoveries of 2016)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 329–332 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F., Shigapov, M. B. 2017. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 16 (2), 116–130 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F., Shigapov, M. B. 2017. In Lopatin, V. N. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2015 (Archaeological Discoveries of 2015)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 345–347 (in Russian).

Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 5–88 (in Russian).

About the Authors:

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Shigapov Marat B. Povolzhskaya Archeologiya LLC. Nekrasova St., 28, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; maratshigapov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

© 2022 г. В.В. Озеров

В статье рассматриваются вопросы и юридические аспекты в законодательстве Российской Федерации в части сохранения культурного наследия на примере регионального функционирования на местах. Автором сделана попытка объединения имеющихся законодательных и подзаконных актов в сфере ведения археологическо-изыскательной деятельности, как государственных, так и частных подрядчиков. Анализируются вопросы функционирования законодательства на местах, его проблемы и возможные способы решения. Так же в статье затронуты темы антропогенного и природного характера разрушения памятников археологии. Автор пришёл к выводу, что обеспечение сохранения и изучения объектов историко-культурного наследия, в том числе и археологических, напрямую зависит от понимания на государственном уровне важности комплексного сохранения историко-культурного наследия нашей страны и продуманной политики в области охраны культурного наследия.

Ключевые слова: археологический памятник, сохранение культурного наследия, Федеральный Закон №73, Градостроительный кодекс, Лаишевское селище, Рождественское селище.

TOPICAL ISSUES OF PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE SITES

V.V. Ozerov

The issues and legal aspects in the legislation of the Russian Federation in terms of the preservation of cultural heritage on the example of regional functioning are considered in the article. An attempt to combine the existing legislative and sub-legislative acts in the field of archaeological and survey activities, both public and private contractors is made by the author. The functioning of local legislation, its problems and possible solutions are analyzed. The article also touches upon the topics of the anthropogenic and natural causes of destruction of the archeological settlements. The author came to the conclusion that ensuring the preservation and study of objects of historical and cultural heritage, including archaeological ones, directly depends on the understanding at the state level of the importance of the integrated preservation of the historical and cultural heritage of our country and a well-thought-out policy in the field of protecting cultural heritage.

Keywords: archaeological settlement, preservation of cultural heritage, town-planning code, Federal Law №73, Laishevo settlement, Rozhdestveno settlement.

Отношение к археологическому наследию приобретает все более общественно-политический характер. Острые углы развития науки связаны с пониманием особенностей развития культуры, когда памятники археологии рассматриваются как составная часть истории и политической жизни государства. Археологическое наследие, составляющее более 40% от всего объема историко-культурного наследия РФ, является наиболее сложным типом среди охраняемых объектов.

Несмотря на то, что еще во второй половине XX века отечественными и зарубежными исследователями была разработана теоретическая база и практические формы сохранения и актуализации археологического наследия, накоплен обширный материал по вопросам учета, изучения, консервации, реконструкции, государственной охраны, а также репрезентации археологических объектов, увеличено

количество различных научных учреждений и организаций, занимающихся вопросами выявления, использования памятников истории и культуры, проблема сохранения археологических объектов по-прежнему остается актуальной.

Все большее значение объекты археологического наследия приобретают для духовной идентичности, а в некоторых крайних случаях – и этничности нашего общества. Все сказанное выдвигает на ключевые позиции проблему сохранения богатого археологического наследия РТ – связующего звена современного общества с наиболее древними пластами нашей истории.

На сегодняшний день перед органами охраны культурного наследия стоят два основных вопроса: это кадровая политика и совершенствование законодательных актов, регламентирующих сохранение в данном случае архе-

ологических памятников культуры. Статья 44 Конституции РФ гласит: «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» (Конституция Российской Федерации). Вопросы охраны и использования памятников археологии как недвижимых объектов истории и культуры регулируется прежде всего Федеральным законом РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. (с дополнениями) (Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ). Памятники археологии являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. Государство гарантирует сохранность объектов культурного наследия народов РФ в интересах настоящих и будущих поколений. Одной из приоритетных задач органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ должна являться государственная охрана объектов историко-культурного наследия.

Согласно Федеральному закону № 73-ФЗ, объекты археологического наследия и связанные с ними предметы материальной культуры отнесены к объектам государственного недвижимого имущества. Более того, в соответствии со статьей 4 все памятники археологии относятся к объектам культурного наследия федерального значения, при этом согласно п. 6 ст. 18 объекты археологического наследия считаются выявленными со дня их обнаружения (Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ).

Ст. 3 ФЗ № 73-ФЗ гласит: «Объекты археологического наследия относятся к отдельной категории и определены как частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки» (Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ).

Учитывая, что археологические памятники расположены на поверхности и в почвенном слое, их современная охрана тесно связана с земельными участками, на которых они расположены. Ст. 5 ФЗ № 73-ФЗ и ст. 99 Земельного Кодекса РФ (Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ), ст. 94 ФЗ № 136-ФЗ от 25 октября 2001 г. (Земельный кодекс Российской Федерации) земельные участки в границах объектов культурного наследия относят к землям историко-культурного значения, которые в свою очередь явля-

ются землями особо охраняемых территорий. Правовой режим данных земельных участков регулируется ФЗ № 73-ФЗ и ФЗ № 136-ФЗ (Земельный кодекс Российской Федерации) А именно, согласно п. 5 ст. 27 ФЗ № 136-ФЗ, земельные участки, занятые объектами археологического наследия, ограничиваются в обороте и не предоставляются в частную собственность. П. 2–3 ст. 99 ФЗ № 136-ФЗ гласят: «Изменение целевого назначения земель историко-культурного назначения также не допускается, а на отдельных землях историко-культурного назначения, в том числе землях объектов культурного наследия, подлежащих исследованию и консервации, может быть запрещена любая хозяйственная деятельность». А согласно ст. 100 ФЗ № 136-ФЗ, земли, в пределах которых имеются объекты историко-культурного наследия, могут быть отнесены к категории особо ценных земель. Также, согласно п. 2 ст. 49 ФЗ № 73-ФЗ, объект археологического наследия и земельный участок, в пределах которого он располагается, находятся в гражданском обороте отдельно, поскольку согласно п. 1 ст. 50 того же ФЗ памятники археологии находятся в государственной собственности и отчуждению из государственной собственности не подлежат. Однако физические или юридические лица могут осуществлять право пользования земельным участком или водным объектом, в пределах которого располагается объект археологического наследия, если это не ухудшает состояние памятника, не наносит вред окружающей историко-культурной и природной среде, а также не нарушает права и законные интересы других лиц (п. 1–2 ст. 52 ФЗ № 73), чем активно и пользуются на сегодняшний день посреднические и строительные компании (Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ).

В соответствии с п. 1 ст. 34 ФЗ № 73-ФЗ в целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия в их исторической среде на сопряженной с ними территории устанавливаются зоны охраны: охранный зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности и зона охраняемого природного ландшафта. При этом отмечается, что состав зон охраны объекта культурного наследия определяется особым проектом. Границы зон охраны и режимы использования земель в их пределах утверждаются на основании п. 3 ст. 34 ФЗ № 73-ФЗ, а именно, проекта зон охраны объекта культурного наследия федерального значения – органом государственной власти

субъекта РФ. В соответствии с п. 1.2 ст. 9.1 ФЗ № 73-ФЗ РФ передает органам государственной власти субъекта РФ полномочия в осуществлении согласования проектов зон охраны объектов культурного наследия федерального значения.

Порядок разработки, состав, назначение и режимы использования территории в границах выделенных зон охраны объектов культурного значения подробно расписаны в постановлении Правительства РФ № 315 от 26 апреля 2008 г. (Постановление Правительства РФ от 26.04.2008 г. № 315). Однако в данном акте не прописано, кто именно обязан заниматься определением и выделением границ самого памятника. В свою очередь это дает отличную лазейку для не чистых на руку посредников и застройщиков.

Изменение экономической ситуации в республике, появление на строительном рынке большого числа частных инвесторов привело к значительному увеличению хозяйственной активности и масштабному новому строительству. Памятники археологии оказались в зоне активного хозяйственного преобразования.

Согласно тому же ФЗ № 73-ФЗ застройщик обязан перед проведением строительных работ провести на территории предполагаемой застройки археологические изыскательные работы (если данная территория обладает признаками территории культурного наследия) на предмет выявления памятника или, в случае если памятник уже зафиксирован ранее, его состояния (утраты). Ст. 35 ФЗ № 73-ФЗ определены особенности проектирования и проведения работ на территории объекта культурного наследия и в зонах его охраны, предусматривающие их запрет (за исключением работ по сохранению данного памятника или его территории), а хозяйственные работы проводятся при условии не нарушения целостности памятника или ансамбля, не повреждения, разрушения или уничтожения объекта культурного наследия (Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ).

На деле получается, что проектная организация, проводя изыскательные работы (шурфование), указывает подрядной строительной организации на отсутствие или наличие памятника, не указывая его границ в последнем случае, и застройщик производит работы согласно указаниям, не затрагивая только объекты шурфовки, уничтожая периферию самого памятника. Классическим примером являются Лаишевское и Рождественское селища, расположенные на терри-

тории Лаишевского муниципального района. Считаю более верным решением добавить в ст. 36–37 ФЗ № 73-ФЗ и ст. 24 ФЗ № 224-ФЗ пункт об обязательной установке границ памятника на стадии проектирования и обязать проектно-изыскательную организацию проводить поиск границ памятника в случае его обнаружения за счет средств подрядных строительных организаций, застройщика или собственника земельного участка. Это разгрузит государственный бюджет и упростит работу контрольно-надзорных органов (ФЗ от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ; ФЗ от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ).

Согласно п. 2 ст. 34 ФЗ № 73-ФЗ, охранная зона – территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его историческом ландшафтном окружении устанавливается особый режим использования земель, ограничивающий хозяйственную деятельность и запрещающий строительство, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия.

Границами зон охраны объекта культурного наследия, согласно п. 3, являются линии, обозначающие территорию, за пределами которой осуществление градостроительной, хозяйственной и иной деятельности не оказывает прямого или косвенного негативного воздействия на сохранность данного объекта культурного наследия в его исторической среде.

Если же памятники рассредоточены и не имеют между собой композиционных связей, выделяется отдельная охранная зона для каждого памятника. При близком расположении нескольких не связанных между собой памятников целесообразна объединенная охранная зона, своими границами охватывающая всю группу памятников (п. 4.1.3 Инструкции по ОЗО) (Постановление Правительства РФ от 12.09.2015 г. № 972).

Согласно п. 2 «Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», на сопряженной с объектом культурного наследия территории может быть установлена одна или несколько зон охраны: охранная зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта (Постановление Правительства РФ от 12.09.2015 г. № 972).

Большое внимание вопросам сохранения объектов культурного наследия в зоне хозяйственного освоения уделяет Градостроительный Кодекс РФ № 190-ФЗ от 29 декабря 2004 г. В частности, в п. 10 ст. 2 ГК № 190-ФЗ отмечается, что основным принципом градостроительной деятельности является соблюдение требований сохранения объектов культурного наследия (Градостроительный кодекс РФ).

Требования согласования проектов с органами охраны памятников содержатся и в инструктивных документах Минстроя СНИП 11-02-96 «Инженерные изыскания для строительства», в разделе 8 которого неоднократно указывается на необходимость проведения мероприятий по охране памятников истории и культуры. Также говорится о сохранении историко-культурного наследия в СП 11-102-97 «Инженерно-экологические изыскания для строительства» (Строительные нормы и правила Российской Федерации).

Подобное требование содержится и в СНИП 2.05.02-85 «Автомобильные дороги», где в п. 3.1 указано о недопустимости строительства трасс в зонах, отнесенных к памятникам культуры (Строительные нормы и правила. Автомобильные дороги...).

В п. 9.20 и п. 9.22 СНИП 2.07.01-89 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» существует специальный раздел «Охрана памятников истории и культуры», предусматривающий соблюдение законодательства в сфере охраны и использования памятников истории и культуры при планировке и застройке городских и сельских поселений и содержащий размерные показатели, необходимые для обеспечения сохранности памятников при проектировании и строительстве инженерных и транспортных коммуникаций (Градостроительство. Планировка...).

Несмотря на деятельность государственных органов и постоянно совершенствующееся законодательство, продолжается разрушение и уничтожение памятников археологии. Причины разрушения памятников разнообразны – как природные процессы, так и антропогенные факторы. Как уже отмечалось выше, все памятники археологии с момента выявления считаются памятниками федерального значения и являются собственностью государства. Однако на деле присутствие археологических объектов в зонах новостроек и хозяйственного освоения воспринимается заказчиками и застройщиками работ лишь как досадное недоразумение. В этом

отношении проявляется «незрелость» не только руководства строительных компаний, но и российского общества в целом.

К сожалению, второй по величине проблемой после застройки на сегодняшний день являются несанкционированные раскопки: они привлекают большое количество граждан, находящих официальную науку слишком сложной и ограничивающей их «исследовательский потенциал», а также рассматривающих их как средство «быстрого заработка».

Серьезной проблемой является влияние природных факторов. Красноречиво об этом свидетельствуют практически все памятники на территории республики, находящиеся в зоне разлива Куйбышевского водохранилища.

Наряду с этим назревает вопрос о развитии уже известных форм музеефикации археологического наследия. Ближайшим примером положительного для культурного наследия решения данных вопросов является создание целой музейно-заповедной сети: Государственный историко-архитектурный и художественный музей «Остров-град Свияжск», Государственный музей-заповедник «Казанский Кремль», Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Вместе с классическим археологическим музеем-заповедником, в основе которого лежит подлинный археологический объект или комплекс, необходимо обратиться к опыту создания так называемых «музеев-реконструкторов», распространенных в Европе.

Несмотря на то, что в нашей стране создается единая государственная система мониторинга археологического наследия, до настоящего времени в официальных документах нет точных статистических сведений о состоянии археологического наследия в РФ. Структура доклада меняется год от года, как меняется и структура изложения статистической информации. Это значительно затрудняет сравнение данных документов и практически делает невозможным проследить динамику изменений, происходящих в сфере сохранения археологического наследия нашей страны. Недостатком указанного документа можно назвать отсутствие информации об уничтоженных и снятых с государственного учета объектов культурного наследия. В результате невозможно сравнение этих данных с информацией об объектах, включенных в единый реестр, и выявленных объектах культурного наследия, что также не позволяет проследить динамику

ку изменений. Каждой охранной организации приходится опираться на свое субъективное видение состояния объектов культурного наследия. Соответственно, получаемая в ходе мониторинга информация не обладает единством терминологического аппарата и систем структурирования информации. Решить эту проблему можно, если понятие «мониторинг» будет введено в законодательство в сфере охраны и использования объектов культурного наследия в РФ. В настоящее время существует реальная потребность в подготовке и переподготовке кадров. Внедрение систем периодического, реагирующего, удаленного мониторинга на обширной территории РФ потребует слаженной централизованной работы уполномоченных государственных органов охраны культурного наследия всех уровней. В качестве возможного пути разрешения сложившейся ситуации предлагается особое внимание уделить вопросам дистанционного мониторинга состояния историко-культурных объектов. В качестве основного агента разработки теоретической и методологической базы системы мониторинга в РФ и учреждения, на местном уровне осуществляющего сбор, анализ, систематизацию и предоставление органам охраны культурного наследия оперативной и актуальной информации о состоянии объектов археологического наследия на данной конкретной территории, следует рассматривать историко-культурный музей-заповедник и органы местного самоуправления на местах, где такие структурные организации отсутствуют.

Направление единой стратегии по решению проблем сохранения объектов историко-культурного наследия РТ складывается в ракурсе:

- принятия долгосрочных государственных программ, направленных на реализацию конкретных проектов, с учетом современных реалий социально-экономического развития региона;

- популяризации объектов истории и культуры и внедрения их в проекты развития туристического комплекса республики, разработки республиканского историко-культурного туристического маршрута, направленного на пропаганду и популяризацию традиционной и духовной культуры народов, населяющих Татарстан (дальнейшее развитие проекта «Этнический маршрут»);

- дальнейшего развития в республике сети историко-культурных музеев-заповедников, организации в них научной и туристической инфраструктуры, создания условий инвестиционной привлекательности для частного бизнеса;

- внедрения инновационных подходов для мониторинга, инвентаризации, проектирования, реставрации и консервации объектов культурного наследия, в том числе проект цифровизации музейной среды как неотъемлемой части сохранения памятников культуры;

- организации углубленной системы ведения делопроизводства, основанной на принципах мониторинга качества выполнения предписаний органами государственной власти в области охраны объектов культурного наследия;

- решения проблем несанкционированного хозяйственного и строительного освоения территорий исторических поселений без соблюдения правил застройки и землепользования.

Только понимание на государственном уровне важности комплексного сохранения историко-культурного наследия нашей страны и продуманная государственная политика в области охраны культурного наследия может обеспечить достойный уровень сохранения, изучения и актуализации каждого отдельного типа объектов историко-культурного наследия, в том числе и археологического.

ЛИТЕРАТУРА

Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021 г.). Доступно по: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 15.11.2021).

Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021 г.) Доступно по: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 15.11.2021).

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) Доступно по: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ccca0bbf3250f82d26aa158e6325aa2b34775e8d (дата обращения: 15.11.2021).

Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Доступно по: URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054209> (дата обращения: 15.11.2021).

Постановление Правительства РФ от 12.09.2015 г. № 972 (ред. от 20.10.2021 г.) "Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации" Доступно по: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186038/cd166a95915a64d4656d815faefe763f83fab85b/ (дата обращения: 15.11.2021).

Постановление Правительства РФ от 26.04.2008 г. № 315 (ред. от 31.08.2015 г.) "Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации" Доступно по: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76573/ (дата обращения: 15.11.2021).

Строительные нормы и правила. Автомобильные дороги Доступно по: URL: <https://docs.cntd.ru/document/5200258> (дата обращения: 15.11.2021).

Строительные нормы и правила Российской Федерации. Инженерные изыскания для строительства. Доступно по: URL: <https://docs.cntd.ru/document/871001042> (дата обращения: 15.11.2021).

Федеральный закон "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ (последняя редакция) Доступно по: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 15.11.2021).

Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ. Доступно по: URL: https://www.archaeolog.ru/media/arch_nasledie/zakonodatelstvo/73-ФЗ.pdf (дата обращения: 15.11.2021).

Информация об авторе:

Озеров Виктор Викторович, Исполнительный комитет Лаишевского муниципального района РТ (п. Лаишево, Россия); vityan.oz@yandex.ru

REFERENCES

Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.2004 g. № 190-FZ (Urban Planning Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-FL). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (accessed: 15.11.2021).

Zemel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 25.10.2001 g. № 136-FZ (Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 No. 136-FL). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (accessed: 15.11.2021).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12.12.1993 g. (The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ccca0bbf3250f82d26aa158e6325aa2b34775e8d accessed: 15.11.2021).

Gradostroitel'stvo. Planirovka i zastroyka gorodskikh i sel'skikh poseleniy (Urban planning. Planning and development of urban and rural settlements). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/456054209> (accessed: 15.11.2021).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12.09.2015 g. № 972 "Ob utverzhdenii Polozheniya o zonakh okhrany ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii i o priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozheniy normativnykh pravovykh aktov Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii" (Decree of the Government of the Russian Federation of September 12, 2015 No. 972 "On the approval of the Regulations on the protection zones of cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation and on the recognition as invalid of certain provisions of the regulatory legal acts of the Government of the Russian Federation"). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186038/cd166a95915a64d4656d815faefe763f83fab85b/ (accessed: 15.11.2021).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.04.2008 g. № 315 "Ob utverzhdenii Polozheniya o zonakh okhrany ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii" (Decree of the Government of the Russian Federation of April 26, 2008 No. 315 "On approval of the Regulations on the protection zones of cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation"). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76573/ (accessed: 15.11.2021).

Stroitel'nye normy i pravila. Avtomobil'nye dorogi (Building regulations. Highways). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/5200258> (date of access: 15.11.2021).

Stroitel'nye normy i pravila Rossiyskoy Federatsii. Inzhenernye izyskaniya dlya stroitel'stva (Building codes and regulations of the Russian Federation. Engineering surveys for construction). URL: <https://docs.cntd.ru/document/871001042> (accessed: 15.11.2021).

Federal'nyy zakon "O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, munitsipal'no-chastnom partnerstve v Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v otchel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii" ot 13.07.2015 g. № 224-FZ (Federal Law "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 13, 2015 No. 224-FД). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (accessed: 15.11.2021).

Federal'nyy zakon ot 25.06.2002 g. № 73-FZ (Federal Law of June 25, 2002, No. 73-FL). Available at: https://www.archaeolog.ru/media/arch_nasledie/zakonodatelstvo/73-FZ.pdf (accessed: 15.11.2021).

About the Authors:

Ozerov Viktor V. Executive Committee of the Laishevskiy municipal district of the Republic of Tatarstan. Chernyshevsky St., 23, Laishevo, 422610, Republic of Tatarstan, Russian Federation; vityan.oz@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.220.229>

БУЛГАРСКИЕ КОСТЯНЫЕ ДЕТАЛИ СНАРЯЖЕНИЯ КОНЯ И ВСАДНИКА X–XIV ВВ.

© 2022 г. Д.У. Пальцева

В статье представлена типология костяных деталей снаряжения коня и всадника Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды на примере находок из шести болгарских памятников: Билярского, Болгарского, Суварского, Старо-Куйбышевского городищ, а также Остолоповского селища и Золотоордынского Биляра (Билярского III селища). Более половины предметов происходит из коллекции Болгарского городища, и треть принадлежит коллекции Билярского городища. Выявлены находки, которые появляются только в золотоордынский период – ременные обоймы и поясные накладки. При этом обоймы датируются узко – 40-50 годами XIII – началом XIV вв. Подобные предметы являлись статусными и встречаются редко. В домонгольской Волжской Булгарии из кости и рога изготавливались чаще детали снаряжения коня – путовые петли, застежки недоуздка, подпружные пряжки, вертлюги. Подпружные пряжки типа I являются типичными для домонгольского периода. Истоки домонгольского болгарского конского и всаднического снаряжения лежат, в первую очередь, в культуре Хазарского каганата. Исследованный материал демонстрирует также связи с местным финно-угорским населением, Русью и кочевнической степью.

Ключевые слова: археология, костяные изделия, Волжская Булгария, Золотая Орда, Биляр, Болгар, путовые петли, вертлюг, ременные обоймы, косторезное производство, всадник.

BULGARIAN BONE DETAILS OF THE EQUIPMENT OF HORSE AND RIDER OF THE X-XIV CENTURIES

D.U. Paltseva

The paper presents a typology of bone details of a horse and rider of Volga Bulgaria and Bolgar Ulus of the Golden Horde in terms of artifacts of 6th Bulgarian sites: Bilyar, Bolgar, Suvar, Staro-Kuibyshev fortified settlements, Ostolopov settlement and Bilyar of the Golden Horde period (III Bilyar settlement). Bone and antler were used in a manufacture of horse clasps for hobbles, halter fasteners, horse pendants, girth clasps, halter plates, waist onlays, belt loops, swivels. More than half of the items come from the collection of Bolgar, and a third belong to the collection of Bilyar. Finds that appeared only in Golden Horde period were identified. They include waist onlays and belt loops. More over, belt loops are dated narrowly – 40-50 years of the 13th – the beginning of the 14th centuries. Such items were status and were rare. In the pre-Mongol Volga Bulgaria horn and antler were used for making the horse equipment: the halter fasteners, the horse clasps for hobbles and the girth clasps. The girth clasps were typical precisely for pre-Mongol period. The origins of pre-Mongol Bulgarian horse and rider equipment lay firstly in Khazar Khaganate. The investigated material demonstrates link with local Finno-Ugric population, with Russia and with nomadic steppe.

Keywords: archaeology, bone products, Volga Bulgaria, Golden Horde, Bilyar, Bolgar, girth clasps, swivel, belt loops, bone manufacturing, rider.

Костяные и роговые предметы — одна из массовых категорий находок в вещевых комплексах Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды. Они делятся на 7 групп предметов, выделенных в соответствии с функциональным принципом: предметы быта, предметы вооружения и приспособления для охоты, снаряжение коня и всадника, украшения и детали туалета, предметы досуга и культа, предметы неясного назначения и заготовки и отходы производства. В данной статье рассматриваются костяные детали снаряжения коня и всадника шести болгарских памятников: Билярского, Болгарского,

Суварского, Старо-Куйбышевского городищ, а также Остолоповского селища и Золотоордынского Биляра (Билярского III селища).

Эта группа (70 экз.; рис. 1–5) включает в себя семь подгрупп: путовые петли, застежки недоуздка, подвески, подпружные пряжки, уздечные бляхи, поясные накладки, ременные обоймы. Предметы Болгара составляют 55 % от общего числа находок этой группы, из Биляра к ним относится 35,2 %, из Старо-Куйбышевского городища – 4,2 %, Суvara, Остолоповского селища, Золотоордынского Биляра (Билярского III селища) — по 1,4 % (рис. 1).

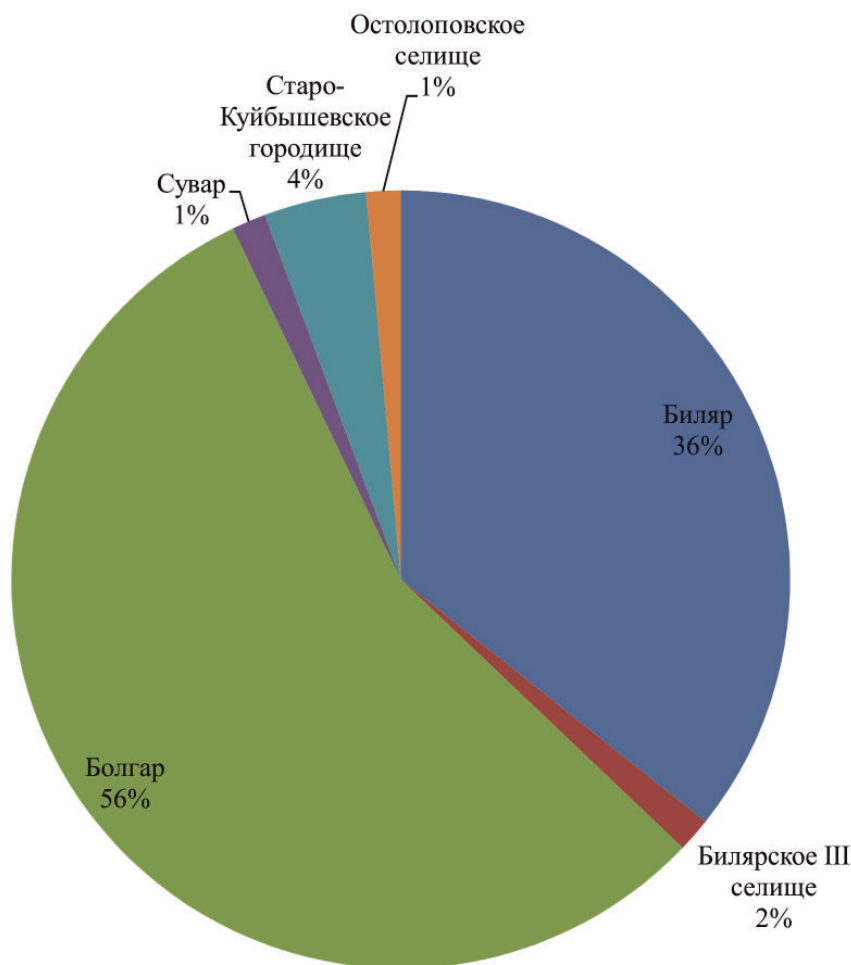

Рис. 1. Распределение костяных деталей снаряжения коня и всадника на болгарских памятниках
Fig. 1. Distribution of bone parts of horse and rider equipment on the Bulgarian monuments

В первых двух подгруппах типы выделены согласно различиям в форме спинки и основания петель и застежек.

Подгруппа 1. Путовые петли (15 экз.; рис. 2, 1–6)

Тип 1. С треугольной спинкой и прямым основанием (3 экз.; рис. 2, 1). Размеры: $l=3,8-9$; $b=1,1-2,6$; $d=0,6-0,9$ см. Подтип представлен двумя билярскими петлями (ЦМТР 5427-39/9; ЦМТР 5427) и одной петлей из коллекции Старо-Куйбышевского городища (БГИАМЗ КП 633-1555/176). На последней имеется знак в виде перекрестья, а боковые стороны имеют зубчатый рельеф. Ранние аналогии встречены в Саркеле (Федоров-Давыдов, 1966, рис. 15, 7). Имеются подобные петли и на золотоордынском Водянском городище (ВОКМ 28290 и 31681). На русских памятниках петли такого типа датируются X–XIII вв. (Кирпичников, 1973, с. 144–145, рис. 44, 2).

Тип 2. С вогнутой спинкой, заостренными концами и выгнутым основанием (1 экз.; рис. 2, 2). Размеры: $l=8,4$; $b=1,4-2,4$; $d=0,5$ см. Подтип включает только один экземпляр

из Биляра (ЦМТР 5427). Он декорирован циркульными окружностями, расположенными по всей поверхности. Аналогии имеются в саркельской коллекции (Федоров-Давыдов, 1966, рис. 15, 9).

Тип 3. Со слегка вогнутой спинкой, по форме приближающейся к прямоугольной (2 экз.; рис. 2, 3). Размеры: $l=6-8$; $b=0,8-4$; $d=0,6$ см. В подтип вошли две билярские петли (ЦМТР 5427-39/5; АКУ-85/93).

Тип 4. С выгнутой спинкой, тупыми подпрямоугольными концами и вогнутым основанием (4 экз.; рис. 2, 4). Размеры: $l=5,4-8$; $b=2-2,6$; $d=0,5-1,2$ см. В этот тип вошли по одному экземпляру из коллекций Биляра (ЦМТР 5427), Остолоповского селища (Руденко, 2005, с. 96, табл. 20, 397) и 2 из Болгара (ГИМ № 82292/2596) (Закирова, 1988, рис. 99, 11). В Билярской коллекции один предмет не имеет отверстия.

Тип 5. Эллипсоидной формы с округлыми концами и продольным отверстием (2 экз.; рис. 2, 5). Размеры: $l=3,2-6,3$; $b=1,6-2$; $d=0,4-0,7$ см. Этот подтип представлен изделиями из

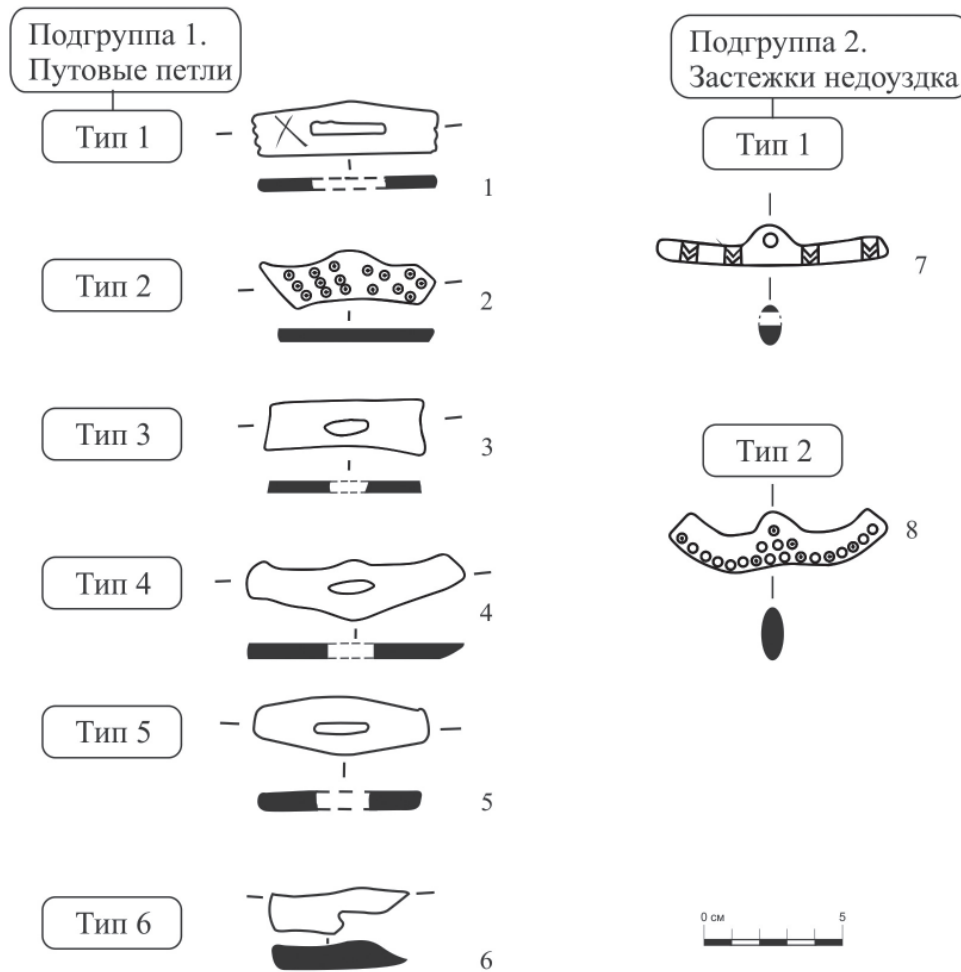

Рис. 2. Костяные элементы снаряжения коня и всадника (подгруппы 1 и 2):

1 – Старо-Куйбышевское городище, 2-4, 7-8 – Биляр; 5-6 – Болгар

Fig. 2. Bone elements of horse and rider equipment (subgroups 1 and 2):

1 – Staro-Kuibyshev hillfort; 2-4, 7-8 – Bilyar; 5-6 – Bolgar

коллекции Болгара (БГИАМЗ КП 59-1622/3; БГИАМЗ КП 191-165/34).

Тип 6. С выгнутым основанием и спинкой и тупыми ровными концами (2 экз.; рис. 2, 6). Размеры: $l=6,3$; $b=1,3-3,2$; $d=0,6-1$ см. Сюда вошли петли из Болгара (1 экз.) (БГИАМЗ КП 366-49/172) и Суvara (1 экз.) (ГИМ № 77908/1614). Аналогичный предмет имеется в Новгороде в слое второй половины XIII в. (Гайдуков, 1992, с. 142, рис. 73, 10].

Тип 7. С ровным основанием и прямоугольно выпуклой спинкой и ровными концами (1 экз.; Закирова, 1988, рис. 99, 12). Предмет этого типа происходит из Болгара (Закирова, 1988, с. 227).

Подгруппа 2. Застежки недоуздка (7 экз.; рис. 2, 7–8). Типообразующим признаком стала форма спинки и концов изделия.

Тип 1. С прямой спинкой и срединной петлей (4 экз.; рис. 2, 7). Размеры: $l=7-9$; $b=0,4-1,8$;

$d=0,3-0,4$ см. Один предмет этого подтипа из Биляра (ЦМТР 5427), остальные из Болгара (БГИАМЗ КП 325-45/139; БГИАМЗ КП 1359-54/411) (Закирова, 1988, рис. 100, 4). Одна застежка имеет линейный декор: 4 пары поперечных линий, внутри каждой пары орнамент «елочка».

В Новгородской коллекции они интерпретированы как застежки (Гайдуков, 1992, с. 142, рис. 73, 11).

Тип 2. С опущенными концами и срединной петлей (3 экз.; рис. 2, 8). Размеры: $l=9$; $b=1-2,4$; $d=0,8$ см. Этот подтип представлен билярской (ЦМТР 5427) и двумя находками из Болгара [Закирова, 1988, рис. 99, 19; рис. 100, 5]. Билярская застежка декорирована сочетанием циркульного и линейного: окружности и орнамент «елочка»; экземпляр из Болгара – линейным: продольная линия, несколько раз перечеркнутая перпендикулярными насечка-

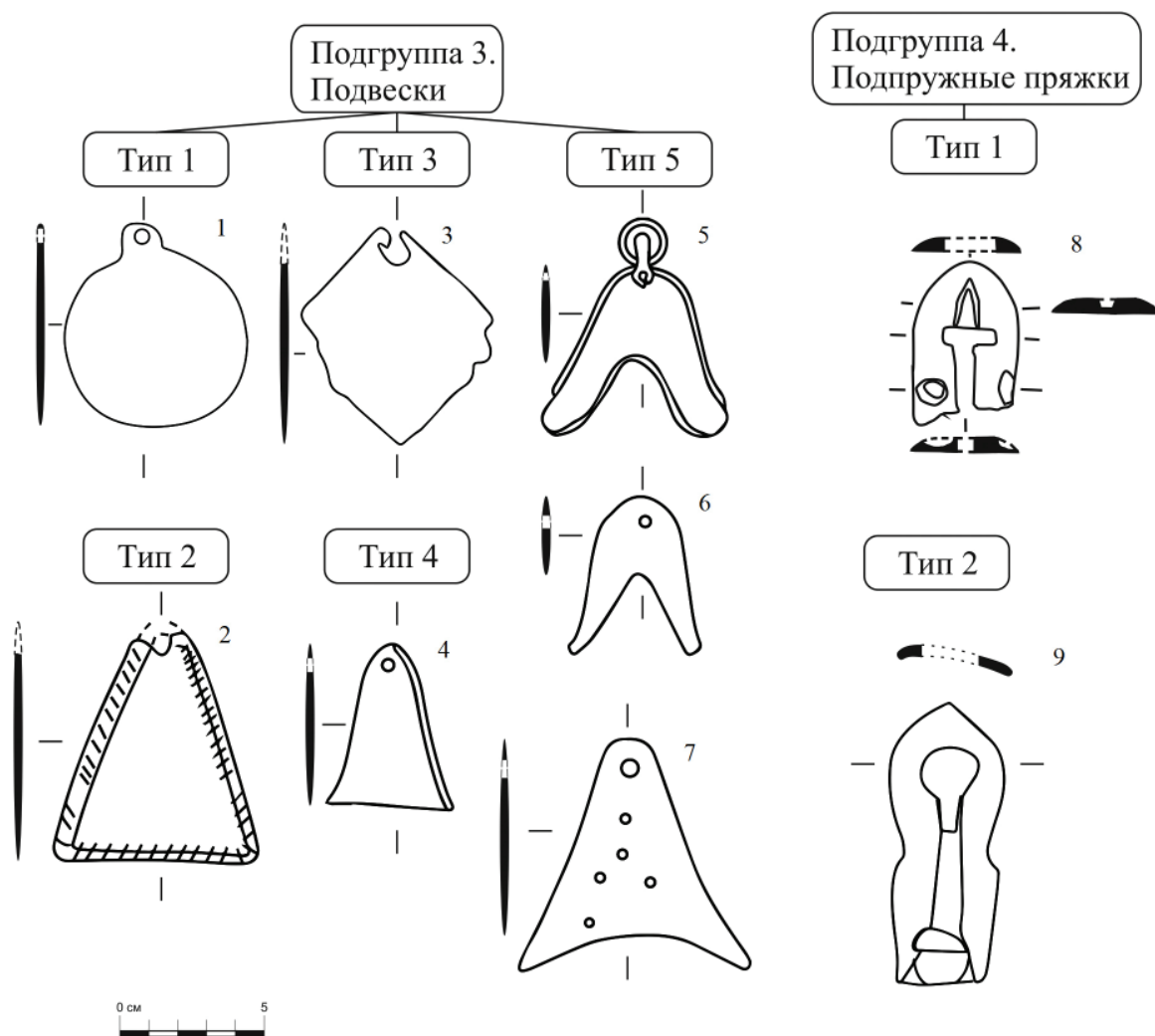

Рис. 3. Костяные элементы снаряжения коня и всадника (подгруппы 3 и 4):

1-7, 9 – Биляр; 8 – Болгар

Fig. 3. Bone elements of horse and rider equipment (subgroups 3 and 4):

1-7, 9 – Bilyar; 8 – Bolgar

ми (происходит из слоя VI); вторая болгарская (п/м) имеет на одной стороне точечный декор, на обратной орнамент елочка.

На Руси подобные застежки встречены в основном в городищенских слоях XI–XIII вв. и, вероятно, использовались, чтобы препятствовать отвязыванию недоуздка во время отдыха или кормления лошади. В Саркеле также имеются примеры застежек недоуздка. Последний датируется XI в. (Кирпичников, 1973, рис. 44, 4).

Подгруппа 3. Подвески (7 экз.; рис. 3, 1–7). Эта подгруппа представлена семью находками Биляра (ЦМТР 5427 – 7 экз.). Размеры: l=5–9; b=6,4–9,6; d=0,7 см. Все они имеют отверстие для подвешивания и, вероятно, служили украшениями конской упряжи. Типы выделены по форме подвесок в продольном сечении.

Тип 1. Круглые в продольном сечении (1 экз.; рис. 3, 1). Размеры: d=6,7; b=7,2 см.

Тип 2. Треугольные в продольном сечении (1 экз.; рис. 3, 2). Размеры: l=7; b=8,2 см. Билярская находка этого типа декорирована линией, расположенной вдоль всех трех сторон изделия. Вдоль двух сторон она перерезана мелкими штришками, вдоль третьей стороны штрихи заполняют пространство между основной линией и краем изделия.

В сборной коллекции Археологического музея КФУ имеется похожая по форме и размерам находка, без орнамента и отверстия (заготовка?) (АКУ-85/95-1).

Тип 3. Ромбические в продольном сечении (1 экз.; рис. 3, 3). Размеры: l=6,8; b=7,8 см.

Тип 4. Колоколовидные в продольном сечении (1 экз.; рис. 3, 4). Размеры: l=4,4–6; b=5,9–6,5; d=0,7 см. Предмет декорирован линией, расположенной вдоль одного из его краев.

Тип 5. Колоколовидной формы в продольном сечении с треугольной или дугообразной

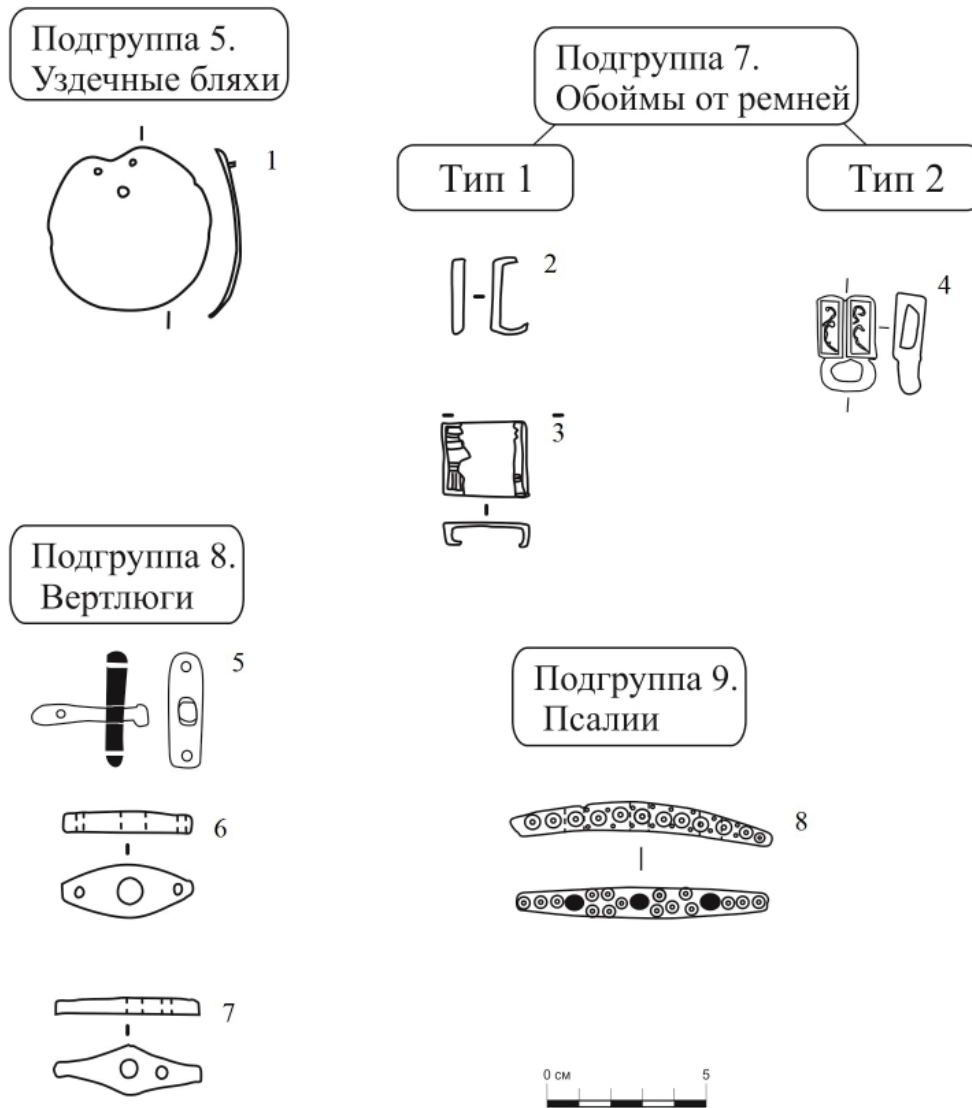

Рис. 4. Костяные элементы снаряжения коня и всадника (подгруппы 5, 7-9):

1-6, 8 – Болгар; 7 – Старо-Куйбышевское городище

Fig. 4. Bone elements of horse and rider equipment (subgroups 5, 7-9):

1-6, 8 – Bolgar; 7 – Staro-Kuibyshev hillfort

выемкой в основании треугольника (3 экз.; рис. 3, 5–7). Размеры: $l=4,7-8,1$; $b=5,9-8,4$ см.

Ряд подобных подвесок разных форм, сохранившихся преимущественно в виде фрагментов, имеется в Саркеле. В.Е. Флеровой эти накладки были отнесены к группе украшений, амулетов и игр (Флерова, 2001, с. 99, рис. 49, 5,7). Кажется вероятным, что эти подвески могли использоваться для украшения конской сбруи, поэтому в данной группе эта подгруппа предметов выделена довольно условно. Две очень похожие по форме саркельские подвески происходят из слоев XI в. и последнего периода существования крепости Саркел – середина XII в. (Флерова, 2001. С. 99–100).

Подгруппа 4. Подпружные пряжки (13 экз.; рис. 3, 8–9). Типы этой подгруппы

выделены по наличию уступчика-шейки в середине пластины и форме выреза.

Тип 1. Пряжки трапецевидной формы с округлым основанием. На щитке прямоугольный вырез для ремня, в передней части пластин T-образный вырез для язычка (4 экз.; рис. 3, 8). Размеры: $l=6-8$; $b=3-4,6$; $d=0,9$ см. Три пряжки билярские (Хузин, 1985, с. 200, 202, табл. LXVI, 13 – 3 экз.), четвертая из коллекции Болгара (БГИАМЗ КП 1359-46/411). Аналогии встречаются в саркельской коллекции (Флерова, 2001, рис. 23, 9), и датируются XI в. Аналогичные пряжки в кочевнических курганах Южного Урала датируются не позднее XIII в. (Мажитов, 1981, с. 222, 268, рис. 90, 39).

Важно, что этот тип пряжек соответствует типу I пряжек, которые встречаются в кочев-

нических погребениях Восточной Европы и являются датирующими предметами, относящимися к X–XI вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 24, 47, 115, рис. 3, 11).

Аналогичные пряжки имеются в сборной коллекции Археологического музея КФУ (АКУ-85/111; АКУ-85/23).

Тип 2. Пряжки с уступчиком – шейкой в середине пластины, отделяющим дужку от щитка, и мысовидным завершением дужки (5 экз.; рис. 3, 9). Размеры: $l=7,4–10,2$; $b=3,4–5,6$ см. Предметы этого подтипа относятся к коллекции Биляра (3 экз.) (ЦМТР5427-2 экз.; Хузин, 1985, с. 202) и Болгара (2 экз.) (Закирова, 1988, с. 227, рис. 100, 6).

Пряжки этого типа характерны для X–XII вв. [Хузин, 1985. С. 202].

Тип 3. Пряжки с уступчиком – шейкой в середине пластины и округлым (овальным) вырезом в передней части пластины (4 экз.) (Хузин, 1985, с. 200, 202, табл. LXVI, 15).

Подгруппа 5. Уздечная бляха (1 экз.; рис. 4, 1). Размеры: $D=5,5$; $d=0,3$ см. Этот тип представлен дисковидной круглой в плане бляхой с отверстиями из коллекции Болгара (БГИАМЗ КП 325-39/139). Похожие на нее, но выполненные из меди, уздечные бляхи были обнаружены среди инвентаря погребения воина из окрестностей станицы Гостагаевской, которое датируется X в. (Новичихин, 2013, с. 110, рис. 2, 1-5, 7). Серебряные круглые подвесные бляхи, интерпретированные как украшения конской сбруи обнаружены близ с. Старое и Новое Альметьево, датированные XI – началом XIII вв. (Хузин, Набиуллин, Нигамаев, Ситдииков, 2006, с. 208).

Подгруппа 6. Поясные накладки (20 экз.; рис. 5, 1–12). В этот тип вошли в основном костяные накладки из коллекции Болгара. Типы выделены согласно различию в форме накладок в плане.

Тип 1. Круглые накладки (8 экз.; рис. 5, 1–4). Выделение подтипов основано на форме сечения, поскольку в плане все накладки имеют только круглую форму.

Подтип 1. Конические в сечении накладки (1 экз.; рис. 5, 1). Размеры: $D=1,2$; $d=0,4$ см. (БГИАМЗ КП 110-85/24).

Подтип 2. Прямоугольные в сечении накладки (1 экз.; рис. 5, 2). Размеры: $D=1,2–1,3$; $d=0,2–0,4$ см (БГИАМЗ КП 586-42/260).

Подтип 3. Дисковидные накладки (3 экз.; рис. 5, 3). Размеры: $D=0,7–1,3$; $d=0,1$ см. Одна из накладок имеет поперечный желобок в центре (БГИАМЗ КП 246-110/89; БГИАМЗ КП 308-33/122; БГИАМЗ КП 342-322/151).

Подтип 4. Усечено-полусферические в сечении накладки (3 экз.; рис. 5, 4). Размеры: $D=1–1,3$; $d=0,3–0,65$ см. (БГИАЗ-96 КП 701-143/270; БГИАМЗ КП 499-183/234; БГИАМЗ КП 534-641/177).

Тип 2. Плоские фигурные накладки (9 экз.; рис. 5, 5–11). В данном типе подтипы отличаются размерами и формой накладок в продольном сечении.

Подтип 1. Большие накладки, длиной от 3 см (2 экз.; рис. 5, 5–6). Размеры: $l=3–3,7$; $b=2,5$; $d=0,3–0,5$ см. Обе накладки декорированы: на одной имеются 6 несквозных отверстий (углублений), на другой – два углубления, треугольное и каплевидное (БГИАМЗ КП 562-87/253; БГИАМЗ КП 387-149/194).

Подтип 2. Трапециевидные в плане накладки, длиной от 1,8 см (3 экз.; рис. 5, 7–9). Размеры: $l=1,8–2,7$; $b=1,1–1,2$; $d=0,1–0,3$ см. Одна из накладок принадлежит коллекции Старо-Куйбышевского городища (БГИАМЗ КП 1028-387/331), две других – Болгару (БГИАМЗ КП 325-44/139; БГИАМЗ КП 534-639/177). Все три украшены: одна – 6-ю отверстиями; другая – 5-ю большими отверстиями и 2-мя маленькими углублениями; третья – 7-ю отверстиями, четырьмя крупными, расположенными в форме ромба, и тремя маленькими.

Подтип 3. Маленькие накладки, одна сторона округлая, вторая резная, длиной от 1 см (4 экз.; рис. 5, 10–11). Размеры: $l=1–1,6$; $b=0,8–1,2$; $d=0,1–0,3$ см. Одна накладка имеет поперечную прорезанную линию (желобок), еще одна – две таких же линии, параллельных друг другу (БГИАМЗ КП 110-73/24; БГИАМЗ КП 69-29/13; БГИАЗ КП 351-41/160; БГИАМЗ КП 246-119/89).

Тип 3. Круглая в плане и полусферическая в сечении накладка на четырех квадратных плоских основаниях (1 экз.; рис. 5, 12). Размеры: $l=2,1$; $b=2,1$; $d=1$ см. Она имеет циркульный орнамент в виде 4 циркульных окружностей и прочерченные окружности, опоясывающие круглую часть изделия (БГИАМЗ КП 856-489/270).

Ременные наборы чаще всего состоят из металлических бляшек.

Надо заметить, что пояс имел большое значение у многих народов Восточной Европы и Азии (Курылев, 1989, с. 96–97).

Материал, из которого изготавливался ременной набор имел социальное значение. Соответственно, костяные обоймы и накладки указывали на не самый высокий ранг их собственника (Исаков, Афоньков, Архан-

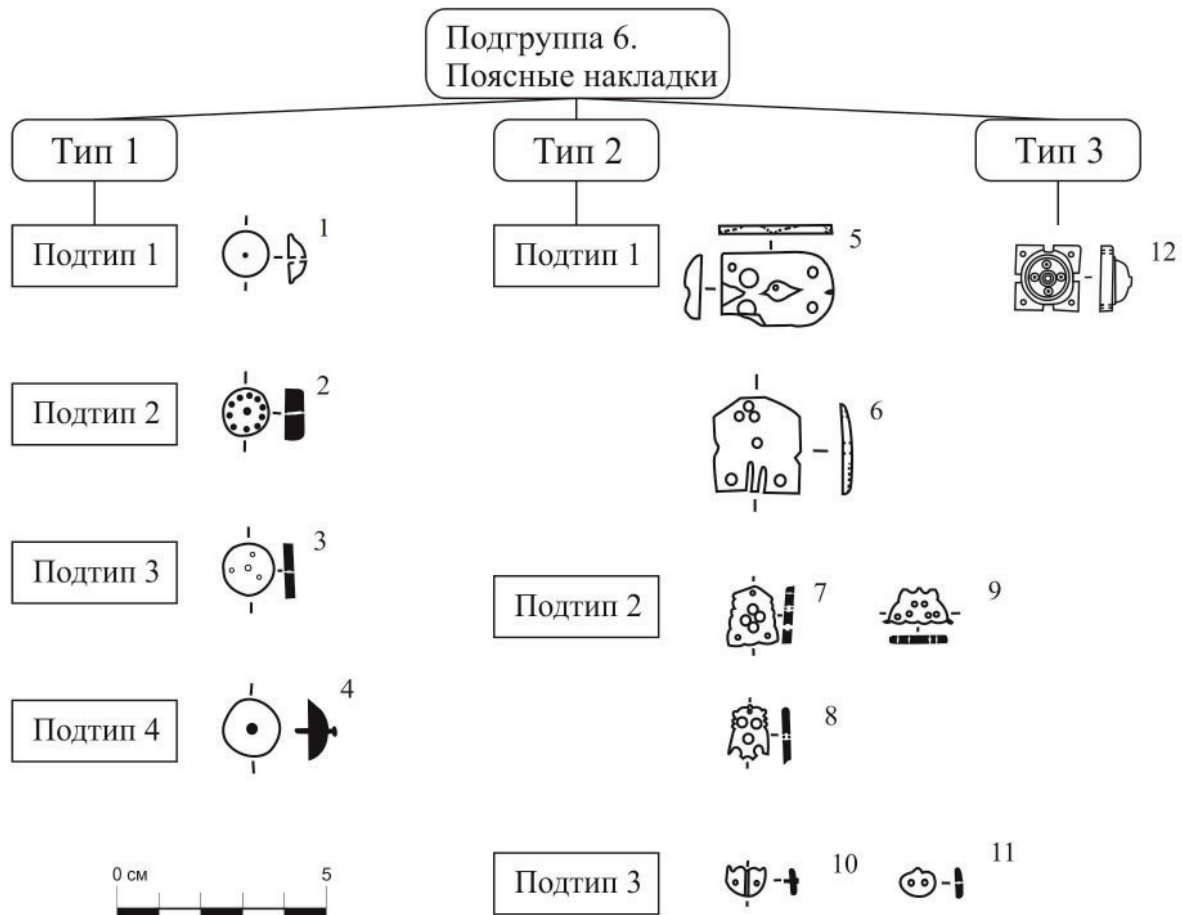

Рис. 5. Костяные элементы снаряжения коня и всадника (подгруппа 6):
1-6, 8-12 – Болгар; 7 – Старо-Куйбышевское городище
Fig. 5. Bone elements of horse and rider equipment (subgroup 6): 1-6, 8-12 – Bolgar; 7 –
Staro-Kuibyshev hillfort

гельский, Павленко, Шереметьев, 2014, с. 239–240).

Декор костяных накладок преимущественно линейный: одна или две поперечные линии; и рельефный, выполненный в виде углублений и отверстий, расположенных в особом порядке, геометрическом или шахматном; лишь накладка последнего типа имеет циркульный декор.

Подгруппа 7. Обоймы от ремней (4 экз.; рис. 4, 2–4).

Тип 1. Прямоугольные обоймы без петли (1 экз.; рис. 4, 2–3). Размеры: l=2,8–3; b=2,8; d=0,4–0,6 см. Предмет этого типа происходит из Болгара в виде фрагмента обоймы ремня прямоугольной формы (БГИАМЗ КП 1115-185/400). Один экземпляр имеет декор на обломанной стороне. Судя по второму фрагменту, он был декорирован рельефным орнаментом.

Тип 2. Прямоугольные обоймы с петлей (3 экз.; рис. 4, 4). Размеры: l=6,1; b=0,9–

1,7; d=0,5 см. Этот тип представлен предметом коллекции Болгара с рельефно-выпуклым растительным декором, распределенным по двум вертикальным зонам (ГИМ № 82292/4129); фрагментом петли ремной обоймы (БГИАМЗ КП 365-46/171) и обоймой из коллекции Золотоордынского Биляра (Билярского III селища) (Валиулина, 2000, с. 281, рис. 7, 1). Последняя на лицевой стороне имеет профильное изображение дракона в технике пропиленной резьбы и близка по материалам, форме и размерам бляхам-обоймам ундугунской культуры Восточного Забайкалья, а по сюжету, композиции и технике исполнения она «обнаруживает типологическую связь с костяными обоймами из Смоленска» (Валиулина, 2000, с. 73; Валиулина, 2000, с. 281). Подобные детали поясов с изображением драконов бытовали также во времена Джучидов в Монгольской империи и датируются 1240-50 гг. – 1300 г. (Валиулина, 2000, с. 202).

Считается, что такие бляхи-пронижи были распространены монголами повсюду, где устанавливалась их власть и изображение свернувшегося дракона для таких предметов является характерным признаком монгольской поясной гарнитуры XIII в. А все подобные предметы, обнаруженные западнее Центральной Азии, связаны с империей Чингизидов и датируются XIII–XIV вв. (Горелик, 2008, с. 118).

Из недавних золотоордынских находок со стилистически близким изображением дракона известна прорезная накладка из коллекции городища Маджары, выполненная, как и обойма Золотоордынского Биляра (Билярского III селища), под влиянием китайских традиций (Обухов, Бочаров, 2018, с. 130).

Обойма с растительным декором из Болгара имеет аналогию из погребения 3 кургана 15 Первого Власовского могильника, который датируется золотоордынским временем (Кравец, 2004, с. 224–225, рис. 2, 2).

Подгруппа 8. Вертлюги (4 экз.; рис. 4, 5–7). Вертлюг – это технический узел, используемый там, где тяга вращается вокруг своей оси, но при этом не должна закручиваться (привязь для собаки, скота). Вертлюг препятствовал перекручиванию ремней, чем обеспечивал спокойный выпас коня (Кирпичников, 1973, с. 147).

Размеры (срединной вертикальной части): $l=4,9$; $b=0,7-0,8$; $d=0,2-0,3$ см. Размеры (горизонтальной основы): $l=4,7$; $b=0,4-1$; $d=0,5$ см. Предметы происходят из коллекции Болгарского городища (БГИАМЗ КП 191-7/34; БГИАМЗ КП 269-71/103; БГИАМЗ КП 350-44/159) (3 экз.) и старо-куйбышевской коллекции (БГИАМЗ КП 352-47/161) (1 экз.).

Точной аналогии среди костяных изделий болгарскому предмету не найдено, однако в слое первой половины XIII в. городища (?) в Хмельницкой области был обнаружен железный вертлюг в виде двух вращающихся полуколец, соединенных подвижным штырем, а в Новгороде имеется полная аналогия болгарскому экземпляру, но выполненная из дерева, где они датируются широко – X–XV вв. (Колчин, 1968, с. 78, табл. 4, В, 1–42, 73).

Подгруппа 9. Псалии (1 экз.; рис. 4, 8). Размеры: $l=8,5$; $b=0,8-0,5$; $d=0,9-0,5$ см. Изде-

лие этой подгруппы принадлежит коллекции Болгара (ГИМ № 83892/896). Оно имеет форму выгнутого стержня (вероятно, повторяя форму сырья) и декорировано циркульным орнаментом и имеет три отверстия.

Основная масса находок этой группы приходится на коллекцию Болгара (39 экз.) и Биляра (25 экз.). В коллекции Суvara имеется одна путовая петля. При этом необходимо заметить, что в коллекциях костяных находок Болгара и Биляра на данную группу приходится всего 3,6 % и 3,2 % предметов (рис. 1).

Установлено, что все костяные и роговые детали снаряжения всадника (ременные обоймы и поясные накладки) датируются золотоордынским временем и происходят из коллекции Болгарского городища и Золотоордынского Биляра (Билярского III селища).

Домонгольским временем по комплексу признаков и аналогиям датируются подпружные пряжки типа 1 (Закирова, 1988, рис. 97, 20) и костяные конские подвески, которые встречаются преимущественно в домонгольских городах: Биляр и Сувар, а также на Старо-Куйбышевском городище и Остолоповском селище.

Судя по распределению элементов костюма всадника, всадничество было более распространенным явлением в золотоордынском Болгаре. Обладание лошастью, ношение накладок поясных, резных орнаментированных ременных обойм подчеркивают статус всадника в золотоордынское время.

В целом, нужно отметить, что в Волжской Булгарии из кости и рога изготавливался довольно ограниченный набор конского и всаднического снаряжения. В домонгольский период этот материал имел больше практическое применение (путовые петли, застежки недоуздки, подпружные пряжки). В золотоордынское время кость и рог стали чаще использоваться для изготовления статусных вещей (поясные наборы, ременные обоймы).

Аналогии изделиям демонстрируют хазарские истоки домонгольского болгарского вооружения и конского снаряжения, взаимосвязи с местным финно-угорским населением и влияние русских традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Валиулина С.И. Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 273–285.

Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: Эвтектика, 1992. 197 с.

Горелик М.В. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. Вып. 222. 2008. С. 117–125.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 220–243.

Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г. К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 233–243.

Кирпичников А.Н. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / САИ. Е1-36. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 213 с.

Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Е1–55. М.: Наука, 1968. 184 с.

Кравец В.В. Поясные наборы золотоордынских кочевников Среднего Подонья // Археологические памятники бассейна Дона / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2004. С. 222–229.

Курылев В.П. Казахские кожаные мужские пояса в собраниях МАЭ // Памятники традиционной бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа / Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 43. / Отв. ред. В. П. Курылев. Л.: Наука, 1989. С. 85–97.

Мажитов Н.А. Южный Урал XII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 222–223.

Новичихин А.М. Комплекс инвентаря кремационного погребения средневекового воина из окрестностей станицы Гостагаевской // Историко-археологический альманах. Вып. 12. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М., 2013. С. 108–114.

Обухов Д.Ю., Бочаров С.Г. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 125–133.

Руденко К.А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Науч. ред. К.А. Руденко. Казань-Яльчик. Казань: Школа, 2005. С. 67–97.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Флёрова В.Е. Резная кость Юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетей, 2001. 352 с.

Хузин Ф.Ш. Предметы вооружения // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. С. 130–192.

Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г., Нигаматов А.З., Ситдииков А.Г. Другие городские центры // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 189–234.

Информация об авторе:

Пальцева Динара Умметзяновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Астраханский государственный медицинский университет (г. Астрахань, Россия); umnica_85@mail.ru

REFERENCES

Valiulina, S. I. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 273–285 (in Russian).

Gaydukov, P. G. 1992. *Slavenskii konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop (Slavensky End of Medieval Novgorod. Nutny Excavation)*. Moscow: "Evtektika" Publ. (in Russian).

Gorelik, M. V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 117–125 (in Russian).

Zakirova, I.A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 220–243 (in Russian).

Isakov, R. V., Afon'kov, N. N., Arkhangel'skiy, M. S., Pavlenko, Yu. A., Sheremet'ev, A. G. 2014. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 7 (1), 233–243 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th — 13th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1—36 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1968. *Novgorodskie drevnosti. Derevyannyye izdeliya (Novgorod Antiquities. Wooden Crafts)*. Series: Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–55. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kravets, V. V. 2004. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki basseina Dona (Archaeological Sites of the Don Basin)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 222–229 (in Russian).

Kurylev, V. P. 1989. In Kurylev, V. P. (ed.). *Pamiatniki traditsionno-bytovoy kul'tury narodov Srednei Azii, Kazakhstana i Kavkaza (Monuments of Traditional Household Culture of the Peoples of Central Asia, Kazakhstan and the Caucasus)*. Series: Sbornik Muzeia antropologii i etnografii (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography) 43. Leningrad: “Nauka” Publ., 85–97 (in Russian).

Mazhitov, N.A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: “Nauka” Publ., 222–223 (in Russian).

Novichikhin, A. M. 2013. In Munchaev, R. M. (ed.). *Istorikoarkheologicheskii al'manakh (Historical and Archaeological Almanac)* 12. Armavir; Krasnodar; Moscow, 108–114 (in Russian).

Obukhov, D. Yu., Bocharov, S. G. 2018. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 125–133 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bolgaria and the Golden Horde))*. Kazan: “Shkola” Publ., 67–97 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Flerova, V. E. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo I remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th – 12th Centuries. The Art and the Craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage Museum))*. Saint Petersburg: “Aleteia” Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Nabiullin N. G., Nigamaev A. Z., Sitdikov A. G. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriia tatar (History of the Tatars)* 2. Kazan: “RukhIL” Publ., 189–234 (in Russian).

Khuzin, F.Sh. 1985. Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ., 130–192 (in Russian).

About the Author:

Paltseva Dinara U. Candidate of Historical Sciences. Astrakhan State Medical University. Bakinskaya St., 121, Astrakhan, 414000, Astrakhan Region, Russian Federation; umnica_85@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

УДК 904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.230.236>

АРАБСКИЙ ГЕОГРАФ АЛ-ИДРИСИ (XII В.) О ТЮРКСКИХ НАРОДАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)¹

© 2022 г. А.Н. Юзеев

Автором статьи представлены переводы с арабского языка на русский географа XII в. ал-Идриси фрагментов сочинения «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), касающихся народов Средней Азии (казахов, киргизов, туркмен). Среди других подобных средневековых географических произведений оно до сих пор является малоизученным и даже не исследованным – нет полных переводов на русский язык источниковедческих материалов, имеющих отношение к тюркским народам Средней Азии. Несмотря на то, что сочинение ал-Идриси является географическим, в действительности оно несет массу информации, касающейся жизни и быта многих тюркских племен и народов Средней Азии Средневековья. Поэтому данный труд по праву можно назвать и историческим и этнографическим сочинением, отражающим дух средневековой эпохи. Более того, это произведение среди других арабо-мусульманских сочинений является одним из самых информационных географических источников о народах Средней Азии. Представленный в статье перевод послужит источником для продвижения археологических исследований, поскольку связан с определением места расселения древних тюркских народов Средней Азии. Переводы выполнены автором публикации на основе итальянского издания 1970-1984 гг., которое наиболее правильно отражает название этнонимов и географических названий Средней Азии.

Ключевые слова: регионоведение, археология, ал-Идриси, народы Средней Азии, кимаки, карлуки, огузы.

THE ARAB GEOGRAPHER AL-IDRISI (XII CENTURY) ABOUT THE TURKIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA

A. N. Yuzeev

The author of the article presents translations from Arabic into Russian by the fragments of the 12th-century geographer al-Idrisi literary composition "Nuzhat al-mushtak fi ikhtirak al-afak" ("Entertainment of the exhausted in wandering through the regions") concerning the peoples of Central Asia (the Kazakhs, Kirghizs, Turkmens). Among other similar medieval geographical works, it is still poorly studied and not even studied – there are no complete translations into Russian of source materials related to the Turkic peoples of Central Asia. Despite the fact that the work of al-Idrisi is geographical, in fact it carries a lot of information concerning the life and everyday life of many Turkic tribes and peoples of Central Asia of the Middle Ages. Therefore, this work can rightly be called both a historical and ethnographic work that reflects the spirit of the medieval era. Moreover, this work, among other Arab-Muslim works, is one of the most informative geographical sources about the peoples of Central Asia. This translation presented in the article will serve as a source for the development of archaeological investigations, since it is associated with the determination of the place of settling of the ancient Turkic peoples of Central Asia. The translations were made by the author of the publication on the basis of the Italian edition of 1970-1984, which most correctly reflects the name of ethnonyms and geographical names of Central Asia.

Keywords: regional studies, archaeology, al-Idrisi, peoples of Central Asia, the Kimaks, Karluks, Oguzes.

Сочинение арабского географа XII века ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») является важным источником для изучения средневековой истории тюркских народов Средней Азии. Среди других подобных средневековых географических произведений оно до сих пор является

малоизученным и даже не исследованным – нет полных переводов на русский язык источниковедческих материалов, имеющих отношение к тюркским народам Средней Азии.

Настоящий перевод представляет собой фрагменты сочинения ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»)

¹ продолжение статьи ранее опубликованной в №5. 2021.

девятой части третьего климата, посвященные этнической истории (этнонимам и географическим названиям) тюркских народов Средней Азии. Арабский текст фрагментов сочинения публикуется по полному изданию труда ал-Идриси, изданного в Италии в 1970-1984 гг. (Al-Idrisi. *Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant» / Consilio et auctoritate E.Cerulli, F.Gabrieli, G.Levi Della Vida, L.Petech, G.Tucci. Una cum aliis ed. A.Bombaci, U.Rizzitano, R.Rubinacci, L.Veccia Vaglieri. Fasc. I-IX Neapoli-Romae, 1970-1984).*

Ал-Идриси, или его полное имя, Абу Абдаллах Мухаммад б. Мухаммад б. Абдаллах б. Идрис ал-Хаммуди ал-Хасани происходил из эмирского рода Алидов-Идрисидов, возводивших свое происхождение к Хасану б. Али, внуку пророка Мухаммада. Поэтому он известен также под именем «аш-Шариф» («благородный, знатный»). Непосредственные предки ал-Идриси – Хаммудиды правили (1010-1057) в Малаге и Альхесирасе, на юге Испании. Затем переселились в г.Сеуту в Марокко, где в 1100 году и родился тот, чья биография описывается. Ал-Идриси получил образование в Кордове – крупном культурном центре южной Испании. Много путешествовал: побывал в Малой Азии и даже во Франции и Англии. В 1138 году ал-Идриси остановился в Палермо при дворе сицилийского короля Роджера II (1130-1154) по указанию которого и приступил к написанию своего географического труда «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), также известный под названием «Китаб ар-Руджар» («Книга Роджера»).

Работа продолжалась в течение пятнадцати лет и была завершена в 1154 году. После смерти Роджера II, ал-Идриси оставался в Палермо при дворе сына Роджера II и его приемника Вильгельма I (1154-1166). В конце жизни вернулся на родину в г. Сеуту, где и скончался в 1165 году.

При написании «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» ал-Идриси использовал множество нарративных, документальных, картографических, устных источников. Некоторые из них названы автором в предисловии к сочинению, на другие он ссылается в самом труде.

В настоящее время известно десять списков рукописей сочинения ал-Идриси, пять из которых находятся за рубежом: в Париже, Оксфорде, Стамбуле, Каире и Софии; одна

из рукописей хранится в Санкт-Петербурге в Государственной Научной Библиотеке (Коновалова, 2006, 328 с.).

К настоящему времени имеются четыре издания сочинения ал-Идриси. Самое первое из изданий всего текста с арабским шрифтом, основанное на Парижской сокращенной редакции, опубликовано в Риме в 1592 году в знаменитой типографии Медичи. Ученые полагают, что это издание неудовлетворительно передает текст ал-Идриси. Также только исторический интерес представляет латинский перевод вышеназванного издания, передававший текст в сокращенном виде, напечатанный в 1619 году в Париже двумя учеными-маронитами, которые занимались преподаванием восточных языков – Иоанном Хесронита (ал-Хасруни) и Гавриилом Сионита (ас-Сихйяуни) (Gunter, 1909, s.113-123).

Полный перевод на французский язык оригинала сочинения ал-Идриси в двух томах вышел только в 1836-1840 годах. Его автором был французский востоковед П.А.Жобер (1799-1847) (P. Amedee Jaubert. 1836-1840). Однако, детальное изучение перевода учеными Дози и де Гье, обнаружило полную его неудовлетворительность (Dozy R., de Goeje M.J. 1866, p.VI-XXI).

В 60-70-е годы прошлого века в связи с изучением истории народов СССР среднеазиатскими учеными (киргизскими, казахскими и туркменскими) привлекалось множество фактического материала, в том числе источники средневековых ученых, написанных на арабском и персидском языках (Караев, 1973, с.4-48; Кумекоев, 1972, 155 с.). Так, фрагменты перевода О.Караева из географии ал-Идриси, посвященные территории проживания тугузгузов, карлуков, кимаков, киргизов, хазлажия и хилхия, содержат ряд неточностей, главным образом связанных, как с разночтением названий этнонимов, городов, территорий (различные диактрические знаки), основанных на старых изданиях текста ал-Идриси, так и с использованием критикуемого учеными французского перевода П.А.Жобера.

В последнее время пристальное внимание российские ученые уделяют сведениям ал-Идриси о народах Восточной Европы. Выделяются труды И.Г.Коноваловой своей новизной методики исследования, переводами на русский язык, основанными на последней римской редакции рукописи ал-Идриси касательно народов и стран Восточной Европы (Коновалова, 2006, 328 с.).

Но, главным образом, вышеназванные труды (за исключением книг опубликованных после 70-80-х годов прошлого столетия) были основаны на трех указанных изданиях сочинения ал-Идриси. Предлагаемые в данной публикации переводы девятой части третьего климата выполнены с четвертого римского издания 1970-1984 гг., подготовленного итальянскими востоковедами: E.Cerulli, F.Gabrieli, G.Levi Della Vida, L.Petech, G.Tucci, A.Bombaci, U.Rizzitano, R.Rubinacci, L.Veccia Vaglieri. Итальянские ученые привлекли массу до сих пор неиспользованного материала и поэтому это издание в настоящее время является самым верным из имеющихся, в смысле установления правильного чтения, транскрипции сочинения ал-Идриси.

Перевод с арабского языка на русский язык фрагментов сочинения «Нузхат ал-муштак» (на основе последнего издания), касающихся народов Средней Азии дается впервые, в новом прочтении автора данной публикации.

II. Текст [С.517-521]

Десятая часть третьего климата

Это десятая часть третьего климата. Она последняя в нем с восточной стороны. Включает часть страны Син¹ на юге, где у Сина расположено четыре города: один из них Сатруба², а у трех городов имена неизвестны. В этой части – центральный район тугузгузов³. В нем три города и также большая часть страны хирхизов⁴. Жители его живут по соседству с морем. У них в этом районе четыре процветающих города.

Мы хотим дать полное описание этих стран, упомянуть об их селениях, организации и расстояниях, если пожелает Аллах. Мы говорим, поистине, границы страны тугузгузов мы уже упоминали раньше. Примыкает к ней [стране тугузгузов] с восточной стороны страна хирхиз и далее следует море Сина над ним, на южной стороне. Прилегает к ним с северной стороны страна кимаков⁵. Вся земля тюрков находится за рекой, в отдаленных краях Ферганы⁶, Шаша⁷ и Тарана⁸. Они – народ неисчисляемый; у них вожди, к которым они обращаются со всеми трудностями и под защитой и наблюдением которых, они живут.

Они – кочевники, странствующие, переходящие с места на место, в поисках плодородия там, где им предоставляется возможным. Они владеют множеством верблюдов, овец и коров. Шатры их из шерсти, как и у арабов-бедуинов. Они не живут на одном месте, но со временем кочуют, переходя с одного места

на другое. Они обрабатывают землю, сеют и жнут. У них много масла, сливок, молока. Они в большом количестве разводят лошадей, и едят их мясо, предпочитая его всякому другому. Их правители – воинственные, готовые вести бой, [вместе с тем] заботливые, дальновидные, решительные, справедливые-прямые, хорошего поведения. У них сердца суровые, а по характеру они жестокие, грубые.

Тюрки состоят из нескольких племен. Среди них⁹: тибетцы, тугузгузы, хирхизы, кимаки, харлухи¹⁰, джакары¹¹, баджанакы¹², туркешы¹³, азкешы¹⁴, хифшахи¹⁵, халаджи¹⁶, гузы¹⁷, болгары¹⁸. Все они живут за рекой, в стороне восточного темного моря. Их жители исповедуют разнообразные верования. Они воюют с мусульманами и с тюрками-мусульманами, которые приняли ислам; они завоёвывают их и берут в плен. Все мусульмане, которые за рекой объединяются в группы, чтобы отражать [удары] и нападать на врага. Хотя они [враги] народ стойкий, храбрый, гордый, сильный, могучий. Но они [мусульмане] не боятся тюрков ни коим образом и ни по какой причине.

А что касается города правителя харлухов, то в нем благоденствие и для мусульман и для тюрков. Все города тюрков, которые мы упомянули, мы назвали вслед за Абу-л-Касимом Убайдаллахом б. Хордадзбеком¹⁹, который в своей книге сообщает: «Этих городов населенных – шестнадцать. Они процветающие, окруженные стенами и хорошо укрепленные. Все они находятся на неприступных, непреодолимых горах. У них зерновые поля. Они обеспечивают себя шкурами леопарда, белки, бобра; железом, мускусом, рабами, шелком».

А что касается страны Син, которая граничит со страной тугузгузов, то в ней [управляют] синские правители. У них многочисленные войска и богатства. Они решительные, твердые, способные переносить тяжести [соседства] тюрков. Они нападают на тюрков, чтобы защитить от ущерба свои жилища. Жители этой части страны Син имеют одежду, как у тюрков, также ездят верхом, имеют такое же воинское снаряжение. У них много слонов, которых они ставят впереди [войска] во время своих походов. Тюрки боятся их нападений и опасаются их силы; они воздерживаются от причинения ущерба их стране и привозят в Син много товаров, которыми они располагают: шерсть, масло, мед; много оружия и снаряжения: кольчуги, броня, щит, палица, а также одежда и мускус и другое, в чем сами не нуждаются и чем распоряжают-

ся. По этой причине жители Сина одаривают их и воздерживаются от нападения на них, но постоянно чувствуют себя на стороже.

А что касается страны хирхиз, то эта страна очень плодородная. В ней много текущих рек со стороны Сина. А самая большая река называется Манхаз²⁰. Она многоводная и полноводная, текущая по камням, почти не имеющая стоячих вод, как то бывает в других реках. У них на этой реке находятся мельницы, на которых они мелют рис, пшеницу и другие злаки, так подвергнув их обмолоту, готовят хлеб, а иногда едят в вареном виде – без размола. Они питаются этим. На берегах этой реки растет дерево – алоэ, сладкая бриония. В ней водится рыба, которая называется аш-шатрун, оказывающая влияние на органы размножения. Такое же воздействие, как и ас-саканкур²¹, которая обитает в Ниле, в Египте. Говорят, что рыба имеет мало мяса, без костей и мясо ее слоистое, не имеющее запаха присущего рыбе.

Город, в котором живет правитель хирхизов – укрепленный, с неприступными стенами, ровом и большим валом. Рядом с ним расположен полуостров яхонтов, к которому ведет дорога, связующего его с сушей. Однако этот полуостров окружен круглой горой, на вершину которой трудно подняться. Взобраться на гору можно с большим трудом и усилием. Но никто не может никаким образом спуститься на землю этого полуострова. Говорят, что в нем есть ядовитые змеи, а в его земле – многочисленные камни яхонта. Жители этой местности добывают этот яхонт различными ухищрениями, которые они устраивают. Расстояние между этим городом и морем, окружающим этот полуостров, примерно, три мархали. Все города хирхизов находятся на одной территории, примерно, на три мархали. У них четыре больших города, окруженные и укрепленные. Их жители народ многочисленный, сильный, отважный. Более всего они остерегаются правителя кимаков, потому что он сильный, властный, воюющий со своими соседями. Также в стране хирхизов разводят лошадей, баранов, быков. Их лошади с

короткой шеей, тучные. Они их откармливают для закалывания – для пищи. Большая часть их работы и передвижений осуществляется на быках. Женщины хирхизов выполняют различные работы, а мужчины должны заниматься только пахотой и жатвой. Женщины этой страны связывают груди, чтобы они не были большими. Они благоразумны, сильны, отважны, как мужчины. Они сжигают своих покойников и бросают пепел в реку Манхаз. Те же, которые живут на большом расстоянии от реки, собирают их золу и развевают прах по ветру.

А что касается страны тугузгузов, то у них есть город Хизхиракес²². Между ним и городом хакана – их правителя – один короткий день [пути]. В этом городе много богатства, [развиты] ремесла. В него доставляют много железа, которым затем снабжаются другие области тюрков. От города Хизхиракес до города Надхва – четыре мархали. Город Надхва расположен на большом озере, которое называется Каварис²³. Вода этого озера – пресная. В нем много птиц, откладывающих яйца и выводящих птенцов под водой. Эта птица похожа на удода пестрых цветов. Много тюрков ищет пастбищ у этого озера, из-за большого количества травы и растительности.

От города Надхва до города хакана²⁴ – четыре коротких мархали, населенных кочевниками, переходящими с места на место. От города хакана до города Нашрана²⁵ – а это город большой, в северной стороне, – шесть мархалей. Нашран – город красивый, подчиненный тугузгузам, расположенный на большой реке, оба берега которой плодородны. Скот жителей этого города пасется на берегах этой местности. В этом городе занимаются торговлей, ремеслами. В этой реке имеется камень-лазурит, большое количество которого собирают и отправляют в Хорасан, Ирак и другие страны запада. Здесь кончается наш рассказ о третьем климате десятой части, хвала Аллаху, с начала и до конца. Десятая часть третьего климата – слава Аллаху – закончена. Далее последует первая часть четвертого климата, если пожелает Аллах.

Примечания:

¹ Син (см. комментарий 15 к 9 части 3 климата).

² Сатруба – город страны Син. На карте ал-Идриси указан недалеко от г.Надхва. Отождествить с каким-либо населенным пунктом не удалось.

³ Тугузгузы (см. комментарий 2 к 9 части 3 климата).

⁴ Хирхиз – арабское название киргиз. О.Караев прочитал как хирхир. Легенда о происхождении киргиз упоминается еще в китайском источнике XII-XIII в. «История династии Юань» (Юань-Ши). В Юань-Ши говорится, что этноним киргиз произошел от слов «кырк» (сорок) и «кыз» (девица). Ал-Идриси не точно

описывает расселение киргизов, относящихся к IX-XII вв. Оно не подтверждается письменными источниками. Но у него есть интересные данные о культурном развитии страны X-XII вв.

⁵ Кимаки – тюркская народность, которая обитала в среднем течении Иртыша. Название по основному тексту и по переводу О.Караева совпадают. Кимаки во второй половине X в. уже приблизились к Восточной Европе, и вышли в западное Приуралье. Арабские географы ал-Истахри и Ибн Хаукаль отмечают их кочевья на южном Урале восточнее реки Белая. Они сообщают, что р.Итиль (р.Белая) «течет между Кимакией и Гуззией, затем она выходит к западу по верхнему Булгару» (Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С.193).

Из среды этого народа вышел многочисленный народ кипчаки, называемыми русскими – половцами. Так, по словам Бартольда, с XI в. упоминание об этом народе исчезает (Бартольд В.В. Сочинения. Т.5. С.549). То, что термин упоминается ал-Идриси, по видимому, основывается на письменных источниках до XI в.

⁶ Фергана (см. комментарий 20 к 9 части 3 климата).

⁷ Шаш – историческая местность в Средней Азии в долине р.Чирчик, правого притока Сыр-Дарьи, на которой находилось много городов. Бартольд указывает, что «первоначальное местное произношение «чач», на что указывает правописание персидских источников и китайская транскрипция «чжеши». Буквой «ш» арабы вообще часто передавали звук «ч», которого в арабском письменном языке нет. Впоследствии слово исчезло из народной речи и употреблялось исключительно в литературе, им и объясняется вытеснение народной формы книжною» (Бартольд В.В. Сочинения. Т.3. С.218).

Столицей области был город с тем же названием – Шаш. В древнейших китайских источниках (со II в. до н.э.) упоминается область Чжеши, которая совпадает с районом Ташкента; а также просто «Ши», что значит «камень». Обычно сопоставляют последний с более поздним тюркским названием – таш-камень +кенд-селение. В переводе О.Караева – Шас.

⁸ Таран – арабское название Таласа, города и реки в Средней Азии. В древнейших китайских источниках – Талас. У ал-Идриси (см. комментарий 27 в 9 части 4 климата) упоминается также Тараз. Названия различаются написанием последней арабской буквы слова Таран – «нун» и «за» (достаточно сходное написание). Тем не менее, ал-Идриси (по последнему изданию) различал эти два географических названия.

⁹ Ибн Хордадбех приводит перечень тюркских народов в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»): «тогузгузы – их область самая большая из тюркских стран, они граничат с Сином, Тибетом и карлуками. (Затем) кимаки, гузы, джигиры, печенеги, тюргеши, аргиши, кипчаки, киргизы, у которых есть мускус; карлуки и халаджи, а они по эту сторону реки. А в городе Фаробе находятся (одновременно) отряды мусульман и отряды тюрков-карлуков. Всего городов тюрков -16». Бартольд полагает, что «этот перечень тюркских народностей, по видимому, несколько старше времени Ибн Хордадбега и относится к VIII в. Под тогузгузами арабские авторы первоначально подразумевали часть народа тогуз-огузов, занявшую область Турфана и Кучана в восточной части современной провинции Синь-Цзян; это название арабские и персидские авторы (кроме М.Кашгарского, может быть, ал-Бируни) перенесли на завоевавших еще в VIII в. эту область уйгур. Печенеги в VIII и IX вв. жили между Волгой и Уралом, киргизы занимали верховья Енисея, карлуки жили в горах Тянь-Шаня, на территории современной Киргизии и прилегающей части провинции Синь-Цзян, часть их проникла в Тохаристан (W.Barthold. Tuerken. El. - Gibb memorial series..XI, pp.263-317; Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928).

¹⁰ Харлухи (см. комментарий 3 к 9 части 3 климата).

¹¹ Джакары – тюркская народность; у Бартольда джигиры. Какой народ имеется в виду (чтение предположительное, в рукописях: джфр, джгр, джкр.) – неясно. Де Гук сопоставил его с народом чигиль, по позднейшим сведениям, жившим частью около Тараза [Джамбул], частью к востоку от Иссык-Куля.

¹² Баджанак – наименование печенегов у арабо-персидских авторов, сообщающих об этом тюркском народе начиная с XI в. Ал-Макдиси писал: «Четыре родственных между собой тюрков – баджна, баджанак, баджгурд и нукарда – совершают набеги на земли славян» (Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.). М., 1969. С. 307). А.Х.Халиков полагает, что под именем «баджна» можно усматривать баранджар – болгарское племя, а под именем «нукарда» – нукрат-берсула. «Скорее всего это были потомки населения первой столицы Хазарии – Барсилии города Беренджера – Баранджара-Барачана, разгромленного в 723 г. 737 г. арабами» (Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С.78). К середине XII в. печенеги уже не являлись самостоятельным политическим объединением.

¹³ Туркеши (тюргеши) – тюркский род западных тюрков-огузов. В VIII в., согласно китайским источникам выделился из других десяти родов тюрков-огузов. Тюргеши кочевали между реками Чу и Или. Вскоре после VIII в. они лишились своего могущества. Место тюрков-огузов на берегах реки Чу заняла другая тюркская народность – карлуки. У О.Караева, как и в данном переводе – туркеши. Туркеш следует отождествлять с тюргешами.

¹⁴ Азкеши – тюркская народность. Местопребывание азкишей не установлено. Ал-Идриси, по источникам IX-X вв., помещает их к северо-востоку от Аральского моря; М.Кашгарский пишет об азкишах как о небольшом племени, поселившемся в Узкенде, в Фергане.

¹⁵ Хифшахи – тюркская народность. Возможно, имеются в виду кипчаки (половцы), которые в VIII-IX вв. жили к западу от кимаков.

¹⁶ Халаджи – тюркское племя, тюркское имя было вероятно калач – кал ач: «оставайся голодным» или кал

ач: «оставайся открой». Уже в X в. халаджи жили значительно южнее, чем остальные тюрки, в южной части современного Афганистана; сообщают, что они туда пришли еще «в древние времена» (Абу Исхак ал-Фариси ал-Истахри/ Ed.de Goeje.Lugduni- Batavorum, 1870, s.254), где впоследствии ассимилировались с афганцами. О халаджах всегда упоминается как о наемниках или гвардии иноземных государей (Бартольд В.В. Сочинения. Т.7. С.711). У О.Караева как и в данном тексте – халаджи.

¹⁷ Гузы – арабское обозначение тюркского народа огузы. Так назывался большой народ, который в VI в. объединил все племена от Китая до Черного моря в одну кочевую империю. В орхонских надписях этот народ также называется тогуз-огуз (девять огузов) [арабы называли их тогузгузы]. Следовательно, он делился на девять племенных подразделений, хотя географы X в. называют народ только гуз, не прибавляя к названию числительного (см. комментарий - тогузгузы). Гузы по известиям конца IX-X в. занимали огромную территорию и граничили и с владениями Тахиридов и впоследствии Саманидов по линии: северная граница Каракумов – Хорезм – низовья Сыр-Дарьи; их набеги, а может быть и кочевья, простирались до Атрека. Основные места их обитания находились в нижнем течении Сыр-Дарьи (Абу-л-Касим Ибн Хаукаль./ Ed. de Goeje. Lugduni- Batavorum, 1873, s.393). Название огуз только в монгольское время было вытеснено названием туркмен. У О.Караева – гуры, следует переводить как в данном тексте – гузы.

¹⁸ Булгары (болгары) – собирательное название группы кочевых тюркских племен. Происхождение булгар связано с огурскими (тюрко-угорскими) племенными группами Южной Сибири и Северного Приуралья, заселившими в период Великого переселения народов степи Западного Предкавказья и Подонья. В середине VI в. булгары подчинены Тюркским каганатом. Предположительно, в VIII-IX вв. ряд болгарских племен (баранджары, барсилы, билеры, савиры) переселились из Хазарии в Среднее Поволжье. В конце IX- начале X вв., подчинив местные финно-угроязычные и тюркоязычные племена, образовали государство – Волжская Булгария, наследницей которого явилось Казанское ханство (Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999. С.96).

¹⁹ Абу Касим Абдаллах б. Хордадбех (ок.820-ок.912/13) арабский географ, считается первым автором, от которого до нас дошло географическое сочинение «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»). Он занимал должность начальника почты, много путешествовал, что помогло ему составить труд описательного характера.

²⁰ Манхаз – река киргизов. У О.Караева – Манхар; он полагает, имеется в виду Черный Иртыш или верхние притоки р.Или (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С.32).

²¹ Рассказ о рыбе ас-саканкур принадлежит популярному в арабской литературе жанру рассказов о чудесных диковинках. л-Идриси в своем сочинении неоднократно говорит об этой рыбе.

²² Хизхиракес – второй город страны тугузгузов по величине после Тантабага. В.Григорьев отождествляет его с Гучэну (Григорьев В.В. Землеведение К.Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Восточный или Китайский Туркестан. Вып.2. Дополнения. Отдел II-историко-географический. СПб., 1873.С.225). О.Караев читает его как Хухаракат.

²³ Каварис (Коварес) – озеро страны тугузгузов. В.Григорьев предлагает отождествить озеро Коварес с Лобнором -- высохшем, бессточным озером на западе Китая, в юго-восточной части Кашгарской равнины, на территории Синьцзян-Уйгурского автономного округа (Григорьев В.В. Землеведение К.Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Восточный или Китайский Туркестан. Вып.2. Дополнения. Отдел II-историко-географический. СПб., 1873.С.224). О.Караев предлагает озеро Коварес сопоставить с озером Баркуль – горное озеро в Синьцзяне (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С.29).

²⁴ Город хакана – титул хана тугузгузов. О.Караев отождествляет с развалинами Кара-Кожо (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С.29).

²⁵ Нашран – город страны тугузгузов. На карте ал-Идриси отмечен на северо-востоке от Тантабага, на берегу реки протекающей по земле хирхиров. В прочтении О.Караева – Нашван, который он отождествляет с г.Хами – в Северо-Западном Китае, на востоке Синьцзян-Уйгурского автономного округа (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С.30).

Данный перевод и комментарий послужат источником для развития археологии, поскольку связаны с определением места расселения древних тюркских народов Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Караев О. Земли тогузгузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах / Отв. ред.О.Караев. Фрунзе, 1973. С.4-48.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Москва: Издательство Восточная литература, 2006. 328 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по источникам. Алма-ата, 1972, 155 с.

Dozy R., de Goeje M.J. Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrisi: Texte arabe avec une traduction. Leyde, 1866. P.VI-XXI.

Gunter S. Der Arabische Geograph Edrisi und seine maronitischen Herausgeber // Archiv für die Geschichte der Naturwissenschaften und Technik. Lpz. Bd.I.1909, S.113-123.

La Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P. Amedée Jaubert. Paris, 1836-1840. T.I-II.

Информация об авторе:

Юзеев Айдар Нилович, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Казанский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Казань, Россия); youzeev@yandex.ru

REFERENCES

Karaev, O. 1973. In Karaev, O. (ed.). *Arabo-persidskie istochniki o turkskikh narodakh (Arab-Persian Sources on the Turkic Peoples)*. Frunze: "Ilim" Publ., 4–48..

Konovalova, I. G. 2006. *Al-Idrisi o stranakh I narodakh Vostochnoi Evropy (Al-Idrisi on the Countries and Peoples of Eastern Europe)*. Moscow: "Vostochnaia literature" Publ. (in Russian).

Kumekov, B. E. 1972. Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po istochnikam. (The State of the Kimaks in the 9th – 11th Centuries According to Sources). Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dozy R., de Goeje M.J. 1866. *Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrisi: Texte arabe avec une traduction*. Leyde, P.VI-XXI.

Gunter S. Der Arabische Geograph Edrisi und seine maronitischen Herausgeber // Archiv für die Geschichte der Naturwissenschaften und Technik. Lpz. Bd.I.1909, S.113-123.

La Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P. Amedée Jaubert. Paris, 1836-1840. T.I-II.

About the Author:

Yuzeev Aidar N. Doctor of Philosophy, Kazan branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice". 2-ya Azinskaya Str., 7/A, Kazan, 420088, Russian Federation; youzeev@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

Хроника

УДК 903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.237.255>**ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА
АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАНА В 2021 ГОДУ**

© 2022 г. А.Г. Ситдигов, Р.Р. Саттаров, Г.Ш. Асылгараева

Научно-исследовательская деятельность института осуществлялась по четырем фундаментальным и трем прикладным направлениям. В 2021 году обследованы значительные площади территории Республики Татарстан на наличие объектов культурного наследия. В рамках выполнения государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 гг.)» проведены работы в Астраханской, Волгоградской, Рязанской и Саратовской областях и Республике Калмыкия. Помимо исследований на территории Российской Федерации было совершено два полевых выезда Центральноазиатским отрядом Института на городища Чуйской долины Кыргызской Республики. Ежегодно Институтом издаются два академических рецензируемых журнала: «Поволжская археология» и «Археология Евразийских степей». Важным событием 2021 года стала защита диссертаций в диссертационном совете на базе Академии наук Республики Татарстан по направлению «История и археология».

Ключевые слова. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, археология, фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования, конференции, публикации, выставки, охрана археологического наследия, госпрограмма.

**GENERAL INFORMATION ABOUT THE SCIENTIFIC ACTIVITIES
OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
NAMED AFTER A. KH. KHALIKOV OF THE TATARSTAN ACADEMY
OF SCIENCES IN 2021**

A.G. Sitdikov, R.R. Sattarov, G.Sh. Asylgaraeva

The research activities of the Institute were carried out in four fundamental and three applied fields. Significant territories of the Republic of Tatarstan were studied to identify cultural heritage sites in 2021. In the framework of the implementation of the state program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar people (2020–2024)”, work was carried out in the Astrakhan, Volgograd, Ryazan and Saratov Oblasts, and the Republic of Kalmykia. In addition to studies in the Russian Federation, two reconnaissance field trips were made by the Central Asian team of the Institute to the hillforts of the Chüy Valley in the Kyrgyz Republic. The Institute annually publishes two academic peer-reviewed journals: The Volga River Region Archaeology and Archaeology of the Eurasian Steppes. The defenses of theses at the Thesis Board under the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in the field of History and Archaeology were important events in 2021.

Keywords: archaeology, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, fundamental research, applied research, conferences, publications, exhibitions, protection of archaeological heritage, state program.

Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (далее – Институт) является одним из ведущих археологических академических институтов на территории Европейской части Российской Федерации. Результаты многолетних работ Института охватывают широкий спектр фундаментальных и прикладных исследований (Ситдигов и др. 2015; Ситдигов, Каримов, 2016; Ситдигов, Каримов, 2017; Ситдигов и др., 2018; Бочаров, Асылгараева, 2019; Бочаров и др., 2020; Ситдигов и др., 2021).

В 2021 г. научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Института осуществлялась согласно Государственному заданию и Плану научно-организационной деятельности на 2021 г. Основным источником финансирования НИР в 2021 г. был бюджет АН РТ, на проведение дополнительных научных исследований были привлечены внебюджетные средства, полученные в ходе реализации охранно-спасательных работ. Также финансирование НИР осуществлялось в виде грантов научного фонда РФФИ, фонда

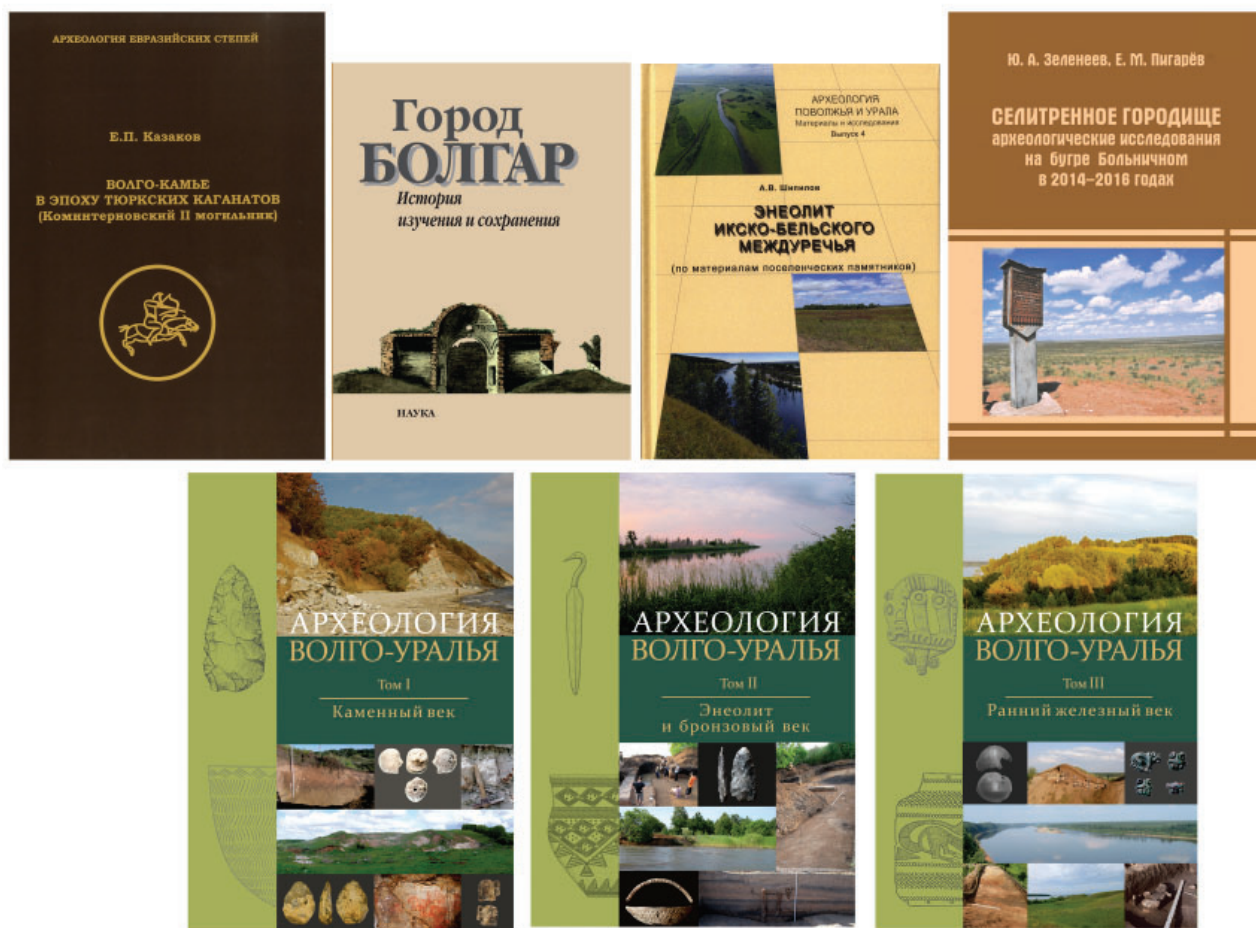

Рис. 1. Обложки монографий, опубликованных сотрудниками Института археологии имени А.Х. Халикова АН РТ в 2021 г.

Fig. 1. Covers of monographs published by the specialists of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in 2021

«История Отечества» и фонда образовательной программы РТ «Алгарыш».

Институт вел научные исследования по нескольким фундаментальным направлениям: «Исследование преемственности и трансформации археологических культур Волго-Уральского региона», «Изучение народов Волго-Уральского региона в системе средневековых цивилизаций Евразии. Великий шелковый путь», «Исследования по археометрии», «Разработка многотомной «Археологии Волго-Уральского региона». В рамках этих направлений сотрудниками Института проводились исследования по 66 темам. В отчетный период опубликовано 7 монографий, 102 статьи и подготовлено 27 научных отчетов, что является свидетельством полного выполнения плановых показателей за 2021 г. (список публикаций за 2021 г. приведен в конце статьи) (рис. 1).

Институтом было проведено 6 научных конференций международного и всероссийского уровней. Проведенные мероприятия были не только крупными дискуссионны-

ми площадками в сфере археологических изысканий, но и стали показателем значительно расширившегося исследовательского диапазона Института по проблемам изучения и сохранения историко-культурного наследия в целом, а также в сфере междисциплинарных исследований. Большой научный и общественный резонанс получила XI Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая» (г. Абакан, 8-11 сентября 2021 г.), которая была организована совместно с такими крупными научными учреждениями как: Институт истории материальной культуры РАН, Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Иркутский государственный университет, Китайский народный университет КНР, Национальный университет Монголии, Северо-Западный университет КНР, Улан-Баторский государственный университет, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Цилинский универ-

Институт истории материальной культуры РАН
 Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН
 Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
 Институт археологии Автономного района Внутренняя Монголия КНР
 Иркутский государственный университет
 Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
 Китайский народный университет КНР
 Музей Автономного района Внутренняя Монголия КНР
 Национальный университет Монголии
 Северо-Западный университет КНР
 Улан-Баторский государственный университет
 Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
 Цилийнский университет КНР

Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири, Северного Китая

XI Международная научная конференция

П Р О Г Р А М М А

8–11 сентября 2021 года

Абакан

Рис. 2. Обложка программы XI Международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая»
Fig. 2. Cover of the program of the 11th International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China”

ситет КНР. Эта конференция продолжила серию научных мероприятий начатых в 2010 году в г. Улан-Удэ. В этом году конференция объединила более 70 исследователей из пяти стран: Китая, Монголии, Венгрии, Казахстана и России. В рамках конференции работали секции: «Историография и методология», «Каменный и бронзовый века Центральной, Восточной и Северной Азии», «Центральная, Восточная и Северная Азия в эпоху средневековья», «Центральная, Северная и Восточная Азия в скифскую и хунно-сяньбийскую эпохи» (рис. 2)

В 2021 году была продолжена работа по созданию семитомной академической «Археологии Волго-Уралья». Это издание объединяет более 20 федеральных и региональных научных и научно-образовательных учрежде-

ний региона, более 100 ученых из 8 регионов Поволжья и Приуралья. Исследование позволяет по-новому взглянуть на сведения археологии и сделать их основой для комплексной реконструкции истории населения Волго-Уральского региона с древности до позднего средневековья. В отчетном году увидели свет первые три тома коллективной монографии: Том I. Каменный век; Том II. Энеолит и бронзовый век; Том III. Ранний железный век (Каменный век, 2021; Энеолит..., 2021; Ранний железный..., 2021). Работа по подготовке остальных томов также завершилась, их издание запланировано на следующий 2022 год.

Основными направлениями прикладных исследований в 2021 г. стали: «Проведение исследований в области археологии.

Рис. 3. Участники торжественной встречи в честь воссоздания Собора Казанской иконы Божией Матери.

Fig. 3. Participants of a formal meeting commemorating the reconstruction of the Cathedral of the Kazan icon of the Mother of God

Формирование фондов музея археологии РТ», «Пополнение геопортала «Культурное наследие Татарстана и татарского народа», «Обеспечение сохранения и использования объектов культурного наследия. Обработка предметов археологии, антропологии, музейных коллекций, научных и музейных фондов. Реставрация и консервация предметов археологии».

Динамика пополнения музейного собрания имеет устойчивую положительную тенденцию. В 2021 г. принято в собрание МА РТ 58 коллекций (16 278 ед.), в том числе 21 коллекция археологии в основной фонд (738 ед.), 1 коллекция нумизматики в основной фонд (76 ед.), 36 коллекций в сырьевой научный фонд (15 464 ед.). Таким образом, по состоянию на 01.11.2021 г. фонды МА РТ включают в себя 257 коллекций (85 576 ед. хранения). Необходимо отметить, что такого количества поступлений уникальных артефактов археологического и историко-культурного наследия не отмечено в других музеях Татарстана.

Институтом ведется работа по созданию единого электронного реестра научных изданий, который позволяет отсортировать материалы по категориям и получать к ним доступ

в максимально короткие сроки. На конец отчетного года в методическом кабинете всего учтено 16045 ед. хранения, в научном фонде всего 3 259 единицы хранения.

В отчетном году проведено 10 экспозиций и выставок. Наибольший общественный резонанс получила выставка в главном здании Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, где широкой публике были представлены археологические предметы, обнаруженные в 2016–2017 в ходе исследований на территории Казанского Богородицкого монастыря. В процессе исследования были обнаружены фрагменты стен, фундаменты, контрфорсы и подвалы собора Казанской иконы Божьей Матери 1799–1808 гг. и др. Результаты исследований археологов легли в основу воссоздания Собора Казанской иконы Божией Матери (рис. 3).

В отчетном году в здании Академии наук Республики Татарстан работала выставка, приуроченная к 30-летию со дня основания Академии наук Республики Татарстан и 100-летию академической науки в Республике Татарстан. На выставке, организованной Институтом, были представлены основные итоги археологических исследований инсти-

Рис. 4. Государственный Советник Республики Татарстан Шаймиев М.Ш. на выставке, посвященной к 30-летию Академии наук Республики Татарстан

Fig. 4. State Counselor of the Republic of Tatarstan Mintimer Sharipovich Shaimiev at an exhibition dedicated to the 30th anniversary of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

туда в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2020 годы)», направленной на проведение историко-археологических исследований средневековых городов и изучение историко-культурного тюрко-татарского наследия за пределами Республики Татарстан (рис. 4).

В 2021 г. в г. Саратове на территории Исторического парка «Россия – моя история» в рамках масштабного проекта «Археологический детектив: увлекательное путешествие в прошлое» проводился фестиваль археологии и реконструкции «Укек». В рамках проекта сотрудниками Института совместно с саратовскими коллегами была подготовлена интерактивная выставка «Археологический детек-

тив», на которой были представлены самые яркие находки, полученные в результате исследований. За два месяца выставку посетило 990 человек, проведено 43 экскурсии.

В отчетном году Институтом была продолжена работа по пропаганде научного археологического наследия Татарстана. Документальный фильм «Тысячелетняя история города Казани», подготовленный Институтом специально для музея «Городская панорама», признан победителем на Международном медиа-фестивале F@IMP (Фестиваль аудиовизуального международного мультимедийного наследия), целью которого является поддержка и популяризация инновационных мультимедийных технологий, инициированных или созданных музеями и учреждениями культуры по всему миру. F@IMP ежегод-

Рис. 5. Награждение победителей Международного медиа-фестиваля F@IMP 2020. Венгерский Национальный музей, г. Будапешт.

Fig. 5. Awarding of the winners of the International Media Festival F@IMP 2020. Hungarian National Museum, Budapest

но организуется Международным комитетом ICOM по аудиовизуальным средствам, новым технологиям и социальным медиа (AVICOM) (рис. 5, 6).

В 2021 г. Музей археологического дерева «Татарская слободка» вошел в число лучших музеев Европы и стал обладателем престижной награды среди музеев – премии «Европейский музей года». На основе исследований археологов Института на территории музея-заповедника «Остров-град Свияжск» был создан Музей археологического дерева «Татарская слободка». На месте работ специалистов Института реализована оригинальная концепция экспонирования археологического раскопа *in situ* (лат. – «на месте») с выявленными элементами городской застройки XVI–XVII веков.

Актуальным направлением научно-исследовательской деятельности Института является создание и постоянное наполнение новы-

ми данными геоинформационного портала «Культурное наследие Татарстана и татарского народа», который является цифровым пространством, созданным для интеграции гуманитарного знания. Он позволяет хранить и анализировать научные исследования и архивные материалы о языке, археологии и истории, материальной и духовной культуре народов Татарстана и Поволжья. Средства портала выполняют функцию обеспечения взаимодействия государственных институтов, экспертных групп и широкой общественности в области культурного наследия. По состоянию на 01.11.2020 г. учтено более 77 000 данных, среди которых 16639 памятников археологии, 1492 архитектурных памятников, 13815 погребальных комплексов, проведено 2717 радиоуглеродных датировок, внесено 1317 отчетов об археологических исследованиях и т.д. (http://archtat.ru/kulturnoye_naslediye_tatarstana/). В этом году

Рис.6. Награда Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ за документальный фильм «Тысячелетняя история города Казани».

Fig. 6. Awarding of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan for the documentary film “The Thousand-Year History of the City of Kazan”

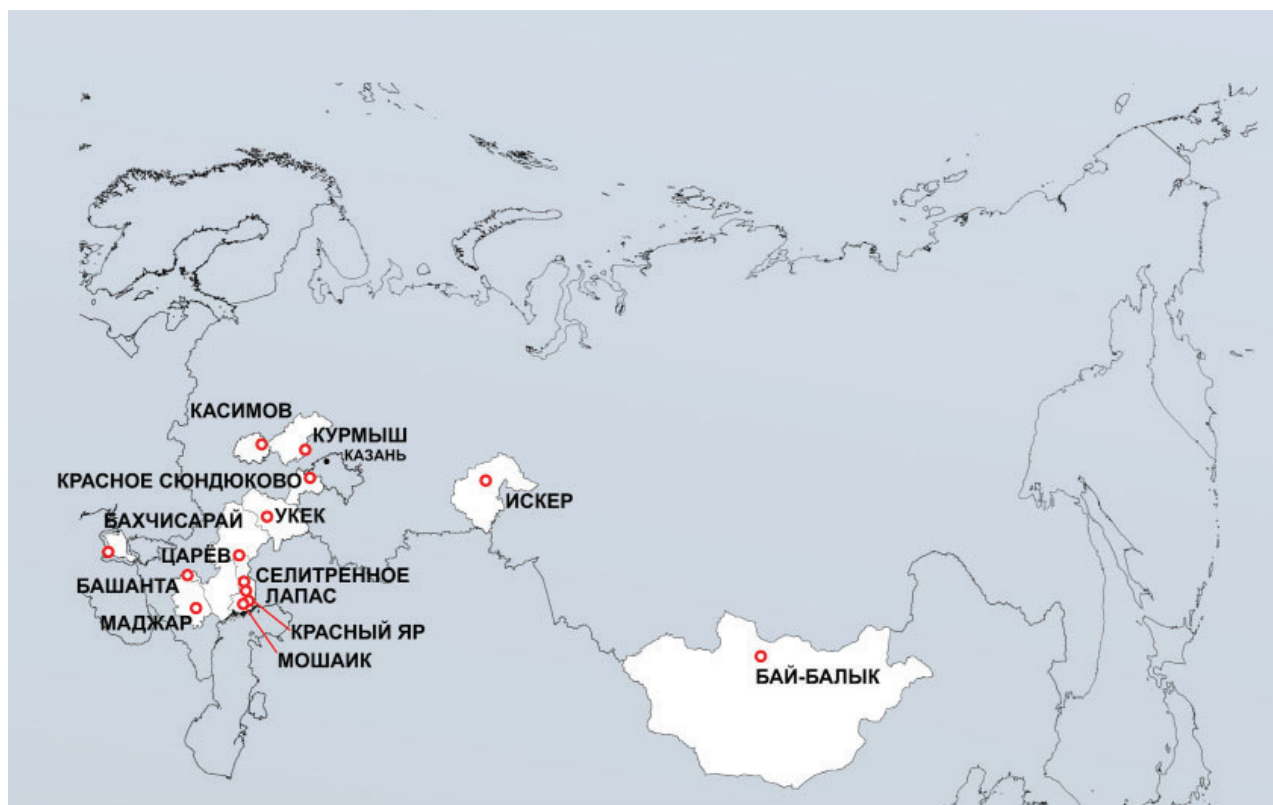

Рис. 7. География исследований Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Fig. 7. Geography of Studies by the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People”

программное обеспечение портала (ArchGIS) зарегистрировано в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (25.08.2021 г.). Получено Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ.

В 2021 г. Институтом осуществлялась активная межрегиональная и международная деятельность. В рамках реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)» в 2021 году проведены работы на городище Увек и поселении Хмелевское (Саратовская область), городище Башанта (Республика Калмыкия), в городе Касимов (Рязанская область), Царевском городище (Волгоградская область), комплексе мавзолеев Лапас и могильнике Посольский, Селитренном городище (Астраханская область) и др. Помимо исследований на территории Российской Федерации было совершено два полевых выезда Центрально-азиатским отрядом Института на городища Чуйской долины Кыргызской Республики. В ходе выездов осуществлены предварительные геофизические исследования на городищах Кен-Булуи, Сретенка, Тюлек и Бурана, которые

позволили выявить возможное местоположение ряда крупных архитектурных объектов. Полевые раскопные работы запланированы на 2022–2023 гг. (рис. 7).

Актуальным направлением деятельности Института является организация и проведение комплексных охранно-спасательных археологических исследований. В 2021 году были обследованы значительные площади территории Республики Татарстан на наличие объектов культурного наследия. Проведены исследования в виде археологических раскопок общей площадью 38152 кв.м. В рамках проведения археологического обследования земельных участков были проведены археологические разведки на площади более 1500 га. Всего в рамках проведения археологических исследований Институтом археологии АН РТ в Министерстве культуры РФ было получено 28 открытых листа (разрешений) на проведение археологических спасательных работ. Усилиями сотрудников Института в значительной степени обеспечивается потребность Республики Татарстан в научных и спасательных археологических исследованиях, историко-культурной экспертизе земельных

Рис. 8. Исследования объекта культурного (археологического) наследия «Поселение Средняя Куланга» в Кайбицком районе Республики Татарстан в 2021 г.

Fig. 8. Studies of the cultural (archaeological) heritage site “Srednyaya Kulanga Settlement” in the Kaybitsky District of the Republic of Tatarstan in 2021

участков, планируемых под хозяйственное освоение (рис. 8).

В отчетном году состоялись заседания диссертационного совета при Академии наук Республики Татарстан по защите кандидатских и докторских диссертаций по направлению «Отечественная история» и «Археология». В этом году состоялись защиты двух кандидатских диссертаций, еще две работы находятся на рассмотрении. Открытие и работа диссертационного совета является важным событием в рамках подготовки кадров высшей научной квалификации.

Важным направлением научной политики Института является интеграция в глобальное образовательное пространство, создание современных образовательных продуктов и программ по международному академическому обмену. Пять сотрудников Института ведут преподавательскую деятельность в Казанском (Приволжском) федеральном университете (КФУ) в рамках профиля «Археология». Реализация этой стратегии нашла отражение

в проведенной совместно с КФУ в отчетном году Итоговой всероссийской (с международным участием) научной конференции Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. В работе конференции приняли участие 79 учёных-археологов, помимо сотрудников Института, это исследователи, представляющие научные центры Российской Федерации (Астрахань, Барнаул, Йошкар-Ола, Москва, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Севастополь, Чебоксары), ближнего (Казахстан) и дальнего (Монголия) зарубежья, активно сотрудничающие с археологами Татарстана.

Ежегодно (начиная с 2014 г.) совместно с КФУ проводится ежегодное научно-образовательное мероприятие – Международная археологическая школа (Ситдииков и др., 2014; Ситдииков и др., 2015; Айтуганова и др., 2016; Воробьева, Голубева, 2019а; Воробьева, Голубева, 2019б). Целью организации школы является консолидация отечественных и зарубежных научных и образовательных

Рис. 9. Участники VIII Международной археологической школы в Болгаре
Fig. 9. Participants of the 8th International Archaeological School in Bolgar

ресурсов для внедрения новейших достижений мировой науки в практику изучения и сохранения историко-культурного наследия народов Евразии. Школа ориентирована на потребности молодых учёных в знакомстве с новыми методами, представлении актуальных данных и коллаборации. Мероприятие традиционно проходило на базе Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника. В этом году занятия VIII Международной археологической школы проходили в рамках трёх научно-практических направлений: «Археометрия», «Палеоантропология» и «Методы комплексных археологических исследований в изучении взаимодействия человека и окружающей среды». Участниками стали 34 человека: студенты и молодые учёные из 15 городов и населенных пунктов России, Беларуси, Казахстана и Молдовы. По итогам работы археологической школы участникам были предоставлены сертификаты и возможность публикации в очередном номере рецензируемого журнала «Археология евразийских степей» (рис. 9).

Ключевым направлением научно-исследовательской деятельности Института является издание журналов «Поволжская археология» (индексируется в SCOPUS, ВАК) и «Археология Евразийских степей» (индексируется

в ВАК). На страницах журнала «Поволжская археология» нашли отражение многоаспектные исследования в области изучения евразийских древностей в самом широком временном и территориальном диапазоне. В отчетном году было издано 4 номера журнала, в котором опубликовано 70 статей общим объемом 62,4 а.л. 26 мая 2021 г. научный журнал включен в базу Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science. Целью проекта RSCI является выделение лучших российских журналов в РИНЦ и размещение их на платформе Web of Science в виде отдельной базы данных Russian Science Citation Index. Индексация в этой базе способствует идентификации взаимных цитирований между публикациями в Web of Science и RSCI, что позволяет значительно улучшить видимость российских научных журналов в международном информационном пространстве.

Международный научный журнал «Археология Евразийских степей» (АЕС) – один из научных приоритетов Института. Приоритетными задачами издания являются публикации результатов археологических исследований, в числе которых комплекс археологических и естественнонаучных, а также актуальных историографических материалов. В отчетном году издано 6 номеров журнала, в кото-

Рис. 10. Награждение г.н.с. отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Ф.Ш. Хузина государственной медалью Республики Татарстан «За доблестный труд»

Fig. 10. Awarding of the Chief Research Associate of the Department of Medieval Archaeology of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan F. Sh. Khuzin with the State Medal of the Republic of Tatarstan “For Valorous Labour”

ром опубликовано 137 статей и 1 монография общим объемом 100 а.л. В отчетный период журнал «Археология евразийских степей» расширил перечень реферативных баз данных (CrossRef (DOI), Index Copernicus, World's Largest Library Catalog, Ulrich's Periodicals Directory, ROAD), в которых индексируется. Кроме того, в этом году подготовлена заявка на включение журнала в международную базу данных SCOPUS.

В 2021 г. сотрудники Института были удостоены различных республиканских наград, что является высокой оценкой научной деятельности Института. Начальник Института А.Г. Ситдиков удостоен звания лауреата Макариевской премии Фонда памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), а также был награжден Благодарственным письмом Государственного Советника РТ за особый вклад в воссоздание собора Казанской иконы Божией Матери. Главный научный сотрудник отдела средневековой археологии Ф.Ш. Хузин награжден государственной медалью Республики Татарстан «За доблестный труд» (рис. 10.). Памятным знаком «100 лет образования Татарской

АССР» награждены: В.С. Баранов, старший научный сотрудник Музея археологии РТ; М.Г. Галимова, зав. отделом первобытной археологии; А.М. Губайдуллин, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии; Д.Г. Мухаметшин, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии; А.А. Чижевский, старший научный сотрудник отдела первобытной археологии. Старший научный сотрудник Музея археологии РТ Д.Г. Бугров и научный сотрудник отдела охранных исследований Ф.А. Ахметгалин поощрены Благодарственными письмами Президента Академии наук Республики Татарстан. Младшему научному сотруднику Музея археологии РТ А.И. Хазиеву объявлена благодарность президента Академии наук РТ за достойный вклад в деятельность Совета молодых ученых Академии наук РТ.

Таким образом, уровень выполнения научно-исследовательской работы в отчетном году соответствует уровню ведущих российских научных центров и научных школ (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Новосибирск). В предстоящем 2022 году представляется важным и целесообразным направить основные усилия

ученых Института на дальнейшую организацию работы междисциплинарных исследовательских коллективов по завершению приоритетных научных проблем, а также на координацию региональных авторских коллективов по завершению подготовки к изданию томов многотомного издания «Архе-

ология Волго-Уралья». Не менее актуальным остается продолжение комплексных, охранно-спасательных исследований, камерального изучения артефактов и создание культурно-хронологических схем, отвечающих современным требованиям археологической науки.

ПУБЛИКАЦИИ ИНСТИТУТА

Монографии:

Город Болгар: История изучения и сохранения / Отв. ред. А.Г. Ситдилов. М.: Наука, 2021. 271 с., ил.
Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов (Коминтерновский II могильник). Книга первая // Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань: Фэн, 2021. 144 с.

Шипилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников // Археология Поволжья и Урала. Вып. 4. Казань: ИА АН РТ, 2021. 358 с.

Зеленев Ю.А., Пигарёв Е.М. Селитренное городище: археологические исследования на бугре Больничном в 2014–2016 годах / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 13. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2021. 156 с.

Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдилова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 676 с.

Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдилова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 728 с.

Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ ред. А.Г. Ситдилова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. 444 с.

Статьи:

Абдуллин Х.М., Сайфутдинова Г.М., Ситдилов А.Г. О картографических материалах как об источнике исторических сведений развития территории и их использовании при определении исторических границ поселений (на примере города Буинск Республики Татарстан) // Геодезия и картография (в печати).

Баранов В.С. Кавалерийская шпора из раскопок Болгарского городища в 2010 г. // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 102–113.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Газимзянов И.Р., Михайлов Е.П., Мясников Н.С., Хамзин Р.Н. Изучение средневекового Большетаябинского могильника в 2018 г. // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 201–217.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Возраст и природное окружение стоянки охотников на лошадей Шолма I в правобережье Волги в Чувашии // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 32–41.

Бугарчев А.И., Петров П.Н., Сингатуллина А.З., Ситдилов А.Г., Шайхутдинова Е.Ф. Булгарские монеты хана Пулада Измерского клада // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 53–64.

Бугров Д.Г., Саттаров Р.Р., Лыганов А.В., Капленко Н.М., Хуснутдинов Э.А. Два памятника пьяноборской культуры на островах Нижнекамского водохранилища // Поволжская археология. 2021. №1 (35). С. 93–113.

Валиев Р.Р. Археологические разведки в Саратовской области в 2018–2019 гг. // АО 2019 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021. (в печати).

Валиев Р.Р. Об одном виде промыслов в Волжской Булгарии // Актуальные проблемы тюркологии: Россия и тюрко-мусульманский мир: X Международная тюркологическая конференция (г. Елабуга, 25 декабря 2020 г.) / Отв. ред. А.З. Нигаматов. Казань: К(П)ФУ, 2021. С. 427–429.

Валиев Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Погребальный обряд Новославского II могильника: археологический и археозоологический аспекты исследования // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 144–146.

Валиев Р.Р., Степанов Р.А. Балымерское селище V: итоги исследований 2019 г. // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 24–42.

Валиулина С.И., Нуретдинова А.Р. Техническая керамика гончарной мастерской Сарая ал-Джедид – Царевского городища // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 79–91.

Вафина Г.Х. Трехмерная визуализация образцов керна слоистых отложений методом фотограмметрии. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2020. Доступно по: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm, (дата обращения 23.01.2021).

Вафина Г.Х., Бездудный В.Г. Способы визуализации результатов геофизических исследований на примере участка Царевского городища Волгоградской области // Археология и геоинформатика. Пятая Международная конференция: ТД / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2021. С. 30–31.

Вафина Г.Х., Овечкина Л.В. Фотограмметрия как средство сохранения и изучения объектов культурного наследия // IX Научно-практическая конференция «Актуальные вопросы геодезии и геоинформационных систем» (Казань, 2–3 сентября, 2020). Казань: Изд-во Казанского университета, 2020. С. 37–42.

Волкова Е.В., Газимзянов И.Р., Кирягин К.В., Калянов В.А. Палеоантропологическое и палеопатологическое исследование населения Нижнего Прикамья рубежа эпох по материалам Ижевского могильника // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 325–337.

Волкова Е.В., Сайфутдинова Г.М. Проектирование базы данных антропологических материалов Фонда биоархеологических материалов Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в составе информационной географической системы «Культурное наследие Татарстана и татарского народа» // Восьмой Международный Сибирский исторический форум. г. Красноярск, 21–23 сентября 2021 г. С. 15.

Вязов Л.А., Гисматулин М.Р., Асылгараева Г.Ш. Изучение археозоологической коллекции городища Ашна-Пандо в Среднем Посурье // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 4. С. 125–140.

Вязов Л.А., Петрова Д.А., Кондрашин В.В. Комплекс предметов вооружения из окрестностей с. Комаровка Ульяновской области: к изучению оружия ближнего боя у населения имениковской культуры // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 99–130.

Вязов Л.А., Пономаренко Е.В., Салова Ю.А., Блинные М.С. Подсечное земледелие на восточной периферии раннеславянского мира: система землепользования в Среднем Поволжье во второй-третьей четвертях I тыс. н. э. // Археологическая конференция. Славяне и их соседи в I тысячелетии н.э. / Ред. И.О. Гавритухин, С. Трифунович, А.Г. Фурасев, Й. Шнеевайс. Нови Сад: Музеј Војводине, 2021. С. 35–37.

Гайнуллин И.И., Усманов Б.М., Абдуллин Х.М., Иванов М.А., Шакиров З.Г. Современные подходы при анализе состояния средневековых городищ в системе управления культурным наследием (на примере изучения Билярского городища и его окружи) // Археология и геоинформатика. Пятая Международная конференция: ТД / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2021. С. 32–33.

Галимова М.Ш., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Каменная индустрия стоянки Гора Маяк в Самарском Заволжье и место в финальном палеолите востока Русской равнины // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020. С. 22–24.

Галимова М.Ш., Березин А.Ю., Березина Н.С., Михайлов Е.П. Стоянка каменного века и палеонтологическое местонахождение у поселка Коминтерн (в районе слияния Камы с Волгой): результаты исследования 2020 года // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 262–279.

Голубева Е.Н., Чижевский А.А. Каменные украшения энеолитических погребений Мурзихинского II могильника // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет. 2020. С. 136–137.

Губайдуллин А.М. Вооружен и очень научен (к 60-летнему юбилею археолога и военного историка Искандера Леруновича Измайлова) // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 8–22.

Губайдуллин А.М. История изучения оборонительных сооружений Болгарского городища // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Великий Болгар – цивилизация на Волге». Ульяновск: Корпорации технологий продвижения, 2020. С. 19–25.

Губайдуллин А.М. О малых болгарских городах // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 19–23.

Губайдуллин А.М. О ранних укрепленных поселениях Волжской Булгарии // Ранние города Волго-Камья и Приуралья: взаимодействие ислама, христианства и язычества / Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVI / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2020. С. 30–36.

Губайдуллин А.М. Редкие китайские керамические импорты из Болгара // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Великий Болгар – цивилизация на Волге». Ульяновск: Корпорации технологий продвижения, 2020. С. 25–47.

Губайдуллин А.М., Иванов М.А., Абдуллин Х.М., Гайнуллин И.И., Гафуров А.М., Усманов Б.М. Использование архивных пространственных данных при анализе истории землепользования территории болгарских городищ Предволжья Республики Татарстан // Региональные геосистемы / Глав. ред. Ф.Н. Лисецкий. Белгород: БелГУ, 2020. Т. 44. № 4. С. 388–403.

Губайдуллин А.М., Хамзин Р.Н. О крепостных сооружениях Свияжска // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 410–417.

Денисов А.В., Саттаров Р.Р., Седова М.С. Сарматские погребения курганного могильника Николаевка I в бассейне р. Самары // Археология ранних кочевников Евразии. Выпуск 2. Самара: СГСПУ, 2021. С. 128–137.

Зоря Р.С. “Прошу защитить меня, в конце концов, просто от физической гибели...”: новые факты к биографии Н.Ф. Калинина // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 66–80.

Зоря Р.С. Археологические наблюдения Н.Ф. Калинина на территории г. Казани в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 2 (50). С. 16–24.

Зоря Р.С. Влияние экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму и Татарстане (1924–1929 гг.) на археологические исследования столицы Казанского ханства // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции (Севастополь, 2-6 июня 2021 г.) / Отв. ред. В.В. Лебединский. М.: ИА РАН, 2021. С. 112–115.

Зоря Р.С. К биографии ученого: деятельность Н.Ф. Калинина во 2-й половине 1930-х – конце 1940-х годов // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2021. С. 30–31.

Зоря Р.С. К истории изучения городов Золотоордынского государства (Археологические исследования и охрана Болгарского городища в 1930-х – 1940-х гг.) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции (Севастополь, 2-6 июня 2021 г.) / Отв. ред. В.В. Лебединский. М.: ИА РАН, 2021. С. 116–118.

Зоря Р.С. Научно-педагогическая работа и организационная деятельность Н.Ф. Калинина в КФАН ИЯЛИ СССР. // Аспирантские чтения – 2021: сборник материалов научно-практической конференции (Казань, 22–23 апреля 2021 г.). Казань: К(П)ФУ, 2021. С. 59–69.

Зоря Р.С. Развитие археологической школы ТАССР в послевоенные годы: фонды казанских архивов // Современные Востоковедческие исследования. 2021. Т. 3. № 2. С. 100–111.

Зоря Р.С., Ситдииков А.Г. Н.Ф. Калинин: изучение и сохранение историко-археологического наследия Болгарского городища // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 346–360.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 261–300.

Иванов М.А., Абдуллин Х.М., Губайдуллин А.М., Гайнуллин И.И. Использование исторических карт для анализа динамики землепользования на территории Волжской Булгарии в пределах Предволжья РТ // Археология и геоинформатика. Пятая Международная конференция: ТД / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2021. С. 48–49.

Измайлов И.Л. Восточное Закамье в IX–XVI веках: этническая ситуация в условиях пограничья // Памяти Иштвана Фодора / Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVIII / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2021. С. 74–93.

Карпов Э.И., Садриев Н.Р. Археологические исследования на территории Гостинодворской церкви в г. Казани, Республика Татарстан // Археологические открытия 2018 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. 2020. Т. 2017. С. 380–382.

Константинов Н.А., Плетц Г., Урбушев А.У., Такпаева В.И. Поселение Кожоло-1 в Центральном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия. Вып. XXVII / Гл. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2021. С. 219–223.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Культуры раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э. / Каталог выставки / Ред. А.Ю. Алексеев, М. Наврот, А. Гасс, Ю.Ю. Пиотровский. Спб.: Чистый лист, 2020. С. 244–255.

Куклина А.А., Андрушкевич О.Ю. К вопросу о режиме обжига общеполгарской керамики домонгольского и раннеордынского времени (по материалам р. СХСII Болгарского городища) // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 64–69.

Куклина А.А., Андрушкевич О.Ю. Особенности отбора и подготовки сырья гончарами Болгара: результаты петрографического анализа // Археология Евразийских степей. 2021 № 4. С. 122–129.

Лебедева Д.В., Пигарев Е.М., Мирсиянов И.Ю. Зооморфные мотивы на керамике Селитренного городища // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 108–116.

Лыганов А.В. К вопросу о выделении поздняковских памятников в Приказанском Поволжье и Западном Закамье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. I. С. 309–310.

Лыганов А.В. Культурно-хронологические комплексы Курманакской IV стоянки в нижнем течении реки Меша // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 29–46.

Лыганов А.В., Вязов Л.А., Пономаренко Е.В., Истомин К.Э., Халимуллина Л.Р. Бикляньское селище начала эпохи Великого Переселения Народов в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 231–247.

Лыганов А.В., Истомин К.Э., Вязов Л.А., Халимуллина Л.Р. Археологические охранно-спасательные раскопки на Мальцевской IV стоянке и Бикляньском селище в Нижнем Прикамье // Археологические открытия 2018 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 378–380.

Лыганов А.В., Чижевский А.А. Погребения луговской культуры Мурзихинского II могильника в приустьевом Закамье // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 298–323.

Макарова А.С., Каплан П.Ю. Реставрация четырех надгробных стел из Ханской усыпальницы Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Международная научно-практическая конференция памяти М.В. Доброклонского «Искусство и наука. Актуальные вопросы образования, исследований и технологий», Санкт-Петербург, 11–13 ноября 2021 (принята в редакцию).

Макарова А.С., Каплан П.Ю., Федан П.В., Котов Р.В. Опыт реставрации эпиграфических памятников и архитектурных деталей из фондов БГИАМЗ // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 302–307.

Макласова Л.Э. Разновидности берестяных каркасов «боктаг» (предварительный анализ) // Документ в социокультурном пространстве региона: теория, история и современность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (1-2 июня 2021 года) / Науч. ред.: Л.Е. Савич, А.Р. Абдулхакова. Казань: КазГИК, 2021. С. 299–305.

Макласова Л.Э., Макласов В.Ю., Камалеев Э.В. «Боктаг» из двух погребений Башкир-Беркутовского курганного могильника (предварительный анализ) // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 267–275.

Морозов В.В., Выборнов А.А., Лыганов А.В., Смирнов А.Л. К вопросу выделения памятников татарско-азийского типа в Икско-Бельском междуречье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. I. С. 189–192.

Мухаметшин Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Сравнительный анализ наукометрических показателей журнала «Поволжская археология» // Научные и технические библиотеки. 2021. № 4. С. 73–92.

Набиуллин Н.Г. Исследования в г. Казани и Пестречинском муниципальном районе Республики Татарстан // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 382–383.

Набиуллин Н.Г., Бахматова В.Н. Новые материалы исследований городища Джукетау // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 43–54.

Набиуллин Н.Г., Валиев Р.Р., Гариф Н.Г., Нигаматов А.З., Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г. Слово об Учителе (к юбилею Фаяза Шариповича Хузина) // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 8–10.

Набиуллин Н.Г., Измайлов И.Л. Предметы вооружения из болгаро-татарского города Джукетау // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 80–89.

Набиуллин Н.Г., Храмченкова Р.Х. Междисциплинарные исследования болгаро-татарского города Джукетау // Геоархеология и археологическая минералогия. 2021. Т. 8. С. 169–172.

Набиуллин Н.Г., Шакиров З.Г., Худяков А.В. Новые исследования мусульманских погребальных памятников Билярского комплекса // Актуальные проблемы тюркологии: Россия и тюрко-мусульманский мир: X Международная тюркологическая конференция (г. Елабуга, 25 декабря 2020 г.) / Отв. ред. А.З. Нигаматов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. С. 414–421.

Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды Царевского городища // Археология Евразийских степей. 2021. № 4. С. 130–140.

Оруджов Э.И. Материальная культура Белоглазовского городища (VII–III вв. до н.э.) // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 88–91.

Оруджов Э.И. Материальная культура Макарьевского городища (II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Т II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 99–100.

Пашина Е.В. Особенности развития города-крепости Тетюши в последней трети XVI–XVII вв. (к постановке вопроса) // Политические, социально-экономические и межэтнические процессы в пограничных регионах России в XVI – начале XX вв.: материалы международной научно-практической конференции (г. Уфа, 1-4 июня 2020 г.) / Отв. ред. Р.Г. Буканова. Уфа: Мир печати, 2020. С. 23–34.

Петрова Д.А., Вязов Л.А., Салова Ю.А. Кремации V–VII вв. в Среднем Поволжье: современное состояние изучения // Археолошка конференција «Словени и њихови суседи у 1. милленијуму н. е., Нови Сад, 4-10. Октобар 2021 / [уредници И.О. Гавритухин ... и др.] Нови Сад: Музеј Војводине, 2021. С. 103–105.

Садриев Н.Р., Макласова Л.Э. и др. Собор Казанской иконы Божией Матери. Возрождение. Каталог. Казань: Заман, 2021. 112 с.

Садриев Н.Р., Старков А.С. Нож с клеймом из раскопа «Татарская слободка» на территории Островграда Свяжск // Документ в социокультурном пространстве региона: теория, история и современность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (1-2 июня 2021 года) / Науч. ред. Л.Е. Савич, А.Р. Абдулхакова. Казань: КазГИК, 2021. С. 307–310.

Салова Ю.А., Петрова Д.А., Пономаренко Е.В., Кондрашин В.В. Топливо для кремаций середины I тыс. н.э. Среднего Поволжья // *Stratum plus*. 2021. № 4. С. 109–123.

Саттаров Р.Р., Бугров Д.Г., Лыганов А.В., Капленко Н.М., Хуснутдинов Э.А. Два памятника пьяноборской культуры на островах Нижнекамского водохранилища // *Поволжская археология*. 2021. № 1. С. 92–113.

Саттаров Р.Р., Камалеев Э.В. Неординарное погребение Трикольского могильника в низовьях р. Белой // *Поволжская археология*. 2021. № 3 (37). С. 216–230.

Ситдииков А.Г., Саттаров Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института Археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2020 году // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 1. С. 340–354.

Старостина И.А., Храмченкова Р.Х., Стоянов О.В. Метод удаления консервационного полимерного покрытия с археологических металлических предметов // *Клеи. Герметики. Технологии*. 2021. № 7. С. 38–41.

Трифонов В.А., Шаймуратова Д.Н., Асылгараева Г.Ш., Монахов С.П., Молодцева А.С., Аськеев А.О., Аськеев И.В., Аськеев О.В. Археогеномика доместикации животных Евразии // *Поволжская археология*. 2021. № 1 (35). С. 179–186.

Тулуш Д.К. Городская культура кочевников степной зоны Евразии в эпоху ранних тюрков: к постановке проблемы исследования // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 2. С. 338–345.

Урбушев А.У. О датировании наскальных изображений Сары-Кобы (Центральный Алтай) // *Материалы LXI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых*. Иркутск, 2021. С. 146–147.

Урбушев А.У., Константинов Н.А. Изображения средневековых жилищ на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай) // *Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: материалы XI Международной научной конференции*. Абакан, 2021. С. 243–248.

Урбушев А.У., Константинов Н.А. Каменная плитка со сценами охоты из урочища Ак-Кая (Центральный Алтай) // *Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии (к 300-летию научного открытия Томской писаницы): материалы Международной научной конференции*. Кемерово, 2021. С. 303–309.

Урбушев А.У., Константинов Н.А., Макарова А.С., Лобзова Р.В. Опыт удаления лишайников на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай) // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 6. С. 325–337.

Федан П.В., Храмченкова Р.Х., Мухаметшин Д.Г., Ситдииков А.Г. Химический состав серебряных монет второй половины XIV – первой трети XV в., имеющих хождение в Болгарском улусе // *Археология Евразийских степей*. 2020. № 5. С. 214–226.

Халимуллина Л.Р., Вязов Л.А. Булавки с восьмеркообразными подвижными звеньями в Среднем Поволжье в IV–VII вв. и их возможные прототипы // *Археолошка конференција «Словени и њихови суседи у 1. милленијуму н. е., Нови Сад, 4-10. Октобар 2021 / [уредници И.О. Гавритухин ... и др.] Нови Сад: Музеј Војводине, 2021. С. 105–107.*

Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Михайлов Е.П., Мясников Н.С., Березина Н.С., Березин А.Ю. Археологические разведки на территории Дрожжановского района // АО ИА РАН. М., 2021.

Храмченкова Р.Х., Абдуллин Х.М., Ситдииков А.Г., Каплан П.Ю. Междисциплинарное исследование стеклянных находок с территории Казанского стекольного завода // Сборник материалов международной конференции памяти Ю.Л. Щаповой. 2021. В печати.

Храмченкова Р.Х., Ситдииков А.Г., Кольчугин А.Н., Каплан П.Ю. Археометрические исследования строительных материалов средневековых каменных сооружений Болгарского городища // Геоархеология и археологическая минералогия. 2021. Т. 8. С. 63–68.

Хузин Ф.Ш. Болгар-татарлар тарихы турында яңа китап: Георги Владимиров. Великата България на Волга през средние векове. (София: Просвета, 2019) // Фэнни Татарстан. 2020. № 4 (28). 167–172 бб.

Хузин Ф.Ш. В глубь веков – понять душу народа (к 70-летию профессора Г.М. Давлетшина) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. № 12. С. 199–203.

Хузин Ф.Ш. К вопросу о раннем Болгаре // Актуальные проблемы тюркологии: Россия и тюрко-мусульманский мир. Материалы X Междунар. тюрколог. конф. (Елабуга, декабрь, 2020 г.) / Отв. ред. А.З. Нигаматов. Казань: КФУ, 2021. С. 422–427.

Хузин Ф.Ш. Казан ханлыгының мәшһүр хатыннары турында роман-трилогия: Ольга Иванова. Повелительницы Казани. Нурсолтан. Казан: Татар. кн. изд-во, 2017. 495 с.; Повелительницы Казани. Гаухаршад. Казан: Татар. кн. изд-во, 2019. 382 с.; Повелительницы Казани. Сююмбика. Казан: Татар. кн. изд-во, 2020. 471 с. // Фэнни Татарстан. 2021. № 1 (29). Б. 172–180.

Хузин Ф.Ш. Многогранный талант ученого (Нурулле Гимаевичу Гарифу – 60 лет) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. № 10. Т. 2. С. 162–168.

Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2021. С. 132–133.

Чижевский А.А., Гисматуллин М.Р., Храмченкова Р.Х. Кинжал из Больших Тархан с деталями оформления перекрестия в виде рельефной «запятой» // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 47–61.

Чижевский А.А., Оруджов Э.И. Вятско-ветлужская археологическая культура (гребенчато-шнуровой керамики) АКЦИО // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 8–22.

Шипилов А.В. Актуальные вопросы в изучении галичской культуры в контексте неолитической эпохи Костромского Поволжья // Культурное наследие Галичской земли. Материалы I и II научно-практической конференции / Отв.ред. А.В. Новиков. Кострома: Стандарт Принт, 2020. С. 18–25.

Шипилов А.В. Культурно-хронологические комплексы Берёзовогривско-Алексеевского III поселения в Нижнем Прикамье // Самарский научный вестник. 2021. № 3. С. 165–175.

Шипилов А.В. Ранние этапы заселения Игимской I стоянки в Нижнем Прикамье (по материалам второго раскопа) // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 280–297.

Cordova C.E., Vyazov L.A., Blinnikov M.S., Ponomarenko E.V., Ponomarenko D.S., Sitdikov A.G., Salova Yu.A. Stratigraphy and Paleolithic Landscapes of the Beganichik Site at the Kama-Volga Confluence. In *The Volga River Region Archaeology*. 2021. No. 3 (37). P. 8–21.

Khramchenkova R.Kh., Gubaidullin A.M., Degryse P., Biktagirova I.R., Ogorodnikov A.D., Danilov P.S. The fragment of enameled glass vessel from the Bolgar excavation (Russia). In *The Volga River Region Archaeology*. 2020. No. 4 (34). P. 212–222.

Lebrasseur O., Shaymuratova D.N., Askeyev A.O., Asylgaraeva G., Frantz L., Larson G., Askeyev O.V., Askeyev I.V. A Zooarchaeological and Molecular Assessment of Ancient Chicken Remains from Russia. In *The Volga River Region Archaeology*. 2021. No. 1 (35). P. 216–231.

ЛИТЕРАТУРА

Айтуганова Н.Л., Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе III Международной археологической школы // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 334–339.

Бочаров С.Г., Асылгараева Г.Ш. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2018 году // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 208–228.

Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2019 году // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 196–216.

Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н. Международная археологическая школа и ее место в патриотическом воспитании студенческой молодежи // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории) / Ред. О.Н. Широков, О.Г. Вязова, Н.А. Петров, М.И. Федулов. Чебоксары: Среда, 2019а. С. 95–99.

Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н. О работе VI Международной археологической школы // Археология Евразийских степей. 2019б. № 5. С. 99–112.

Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. 444 с.

Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 676 с.

Ситдиков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе II Международной полевой Археологической школы // Поволжская археология. 2015. №3 (13). С. 264–267.

Ситдиков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18-31 августа 2014г.) // Поволжская археология. 2014. №3 (9). С. 294–303.

Ситдиков А.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2015 г. // Поволжская археология. 2016. № 1 (35). С. 276–290.

Ситдиков А.Г., Каримов И.Р., Асылгараева Г.Ш. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2017 году // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 342–354.

Ситдиков А.Г., Саттаров Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2020 году // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 119–129.

Ситдиков А.Г., Шакиров З.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2014 году // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 241–259.

Ситдиков А.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2016 году // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 330–343.

Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 728 с.

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), ученый секретарь, Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sattarov.rg@rambler.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

REFERENCES

Aytuganova, N. L., Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 334–339 (in Russian).

Bocharov, S. G., Asylgaraeva, G. Sh. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 208–228 (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G., Asylgaraeva, G. Sh. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 31 (1), 196–216 (in Russian).

Vorob'eva, E. E., Golubeva, E. N. 2019. In Shirokov, O. N., Vyazova, O. G., Petrova, N. A., Fedulov, M. I. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii, etnografii i istorii: (k 30-letiiu osnovaniia kafedry arkheologii, etnografii i regional'noi istorii) (Current Issues of Archaeology, Ethnography and History: (Dedicated to the 30th Anniversary of the Department of Archaeology, Ethnography and Regional History))*. Cheboksary: "Sreda" Publ., 95–99 (in Russian).

Vorob'eva, E. E., Golubeva, E. N. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 99–112 (in Russian).

Galimova, M.Sh. (ed.). 2021. *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Chizhesky, A.A. (ed.). 2021. *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 264–267 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 264–267 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Karimov, I. R. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 276–290 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Karimov, I. R. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 330–343 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Karimov, I. R., Asylgaraeva, G. Sh. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 342–354 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Sattarov, R. R., Asylgaraeva, G. Sh. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 119–129 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Shakirov, Z. G., Karimov, I. R. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 11 (1), 241–259 (in Russian).

Chizhesky, A.A. (ed.). 2021. *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 930.25

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.256.268>

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Р.Г. ФАХРУТДИНОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА № 17 МАРТ ИА АН РТ)

© 2022 г. Г.И. Дроздова

В статье дается описание научного фонда известного казанского археолога, ученика А.Х. Халикова, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан – Равиля Габдрахмановича Фахрутдинова. Фонд состоит из 10 описей. Описание 1 включает в себя научно-исследовательские материалы, в описи 2 раскрывается научно-организационная сторона деятельности исследователя, проработавшего все годы в Институте языка литературы и истории Казанского филиала АН СССР – Институте истории АН РТ. Описание 3 включает в себя биографические материалы, описание 4 посвящена переписке Р.Г. Фахрутдинова. В описи 5 содержатся отписки статей, подаренные ему авторами работ. Описание 6 содержит материалы других лиц, оказавшиеся в этом фонде. Описание 7 представлена материалами по разным научным темам, которыми занимался ученый. Описание 8 включает в себя выписки из литературы и других источников для написания научных работ. Описание 9 содержит разные материалы. Описание 10 состоит из публикаций о Р.Г. Фахрутдинове.¹

Ключевые слова: Татарская археологическая экспедиция, Р.Г. Фахрутдинов, Институт языка, литературы и истории КФАН СССР, Институт истории АН РТ.

THE SCIENTIFIC HERITAGE OF R. G. FAKHRUTDINOV (ACCORDING TO MATERIALS OF THE FUND NO. 17 OF THE MUSEUM OF ARCHAEOLOGY OF TATARSTAN REPUBLIC OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A. KH. KHALIKOV

G.I. Drozdova

The article describes the scientific fund of the famous Kazan archaeologist, student of A.Kh. Khalikov, Honored scientist of the Republic of Tatarstan – Ravil Gabdrakhmanovich Fakhrutdinov. The fund consists of 10 inventories. Inventory 1 includes research materials, the 2nd inventory reveals the scientific and organizational side of the researcher's activities, who has worked all the years in the Institute of Language, Literature and History of Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, since 1997 in Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Inventory 3 includes biographical materials, inventory 4 consists of the correspondence of R.G. Fakhrutdinov. The 5th inventory contains prints of articles presented to him by the authors of the works. Inventory 6 contains materials of other persons. Inventory 7 is presented with materials on various topics that the scientist was engaged in. Inventory 8 includes extracts from literature and other sources for writing scientific papers. The 9th inventory contains different materials. Inventory 10 consists of publications about R.G. Fakhrutdinov.

Keywords: Tatar Archaeological Expedition, R.G. Fakhrutdinov, Institute of Language, Literature and History of Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History of the Academy of Sciences of Tatarstan.

Равиль Габдрахманович Фахрутдинов – археолог, историк, доктор исторических наук (1990), заслуженный деятель науки РТ (1997). Он родился 14 марта 1937 г. в деревне Карелино Балтасинского района Республики Татарстан, в 1963 г. окончил Казанский педагогический институт, с 1966 г. работал в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, с 1997 г. – в Институте Истории АН

РТ, с 1992 г. работал в должности ведущего научного сотрудника. Р.Г. Фахрутдинов руководил отрядом Татарской археологической экспедиции, провел сплошное археологическое обследование территории Татарстана, Ульяновской, Самарской области и Чувашской АССР, им было выявлено и исследовано более 1200 памятников. В 1970-2000 гг. он руководил раскопками Камаевского городища и Русско-Урматского селища, был одним

¹ Рамки статьи не позволяют представить полное описание всех описей, поэтому часть описей дается в количественных показателях.

из организаторов Иски-Казанского историко-культурного природного музея-заповедника. Ученым были изданы труды по археологии Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Он являлся участником разработки 6-томной «Археологической карты Республики Татарстан» (1981-1990), в составе авторского коллектива которой был удостоен Государственной премии Республики Татарстан 1994 года. Р.Г. Фахрутдинов был автором учебников и учебных пособий по древней и средневековой истории татарского народа и Татарстана в т.ч. «История татарского народа и Татарстана» (1995), «Татар халкы һәм Татарстан тарихы» (1996; на тат. яз.). В 1997–2006 гг. являлся основателем и главным редактором журнала «Татарская археология». Р.Г. Фахрутдинов неоднократно награждался медалями.

Фонд Р.Г. Фахрутдинова, хранящийся в научном фонде Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ состоит из следующих разделов:

Опись 1. Научно-исследовательские материалы

Материалы студенческих лет

Кандидатская диссертация и материалы к ней

а) документы к защите

Докторская диссертация и материалы к ней

а) документы к защите

Материалы, собранные для кандидатской диссертации в ЛОИА АН СССР

Коллекционные описи материала из ГМТР

Материалы по Пензенской области

Материалы к диссертации

Материалы из Чувашского краеведческого музея

Отчеты по итогам археологических экспедиций и материалы к ним

Опубликованные труды

а) монографии

б) статьи и материалы к ним

в) научные публикации в журналах

г) статьи в газетах

13. Неопубликованные работы

14. Рецензии на рукописи работ Р.Г. Фахрутдинова

15. Рецензии Р.Г. Фахрутдинова на работы других авторов

16. Аннотации

Опись 2. Научно-организационная деятельность

Деятельность в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР в 1960–1996 гг.

Рис. 1. Заслуженный деятель науки Республики Татарстан, доктор исторических наук Равиль Габдрахманович Фахрутдинов

Fig. 1. Honored Scientist of the Republic of Tatarstan, Doctor of Historical Sciences Ravil Gabdrakhmanovich Fakhrutdinov

Деятельность в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ в 1997–2014 гг.

Материалы научных конференций и симпозиумов

Деятельность в Обществе Охраны памятников

Программа «Мирас» Наследие

Деятельность по созданию музеев

Опись 3. Биографические материалы

Личные документы

Прочие документы

Фотографии

Опись 4. Переписка

Письма Р.Г. Фахрутдинова адресатам

Письма адресатов Р.Г. Фахрутдинову

Опись 5. Дарственные надписи разных лиц Р.Г. Фахрутдинову

Оттиски, подаренные Р.Г. Фахрутдинову (по хронологии)

Опись 6. Документы других лиц

Опись 7. Материалы по научно-исследовательским темам

Опись 8. Выписки из научной литературы

Опись 9. Разное

Опись 10. Публикации о Фахрутдинове Р.Г.

ОПИСЬ 1. НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Студенческие работы

Ед.хр. 1. Работа, выполненная студентом 4 курса КГПИ Фахрутдиновым Р.Г. «О характере оборонных укреплений домонгольской Булгарии». 1962. Машинопись (8 л.).

Доклад студента 2 курса исторического факультета КГПИ «Культура мусульманской Испании». Рукопись (7 л.).

Реферат «Разведка археологических памятников по левому берегу реки Камы». Рукопись (14 л.+карта).

Сообщение «Результаты археологической экспедиции КФАН СССР 1960 г.». 1960. Рукопись (9 л., 4 л.).

Студенческая работа «Из исследований архитектурно-археологической экспедиции в город Касимов». 1960. Машинопись (12 л.).

Тезисы доклада. 1960. Машинопись (4 л.).

Конспект по археологии СССР. Палеолит. Тетрадь 1. Рукопись (90 л.).

Конспект по археологии СССР. Тетрадь 2. Рукопись (98 л.).

Ед.хр. 2. Рукопись кандидатской диссертации: «Территория Волжско-Камской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов по археологическим и письменным источникам». 1966. Рукопись (362 л.).

Ед.хр. 3. Вариант рукописи диссертации: 1967. (Без 1 главы). Машинопись. Замечания к работе. Рукопись (7 л.).

Ед.хр. 4. **Документы к защите кандидатской диссертации:** письмо академику И.Г. Петровскому о представлении к защите кандидатской диссертации. 1968. На бланке (1 л. – 2 экз.).

Письмо Н.В. Рындиной (МГУ) с кратким содержанием сообщения на заседании кафедры МГУ от 8.04 с.г. и выписки из отзыва научного руководителя. 18.04.1968. Машинопись. (5 л.).

Письмо председателю Ученого Совета МГУ чл. корр. АН СССР А.В. Арциховскому с заявлением принять диссертацию к защите. 29.03.1968. Рукопись (1 л.).

Выписка из протокола заседания сектора археологии и этнографии ИЯЛИ о рекомендации к защите. 25.03.1968. Машинопись (2 л.).

Выписка из протокола заседания Ученого Совета МГУ о рекомендации на защиту. 19.03.1968. Машинопись. (1 л. – 2 экз.).

Отзыв Г.А. Федорова-Давыдова на диссертацию (офиц. оппонент). Машинопись. (8 л.).

Отзыв Н.Я. Мерперта на диссертацию (офиц. оппонент). Машинопись (6 л.).

Отзыв Г.А. Федорова-Давыдова на автореферат. 3.04.1968. Машинопись. (1 л. – 2 экз.).

Явочный лист членов Ученого Совета МГУ. 28.05.1968. Машинопись (1 л.).

Проект заключения специализированного совета Института археологии АН СССР о диссертации Р.Г. Фахрутдинова, представленной на соискание ученой степени к.и.н. 1968. Машинопись (2 л.).

Текст доклада-выступления на защите. 1968. Машинопись (7 л. - 2 экз., 4 л.).

Ед.хр. 5. Рукопись диссертации на соискание ученой степени д.и.н. «Волжская Булгария (типология и хронология средневековых городищ и поселений. Исторические очерки)». 1980. Машинопись. (426 л.+33 илл.).

Черновой, не полный вариант рукописи диссертации. Машинопись (326 л.).

Ед.хр. 6. **Документы по защите докторской диссертации**

Проект заключения спец. совета ИА АН СССР о диссертации Р.Г. Фахрутдинова «Волжская Булгария / типология и хронология средневековых городищ и поселений». Машинопись (2 л.); внешний отзыв: Ш.Ф. Мухамедьярова, С.Г. Агаджанова. 31.03.1982. Машинопись (5 л.); отзыв В.Ф. Генинга на докторскую диссертацию. Машинопись (29 л. – 2 экз.); отзыв А.Х. Халикова. Машинопись (16 л.); отзыв А.В. Гадло. 6.12.1990. Машинопись (8 л.).

Отзыв Ш.Ф. Мухамедьярова о докторской диссертации. Машинопись (2 л.); отзыв В.Д. Димитриева, П.В. Денисова, М.Р. Федотова. 31.03.1982. Машинопись (7 л.); отзывы на автореферат диссертации И.М. Ионенко, А.Г. Мухамедьярова. 2.04.1982. Машинопись (3 л.); отзыв Х.А. Хизриева на автореферат докторской диссертации. 23.03.1982. Машинопись (2 л.); отзыв М.З. Закиева на автореферат докторской диссертации Р.Г. Фахрутдинова. 25.03.1982. Машинопись (2 л.); отзыв В.Ф. Каховского о монографии Р.Г. Фахрутдинова «Волжская Булгария...», представленной на соискание ученой степени д.и.н. 30.03.1982. Машинопись (14 л.); отзыв Ш.Ф. Мухамедьярова о докторской диссертации.

Ответ профессору А.Х. Халикову по поводу вопросов, поднятых им в письме на имя директора ИА АН СССР. Рукопись (10 л.).

Стенограмма заседания спец. совета Д 002.18.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени д.и.н. при ИА АН СССР. 9.04.1982. Машинопись. (56 л.).

Проект заключения спец. совета ИА АН СССР о диссертации Р.Г. Фахрутдинова

«Волжская Булгария...», представленной на соискание ученой степени д.и.н. 2 л. (3 экз.). Машинопись (2 л. – 3 экз.).

Аннотация докторской диссертации Р.Г. Фахрутдинова «Волжская Булгария (типология и хронология средневековых городищ и поселений. Исторические очерки). Машинопись (2 л.).

Ед.хр. 7. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.и.н. «Волжская Булгария (типология и хронология средневековых городищ и поселений. Исторические очерки)». 1981. 1-й вариант. (44 л. – 2 экз.).

Рукописный вариант автореферата диссертации. 1981. Машинопись (43 л.).

Раздел диссертации «Город Булгар в письменных источниках (политическая история Булгара)». (69 л.). Материалы к главе 1. 1980. Рукопись (7 л.).

Письмо Р.Г. Фахрутдинова (черновик письма) по поводу возникшей ситуации с защитой докторской работы. 1986. Рукопись (2 л.).

Доклад на заседании сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР. 30.10.1980. Машинопись (15 л.).

Ед.хр. 8. **Материалы, собранные для написания кандидатской диссертации**

Рисунки находок (из ЛОИА АН СССР) (4); описания. Рукопись (6 л.); описания с рисунками (22). Материалы из собрания В.В. Гольмстен: карточки с описанием (6), описания с рисунками (6), описания (8), чертежи (на кальке) (5). Выписки из отчетов: П.П. Ефименко. Рукопись (4 л.); В.Ф. Смолина. Рукопись (5 л.); В.В. Гольмстен (14 л.). Описания с рисунками (17). Рукопись (20 л.).

Коллекционные описи материала из ГМТР: описания с шифрами. Рукопись (39 л.).

Материалы по Пензенской области:

Рисунки индивидуальных находок (3), чертежи (на кальке) (3), чертежи (на миллиметровой) (1), зарисовки керамики (73), описание экспонатов Пензенского музея (1 л.).

Рукопись, описание с рисунков из Пензенского музея (2), описания памятников (4 л.), карточки с описаниями (94), фото (1). Выписки материалов 1953, 1955 гг. Рукопись (4 л.).

Ед.хр. 9. Т. 1. **Материалы к диссертации**

Предволжье. Таблица распределения памятников по исследователям. 1967. Рукопись (6 л.).

Краткое описание находок на памятниках Предволжья. 1967. Рукопись. (10 л.).

М. Черемшан. Бассейн левого берега. Краткое описание памятников с находками. 1965. Рукопись (6 л.).

Лепная керамика в болгарских памятниках. 1965. Рукопись (1 л.).

Водораздел Бездны и Утки. Список рисунков. 1965. Рукопись (4 л.).

Рисунки: корчаги с орнаментом (1), топор (1), наконечник стрелы (1) (1967), рисунки индивидуальных находок (на миллиметровой) (4). План Ст. Ромашкино (1). Фото местности. Билярские селища (41).

Предволжье: полевые материалы: Описание. 1960. Рукопись (4 л.).

Из отчетов 60 гг. правый б. Волги. Описание памятников. Рукопись. (8 л.).

Другие области и реки (Горьковская, Рязанская, Пензенская области, Мордовская, Марийская республики); Описания. Рукопись (12 л.); Карточки с описаниями памятников. Рукопись (14 л.).

Ед.хр. 9. Т. 2. Список болгарских городищ. Рукопись (90 л.); Фото городищ (8). Сводная классификационная таблица городищ Волжской Булгарии и Казанского ханства. (8 – 2 экз.), планы городищ (31), план селищ (1), фотопланы (9), фото-таблицы по керамике (2), таблицы по форме и орнаменту керамики (2).

Ед.хр. 9. Т. 3. Описание памятников и находок 1964–1967 гг. Рукопись (130 л.); рисунки находок (на кальке) с памятников. 1964 (9), рисунки находок в таблицах. 1964 (25), 1965 (19). Описания материала с памятников и список таблиц и рисунков. 1965 (13). Рисунки находок (8), список таблиц. Рукопись (14 л.). Таблица с орнаментом и венчиками. 1969. (2 л.). Рисунки находок. 1970. (38). Список таблиц. 1970 (4). Описания подъемного материала с памятников. 1970. Рукопись (98 л.). Рисунки. 1971 (8). Описания подъемного материала с памятников. 1971. Рукопись (16 л.).

Ед.хр. 9. Т. 4. Материалы из Чувашского краеведческого музея

ЧАЭ–58. Выписки из отчета Г.А. Федорова-Давыдова по р. Буле. 1958. . Рукопись (3 л.). Описания с рисунками находок. 1926–1939 (3 л.); описания на карточках. Рукопись (11 л.), таблицы по керамике (4). Описания с рисунками находок. 1956 (13), 1958 (7), 1958–1959 (4).

Б. Янгильдино. Сводная таблица по керамике. 1960 (2), описания с рисунками находок. Рукопись 1961 (6 л.), 1958 (2 л.), 1959–1960 (2 л.). Фото (5). Текст к карте болгарских памятников правобережья Волги. Машинопись. (11 л.).

Б. Янгильдинское селище. Описания с рисунками находок. 1961 (12). Описание. Рукопись (2 л.). Рисунки находок (2).

Яндашево. Описания с рисунками находок. 1958 (9).

Таутовское селище. Описания с рисунками находок. 1956 (5).

Чебоксары. Описания с рисунками находок. 1920–1939 (16); Описания на карточках (67), описания. Рукопись (5 л.). Рисунки (1).

Ед.хр. 9. Т. 5. Список болгарских городищ. Машинопись (61 л.), машинопись, рукопись (82 л.), машинопись (21 л.). Статистические данные по Закамью. 1968. Рукопись (9 л.); по Предволжью. Рукопись (8 л.); по Предкамью. Рукопись (3 л.); по трем географическим районам. Рукопись (1 л.). Список материалов, использованных в подготовке работы. Машинопись (86 л.).

Ед.хр. 9. Т. 6. Материалы к защите: списки использованных работ при подготовке к диссертации. Рукопись (17 л., 46 л.). Список литературы к главе по историографии. Рукопись (14 л., 17 л.).

Источники восточные или о них. Рукопись (3 л.). К главе по историографии. Текст (без начала). Рукопись (8 л.). Списки литературы по границам. Рукопись (12 л.). Выписки к работе. Рукопись (10 л.). Выписки к работе из архива и литературы. Рукопись (13 л.). Карты (3), карта Махмуда Кошгарского. 1960 (1).

Отчеты по итогам археологических экспедиций и материалы к ним

1960

Ед.хр. 10. Материалы к отчету: полевой дневник. 1960. Рукопись (45 л.).

1961

Ед.хр. 11. Материалы к отчету: измерения, нивелировка. 1961.

Правый берег Волги. 1961 (11 л.), р. Раткуль. 1961 (2 л.). Материалы к маршруту от Камского Устья: чертежи (на кальке) (9), (на миллиметровке) (2), паспорта на памятники (5), карточки с описанием памятников (38).

1964

Ед.хр. 12. Открытый лист № 145 на работы в пределах Татарской и Чувашской АССР и Ульяновской области. 1964. На бланке (1 л.).

Ед.хр. 12. Отчет III отряда Татарской археологической экспедиции о разведочных работах, проведенных летом 1964 года в восточных районах Чувашской АССР. 1965 (25 л. – 2 экз.) с илл.

Ед.хр. 13. Материалы к отчету: чертежи (9), рисунок находок (1). Полевой дневник. 1964. Рукопись (51 л.). Письмо из ИА по поводу утверждения Отчета 7.07.1965. На бланке (1 л.). Фотографии к отчету III отряда ТАЭ (по болгарским памятникам). 1964 (16). Письмо

Ф.П. Каховскому со списком археологических памятников, обнаруженных в районе дер. Емелькино. 1964. Машинопись (5 л.). Письмо Степану Петровичу со списком археологических памятников, обнаруженных в районе дер. Савгачево. 1964. Машинопись (5 л.).

1965

Письмо из ОПИ ИА АН СССР об утверждении отчета. 7.07.1965 (1 л.).

Ед.хр. 14. Материалы к отчету: полевые чертежи. ТАССР. Закамье (сплошная разведка М. и Б. Черемшан, Шешма, Зай). 1965 (31). Фотографии. Закамье. 1965 (34). Полевые чертежи. Закамье. Курганы. 1965 (33).

1966

Ед.хр. 15. Отчет о разведочных работах, проведенных в 1966 г. в Куйбышевском районе ТАССР (Булгарское городище и его окрестности). 1975. Машинопись (31 л.).

1967

Ед.хр. 16. Отчет о разведочных работах, проведенных в 1967 г. в Предволжье Татарии. 1975. Машинопись (80 л.).

Ед.хр. 17. Материалы к отчету: чертежи. Предволжье. 1967 (10).

1968

Ед.хр. 18–20. Отчет о работах Заказанского отряда Татарской археологической экспедиции, проведенных в Предкамье ТАССР в 1968 г. 1975. Машинопись (33 л., 29 л. – 2 экз.). Рукопись (46 л.).

Ед.хр. 21. Материалы к отчету: иллюстрации по Биляру. 1968 (21 – 1 экз.; 17 – 2 экз.; 15 – 3 экз.). Описание внешнего города Билярского городища. 1968. Рукопись (12 л.).

Описание восточной половины внешнего города. 1968. Рукопись (12 л.).

Полевые описи с описанием внутреннего города Билярского городища. 1968. Рукопись (16 л., 12 л., 10 л., 18 л.). Фотографии (13).

1969–1970

Ед.хр. 22–23, 23а. Отчет о работах Заказанского отряда Татарской археологической экспедиции, проведенных в 1969–1970 гг. в бассейне Казанки (Татарская АССР). 1976. Машинопись (50 л. – 3 экз.).

Ед.хр. 24. Материалы к отчету: Чертежи. Казанка. 1969 (4); карточки с описанием памятников 1969–70 гг. Рукопись (34 л.); ТАССР. Закамье. Обезд городищ. Чертежи. 1970 (63).

Ед.хр. 25. Отчет о разведочных работах, проведенных в 1970 г. в Закамье Татарии. 1976. Машинопись (204 л. – 2 экз.).

Ед.хр. 26. Материалы к отчету: Чертежи. Обезд Ульяновской области, Камаевское городище, Закамье. (на миллиметровке) (90).

1971

Ед.хр. 27–28. Отчет о разведочных работах, проведенных в 1971 г. в Ульяновской области. 1976. Машинопись (55 л. – 2 экз.).

Ед.хр. 29. Материалы к отчету: Чертежи. Обьезд Ульяновской области. 1971 (21). Дневник с описанием памятников. 1971. Рукопись (50 л.).

1972

Ед.хр. 30–31. Отчет о раскопках Старой Казани (Камаевское городище) в 1972 г. Текст. 1976. Машинопись (15 л. – 2 экз., 48 л. – 1 экз.).

Ед.хр. 32. Материалы к отчету: иллюстрации (20), чертежи (на синьке) – (10), таблицы с рисунками (2), таблица находок из раскопок Камаевского городища (1). Чертежи (6).

1977

Ед.хр. 33–34. Отчет о раскопках Иски-Казани (Русско-Урматское селище) в 1977 г. 1978. Машинопись (49 л. – 2 экз.).

Ед.хр. 35. Приказы по Иски-Казанской археологической экспедиции. 30.09.1977. Машинопись (10 л.).

1979

Ед.хр. 36–37. Отчет о раскопках Иски-Казани (Камаевское городище) в 1979 г. 1980. Машинопись (55 л. – 2 экз., 49 л.).

Ед.хр. 38. Материалы к отчету: дневник с описанием раскопа V. 1979. Рукопись (20 л.). Документация по открытию экспедиции в Иски-Казани. 31.07.1979. Машинопись (17 л.).

1981

Ед.хр. 39–40. Отчет о раскопках Иски-Казани (Камаевское городище) в 1981 г. 1983. Машинопись (48 л. – 2 экз., 24 л.+илл.).

Ед.хр. 41. Материалы к отчету: дневник, полевая опись материала. 1981. Рукопись (60 л.).

1983

Ед.хр. 42–43. Отчет о раскопках Старой Казани (Камаевское городище и Русско-Урматское селище) в 1983 г. 1984. Машинопись (67 л. – 2 экз.).

Ед.хр. 44. Материалы к отчету: дневник, полевая опись. 1983. Рукопись (6 л.). Остеологический анализ А.Г. Петренко по раскопкам городища Камаево в 1983 г. Рукопись (2 л.).

1984

Ед.хр. 45–46. Отчет о раскопках Старой Казани (Камаевское городище) и разведках в бассейне р. Казанки в 1984 г. 1985. Машинопись (44 л. – 2 экз.).

Ед.хр. 47. Материалы к отчету: фото к отчету. 1984 (34). Полевой дневник.

1986

Ед.хр. 48–49. Отчет о раскопках Старой Казани (Камаевское городище) в 1986 г. 1987. Машинопись (41 л. – 2 экз.).

1987

Ед.хр. 50–51. Отчет о раскопках Старой Казани (Камаевское городище) в 1987 г. 1988. Машинопись (29 л. – 2 экз.). Фотоиллюстрации.

1988

Ед.хр. 52–53. Отчет о раскопках Старой Казани (Камаевское городище.) в 1988 г. 1989. Машинопись (27 л. – 2 экз., 23 л.).

Ед.хр. 54. Материалы к отчету: фото (13), чертежи (4), рисунки (2). Копия письма в ОПИ с просьбой выдать открытый лист на раскопки Камаевского городища в 1988 г. 1988. Машинопись (1 л.).

Научные публикации

Монографии

Ед.хр. 55. Т. 1.

Рукопись книги «Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория». 1975. Машинопись (196 л.).

Ед.хр. 55. Т. 2. Вариант рукописи с правками. 1975. Машинопись (154 л.).

Ед.хр. 55. Т. 3. Материалы к книге: Свод археологических памятников Волжской Булгарии (корректурa). Машинопись (С. 87–218.).

Ед.хр. 55. Т. 4. Материалы к книге: Свод археологических памятников Волжской Булгарии (корректурa). Типография (226 с.).

Ед.хр. 55. Т. 5. Корректурa монографии. 1975. Типография (С. 81–200.).

Описания местонахождений памятников Волжской Булгарии и сводные таблицы по памятникам. Рукопись (43 л.). Карта (1). Полевые материалы ТАЭ-60. Описания. Рукопись (4 л.).

Из отчета 60 г. Правый берег Волги (описание памятников). Рукопись (8 л.).

Другие области (описания). Рукопись (12 л.). Карточки с описаниями памятников. Рукопись (26 л.). Паспорт к рукописи 21.06.1973 (1 л. – 2 экз.).

Ед.хр. 55, 56. Т. 1. Очерки по истории Волжской Булгарии. 1984. Машинопись (406 л.).

Ед.хр. 56. Т. 2. Вариант рукописи. 1984. Машинопись (379 л.).

Ед.хр. 56. Т. 3. Корректурa книги. 1984. Типография (С. 9–194.).

Резюме Р.Г. Фахрутдинова на книгу. Машинопись (12 л.); От редакции. Машинопись (12 л.). Иллюстрации (карты) (2). Краткая справка о рукописи монографии «Очерки по

истории Волжской Булгарии». 1979–1982. Машинопись (2 л.).

Письмо С. Плетневой с замечаниями по «Очеркам...». 15.01.1979. Машинопись (1 л.).

Ед.хр. 57. Т. 1. История Татарской АССР в документах и материалах (дореволюционный период). 1987 (118 л.).

Ед.хр. 57. Т. 2–3. Ч. I. Волжская Булгария домонгольского периода. Ч. II. Волжская Булгария в период Золотой Орды. Раздел II. Казанское ханство. Машинопись (163 л. – 2 экз.).

Ед.хр. 57. Т. 4. Раздел III. Татария в составе Российского многонационального государства во второй пол. XVI–XVII вв. и раздел IV. 1987. Машинопись (423 л.).

Ч. I. Татария в период буржуазно-демократической революции. Машинопись (13 л.).

Ед.хр. 58. Т. 1–2. История Татарской АССР в документах и материалах. Машинопись (490 л.). Введение к главе 3. Раздел V. Рукопись (4 л.).

Раздел V. Татария в период разложения кризиса феодально-крепостнического строя. Рукопись (10 л.).

Ед.хр. 59. Археологическая карта Татарской АССР. М., «Наука». 1981. часть рукописи. 1981. (17 л.). Вариант рукописи (238 л.). Полевые чертежи (топографические планы памятников) к Археологической карте (т. 1, 2, 5) (78).

Иллюстрации к I т. Археологической карты (планы, фото) (60).

Список иллюстраций к книге Р.Г. Фахрутдинова «История татар» (на англ. яз.). 2004. Машинопись (5 л.).

Ед.хр. 60. *Учебные пособия:* «Татар халкы һәм Татарстан тарихы» дәреслегенә кертеләчәк рәсемнәр исемлеге. Машинопись (8 л.).

Проспект учебного пособия для средней школы «История Татарской АССР». 1985 или 1989 гг. (?). Машинопись (4 л.).

Проспект учебного пособия для средней школы «История Татарской АССР». Авторы: Сеницына К.Р., Фахрутдинов Р.Г., Кузьмин В.В. 1980. Машинопись (13 л.). Предисловие к учебнику. Машинопись (6 л.). Главы учебного пособия для средних школ «История и культура родного края». 6.11.89. Машинопись (38 л.).

Мондадыр безнең бабайлар. Казан. Рукопись книги. 1991/1992. Машинопись (386 л.).

Научные статьи

Ед.хр. 61. Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Фото. 1965 (5).

Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Закамье Татарии. Советская археология. 1969. № 1. Рукопись (18 л.), машинопись (17 л.).

Ед.хр. 62. Задачи археологического изучения Казанского ханства // Тезисы докладов итоговой научной сессии ИЯЛИ за 1970 г. 1971. Машинопись (4 л., 8 л. – 2 экз.), рукопись (26 л.).

Задачи археологического изучения Казанского ханства // Советская археология. 1973. № 4. Машинопись (20 л.).

Новые городища и укрепления Волжско-Камской Булгарии // Тезисы докладов научной сессии за 1970 г. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР. 1971. Машинопись (4 л.).

К исторической топографии Билярского городища. Вопрос о столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1974. № 2. Машинопись (26 л.).

О столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1974. № 2. Оттиск. (С. 131–143 – 2 экз.).

Еще раз о столице домонгольской Булгарии // Советская археология. № 4. 1975. (С. 71–72 – 2 экз.). Оттиск. Машинопись (16 л.).

Новые археологические памятники Волжской Булгарии // Советская археология. 1978. № 1. Оттиск (С. 216–227).

Об имени и титуле правителя Волжской Булгарии // Советская тюркология 1979. № 2. Оттиск (С. 63–71-2 экз.).

Ед.хр. 63. Исследования болгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970–71 гг.) // Советская археология. 1981. № 1. Оттиск (С. 242–260 – 2 экз.).

Скифские зеркала бассейна Казанки // Советская археология. 1983. № 1. Оттиск (С. 291–293).

Письмо Р.Г. Фахрутдинова в редакцию журнала Советская археология с благодарностью за замечания по поводу статьи «Скифские зеркала...». 10.03.1982. Машинопись (1 л.).

Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // Советская археология. 1984. № 4. Оттиск (С. 90–108). Машинопись (2 л.).

Волжская Булгария и Средняя Азия. ТД. 1985. Машинопись. (3 л.).

Классификация городищ Волжской Булгарии // Советская археология. 1990 № 4. Машинопись (12 л.).

Ед.хр. 64. Иллюстрации к статье: фото. 1990 (2); Рисунки городищ (3).

Золотая Орда и тюркский мир средневековой Евразии // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х т. Казань. Т. 3. 1992. Машинопись (8 л.).

Основные этапы истории и формы государственности татарского народа // Федерализм. 1993. Машинопись (7 л.).

Ед.хр. 65. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова // Татарская археология. 2000. № 1–2 (6–7). Машинопись (5 л.).

Сибиро-алтайский и центральноазиатский миры как прародина тюрков // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск–Омск. 2002. Машинопись (21 л.).

Ед.хр. 66. *Научно-популярные публикации в журналах*

Болгар шәһәрләре // Казан утлары. 1972. № 9. Машинопись (43 л.).

Чишмә жыры // Азат хатын. 1971. № 5. Машинопись (4 л.).

Бугенгегә хезмәт итуче тарих // Азат хатын. 1985. № 10. Машинопись (7 л.).

Айсолтаннар илендә // Азат хатын. 1989. № 10. Машинопись (12 л.).

Татар углы татармын // Казан утлары. 1991. Типография. Отгиск (С. 157–166).

Основные этапы политической и этнической истории татарского народа // Татарстан № 5–6. 1992. Машинопись (12 л.).

Ед.хр. 67. Статьи в газетах: 32.

Ед.хр. 68. Неопределенные работы: 21.

Ед.хр. 69. Неопубликованные работы: 7.

Ед.хр. 70. Рецензии на рукописи работ Р.Г. Фахрутдинова – 5.

Ед.хр. 71. Рецензии Р.Г. Фахрутдинова на работы других авторов – 17.

Ед.хр. 72. Отзывы: 15.

Ед.хр. 73. Аннотации: 15.

Ед.хр. 74. Отзывы на диссертационные работы: 3.

Ед.хр. 75. Планы – проспекты на работы: 4.

Итого: опись №1 содержит 75 единиц хранения (5 ед.хр. в 20 томах).

ОПИСЬ 2. НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ед.хр. 1. *1960-годы*

Перечень внеплановых работ 1968 г. Рукопись (1 л.).

Перечень внеплановых работ 1969 г. Рукопись (1 л.).

Ед.хр. 2. *1970-годы*

Индивидуальный план-отчет. 1970 г. На бланке (4 л.).

Перечень внеплановых работ. 1970 г. Рукопись (2 л.).

Список научных докладов, прочитанных в 1970 г. Рукопись (1 л.).

Список лекций и выступлений за 1970 г. Рукопись (1 л.).

Протокол № 4 заседания Ученого Совета ИЯЛИ АН СССР. Тема: К вопросу о времени возникновения Казани. Доклад. 19.03.1971. Машинопись (7 л.).

Письмо в Совет Министров ТАССР с планом археологических работ на территории Казанского Кремля по исследованию темы «История г. Казани». 30.05.1972. Машинопись (1 л.).

Письмо в дирекцию ИЯЛИ о необходимости привлечения письменных источников Полного собрания русских летописей для решения вопроса о времени возникновения Казани. 28.09.73. Машинопись (1 л.).

Ответ на письмо от главного редактора журнала «История СССР» о публикации статьи «О времени возникновения Казани». 11.11.73. (1 л.).

Перспективный план по теме «История города Казани» на 1973–1980 гг. 1973. Машинопись (2 л.).

Выписка из протокола № 2 заседания Ученого Совета ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР «О проблемах изучения истории г. Казани». 29.01.1974. Машинопись (4 л.).

Протокол № 3 заседания археологической секции при Татарском отделении ВООПИК. 31.01.1974. Машинопись (3 л.).

К 75-летию А.П. Смирнова. 1974. Машинопись (1 л.).

Путевка от общества «Знание» (чтение лекции). 1976. На бланке (1 л.).

Отчет с.н.с. сектора истории ИЯЛИ за 1977 г. 18.10.1977. Машинопись (2 л.).

Справка для дирекции ИЯЛИ КФАН СССР о рукописи «Волжская Булгария и Казанское ханство». 1978. Рукопись (2 л.).

Отчет Р.Г. Фахрутдинова с.н.с. сектора истории ИЯЛИ за 5-летний период работы (с мая 1974 по сентябрь 1979 гг.). 5.10.1979. Машинопись (4 л.).

Путевка от общества «Знание» (чтение лекции). 11.10.1979. (1 л.).

Ед.хр. 3. *1980-е годы*

Протокол заседания редколлегии сборника «История Татарской АССР». 2.07.1980. Рукопись (6 л.).

Предложения по комплексному исследованию проблемы этногенеза татарского наро-

да (татар Среднего Поволжья и Приуралья). 26.05.1980. Машинопись (4 л.).

Письмо в дирекцию ИЯЛИ с просьбой о помощи в организации ремонта школы, предназначенной в дальнейшем для музея. 1980. Машинопись (2 л.).

Отчет Р.Г. Фахрутдинова за 1982 год. 21.10.1982. Машинопись (2 л.).

Выписка из протокола № 15 заседания Ученого Совета ИЯЛИ КФАН СССР о состоянии и задачах исследования проблем этногенеза татар Среднего Поволжья и Приуралья. 10.11.1982. Машинопись (2 л.).

Краткий отзыв об Отчете о научно-исследовательской работе по теме «Основные положения по формированию плана монументальной пропаганды в г. Казани и развитию застройки в сложившихся районах города». 11.03.1985. Машинопись (2 л.).

План работы Первобытной археологической экспедиции на 1986 г. 1986. Машинопись (1 л.).

Список выступлений среди населения в 1986 г. Рукопись (1 л.).

Отчет с.н.с. лаборатории истории ИЯЛИ КФАН СССР о работе в 1986 г. 24.10.1986. Машинопись (3 л.).

Краткие результаты проверки состояния обеспеченности экспедиций ИЯЛИ необходимым оборудованием в полевом сезоне 1987 г. Машинопись (2 л.).

Письмо директору Республиканской детской экскурсионной туристической станции с просьбой оказать помощь силами юных туристов в раскопках Старой Казани. 9.06.87. Рукопись (1 л.).

Справка об ознакомлении членов Иски-Казанской археологической экспедиции с Инструкцией о проведении археологических экспедиций в 1987 г. 29.06.87. Машинопись (1 л.).

Отчет с.н.с. лаборатории истории ИЯЛИ КФАН СССР о работе в 1987 г. 16.10.1987. Машинопись (2 л.).

Научные доклады, сделанные в 1988 г. Рукопись (4 л.).

Путевки о прочитанных лекциях. 1988. На бланке (10 л.).

Решение топонимической комиссии при ИЯЛИ об именовании новообразованного поселка Бугульминского района. 25.01.1988. Рукопись (6 л.).

Тематический план научных исследований на 1989 г. по региональной программе «Наследие». 1989. На бланке (1 л.).

Индивидуальный план НИР на 1989 г. На бланке (2 л.).

Об образовании общественного совета Татарского отделения Всероссийского фонда культуры по научно-организационной подготовке многотомника фундаментальной «Татарской советской энциклопедии» (ТСЭ). 11.01.1989. Машинопись (3 л.).

Устав культурного центра «ТСЭ». 1989. Машинопись (8 л.).

О необходимости образования при ИЯЛИ отдела этногенеза и этнической истории татарского народа. Машинопись (1 л.).

Акт о приеме разделов «Общие сведения о татарском народе», «Проблема этногенеза и этнической истории татар в отечественной историографии». 28.09.1989. Машинопись (1 л.).

Этногенез и этническая история татарского народа (краткая программа разработки проблемы на 1989–2000 гг.). 5.02.1989. Машинопись (3 л. – 2 экз.).

Этногенез и этническая история татарского народа (план-проспект). 5.05.1989. Машинопись (24 л.).

Отчет с.н.с. о работе за 1989 г. Машинопись (3 л.).

Проспект коллективной монографии «Татарский народ: происхождение и развитие». Машинопись (8 л.).

Устав научного центра «Татарская Советская энциклопедия», составленный Р.Г. Фахрутдиновым. 9.09.1989. Машинопись (7 л. – 2 экз.).

Ед.хр. 4. 1990-е годы

Отчет о проверке работы отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ АН СССР за 1990 г. 29.10.91. Машинопись (3 л.).

Распоряжение Совета министров ТАССР в целях разработки проекта программы создания национального историко-культурного и природного парка на территории Западного Закамья и туристического маршрута. Образовать рабочую группу. 31.01.1990. Машинопись (2 л.).

Отчет с.н.с., д.и.н. о научно-исследовательской работе за 1991 г. 20.12.1991. Машинопись (2 л.).

Индивидуальный план с.н.с. на 1992 г. 13.02.1992. На бланке (3 л.).

Отчет о работе с.н.с., д.и.н. КНЦ РАН Р.Г. Фахрутдинова за 1992 г. Рукопись (4 л.), машинопись (1 л.).

Отчет ведущего научного сотрудника Р.Г. Фахрутдинова о работе за 1993 г. 21.10.1993. Машинопись (3 л.).

Отчет комиссии ИЯЛИ КНЦ РАН по обследованию состояния разработки темы «Этнографический атлас татарского народа». 25.01.1993. Машинопись (6 л.).

Индивидуальный план-отчет на 1993 г. 12.01.1993. На бланке (4 л.).

Отчет ведущего научного сотрудника за 1993 г. Машинопись (3 л.).

Индивидуальный план ведущего н.с. на 1994. 27.01.1994. На бланке (5 л.).

Отчет ведущего научного сотрудника Р.Г. Фахрутдинова о работе за 1994 г. 1.10.1994. Машинопись (1 л.).

Отчет ведущего научного сотрудника Р.Г. Фахрутдинова о работе за 1995 г. 30.10.1995. Машинопись (2 л.).

Индивидуальный план с.н.с. на 1996 г. 11.01.1996. На бланке (3 л.).

Список населенных пунктов, охваченных экспедицией. Рукопись (2 л.).

Маршрутный лист экспедиционного отряда ИЯЛИ по изучению памятников истории и культуры на территории РТ. 6.11.1996. Рукопись (4 л.).

Индивидуальный план ведущего н.с. на 1997 г. 17.12.1996. На бланке (3 л.).

Регистрационная карта на монографию средневековой истории татарского народа на основе исторических источников и данных смежных наук (археологии, этнографии, языкознания, фольклора). С 94–97 гг. На бланке (2 л.).

Индивидуальный план ведущего н.с. на 1998 г. 13.01.1998. На бланке (1 л.).

Индивидуальный план ведущего н.с. на 1999 г. 14.01.1999. На бланке (3 л.).

Ед.хр. 5. 2000–2010 гг.

Индивидуальный план главного н.с. на 1998 г. 1.02.2001. 5 л. На бланке.

Отчет о научной деятельности главного н.с. отдела этнологии Р.Г. Фахрутдинова за 2009 г. Машинопись (4 л.).

Индивидуальный план на 2010. На бланке (2 л.).

Ед.хр. 6. Материалы научных конференций и симпозиумов. Тезисы докладов и доклады.

Ед.хр. 7. Деятельность в Обществе охраны памятников

Распоряжение Президиума АН о состоянии и мерах улучшения охраны памятников и культуры. 17.08.1966. Рукопись (10 л.).

Решение Исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся ТАССР «О состоянии и мерах улучшения охраны памят-

ников истории и культуры». 14.10.1966. Рукопись (копия) (6 л.).

Устав ВООПИК. 6.07.1966. Типография (8 с.).

Письмо председателю исполкома Старо-Ильдеряковского сельского Совета об охране памятников. 31.05.1968. Рукопись (копия). (2 л.).

Черновики о деятельности ВООПИК. 30.12.1968. Рукопись (2 л.).

Устав ВООПИК. М., 1969. Типография (19 с.).

Письмо председателю Татарского отделения ВООПИК т. Б.М. Гизатуллину о выделении финансов на консервацию археологических памятников. 15.05.1969. Машинопись (2 л. – 2 экз.).

Вырезка из газеты «Сельская Новь» № 67 со статьей В. Волкова «Бережно хранить памятники старины». 7.06.1969. Типография (1 л.).

Акт проверки археологических памятников в д. Ст. Ильдеряково. 29.06.1970. Машинопись (1 л.).

Записи о состоянии надгробных камней в д. Новое Ильдеряково. 1970. Рукопись (1 л.).

Паспорт. Гоголихинское селище. Алексеевский район ТАССР. 26.09.1972. Машинопись (2 л.).

Рекомендации по созданию первичных организаций ВООПИК и организации их деятельности для руководства. 2.09.1973. Типография (21 л.).

Устав ВООПИК. М., 1973. Типография (29 с. – 2 экз.).

Протокол №2 заседания секции археологии при Президиуме Татарского отделения ВООПИК. 4.04.1974. Машинопись (3 л.).

План работы секции археологии Татарского отд. ВООПИК на 1974 г. 4.04.1974. Машинопись (1 л.).

Список членов секции археологии, ответственных за проверку состояния работы районных отделений общества. 5.04.1974. Машинопись (1 л.).

Приказ по Татарскому отделению ВООПИК о командировании для проверки работы и помощи в Балтасинский район. 8.04.1974. Машинопись (1 л.).

Отчет о проделанной работе по проверке и оказанию практической помощи Балтасинскому районному отделению ВООПИК. 25.04.1974. (3 л.).

Рабочий план проверки районного отделения Общества (Балтасинский р-н). 1974. Машинопись (2 л.).

Паспорт. Дом деревянного зодчества в г. Балтаси. 11.10.1975. (2 л.).

План работы секции археологии Татарского отделения ВООПИК на 1976 г. Машинопись (1 л.).

Письмо в министерство культуры ТАССР о необходимости составления паспортов на памятники специалистами 24.02.1976. Машинопись (1 л.).

Закон СССР об охране и использованию памятников истории и культуры // Правда. 31.10.1976. Типография (3 л.).

Письмо в Президиум республиканского Совета Татарского отделения ВООПИК с просьбой выделить средства для проведения охранно-спасательных работ в 1976 г. в зоне Куйбышевского водохранилища. 24.02.1976. Машинопись (1 л.).

Письмо Р.Г. Фахрутдинову с просьбой высказать свои соображения по проекту закона. 4.08.1976. На бланке (1 л.).

Протокол заседания Секции археологии Татарского отделения ВООПИК 20.02.1976. Машинопись (7 л.).

Список памятников, нуждающихся в реставрации. Машинопись (3 л.).

Словник для составления паспортов на археологические памятники в г. Казани. 30.03.1976. Машинопись (2 л.).

Письмо в Президиум республиканского Совета Татарского отделения ВООПИК с просьбой о выделении денег для производства ремонтно-реставрационных работ. 15.08.1977. Машинопись (1 л.).

Письмо председателю Татарского отделения ВООПИК т. М.Х. Хасанову о выделении средств на установку досок на охрану памятников и выделении средств для проведения реставрационных работ. 15.08.1977. Машинопись (1 л.).

Статья Р.Г. Фахрутдинова «Памятникам истории и культуры – заботу, внимание!». 5.01.1977. Машинопись (5 л.).

Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». М. 1979. Типография (22 с.).

Рабочий план проверки работы районного отделения Общества. Машинопись (2 л.).

Берегите памятники археологии Татарии. Рукопись (9 л.).

Письмо в Фонд СОРОСА ак. Б.В. Раушенбаху о выделении средств для создания национального историко-архитектурного музея-заповедника в Татарии. 25.06.1990 (1 л.).

Ед.хр. 8. Программа «Наследие» (Мирас) – 14 документов.

Ед.хр. 9. Деятельность по созданию музеев

Положение о конкурсе на лучший школьный музей Татарской республики. Декабрь. 1976. Машинопись (2 л.). Научная концепция раздела «Средневековые национальные государства татарского народа» музея истории государственности. 90-е гг. Машинопись (8 л.); тематическая структура раздела. 12.10.1992. Машинопись (10 л.).

Ед.хр. 10. Общественная работа

Выписка из протокола заседания президиума правления Татарского отделения Всероссийского фонда культуры (об учреждении центра по Татарской советской энциклопедии). 1989. Рукопись (1 л.).

Решение топонимической комиссии при ИЯЛИ КФАН СССР об именовании новообразованного пос. Бугульминского района. Январь 1988. Рукопись (6 л.).

Итого: опись № 2 содержит 10 единиц хранения.

ОПИСЬ 3. БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Личные документы

Ед.хр. 1. Личный листок по учету кадров. 16.12.1981. Рукопись (2 л.).

Ед.хр. 2–14. Почетные грамоты – 9.

Прочие документы биографии

Ед.хр. 15. Отчет старшего научного сотрудника ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН. д.и.н. Р.Г. Фахрутдинова. 30.04.1992. Машинопись (1 л.).

Ед.хр. 16. Отчет об опубликованных работах гл.н.с., д.и.н., гл. редактора журнала «Татарская археология» Р.Г. Фахрутдинова за период с 1991 по 2001 гг. (11 лет). 2.07.2001. Рукопись (7 л.).

Ед.хр. 17. Список научных трудов с 1962–1981 гг. 10.12.1981. Машинопись (6 л.).

Ед.хр. 18–19. Характеристика на м.н.с., к.и.н. Р.Г. Фахрутдинова. 25.04.1974. Машинопись (2 л.), на с.н.с от 28.10.1975. Машинопись (2 л.).

Ед.хр. 20. Список научно-популярной и художественной публицистики Р.Г. Фахрутдинова. 1965–1982. Машинопись (2 экз.).

Ед.хр. 21. Выездное дело. Справка для поездки в США. 1990. На бланке (1 л.).

Итого: опись №3 содержит 21 единицу хранения.

ОПИСЬ 4. ПЕРЕПИСКА

Ед.хр. 1. Письма Р.Г. Фахрутдинова адресатам – 2.

Ед.хр. 2. Письма адресатов Р.Г. Фахрутдинову – 6.

Ед.хр. 3. Письма разные – 10.

Итого: опись № 4 содержит 3 единицы хранения.

ОПИСЬ 5. ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ РАЗНЫХ ЛИЦ Р.Г. ФАХРУТДИНОВУ

Ед.хр. 1. Оттиски, подаренные Р.Г. Фахрутдинову – 21.

Ед.хр. 2. Ксерокопии статей – 15

Итого: опись №5 содержит 2 единицы хранения.

ОПИСЬ 6. ДОКУМЕНТЫ ДРУГИХ ЛИЦ

Ед.хр. 1–21. Алишев С.Х., Ахметзянов М.И., Бахтиев Ш.З., Дубровский А.Г., Валеев Ф.Х., Гарзавина А.В., Ишболдин Б., Камбаров И., Каримуллин А.Г., Кокорина Н.А., Кызласов Л.Р., Мухамедьяров Ш.Ф., Мухаметдинов Р.Ф., Плетнева С., Халикова Е.А., Халиков А.Х.

Итого: опись № 6 содержит 21 единицу хранения.

ОПИСЬ 7. МАТЕРИАЛЫ ПО ТЕМАМ НИР

Ед.хр. 1. Биляр. План Билярского городища. 1960–70 гг. (1 л.). Выписки из литературы по Билярскому городищу. Рукопись (27 л.). Фото (4). Записи-черновики по Биляру. Рукопись (5 л.). Карта Биляра (1 л.).

Ед.хр. 2. Болгар. Выписки из литературы о Булгаре. Рукопись (71 л.). Выписка о «Чугуне в Волжской Булгарии». Машинопись (4 л.). Выписки из архивов. 1907 Рукопись (1 л.), 1895 Рукопись (1 л.). Фото (1), карточки (8), таблицы с характеристиками монет (2 л.).

Ед.хр. 3. Булгары-татары.

Справка в Совет Министров ТАССР о названии «татары». 6.11.1981 (1 л.).

Справка в Совет Министров ТАССР о происхождении и распространении названия «татары». 6.11.1981. Машинопись (3 л.).

Ответ на письмо Д.Мухамеджанова о булгарах и татарах. 17.02.1984. Машинопись (5 л.).

Справка в Президиум Верховного Совета ТАССР об этнониме «татары». 3.05.1989. Машинопись (4 л.).

Письмо из Обкома КПСС – рассмотреть письмо от Х.Д. Ахметшина по поводу имени «татары». 29.05.1989. Машинопись (7 л.).

Ответ М.З. Закиева на письмо А.С. Магдеева об этнониме «татары». Машинопись (1 л.).

Выписка из протокола заседания президиума правления Татарского отделения Всероссийского фонда культуры о Татарской энциклопедии. 1989. Рукопись (1 л.).

Ед.хр. 4. Материалы к проблеме этногенеза

Высказывания советских историков, археологов об этносе волжских булгар и татар. Рукопись (3 л.); 17 документов к теме.

Ед.хр. 5. Материалы о Казани

Выписки из газет о Казани (13).

Ед.хр. 6. Национальный вопрос

Вырезки из газет по национальному вопросу. Типография (9 л.).

Итого: опись №7 содержит 6 единиц хранения.

ОПИСЬ 8. ВЫПИСКИ ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Ед.хр. 1–4. 128 наименований публикаций. Вырезки статей из газет по археологии. Типография (6 л.).

Итого: опись № 8 содержат 4 единицы хранения.

ОПИСЬ 9. РАЗНОЕ

Ед.хр. 1. Сообщения о находках и памятниках. Рукопись (4 л.), материалы к фильму. Рукопись (5 л.).

Перспективы преподавания в школе. Основные этапы политической истории татарского народа. Машинопись (3 л.).

Ед.хр. 2. Сообщение о памятниках из газет. Типография (2 л.).

Ед.хр. 3. Фотографии: с надписью «кичкеазан»(8), негатив с археологической картой Волжской Булгарией (1), башни Сююмбике (2), Иски-Казань (для издания) (29), Иски-Казань (15), планы городищ (2), мечетей (12), Болгары (21), фото к публикациям (7), фото неопределенные (41), Билярское городище (60), эпиграфические памятники (к тому I Археологии и этнографии Башкирии) (5).

Ед.хр. 4. О политике. Рукопись (10 л.)

Ед.хр. 5. Методические указания по подготовке материалов Свода памятников истории и культуры народов СССР. 1986. Типография (65 с.). Схематическая карта Казанского ханства XV–XVI вв. (1); Болгарского ханства IX–XIII вв. (1).

Ед.хр. 6. Фильм 1. Сага древних булгар. 5 л. Рукопись (5 л.).

Выписка из постановления Музафарова (зам.начальника 3-го отд. УГБ НКВД Татарии по обвинению Атласова Гауня и др. в преступлениях. 27.03.1937. Рукопись (2 л.).

Мысли о политике. Рукопись (13 л.).

Ед.хр. 7. Национальный вопрос. Заявление о притеснении татар-башкир (язык, экономика и религия) с призывом об объединении тюркских народов СССР. 13.04.77. Машинопись (10 л.).

Устав народной трудовой партии РТ. Машинопись (5 л.).

Письмо о возрождении национальной культуры. Машинопись (3 л.).

Записная книжка (словарь по немецкому яз.). Рукопись (26 л.).

Полевой дневник с записями. 1984. Рукопись (14 л.).

Полевой дневник. 1988. Рукопись (2 л.).

Материалы по художественной самодеятельности в Педагогическом институте. Рукопись (40 л.).

Ед.хр. 8. Газеты со статьями о политике (10).

Ед.хр. 9. Статьи по культуре (6).

Ед.хр. 10. Статьи разные (4).

Итого: опись № 9 содержит 10 единиц хранения.

ОПИСЬ 10. ПУБЛИКАЦИИ О Р.Г. ФАХРУТДИНОВЕ

Ед.хр. 1. Опубликованные материалы о Р.Г. Фахрутдинове. 1960–1978. Машинопись (1 л.).

О Р.Г. Фахрутдинове из газет:

Мостаев Н. “Жырчы”// Хезмэт . 24.07.1973. Типография (2 л.).

Мостаев Н. “Жырчы”// Коммунизмга. 21.07.1973. Типография (2 л.).

Аның дөньясы // Татарстан Яшьләре. 10.02.1973. Типография (2 л.).

Әй, гармун, гармун. 11.11.1980. Типография (2 л.).

Борынгы Болгарда очрашу // Социалистик Татарстан. 1.07.1981. Типография (1 л.).

Файзуллин Р. Замандашым – адашым // Социалистик Татарстан. 14.03.1987. Типография (2 л.).

Бастион на Казанке // Вечерняя Казань. 17.09.1988. Типография (2 л.).

Равиль Габдрахманович Фахрутдинов // Поволжская археология. 2014. № 1 (С. 287–290.).

Итого: опись № 10 содержит 1 единицу хранения.

Итого в фонде № 17: 153 единиц хранения (5 ед.хр. в 20 томах)

Опись 1 – 75 ед.хр., 5 из них в 20 т.; опись 2 – 10 ед.хр.; опись 3 – 21 ед.хр.; опись 4 – 3 ед.хр.; опись 5 – 2 ед. хр.; опись 6 – 21 ед.хр.; опись 7 – 6 ед.хр.; опись 8 – 4 ед.хр.; опись 9 – 10 ед.хр.; опись 10 – 1 ед.хр.

Информация об авторе:

Дроздова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gid27@mail.ru

About the Author:

Drozdova Galina I. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gid27@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.

Статья принята к публикации 01.02.2022 г..

УДК 902/930.1

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.269.277>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

© 2022 г. В.С. Патрушев

В статье представлена история археологического кружка Марийского государственного университета, организованного автором в сентябре 1973 года на историко-филологическом факультете. В 1974 г. организована Археологическая экспедиция Марийского гос. университета и члены кружка с этого времени становились участниками раскопок. В 1975 году благодаря активной работе кружковцев для посещений был открыт Археологический музей. С первых лет велась активная организационная и научно-исследовательская работа. На старших курсах студенты целенаправленно стали изучать статистические методы в археологических исследованиях. Увлеченно готовили доклады на университетские, региональные Урало-Поволжские и всесоюзные студенческие научные конференции, готовили к публикации научные статьи. Многие доклады и публикации отмечены наградами.

Ключевые слова: археологический кружок, Марийский университет, научно-исследовательская работа, полевые исследования.

ARCHAEOLOGICAL CIRCLE OF MARI STATE UNIVERSITY

V.S. Patrushev

The article presents the history of the archaeological circle of the Mari State University, organized by the author in September 1973 at the Faculty of History and Philology. In 1974, the Archaeological Expedition of the Mari State University was organized and the members of the circle from that time became participants in the excavations. In 1975, thanks to the active work of the circle, the Archaeological Museum was opened for visits. From the first years, active organizational and research work was carried out. In their senior years, students purposefully began to study statistical methods in archaeological research. With enthusiasm they prepared reports for university, regional Ural-Volga and all-Union student scientific conferences, fulfilled scientific papers for publication. Many reports and publications have been awarded.

Keywords: archaeological circle, Mari State University, research work, field research.

Начало археологических работ на историческом отделении в Марийском университете совпало с активизацией археологических исследований в Среднем Поволжье в 1970-х годах под руководством талантливого исследователя и организатора, доброго учителя марийских археологов А.Х. Халикова.

В 1972 году был открыт Марийский государственный университет, где автор сумел заинтересовать археологией студентов, а в сентябре 1973 года был организован археологический кружок, который в первые же годы объединил от 20 до 35 активных и творческих студентов. Среди первых кружковцев были известные всем ученые, работники музеев, системы образования. Все они включились в повседневную кропотливую повседневную работу по подготовке Археологического музея университета. Требовалась огромная работа по классификации всех категорий находок, поискам аналогий, датировке предметов, определению культурной принадлежности и др. Вся эта работа требовала полной отдачи сил и способностей. Многим понрави-

лась роль первооткрывателя, все писали свои доклады на конференции и научные статьи. В декабре 1974 года члены кружка И. Кугуелова и Г. Пейсахович, проявившие себя как умелые ораторы и организаторы, будучи студентами 2 курса, выступали с докладами на Первом Поволжском археолого-этнографическом совещании, организованном А.Х. Халиковым в Казанском Филиале АН СССР, и были награждены грамотами (рис. 1).

Кружковцы помогли организовать хранилище археологических фондов, археологический кабинет, библиотеку. К 1975 году на личные средства автора при поддержке студентов-заочников благодаря огромной работе кружковцев был оформлен Археологический музей Марийского государственного университета – единственный музей этого профиля в Республике Марий Эл. Экспонаты музея отражали не только древнюю историю марийского края, но и всего региона лесного Поволжья. Начиная с сентября 1975 года в музее ежегодно проводилось до 100 экскурсий в год для студентов, школьников и учителя-

Рис. 1. Участники Первого Поволжского археолого-этнографического совещания. Организатор совещания – А.Х. Халиков (5-й слева в 1 ряду). Среди участников – члены археологического кружка МарГУ Г.Е. Пейсахович и И.И. Кугуелова со своим руководителем В.С. Патрушевым (5-7 справа в 3 ряду). Казань, 25 декабря 1974 г.

Fig. 1. Participants of the First Volga archaeological and ethnographic meeting. The organizer of the meeting – A.Kh. Khalikov (5th from the left in the 1st row). Among the participants are members of the archaeological circle of MarSU G.E. Peisakhovich and I.I. Kuguelova with her leader V.S. Patrushev (5-7 on the right in the 3rd row). Kazan, December 25, 1974.

лей республики. Автором была подготовлена группа экскурсоводов, проводивших экскурсии по музею. Общее количество посетителей в год доходило до 2000 человек. Однако официально приказом ректора музей был открыт только 7 апреля 1989 года. Материалы археологических экспедиций университета в фондах музея составили основные источники для научных работ студентов. Фонд насчитывает около 90 000 единиц хранения. А.Х. Халиков передал в музей университета материалы раскопок ранних лет Старшего Ахмыловского могильника. Большую помощь оказали научные отчеты автора о полевых исследованиях и его личная библиотека.

Мы с кружковцами упоенно работали до 10–11 часов ночи, включая выходные, над подготовкой материалов археологического музея, над докладами на региональные и всесоюзные конференции, обрабатывали полевые материалы экспедиций. Постоянно обсуждали текущие дела и отчитывались

о проделанной работе (рис. 2). Археологический кружок университета стал центром научно-исследовательской работы студентов-историков. Напряженная работа давала результаты. На секции археологии на научных студенческих конференциях университета выступало до 20–25 студентов, до 6–8 человек выезжали на региональные конференции. На них 2–4 студента получали направления на Всесоюзные студенческие конференции, где 9 человек были награждены высшими наградами – дипломами и правом публикации своих работ. В 1978 году силами кружковцев мы организовали и провели юбилейную X Урало-Поволжскую археологическую студенческую конференцию, в которой приняли участие 123 студента из 26 вузов. Мы одними из первых в регионе активно начали широко использовать математические методы в археологических исследованиях, формировать банки археологических данных (Патрушев, 1991). Для кружковцев автор проводил специальные занятия

Рис. 2. Отчет старосты Т. Ефремовой на заседании археологического кружка МарГУ в «археологическом подвале» историко-филологического факультета. Йошкар-Ола, сентябрь 1979 г.

Fig. 2. Report of the headman T. Efremova at a meeting of the archaeological circle of MarSU in the "archaeological basement" of the Faculty of History and Philology. Yoshkar-Ola, September 1979.

по изучению и освоению математических методов в археологических исследованиях. Поскольку в 1980-е годы не было компьютеров, многие студенты проводили свои вычисления на калькуляторах в течение многих месяцев. В 1984, 1985 и 1987 годах работы наших студентов с использованием статистических методов были отмечены высшими наградами как на уровне нашего университета, так и на Урало-Поволжских и всесоюзных конференциях и признаны лучшими на всесоюзных конкурсах студенческих научных работ (рис. 3).

Важным направлением работы были научные публикации студентов. За весь период работы в университете было подготовлено и опубликовано около 50 студенческих работ по археологии, многие из них в соавторстве с автором (Изыкин, 2010, с. 42–55). Основная научно-исследовательская работа членов археологического кружка была направлена на участие в фундаментальных и прикладных исследованиях по материальной и духовной культуре финно-угров Марийского края эпохи бронзы и начала железного века. Многие студенческие темы НИР были посвящены характеристике этнических процессов, этно-

генезу и культурным связям древнего населения края.

Постепенно усложняется организационная структура нашей археологической деятельности. В 1980-е годы были организованы комплексные темы научно-исследовательских работ возглавляемой автором кафедры всеобщей истории, госбюджетные темы Правительства Марийской республики, РФФИ и программы «Культура России»: «Этнические и социальные процессы у финно-угров» (Грант № 01870002567); «Волжские финны: история и культура» (Грант № 01910056054); «Этногенез и этническая история финно-угров» (Грант № 01940005082); «Финно-угорский костюм в историческом развитии» (Грант № 01940005082); «Исторические судьбы и современность народов Поволжья» и др. Также проводились хоздоговорные работы по договорам с администрациями городов Йошкар-Олы и Козьмодемьянска. В 1989 году удалось организовать Археологическую лабораторию на общественных началах, позже переросшую в Центр археолого-этнографических исследований университета. Хоздоговорная работа с администрацией города по исследованию первого русского города в

Рис. 3. Члены археологического кружка МарГУ, победители на конкурсе научных работ университета за 1984-1985 учебный год со своим руководителем перед зданием историко-филологического факультета. Йошкар-Ола, сентябрь 1985 года.

Fig. 3. Members of the archaeological circle of MarSU, winners in the competition of scientific works of the university for the 1984-1985 academic year with their leader in front of the building of the Faculty of History and Philology. Yoshkar-Ola, September 1985.

Марийском крае завершилась организацией музея истории Кокшайска. Богатый материал раскопок представлен для Музея истории города Йошкар-Олы.

Опыт работы кружка пригодился в организации работы со школьниками. Уже в 1976 году при нашем кружке мы организовали школу юных археологов в Йошкар-Оле, затем Республиканскую заочную школу юных археологов, проводили большую краеведческую работу. Позднее мы открыли археологический кружок при Дворце пионеров г. Йошкар-Ола, которым руководила наша выпускница И.Ю. Смирнова.

Одним из важнейших направлений археологической работы были полевые исследования. В основном проводились исследования памятников эпохи железа и поздней бронзы, ставших классическими для определения культурной принадлежности Старшего Ахмыловского, Пустоморквашинского, Тетюшко-

го могильников, Малахайского, Копаньского, Ардинского городищ, поселений близ Кокшайска с приказанской и текстильной керамикой. Анализ материалов могильников и поселений эпохи поздней бронзы и начала эпохи раннего железа стали основными темами научных работ кружковцев. Положительной традицией стало участие кружковцев во всех полевых исследованиях автора. Они стали главными помощниками в организации быта и раскопок. Довольно часто мы практиковали выезды на полевые исследования разрушающихся памятников. По просьбе А.Х. Халикова для сохранения памятника в ходе строительных работ два года подряд автор с кружковцами выезжал на раскопки Пустоморквашинского могильника. До разрушения постройкой гаража в частных садах на окраине Кокшайска удалось полностью исследовать жилище волосовской культуры на 4 Кокшайской стоянке. Раскопки первых русских городов Марий-

ского края – Кокшайска. Козьмодемьянска, Царевококшайска – мы проводили в основном силами кружковцев. Кроме полевых работ в Марийском крае, проводили исследования в Нижегородской, Костромской, Вологодской областях. Со студентами-кружковцами 4 сезона с 1975 по 1983 гг. работали в экспедициях Института истории АН ЭССР в Эстонии. Только силами кружковцев в сентябре 1989 года по поручению Обкома партии республики провели раскопки на месте захоронений жертв сталинских репрессий на Мендурской дороге вблизи Йошкар-Олы. Перед нами открылась страшная картина: 164 человека были расстреляны палачами 7 августа 1937 г. и захоронены в одной яме в 3 пласта.

С 1992 года под руководством автора стали проводиться совместные Российско-финские экспедиции Марийского университета с университетами Хельсинки и Оулу, где помощниками также были члены кружка. В 1995 году студенты-кружковцы вместе с автором принимали участие в археологических экспедициях университетов Хельсинки и Оулу. Многие кружковцы стали участниками разведочных работ автора в Поволжье, а некоторые кружковцы по Открытым листам проводили самостоятельные разведки на берегах Волги и Ветлуги.

Члены кружка активное участие принимали в проведении ряда конференций. В феврале 2000 г организовали российскую конференцию «Проблемы реконструкции хозяйства по археолого-этнографическим данным», где было представлено 14 докладов кружковцев от эпохи палеолита до Средневековья (Проблемы реконструкции хозяйства..., 2000). В апреле 2002 г. мы провели Российскую археологическую конференцию «Древние этнокультурные связи финно-угров», где выступили с докладами и опубликовали свои доклады 9 кружковцев (Патрушев, 2002, с. 8–14). В феврале 2003 г. на высоком уровне (как отметили гости) провели XXXV Урало-Поволжскую археологическую студенческую конференцию «Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории региона», посвящённой 450-летию вхождения Марийского края в состав России. В сентябре 1993 г. организовали Всесоюзную научную конференцию «Финно-угры России: памятники с ниточно-рябчатой керамикой» (Финны-угры России..., 1993). А в 1993 и 1995 годах – Международные семинары «Методика и методологические

предпосылки археологических исследований» на базе Российско-финских археологических экспедиций МарГУ (Патрушев, 1995, с. 3–5). Студенты-кружковцы активно выступали на всех крупных научных мероприятиях марийского края – Вавиловских чтениях в Технологическом университете, Тарасовских чтениях в Марийском пединституте, Игнатьевских чтениях в Козьмодемьянске. Их доклады были опубликованы.

Поисковая, исследовательская работа, пробуждающая творческую активность самого студента в процессе восприятия нового материала, подготовила людей, нашедших свой путь в жизни.

Вот что пишут выпускники исторического отделения, занимающиеся в студенческие годы в археологическом кружке нашего университета.

С.Ю. Смирнова, кандидат исторических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета:

«...Все студенты, в том числе и мои однокурсники, на целый месяц уехали помогать колхозам убирать урожай. А я с несколькими кружковцами осталась под руководством Валерия Степановича помогать обрабатывать археологический материал: описывать, срисовывать, упаковывать, заполнять бирки к находкам, шифровать и чистить. Это было первое знакомство с камеральной обработкой археологического материала, которая помогла мне проверить свои ощущения. Вот так, скрупулёзно перебирая нескончаемую кучу ещё мало понятных мне черепков, без особой романтики открытий и путешествий, не потеряю ли я интерес к профессии, о которой мечтала? Но ведь рядом был Валерий Степанович, который не просто пояснял происхождение находок, но и показывал сборники и книги с публикациями об этих материалах и культурах, отсылал к фондам наших библиотек, приносил свои издания, предлагал подумать о масштабности исторических процессов, ярко и образно описывал воображаемые детали быта и нравы древних людей...

«Счастлив человек, встретивший своего Учителя», – говорится у разных народов, и это справедливо. Валерий Степанович показывал нам, своим ученикам, пример того, что является главным в науке – постоянное стремление к поиску и доказательности. Его неутомимость в работе поражала нас тогда и вызывает уважение сегодня, когда я уже знаю о многих его открытиях и научных достижениях»

ях. Уверена, что именно это качество Валерия Степановича потрясло тогда меня, молоденькую девушку, больше всего и стало примером служения науке для многих его учеников...

...И вот мы на «зимних» раскопках в Кокшайске по спасению волосовского жилища на месте постройки гаражей в частных садах. Жили в холодном металлическом вагончике. Вечерами, сидя у горячей буржуйки и потягивая чай из железных кружек, мы слушали, как лучшую награду, рассказы Валерия Степановича о находках, предположениях, картинах далёкого прошлого этого края. Никогда ещё история не была такой «вкусной», захватывающей и близкой!

Став полноправным членом студенческого научного археологического кружка, я уже в конце первого курса съездила на первую свою научную конференцию, а затем и в экспедицию. На втором курсе, в феврале 1976 года, подготовив под руководством В.С. Патрушева доклад, выступила на VIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции в городе Куйбышеве, а в мае – на XXIX конференции Горьковского университета им. Лобачевского с темой «Антропоморфные изображения ананьинцев». Конечно, все курсовые работы и диплом тоже писала под руководством Валерия Степановича. А в конце пятого курса я единственная из всех одноклассников, которых обязали писать дипломы по истории (иначе все писали бы по археологии), особым приказом ректора защищалась по археологии...

...Июль 1976 года начался грандиозным полевым праздником, посвящённым вскрытию 1000-го по счёту погребения знаменитого Старшего Ахмыловского могильника. Самым почётным гостем праздника был, конечно, профессор Альфред Хасанович Халиков. Работа по подготовке праздника кипела вовсю!.. Помогли Валерию Степановичу устроить этот грандиозный праздник науки члены археологического кружка Олег Данилов, Саша Рандин, Серёжа Нефёдов, Боря Соловьёв, Толик Скулкин, Володя Бастратов, Радик Ахатов, Петя Новосёлов, Андрей Ярыгин, Серёжа Большов, Володя Сухин, Саша Смирнов...

...Утром пошел дождь. Казалось, само небо плакало, расставаясь с тайной 1000-го погребения, которое, как по заказу, порадовало обилием инвентаря, оружия и украшений. Видимо, это было захоронение огромного мужчины-воина, от костяка которого сохранились только зубы и слабый тлен от черепа...

Могилка оказалась одной из самых богатых на древнем кладбище...

...Зимой 1979 года Валерий Степанович как научный руководитель добился у руководства университета оформления моей научной командировки в Ленинград, в Эрмитаж, для работы с материалами по дипломной теме...

...Уже окончив вуз, я неожиданно оказалась перед выбором. Чтобы продолжать заниматься наукой и быть в археологии, необходимо было участвовать в полевых исследованиях, а работая в школе это было почти невозможно – разве только в личном отпуске. И тогда вновь на помощь пришёл Валерий Степанович. Два месяца подряд он ходил на приём в Министерство просвещения Марийской республики и Управление образования города, убеждая руководство в том, что для выпускницы вуза, «написавшей блестящую выпускную работу по археологии уникального памятника республики», необходимо создать школьное объединение по археологии при Дворце пионеров Йошкар-Олы. В результате археологический кружок был открыт, и началась моя трудовая и даже научная деятельность!

Выбрав в середине своего трудового пути другую профессию, я сохранила в памяти не только огромную благодарность старшему другу с большим добрым сердцем, но и образ Валерия Степановича Патрушева как открытого и искреннего преподавателя. Смотрю сегодня на своих студентов и вспоминаю его тактичность, уважение и неспособность обсуждать их промахи. Это очень помогает! Помня доброжелательность и заботу своего учителя по отношению к нам, у меня тоже нет стремления размахивать «педагогической дубинкой».

Г.В. Рокина, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, заведующая лабораторией гендерных исследований Марийского государственного университета, выпуск 1977 года:

«Первыми моими учителями были Валерий Степанович Патрушев и Александр Германович Симонов. Сегодня, когда я сама работаю со студентами, я могу оценить их огромный вклад в наше профессиональное становление. Целая плеяда марийских археологов воспитана в кружке Валерия Степановича, в легендарном «пятом кабинете». Интерес к научному исследованию, самостоятельному поиску, сотворчество педагога и ученика – это лишь часть того, что мы получили на лекциях, практических занятиях, на раскопках и занятиях археологического кружка В.С. Патрушева...

ва. Я не стала археологом, но первый толчок к исследованию мне дала курсовая работа, написанная под руководством Валерия Степановича. А уверенность в том, что ты сам можешь что-то открыть, объяснить – это первоначально пришло из разведок и раскопок, на которых В. Патрушев был бог и царь. Мне тогда даже казалось, что он похож на Тутанхамона. Сокровища этого египетского правителя открылись нам благодаря инициативе и подвижничеству Валерия Степановича, который на свой страх и риск повёз нас в тогда ещё далекую и не известную для меня Москву смотреть золото фараона...»

Т.Г. Нефедова, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, выпуск 1978 года:

«Начало университетской жизни связывается у меня с именем Валерия Степановича Патрушева. Мне кажется, в сердце каждого студента-историка он оставил свой след, но в жизни нашего курса – особенно: у нас он был куратором. Легендарный «пятый кабинет», раскопки, археологические вечера, экскурсия в Москву на выставку золота из гробницы фараона Тутанхамона – счастливые времена студенчества».

Г.Е. Пейсахович, кандидат педагогических наук, генеральный директор экспериментальной школы-комплекса № 18 г. Йошкар-Олы, выпуск 1979 года:

«Студенческие годы... Конечно, на первом курсе мы все «заболели» археологией. Ещё никто толком ничего не знал и, разумеется, не понимал, но от звучащих из уст старшечкурсников слов «экспедиция», «раскопки», «Ахмыловский могильник», «ямочно-гребенчатая керамика» веяло неизведанным, неясным и, следовательно, романтическим и сладким. Случай не заставил себя долго ждать. Один из ведущих археологов и наших обожаемых преподавателей Валерий Степанович Патрушев, сделав скромное объявление о наборе желающих выехать в район Кокшайска для проведения разведки на участке предполагаемого затопления водами Чебоксарской ГЭС, незаметно удалился, а мы, сражённые новостью, замерли от счастья. Вот оно! Свершилось! Мы настоящие историки, едем в экспедицию... И сколько ещё таких ступенек роста было, каких-то заметных и незаметных, значимых и малозначительных...»

В.Г. Востриков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Марий-

ского научно-исследовательского института, выпуск 1982 года:

«Никогда не забуду нашего «археологического подвала» – уютного хозяйства Валерия Степановича Патрушева. Хоть и не пришлось мне приобщиться к братству археологов, которые уже тогда составляли свою «касту» со своими обычаями, привычками, словечками, но притягательность романтики «рыцарей лопаты и кисточки» была столь велика, что когда на первом курсе надо было выбрать тему курсовой работы, то колебаться не пришлось. Конечно же, это «Искусство Древнего Египта»! Благо и стены патрушевского подвальчика были покрыты изображениями диковинных древнеегипетских богов. И мне до сих пор приятно вспоминать об этом времени... Валерий Степанович читал нам археологию и античную историю, которая дополнялась краткостью, категоричностью и чеканностью латинского языка...»

С.В. Большов, доктор исторических наук, выпуск 1982 года:

«В 1975 году на первом курсе историко-филологического факультета университета Валерий Степанович читал нам курсы археологии СССР и Древнего Востока. Когда он сообщил, что будет работать, как и раньше, археологический кружок, я сразу же записался в него, был даже старостой кружка, самого популярного в университете. Но лучше узнал Валерия Степановича чуть позже, на археологических раскопках Старшего Ахмыловского могильника на живописном берегу Ахмыловского озера в левобережье Волги, напротив Козьмодемьянска...»

Начальную школу археологии в археологическом кружке, который возглавлял В.С. Патрушев, и на раскопках под его руководством прошли многие археологи Республики Марий Эл, ныне хорошо известные не только в нашем регионе, но и в России. Это доктора наук Т.Б. Никитина (она была первой старостой археологического кружка), А.Н. Павлова (помощница Валерия Степановича во многих его исследованиях), кандидаты наук О.В. Данилов, Б.С. Соловьев, Е.Е. Воробьева, С.И. Алексеев, С.А. Кабатов и др. Многие выпускники, прошедшие археологическую школу В.С. Патрушева, не стали археологами, но известны в Республике Марий Эл как хорошие специалисты-историки. В этом большая заслуга Валерия Степановича».

А.Н. Павлова, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и

психологии Марийского технического университета:

«Валерий Степанович Патрушев – замечательный учёный, сумевший через всю жизнь пронести детское любопытство ко всему новому, непознанному, а это является неотъемлемым качеством настоящего исследователя, заставляющим его идти вперёд и совершать настоящие открытия...

...Одним из важнейших смыслов жизни этого настоящего учёного является воспитание новых поколений исследователей. Мне довелось быть студенткой Валерия Степановича и даже писать у него сначала дипломную работу, а затем быть его аспирантом и докторантом. Таким образом, всё мое становление как специалиста проходило при его непосредственном участии. Все студенты Валерия Степановича отмечали его увлечённость преподаваемыми дисциплинами, и эту увлечённость он стремился передать следующему поколению, погружая в мир античного

искусства или археологии. В его рассказах история оживала, обретая плоть и кровь, и даже самые на первый взгляд простые артефакты (фрагменты керамики, например) раскрывали свои интересные тайны. Благодаря его лекциям и семинарам, а также романтике археологических экспедиций многие студенты-историки МарГУ легко определились с выбором профессии. Валерий Степанович – демократичный преподаватель и его никак нельзя отнести к педагогам-менторам или диктаторам. Напротив, ему всегда было свойственно умение общаться с молодыми на равных, учитывать мнение собеседника, даже если это первокурсник, делающий первые шаги в науке, или даже увлечённый археологией школьник. Позволить студенту проявить инициативу и в то же время мягко направить его в нужное русло – одно из важнейших качеств настоящего педагога, в полной мере присущее В.С. Патрушеву...»

ЛИТЕРАТУРА

Патрушев Валерий Степанович / Материалы к библиографии ученых МарГУ. вып. 42 ред. В.В. Изыкин. Йошкар-Ола : МарГУ, 2010. 99 с.

Патрушев В.С. Из опыта использования статистических методов и ЭВМ в научно-исследовательской и учебно-исследовательской работе студентов исторического отделения: метод. указания для студентов и преподавателей. Йошкар-Ола: МарГУ, 1991. 34 с.

Финны-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой / Отв. ред. Патрушев С.В. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. 184 с.

Патрушев В.С. Введение: [вступ. ст. к сборнику] // Методика и методологические предпосылки археологических исследований / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1996. С. 3–5.

Проблемы реконструкции хозяйства по археолого-этнографическим данным: материалы региональной конференции, посвященной 25-летию археологического музея МарГУ. Йошкар-Ола: [б.и.], 2000. 65 с.

Патрушев В.С. Введение: О российской археологической конференции «Древние этнокультурные связи финно-угров» // Древние этнокультурные связи финно-угров: материалы российской археологической конференции, посвященной 30-летию МарГУ и 10-летию Центра археолого-этнографических исследований. / отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. С. 8–14.

Патрушев В.С. Введение. XXXV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция // XXXV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5-8 февраля 2003 г.) Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона: материалы, посвященной 450-летию вхождения марийского края в состав России, / отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2003. С. 10–19.

Информация об авторе:

Патрушев Валерий Степанович, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); valpatr92@gmail.com

REFERENCES

Izykin, V.V. (ed.). 2010. In Patrushev Valerii Stepanovich (Patrushev Valerii Stepanovich). Series: *Materialy k bibliografii uchenykh MarGU (Materials for the Bibliography of Mari State University Scientists)* 42 Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Patrushev, V. S. 1991. *Iz opyta ispol'zovaniia statisticheskikh metodov i EVM v nauchno-issledovatel'skoi i uchebno-issledovatel'skoy rabote studentov istoricheskogo otdeleniia: metod. ukazaniya dlya studentov i prepodavateley (The Experience of Using Statistical Methods and Computers in Scientific Research and Educa-*

tional Research Work of Historical Department Students: Study Guide for Students and Teachers). Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Patrushev, V. S. 1993. (ed.). *Finno-ugry Rossii. Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy (Finno-Ugric Peoples of Russia. Sites with Thread and Speckle Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S. 1996. In Patrushev, V. S. (ed.). *Metodika i metodologicheskie predposylki arkheologicheskikh issledovaniy (Methodology and Methodological Conditions of Archaeological Research)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 3–5 (in Russian).

2000. *Problemy rekonstruktsii khozyaystva po arkheologo-etnograficheskim dannym: materialy regional'noy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu arkheologicheskogo muzeia MarGU (Issues of Economy Reconstruction based on Archaeological and Ethnographic Data: Proceedings of the Regional Conference dedicated to the 25th Anniversary of the Archaeological Museum of Mari State University)*. Yoshkar-Ola (in Russian).

Patrushev, V. S. 2002. In Patrushev, V. S. (ed.). *Drevnie etnokul'turnye svyazi finno-ugrov: materialy rossiyской arkheologicheskoy konferentsii, posvyashchennoy 30-letiyu MarGU i 10-letiyu Tsentra arkheologo-etnograficheskikh issledovaniy (Ancient Ethnic-Cultural Relations of the Finno-Ugric Peoples: Proceedings of the Russian Archaeological Conference dedicated to the 30th Anniversary of Mari State University and the 10th Anniversary of the Center for Archaeological and Ethnographic Research)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 8–14 (in Russian).

Patrushev, V. S. 2003. In Patrushev, V. S. (ed.). *XXXV Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 5-8 fevralya 2003 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (35th Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 5–8, 2003): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 10–19 (in Russian).

About the Author:

Patrushev Valery S. Doctor of Historical Sciences, Professor. Mari State University. Kremlevskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424002, Mari El Republic, Russian Federation; valpatr92@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

УДК 902/930.1

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.278.284>

АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ КРУЖКУ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА – 25 ЛЕТ (ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА)

© 2022 г. С.В. Кузьминых

Первый большой юбилей – 25-летие студенческого археологического кружка Казанского университета отмечался в 1971 г. Создание в 1946 г. археологического кружка стало веянием времени и школой подготовки археологической молодежи к профессиональной деятельности. Студенты (А. Халиков, Т. Хлебникова, Н. Аксенова, Ю. Откупщиков, Б. Константинов, Б. Лебедев, П. Михайлов, В. Макарычев, А. Салимьянова, К. Синицына и др.), получив экспедиционный опыт, навыки подготовки полевых отчетов и научных докладов, стали опорой Н.Ф. Калинина в проведении разведочных работ и надежными помощниками при раскопках Болгарского и Камаевского городищ, Русско-Урматского селища и других памятников В статье на основе личных воспоминаний и протоколов археологического кружка воссоздана летопись подготовки и проведения юбилейной студенческой научной конференции.

Ключевые слова: археологический кружок, Казанский университет, 25 лет, Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков.

ARCHAEOLOGICAL CIRCLE OF KAZAN UNIVERSITY IS 25 YEARS OLD (EYEWITNESS MEMORIES)

S.V. Kuzminykh

The first big Anniversary – the 25th Anniversary of the student archaeological circle of Kazan University was celebrated in 1971. The creation of the archaeological circle in 1946 became a trend of the time and a school for preparing archaeological youth for professional activity. Students (A. Khalikov, T. Khlebnikova, N. Aksenova, Yu. Otkupshchikov, B. Konstantinov, B. Lebedev, P. Mikhailov, V. Makarychev, A. Salimyanova, K. Sinitsyna, etc.), having gained expedition experience, skills in preparing field reports and scientific reports, became the mainstay of N.F. Kalinin's role in conducting exploration work and reliable assistants in the excavations of the Bulgar and Kamaevo fortified settlements, the Russian-Urmat settlement and other sites. In the article, based on personal memories and protocols of the archaeological circle, the chronicle of the preparation and holding of the anniversary student scientific conference is recreated.

Keywords: archaeological circle, Kazan University, 25-year Anniversary, N.F. Kalinin, A.Kh. Khalikov.

Традиция студенческих археологических кружков имеет в Казани давнюю историю. Созданный в КГУ по инициативе Н.Ф. Калинина осенью 1946 г. студенческий археологический кружок связан своими корнями с кружками, существовавшими в послереволюционные и 1920-е годы в университете, Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте и Восточном педагогическом институте. С деятельностью этих кружков и их руководителями (Б.Ф. Адлер, М.Г. Худяков и В.Ф. Смолин) Н.Ф. Калинин был хорошо знаком. Те кружки являлись, по сути, продолжением учебного процесса и не ставили своей целью профессиональную подготовку археологов (Кузьминых, 2004а; 2004б; Руденко, 2014; Кузьминых, Смирнов, 2015). Дальше обработки некоторых коллекций в Губернском (ныне Национальном) и университетском музеях, экскурсий по архе-

ологическим памятникам (Болгар, окрестности Казани) и участия в раскопках и разведках В.Ф. Смолина в Чувашской и Татарской республиках дело не пошло. В 1930-е гг. Н.Ф. Калинин перенес традиции кружковой работы в казанских гимназиях и в университете до и после революции в кружок знатоков Казани при школе № 3 и в кружок археологов при Государственном музее Татарской АССР (Халиков, Валиулина, 2006, с. 3).

С окончанием Великой Отечественной войны перед Н.Ф. Калининым как научным сотрудником академического Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова и преподавателем Казанского государственного университета встала амбициозная задача по развертыванию археологических исследований в ТАССР. Она была определена решениями и рекомендациями Всесоюзного археологического совещания (конец февраля –

начало марта 1945 г.), в работе которого Николай Филиппович принимал участие как делегат от ИЯЛИ КФАН СССР. Вторым пунктом повестки Сопровождающего являлось обсуждение вопросов планирования и организации научных работ археологов СССР на ближайшее пятилетие (Итоги..., 1945). Для археологии Татарстана в качестве приоритетных задач были определены работы по созданию археологической карты республики и изучение Болгарского городища.

В Казани в то время трудились три археолога-профессионала: Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова и О.С. Хованская. В связке с ними в республике работал сотрудник Исторического музея и Института истории материальной культуры АН СССР А.П. Смирнов – исследователь Сувары и Болгара. Этих сил было явно недостаточно для выполнения масштабной задачи по археологическому обследованию территории ТАССР, богатой археологическими памятниками. Требовалось срочное пополнение коллектива казанских археологов молодыми кадрами. Свой доклад на Всесоюзном археологическом совещании 1945 г. Н.Ф. Калинин завершил словами: «Наши кадры мы едва-едва начинаем создавать. Первый год у нас в университете читается общий курс археологии. Слушателей у меня 60 человек, но кто из них будет археологом – это вопрос» (АРАН. Ф. 1909, оп. 1, д. 13, л. 155). Вопрос этот разрешился буквально через 2–3 года, и судьбоносная роль здесь принадлежала археологическому кружку Казанского университета.

Создание в 1946 г. археологического кружка стало и веянием времени, и лучшей школой подготовки археологической молодежи к профессиональной деятельности. Студенты (А. Халиков, Т. Хлебникова, Н. Аксенова, Ю. Откупщиков, Б. Константинов, Б. Лебедев, П. Михайлов, В. Макарычев, А. Салимьянова, К. Синицына и др.), получив экспедиционный опыт, навыки подготовки полевых отчетов и научных докладов, стали опорой Н.Ф. Калинина в проведении разведочных работ и надежными помощниками при раскопках Болгарского, Камаевского городищ, Русско-Урматского селища и других памятников (Халиков, Валиулина, 2006; Мазитова и др., 2006).

Из поколения первых кружковцев в археологии остались А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова и Н.Д. Аксенова. Для большинства их сокурсников, избравших иной профессиональный путь, память о кружке, Н.Ф. Кали-

нине, работе в экспедициях была столь же дорога – кружковцы послевоенного поколения тепло вспоминали о своей археологической молодости на первом большом юбилее кружка в 1971 году. Он был отмечен проведением студенческой археологической научной конференции. Я был непосредственным участником ее подготовки и проведения. Мои заметки – свидетельство очевидца тех памятных событий.

Почему первый юбилей пришелся на 1971 год и не проводился ранее? Главная причина тому – чрезвычайная загруженность А.Х. Халикова на протяжении всех 1950–60-х гг. К затратным по времени юбилеям, требовавшим приложения немалых усилий, Альфред Хасанович в те годы не был готов. Лишь после защиты в 1966 г. докторской диссертации и смены базового вектора научных исследований – от первобытности к Средневековью – ситуация изменилась: пришло время вспомнить об истоках, Учителе – Николае Филипповиче Калинин и своем пути в археологии.

Мне вспоминается, что впервые о проведении конференции, посвященной 25-летию археологического кружка КГУ, А.Х. Халиков заговорил с нами, кружковцами, после Региональной археологической студенческой конференции, проведенной в Казанском университете в 1970 г.¹ Подготовка к юбилейной конференции началась после зимней сессии и новогодних каникул. Все планы и конкретные действия нашли отражение в протоколах заседаний археологического кружка². На первом из них (24.03.1971) А.Х. Халиков сообщил о том, что осенью исполнится 25 лет археологическому кружку Казанского университета и что мы, кружковцы, не можем пройти мимо этого события. Далее он отметил, что при поддержке родного историко-филологического факультета и археологов ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова мы обязаны провести юбилейную конференцию, пригласить на нее бывших кружковцев и представителей вузовских археологических кружков из разных городов СССР.

Альфред Хасанович поставил задачу – до лета подготовить доклады, а также по максимуму собрать фотодокументы, чтобы отразить в них историю кружка. На этом же заседании председателем оргкомитета конференции избрали Елену Александровну Халикову – заведующую кабинетом археологии. Членам кружка было предложено подумать над эскизом юбилейного значка и представить

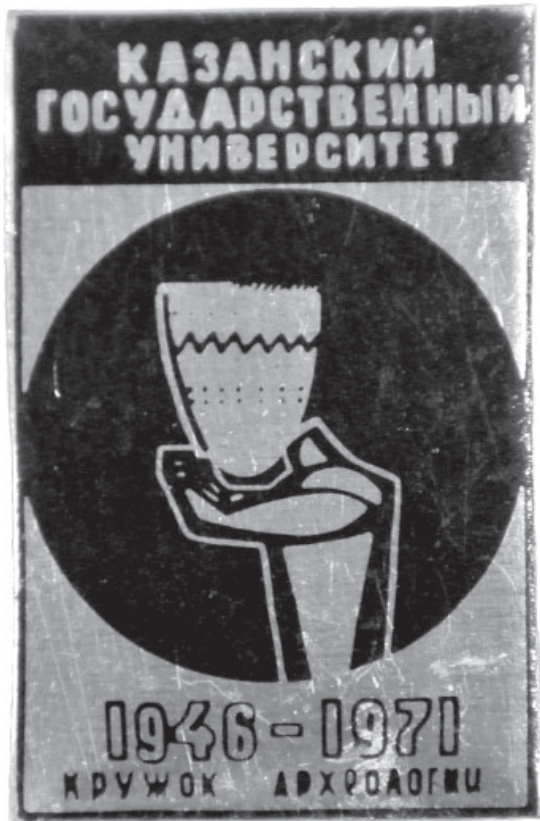

Рис. 1. Значок «Казанский государственный университет. 1946–1971. Кружок археологии». Размеры: 2,5×1,5 см.

Fig. 1. Badge “Kazan State University. 1946–1971. Circle of archeology. Dimensions: 2.5×1.5 cm.

его к 1 апреля. Среди других организационных вопросов – назначение ответственных за приглашения (староста кружка Рафаэль Багаутдинов) и размещение гостей в общежитии КГУ на ул. Красная Позиция (Кузьминых). Мне, кроме того, было поручено подготовить доклад о Н.Ф. Калинин, при этом А.Х. Халиков обещал содействие при работе с биографическими бумагами ученого в рукописном архиве ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова.

На следующем заседании кружка (28.04.1971) в повестке было несколько вопросов, в том числе мое сообщение об участии во Всесоюзной студенческой археологической конференции, проходившей в начале весны в МГУ. На ее пленарном заседании по поручению археологического кружка КГУ я информировал коллег-студентов из разных городов страны о нашей юбилейной конференции и просил делегировать на нее своих представителей. На этом же заседании пришли к согласию о выборе эскизов значков кружка – юбилейного и двух кружковских. Эскизы, выполненные в туши Рафиндом Шарифуллин, оказались вне конкуренции (рис. 1–3)³.

Вновь к делам конференции мы вернулись 3 ноября – заседание целиком посвятили организационным вопросам. На этой встрече окончательно определились с докладами: о Н.Ф. Калинин – мой, об истории кружка – Татьяны Колодешниковой; остальные докладчики – Багаутдинов, Кузьминых (о раскопках могильника Кымси, в которых я и Наташа Тулинова участвовали в августе того года по договоренности А.Х. Халикова и эстонского археолога В.А. Лыугаса), Шарифуллин, Кокорина, Бонк, Лисенкова, Муравьев, Тулинова, Красникова, Гурлихина. Тексты докладов было намечено подготовить к 20 ноября.

Другой важный вопрос касался летописи кружка в фотографиях. Фото и комментарии к ним можно было заполучить только у кружковцев разных поколений. С этой целью наметили к ним «ходовков»: Тулинова – к нашему научному руководителю, Лисенкова – к фотографу Государственного музея ТАССР Олегу Константиновичу Лебедеву, Токмакова – к заместителю директора музея Кларе Романовне Синицыной и Тамаре Александровне Хлебниковой. На этом же заседании Альфред Хасанович познакомился с эскизами значков и дал добро на их изготовление. Деньги для этого он предложил срочным образом заработать и пообещал вернуться к этому вопросу на следующем заседании. Профессор⁴ предложил также включить в программу конференции свой доклад «О перспективе развития археологического кружка КГУ». Требовала ускорения подготовка юбилейного номера стенгазеты – Насырова взялась отобрать нужные заметки. Заблаговременно в деканате нужно было согласовать выбор аудитории для проведения заседаний 10 и 11 декабря, желательно на весь день, и подготовить ее перед началом конференции.

Через неделю, на заседании 10 ноября, Альфред Хасанович сообщил, что договорился в Министерстве культуры ТАССР о возможности кружковцам заработать небольшие деньги. Из разных предоставленных нам в министерстве источников нужно было свести, переписать в единые списки перечни памятников истории и культуры по районам республики. Работа несложная, но объемная, требующая времени, – ее необходимо было распределить по кружковцам. Достаточно оперативно мы списки подготовили⁵ и получили за работу 200 р. – приличную для нас по тем временам сумму. Ее в итоге хватило на оплату тиража металлических значков (рис. 1–3). Вспоминается, что с руководите-

лем одной из лабораторий оптико-механического завода в Дербышках меня свел Петр Николаевич Старостин. Заказ был исполнен оперативно, качественно и на доверии. При первой встрече я передал эскизы и деньги, а при второй – через несколько дней – получил значки. Официальным путем, за небольшие деньги и за столь короткое время их бы нам не видать.

На том же заседании обсуждалось еще несколько вопросов. Для стенгазеты явно не хватало материалов, было решено обратиться к Т.А. Хлебниковой и М.Г. Косменко с просьбой – написать заметки о кружке и кружковцах разных поколений. Кроме того, кто-то подсказал идею – подготовить выставку научных трудов кружковцев. С поклоном снова обратились к А.Х. Халикову (у него оказались и работы сокурсников, далеких от археологии, – Ю.В. Откупщикова, К.Р. Синицыной и др.), Т.А. Хлебниковой, И.С. Вайнеру, В.Е. Стоянову, М.Г. Косменко, сотрудникам Государственного музея ТАССР и ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова и, конечно, под персональную ответственность организаторов выставки. К следующей среде (а именно вечерами по средам проходили заседания кружка) Григорьевой поручили составить список гостей и докладчиков и продумать план праздничного вечера. А.Х. Халиков обратил внимание старосты кружка Рафаэля Багаутдинова на необходимость ускорить рассылку официальных приглашений на конференцию в вузы страны.

Через две недели (25.11.1971) вопрос о подготовке конференции был снова важнейшим пунктом повестки заседания кружка. Обсуждалось состояние дел с бронированием мест для проживания студентов из других городов в университетском общежитии (ответственные – Токмакова и Исхаков), подготовкой стенгазеты – сбором фотографий (Бонк, Тулинова), текстов (Насырова), поисками нужного количества ватманских листов (Е.А. Халикова взяла на себя их приобретение). Общую ответственность за дизайн и художественное оформление стенгазеты взял на себя Рафинд Шарифуллин.

Заседание 8 декабря стало последней репетицией перед юбилейным событием – лаконично прозвучали доклады, включенные в программу конференции. Среди них – мой доклад о Н.Ф. Калинине и сообщение о раскопках могильника эпохи раннего железа и римского времени Кымси в Эстонии, Колодешниковой – об истории кружка, Багаутди-

Рис. 2. Значок «Кружок археологии».

Размеры: 2,0×1,7 см.

Fig. 2. Badge "Circle of archeology".

Dimensions: 2.0×1.7 cm.

нова – о новых памятниках срубной культуры в Икско-Бельском междуречье, Тулиновой – о культурных связях ананьинских племен со скифами и савроматами, Муравьева – об антропоморфных фигурках Волго-Камья, Красниковой – о V Рождественском могильнике имениковской культуры, Шарифуллина – об археологических исследованиях каравансарая в Биляре в 1974 г., Кокориной – о лепной керамике Биляра, Лисенковой – о раскопках в Фанагории, Гурлихиной – о штампованной керамике Золотой Орды.

Открытие юбилейной студенческой научной конференции «25 лет археологическому кружку Казанского университета» состоялось 10 декабря. С приветствиями к участникам конференции обратились декан истфилфака Диляра Гарифовна Тумашева и заведующий кафедрой истории СССР Иван Михайлович Ионенко. Слово для приветствия было предоставлено также первым кружковцам. Своими воспоминаниями о кружке, его деятельности, Н.Ф. Калинине поделились Ю.В. Откупщикова, Б.К. Лебедев, К.Р. Синицына, Т.А. Хлебникова. Их выступления очень тепло были встречены аудиторией.

А.Х. Халиков поблагодарил своих сокурсников за незабываемые студенческие годы, совместные экспедиции и за то, что они откликнулись, приняли приглашение и участвуют в сегодняшнем празднике. В своем

Рис. 3. Значок «Казань. Биляр. Булгар. Археологический кружок КГУ». Размеры: 1,7×1,6 см.
Fig. 3. Badge "Kazan. Bilyar. Bulgar. Archaeological circle of KSU. Dimensions: 1.7×1.6 cm.

докладе «О перспективе развития археологического кружка КГУ» Альфред Хасанович подчеркнул, что студенты – основная сила при проведении полевых работ, а студенты, специализирующиеся по археологии, являются к тому же технически подготовленными кадрами. Через археологический кружок прошло несколько поколений студентов. Все они включались в научное изучение добытого в экспедициях материала: оформляли его для полевых отчетов, выступали с докладами на заседаниях кружка, готовили научные статьи. Кружковцы КГУ поддерживали и поддерживают связи с другими вузами Казани и многих городов страны. Многие студенты работали в экспедициях в других регионах (Нижнее Поволжье, Средняя Азия, Латвия, Эстония и др.). Завершая выступление, Альфред Хасанович пожелал нынешнему и будущим поколениям кружковцев брать пример с первого – послевоенного – поколения, заложившего традиции археологического кружка КГУ.

Следом прозвучало поздравление с юбилеем от университетского комитета ВЛКСМ. Археологическому кружку и персонально его членам Багаутдинову, Кузьминых и Шарифуллину были вручены почетные грамоты КГУ за активное участие в студенческой научной жизни и подготовку юбилейной конференции.

Далее выступил И.С. Вайнер. От лица предшествующих поколений кружковцев Иосиф Семенович поздравил всех присутствующих

в зале с юбилеем. Он отметил, что именно кружок научил студентов думать, развивать свое мышление, многим из них кружок помог стать историками широкого профиля. Следом слово для поздравлений было предоставлено делегатам от археологических университетских кружков: Сергею Агапову (Куйбышев), Рае Сагайдак (Воронеж), Гале Самокрутовой (Пермь), Вале Буяк (Уфа) и др. С поздравлениями выступили также представители других кафедр КГУ, Государственного музея ТААСР (Светлана Васина).

В первый день также состоялись доклады: мой – о Н.Ф. Калининне, Колодешниковой – об истории кружка и Соколова (Йошкар-Ола) – об археологическом изучении Марийского края.

Второй день конференции (11 декабря) был целиком посвящен студенческим докладам. Заседание вел А.Х. Халиков. Помимо студентов КГУ (см. о них выше, заседание 8 декабря), выступили кружковцы из Куйбышева (Агапов, Жигулина), Воронежа (Сагайдак), Чебоксар (Иванов), Уфы (Буяк, Ладыгина), Перми (Самокрутова), Саранска (Шитов), Горького, Волгограда, Саратова, Свердловска и других городов. В обсуждении докладов участвовали как студенты, так и маститые (А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, И.С. Вайнер, В.Е. Стоянов, Е.А. Халикова, П.Н. Старостин, Е.П. Казаков) и молодые ученые (Р.С. Габяшев, М.Г. Косменко). Конечно, особо были отмечены доклады, являвшиеся уже самостоятельными научными исследованиями, а не пересказом отчетной документации или трудов руководителей.

Праздничная атмосфера этих двух дней передалась и факультету, и университету в целом. Возле стенгазеты еще довольно долго толпился народ. Студенты, прошедшие археологическую практику, давали наперед наставления молодняку. Мы, кружковцы 1971 года, что и говорить, были рады, что провели эту памятную конференцию, что нам посчастливилось познакомиться с первым поколением наших предшественников, заложивших традиции студенческого археологического кружка КГУ, а также с нашими сверстниками – студентами волго-уральских вузов. С некоторыми из них (Владислав Евгеньевич Стоянов, Сергей Александрович Агапов) лично для меня та встреча стала началом дружбы длиной в жизнь. И, конечно, мы не в полной мере осознавали, что львиная доля успеха конференции – заслуга нашего наставника и научного руководителя археологическо-

го кружка Альфреда Хасановича Халикова и наших старших коллег – археологов ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Огромная им благодарность и светлая память! И долгих лет жизни Евгению Петровичу Казакову – «последнему из могикан», старейшине студенческого археологического кружка Казанского университета!

Примечания:

¹ Опубликовано фото участников той конференции (Следы веков... 2006, фото на с. 8; Руденко, 2014, верхнее фото на с. 406). Помимо казанцев среди участников РАСК были студенты из Куйбышева, Уфы, Воронежа, Горького и др. городов.

² Выражаю искреннюю признательность А.Р. Нуретдиновой, познакомившей меня с протоколами заседаний археологического кружка КГУ.

³ Все значки из личного архива А.Ф. Кочкиной, члена кружка в 1972–1977 гг., старосты кружка в 1973–1977 гг.

⁴ Какие-то годы после получения этого звания к Альфреду Хасановичу приклеилось среди археологов ИЯЛИ КФАН несколько уничижительное именование «профессор», но у кружковцев оно всегда носило уважительный оттенок.

⁵ Прямо надо сказать, что нашлись и отказники – не буду персонально указывать на больших современных ученых. Аргумент был прост: «Мое дело – не прописи писать, а в читалке классиков конспектировать». Справились в итоге и без отказников.

ЛИТЕРАТУРА

Итоги и перспективы развития советской археологии. (Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания) / Ред. В.П. Потемкин. М.: ИИМК, 1945. 197 с.

Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин (1890–1932). Казань: Казан. ун-т, 2004а. 32 с.

Кузьминых С.В. Казанские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова / Ред. Г.С. Муханов и др. Казань: Школа, 2004б. С. 25–46.

Кузьминых С.В., Смирнов А.С. Археология в Северо-Восточном археологическом институте // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 214–240.

Мазитова Р.К., Синицына К.Р., Тарвердян А.К. Ненаучные воспоминания участников археологической экспедиции // Следы веков: 60-летию археологического кружка посвящается. Казань: Казан. ун-т, 2006. С. 5–6.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Халиков А.Х., Валиулина С.И. История археологического кружка КГУ // Следы веков: 60-летию археологического кружка посвящается. Казань: Казан. ун-т, 2006. С. 3–4.

Информация об авторе:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

REFERENCES

Potemkin, V. P. (ed.). 1945. *Itogi i perspektivy razvitiia sovetskoi arkheologii. Materialy dlia delegatov Vsesoyuznogo arkheologicheskogo soveshchaniia (Results and Prospects for the Development of Soviet Archaeology. Materials for the Delegates of the All-Union Archaeological Conference)*. Moscow: Institute for the History of Material Culture (in Russian).

Kuz'minykh, S. V. 2004a. *Viktor Fedorovich Smolin (1890–1932) (Victor Fedorovich Smolin: 1890-1932)*. Kazan: Kazan University (in Russian).

Kuz'minykh, S. V. 2004b. In Mukhanov, G. S. (ed.) *Kraevedcheskie chteniia, posvyashchennye 135-letiyu Obshchestva estestvoispytateley pri KGU i 110-letiyu M.G. Khudyakova (Local History Readings Dedicated to the 135th Anniversary of the Society of Naturalists at Kazan State University and the 110th Anniversary of M.G. Khudyakov)*. Kazan: "Shkola" Publ., 25–46 (in Russian).

Kuz'minykh, S.V., Smirnov, A.S. 2015. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 1 (11), 214–240.

Mazitova, R. K., Sinitsyna, K.R., Tarverdyan, A.K. 2006. In *Sledy vekov: 60-letiiu arkheologicheskogo kruzhka posvyashchaetsya (Traces of the Centuries: Dedicated to the 60th Anniversary of the Archaeological Circle)*. Kazan: Kazan University, 5–6 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkhelogicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

2006. *Sledy vekov: 60-letiyu arkhelogicheskogo kruzha posvyashchaetsya (Traces of the Centuries: Dedicated to the 60th Anniversary of the Archaeological Circle)*. Kazan: Kazan University (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Valiulina, S. I. 2006. In *Sledy vekov: 60-letiyu arkhelogicheskogo kruzha posvyashchaetsya (Traces of the Centuries: Dedicated to the 60th Anniversary of the Archaeological Circle)*. Kazan: Kazan University, 3–4..

About the Author:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology RAS. Krzhizhanovsky St., 14, bldg. 2, Moscow, 117218, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

УДК 902/930.1

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.285.287>**МОИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ**

© 2022 г. Н.А. Кокорина

Автор вспоминает о своем пути в археологию. Начало его связано с кружком археологов при Государственном музее Татарской АССР и его руководителем Е.А. Халиковой. Дальнейшие шаги вхождения в науку проходили в студенческом археологическом кружке Казанского университета и в коллективе археологов Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. В статье отмечается роль первых экспедиций в выборе профессии, а затем и научной проблематики, рассказывается о деятельности кружка археологов Государственного музея Татарской Республики и студенческого археологического кружка Казанского университета в 1960–1970-е годы. Ключевая роль в деятельности этих кружков принадлежала казанским археологам 1960–1970-х гг. – Е.А. Халиковой и А.Х. Халикову, а также археологам ИЯЛИ КФАН СССР – Т.А. Хлебниковой, П.Н. Старостину, Е.П. Казакову, Р.С. Габышеву и др.

Ключевые слова: археологический кружок, Казанский университет, Государственный музей ТАССР, Е.А. Халикова, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова.

MY ARCHAEOLOGICAL UNIVERSITIES**N.A. Kokorina**

The author recalls his journey into archaeology. Its beginning is connected with the circle of archaeologists at the State Museum of the Tatar ASSR and its head E.A. Khalikova. Further steps of entering science took place in the student archaeological circle of Kazan University and in the team of archaeologists of the Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences. The author notes the role of the first expeditions in choosing a profession, and then scientific issues, tells about the activities of the circle of archaeologists of the State Museum of Tatar Republic and the student archaeological circle of Kazan University in the 1960s and 1970s. The key role in the activities of these circles belonged to Kazan archaeologists of the 1960s and 1970s – E.A. Khalikova and A.Kh. Khalikov, as well as archaeologists of the Institute of Language, Literature and History of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences – T.A. Khlebnikova, P.N. Starostin, E.P. Kazakov, R.S. Gabyashev, etc.

Keywords: archaeological circle, Kazan University, State Museum of the Tatar ASSR, E.A. Khalikova, A.Kh. Khalikov, T.A. Khlebnikova.

Я – счастливый человек. Мне довелось учиться в Казанском университете в 1966–1972 гг. По окончании 11 класса школы № 81, что в Кировском районе Казани, в университет я не поступила. В 1965 г. школу закончили также десятые классы, и конкурс на историко-филологический факультет университета оказался запредельным. Я недобрала два балла, а во второй заход – один. Так что поступила на отделение истории лишь с третьего раза, на вечернее отделение. Работала лаборантом в четыре смены на химзаводе им. Куйбышева, где до пенсии трудились мои родители. Папа – ветеран Великой Отечественной войны – был на ней контужен, тяжело ранен. Я стремилась к самостоятельности, учиться за счет родителей позволить себе не могла.

В эти годы на истфилфаке работали выдающиеся ученые и преподаватели: А.С. Шофман, Г.Н. Вульфсон, В.И. Адо, А.Х. Халиков, Е.А. Бусыгин, Р.Н. Степанов, В.Н. Смирнова, А.П. Уманский и др. Они стали учителями и

образцом историка для выпускников 1970–1980-х гг.

В юности я зачитывалась со школьными подругами Элей Бухараевой, Ландыш Фахрутдиновой, Таней Липатовой, Галей Симаковой рассказами В. Аксёнова и В. Токаревой из журнала «Юность». Привлекала романтика жизни их героев. С 7 класса я стала посещать геологический кружок при геофаке университета. А потом по инициативе моей подруги Эльвиры Бухараевой мы в 1963 г. записались в археологический кружок Государственного музея ТАССР. Историю в школах, в которых мы учились, преподавали скучно, казенно. Занятия скрашивали сказки, мифы, фольклор разных народов мира, а затем исторические произведения Л. Толстого, П. Мельникова-Печерского, Ю. Германа, Н. Рыбака, К. Симона, Л. Фейхтвангера и других писателей.

Без особого энтузиазма, но с надеждой, что в музейном кружке будет интересно, мы пришли к Елене Александровне Халиковой, кото-

рая его вела. Она увлекла нас сначала экскурсиями по экспозиции музея, затем разборкой археологических находок и рассказами о них. Так мы, сплотившись стайкой вокруг нее, выбирались по весне в окрестностях Казани на разрушенные поселения древних насельников Волги и Казанки, чтобы собрать подъемку. При этом Елена Александровна рассказывала нам о каменных орудиях разных эпох на стоянках близ станций Обсерватория и Займище. Она учила правильно упаковывать находки, указывая, что очень важно снабжать их этикеткой с информацией о предметах: где, как, кто и когда нашел их. Этикетка, по ее словам, – адрес предмета из прошлого в настоящее, т. е. в науку; без паспорта эта вещь для науки пропадет. Место этикетки в пакете – в первом завернутом уголке. Эти навыки и привычка к аккуратности в обращении с археологическим материалом пригодились нам в дальнейшей жизни.

На занятиях в музее мы готовили свои первые сообщения и «доклады» о болгарских городах, вдохновленные отчетными докладами А.П. Смирнова о текущих работах на Болгарском городище, выступлениями выдающегося ученого-антрополога М.М. Герасимова. С Е.А. Халиковой мы совершали поездки с археологическими предметами в подшефный детский туберкулезный санаторий в Обсерватории, однажды в воинскую часть. Наш кружок поддерживали другие сотрудники дореволюционного отдела музея (С.И. Хасанова), а также директор ГМТР В.И. Дьяконов. Мы подготовили на исторические темы КВН, «огонек» на Новый год. Старые кружковцы Г. Бакулин, В. Офицеров, В. Брендуков и др. особенно отличились в шарадах и викторине по истории края, вопросам фантастики и космической теме и получили даже призы. Новогодние праздники проходили в помещении планетария (Петропавловский собор).

Особенно запомнилась поездка с «настоящими» археологами на раскопки жилища на стоянке эпохи бронзы Займище. В первых числах мая 1963 г. собрались у здания Казанского филиала Академии наук СССР в сквере Лобачевского. В эту поездку мы с охотного разрешения Е.А. Халиковой сагитировали своими восторженными рассказами о кружке археологов ГМТР всех друзей из своего окружения – человек 15. С энтузиазмом загрузились в уазик всей оравой. Среди них – археологи А.Х. и Е.А. Халиковы, П.Н. Старостин, Г.Р. Ишмуратова, Р.С. Габяшев. Мы не понимали еще тогда, как собраться на раскопки

по-полевому. День был ясный, но по вскрывшейся Волге гулял холодный ветер. Наше недоумение – почему археологи обрядились в ватники, брезентовые плащи, сапоги – сразу развеялось, как только мы оказались с лопатами на песчаной косе на берегу Волги. И тут ватники оказались лучшей одеждой, их заботливо приготовили для нас П.Н. Старостин и Р.С. Габяшев.

Лопаты быстро продвигались внутрь котлована древнего жилища, но не так быстро, как жаждали кружковцы. «Сопли – на плечо! Бери больше – кидай дальше! – и это романтика!», – ехидничали наши новобранцы. Но работой по расчистке жилища до материка все остались довольны. Каждую находку керамики, кремневых орудий и даже осколков долго разглядывали и торжественно передавали Г.Р. Ишмуратовой для фиксации и пакетирования. Подкрепившись, уже к вечеру с новыми впечатлениями и ландышами в подарок вернулись в Казань.

Следующей, летом 1964 г., была настоящая археологическая экспедиция – раскопки раннеболгарского Танкеевского могильника. Наши кружковцы – восемь школьников, окончивших 9 и 10 классы, участвовали в них наряду со студентами-практикантами истфилфака КГУ. Я и Эля Бухараева работали как на площадке по упаковке находок, так и непосредственно в раскопе. Мне доверили под наблюдением Е.П. Казакова расчищать женское захоронение с венчиком из серебряных ромбических накладок и мужское – с остатками коня и серебряной маской. Эти раннеболгарские погребения из Танкеевки до сих пор стоят перед моими глазами. Впечатления были столь же велики от экспедиции в целом, знакомства со студентами, полевой жизни, дежурств и готовки еды на костре, взаимопомощи и дружбы.

Студенты-практиканты 1964 г. были с большим жизненным опытом, многие после армии, кто-то имел даже опыт преподавания и работы в других сферах. Среди них оказались и будущие преподаватели истфилфака В.И. Царев, М.И. Гершафт и др. Ребята часто дискутировали на научные темы, например, что такое суфизм как философия и явление мысли. Мы, школьники, слушали их в оба уха. Подобных диспутов я не припомню, даже когда стала студенткой, а потом археологом, тем более – среди первокурсников. Блистательная была группа. Тогда же пришло понимание, что преподавание – не моя стезя. Мне целенаправленно хотелось работать в

музее. С этим стремлением я и поступала в университет, осуществив в дальнейшем свою мечту.

В студенческом археологическом кружке истфилфака я оказалась после практики первого курса 1967 года. Это был стартовый год начала многолетних работ Билярской археологической экспедиции во главе с А.Х. Халиковым. Под моим началом тем летом была камеральная площадка. На первом курсе я занималась историей изучения Биляра и памятников в его окрестностях. На одном из заседаний кружка сделала доклад о письменных источниках по Биляру. На обсуждении присутствовали А.Х. и Е.А. Халиковы, Т.А. Хлебникова, П.Н. Старостин и др., сделавшие весьма ценные замечания и давшие рекомендации по литературе темы. Тогда же определились и мои научные интересы – я начала заниматься керамикой Биляра.

Очень обогатила меня знаниями по материальной культуре Волжской Булгарии, а также других эпох и культур работа лаборантом в отделе археологии и этнографии Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР рядом с А.Х. Халиковым, Т.А. Хлебниковой, П.Н. Старости-

ным, Е.П. Казаковым, Р.Г. Фахрутдиновым, Р.С. Габяшевым. Они и А.М. Ефимова, долгие годы работавшая в ГМТР, составили мой научный круг общения в студенческие годы. Выступления на кружке, УПАСКе 1970 г., на студенческих и Билярской конференциях были связаны с керамикой и исследованием гончарного района Биляра.

В 1968 г. при рекогносцировочном обследовании всей площади Билярского городища разведочным отрядом под руководством Р.Г. Фахрутдинова были выявлены остатки более 30 фундаментальных кирпичных построек, а также огромный по площади гончарный район на юго-западе городища. В течение десяти полевых сезонов мне удалось поработать на разных раскопах городища, но в основном на XX, в гончарной слободе Биляра. Очень многое дала полевая практика 1969 г. под руководством Т.А. Хлебниковой на Болгарском, Джукетауском городищах и Донауровском селище.

Старшие коллеги, о которых я выше упоминала, стали не только моими Учителями в науке, но и надежной опорой в жизни. Я благодарна судьбе, что мне посчастливилось с ними работать и жить.

Информация об авторе:

Кокорина Нина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

About the Author:

Kokorina Nina A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology RAS. Krzhizhanovsky St., 14, bldg. 2, Moscow, 117218, Russian Federation;; kuzminykhsv@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК – ВРЕМЯ УДИВЛЯТЬСЯ

© 2022 г. Г.Н. Белорыбкин

В статье рассматривается история археологического кружка Казанского государственного университета в 1980-е годы. События в археологическом кружке излагаются через личное восприятие автора и показывают атмосферу, которая была характерна для студенческой среды как в стенах университета, так и на полевых археологических работах. Судьбы многих современных археологов России, так или иначе связаны с казанским археологическим кружком, где формировалась научная школа и определялось научное направление будущих исследований. Традиции, существовавшие в кружке, оказывали огромное влияние на его членов и потом тиражировались там, где начинали работать выпускники университета.

Ключевые слова: археологический кружок Казанского государственного университета, А.Х. Халиков.

ARCHAEOLOGICAL CIRCLE – TIME TO BE SURPRISED

G.N. Belorybkin

The history of the archaeological circle of Kazan State University in the 1980s is considered in the article. The events in the archaeological circle are described through the personal perception of the author and show the atmosphere that was characteristic of the student environment both within the walls of the university and in the field of archaeological work. The fates of many modern Russian archaeologists are somehow connected with the Kazan archaeological circle, where a scientific school was formed and the scientific direction of future research was determined. The traditions that existed in the circle had a huge impact on its members and then replicated where university graduates began to work.

Keywords: archaeological circle of Kazan State University, A.Kh. Khalikov.

О том, что в Казанском университете существует кружок, я узнал еще в школе. К нам пришел Мурат Кавеев и пригласил в школьный археологический кружок. Именно там он рассказал о том, что каждый год ребята выезжают в археологические экспедиции и те, кто будет упорно заниматься наукой и поедет на раскопки, смогут попасть в археологический кружок университета.

Особенно запомнился первый выход на археологический памятник «Казанка» (как потом выяснилось, он относился к приказанской культуре бронзового века), где мы обнаружили фрагменты лепной глиняной посуды. Для меня это особенно было удивительно, потому что мыс, на котором располагалось поселение, находился недалеко от моего дома, и я тысячу раз бегал по нему и не обращал внимания. После этой экскурсии древности стали попадаться мне на каждом шагу и мой дом стал постепенно превращаться в склад разбитых и сломанных вещей.

Летом после 8 класса я поехал в экспедицию на раскопки Билярского городища. Там нас поселили вместе со студентами и сотрудниками ИЯЛИ КФАН СССР в деревянном доме на археологической базе. Здесь я уже

лично познакомился с членами университетского археологического кружка и впервые встретился с профессором А.Х. Халиковым, с директором археологического музея университета С.И. Валиулиной и многими другими археологами, с которыми дружу до сих пор. Сказать, что впечатления об этих раскопках были яркими – это все равно, что промолчать. Тут тебе и общение с неординарными людьми, и грандиозные раскопки, и ловля раков в реке, и самое главное – тяжелейший изматывающий физический труд. Короче говоря, после возвращения из Билярска я понял, что никогда в жизни не буду заниматься археологией. Впрочем, после того как прошел первый шок, меня с еще большей силой потянуло в археологию, и я начал много читать об археологах, экспедициях и археологических памятниках. С особым интересом я изучал археологию скифов.

Вот, собственно, с этим я и поступил в Казанский университет и, конечно, сразу же пошел в археологический кружок. Здесь моим наставником, а затем и другом на всю жизнь стал Искандер Измайлов. Когда я рассказал ему о своем интересе к скифам, он предложил мне выступить с докладом на заседании круж-

Рис. 1. Археологическая экспедиция в Билярске.
Fig. 1. Archaeological expedition in Bilyarsk.

Рис. 2. После работы.
Fig. 2. After work.

Рис. 3. Археологическая экспедиция у с. Армиёво.
Fig. 3. Archaeological expedition near the village of Armievo.

ка. Правда, не сказал, что надо сделать выступление на несколько минут. А мне очень хотелось рассказать всему миру о своих познаниях, и я написал доклад на 80 страницах. После 20-й минуты моего выступления Искандер стал подавать мне знаки, чтобы я заканчивал, но я только начал и лишь через полчаса, когда А.Х. Халиков сказал, что достаточно и остальное желающие могут прочитать сами, мне пришлось завершить свое выступление на полпути.

Ну и как результат этого усердия, меня выбрали председателем кружка. И я всем новичкам объяснял, что больше 5 страниц в докладе быть не должно. Не скажу, что все, кто приходил в кружок, стали археологами, но все, кто стал археологом, проходили через кружок. Это была действительно серьезная школа, где мы могли свободно общаться между собой, с преподавателями университета, с сотрудниками Академии наук. Члены кружка становились помощниками руководителей экспедиций, а затем сами получали «Открытые листы» и начинали вести самостоятельные работы.

Так было и со мной. А.Х. Халиков как-то вызвал меня и предложил перейти от скифов к буртасам. Тем более что планировалась экспедиция на Армиевский курганно-грунтовой могильник, оставленный буртасами, и необходимо было кому-то заняться этой темой (Халиков, Белорыбкин, 1985). Вот так неожиданно я начал заниматься изучением истории буртас и посвятил им всю последующую жизнь.

За долгие годы существования кружка в нем сложились традиции, которые потом передавались его членами в новые кружки, будь это школа или вуз. Так, перейдя на работу в Пензенский педагогический институт, я сразу же организовал археологический кружок, где продолжились все казанские традиции – выезды на УПАСКи, издание стенгазеты, конференции по итогам полевого сезона, прямое общение студентов и преподавателей, выступления с докладами. И сегодня все археологи Пензенского края так же традиционно прошли свое становление в рамках археологического кружка. Но это уже совсем другая история.

ЛИТЕРАТУРА

Халиков А.Х., Белорыбкин Г.Н. Раскопки Армиёвского могильника // Археологические открытия 1983 года. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 138.

Информация об авторе:

Белорыбкин Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ректор, Институт регионального развития Пензенской области (г. Пенза, Россия); belorybkingn@gmail.com

REFERENCES

Khalikov, A. Kh., Belorybkin, G. N. 1985 In Munchaev, R. M. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda (Archaeological Discoveries of 1978)*. Moscow: "Nauka" Publ., 138 (in Russian).

About the Author:

Belorybkin Gennady N. Doctor of Historical Sciences, Professor. Institute for Regional Development of the Penza Region. Popova St., 40, Penza, 440049, Russian Federation; belorybkingn@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

Рецензии

УДК 902/903 903.02

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.292.296>**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
БЕРЕЗИНА Н. С. КАМЕННЫЙ ВЕК ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ //
АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ. КАЗАНЬ. 2021. № 1. 261 С.****© 2022 г. В.В. Никитин, А.А. Выборнов**

В рецензии проведен анализ монографии Н.С.Березиной, посвященной одному из наименее изученных, до работ автора, региону. Ей удалось представить массив новых памятников, содержащих значительный объем жилищных построек, каменного и керамического инвентаря. Материалы охватывают комплексы верхнего палеолита-энеолита, что создает системную картину развития древнего населения. Представлены результаты естественно-научных методов, увеличившие всестороннюю характеристику археологических объектов. Автор приводит важнейшие данные об источниках различного каменного сырья, что очень важно для изучения кремневых индустрий разных периодов. По каждому хронологическому комплексу Н.С.Березина дает корректную культурную интерпретацию, которая не вызывает особых дискуссий. Автор излагает свое видение различных аспектов, которое всесторонне аргументирует.

Ключевые слова: археология, Чувашское Поволжье, палеолит, мезолит, неолит, периодизация, хронология.

**REVIEW OF MONOGRAPH:BEREZINA N.S., STONE AGE OF THE
CHUVASH VOLGA REGION//ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN
STEPPE. KAZAN. 2021. PUBL. NO. 1. 261 P.****V.V. Nikitin, A.A. Vybornov**

This review analyzes N.S. Berezina's monograph devoted to one of the least studied region prior to the publication of her work. She managed to present voluminous data from new archeological sites containing a significant amount of residential buildings, stone and ceramic inventory. The materials cover the upper Paleolithic-Eneolithic complexes, and create a systematic picture of the ancient population development. The results of natural science methods that have improved the comprehensive understanding of archaeological objects are presented. The author provides the most important data on the sources of various stone raw materials, which is very important for studying the flint industries of different periods. N.S. Berezina gives a strong and persuasive cultural and chronological interpretation for each chronological complex. The author presents her interpretation of various aspects, which she comprehensively argues.

Keywords: archaeology, Chuvash Volga Region Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, periodization, chronology.

Монография посвящена исследованию Чувашского Поволжья. Рассматриваемая территория в контексте каменного века была изучена, по сравнению с сопредельными регионами, очень слабо. Целенаправленные изыскания под руководством Н.С. Березиной, проведенные в период с 1990 по 2010 годы, коренным образом изменили ситуацию. В монографии в научный оборот вводятся новые материалы более 50 памятников от финального палеолита до энеолита. Большая часть этих памятников была исследована широкими площадями, что позволило изучить жилищные сооружения. Результаты исследований в полной мере отражены в 217 рисунках, картах и схемах, выполненных на высоко-

качественном уровне. Автором приведено исчерпывающее описание комплексов и предложена схема историко-культурного развития населения данного региона.

Название монографии емкое и в полной мере отражает ее содержание. Это глубокое научное исследование базируется не только на внушительной источниковой базе, но и на результатах применения методов и подходов смежных естественно-научных дисциплин.

Во введении рассматриваются хронологические рамки исследований, указываются источники и основные методические подходы к характеристике культурных остатков сложных многослойных памятников и коллекций сборов на разрушающихся объектах архео-

логии. За основную культурно-хронологическую единицу анализа автором принимается отдельный комплекс, полученный на определенном памятнике, который был оставлен одной культурной группой. Вполне оправдан и метод представления источников по принципу хронологического развития. Это облегчает восприятие материала.

Что касается палеогеографического фона каменного века данного региона, то Н.С. Березина справедливо указывает на недостаточность палинологических данных для всех периодов. Ситуация, на наш взгляд, вполне решается с привлечением результатов спорово-пыльцевых анализов для памятников мезолита – неолита Марийского Поволжья, природно-климатические условия которого достаточно сходны с условиями северной части Чувашии. Что же касается Алатырьского Посурья, то создание палеогеографических реконструкций для него является задачей будущих исследований, поскольку в разные периоды неолита и энеолита данная территория была зоной притяжения как лесостепных, так и лесных культур, что, возможно, было связано с изменениями природного ландшафта.

Особая роль в монографии отводится характеристике сырьевых источников. Это ценно для понимания своеобразия каменных индустрий разновременных памятников в различных районах не только Чувашского, но и Марийского Поволжья.

Третья глава посвящена результатам исследования финального палеолита и мезолита, основной среди которых является исследованная раскопками стоянка Шолма I. В Волго-Камском районе это единственный памятник древнекаменного периода, исследованный комплексно археологами, геологами, палеозоологами и др. Эти комплексные исследования позволяют определить стратиграфическую позицию стоянки Шолма I в системе финальнопалеолитических культурных образований на востоке Русской равнины. Каменные изделия типологически разнообразны, они большей частью свидетельствуют о вкладышевой технике орудийного набора. Чрезвычайно важным является обнаружение геометрических микролитов. Кроме них, на стоянке традиционно использовались подходящие (по конфигурации) кремневые пластины, отщепы и сколы без вторичной обработки, что было обусловлено и достаточно низким качеством местного сырья. Видимо, и обилие крупных животных (в основном лошади) способство-

вало производству составных или вкладышевых орудий. К сожалению, в районе Марийско-Чувашского Поволжья источниковая база недостаточна для построения каких-либо схем процесса мезолитизации региона. Сопоставление материальной культуры памятников типа Шолма I с мезолитическими представляется, в силу источниковой основы, несколько преждевременным, а большой хронологический разрыв в несколько тысяч лет (по радиоуглеродному датированию) не предполагает культурной связи.

Обзор материальной культуры мезолитических памятников Чувашии позволяет выделить две территориальные группы – левобережную (мукшумскую) и правобережную (сурскую). Если материалы левобережных мезолитических памятников весьма близки русско-луговской культуре позднего мезолита, что справедливо отмечает автор монографии, то сурская группа (малочисленная) не дает серии устойчивых типов каменного инвентаря, позволяющих с достоверностью идентифицировать их с таковыми левобережья Волги. Видимо, и Яндашевская стоянка не совсем адекватно отражает процесс единства культуруопределяющих моментов правобережных мезолитических образований.

Культурную принадлежность сурских памятников, по причине малочисленности артефактов, сложно связывать с любой культурой сопредельных регионов, хотя коллекция Яндашевской стоянки может (со временем) рассматриваться как сурско-цивильское связующее звено между левобережными средневожскими и сурско-мокшанскими мезолитическими стоянками. Это станет возможным лишь при продолжении полевых работ как в Цивильском, так и в Сурском бассейнах. Но уже сейчас допустимо констатировать определенную культурную мозаичность памятников. Кроме выделенного мезолитического комплекса на стоянке Утюж I, вполне вероятно наличие еще одной серии артефактов этого периода. Они представлены пластинчатым наконечником иволистной формы, острями, резцами, вкладышами с особой ретушью, изготовленными из темного прозрачного кремня. Такие технико-типологические показатели не характерны как для неолита, так и для хвальинской культуры. В то же время они в определенной мере (включая тип сырья) присущи комплексу стоянки Молебное Озеро II в этом же микрорайоне. Кроме того, аналогичное сырье и сходный орудийный набор представлен на мезолитической стоянке

Ховрино в Ульяновском Поволжье (Вискалин и др., 2000). Н.С. Березина отмечает, что источники такого сырья в Среднем Посурье неизвестны. Все это открывает определенные перспективы для создания более дробной периодизации, культурной стратификации и вектора появления мезолита на рассматриваемой территории.

Следующие главы посвящены характеристике неолитического времени. Первое неолитическое культурное образование в Чувашском Поволжье автор относит к елшанскому типу и выводит его происхождение с юго-запада, указывая на сходство признаков материальной культуры и хронологии с материалами лесостепного Поволжья. Подтверждается и намеченный возможный путь неолитизации лесного левобережья Волги по Сурскому бассейну. В то же время Н.С. Березина отмечает его отличительные черты как в технологии, так и в типологии. Примечательно, что каменный инвентарь представлен темным прозрачным кремнем, аналогичным одной из мезолитических групп, но с преобладанием отщепово-пластинчатой техники. Это дает основание предполагать, что наиболее поздние мезолитические комплексы еще ждут своего открытия.

В главе 5 рассматриваются материалы носителей посуды с накольчатый орнаментом. В правобережных районах памятники с подобной посудой единичны. Накольчатая керамика выделена из смешанных комплексов и хронологическая позиция их неоднозначная, т. к. они в левобережье Волги и на Вятке по технико-типологическим показателям сосуществуют с посудой «елшанского» типа. Более определенно в культурно-хронологическом плане выглядят волжские левобережные памятники, несмотря на то, что коллекции были собраны в размывах, речь идет о посуде с характерными особенностями Дубовско-Мукшумского куста памятников. Полученные абсолютные даты сходны с общепринятой культурно-исторической схемой развития орнамента в накольчатой традиции, хотя не стоит пока абсолютизировать имеющуюся хронологическую шкалу. Есть еще ряд дискуссионных проблем, которые без изучения однослойных или стратифицированных памятников практически невозможно решить.

В то же время Н.С. Березина обоснованно указывает на определенные различия комплексов с накольчатой орнаментацией даже в Среднем Посурье. Ситуация в чем-то напоминает мезолитическую, когда на данную террито-

рию проникают различные группы населения, как южные, так и восточные. На южные связи могут указывать и находки «утюжков». Кроме того, особенностью региона можно считать и наличие округлодонной посуды. Это еще раз сигнализирует как о неодновременности, так и о разных направлениях миграции носителей посуды с таким типом орнамента. Очень непрост вопрос о культурной принадлежности наконечников, напоминающих кельтеминарский тип. Изыскания на сопредельных территориях свидетельствуют в пользу их относительно позднего возраста.

Глава 6 посвящена неолитическим памятникам с керамикой гребенчатого орнамента, выполненной в традиции камской культуры. Более конкретно можно определить культурно-хронологическую позицию этих комплексов левобережья Волги (Мукшумские стоянки), вероятней всего, входящих в историко-культурную общность носителей этой гончарной традиции. Автор приводит убедительные аналогии, выявленные на сопредельных территориях. Истоки появления гребенчатой керамики на Средней Волге пока точно не установлены. Права Н.С. Березина, относящая эти комплексы к развитому этапу камской культуры. Что касается отнесения комплексов к раннему этапу, то для этого требуется дополнительное исследование. В то же время находки сосудов камского типа с оформлением венчика в форме воротничка свидетельствуют о контактах с носителями самарской культуры лесостепного Поволжья.

Памятники с ямочно-гребенчатым орнаментом на посуде рассмотрены в следующей главе. Для керамики этого типа, как и для посуды Марийского левобережья, более точным определением, отражающим стиль и технику орнамента, будет определение «керамика с гребенчато-ямочным орнаментом», поскольку на ней значительно преобладает гребенчатый штамп, а ямка служит для выделения орнаментальных зон. На правобережных памятниках неолита основной материал, характеризующий культуру, получен на стоянках Алатырского микрорайона. Вполне резонно исследователь относит его к культуре с традициями волго-окского неолита. По основным технико-типологическим признакам гребенчато-ямочные комплексы Среднего Посурья близки посуде льяловской культуры. В то же время они отличаются от классических льяловских по отдельным элементам орнамента, составу формовочной массы, особенностью форм, а главное, удаленно-

стью от основного ядра носителей льяловской гончарной традиции. Строго говоря, мы не имеем пока четких характеристик посуды, каменного инвентаря, построек и других показателей жизнеобеспечения. Исходя из этого, «ляловский комплекс» Алатырских памятников с гребенчато-ямочным орнаментом вполне можно сопоставлять с ранними коллекциями льяловской культуры, в то же время ряд признаков сближает их с посудой балахнинской культуры.

Складывается впечатление, что могло быть несколько путей проникновения носителей гребенчато-ямочной керамики на данную территорию: западный по р. Алатырь и северный по р. Суре от ее устья. Здесь следует отметить, что в данном микрорайоне представлено достаточно большое количество памятников, но долговременные среди них единичны. Это позволяет предпринять попытку их дифференциации на предмет как периодизации, так и сезонности. Более определенно выделяется культурная принадлежность мукшумской группы стоянок, которая по многим элементам культуры аналогична памятникам дубовско-отарской группы Марийского левобережья. Их связывает не только общая территория, но и культурное единство, что справедливо отметила Н.С. Березина. Здесь только следует проявлять определенную осторожность при характеристике каменной индустрии, так как на некоторых памятниках (например, Мукшумская V, XVII стоянки) нельзя исключать наличие некоторой мезолитической примеси.

Восьмая глава посвящена памятникам эпохи энеолита. Автор характеризует самый северо-западный памятник хвалынской культуры, представленный жилищным сооружением и соответствующим инвентарем. Н.С. Березина, опираясь и на своеобразное каменное сырье, резонно приходит к выводу

о миграционном характере этого населения. Большую информацию несет прослеженный в раскопе факт того, что это жилище было прорезано сооружением с ямочно-гребенчатой керамикой, что свидетельствует о достаточно сложных культурных процессах, происходивших в Среднем Посурье. Находки второго энеолитического комплекса из разрушенного жилища исследователь убедительно связывает с населением красномостовского типа. Здесь уместно лишь отметить, что на таких памятниках пока не обнаружены следы металлообработки, что позволяет относить их к переходному периоду от неолита к энеолиту. Нельзя исключать, что в их формировании приняли участие и носители посуды токского типа, стоянки которого Н.С. Березина исследовала на левобережье. Здесь исследователь скрупулезно подходит к анализу южных компонентов в энеолитических материалах Чувашского Поволжья. Стоянки с материалами волосовского типа автор книги четко разделяет на несколько этапов развития. Следует признать, что для этого есть все основания. Особый интерес вызывает уникальное для данного региона святилище, исследованное автором.

Подводя итог, можно констатировать, что выход в свет монографии Н.С. Березиной является научным событием не только для Чувашского Поволжья, но и для Волго-Камья в целом. Без размещенных в книге материалов и выводов автора довольно сложно представить дальнейшее развитие в изучении каменного века не только Чувашского Поволжья, но и весьма удаленных областей. В книге не только сделаны аргументированные выводы, но и поставлены вопросы на перспективу изучения. Авторам рецензии посчастливилось стать первыми, кто приступил в предлагаемой рецензии к обсуждению дискуссионных аспектов.

ЛИТЕРАТУРА

Вискалин А.В., Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Мезолитический комплекс Ховринского поселения на реке Барыш // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып.2 / Отв. ред. В.В.Гришаков. Саранск: МГПИ, 2000. С. 12–22.

Информация об авторах:

Никитин Валерий Валентинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (г.Йошкар-Ола, Россия); marnii@mari-el.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, (г.Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

REFERENCES

Viskalin, A. V., Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V. 2000. In Grishakov, V. V. (ed.). *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Oka – Sura Interfluvies Area)* 2. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 12–22 (in Russian).

About the Authors:

Nikitin Valeriy V., Doctor of Historical Sciences, Leading research scientist, Mari Research Institute of Language, Literature, and History named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeiskaya, Str., 44, Yoshkar-Ola 424036, Russian Federation; marnii@mari-el.ru

Vybornov Alexander A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky, Str, 65/67, Samara, 442099, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.

Статья принята к публикации 01.02.2022 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК – Археологическая карта
АКУ – Археологические коллекции университета (Археологический музей Казанского федерального университета).
АН РТ (АНТ) – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АС – Археологический съезд
АЭ КФАН СССР – Археологическая экспедиция КФАН СССР
АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа
БашГИ – Радиоуглеродная лаборатория Института геологии башкирского филиала Академии наук СССР Уфа
БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
БФ АН СССР – Башкирский филиал Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ВИ – Вопросы истории
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей.
ВООПИК – Всесоюзное общество охраны памятников истории культуры
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМТР – Государственный музей Татарской республики
ДонНУ – Донецкий национальный университет
до н.э. – до новой эры
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАК – Известия археологической комиссии
ИВГ – Исследования Великого города
ИГАИМК – Известия Государственной Академии материальной культуры, Ленинград
ИГАН – Радиометрическая лаборатория Института географии АН СССР. Москва
ИИ АНТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИПС – Исходное пластичное сырье
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КАЭЭ – Камской археолого-этнографической экспедиции
КГВ – Казанские Губернские ведомости
КГПИ – Казанский государственный педагогический институт
КГУ – Казанский государственный университет
КИО – Культурно-историческая область
ККМ Касимовский краеведческий музей.
КМВ – Казанский музейный вестник
КНЦ РАН – Казанский научный центр Российской академии наук
КРС – Крупный рогатый скот
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
МАР – Материалы по археологии России
МАР ИААН РТ – Музей археологии института археологии Академии наук Республики Татарстан.
МарГУ – Марийский государственный университет
МАРНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл
МАЭ – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
МРС – Мелкий рогатый скот

- МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИЦАИ - Международный Институт Центральноазиатских исследований, Самарканд
МХЭ – Материалы Хорезмской Экспедиции, Москва
НИР – Научно-исследовательская работа
НОА ИА РАН – Научно – отраслевой архив Института археологии Российской академии наук
НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории Академии наук Республики Татарстан
ОЛ – открытый лист
ОПИ – Отдел полевых исследований
ПБВ – Поздний бронзовый век
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПСРЛ – полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РЖВ – Ранний железный век
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РИКО – Рязанское историко-культурное общество
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
ТА – Татарская археология. Казань.
ТАЭ – Татарская археологическая экспедиция
ТД – Тезисы докладов
ТСЭ – Татарская Советская Энциклопедия
ТТашГУ – Труды Ташкентского государственного университета, Ташкент
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Москва
ТЭ – Татарская Энциклопедия
УЗКУ - Ученые записки Казанского университета
ФМ – Формовочные массы
ЦМТР – Центральный музей Татарской республики
ЧАЭ – Чувашская археологическая экспедиция
AMS – Accelerator mass spectrometry
BP – Before present
calBC – Calendar years before the present
Hela - Лаборатория хронологии Финского музея естественной истории (Хельсинки, Финляндия) и лаборатория Уппсальского университета (Уппсала, Швеция)
Ki – Радиоуглеродная лаборатория Института геохимии окружающей среды Национальной академии наук Украины (Киев)
MarSU – Mari State University
SPb – лаборатория изотопных исследований факультета географии РГПУ (Санкт-Петербург)

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата подписи в печать 25.02.2022

Дата выхода в свет 28.02.2022 г.

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,88

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

